КНИГА В РОССИИ

1881-1895

КНИГА В РОССИИ 1881-1895

Российская национальная библиотека

КНИГА В РОССИИ, 1881—1895

Под общей редакцией
кандидата исторических наук И. И. Фроловой

Санкт-Петербург
1997

ББК 76.11
УДК 002
К53

Редактор Н. Р. Бочкарева

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета РНБ

Изд. лицензия 020246 от 17.10.91. Подписано к печати 16.09.96.
Формат 60×88/16. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0.
Уч. изд. л. 26,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 17

Издательство Российской национальной библиотеки, ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

Полиграфическое предприятие № 3
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55

ISBN 5-7196-0972-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора

Настоящая работа представляет собой вторую серию многотомного исследования по истории российского книжного дела второй половины XIX — начала XX в., предпринятого Российской национальной библиотекой, и является прямым продолжением первой серии (Книга в России, 1861—1881. М.: Книга, 1988—1991. Т. 1—3). Здесь рассматривается тот же круг вопросов: цензурное законодательство, развитие полиграфической промышленности, крупные частные издательства Петербурга и Москвы, издательская деятельность Академии наук, университетов, научных обществ, издание «книг для народа», книжная торговля в столицах, книжное дело в провинции [1], взаимоотношения авторов и издателей, читательская аудитория, издательская деятельность революционных организаций. Отсутствует глава об оформлении книги. Основные особенности книжного оформления 1880-х — первой половины 1890-х гг. рассмотрены в первой серии нашего исследования (т. 3, гл. 5), так как новый этап в развитии искусства книги начинает формироваться с середины 1890-х гг.

Источниковая база работы — та же, что и в первой серии монографии. Это, прежде всего, сами книги, вышедшие в свет в 1880-х — первой половине 1890-х гг., сведения о которых зафиксированы в трех статистических таблицах (см. с. 18—25) [2]. Использованы также критико-библиографические, публицистические, мемуарные, эпистолярные и документальные материалы эпохи. Среди них: рецензии и обзоры вновь вышедших книг, публиковавшиеся в периодической печати, библиографические указатели и каталоги библиотек и книжных магазинов, разного рода полемические заметки и статьи, воспоминания и переписка общественных деятелей, писателей, ученых и т. д., документы Главного управления по делам печати и других ведомств, имевших отношение к издательскому делу, общественному движению и народному просвещению. Привлечены неопубликованные материалы, хранящиеся в ряде центральных и местных архивов России. Часть их впервые вводится в научный оборот.

Большинство сюжетов, затронутых во второй серии монографии, рассматривалось (с разной степенью глубины) в научной литературе. Исключением является лишь история издательской деятельности нелегальных и зарубежных народнических организаций 1880—1890-х гг. В силу причин идеологического и политического характера обобщающие исследования этой темы отсутствуют. Поэтому мы сочли возможным подробно остановиться на ней. История издательской деятельности первых марксистских организаций излагается менее детально, поскольку она широко освещена в историографии.

* * *

Авторы второй серии:

Введение — О. Н. Ансберг, И. И. Фролова
Глава 1 — Н. Г. Патрушева
Глава 2 — Ю. А. Горшков
Глава 3 — С. В. Белов, М. А. Бенина, Ю. А. Горбунов, Л. К. Кильдюшевская, С. Б. Люблинский
Глава 4 — В. Е. Кельнер, Н. Г. Патрушева
Глава 5 — А. В. Блюм
Глава 6 — А. И. Рейтблат
Глава 7 — Н. Ф. Аверина, О. Н. Ансберг, В. Н. Волкова, Н. А. Гринченко, С. А. Пайчадзе, И. И. Фролова, А. П. Шпак
Глава 8 — С. В. Белов, Н. А. Гринченко, И. И. Фролова
Глава 9 — А. И. Рейтблат
Глава 10 — В. Е. Кельнер
Глава 11 — И. Н. Курбатова
Заключение — И. И. Фролова

Статистические таблицы составили М. А. Бенина, И. Е. Крылова, И. Х. Саксонова, И. И. Фролова, А. П. Шпак.

Именной указатель составили Г. Д. Никольцева и И. И. Фролова.

В подготовке рукописи к изданию принимала участие Н. А. Гринченко.

Руководитель работы — И. И. Фролова.

Примечания

[1] О принципах освещения истории книжного дела в провинции см.: Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 6.

[2] О принципах составления статистических таблиц см. там же (с. 4—5).

ВВЕДЕНИЕ

Экономическое и социально-политическое развитие России в 1880-х — первой половине 1890-х гг. носило трудный и во многом кризисный характер. Россия представляла собой страну «догоняющего» капитализма. Вследствие этого те процессы, которые в странах классического капитализма протекали на протяжении столетий, в России «сжимались» до нескольких десятков лет, что приводило к большому социальному напряжению, обострению общественных противоречий и конфликтов[1].

Всю первую половину 1880-х гг. Россия переживала глубокий экономический кризис — промышленный, финансовый и торговый[2], и лишь в конце десятилетия появились первые признаки улучшения ситуации. При этом нужно отметить, что бóльшая часть рассматриваемого периода (1881—1892 гг.) была одновременно и временем мирового аграрного кризиса. Падение хлебных цен на мировых рынках из-за конкуренции дешевого американского и канадского хлеба тяжело отразилось и на помещичьем, и на крестьянском хозяйстве России. Помещики, как правило, не обладали необходимыми денежными средствами и предпринимательскими способностями, чтобы перестроить хозяйство и снизить себестоимость зерна, расширив применение сельскохозяйственных машин. Они старались оградить себя от разорения за счет укрепления крепостнических пережитков в деревне (отработки, испольщина, искусственное сохранение общинных связей). Крестьянам для покрытия падавших на них платежей приходилось, ввиду падения цен на хлеб, увеличивать количество продаваемых продуктов своего хозяйства ценой ухудшения питания. Покупательная способность крестьянства в отношении промышленных товаров падала. Нарастающее обнищание деревни завершилось катастрофой — голодом 1891—1892 гг., вследствие которого умерло свыше 600 тыс. человек.

Аграрный кризис, ограничивающий рост внутреннего рынка, угнетающе действовал и на развитие промышленности. Оживление промышленности в конце 1870-х гг., не развившись в значительный подъем, перешло в длительную депрессию 1882—1886 гг. Кратковременное оживление 1887—1889 гг. тоже перешло в 1891—1892 гг. в депрессию, усиленную разразившимся в это время голодом. Лишь в самом конце рассматриваемого нами периода начинается крупнейший в истории дореволюционной России промышленный подъем 1893—1900 гг., охвативший все отрасли промышленности и завершивший стадию домонополистического развития капитализма в стране. Максимальных размеров достигли в эти годы приток иностранных капиталов и железнодорожное строительство, также существенно сократившееся в 1891—1892 гг.

Застой в экономике не означал, разумеется, что капитализм в России перестал развиваться, как это утверждали тогдашние экономисты народнического

толка. Но в условиях кризиса особенно остро проявились специфические особенности процесса становления капиталистических отношений в стране относительно позднего капитализма, какой была Россия в сравнении с далеко обогнавшими ее на этом пути странами Запада. В силу сохранения многочисленных докапиталистических пережитков и структур этот процесс проходил в наиболее мучительных для мелкого производителя формах. Нарастала диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью — противоречие, «которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»[3] Но размеры страны, огромные природные богатства, земельные ресурсы обеспечивали капитализму в России большой потенциал развития.

Рост промышленности, несмотря на замедление его темпов, продолжался и в 1880-е гг. В этот период завершается промышленный переворот, в главных отраслях промышленности побеждают машинное производство и паровая энергия, внедряется современная технология, промышленность и транспорт переводятся на более экономичное для того времени топливо — каменный уголь. Характерно при этом, что основные отрасли тяжелой промышленности развивались быстрее, чем промышленность в целом. Продолжался процесс укрупнения предприятий и концентрации пролетариата в крупнейших индустриальных центрах. Наряду со старыми промышленными районами — Уралом, Центральным промышленным и Северо-Западным — начинается опережающее развитие промышленности новых районов на юге страны: Донецкого угольного и Криворожского железорудного бассейнов, Бакинского нефтепромышленного района.

В начале 1880-х гг. возникают первые монополии среди предприятий, обслуживающих железнодорожное строительство, конвенция предпринимателей по производству гвоздей, проволоки, картель сахарозаводчиков, позднее — экспортный синдикат бакинских керосинозаводчиков.

Специфической особенностью развития крупной российской промышленности было наличие обширного государственного сектора, ориентированного прежде всего на потребности «военно-промышленного комплекса», пользуясь современной терминологией. Говоря о крупных казенных заводах, К. Ф. Шацилло отмечал: «Что такое цена, на заводах не знали, что такое прибыль — не знали, что такое себестоимость, амортизация... не знали... Был административно-командный метод: постройте четыре броненосца и скажите, сколько заплатить»[4]. Тесно сращены с государством были и многие частные крупные предприятия, получавшие льготные военные заказы, кредиты или прямые субсидии. Подобное явление, разительно напоминающее будущую индустриализацию сталинских времен, не могло не накладывать отпечаток на экономическое и социальное развитие страны.

Экономический застой 1880-х — начала 1890-х гг. сопровождался жесточайшей политической реакцией. Революционная ситуация рубежа 1870—1880-х гг. не перешла в революцию. Ставшее кульминацией террористической деятель-

ности «Народной воли» цареубийство 1 марта 1881 г. наглядно выявило сложившееся соотношение общественных сил.

Революционная партия не имела опоры в массах, а последовавшие за цареубийством аресты значительно ее обессилили. Крестьянские волнения не вылились в широкое, охватывающее всю страну движение, о наличии какой-либо организованности в крестьянстве не приходилось и говорить. Среди рабочих не существовало революционной организации, в революционное движение был вовлечен лишь узкий круг наиболее передовых пролетариев. Либеральное общество не пошло дальше осторожных ходатайств, отдельных выступлений в печати и в земских собраниях, а зачастую прямо спешило отмежеваться от революционеров и выразить свои верноподданнические чувства. Крупная буржуазия, успешно пытавшаяся влиять на экономическую политику правительства (особенно в таможенной и налоговой областях), не помышляла о каких-либо политических требованиях к самодержавию.

В этих условиях ликвидация колебаний в политике правительства, проявившихся в период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова, и переход к открытой реакции были неизбежны. Новая линия правительственной политики определилась в первые же месяцы царствования Александра III. Большое влияние на царя имел его бывший наставник обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, один из главных идеологов реакции. Краеугольными камнями исповедовавшейся и насаждавшейся Победоносцевым идеологии были культ ничем не ограниченного самодержавия, крайний национализм и воинствующее православие. На состоявшемся 8 марта 1881 г. заседании Совета министров план преобразований, предложенный Лорис-Меликовым, подвергся резкой критике справа и был фактически похоронен. Победоносцев в своем выступлении осудил заодно и все буржуазные реформы 1860—1870-х гг. и наметил, по сути дела, программу будущих «контрреформ».

Конец колебаний в правительственной политике был открыто провозглашен манифестом 29 апреля 1881 г. В этом манифесте, составленном Победоносцевым, возвещалось, что новый царь становится «на дело правления» «с верою в силу и истину самодержавной власти», которую он призван охранять «от всяких на нее поползновений».

Назначенный на пост министра внутренних дел граф Н. П. Игнатьев сразу же стал активно осуществлять меры по «искоренению крамолы». 14 августа 1881 г. было принято в качестве временного, сроком на три года, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (так называемое «Положение о чрезвычайной охране»), устанавливавшее правила о «чрезвычайной охране» и «усиленной охране». Согласно этому «Положению» (возобновлявшемуся затем каждые три года вплоть до свержения царизма и являвшемуся, образно говоря, фактической российской конституцией), административная власть, начиная от министра внутренних дел и кончая уездным исправником, получала исключительные полномочия. За нарушение издаваемых губернатором постановлений любой житель местности, объявленной на положении усиленной или чрезвычайной охраны (на практике — огромной ча-

сти страны), мог быть выслан по распоряжению губернатора за пределы этой местности, арестован на три месяца или подвергнут штрафу, предан военному суду. Местная власть получила право закрывать торгово-промышленные предприятия, а при чрезвычайной охране — учебные заведения и органы печати. Особое совещание при министре внутренних дел могло высылать без суда сроком до 5 лет в самые отдаленные места Империи.

Наряду с этим Игнатьев, демагогически рассуждая о «народной политике», «живом участии местных деятелей» в проведении государственной политики, издал циркуляр, где упоминалось о «полной неприкосновенности» прав русского земства, пригласил для обсуждения отдельных финансово-экономических и административных вопросов «сведущих людей» из состава местного дворянства и земств и даже задумал созвать «земский собор», который, по его мысли, должен был показать единение царя «со всею землею». Но этот проект вызвал недовольство правых кругов, и Игнатьев был смещен. К этому времени правительство убедилось в слабости революционного движения в стране. Назначение 30 мая 1882 г. министром внутренних дел графа Д. А. Толстого стало наглядным показетелем перехода правительства к политике открытой реакции.

Восторжествовавшая дворянская реакция выдвинула и осуществила целую программу «контрреформ» — мероприятий, направленных на реставрацию экономических и социальных основ существования дворянства как главной опоры самодержавного порядка — основ, существенно подорванных в результате буржуазных реформ 1860—1870-х гг.

Новый закон о найме сельскохозяйственных рабочих (1886), законы о крестьянской семье и общине (1886, 1893), направленные на сохранение крепостнической «патриархальности» крестьянства и удержание в деревне дешевой рабочей силы, учреждение Дворянского и Крестьянского банков обеспечивали экономические интересы теряющего землю и погрязшего в долгах дворянства. Создание института земских начальников (1889), назначавшихся из потомственных дворян и наделявшихся очень широкими административными и судебными правами по отношению к крестьянству, возвращало помещикам значительную долю прежней вотчинно-политической власти над крестьянами.

Новое земское положение (1890) уничтожало выборное крестьянское представительство в земских органах и усиливало преобладание в них дворянства. Была усилена также бюрократическая опека над земством, сужены права земского самоуправления. В том же направлении было пересмотрено в 1892 г. и положение о городском самоуправлении.

Реакционные мероприятия сильно затронули область суда, где реформа в свое время носила наиболее последовательный буржуазный характер. Был изменен ценз для присяжных заседателей с целью усиления дворянских элементов; из ведения суда присяжных был изъят ряд дел, в том числе все дела о «сопротивлении властям»; ограничивалась публичность судебных заседаний, в частности, по делам о «государственных преступлениях».

В полной мере проявился размах реакции в области народного образования. Все виды школ возвращались, по возможности, к сословным началам. Началось

активное насаждение церковно-приходских школ, что означало сознательное понижение уровня начального образования для народа. В средней школе, достаточно уже пострадавшей от проведенной Д. А. Толстым в бытность министром народного просвещения реформы, проводилась политика регулирования сословного состава учащихся. В 1887 г. появился позорно знаменитый деляновский циркуляр, известный под названием циркуляра о «кухаркиных детях», закрывавший доступ в гимназии для «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т. п.»[5] Новый университетский устав 1884 г. уничтожил существовавшие по прежнему уставу 1865 г. элементы автономии высшей школы: выборность ректора и профессоров заменялась их назначением, университеты ставились в полную зависимость от министра и попечителя учебного округа, студенты окружены постоянным полицейским надзором. Ряд ведущих профессоров были уволены из университетов или ушли сами, не выдержав насаждавшихся там порядков. В 1886 г. прекращен прием на все высшие женские курсы (только в 1889 г. возобновился прием на Бестужевские курсы, обставленный рядом ограничений).

Значительно усилился национальный гнет. На национальных окраинах уничтожались еще существовавшие самостоятельные учреждения и проводилась политика решительной русификации (Царство Польское, Финляндия, Прибалтика), продолжались гонения на украинский язык. Был принят ряд законодательных и административных мер, ущемлявших интересы еврейского населения, в частности, в 1887 г. введена процентная норма, ограничивавшая поступление еврейской молодежи в средние и высшие учебные заведения. Усилились преследования в вероисповедной области.

Годы реакции, наступившей за цареубийством 1 марта 1881 г., были периодом глубокого кризиса для революционного движения. Восстановить обескровленный арестами 1881 г. Исполнительный комитет «Народной воли» так и не удалось. После предательства С. П. Дегаева была разгромлена военная организация «Народной воли» и в 1883 г. арестована В. Н. Фигнéр — последний член Исполнительного комитета, находившийся в России. В 1884 г. уничтожена массовыми арестами «Молодая партия „Народной воли"», к тому времени, благодаря посредничеству Г. А. Лопатина, вновь объединившаяся со «стариками» — членами Исполнительного комитета, находившимися за границей.

Попытки воссоздать террористическую организацию предпринимались еще несколько раз. Наиболее значительная из них связана с деятельностью революционной группы, назвавшей себя «Террористической фракцией партии „Народная воля"». Покушение на Александра III, которое планировалось осуществить 1 марта 1887 г., не удалось. Группа была разгромлена. Пять человек, в том числе А. И. Ульянов, были казнены.

Кризис народничества в 1880-е гг. был не только организационным, но и идейным. Классическое народничество как теория, обосновывающая революционную активность, исчерпало свои возможности, и разгром революционного подполья сделал это очевидным. Народническое движение, если рассматривать его в широком контексте, существовало в нескольких более или менее связан-

ных между собой основных формах: как движение революционных нелегальных организаций, как легальная деятельность широких кругов общественности и, наконец, как определенные течения в области культуры.

Если в 1870-е гг. доминирующей в народничестве была революционная струя, то в эпоху «безвременья», когда революционный подъем сменился апатией и оппортунистическими настроениями, либеральная тенденция усиливается и становится преобладающей. Наглядным выражением этой тенденции явилась теория «малых дел» Я. В. Абрамова, призывавшего под лозунгом «наше время — не время широких задач» к просветительско-культурнической деятельности среди крестьянства. Лозунги защиты общины и крестьянского землевладения, которые у народнических революционеров служили обоснованием борьбы за насильственное преобразование общества, за социальную революцию, у либеральных народников стали подкреплять призывы «оградить» Россию от капитализма, обращенные к «обществу» и к государству. Стремление сохранить социалистическую направленность своих воззрений парадоксальным образом приводило некоторых представителей либерального народничества к поддержке крайне реакционных мероприятий правительства. Антибуржуазность побуждала их апеллировать к государственному аппарату абсолютизма, во многом сохранившему крепостнические (т. е. тоже антибуржуазные) функции. Ради некапиталистической перспективы они готовы были поддерживать даже запретительные правительственные меры, затруднявшие выход из общины, так как это задерживает развитие буржуазных отношений, сохраняет общину.

При всем том научные достижения экономистов-народников 1880-х гг. были, бесспорно, значительны как в описании состояния и развития пореформенной российской деревни, так и в общем анализе ситуации в стране. Они сумели подметить некоторые характерные особенности процесса «обуржуазивания» России, его кризисный и противоречивый характер, натолкнувшись при этом на ряд общетеоретических догадок о специфике экономического и социального развития аграрных стран, относительно поздно вставших на буржуазные рельсы[6].

Важным фактором общественной жизни России в 1880-е гг. впервые стало рабочее движение. В начале этого периода (до 1885 г.) оно было еще относительно слабым, но усилилось со второй половины десятилетия. Громадное впечатление и на рабочих, и на другие общественные слои произвела Морозовская стачка (на текстильной фабрике Морозовых в местечке Никольском Владимирской губернии) в начале 1885 г. Поводом к стачке послужили грабительские штрафы и систематическое снижение заработной платы. Власти произвели многочисленные аресты и высылки, большая группа забастовщиков была предана суду. Но правительство, испуганное масштабом движения (за Морозовской последовал ряд других крупных стачек), было вынуждено издать закон о штрафах. Наибольшее количество стачек происходит в этот период в Центральном промышленном и в Петербургском районах.

Переломным моментом в общественном сознании, ознаменовавшим конец реакции и начало нового подъема, стал, однако, не рост рабочего движения, а

голод 1891—1892 гг. Неурожайные годы поражали российскую деревню регулярно, но на фоне общего экономического кризиса и обнищания крестьянских масс очередной неурожай привел к катастрофе общенационального масштаба. Помощь голодающим при почти полной бездеятельности правительства легла в основном на плечи общественности, как бы вновь побуждая ее к активной деятельности. Организовывались общественные комитеты помощи голодающим, собирались средства на организацию столовых, молодежь направлялась в деревню, чтобы своим безвозмездным трудом помочь в ликвидации бедствия. По завершении кампании помощи эта активность не исчезла, а была перенесена в существовавшие организации интеллигенции (как, например, Вольное экономическое общество) и на страницы печати, где разворачивались оживленные дискуссии.

Одним из самых острых вопросов, вставших в повестку дня, был вопрос об отношении к предшествующей эпохе общественного развития — эпохе, начавшейся «оттепелью» 1860-х гг. Со свойственной ему афористичностью В. В. Розанов сформулировал его как вопрос о «наследстве» (статьи «Почему мы отказываемся от наследства?» и «В чем главный недостаток наследства 60—70-х годов?» в «Московских ведомостях» за 1891 г.). Розанов, как и ряд других публицистов и литературных критиков, призывал отвергнуть это «наследство» за его утилитаризм, бедность мыслей, материалистическую направленность и однобокую гражданственность. Оппонентами в споре выступили Н. К. Михайловский и другие публицисты народнического направления.

Несколько с иных позиций, но не менее резко и агрессивно критиковали народническое «наследство» марксистские теоретики и публицисты. Зарождение русского марксизма связано с деятельностью Г. В. Плеханова и созданной в 1883 г. группы «Освобождение труда», которую он возглавлял[7]. Эта группа, состоявшая из бывших чернопередельцев, поставила перед собой задачи распространения социалистических идей путем перевода на русский язык важнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и разработки вопросов русской общественной жизни с точки зрения марксистской теории. В октябре 1883 г. в серии «Библиотека современного социализма» вышла первая марксистская работа Плеханова «Социализм и политическая борьба», которую Ленин называл «символом веры» русского социализма. Плеханов был теоретиком международного масштаба, заслуги которого до сих пор ценятся мировым социал-демократическим движением, и выдающимся пропагандистом марксизма. Большое значение в полемике с народниками, которую вела группа, имела вышедшая в 1885 г. брошюра Плеханова «Наши разногласия»[8].

В 1880-е гг. появляются первые социал-демократические организации и в России. В декабре 1883 г. студент Петербургского университета Д.Благоев создал небольшую группу из студентов разных учебных заведений с целью пропаганды идей научного социализма и организации рабочих Петербурга. Этот первый в России марксистский кружок принял название «Партия русских социал-демократов».

В 1889 г. студент М. И. Бруснев создал социал-демократическую группу, развернувшую революционную пропаганду среди рабочих. В большинстве

районов Петербурга брусневцы организовали рабочие кружки, участники которых знакомились, наряду с основами научных знаний, с положением рабочего класса в России и на Западе, историей европейских революций, а наиболее подготовленные изучали труды Маркса и Энгельса. Группа принимала участие в отдельных стачках, выпускала листовки, обращенные к бастующим. В 1891 г. в Петербурге состоялась первая маевка, организованная группой Бруснева. Брусневская организация установила связи с марксистами Москвы, Тулы, Нижнего Новгорода и некоторых других городов. В 1892 г. Бруснев предпринял попытку объединить социал-демократические организации наиболее крупных промышленных центров, но эта попытка закончилась неудачей.

Большую роль в распространении марксизма сыграли кружки, организованные в 1888 г. в Казани выдающимся марксистом Н. Е. Федосеевым. Членом одного из этих кружков был В. И. Ленин.

На рубеже 1880—1890-х гг. появляются марксистские кружки в Москве, на Украине, в Прибалтике, Польше, Закавказье.

Таким образом, марксистская идеология постепенно начинала конкурировать с народничеством в радикальных кругах русского общества. Однако в течение 1880-х гг. борьба между народничеством и марксизмом происходила в нелегальных изданиях, за границей, в узком кругу профессиональных революционеров [9]. В начале 1890-х гг., с возникновением так называемого «легального марксизма» эта борьба переходит на страницы официально разрешенных журналов и оказывается в центре общественного интереса. Это был период своего рода моды на марксизм, связанной прежде всего с именами П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского, когда марксизм в определенной мере оказывал влияние и на идейных противников — народнических и буржуазных экономистов, вынужденных признавать справедливость многих выдвигавшихся марксистами положений.

Оживление общественной жизни выразилось и в попытке создания осенью 1893 г. партии на широкой демократической основе, получившей название «Народное право». Но ее деятельность была чрезвычайно непродолжительной из-за последовавших арестов.

Постепенно возрождалось практически прекратившееся в годы реакции либеральное движение, имевшее в России форму земского либерализма: в 1893 и 1894 гг. состоялись земские съезды, а также ряд неформальных земских бесед.

Культурное развитие России в 1880-е гг. также несет на себе отпечаток политической реакции. Попытки правительственной регламентации образования и науки, насаждения официальной идеологии были в этот период чрезвычайно сильны. Демократическая культура, мощно утвердившаяся в 1860—1870-е гг. и противостоявшая казенной дворянско-монархической культуре, подвергалась тяжелым испытаниям. Но лучшие ее деятели с большим гражданским мужеством отстаивали идеалы народности, социальной справедливости, независимого научного исследования, наконец, просто достоинство ученого, художника, писателя.

В борьбе с правительственной реакцией, опиравшейся на реакционную часть академической и университетской профессуры, продолжало успешно раз-

виваться отечественное естествознание. Основа этих успехов была заложена общественным движением 1860-х гг., которое чрезвычайно подняло престиж естественных наук и привлекло к ним целое поколение выдающихся ученых. Плодотворно работали Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, И. М. Сеченов, А. Г. Столетов, П. Л. Чебышев, И. И. Мечников и др. В 1880—1890-е гг. начало свою деятельность более молодое поколение будущих видных ученых конца XIX — начала XX в. К 1880—1890-м гг. относятся классические работы И. П. Павлова в области физиологии кровообращения и пищеварения. Физик П. Н. Лебедев начал в 1890-е гг. серию исследований, которые привели его к открытию давления света на твердые тела и газы. Значительного подъема достигают и другие отрасли естествознания, математики, астрономии, медицины. Возникают новые научные общества в столицах и в провинции, проводятся всероссийские съезды естествоиспытателей, натуралистов, врачей. Русское географическое общество организует широкую сеть экспедиций для комплексного изучения природы России и сопредельных стран (в том числе путешествия в Центральную Азию Н. М. Пржевальского, В. И. Роборовского, П. К. Козлова). Труды В. В. Докучаева и П. А. Костычева положили в 1880-е гг. начало научного почвоведения.

В исторической науке 1880-х гг. наиболее заметной фигурой являлся ученик С. М. Соловьева профессор Московского университета В. О. Ключевский. Отойдя от строгой государственной схемы русской истории, созданной его учителем, Ключевский разработал плюралистический, многофакторный подход, уделяя в том числе большое внимание экономическому развитию. Благодаря огромному количеству фактического материала, высоким художественным достоинствам изложения его курс лекций не утратил интереса и научного значения до сих пор.

В 1880-е гг. продолжала существовать народническая школа в исторической науке, давшая, в частности, такую крупную фигуру, как В. И. Семевский. Но университетские кафедры были закрыты для историков-народников. Их исследования, уделявшие много внимания изучению народных движений, общины, крестьянского быта, пользовались большой популярностью среди демократической интеллигенции, но плохо согласовывались с господствующей идеологией.

В экономической науке влияние народничества было еще заметнее. Ведущими народническими экономистами были В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, к их взглядам примыкали Н. А. Карышев, Н. А. Каблуков, М. Б. Ратнер, ряд земских статистиков.

В литературе и искусстве в 1880-х — первой половине 1890-х гг. сохраняются в целом те же тенденции, что и в предыдущее десятилетие. Преобладающим продолжало оставаться реалистическое направление, ознаменовавшееся рядом бесспорных художественных достижений. Однако применительно к описываемому периоду было отмечено сложившееся в общественном сознании «своеобразное соединение общественной „прогрессивности" с потребностью общаться... и с литературой, и с музыкой, и с театром, и с живописью»[10]. Это было чревато утратой собственно эстетических критериев и творческим застоем. Объективно смысл теорий критиков-идеалистов, осуждавших «наследство» 1860—1870-х гг. и призывавших к «чистому», «безыдейному» искусству, состоял

именно в этом. Однако практическая реализация этих призывов, появление так называемых декадентских течений, прежде всего символизма, и сопряженная с ними борьба стилей и течений относится уже ко второй половине 1890-х гг.

Реалистическое искусство и прежде всего литература 1880-х — начала 1890-х гг. были глубоко проникнуты идеями революционной демократии в их специфически народническом выражении.

Помимо целой плеяды народнических писателей, самым талантливым среди которых был Г. И. Успенский, ряд народнических тенденций прослеживается, скажем, в творчестве гениального русского писателя Л. Н. Толстого, особенно после кризиса, пережитого им в конце 1870-х гг. Не случайно Ленин говорил о Толстом как о выразителе настроений патриархального крестьянства. Подобно народникам, Толстой считал земледельческий труд «единственно нравственным», критиковал с позиций патриархальной крестьянской культуры урбанизм буржуазной цивилизации. В полной мере это проявилось в романе «Воскресение», завершенном уже в 1899 г. В 1880-е гг. Толстой активно выступает как проповедник-моралист, создатель собственного религиозного учения. Толстовское учение — проповедь непротивления злу насилием, опрощения, жизни «своим трудом», морального самосовершенствования — пользовалось в этот период большим успехом. Толстовство, таким образом, несет ряд черт, позволяющих рассматривать его как некоторую религиозную разновидность «крестьянского социализма», с чем, видимо, до определенной степени связана его популярность в кругах молодежи.

Творчество писателей демократического направления в рассматриваемый период продолжает в целом оставаться в рамках широко понимаемой народнической традиции. Ее преодоление происходит в творчестве А. П. Чехова, чем и объясняется бурная отрицательная реакция на его рассказы со стороны народнических критиков. Не отрицая ни таланта, ни общей прогрессивной направленности («тоска по идеалу») творчества Чехова, они видели, что этот писатель не укладывается в привычные каноны, ломает сложившуюся и достаточно догматическую поэтику привычной «прогрессивности». Чем дальше, тем острее догмы прежнего народнического реализма будут восприниматься как отжившие, причем бунт против них будет происходить не только в русле дальнейшего развития и углубления реализма, но зачастую и под флагом индивидуализма, ницшеанства, либо символизма, религиозно-мистических устремлений.

В области изобразительных искусств центральным явлением продолжает оставаться деятельность возникшего в начале 1870-х гг. Товарищества передвижных художественных выставок. Передвижники открыто декларировали идейную направленность своего творчества. Это, пожалуй, наиболее яркий пример выражения революционно-демократических идей не только в русском, но и в мировом искусстве второй половины XIX в. В условиях царской России это требовало немалого гражданского мужества. Картины передвижников не раз снимались с выставок, запрещалось их воспроизведение. Несмотря на неоднократные ходатайства, Петербургская городская дума так и не предоставила Товариществу постоянного помещения для выставок и учебных занятий. Особенно

тяжелая обстановка сложилась в эпоху реакции. «Прежде...— писал И. Н. Крамской в середине 1880-х гг.,— гонение было спорадическое, бессознательное, припадком, а теперь наступает время систематического вытравления»[11]. Несмотря на это, 1880-е гг. справедливо считаются временем наивысшего расцвета реалистической живописи передвижников. Такие мастера, как И. Н. Крамской, И. И. Левитан, И. Е. Репин, Н. Н. Ге, Н. А. Ярошенко и другие, создали в этот период ряд работ, вошедших в сокровищницу отечественного искусства.

Во второй половине 1880-х — начале 1890-х гг. в передвижничестве намечается дифференциация. Часть художников старшего поколения останавливается в своих творческих поисках, канонизирует прежние достижения. Это приводит к конфликтам, выходу молодых передвижников из Товарищества. 1890-е гг. в искусстве, как и в литературе,— время пересмотра устаревших привычных форм, определенный кризис реализма, который в конечном счете стимулирует его обновление и углубление.

Традиционная советская историография рассматривала середину 1890-х гг. как рубеж, открывающий эпоху империализма и одновременно пролетарский этап освободительного движения в России. Избегая подобных идеологизированных оценок, нельзя, тем не менее, не согласиться с тем, что эта хронологическая грань — грань огромной важности в истории страны. Примерно с этого времени начинаются те экономические и социальные процессы и оформляются те общественные силы, развитие и взаимодействие которых приведет к великим социальным катаклизмам XX в.

* * *

В рассматриваемый нами период сохраняются основные тенденции развития книжного репертуара, наметившиеся в предыдущие десятилетия[12]. В предлагаемых вниманию читателя статистических таблицах[13] зафиксировано постоянное и постепенное нарастание книжного потока, характерное и для 1860—1870-х гг.[14] По-прежнему не всегда наблюдается поступательный рост количества издаваемых книг, но в целом с 1881 по 1895 гг. книгоиздание в России возрастает почти в 2,2 раза (в столицах — примерно в 1,9, в провинции — в 2,4 раза). Сохраняется приоритет столичного книгоиздания (в течение 1881—1895 гг. в Петербурге и Москве было выпущено книг и брошюр в 1,6 раза больше, чем в провинции). При этом небезынтересно напомнить наблюдения М. Н. Куфаева, согласно которым Москва до конца XIX в. была главным центром печатания книг духовного содержания. Что касается всей остальной тематики, то она далеко «уступала Петербургу, приближаясь к нему, а иногда и равняясь с ним в отношении издания дешевых народных и лубочных книг, последних преимущественно»[15].

К концу рассматриваемого периода в России в целом, в столицах и в провинции больше всего увеличивается выпуск книг и брошюр по следующим тематическим комплексам (принималось во внимание увеличение в 1,5 раза и более): философия и психология; политическая экономия; история, археология и этнография; юриспруденция; география и путешествия; счетоводство, бухгалтерия,

финансы; статистика; педагогика; естественные науки и медицина; математика и астрономия; сельское хозяйство; технология; беллетристика; история литературы; детская литература; история искусств; религия. Но эти приоритетные группы занимают разные места в книжном потоке России в целом, столиц и провинции.

Если говорить о России в целом (см. табл. 1), то больше всего возрастает к 1895 г. выпуск книг и брошюр по истории искусств, политэкономии и статистике (соответственно в 3,5, 3 и 2,8 раза). В 2,7 раза увеличивается издание беллетристики и литературы по технологии, в 2,5 — по сельскому хозяйству. Далее должны быть отмечены естественные науки и медицина, география и путешествия, детская литература. Выпуск книг и брошюр этой тематики возрастает к 1895 г. примерно в 2,2 раза. В 2 раза увеличивается за 15 лет книгопечатание по философии и психологии, математике и астрономии, юриспруденции, истории литературы, а также по финансово-экономическим вопросам прикладного характера (счетоводство, бухгалтерия, сметная документация и т. п.). Чуть меньше (в 1,9 раза) увеличилось издание книг и брошюр по истории, археологии и этнографии. Выпуск религиозно-нравственной литературы вырос в 1,7 раза, педагогической — в 1,6. И, наконец, в целом имеет место значительный (в 1,5 раза) рост выпуска книг и брошюр по политическим и общественным проблемам и по вопросам промышленности, торговли, транспорта и связи. Издание учебников выросло к 1895 г. в 1,6 раза.

Несколько иная картина наблюдается в столицах, хотя и здесь на первом месте по интенсивности прироста книжной продукции стоят история искусств и статистика (выпуск литературы этой тематики увеличивается с 1881 по 1895 гг. в 3 раза). Далее следуют география и путешествия, политическая экономия, беллетристика, детская литература: книгоиздание по этим тематическим комплексам возрастает на 240—280 %. Издание книг и брошюр по естественным наукам и медицине, сельскому хозяйству и технологии увеличивается в 2,3 раза. Как и в целом по России, в 2 раза возрастает книжная продукция по счетоводству и бухгалтерии, философии и психологии и в 1,9 раза — по истории, археологии, этнографии. Далее в убывающей последовательности должны быть названы издания по истории литературы, математике и астрономии (увеличение на 170 %), юриспруденции, промышленности, торговле, транспорту и связи (увеличение на 160 %). В 1,5 раза возрастает с 1881 по 1895 г. выпуск религиозно-нравственных и педагогических сочинений, а также книг и брошюр по общественно-политическим вопросам. Следует отметить незначительный (менее 150 %) рост издания учебников.

Развитие книжного репертуара в провинции также имеет свои особенности, хотя по темпам роста книгоиздания здесь лидируют те же тематические группы, что и в общероссийском и столичном книжном потоке. Это — политическая экономия, технология и история искусств (к 1895 г. издание книг и брошюр этой тематики увеличивается в провинции в 5—6 раз). Гораздо меньше — по сравнению со столичным и общероссийским книгоизданием — относительное увеличение провинциального книжного потока по статистике: в 2,5 раза. В 4 раза воз-

*Таблица 1**

КНИГОИЗДАНИЕ В РОССИИ С 1881 ПО 1895 ГГ.

№№ пп / Тематика \ Годы	1881	1882	1883	1884	1885	1886
1. Справочные издания	157	141	146	177	167	188
2. Библиография и критика	118	140	146	130	143	139
3. Учебные издания	309	276	291	376	376	395
4. Народные издания	30	43	62	41	54	67
5. Разные брошюры (смесь)	273	286	260	291	268	297
6. Отчеты разные	608	713	735	786	869	808
7. Биографии и сборники биографий	69	81	70	80	85	101
8. Ученые и др. сборники (кроме биографических и литературных)	12	9	17	24	18	20
9. Атласы, альбомы, ноты с текстом	39	48	58	42	41	49
10. Политические и общественные вопросы	558	633	499	555	507	510
11. Философия. Психология	37	21	30	44	41	45
12. Политическая экономия	9	19	15	13	12	10
13. История. Археология. Этнография	245	262	259	305	308	342
14. Юридические издания	166	199	208	229	210	252
15. География и путешествия	109	99	111	127	142	163
16. Счетоводство. Бухгалтерия. Финансы	250	328	252	310	335	324
17. Статистика	63	88	73	125	110	106
18. Педагогика	233	238	239	250	225	226
19. Военное дело	252	187	229	263	269	256
20. Естественные науки. Медицина	678	666	654	792	886	794
21. Математика. Астрономия	90	98	111	112	121	86
22. Сельское хозяйство	168	174	147	175	140	164
23. Промышленность. Торговля. Транспорт. Связь	461	446	321	423	395	500
24. Технология	140	155	143	183	192	173
25. Художественная литература (кроме детской)	451	546	485	555	492	678
26. История литературы	70	63	108	89	110	96
27. Драматические произведения	138	137	200	163	165	135
28. Филология	45	30	37	33	34	55
29. Литературные альманахи и сборники	25	24	14	15	18	14
30. Детская литература	77	93	132	105	85	86
31. История искусств	30	54	38	45	41	56

1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	ВСЕГО по отрасли:		
									столицы и провинция	без места издания	РОССИЯ в целом
222	235	222	255	251	250	281	305	335	3332	2	3334
202	241	208	170	175	216	255	232	290	2805	1	2806
405	387	413	429	453	436	519	502	499	6066	2	6068
68	65	44	51	54	53	59	69	88	848	—	848
304	343	348	427	480	481	627	688	673	6046	8	6054
902	961	1016	1117	1190	1255	1390	1562	1701	15613	16	15629
107	131	109	116	166	186	171	178	161	1811	1	1812
18	10	32	14	10	16	18	24	16	258	—	258
44	50	44	56	57	63	73	86	80	830	1	831
598	595	624	666	624	676	755	814	822	9436	19	9455
38	49	52	59	45	56	64	59	79	719	—	719
9	12	12	27	19	17	15	18	27	234	—	234
394	416	397	372	371	471	392	400	466	5400	3	5403
207	211	242	308	265	260	274	307	331	3669	25	3694
146	160	132	146	158	168	166	190	246	2263	3	2266
340	339	380	363	375	378	417	460	488	5339	40	5379
124	104	149	193	127	168	152	141	175	1898	3	1901
278	276	276	368	259	226	318	344	381	4137	6	4143
287	314	302	289	270	246	311	336	322	4133	11	4144
903	898	1055	1071	1139	1372	1551	1607	1465	15531	3	15534
126	126	141	147	142	161	199	185	185	2030	1	2031
205	218	260	279	302	345	469	464	425	3935	2	3937
480	519	490	637	558	460	642	802	700	7834	10	7844
211	205	225	237	244	263	337	353	378	3439	1	3440
927	746	680	732	829	836	911	1124	1208	11200	—	11200
149	120	108	95	110	121	129	152	151	1671	1	1672
190	227	231	260	252	228	219	183	197	2925	—	2925
36	36	35	34	46	33	47	29	35	565	5	570
20	28	16	23	34	33	28	39	41	372	—	372
102	97	101	126	95	107	174	214	171	1765	2	1767
54	60	60	66	67	71	77	85	102	906	—	906

Продолжение табл. 1

№№ пп / Тематика / Годы	1881	1882	1883	1884	1885	1886
32. Духовно-богословские (религиозно-нравственные) издания	582	646	633	768	703	736
ВСЕГО в столицах и провинции	6492	6943	6723	7626	7562	7871
ВСЕГО без места издания	16	9	12	15	15	11
ВСЕГО в РОССИИ	6508	6952	6735	7641	7577	7882

* При использовании таблиц 1—3 следует иметь в виду следующие уточнения по систематизации материала (по номерам рубрик):

1. Справочные издания. Здесь же: языковые словари, каталоги различных выставок (кроме книжных и по искусству).
2. Библиография и критика (литературная критика учтена в графе 26). Здесь же: каталоги библиотек и книжных выставок.
3. Учебные издания. Не включены учебные пособия богословского содержания (учтены в графе 32), по военному делу (учтены в графе 19) и учебники для высших учебных заведений (учтены в соответствующих систематических рубриках).
4. Народные издания. Включены только издания, имеющие на титульном листе определения «издание для народа», «народное издание» и т. п.
5. Разные брошюры (смесь). Здесь же: книги неопределенного содержания.
6. Отчеты разные. Не включены только отчеты о путешествиях.
7. Биографии и сборники биографий. Здесь же: некрологи и воспоминания об отдельных лицах (кроме воспоминаний о писателях, вошедших в графу 26). Не включены жития святых, вошедшие в рубрику 32.
10. Политические и общественные вопросы (в том числе деятельность местных учреждений).
12. Политическая экономия. Здесь же: народное хозяйство.
13. История. Археология. Этнография. Включена также история церкви. Военная история учтена в графе 19.
15. География (в том числе физическая) и путешествия. Здесь же: отчеты о путешествиях; описания отдельных местностей; общие очерки отдельных стран; литература о месторождениях полезных ископаемых.
16. Счетоводство. Бухгалтерия. Финансы. Здесь же: разного рода сметы.
17. Статистика. Здесь же: статистические исследования; материалы для географии и статистики.
18. Педагогика. Здесь же: история народного образования, организация народного образования.

1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	ВСЕГО по отрасли: столицы и провинция	без места издания	РОССИЯ в целом
745	821	866	841	818	921	1036	1196	1001	12313	15	12328
8841	9000	9270	9974	9985	10573	12076	13148	13239	139323		
21	10	9	11	12	12	9	11	8		181	
8862	9010	9279	9985	9997	12585	12085	13159	13247			139504

19. Военное дело, руководства по военному делу, военная история.
20. Естественные науки. Медицина. Здесь же: физиология, анатомия, здравоохранение, гигиена, фармакология, ветеринария.
21. Математика. Астрономия. Здесь же: механика, метеорология.
22. Сельское хозяйство. Здесь же: лесное хозяйство.
23. Промышленность. Торговля. Транспорт. Связь. В рубрику включена литература по проблемам организации, экономики и эксплуатации, но не по технологии.
24. Технология. Здесь же: техника, фотография, поваренные книги.
26. История литературы. Здесь же: литературная критика, очерки и воспоминания о писателях.
27. Драматические произведения (в том числе музыкальные).
31. История искусств. Здесь же: теория искусства.
32. Духовно-богословские (религиозно-нравственные) издания. Здесь же: литература о деятельности церкви, учебные пособия и жития святых.

Таблица 2

КНИГОИЗДАНИЕ В СТОЛИЦАХ С 1881 ПО 1895 ГГ.

№№ пп	Тематика / Годы	1881	1882	1883
1.	Справочные издания	109	92	86
2.	Библиография и критика	78	94	107
3.	Учебные издания	254	222	242
4.	Народные издания	22	41	60
5.	Разные брошюры (смесь)	191	167	163
6.	Отчеты разные	252	264	298
7.	Биографии и сборники биографий	48	51	37
8.	Ученые и др. сборники (кроме биографических и литературных)	8	4	7
9.	Атласы, альбомы, ноты с текстом	29	40	48
10.	Политические и общественные вопросы	127	136	109
11.	Философия. Психология	28	16	16
12.	Политическая экономия	8	18	7
13.	История. Археология. Этнография	147	176	182
14.	Юридические издания	135	159	140
15.	География и путешествия	73	73	87
16.	Счетоводство. Бухгалтерия. Финансы	108	164	105
17.	Статистика	27	45	31
18.	Педагогика	145	146	145
19.	Военное дело	193	149	180
20.	Естественные науки. Медицина	452	479	467
21.	Математика. Астрономия	71	66	76
22.	Сельское хозяйство	105	119	86
23.	Промышленность. Торговля. Транспорт. Связь	286	338	223
24.	Технология	122	122	118
25.	Художественная литература (кроме детской)	407	493	433
26.	История литературы	54	46	69
27.	Драматические произведения	115	120	188
28.	Филология	14	9	14
29.	Литературные альманахи и сборники	24	22	11
30.	Детская литература	71	87	130
31.	История искусств	25	48	29
32.	Духовно-богословские (религиозно-нравственные) издания	363	399	408
ИТОГО:		4091	4405	4302

1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	ВСЕГО по отрасли
106	105	113	148	131	120	142	137	143	149	172	191	1944
86	106	90	147	192	150	106	126	146	162	144	187	1921
289	302	295	309	270	286	306	327	287	395	374	358	4516
37	48	64	65	54	42	48	52	49	46	64	83	775
173	159	158	180	196	188	218	230	217	289	274	288	3091
312	353	302	369	372	389	438	454	455	498	523	572	5851
38	53	66	71	92	68	71	135	137	115	119	96	1197
13	14	14	7	5	24	7	7	12	10	20	9	161
38	33	40	38	43	38	48	49	55	63	69	61	692
122	82	107	113	112	112	135	108	138	186	165	193	1945
24	31	39	28	38	39	42	31	46	41	31	55	505
10	6	7	7	10	9	17	16	15	11	13	21	175
187	201	222	255	246	229	241	224	310	244	252	287	3403
173	142	193	147	143	139	218	169	177	163	199	223	2520
98	99	117	104	103	94	95	98	111	111	127	166	1556
130	154	148	172	171	180	183	183	172	189	204	214	2477
52	45	47	43	47	59	58	53	73	61	67	85	793
152	129	127	177	142	153	221	159	125	177	183	223	2404
208	231	215	232	243	242	216	213	200	248	272	256	3298
520	580	531	595	609	687	726	770	919	1095	1179	1055	10664
66	84	55	77	83	100	99	99	111	125	130	122	1364
110	93	92	123	124	150	166	192	203	282	266	246	2357
303	284	329	333	367	351	445	420	353	459	564	452	5507
145	152	142	177	168	174	186	193	214	269	274	287	2743
496	421	581	786	631	577	627	704	699	782	949	1034	9620
65	73	74	101	84	82	68	80	86	77	94	91	1144
156	144	110	163	192	196	215	217	180	187	155	148	2486
15	15	34	18	17	20	18	25	19	29	13	17	277
10	13	10	16	23	12	19	23	21	23	26	34	287
94	79	79	90	92	93	116	88	99	165	207	168	1658
36	33	40	44	43	49	50	55	57	57	62	76	704
506	439	467	476	521	527	523	505	550	672	748	560	7664
4770	4703	4908	5611	5564	5579	6068	6142	6379	7380	7939	7858	85699

Таблица 3

КНИГОИЗДАНИЕ В ПРОВИНЦИИ С 1881 ПО 1895 ГГ.

№№ пп	Годы / Тематика	1881	1882	1883
1.	Справочные издания	48	49	60
2.	Библиография и критика	40	46	39
3.	Учебные издания	55	54	49
4.	Народные издания	8	2	2
5.	Разные брошюры (смесь)	82	119	97
6.	Отчеты разные	356	449	437
7.	Биографии и сборники биографий	21	30	33
8.	Ученые и др. сборники (кроме биографических и литературных)	4	5	10
9.	Атласы, альбомы, ноты с текстом	10	8	10
10.	Политические и общественные вопросы	431	497	390
11.	Философия. Психология	9	5	14
12.	Политическая экономия	1	1	8
13.	История. Археология. Этнография	98	86	77
14.	Юридические издания	31	40	68
15.	География и путешествия	36	26	24
16.	Счетоводство. Бухгалтерия. Финансы	142	164	147
17.	Статистика	36	43	42
18.	Педагогика	88	92	94
19.	Военное дело	59	38	49
20.	Естественные науки. Медицина	226	187	187
21.	Математика. Астрономия	19	32	35
22.	Сельское хозяйство	63	55	61
23.	Промышленность. Торговля. Транспорт. Связь	175	108	98
24.	Технология	18	33	25
25.	Художественная литература (кроме детской)	44	. 53	52
26.	История литературы	16	17	39
27.	Драматические произведения	23	17	12
28.	Филология	31	21	23
29.	Литературные альманахи и сборники	1	2	3
30.	Детская литература	6	6	2
31.	История искусств	5	6	9
32.	Духовно-богословские (религиозно-нравственные) издания	219	247	225
ИТОГО:		2401	2538	2421

1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	ВСЕГО по отрасли
71	62	75	74	104	102	113	114	107	132	133	144	1388
44	37	49	55	49	58	64	49	70	93	88	103	884
87	74	100	96	117	127	123	126	149	124	128	141	1550
4	6	3	3	11	2	3	2	4	13	5	5	73
118	109	139	124	147	160	209	250	264	338	414	385	2955
474	516	506	533	589	627	679	736	800	892	1039	1129	9762
42	32	35	36	39	41	45	31	49	56	59	65	614
11	4	6	11	5	8	7	3	4	8	4	7	97
4	8	9	6	7	6	8	8	8	10	17	19	138
433	425	403	485	483	512	531	516	538	569	649	629	7491
20	10	6	10	11	13	17	14	10	23	28	24	214
3	6	3	2	2	3	10	3	2	4	5	6	59
118	107	120	139	170	168	31	147	161	148	148	179	1997
56	68	59	60	68	103	90	96	83	111	108	108	1149
29	43	46	42	57	38	51	60	57	55	63	80	707
180	181	176	168	168	200	180	192	206	228	256	274	2862
73	65	59	81	57	90	135	74	95	91	74	90	1105
98	96	99	101	134	123	147	100	101	141	161	158	1733
55	38	41	55	71	60	73	57	46	63	64	66	835
272	306	263	308	289	368	345	369	453	456	428	410	4867
46	37	31	49	43	41	48	43	50	74	55	63	666
65	47	72	82	94	110	113	110	142	187	198	179	1578
120	111	171	147	152	139	192	138	107	183	238	248	2327
38	40	31	34	37	51	51	51	49	68	79	91	696
59	71	97	141	115	103	105	125	137	129	175	174	1580
24	37	22	48	36	26	27	30	35	52	58	60	527
7	21	25	27	35	35	45	35	48	32	28	49	439
18	19	21	18	19	15	16	21	14	18	16	18	288
5	5	4	4	5	4	4	11	12	5	13	7	85
11	6	7	12	5	8	10	7	8	9	7	3	107
9	8	16	10	17	11	16	12	14	20	23	26	202
262	264	269	269	300	339	318	313	371	364	448	441	4649
2856	2859	2963	3230	3436	3691	3906	3843	4194	4696	5209	5381	53624

растает выпуск беллетристики, в 3,5 — юридических и историко-литературных изданий. Значительно увеличивается с 1881 по 1895 гг. издание книг и брошюр по математике и астрономии (в 3,3 раза), сельскому хозяйству (в 3 раза), философии и психологии (в 2,7 раза), географии и путешествиям (в 2,2 раза), по религиозно-нравственным проблемам (в 2 раза), счетоводству и бухгалтерии (в 1,9 раза), педагогике (в 1,7 раза). Книжная продукция по естественным наукам и медицине, а также по истории, археологии и этнографии возрастает к концу рассматриваемого периода в 1,8 раза. В 2,6 раза увеличивается выпуск учебников.

Всего же за 15 лет, с 1881 г. по 1896 г., согласно нашим статистическим данным, в России было издано 139,5 тыс. книг и брошюр [16]. Напомним, что за предшествующие 27 лет их было выпущено немногим более 100 тыс.[17] Таким образом, эти цифры наглядно свидетельствуют о дальнейшем нарастании книжного потока в 1880-х — первой половине 1890-х гг.

По тематике среди выпущенной в России с 1881 г. по 1895 г. книжной продукции на первом месте стоят материалы по естественным наукам и медицине (11,1 %), на втором — религиозно-нравственная литература (8,8 %). Далее следуют беллетристика (8 %), книги и брошюры по общественно-политическим проблемам (6,7 %), по вопросам промышленности, торговли, транспорта и связи (5,6 %), а также издания по истории (3,9 %). Это — наиболее крупные тематические комплексы в общероссийском книжном потоке 1880-х — первой половины 1890-х гг. Таким образом, полностью сохраняется преемственность с предыдущим периодом: в 1860—1870-х гг. в книжной продукции России ведущее место занимали эти же шесть тематических групп [18]. Значительна также доля учебных изданий (4,3 %).

Эта же тематика преобладает и в столичном книгоиздании 1880-х — первой половины 1890-х гг.: материалы по естественным наукам и медицине составляют 12,4 % выпущенной за 15 лет книжной продукции, беллетристика — 11,2 %, литература религиозно-нравственного содержания — 8,9 %, книги и брошюры по вопросам промышленности, торговли, транспорта и связи — 6,4 %, издания по истории — около 4 %. Как и в 1860—1870-х гг.[19], существенную часть (5,3 %) составляют учебники. Материалы общественно-политической тематики занимают сравнительно небольшое место среди столичных изданий (2,3 %).

Зато в провинции, что было характерно и для двух предшествующих десятилетий, эта тематика лидирует: книги и брошюры этого направления составляют 14 % от общего количества провинциальных изданий 1881—1895 гг. На втором месте — литература по естественным наукам и медицине (9 %), на третьем, как и в столицах — духовно-богословские издания (8,7 %). Четвертое, пятое и шестое места занимают, как и в 1860—1870-х гг.[20], книги и брошюры по счетоводству и бухгалтерии (5,3 %), по вопросам промышленности, торговли, транспорта и связи (4,3 %) и по истории (3,7 %). Сравнительно невелика, по сравнению с общероссийскими и столичными показателями, доля художественной литературы и учебников — примерно 2,9 % провинциальной книжной продукции.

В рассматриваемый период постепенно растет количество издательских предприятий, но основная масса литературы выпускалась по-прежнему круп-

ными коммерческими издательствами. Большое количество книг было опубликовано издателями демократического направления, в первую очередь, Ф. Ф. Павленковым. Как и в предшествующие годы, ведущую роль в научном книгоиздании играли Академия наук, университеты, научные общества, в издании религиозной и военной литературы — церковные и военные учреждения. Возрастает издательская продукция земств. Значительно более активно разворачивается выпуск «книг для народа», которые, по замыслу издателей, должны были потеснить на книжном рынке по-прежнему огромный массив лубочной продукции. Все бóльшее место в круге чтения народных масс занимают революционные, в том числе и нелегальные издания.

1880-е гг. ознаменовались бурным развитием буржуазного предпринимательства в журнально-газетном деле и, соответственно, новых буржуазных нравов в печати. В сочетании с политической реакцией это вызвало массовое распространение в печати культа наживы, мелкотемья, эротомании, лживости, взяточничества и вымогательства. Идейное направление такого рода изданий, главной заботой которых было стремление к извлечению наибольшей прибыли, складывалось стихийно и в основном имело буржуазно-монархическую окраску [21].

О поступательном движении книжного дела в 1880-х — первой половине 1890-х гг. свидетельствуют и приводимые ниже статистические таблицы, характеризующие численный рост полиграфических и книготорговых заведений. Этот рост не столь интенсивен, как в предыдущий период; по отдельным позициям наблюдается даже некоторый спад и застой, но побеждают все же тенденции постепенного укрепления полиграфической базы российского книгоиздания и расширения книжной торговли. Особенно интенсивно эти процессы разворачиваются в провинции.

Таблицы, как и соответствующие таблицы по периоду 1860—1870-х гг.[22], составлены на основе хранящихся в РГИА документов инспекторского надзора за полиграфическими предприятиями и книжной торговлей и отражают сведения лишь о наиболее распространенных типах полиграфических заведений (типографиях и литографиях) и о стационарной книжной торговле.

Таблица 4 [23]

Полиграфические заведения в Петербурге

Год	Типографий	Литографий	Типолитографий	Всего	Примечания
1887	51	53	78	182	Данные на 1 января соответствующего года
1891	55	45	84	184	
1896	53	32	116	201	

Таблица 5 [24]

Стационарная книжная торговля в Петербурге

Год	Кн. магазинов	Кн. лавок	Кн. ларей	Всего	Примечания
1886	49	76	10	135	Данные на 1 января соответствующего года

Окончание табл. 5

Год	Кн. магазинов	Кн. лавок	Кн. ларей	Всего	Примечания
1890	50	78	10	138	
1896	58	85	10	153	

Сведения по Петербургу взяты из итоговых цифр, приложенных к инспекторским отчетам за соответствующие годы. В таблице о полиграфических заведениях использованы также сведения, содержащиеся в «Ведомостях о составе заведений, подведомственных инспекторскому надзору» за 1887 и 1891 гг.

Таблица 6

Полиграфические заведения в провинции

Год	Типографий	Литографий	Типолитографий	Всего
1885	405	160	242	807
1890	461	148	289	898
1895	603	126	319	1047

Таблица 7

Стационарная книжная торговля в провинции

Год	Кн. магазинов и лавок	Кн. магазинов и лавок с б-ми и кабинетами для чтения	Ларей, киосков	Складов	Всего	Примечания
1881	684*	141**	38	10	873	* Из них 8 кн.-муз. магазинов ** Из них 2 кн.-муз. магазина
1885	796*	148**	49	9	1002	* Из них 5 кн.-муз. магазинов ** Из них 1 кн.-муз. магазин
1890	882*	154**	45	30	1111	* Из них 9 кн.-муз. магазинов ** Из них 4 кн.-муз. магазина
1895	1325*	205**	48	114	1692	* Из них 9 кн.-муз. магазинов ** Из них 5 кн.-муз. магазинов

В таблицы 6 и 7 не включены сведения по территории ликвидированного в 1882 г. Кавказского наместничества, хотя в губернии, образованные вместо него, стали рассылаться запросы о ведомостях инспекторского надзора за полиграфическими заведениями и книжной торговлей. Сделано это для того, чтобы сохранить преемственность данных таблиц и таблиц за 1860—1870-е гг., опубликованных в первой серии настоящего исследования (в тот период запросы о ведомостях инспекторского надзора в Кавказское наместничество не рассылались)[25]. Включены Санкт-Петербургская и Московская губернии.

Как и в монографии «Книга в России, 1861—1881», данные по провинции выведены на основании сплошного просмотра сохранившихся ведомостей инспекторского надзора за соответствующие годы [26], поскольку в этот период, как и в предыдущий, итоговые сведения не только по провинции в целом, но и по отдельным губерниям не составлялись. В некоторых случаях, когда ведомости по отдельным губерниям за данный год отсутствуют, сведения о наличии полиграфических и книготорговых заведений установлены по предыдущему или последующему году.

Подсчет полиграфических заведений, существовавших в провинции в данный период, осуществлялся иначе, чем в первой серии монографии, где типографии и литографии, принадлежащие одному и тому же владельцу, считались как самостоятельные единицы [27]. Процесс концентрации полиграфического производства к 1880-м гг. проявился, в частности, и в массовом появлении объединенных типолитографских предприятий. Это нашло отражение и в официальных документах: все чаще и чаще в ведомостях по отдельным губерниям в 1880-х гг. встречается термин «типолитография». В ряде случаев типографии и литографии, принадлежащие одному лицу, описываются отдельно, но под одним номером. Распространены также определения «типография с литографией», «типография и при ней литография». Поэтому при подсчете полиграфических предприятий в провинции в 1885, 1890 и 1895 гг. был принят иной, чем для предыдущего периода, принцип: типографии и литографии, принадлежащие одному владельцу, объединяются под термином «типолитография». Этим объясняется зафиксированное в таблице 6 уменьшение количества полиграфических заведений в провинции в 1885 г. по сравнению с 1881 г.[28] На самом деле этого количественного уменьшения не было. Это же относится и к Петербургу.

Так как терминология, принятая в ведомостях при определении книготорговых заведений, по-прежнему очень разнообразна, при их подсчете — в целях достижения сопоставимости — она как и в первой серии монографии, была унифицирована и усреднена (например, «книжная торговля» и «продажа книг» приравнены «книжной лавке»; под термином «книжная лавка и библиотека для чтения» объединены «библиотека для чтения с правом продажи книг», «библиотека для чтения и книжная торговля», «библиотека для чтения с продажей книг» и т. д.). Сведения о книжных магазинах и лавках, как и в первой серии, объединены в одной графе.

Положение дел в Москве представлено в таблицах 8 и 9.

Таблица 8 [29]

Полиграфические заведения в Москве

Год	Типографии и типолитографии	Литографии	Всего
1881	91	119	210
1886	98	99	197
1891	114	74	188
1896	119	60	179

Как видно из таблицы, уменьшение общего количества полиграфических заведений объясняется резким уменьшением количества литографий; типографская же база Москвы постепенно растет.

Таблица 9

Стационарная книжная торговля в Москве (магазины, лавки, лари, киоски, склады, нотные магазины)

Год	Количество заведений
1883	179[30]
1895	181[31]

Иллюстрируя процесс развития полиграфических и книготорговых заведений, таблицы 4—9 подтверждают вывод, сделанный в первой серии нашего исследования: составление единых сводных таблиц, которые отразили бы динамику этого процесса на всей территории Российской империи, не представляется возможным[32]. Современная периоду статистика не оставила нам соответствующих сведений, документы инспекторского надзора сохранились не за все годы, и учет сведений в Петербурге, Москве и губерниях осуществлялся по-разному. Приходится распространить на 1880—1890-е гг. пессимистическое заключение, сделанное Б. П. Орловым по отношению к полиграфической промышленности 60—70-х гг. XIX в.: проверенные сведения о числе полиграфических предприятий в России за этот период отсутствуют[33]. Этот негативный вывод можно отнести и к статистике книготорговых заведений. Так, приведенные нами в таблице 9 цифры основаны на данных «Правительственного вестника» (для 1883 г.) и сведениях из «Отчета по надзору за типографиями, литографиями и т. п. заведениями...» за 1895 г. В то же время М. Н. Куфаев считает, что в Москве в 1897 г. было 219 книжных магазинов и лавок (не считая ларей, киосков, складов и нотных магазинов), а Е. И. Пудовина в статье, опубликованной в 1994 г., приводит совсем иные цифры: к 1 января 1897 г. в Москве имелось 135 книжных лавок, 20 ларей и 8 складов[34].

Примечания

[1] Пантин И. К., Плимак Е. Г. Революционная традиция в России, 1783—1883. М., 1986. С. 25.

[2] См.: Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 417.

[4] Знание — сила. 1994. № 3. С. 24.

[5] См.: Зейфман Н. В. 1 марта 1887 г. и попытка гимназической контрреформации // Освобод. движение. 1981. Вып. 10. С. 82—93.

[6] Хорос В. Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 28—32.

[7] Об издательской деятельности группы «Освобождение труда» и других марксистских организаций см. главу XI настоящего исследования.

[8] См.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: Лит.-изд. деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983. С. 104—107.

[9] Об издательской деятельности народнических организаций см. главу X настоящего исследования.

[10] Русская художественная культура второй половины XIX в. М., 1988. С. 58.

[11] Крамской И. Н. Письма, статьи: В 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 259.

[12] См.: Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 20—22, 24—31.

[13] О принципах их составления см. там же, с. 4—5.

[14] Цифры, характеризующие это нарастание, естественно, в данном случае меньше, чем при анализе таблиц за предыдущий период, поскольку различны временные отрезки, заключенные в них — 27 и 15 лет.

[15] Куфаев М. Н. История русской книги в XIX в. Л., 1927. С. 323.

[16] 139 504 издательские единицы; из них 85 699 в столицах и 53 624 в провинции. В таблицах зарегистрированы также 181 книга и брошюра, вышедшие без обозначения места издания.

[17] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 31, 26.

[18] См.: Там же. С. 21.

[19] Там же. С. 22.

[20] Там же.

[21] Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 146—147.

[22] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 32—33.

[23—24] РГИА. Ф. 776, оп. 29, д. 16, 19, 22.

[25] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 33.

[26] РГИА. Ф. 776, оп. 20, 1881 г., д. 396; там же, 1885 г., д. 44; там же, 1890 г., д. 52; там же, 1895 г., д. 66. Мы полностью согласны с В. Н. Волковой относительно того, что установлению точной статистики полиграфических (добавим: и книготорговых) предприятий в провинции мешает неустойчивость самого их существования в рассматриваемый период (Волкова В. Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX века. Новосибирск, 1995. С. 51. См. также гл. 7 настоящего издания).

[27] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 33.

[28] Таким же образом было определено число объединенных предприятий в Петербурге в 1887 и 1891 гг. В документах по Петербургу за 1896 год уже присутствует термин «типолитография».

[29] Орлов Б. П. Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М., 1953. С. 181.

[30] Список заведениям книжной торговли, библиотекам для чтения и музыкальным магазинам. [СПб.], 1883. С. 4—8.

[31] РГИА. Ф. 776, оп. 21, ч. 1, 1896 г., д. 2. Л. 54—54об.

[32] Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 34.

[33] Орлов Б. П. Указ. соч. С. 143.

[34] Куфаев М. Н. Указ. соч. С. 250; Пудовина Е. И. История книжной торговли в России конца XIX — начала XX в. // Книжное дело. 1994. № 2. С. 34. К сожалению, в обоих случаях источник сведений не указывается.

Глава I

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕЧАТИ

Поворот к реакции во всех областях жизни страны, наметившийся после убийства Александра II первого марта 1881 г., отразился и на политике в области печати.

Прежде всего была прекращена работа Особого совещания для пересмотра действующих законов о печати под председательством П. А. Валуева [1]. В результате в очередной раз было оставлено без внимания единодушное желание деятелей литературы нести ответственность за «преступления, совершенные посредством печати», исключительно по суду.

Новые репрессии обрушились на печать. 4 марта 1881 г. газеты «Страна» и «Голос» получили предостережения, на месяц были приостановлены «Молва» и «Санкт-Петербургские ведомости», 24 марта воспрещена розничная продажа номеров газеты «Порядок» и приостановлена газета «Смоленский вестник». В течение 1881 г. было издано более пятидесяти циркуляров Главного управления по делам печати (самое большое количество с 1873 г.) [2], в которых запрещалось обсуждение многих вопросов общественно-политической жизни страны. 14 октября 1881 г. М. Е. Салтыков-Щедрин писал Н. А. Белоголовому: «У нас, в сфере книгопечатания, циркуляры так и сыплются... Даже в самые трудные времена этого не бывало»[3]. В первые пять месяцев 1882 г. периодическим изданиям было дано шесть предостережений, несколько раз запрещалась розничная продажа, на четыре месяца был приостановлен «Московский телеграф» и на полтора — «Порядок»[4]. К. К. Арсеньев отмечал, что «законная свобода печати, еще недавно казавшаяся столь близкой, отодвинута... в туманную даль; исчезла и фактическая свобода, которою в продолжение нескольких месяцев пользовалась печать»[5]. «Вообще цензура теперь самая строжайшая и придирчивая»,— записал в дневник в апреле 1882 г. журналист Г. А. Де-Воллан [6].

Весной 1882 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев разработал проект «Временных правил о печати», которые облегчали администрации расправу с неугодными периодическими изданиями [7]. Он предлагал предоставить министру внутренних дел право одновременно с объявлением периодическому изданию первого предостережения запрещать его розничную продажу; вместе с объявлением второго — запрещать сверх того и печатание частных объявлений (и то и другое — без ограничения срока). После двух предостережений министр мог приостановить это издание на срок до шести месяцев или обязать редакцию ежедневного издания представлять экземпляры каждого номера в цензурный комитет не позднее 23 часов накануне дня выпуска. По желанию министра внутренних дел против этого издания могло быть возбуждено и судебное пре-

следование. Право совершенного прекращения периодического издания в административном порядке предполагалось предоставить Высшей комиссии, состоящей из министра внутренних дел, министра народного просвещения, министра юстиции и обер-прокурора Синода. Министр внутренних дел мог ставить вопрос о прекращении издания независимо от количества полученных предостережений [8].

Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев одобрил проект [9].

Министр народного просвещения И. Д. Делянов предложил некоторые дополнения, например, обязать периодические издания, «замеченные в систематическом распространении лжи, клеветы и оскорбительных отзывов против правительства или частных лиц», подписывать фамилию автора под каждой статьей. Он считал необходимым развивать официозную печать, в частности, предоставить Высшей комиссии право делать «всякие облегчения и поощрения произведениям печати, имеющим целью служение положительным интересам общества, и всячески привлекая к содействию видам правительства всех наиболее даровитых и заслуженных авторов»[10].

Министр юстиции Д. Н. Набоков выступил против объединения наказаний. По его мнению, не следовало соединять запрещение розничной продажи с первым предостережением, а запрещение печатать частные объявления со вторым, чтобы в распоряжении администрации было как можно больше карательных мер. После третьего предостережения или приостановки он предлагал подчинить издание предварительной цензуре [11].

В мае 1882 г. министром внутренних дел был назначен Д. А. Толстой (одновременно он занял пост шефа жандармов). Толстой считал, что все меры, предпринимаемые для обуздания оппозиционной прессы — объявление предостережений, воспрещение розничной продажи и даже временная приостановка издания — не дают гарантии, что возобновленное издание изменит свое «вредное направление»[12].

Для того, чтобы облегчить правительству преследование прессы, Д. А. Толстой воспользовался проектом «Временных правил о печати», составленным Н. П. Игнатьевым. В августе проект в несколько измененном виде был представлен в Комитет министров, и 27 августа 1882 г. новые «Временные правила о печати» были утверждены Александром III [13].

По новому закону издания (выходящие не реже одного раза в неделю), возобновленные после временной приостановки, должны были каждый номер представлять в цензурный комитет не позже 23 часов накануне дня выхода в свет (хотя они и считались освобожденными от предварительной цензуры). Приостанавливать выпуск этих изданий цензурному комитету разрешалось без возбуждения судебного преследования. Срок действия этого наказания устанавливал министр внутренних дел. Таким образом, после приостановки газеты фактически вновь подчинялись предварительной цензуре, да еще ставились в тяжелые условия, как как после 22 часов никакие материалы уже не попадали в номер, и издание теряло оперативность в освещении событий.

Редакции газет и журналов, выходящих без предварительной цензуры, обязаны были сообщать по требованию министра внутренних дел фамилии авторов анонимных или подписанных псевдонимами статей.

Вопрос о совершенном прекращении или о приостановке периодических изданий решала специально созданная Верховная комиссия по печати, состоявшая из министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции, обер-прокурора Синода и руководителя ведомства, возбудившего рассматриваемый вопрос. Это совещание четырех министров имело право лишить редактора и издателя возможности когда-либо в будущем редактировать или издавать другой периодический орган. Такое тяжелое наказание, которое раньше могло быть наложено только по суду на срок не свыше пяти лет, было переведено в разряд административных взысканий. Закон распространялся на все периодические издания, в том числе и на арендуемые у правительственных и учебных учреждений [14].

Текст «Временных правил» был перепечатан в газете «Неделя» с многозначительным замечанием: «Этот новый закон о печати настолько ясен сам по себе, что нам с читателями остается без всяких рассуждений принять его „к сведению"» [15].

А. Д. Градовский отметил, что почти все издания высказали отрицательное отношение к новому закону [16]. К. К. Арсеньев писал, что после введения его в действие «не существует никаких стеснений для административного произвола, никаких гарантий для свободы печати». «Временные правила» «останавливают мысль в самом ее зародыше, ...понижают общий уровень печати, ...усиливают влияние мнений, процветающих во мраке, опирающихся на молчание» [17].

В отчете Главного управления по делам печати за 1882—1891 гг. содержится характеристика нового закона и причин, вызвавших его появление: «Печальное положение нашей печати к которому она пришла в конце 70-х годов благодаря предоставленной первоначально ей свободе и снисходительному отношению к ней власти, вызвало необходимость ограничения этой свободы и иного, более строгого отношения к ней со стороны правительства. С этой целью 27 августа 1882 г. были высочайше утверждены новые правила относительно периодической прессы, значительно суживающие свободу ее и вместе с тем увеличивающие цензурные правомочия» [18].

Принятие «Временных правил» было очередным шагом в деле усиления административного контроля над прессой (как наиболее доступного и действенного) в ущерб рассмотрению дел о печати в судебном порядке.

Итак, в 1880-х — первой половине 1890-х гг. действующим законом для произведений, подчиненных карательной цензуре, были «Временные правила» 6 апреля 1865 г., основательно урезанные законами, принятыми в конце 1860-х — 1870-е гг. и «Временными правилами» 27 августа 1882 г.

1 января 1883 г. на пост начальника Главного управления по делам печати был назначен Е. М. Феоктистов. По словам его жены, он занял этот пост с единственной целью: «раздавить такую гадину, как „Отечественные запис-

ки“»[19]. Большое влияние на нового начальника Главного управления оказывали М. Н. Катков, «холопом» которого Салтыков-Щедрин назвал Феоктистова [20], и К. П. Победоносцев. Последний считал, что печать — «самая ужасная говорильня, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи, десятки тысяч верст разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям»[21]. Хотя наблюдение за печатью не входило в его обязанности, он, прочитывая массу периодических изданий, требовал от министра внутренних дел и других чиновников, в ведении которых находилась цензура, принятия репрессивных мер. Победоносцев старался не допускать открытия новых периодических изданий. В феврале 1882 г. он писал об этом бывшему министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву: «Или мало еще лжи и разврата распространяется у нас существующими журналами и газетами? К чему, как не к усилению этого зла, может послужить открытие новых? ...Между тем беспрестанно читаешь о разрешении новых газет... Помилосердствуйте! Доколь мы будем сидеть на суку и сук рубить под собою!»[22].

Политика, проводившаяся Д. А. Толстым и Е. М. Феоктистовым, характеризуется значительным усилением цензурных ограничений и репрессий. Современники сходились в оценке их деятельности: «Никогда еще наша цензура не стояла в такой степени на высоте своего призвания, никогда она не была столь проницательна, столь бдительна и строга, как под руководством г. Феоктистова»[23]. Г. З. Елисеев писал, что в бытность министром внутренних дел графа Д. А. Толстого вся пресса «была под строжайшим караулом или, точнее сказать, была брошена в тюрьму»[24].

Широко использовался закон 16 июня 1873 г., по которому министр внутренних дел получил право изымать на определенный срок из обсуждения в печати вопросы, признанные правительством неудобными. Такие ограничения касались как наиболее важных и общих вопросов, волновавших русское общество, так и частных. К примеру, не подлежал обсуждению в печати крестьянский вопрос, более того, в 1886 г. даже запрещалось упоминать о двадцатипятилетии отмены крепостного права. Не разрешалось обсуждать в печати деятельность органов земского и городского общественных управлений, учебных заведений, под запретом был рабочий вопрос, неоднократно запрещалось говорить об эпидемии холеры. Никто не должен был знать о злоупотреблениях в Кредитном обществе, о растрате земских сумм в Калужской губернии, о положении дел страхового общества «Россиянин»[25]. «В эти годы циркуляры сыпались прямо дождем, так, что об них забывало даже само Главное управление по делам печати»,— вспоминал С. А. Венгеров. «...разве не достойно бессмертия оповещение, что „известия о замерзании портов разрешается печатать лишь в том случае, если таковые известия получены от официальных лиц“. Вот она высшая-то политика: даже лед только тогда считается замерзшим, когда начальство прикажет»[26]. А. Е. Кауфман вспоминал, что из цензурных циркуляров составлялись целые книги, которые в редакциях шутливо назывались «книгами живота»[27].

В 1882 г. после временной приостановки прекратила свое существование издававшаяся М. М. Стасюлевичем газета «Порядок»[28]. В 1883 г. в результате подчинения предварительной цензуре по «Временным правилам» 27 августа перестали выходить газеты «Голос» и «Страна», совещанием четырех министров был закрыт «Московский телеграф»[29]. Сравнивая деятельность Феоктистова с цензурой николаевской эпохи, М. И. Семевский отмечал, что в очередной раз «над литературою русскою нависла мрачная туча»[30]. Правительство готовило закрытие «Отечественных записок». «Времена наступили злые,— писал Салтыков-Щедрин Елисееву в 1883 г.,— при таком положении вещей издавать журнал, по малой мере, небезопасно»[31]. После получения второго предостережения судьба журнала была решена: «...вероятно вслед за сим последует и третье предостережение, хотя бы мы и белую бумагу выдавали»,— отмечал Салтыков-Щедрин[32]. Апрельская книжка 1884 г. была последней. Журнал был закрыт постановлением совещания четырех министров. В том же 1884 г. арестованный К. М. Станюкович продал свое право на издание журнала «Дело» В. Д. Вольфсону, и журнал потерял свой демократический характер[33].

В январе 1885 г. была прекращена газета «Светоч», издававшаяся И. А. Родзевичем, бывшим редактором и издателем «Московского телеграфа», в сентябре — петербургская газета «Здоровье» и тифлисская «Дроэба», затем киевская «Заря» (1886), «Русское дело» (1887), «Сибирская газета» и «Русский курьер» (1889), «Русская жизнь» (1895) и другие[34].

По подсчетам В. А. Розенберга, общее число взысканий, наложенных на периодические издания за период с 1881 по 1894 гг., составляет 174, прекратившихся изданий было 15 (из них семь — по решению совещания четырех министров)[35]. Бóльшая часть наказаний осуществлена в первой половине 1880-х гг. По справедливому замечанию П. А. Зайончковского, это объясняется не смягчением цензурных условий в последующие годы, а тем, что в первой половине десятилетия правительство добилось прекращения наиболее прогрессивно настроенных органов печати. Новые же разрешения на издание журнала или газеты, по словам Феоктистова, «выдавались с большой осмотрительностью лишь лицам, на благонадежность которых можно было более или менее положиться»[36].

Цензурное ведомство стремилось усилить надзор за провинциальной печатью. Часто законность не соблюдалась вовсе. Так, в отчете Кавказского цензурного комитета за 1885 г. говорилось, что в отношении тифлисской газеты «Новое обозрение», усвоившей «нежелательное направление», «цензору вменено было в обязанность усилить надзор и удерживать неудобные для печати статьи, не стесняясь тем, что такое удержание не всегда может быть подведено под точный смысл той или другой статьи цензурного устава или правительственного распоряжения»[37].

Цензор Ф. П. Еленев считал, что «разнузданность» литературы зависит «кроме неразборчивого разрешения изданий „недостойным личностям", также и от неудовлетворительности цензурного надзора за печатью вообще». В списке 89 провинциальных литературно-политических газет, выходивших в 1889 г., он от-

метил лишь пять, по его мнению, хороших. Среди них три, получающие субсидии от правительства («Киевлянин», «Рижский вестник» и «Киевское слово»), либерально-народнический «Волжский вестник» и «Кронштадтский вестник». Единственной действенной мерой против остальных изданий Еленев считал «совершенное их запрещение»[38]. Одесский инспектор типографий и книжной торговли в отчете министру внутренних дел просил облегчить возможность закрытия типографий, литографий и заведений книжной торговли [39].

А. Е. Кауфман вспоминал: «Тягостно было положение столичной печати, но сугубо тяжелы были условия деятельности провинциальных журналистов. Провинциальные газеты выходили не под одною цензурою профессионального цензора, а под дюжиною цензур, соперничавших между собою в своей строгости и свирепости»[40].

За период с 1881 по 1894 гг. (по данным Л. М. Добровольского) было запрещено более 70 книг [41]. Среди них — сочинения Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. Гюго, драмы Г. Ибсена. В 1883 г. за «крайне вредное направление» была запрещена книга стихотворений Николая Минского, изданная О. И. Бакстом [42]. В этом же году был запрещен изданный в Челябинске «Систематический указатель лучших книг и журнальных статей с 1856 по 1883 год», составленный руководителем народнического кружка в городе Троицке П. А. Голубевым и его учениками Н. М. Зобниным, И. Е. Овсянкиным и П. П. Инфантьевым. Директор департамента полиции В. К. Плеве, посылая экземпляр указателя Феоктистову, просил обратить особое внимание цензурных органов на появляющиеся каталоги и разного рода указатели книг и журналов, рекомендовав им разрешать таковые к печати лишь с крайней осмотрительностью. Однако конфисковать весь тираж не удалось, указатель был быстро распространен среди подпольных кружков по всей России [43]. За «восхваление» писателей — «носителей демократических идей» — была запрещена книга С. А. Венгерова «История новейшей русской литературы» (1885), за вредные по направлению стихотворения — «Всемирная Илиада. Опыт исторической хрестоматии в стихотворениях русских и иностранных поэтов». Среди стихотворений, обративших на себя внимание цензуры, были «Поток-богатырь» и «Петр Первый» А. К. Толстого, «К временщику» К. Ф. Рылеева, «Русское общество начала 30-х годов» Д. В. Давыдова и другие [44]. За «материалистическое и атеистическое» направление были запрещены «Философские опыты» Э. Ренана (1888) и «Философия Шопенгауэра» Т. Рибо (1889) [45]. В 1894 г. была запрещена книга А. Ярошко «Рабочий вопрос на юге. Его прошедшее, настоящее и будущее». Министр внутренних дел И. Н. Дурново (получивший пост после смерти Д. А. Толстого) в представлении Комитету министров отметил, что автор изобразил землевладельцев и нанимателей «поголовно чуть ли не извергами»[46]. В этом же году был запрещен первый том собрания сочинений известного публициста демократического лагеря Г. З. Елисеева, изданный К. Т. Солдатенковым. И. Н. Дурново обратил внимание на вступительную статью Н. К. Михайловского и в донесении в Комитет министров писал, что издание сочинений Елисеева предпринято с целью «возобновить проповедь доктрин, которые... в период крайней разнузданности... печа-

ти, вызвали против себя строгие меры» и «поддерживать воспоминание о публицистах шестидесятых и семидесятых годов, имеющих вредное влияние на общество»[47].

Ф. П. Еленев считал, что если бы Главное управление по делам печати задерживало все «вредные книги», то Комитет министров был бы «буквально завален их рассмотрением» и сетовал, что возбуждать преследования приходилось лишь в «крайних случаях». Поэтому он предлагал предоставить решение вопросов о запрещении книг совещанию четырех министров, которому переданы такие полномочия в отношении периодических изданий [48].

Активно действовала и иностранная цензура. По данным отчета Главного управления по делам печати, из каждых 25 рассмотренных единиц запрещались две [49].

Несмотря на все принятые меры И. Н. Дурново считал контроль недостаточным. Он подчеркивал, что «цензура, поставленная в определенные законом рамки, не всегда может противодействовать искусно маскированной пропаганде известных идей, и за отсутствием формального основания к запрещению книги, пропускает в народное обращение сочинения, не всегда соответствующие народному пониманию и мировоззрению и несогласные с духом православия и русской государственной жизни»[50].

Для пропаганды правительственных взглядов и руководства прессой правительство пыталось использовать официальную и охранительную печать. Д. А. Толстой считал, что для «обуздания» печати, которая «по-прежнему держится весьма предосудительного направления» осталось «только одно верное средство» — учредить так называемый рептильный фонд для выдачи субсидий проправительственным изданиям. Его поддерживал и Александр III, который подчеркивал, что не пожалел бы денег на организацию «хорошей консервативной газеты»[51]. Эту сторону своей деятельности правительство всячески пыталось скрыть. Так, в 1882 г. «Правительственный вестник» сообщал, что Министерство внутренних дел «не нуждается ни в каком официозном органе, так как ему не представляется надобности проводить какие-либо свои воззрения...»[52]. Ставка царизма на официозные издания не имела успеха. Хотя «Московские ведомости» М. Н. Каткова, «Гражданин» В. П. Мещерского, «Новое время» А. С. Суворина занимали видное место среди периодических изданий того времени, им, по мнению Салтыкова-Щедрина, «не верил никто. Принимались к сведению сообщаемые ими факты, но этим и ограничивалось доверие»[53]. Трудность распространения в читающей среде любого правительственного издания отмечал редактор «Правительственного вестника» Г. П. Данилевский [54]. (Отметим, что Е. М. Феоктистов категорически возражал против подкупа журналистов и считал более целесообразным использовать имеющийся в распоряжении Министерства внутренних дел «арсенал репрессивных мер»[55]).

Таким образом, после спада второй революционной ситуации в начале 1880-х гг. на положении печати отразился общий реакционный курс самодержавия, который был направлен против демократического и оппозиционного движения в стране. «Самое существование литературы только терпелось, а пе-

чать признавалась опаснейшим злом, против которого надлежит „всемерно бороться"»,— писал Г. К. Градовский [56]. В 1890 г. было запрещено упоминать о двадцатипятилетии «Временных правил о печати» 6 апреля 1865 г. Однако, несмотря на это, «Русские ведомости» напечатали ряд статей В. Е. Якушкина и Г. А. Джаншиева [57], в которых осуждалась линия правительства на усиление административного произвола. Авторы призывали вернуться к основным началам закона и впредь руководствоваться им.

Примечания

[1] См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964. С. 262—269.

[2] Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 33—34.

[3] Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1977. Т. 19, кн. 2. С. 48—49.

[4] Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 124.

[5] [Арсеньев К. К.] Внутреннее обозрение // Вестн. Европы. 1882. № 1. С. 346.

[6] Де-Воллан Г. А. Очерки прошлого: Дневник за 1882 г. // Голос минувшего. 1914. № 6. С. 135.

[7] Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 412—413.

[8] РГИА. Ф. 908, оп. 1, д. 168. Л. 135об.—137об.

[9] См.: Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 412.

[10] РГИА. Ф. 908, оп. 1, д. 168. Л. 138.

[11] Там же. Л. 139—139об.

[12] Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 4. С. 444—445.

[13] Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 263—264.

[14] Полное собрание законов Российской Империи [Собр. 3-е], т. 2. № 1072. С. 390—391.

[15] Новый закон о печати // Неделя. 1882. 19 сент.

[16] [Градовский А. Д.] Ближайшие задачи нашей печати // Голос. 1882. 21 сент.

[17] [Арсеньев К. К.] Внутреннее обозрение // Вестн. Европы. 1882. № 10. С. 793—794.

[18] Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие... С. 273—274.

[19] Цит. по: Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 333.

[20] Зайончковский П. А. Российское самодержавие... С. 268.

[21] Цит. по: Белоконский И. П. Из воспоминаний сотрудника // Рус. ведомости, 1863—1913. М., 1913. С. 164.

[22] Цит. по: Кантор Р. М. Письма К. П. Победоносцева к гр. Н. П. Игнатьеву // Былое. 1924. № 27/28. С. 71.

[23] Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие... С. 308.

[24] М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах к Г. З. Елисееву // Заветы. 1914. № 4. С. 27.

[25] Список циркуляров см.: Самодержавие и печать в России. СПб., 1906. С. 66—80.

[26] Там же. С. 4, 5.

[27] Кауфман А. Е. Журнальное страстотерпство: Из воспоминаний о провинц. цензуре // Ист. вестн. 1909. № 10. С. 179.

[28] См. подробно: Кельнер В. Е. Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 203—207.

[29] Правит. вестн. 1883. 6 янв., 13 февр., 20 марта.

[30] Цит. по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 287.

[31] Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 19, кн. 2. С. 175.

[32] Там же. С. 182.

[33] Бенина М. А. Журнал «Дело» (1866—1888): Указ. содерж. СПб., 1993. Вып. 1. С. 17.

[34] См.: Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 194—226.

[35] Зайончковский П. А. Российское самодержавие... С. 280—281.

[36] Там же. С. 281.

[37] РГИА. Ф. 776, оп. 20, д. 825. Л. 68об.—69об.

[38] Еленев Ф. П. I. О злоупотреблениях литературы и о деятельности цензурного ведомства с конца пятидесятых годов по настоящее время. II. О необходимых изменениях в устройстве цензурного ведомства. СПб., 1896. С. 34, 35, 53.

[39] РГИА. Ф. 776, оп. 20, д. 896. Л. 129об.

[40] Кауфман А. Е. Журнальное страстотерпство... С. 177—178.

[41] Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Арх.-библиогр. разыскания. М., 1962. С. 140—198.

[42] Там же. С. 145—146.

[43] Здобнов Н. В. Конфискованные библиографические издания 80-х гг. // Каторга и ссылка. 1934. № 4. С. 115—118.

[44] Добровольский Л. М. Указ. соч. С. 155, 157—158.

[45] Там же. С. 166—167, 172—173.

[46] Там же. С. 196—197.

[47] Там же. С. 198.

[48] Еленев Ф. П. Указ. соч. С. 37.

[49] Зайончковский П. А. Российское самодержавие... С. 301.

[50] См.: Там же. С. 307.

[51] Феоктистов Е. М. Воспоминания: За кулисами политики и литературы, 1848—1896 / Под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1991. С. 212, 238.

[52] Правит. вестн. 1882. 18 февр.

[53] М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах к Г. З. Елисееву // Заветы. 1914. № 4. С. 26.

[54] РГИА. Ф. 776, оп. 33, д. 13. Л. 53а.

[55] Феоктистов Е. М. Указ. соч. С. 213.

[56] Градовский Г. К. Из истории русской печати: Лит. воспоминания // Мир. 1909. № 1. С. 50.

[57] Якушкин В. Е. Из истории русской цензуры // Рус. ведомости. 1890. 30 марта, 5 апр., 12 апр., 30 апр.; Джаншиев Г. А. К двадцатипятилетию закона о печати 6 апреля 1865 г.: (Ист. очерк) // Там же. 6 апр.

Глава II

РАЗВИТИЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ [1]

К 80-м гг. XIX в. оканчивается экстенсивный этап технического переворота в важнейших отраслях русской промышленности [2]. Новый — интенсивный этап перехода от мануфактуры к фабрике в российской индустрии оказал стимулирующее экономическое воздействие на полиграфическое дело. Экономическая логика такова, что с развитием машинного производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно мелкие предприниматели устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне.

Так, на Первом съезде деятелей по печатному делу (в 1895 г.), давая общую характеристику развития полиграфической промышленности столицы, докладчик отмечал: «За последние десять лет все более и более слышатся жалобы владельцев типографий, а в особенности специалистов-типографов на упадок типографского дела в С.-Петербурге и на неправильно установившуюся конкуренцию. Главною причиною этому служит то обстоятельство, что лица, мало или совсем не знакомые с типографским делом, открывают типографии, имея в виду только легкую наживу, так как в публике сложилось убеждение, что типографское предприятие есть доходная статья»[3].

В результате усилившейся конкуренции цены на исполнение печатных работ значительно упали, что существенно ускорило процесс замены ручного труда машинным в российской полиграфии. Если за период с 1876 по 1886 г. число печатных машин в петербургских типографиях и литографиях выросло на 61,2 % (с 294 до 474), то с 1886 по 1896 г.— более чем вдвое (с 474 до 997) [4]. Наряду с обычными плоскопечатными машинами в типографиях устанавливаются ротационные. Они во много раз повышали скорость печатания: производительность обычных печатных машин равнялась 1200 оттисков в час, а ротационных — от 10 до 30 тыс.

Сначала ротационные машины ставились только в газетных типографиях, но затем их стали применять для печатания и книжной продукции (например, в типографии И. Д. Сытина). Первая в нашей стране ротация, как известно, была установлена в 1877 г. в типографии газеты «Новое время». В 1882 г. на ротациях печатались также газеты «Голос» и «Новости». Семь лет спустя в одной лишь типографии А. Ф. Маркса, выпускавшей журнал «Нива» и приложения к нему, работали три ротационные машины. В 1880 г. в Москве имелась всего одна типографская ротационная машина, в 1889 г.— 8, в 1896 г.— 13 [5].

Механизация печатного дела России проходила главным образом путем внедрения зарубежной техники. Полиграфическое машиностроение в стране

являлось по преимуществу мелкосерийным, что сказывалось на стоимости печатных машин. Так, на художественно-промышленной выставке 1882 г. о машинах заводов И. И. Флора и А. А. Васильева эксперт отзывался как о «дорогих»[6]. Предприниматели-типографы, конечно, отдавали предпочтение более дешевым иностранным машинам. При постоянном росте спроса на полиграфические машины в стране увеличивался их импорт. В 1900 г. из-за рубежа было импортировано, по официальным данным, типографских и литографских машин на 544 740 р., а в самой России произведено типографских машин на 94 200 р.[7], т. е. почти в 6 раз меньше. В этом отношении показательно заключение о техническом оснащении петербургской Синодальной типографии: «Все скоропечатные машины, равно и обе ротационные — фабрики Кенига и Бауэра»[8].

Развитие полиграфической промышленности России на базе иностранной, прежде всего немецкой, техники в значительной степени объяснялось также и тем, что до 1880-х гг. какая-либо таможенная защита российских машиностроительных заводов, выпускавших печатные машины, отсутствовала. Начиная с этого времени были установлены пошлины в размере 88 к. (золотом) с пуда. Хотя этот шаг царского правительства был еще далек от протекционизма, однако позволил резко оживить отечественное производство печатных машин.

В конце 70-х гг. серийное производство скоропечатных машин наладил на своей фабрике петербургский заводчик А. А. Васильев. В 1881 г. началось изготовление литографских машин на московском заводе И. И. Флора. Производством литографских машин занимался также завод К. Маркварта. Одно время печатные машины выпускал крупный машиностроительный завод Бромлея. В 1884 г. в Петербурге основывается завод В. Однера и Ф. Гиля. Наиболее крупным полиграфическим машиностроительным предприятием страны являлся завод И. Гольдберга. В 1884 г. изготовлением печатных машин здесь было занято 230 человек, которые вырабатывали годовой продукции на сумму 173 тыс. р.[9] Здесь производилось самое разнообразное оборудование для типографий: цилиндрические и тигельные печатные машины нескольких размеров, разнообразные бумагорезательные машины, винтовые и гидравлические паковальные прессы, стереотипные аппараты и т. п. Продукция завода имела хорошее качество и, по отзывам владельцев типографий, не уступала заграничным образцам. С 1881 по 1896 г. предприятием И. Гольдберга было построено 350 печатных машин и оборудовано более 925 типографий и литографий страны[10].

Говоря об успехах отечественного полиграфического машиностроения, нельзя не отметить высокооригинальные работы русских новаторов. Назовем всемирно известное имя Ивана Ивановича Орлова (1862—1928), изобретателя так называемой «орловской печати», поныне широко используемой для воспроизведения ценных государственных бумаг[11]. Это изобретение, защищенное патентами в крупнейших странах мира, экспонировалось на всемирных выставках в Париже и Чикаго, удостоено специальной премии Академии наук. Продолжая труды Орлова, М. Д. Рудометов сконструировал ротационную машину для четырехкрасочной однопрогонной печати. Среди других работ отечественных изобретателей отметим плоскопечатную машину с дополнительным ротацион-

ным печатным аппаратом, сконструированную в 1898 г. Г. Ш. Ционсоном. В этом же году И. И. Орловым была разработана оригинальная конструкция пневматического самонаклада — устройства для подачи в машину бумажных листов. Самонакладами были оборудованы печатные машины петербургской Экспедиции заготовления государственных бумаг [12].

Развитие технической мысли шло не только в направлении увеличения скорости печатания, но и повышения его качества. В 80—90-х гг. прошлого столетия в практику русской полиграфии входят разнообразные фотомеханические способы изготовления иллюстрационных печатных форм. Е. Л. Немировский пишет: «...развитие так называемой плоской печати, применявшейся для воспроизведения иллюстрационного материала, поставило перед изобретателями сложную задачу рационализации наборного процесса. Задача состояла в том, чтобы сделать возможным воспроизведение указанным способом и текстового материала. Это требование привело к созданию высокосовершенных наборно-печатающих и фотонаборных машин» [13]. Напомним, что первые опыты в этой новой области были предприняты еще в 70-х гг. XIX в. Оригинальные наборно-печатающие машины были созданы А. Н. Петровым и М. И. Алисовым [14]. В 1895—1896 гг. В. А. Гассиев (1879—1962) построил первые в мире действующие модели фотонаборной машины и успешно воспроизводил на них несложные тексты [15].

Однако повсеместное внедрение машинной техники в российской полиграфии в 1880—1890-х гг. не коснулось брошюровочно-переплетных и наборных процессов. Причины тому следует искать в экономике издательско-полиграфического производства. Одним из главных факторов, влияющих на снижение себестоимости единицы продукции, является увеличение тиража. По мере увеличения тиража доля расходов на набор в себестоимости одного экземпляра издания уменьшается, но до определенного уровня. Начиная с данной границы этот уровень снижается, но крайне незначительно. Поэтому предприниматели-издатели не испытывают экономической потребности в применении наборных машин при относительно невысоких тиражах. Но эта потребность сразу же возрастает при повышении общего уровня тиража, например, с 50 до 100 тыс. экз., и тем более возрастает, чем выше данный уровень.

Так, первый патент на наборную машину был выдан англичанину У. Черчу в 1822 г. Начиная с этой даты до 1860 г. в Англии опубликовано 57 патентов на наборные машины [16]. Большинство из них осталось на бумаге. Первыми же начали массовое использование наборных машин — линотипов — американцы. Лишь с этого времени линотипы устанавливаются и в британских типографиях [17]. Так же было и в России: наборная машина П. П. Княгининского была изготовлена во Франции.

Несмотря на ограниченный масштаб внедрения машинной техники, достигнутый уровень машинизации оказывался достаточным для утверждения фабричной индустрии. Так, хотя в британской полиграфии в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. и не были механизированы наборные процессы, она являлась вполне развитой отраслью машинной индустрии. В отчете Комиссии по детской

занятости от 1862 г. говорилось, что бóльшая часть печатных предприятий применяет паровые машины, и лишь несколько фирм с числом рабочих от 8 до 10 человек обходятся без паровой энергии[18].

В российской полиграфии, наряду с паровыми машинами, широкое развитие получили газомоторы. Если в 1886 г. в Петербурге на 39 паровых машин приходилось 35 газомоторов, то через четыре года, при прежнем количестве паровых машин, число газомоторов составляло уже 90[19]. Как фиксировала промышленная статистика, исключительно газовые двигатели применяли такие крупные полиграфические предприятия, как словолитня Лемана, типографии А. Ф. Маркса, С. П. Яковлева, В. С. Эттингера и Акционерного общества типографского дела в С.-Петербурге[20]. Поэтому для характеристики степени утверждения фабричной системы в российской полиграфической промышленности в нижеследующей таблице использована группировка предприятий по числу рабочих.

Таблица 1

Группировка предприятий полиграфической промышленности России в 1894/95 г. (в %% к итогу)[21]

Губернии, группы предприятий с числом рабочих	Количество предприятий	Число рабочих	Мощность всех двигателей	Стоимость произведенной продукции
50 Губерний России				
менее 15 чел.	28,2	6,2	1,8	4,5
от 15 до 30 чел.	34,8	20,0	11,0	16,2
от 31 до 49 чел.	15,7	16,2	12,2	13,6
от 50 до 99 чел.	14,3	25,3	21,1	29,1
от 100 до 499 чел.	7,0	32,3	53,9	36,6
	100,0	100,0	100,0	100,0
Петербургская				
менее 15 чел.	12,6	1,8	1,5	2,3
от 15 до 30 чел.	31,5	12,3	8,0	9,9
от 31 до 49 чел.	21,2	14,6	10,8	14,6
от 50 до 99 чел.	18,9	23,7	18,8	29,6
от 100 до 499 чел.	15,8	47,6	60,9	43,6
	100,0	100,0	100,0	100,0
Московская				
менее 15 чел.	16,2	2,6	1,3	2,7
от 15 до 30 чел.	42,6	17,0	11,2	14,9
от 31 до 49 чел.	16,2	11,9	11,0	6,2
от 50 до 99 чел.	10,3	13,2	9,1	17,7
от 100 до 499 чел.	14,7	55,3	67,4	58,5
	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, фабричная система в отечественной полиграфической промышленности к середине 90-х гг. приобрела свой законченный вид. В 1894/95 г. российские предприятия фабрично-заводского типа составляли 71,8 % всех печатных заведений страны, где сосредотачивалось 93,8 % всей рабочей силы и 95,5 % всего объема производства. Об утверждении позиций крупной машинной индустрии в русской полиграфии свидетельствует и фабричный инспектор В. В. Святловский. Анализируя указатель фабрик и заводов И. Орлова, он в 1893 г. отмечал: «...к сожалению, число типографий вовсе не указано, хотя означенные заведения в огромном большинстве случаев не должны быть причисляемы к ремесленным заведениям, а именно к фабричным...»[22].

Анализ таблицы 1 показывает, что, хотя крупные предприятия в полиграфической промышленности составляли всего 21,3 % от общего числа печатных заведений страны, они сосредотачивали 57,6 % всей рабочей силы и 65,7 % стоимости всей произведенной продукции. Для Петербургской губернии сведения о концентрации производства будут выглядеть следующим образом: 34,7 % — от общего числа предприятий, 71,3 % — от всей рабочей силы и 73,2 % — от стоимости произведенной продукции; для Московской губернии соответственно: 25,0 %; 68,5 % и 76,2 %. Следовательно, к середине 90-х гг. процесс концентрации типо-литографского производства приобретает совершенный вид.

В середине 90-х гг. XIX в. 53,2 % всей рабочей силы и 60,5 % всей печатной продукции сосредотачивалось на предприятиях Петербурга и Москвы, которые были значительно крупнее провинциальных типографий и литографий. Если в целом по России в 1894—1895 гг. на одно полиграфическое предприятие приходилось примерно 40 человек работающих, то в столичных печатных заведениях — 60.

Концентрация полиграфической промышленности проявлялась также в образовании внутригородских группировок, что можно проследить на примере Петербурга. Так, 53,8 % всех подвергнутых обследованию заведений образовывали 5 внутригородских скоплений; внутри каждого из них типографии и литографии расположены либо в одном здании, либо через дом[23].

Такое территориальное производственное образование отличалось достаточной устойчивостью и тяготело к издательским и полиграфическим центрам. Оно позволяло предприятиям кооперироваться при изготовлении сложных изданий, требовавших иллюстраций, переплетных работ и т. п.; часто возникала необходимость воспользоваться клише соседа, передать ему часть срочного заказа. Как правило, типографии и литографии, входившие в территориальное объединение, были высокоспециализированными[24]. Таким образом, каждое скопление представляло собой как бы крупное предприятие, что свидетельствовало о чрезвычайно высокой степени концентрации производства в русской полиграфии.

Однако в полиграфической промышленности отсутствовали типографии и литографии с числом рабочих более 500 и тем более 1000, что было характерным явлением, например, для хлопчатобумажной отрасли. Такие предприятия появились в российской полиграфии лишь в начале XX в.

Концентрация производства неразрывно связана с концентрацией и централизацией капитала. В 1880—1890-е гг. среди российских владельцев полиграфических предприятий широко распространяются акционерные общества. Причиной этого являлось нарастание несоответствия между ростом масштабов типолитографского производства и ограниченностью индивидуальных капиталов. Объединение многих частных капиталов в один акционерный позволяло разрешить это противоречие.

11 марта 1861 г. утвержден устав первого в отрасли издательско-полиграфического акционерного предприятия «Товарищество Общественная польза» с основным капиталом в 400 тыс. р. для издания общедоступной литературы по различным отраслям естествознания [25]. Важно отметить, что это петербургское акционерное общество создано на основе преобразования возникшего в 1858 г. «Торгового дома, под фирмою С. Дм. Струговщикова, Гр. Дан. Похитонова, Ник. Ив. Водова и К°»[26]. Этот путь превращения торгового дома в акционерную компанию был типичен для российской полиграфии (особенно московской) [27]. Отражением этой же тенденции является тот факт, что акционерные общества в полиграфической промышленности носили название «товариществ на паях»[28].

По составу участников паевые товарищества напоминали торговые дома. Их пайщиками были либо члены одной семьи, либо лично известные друг другу капиталисты. Для сохранения решающего влияния на дела фирмы прежних владельцев обычно предусматривалось, чтобы паи (акции) выпускались именными, причем высокого номинала, а их продажа ограничивалась (преимущественным правом покупки паев пользовались другие пайщики, а порядок определения продажной цены устанавливался уставом). Фактически акционерные компании печатного дела являлись «закрытыми», т. е. акции их не обращались на свободном рынке — не подлежали котировке на фондовых биржах [29].

Помимо правового статуса паевых товариществ, причинами отсутствия свободного обращения их акций были следующие обстоятельства. Во-первых, петербургская биржа не допускала котировку акций предприятия с капиталом менее 500 тыс. р., а именно таков был размер капитала большинства акционерных компаний печатного дела. Вторая причина — отношение буржуазии в целом к книгоизданию и книготорговле. Так, на просьбу «Товарищества скоропечатни А. А. Левенсон» в 1897 г. допустить обращение паев на московской бирже биржевой комитет ответил, что печатные предприятия не могут быть отнесены к тем отраслям промышленности, «развитие которых... #представляется желательным# и которые поэтому требуют привлечения свободных капиталов»[30].

Вследствие «закрытого» характера функционирования паевых товариществ в полиграфической промышленности акционирование происходило путем соединения мелких капиталов внутри самого типолитографского производства, а также привлечения свободных средств из смежных отраслей: издательского дела, книжной торговли и писчебумажной промышленности [31]. Если в России (без Польши и Финляндии) в 1876 г. действовало одно акционерное предприятие в печатном деле с основным капиталом в 400 тыс. р., то в 1886 г.— 3 корпорации с

капиталом в 1,4 млн. р., а в 1896 г.— 14 акционерных обществ с капиталом в 5,9 млн. р.[32]

Учреждение акционерных предприятий являлось следствием достигнутой ими значительной концентрации производства. Достаточно сказать, что типолитография И. Н. Кушнерева имела в момент превращения фирмы в паевое товарищество (1888 г.) 26 печатных машин, тогда как на одно московское печатное предприятие приходилось в среднем 5 машин. В свою очередь, достигнутый высокий уровень концентрации полиграфического производства обуславливал существенное ее расширение.

Таблица 2

Удельный вес акционерных компаний в полиграфической промышленности России в 1894/95 гг. и 1900 г. (в %) [33]

Губернии	1894/95 г.			1900 г.		
	Число предприятий	Число рабочих	Сумма производства, руб.	Число предприятий	Число рабочих	Сумма производства, руб.
Всего по 43 губерниям России в т. ч.	3,9	14,2	20,1	6,4	22,9	26,1
С.-Петербургская	3,2	3,7	6,6	9,5	16,4	16,3
Московская	10,2	44,0	48,9	14,3	52,9	54,7

Если в 1894/95 г. на корпорации в полиграфической промышленности России приходилось 20,1 % всей суммы производства, то в 1900 г.— 26,1 %. По степени акционирования российская полиграфия обгоняла в 1900 г. такие важные отрасли, как шелковая (19,1 %) и лесопильно-фанерная (13,8 %) [34], что отражало относительно высокий уровень концентрации типолитографского производства. Характерным для акционерных предприятий являлось комбинирование производства, доведенное до той формы, когда в руках предпринимателя находилась и реализация готового продукта: паевые товарищества имели не только издательства и типографии, но и книжные магазины[35].

Однако вплоть до конца XIX в. индивидуальная форма собственности занимает господствующее положение в русской полиграфической промышленности. Дело в том, что типолитографское дело все-таки существенно отставало от ведущих отраслей народного хозяйства по степени концентрации производства. Известно, что чем крупнее предприятие, являющееся объектом индивидуального управления, тем выше экономия от расширения масштабов выпуска продукции. Однако, как только масштабы производства достигают определенной величины, рост этой экономии замедляется. Пока производство не достигло очень больших масштабов, экономия растет быстро, что позволяет мелким производителям за счет части получаемой сверхприбыли производить инвестирование и

Таблица 3

Использование женского и детского труда в типографиях и литографиях Петербурга за 1885 и 1894/95 гг.[40]

Группы предприятий с числом рабочих	Численность						%%					
	1885 г.			1894/95 г.			1885 г.			1894/95 г.		
	Всех рабочих	Женщин	Малолетних	Всех рабочих	Женщин	Малолетних	Всех рабочих	Женщин	Малолетних	Всех рабочих	Женщин	Малолетних
менее 15 чел.	124	12	15	11	—	5	100	9,7	12,1	100	—	45,5
от 15 до 30 чел.	319	2	32	231	48	34	100	0,6	10,0	100	20,8	14,7
от 31 до 49 чел.	159	—	22	411	23	32	100	—	13,8	100	5,6	7,8
от 50 до 99 чел.	694	16	41	809	94	29	100	2,3	5,9	100	11,6	3,6
от 100 до 499 чел.	764	17	36	1743	278	42	100	2,2	4,7	100	15,9	2,4
Итого:	2060	47	146	3205	443	142	100	2,3	7,1	100	13,8	4,4

стать на один уровень с крупными производителями. Так, в середине 1890-х гг. петербургское и московское полиграфические производства характеризовались одинаковым уровнем концентрации крупных предприятий. Для Петербургской губернии на долю печатных заведений с числом рабочих 50 и выше приходилось 73,2 % всего производства, для Московской губернии — 76,2 % (см. табл. 1). Петербургские типографии и литографии, которые в значительно меньшей степени, нежели московские, принадлежали корпорациям, практически не уступали в техническом отношении, а подчас и превосходили печатные заведения Москвы. Достаточно указать на превосходно оборудованные типографии А. С. Суворина и А. Ф. Маркса.

Но если сравнить уровень концентрации полиграфического производства по группе предприятий с числом рабочих от 100 и выше, становится очевидным, что московская полиграфия значительно опережала петербургскую. Самые крупные типолитографии Москвы контролировали в 1894/95 г. 58,5 % городского производства, тогда как печатные заведения Петербурга — 43,6 % (см. табл. 1). Поскольку появление акционерных обществ обусловлено процессом концентрации, постольку корпоративное движение в Москве продвинулось значительно дальше, чем в Петербурге: соответственно 48,9 % и 6,6 % суммы производства (см. табл. 2).

Как правило, акционерные общества создавались с целью основания новых капиталистических предприятий, а товарищества на паях — для продолжения и развития деятельности уже существовавших торгово-промышленных заведений, находившихся в индивидуальной собственности. В первом случае решалась главным образом задача мобилизации капитала за счет привлечения достаточно широкого круга акционеров. Во втором случае преследовались иные, чаще всего организационные цели, ибо капитал уже имелся. Развитие акционерных обществ выражало собой по преимуществу процесс централизации капитала, а увеличение числа паевых товариществ — процесс его концентрации[36].

С 1888 по 1898 г. годовые обороты московских печатных предприятий выросли в 1,6 раза, а прибыли предпринимателей — в 2,5 раза[37]. Развитие акционерных компаний позволяло резко увеличить прибыли. В этой связи показательно высказывание автора брошюры о двадцатипятилетии московской типолитографии И. Н. Кушнерева: «Расчеты, имевшиеся в виду при учреждении акционерного товарищества, оказались верными, и успех, пожалуй, больше чем превысил ожидания»[38]. Чистая прибыль нового товарищества, учрежденного в 1888 г., была вдвое выше, чем прибыль товарищества на вере.

Мелкие полиграфические предприятия обеспечивали свою конкурентоспособность, лишь экономя на постоянном и переменном капитале. В докладах на Первом съезде русских деятелей по печатному делу в 1895 г. отмечалось: «...многие типографии, беря учеников, исполняют заказы их удешевленною работою, что ставит их в совершенно особые условия, по отношению выгоды, с другими более добросовестными типографиями»[39].

Именно мелкие типографии и литографии с числом рабочих до 15 человек в наибольшей пропорции использовали труд подростков, наименее распростра-

ненный в типолитографиях с числом занятых от 100 человек и выше (см. табл. 3).

В конце XIX в. печатное дело страны резко выделялось среди других отраслей народного хозяйства по степени применения детского труда. Достаточно сказать, что если малолетние в возрасте до 14 лет в общем числе фабрично-заводских рабочих Европейской России составляли в 1897 г. 3,9 %, то среди полиграфистов этот уровень достигал 10,6 % [41].

Интенсивное использование детского труда объяснялось сохранением ручного труда наборщиков и граверов, требующего длительной подготовки и особенной подвижности рук. Если наборщика обучать профессии в возрасте старше 14 лет, то его руки никогда не приобретут нужной ловкости и навыка. Например, из 135 саратовских рабочих, ответивших на вопросы специальной анкеты в 1899 г., 79,5 % приступили к работе в печатных заведениях в возрасте от 10 до 15 лет [42].

Сроки найма учеников в 80-х и 90-х гг. XIX в. были различны и колебались в пределах от 4 до 7 лет, а иногда даже и больше. Хозяева типографий и литографий стремились как можно дольше держать у себя детей на положении учеников, идя при этом на всякие ухищрения. Так, в киевскую типографию Маевского был взят из сиротского дома девятилетний мальчик с условием содержать его до 18-летнего возраста, т. е. на 9 лет [43]. В целом же нормой являлся пятилетний срок плюс год или два на так называемом «воспитании», т. е. в общей сложности ученичество длилось шесть—семь лет. Эксплуататорская сущность такого длительного пребывания мальчика в учении заключалась в том, что последние годы ученичества подросток работал как настоящий взрослый рабочий. Между тем, уже в 1878 г. признавалось, что для подготовки квалифицированного работника вполне достаточно трех лет.

Прием учеников в печатные заведения осуществлялся на основе договора между хозяином и родителями. Число желающих отдать своих сыновей в обучение в начале 1880-х гг. превышало предложение [44], что создавало предпринимателю особенно выгодные условия найма. Прежде всего, контрактное соглашение заключалось, как правило, в самой типографии или литографии, а не в ремесленной управе. За хозяином оставалось право самому избирать специальность для ученика; кроме того, он выторговывал себе «родительские» права, что служило основой самого широкого произвола по отношению к ученику. Родители обязывались «ни под каким предлогом» не брать отданного в обучение типолитографскому ремеслу ученика до окончания срока. В то же время хозяева имели возможность удалять ученика в любое время, вне зависимости от того, успеет ли он закончить учение или нет [45].

За первое время обучения подросток не получал зарплаты и находился на хозяйском содержании, которое включало в себя питание и ночлег в самом печатном заведении. Оно составляло в начале 1880-х гг. примерно 10—15 р. в месяц, т. е. в три раза меньше, чем полагалось взрослому квалифицированному рабочему. Если же предприниматель предоставлял и одежду, то срок «ученичества» удлинялся на год. Как правило, по мере обучения выдавалась сначала

треть, затем половина и две трети заработка. Лишь на последнем году обучения ученик получал все причитающиеся ему 10—15 р.

Насколько тяжело было материальное положение подростков в полиграфической промышленности, видно в сравнении с заработной платой взрослых рабочих, которая имела тенденцию понижаться ниже стоимости рабочей силы. К сожалению, не представляется возможным сопоставить динамику заработной платы и роста уровня жизни рабочих-полиграфистов, поэтому для иллюстрации данного проявления абсолютного обнищания рабочего класса, сошлемся на свидетельства современников. Один из них, хорошо знавший положение полиграфистов страны, сообщал в 1885 г.: «...в общем материальные интересы рабочих все же остаются пока совсем не обеспеченными»[46]. Об условиях жизни рабочих Одессы писали: «Бедность, нищета и крайне безвыходное положение, в котором находятся рабочие в подобного рода заведениях, страшны, и просто нет возможности передать их пером»[47]. Причинами тому были: «...вознаграждение за труд почти на 1/4 ниже петербургского и на 1/3 — против существующего в семидесятых годах в Одессе, а между тем жизненные продукты стали вдвое дороже...»[48]. Насколько бедственным было денежное состояние одесских полиграфистов, можно судить по тому факту, что даже петербургские наборщики жаловались «на то, что им недоплачивают...»[49].

Еще в 1860-х гг. многие московские типографии ввели штрафы «за беспорядки» в работе[50]. Владелец типографии в Харькове в 1885 г. мог уволить рабочего «за невнимание к делу»[51]. В исследовании о саратовских типографиях указывается: «Штрафная система практикуется в довольно широких размерах: за опоздание, за прогул и т. п., причем штрафы эти бывают весьма чувствительны для кармана рабочего; так, например, за опоздание от 7 минут до 1/2 часа вычитается 1/4 часть дневного заработка, за опоздание от 1/2 часа до 1 часа вычитается 1/2 дневного заработка. У некоторых рабочих штрафов набирается в год до 10—20 руб.»[52]

В типографиях и литографиях, особенно мелких, царил полный произвол наложения и взимания штрафов. Фабричный инспектор Харьковского округа отмечал в 1885 г.: «Вообще, штрафы берутся с рабочих по всякому удобному и неудобному поводу, вопреки прямому смыслу ст. 107 Устава о промышленности фабричной и заводской, дозволяющей штрафовать рабочих лишь за прогул и прямой вред, причиненный хозяину»[53].

Важнейшим проявлением усиления эксплуатации рабочих-полиграфистов являлось удлинение рабочего дня за счет сверхурочных, ночных работ, выходов в праздничные и воскресные дни, а также общее увеличение рабочих часов. Все эти формы увеличения прибавочной стоимости взаимодополняли друг друга и существовали одновременно, опрокидывая тем самым все моральные и естественные пределы рабочего дня.

В московских типографиях и литографиях в 1870-х гг., по свидетельству старых рабочих, 14—15 часовой рабочий день «был скорее общим правилом, чем исключением: работали с 5 час. утра до 8 час. вечера, с самыми небольшими перерывами, которые в некоторых предприятиях разрешались только мастерам;

ученики и подручные должны были уметь закусывать, не прерывая работы»[54]. В 1880-х гг. рабочий день сокращается, главным образом на крупных предприятиях, до 11,5 часов. Такая же продолжительность рабочего дня была в это время и в петербургских печатных заведениях[55]. В провинциальных типографиях и литографиях, например, в Харьковском фабричном округе рабочее время в 1885 г. часто составляло 19—20 часов в сутки[56]. В целом в печатных предприятиях царил полный произвол в определении длины рабочего дня.

В середине 1890-х гг. труженики петербургских печатных заведений работали по 13—14 часов[57]. Такая продолжительность рабочего дня, видимо, была типична для всей полиграфической промышленности страны. Так, в самом начале 1900-х гг. современник отмечал: «В русских типографиях работа продолжается обыкновенно не менее 12 часов... Но ввиду особенностей работы, рабочий день даже в 10 часов представляется чересчур продолжительным...»[58]

В осенний и зимний периоды особенно широко практиковались сверхурочные работы. Формально они могли производиться только по соглашению рабочего с хозяином за полуторное или даже двойное вознаграждение. Но даже используя сверхурочные работы, рабочий сытинской типолитографии Третьяков, например, «в месяц выгонял на этом не больше 3—5 рублей»[59].

Создавая иллюзию дополнительного приработка, сверхурочные работы были важным средством усиления эксплуатации. Их широкое применение позволяло капиталистам увеличивать производительность труда без соответствующего увеличения постоянного капитала, т. е. без использования новых машин и оборудования. Кроме того, сверхурочные работы позволяли значительно экономить на содержании рабочей силы, ибо оплата сверхурочных обходилась предпринимателям дешевле, чем наем дополнительных рабочих.

Каким же образом рабочим удавалось сводить концы с концами? Ответ на этот вопрос дает исследование условий труда полиграфистов местных типолитографий, проведенное саратовскими земскими врачами: «Пополнение необходимых расходов совершается в счет будущего заработка, который добывается как-либо случайно или особенно усиленной работой, а иногда, как сообщают другие семейные рабочие, производятся сокращения в самых необходимых потребностях, наприм., пускаются жильцы и в без того крошечные каморки рабочих»[60].

В несравненно худшем положении находились ученики, особенно в маленьких печатных предприятиях. Вот как описывает современник в 1885 г. их быт в киевских типографиях: «...они ходят необутые, в грязном тряпье, работая на хозяина иногда 10—16 часов в сутки, завтракают жидкой постной кашицей, за обедом питаются с котла щами или супом с окрошкой самого дешевого разбора мяса, да постной кашицей, а ужинают остатками от обеда, иногда негодными к употреблению... Ночуют в непригодных помещениях, и в счастливом случае — в самих мастерских. Постелью для них служат обыкновенные голые доски или рогожи из бумажных тюков»[61]. Несколько лучшим было положение учеников в столичных типографиях и литографиях, однако и здесь оно оставалось тяжелым.

Безотрадная картина эксплуатации детей в петербургской типолитографии Штреймера открывается при чтении жалобы учеников градоначальнику П. А. Грессеру от 29 января 1886 г. В петиции говорится: «В пятой улице Песков, дом десять, во дворе деревянный небольшой флигель, в котором помещаются рабочие и другие его родственники владельца этого дома; а кроме этих, несчастные малолетние ученики — мальчики типо- и литографщики этого же владельца дома помещены от всех отдельно так высоко, что трудно к ним пробраться по черной и грязной узенькой лестнице, и в такое грязное черное помещение, как дровяной сарай. Затем несчастные и сироты спят они некоторые на грязном полу на рогожах, а которые и есть детские кровати, заржавевши от холода и сырости и кривые, имеют по две доски коротки и тоже грязны. Постилаются рогожи, хотя и есть должно быть два соломенника, и черные, как в трубе сажа, без ничего. Вот бедные мальчики! И у хозяина, вероятно никогда не делалось распоряжение мужчине или жен[щине] для уборки, а также и ремонта. Ваше превосходительство, не оставьте без внимания сделать распоряжение этому владельцу сего дома Штреймеру, содержать учеников, его малолетних мальчиков, по-христиански»[62].

В санитарном отношении, по признанию всех без исключения исследователей печатного дела, типолитографское производство находилось в самом ужасном состоянии. Такая характеристика относилась практически ко всем петербургским, московским и особенно провинциальным полиграфическим предприятиям. Санитарные условия труда были наихудшими в небольших типографиях и литографиях, с числом рабочих до 15 человек, и относительно удовлетворительными в крупных печатных заведениях.

Даже малое количество свинца в воздухе губительно для здоровья человека, способно вызвать хроническое отравление. В пермских же типографиях в 1889 г. было такое количество свинцовой пыли в помещениях, что земские врачи серьезно опасались за здоровье рабочих[63]. Систематическое вдыхание свинца вызывало тяжелые болезни. Из общего числа рабочих саратовских типографий и литографий (129 человек) только 5 человек можно было признать вполне здоровыми[64].

По смертности от чахотки наборщики стояли на третьем месте, уступая свое печальное первенство лишь портным и писарям. Ежегодно за период с 1881 по 1890 г. эта болезнь уносила из жизни в среднем по 40 рабочих-полиграфистов[65]. Средняя продолжительность жизни наборщика составляла 30, максимум — 45 лет, что было почти на треть меньше средней продолжительности жизни человека.

Специальный журнал еще в конце 1860-х гг. писал: «Образованный человек поймет, что принять в учение мальчика 11—12 лет почти то же, что совершать медленное убийство, особенно в нашем, северном климате. Действительно, пребывание ребенка в насыщенной свинцовыми частицами атмосфере наборной чрезвычайно вредно действует на развивающиеся дыхательные органы, так что несчастные дети часто не переживают годов учения, или, по большей части, не дожив до 30 лет, умирают в чахотке»[66]. Среди рабочих типографии Сытина «редко кто... переживал сорокалетний возраст»[67].

Таблица 4

Динамика машинного парка и числа рабочих на 27 типографиях Петербурга за 1876—1890 гг.[71]

Группы предприятий с числом рабочих	1876		1880		1886		1890		1880 г. к 1876 г.		1886 г. к 1880 г.		1890 г. к 1886 г.	
	ЧИСЛО													
	машин	рабочих	машин	рабочих	машин	рабочих	машин	рабочих	машин	рабочих	машин	рабочих	машин	рабочих
менее 15 чел.	5	46	4	25	9	43	10	42	–20,0	–45,7	+2,3р.	+1,7р.	+11,1	–6,3
от 15 до 30 чел.	12	128	12	109	8	67	21	171	—	–14,8	–32,3	–38,5	+2,6р.	+2,5р.
от 31 до 49 чел.	12	191	9	162	18	223	15	125	–25,0	–15,2	+2р.	+1,4р.	–25,6	–44,0
от 50 до 99 чел.	52	517	62	653	52	671	49	587	+19,2	+26,3	–26,1	+2,7	–5,8	–12,5
от 100 до 499 чел.	32	604	39	638	47	487	53	620	+21,9	+5,6	+20,5	–23,7	+12,8	+27,3
Итого:	113	1486	126	1587	134	1491	148	1545	+11,5	+6,8	+6,3	–6,1	+10,4	+3,6

Крайне тяжелые условия труда, антисанитарное состояние мастерских, полное отсутствие или недостаточность медицинского обслуживания в российских печатных предприятиях последних десятилетий XIX в. позволяют с полным правом дать им характеристику, которую К. Маркс дал лондонским типографиям: «Чрезмерный труд взрослых и малолетних обеспечил различным лондонским газетным и книжным типографиям достойное прозвище „бойни"»[68].

Экономия на постоянном и переменном капитале приносила мелким предпринимателям большой доход. Достаточно сказать, что от использования труда лишь одного ученика типографы за пять лет получали в среднем 800 р. прибыли[69]. Однако нещадная эксплуатация труда рабочих не спасала мелкого владельца типографии или литографии от разорения. Современник отмечал в 1885 г.: «Самые тесные, неудобные и антигигиенические типографские заведения, при самых скромных размерах и при самом экономном содержании, все-таки в конце концов оказываются несостоятельными конкурировать с типографиями, устроенными на солидные средства. Они все-таки одно за другим закрываются, тогда как последние более и более расширяют свои операции»[70].

Рост органического строения капитала вел к относительному сокращению спроса на рабочую силу. Так, если в 1876 г. в 27 типографиях Петербурга имелось 113 печатных машин и 1486 рабочих при них, то в 1880 г. на тех же предприятиях число машин возросло до 126, а число рабочих — до 1587. Следовательно, с 1876 по 1880 г. рост машинного парка составил 11,5 %, тогда как рост числа рабочих — всего 6,8 %. В следующее пятилетие наблюдается не просто относительное сокращение числа занятых, но и абсолютное высвобождение 96 рабочих. За период с 1886 г. по 1890 г. рост числа машин также опережал рост числа рабочих, и хотя наблюдалось увеличение числа занятых, оно так и не достигло уровня 1880 г.

Но внедрение машин вызывает сокращение рабочих не только на самих предприятиях, где они установлены, но в еще большей степени в тех заведениях, где печатных машин нет или число их минимально. Как видно из таблицы 4, относительный рост числа безработных последовательно снижается в зависимости от мощности полиграфического предприятия. Так, за период 1876—1880 гг. число занятых в типографиях с числом рабочих до 15 человек уменьшилось на 45,7 %, тогда как в заведениях с числом рабочих от 31 до 49 человек уменьшение составило лишь 15,2 %. Аналогичную тенденцию можно проследить и по другим годам.

Убыстряли процесс образования резервной армии труда кризисы перепроизводства[72]. О влиянии кризисов на образование безработицы дает представление следующее сообщение, помещенное в специальном журнале за 1878 г.: «Нынешнее плохое положение дел, промышленный застой — отразились и в нашей типографской области. Почти во всех газетах было помещено известие, что, вследствие дурного положения дел, типографская деятельность приходит совершенно в упадок, и уже около тысячи наборщиков остались без работы, иными словами, без хлеба»[73].

Таблица 5

Динамика занятости в типографском производстве Петербурга за 1876—1896 гг.[74]

Группы предприятий с числом рабочих	годы					изменение числа занятых между			
	1876	1880	1886	1890	1896	1880 г. и 1876 г.	1886 г. и 1880 г.	1890 г. и 1886 г.	1896 г. и 1890 г.
менее 15 чел.	143	96	176	153	186	–47	+80	–23	+33
от 15 до 30 чел.	354	175	275	308	281	–179	+100	+33	–27
от 31 до 49 чел.	306	527	455	213	318	+221	–72	–242	+105
от 50 до 99 чел.	940	802	960	1131	1175	–138	+158	+171	+44
от 100 до 499 чел.	604	646	733	620	1141	+42	+87	–113	+521
	2347	2246	2599	2425	3101	–101	+353	–174	+676

Растущее применение машинной техники, концентрация капитала, циклический характер развития печатного дела в эпоху индустриального производства вели к созданию массовой и устойчивой безработицы. Выделяют следующие виды резервной рабочей силы: текучую (частичную или временную), скрытую, застойную (постоянную) безработицы и, наконец, пауперизм. Все указанные типы безработицы были присущи полиграфической промышленности России.

Текучая (фрикционная) безработица выражает нормальное движение капиталистического производства: печатники и наборщики то теряют свою работу, то снова ее находят. Например, в типографском деле Петербурга число занятых за период с 1876 г. по 1880 г. уменьшилось на 101 человека, за период с 1880 г. по 1886 г. увеличилось на 353 человека, за период с 1886 г. по 1890 г. снова уменьшилось на 174 человека, а за период с 1890 г. по 1896 г. увеличилось на 676 человек (см. табл. 5).

Скрытая (циклическая) форма безработицы создается за счет капиталистической эволюции сельского хозяйства. Такую форму относительного перенаселения в полиграфической промышленности образовывали крестьяне Владимирской и Московской губерний, занятые цветильным промыслом. По мере утверждения фабричного производства в лубочном книгопечатании эти крестьяне не сразу становились городскими пролетариями, а некоторое время занимались другими промыслами.

Типолитографской промышленности России была известна и застойная (структурная) безработица. Речь идет о рабочих, постоянно лишенных работы, а также о тех пролетариях, которые не имели регулярных занятий и были вынуждены довольствоваться случайной и наиболее низкооплачиваемой работой. В 1867 г. современник отмечал, что «в Петербурге 1/15 часть наборщиков не имеет вовсе работы, 1/10 работает с остановками, зарабатывая еженедельно 2, 3, 4 и 5 руб.»[75]. В 1903 г. о петербургских наборщиках говорилось следующее: «Около 20 % их всегда ходит без работы, а летом еще больше. Забитые, унылые, бродят они из типографии в типографию, ища работы, и часто по неделям остаются без заработка»[76].

Наконец, низший слой относительного перенаселения составляли пауперы. Вот свидетельство московского рабочего-полиграфиста, относящееся к 1867 г.: «Я видел наборщиков, которых, встреть я их на улице,— принял бы за нищих...»[77]. Это были опустившиеся, спившиеся люди, но не потерявшие еще способности к работе. Квартиры своей они не имели и ночевали либо в ночлежных домах, либо в типографиях, а то и вообще «где попало». Случалось так, что у всей этой братии, днюющей и ночующей в типографии, было на десять человек одно пальто, которое надевалось по-очереди. Речь идет о так называемых «итальянцах»[78].

Интересно отметить, что «итальянцы» имелись только в московских и петербургских типографиях. В провинции их не было. В наибольшей степени этих пауперов использовали мелкие печатные заведения, которые в рабочей среде метко назывались «комодами», «ловушками». Но к услугам «итальянцев»

прибегали и крупные типографии, например, П. Сойкина, А. Каспари, С. Добродеева, Н. Евстифеева, В. Балашова, Я. Либермана, «Общественная польза» в Петербурге. Эту категорию рабочих заставляли работать (иногда неделями) целые сутки, не считаясь с праздниками. За свой каторжный труд «итальянец» получал ежедневно по 20 к. на обед и на ужин, как говорилось, «на топор»[79]. При окончательном расчете хозяин типографии обязательно безжалостно обсчитает этого опустившегося работника. В некоторых случаях типограф дает им записочки на обед и ужин в ближайшую закусочную, т. е. практически вообще не выдает денег.

Образование массовой безработицы, являющейся неизбежным продуктом процесса накопления капитала, в свою очередь представляет собой рычаг для его дальнейшего накопления, поскольку в результате этого, во-первых, увеличивается эластичность предложения труда, во-вторых, появляется возможность получения капиталистом рабочей силы по прежней цене в случае увеличения спроса, в-третьих, заработная плата опускается ниже стоимости рабочей силы. Следовательно, наряду с абсолютным обнищанием рабочих-полиграфистов происходило и относительное, что свидетельствовало о наличии углубляющейся имущественной пропасти между владельцами печатных предприятий и печатниками.

Об образовании социально полярных слоев в полиграфической промышленности России уже в середине 1880-х гг. ярко свидетельствует высказывание современника. Сравнив условия существования полиграфистов в разных типографиях страны, он пришел к выводу, что «нельзя не заметить две главные стороны, определяющие весь современный строй быта этих рабочих: при всем юридическом и гражданском равенстве лиц, входящих в состав современных типографий, с одной стороны стоят предприниматели-капиталисты, господствующие на началах явного произвола, с другой — бедствующие труженики, которым остается почти без всякого выбора продавать свой труд, причем приходится довольствоваться такой платой, которая, повторяю, не обеспечивает даже самого существования»[80].

Высокий образовательный уровень и бóльшая квалифицированность труда рабочих-полиграфистов, меньшая связь их с деревней и значительная концентрированность как на крупных предприятиях, так и по регионам, превращали печатников в пролетариев, отличавшихся сознанием классовой солидарности, активным участием в революционной борьбе. Они одними из первых восприняли идеи социализма. Так, во главе одного из кружков, созданных группой Д. Благоева, стоял наборщик Государственной типографии Арсений Колодонов, который доставал шрифт для издания газеты «Рабочий». В составе группы М. И. Бруснева находился и кружок печатников, возглавляемый рабочим литографии Эйлера А. Е. Карелиным. Брусневцы организовали первый кружок среди работниц Новой бумагопрядильни и резиновой мануфактуры, который посещали и труженицы печатных заведений (например, Татьяна Разуева из типографии Вольфа) [81].

Рабочие-полиграфисты принимали участие в революционном движении и в других городах страны. В Нижнем Новгороде марксистские организации возникли зимой 1891/92 г. Видную роль в их организации сыграл типографский рабочий Яков Пятибратов-Рогин [82]. В 1892 г. рабочие кружки существовали в нескольких московских типографиях [83]. Среди актива первой московской социал-демократической организации «Рабочий союз» полиграфисты занимали видное место (9 %), уступая по численности лишь металлистам и железнодорожникам (70,5 %) и текстильщикам (18 %). В руководящем составе организации были представлены рабочие кружки шести московских типографий и литографий [84]. Характеризуя историю революционных выступлений российского пролетариата, В. И. Ленин отмечал, что печатники, как и металлисты, «всегда стояли в первых рядах рабочего движения»[85].

Однако в рассматриваемый период бóльшая часть рабочих-полиграфистов занимала пассивную позицию по отношению к революционной борьбе пролетариата. В исследовании о московских профессиональных союзах говорилось: «...не рискуя впасть в ошибку, можно утверждать, что до 1903 года забастовок в печатном производстве было очень мало. К такому выводу мы приходим на основании обзоров стачечного движения в различных работах по рабочему вопросу, косвенным образом — на основании работы г. Варзара и, наконец, по отношению к Москве, в результате изучения архива старшего фабричного инспектора Московской губернии и опроса предпринимателей и рабочих»[86]. То же самое отмечалось и в отношении петербургских полиграфистов [87]. Хотя в конце 1875 г. успехом закончилась стачка наборщиков одесской типографии А. Бирукова, а в 1880-х гг. отмечались революционные выступления полиграфистов Грузии [88], стачечное движение в провинции не имело массового характера. Лишь с середины 1890-х гг. в полиграфической промышленности России стали нарастать рабочие волнения и стачки [89].

Основная причина слабого развития забастовочного движения объяснялась значительной долей мелких предприятий в структуре российского полиграфического производства. Владельцами таких типографий и литографий часто являлись вчерашние рабочие-полиграфисты. Став хозяевами, они не отрывались сразу и резко от своих товарищей, работавших теперь на них, и продолжали жить общими с типографской массой интересами. Предприниматели участвовали вместе с рабочими во вспомогательных кассах, в подписках на лечение или погребение типографщиков и всегда старались проводить идею сотрудничества, примирения интересов работодателей и исполнителей. У себя в мастерских с рабочими-однокашниками они вначале вели себя запросто, спорили, ругались взаимно (например, М. Минков или А. Трунов), иные же (В. Тихонов) участвовали совместно с рабочими даже в «хлопотах» (выпивке). Одним словом, под влиянием среды, которая их воспитывала, и по тем соображениям, что «удачи преходящи», и сегодняшний предприниматель, может быть, завтра снова станет рабочим, эти новоявленные хозяева не спешили отделить себя от остальной массы рабочих.

В случае трудового конфликта, а подчас и в поисках более высокого заработка, полиграфист уходил на другие предприятия, прежде всего, крупные. Как правило, в наиболее мощных частных печатных заведениях заработок рабочего был выше. Так, например, плата наборщикам в типографии А. С. Суворина была несколько выше, чем в других типографиях [90]. Но даже по сравнению с этими частными печатными заведениями, казенные типографии еще больше платили своим рабочим [91].

Разный уровень заработной платы вел, с одной стороны, к миграции рабочих и тем самым приглушал социальные конфликты, а с другой — развращал верхушку рабочего класса, подкупал ее, создавал среди русских печатников рабочую аристократию. Но не только высокой зарплатой владельцы типографий и литографий создавали привилегированный слой рабочих.

Была широко распространена дача подрядов на выполнение типографских работ метранпажам и факторам, которые уже сами нанимали рабочих и расплачивались с ними. В результате такой подрядчик в 1880-х гг. зарабатывал, например, до 200—250 р. в месяц, тогда как нанятый им наборщик мог заработать всего 35—40 р.[92] Если учесть, что расчет с рабочим подрядчик производил, как правило, в трактире, то и часть скромного заработка рабочего неизбежно попадала в карман «паука», как его окрестили сами полиграфисты [93]. На таких «пауков» работало по несколько десятков наборщиков, а у некоторых из них была как бы на откупе целая типография [94]. Наживалась эта рабочая аристократия и от ростовщичества рабочим, причем кредитование производилось под бóльший процент, чем ссудными кассами.

Именно из этой категории рабочих-полиграфистов формировался руководящий технический состав крупных печатных заведений, например, у Кушнерева. С ними, как у Глазуновых, «совещаются, их мнения принимаются во внимание и часто служат основанием поступить так, а не иначе»[95]. Их приглашают в правление издательско-полиграфических фирм, так поступил, например, Сытин со своим рабочим В. П. Фроловым. И такая практика была типична, о чем свидетельствует следующее объявление в специальном журнале за 1881 г.: «Для большого типолитографского заведения нужен *во всех отраслях хорошо знающий* типолитографское дело *фактор*, которому, впоследствии, дастся возможность с маленьким капиталом вступить в компанию заведения»[96].

Таким образом, в полиграфической промышленности для рабочего непосредственным эксплуататором выступал не владелец типографии или литографии, а управляющий, фактор, метранпаж, мастер, вышедший из той же рабочей среды. Именно на этих «благодетелей-кровососов» была направлена прежде всего ненависть рабочих.

Предприниматели в полиграфической промышленности всячески поддерживали эту иллюзию у рабочих, проводя политику «кнута и пряника». Например, у Суворина рабочие бесплатно пользовались квартирами и обедами, имели бесплатную врачебную помощь. Широко практиковалось страхование печатников на случай несчастья или смерти. Владельцы мелких типографий и литографий, как правило, ограничивались подарками рабочим к «высокотор-

жественным» праздникам. Крупные же предприниматели выдавали рабочим наградные из прибыли (как Кушнерев)[97], лично помогали рабочим в случае нужды (как А. Ф. Маркс). Особо преданных хозяевам рабочих представляли к наградам и званиям.

В русской полиграфии была широко распространена система доносов и «черных» списков. Казенные типографии всячески затрудняли поступление к себе рабочих и не разрешали контакта своих рабочих с другими печатниками. Внедряли в полиграфические предприятия и полицейских осведомителей[98].

Изощренная система эксплуатации рабочего класса, прикрытая рядом мелких посредников-подрядчиков, показной заботой о нуждах простых тружеников и жесточайшей репрессивной системой против недовольных, позволяла на время отвлечь печатников от открытой борьбы, создавала видимость классового мира и гармонии интересов эксплуататора и эксплуатируемого[99].

Наиболее характерной формой протеста печатников против условий своей жизни была подача жалоб в полицию — градоначальнику или приставу того участка, где помещалась типография или литография. Любопытно отметить, что рабочие искали защиты не у инспекторов по делам печати и не у фабричных инспекторов, которые, казалось бы, должны были стоять на страже рабочих интересов. Печатники считали обращение за помощью к фабричным инспекторам бесполезным по двум причинам: во-первых, фабричный инспектор, как правило, в первую очередь защищал интересы предпринимателя, а во-вторых, он часто переадресовывал рассмотрение жалобы инспекторам по делам печати. Но последние, будучи чиновниками Министерства внутренних дел, уходили от разрешения трудовых конфликтов, следя лишь за правильностью расходования шрифта и записей в шнуровую книгу, цензурными разрешениями. Они так же, как и фабричные инспектора, в подавляющем большинстве случаев вставали на сторону хозяев, с которыми у них были дружественные отношения[100].

Историческая справедливость требует отметить, что полицейские чиновники в трудовых спорах выступали в защиту рабочих, которую те не могли встретить у инспекторов. Не желая обострения конфликтов, власти под угрозой штрафа или даже закрытия типографии заставляли их владельцев удовлетворять требования печатников. «Был случай, когда рабочим платили из сумм градоначальства, взыскивая с владельцев уплаченную сумму (возможно, с лихвой)»[101].

Первым фабрично-трудовым актом в отечественной индустрии явился закон от 1 июня 1882 г. об ограничении труда детей и подростков, по которому к труду на промышленных предприятиях допускались лишь дети, достигшие 12-летнего возраста. Их рабочий день ограничивался 8 часами, запрещались ночные работы. Для наблюдения за исполнением этого закона вводился институт фабричной инспекции. Эти правила, с некоторыми оговорками, были распространены и на печатные заведения.

Рассматривая практику внедрения правовых актов в полиграфическую промышленность России с 1882 по 1895 г., отметим непоследовательность и нечеткость формулировок фабричного законодательства, что создавало основу для

игнорирования его. Не говоря уже о том, что, по настоянию предпринимателей, закон от 1 июня 1882 г. вошел в силу через два года — с середины 1884 г., он не распространялся на казенные и мелкие частные печатные заведения. На крупных предприятиях рабочие не всегда знали о существовании фабричного инспектора, хотя в конторе обычно висело объявление с указанием его фамилии.

Поэтому нет ничего удивительного в сообщении инспектора Харьковского фабричного округа о том, что в типографиях «детский труд настолько прочно приютился, что введение закона 1 июня нимало не повлияло на количество участвующих в типографском деле детей»[102]. В большинстве случаев фабричное законодательство вообще не соблюдалось [103], и в условиях неограниченной эксплуатации положение малолетних постоянно ухудшалось, что фиксировалось специалистами [104].

Интересна судьба и Первой школы печатного дела в Петербурге, открытой в 1884 г. Согласно статье о школьном обучении малолетних, введенной в текст закона от 12 июня 1884 г., владельцы типографий и литографий должны были «предоставлять возможность» своим ученикам посещать школу. Однако хозяева отказывались направлять детей в специальное учебное заведение в обычные дни, а соглашались только на воскресные и вечерние часы на неделе. В школу посылали своих учеников от 20 до 25 печатных предприятий (из них половина — казенные). Следовательно, школой интересовались всего 5—8 % владельцев типографий и литографий. Если же учесть, что школу ежегодно посещало (считая и кончивших курс) 4—6 % работавших в петербургских заведениях печатного дела учеников, то нельзя не признать слабое влияние ее на улучшение подготовки наборщиков. Не изменяли этой картины и другие профессиональные школы печатного дела при типографиях А. С. Суворина и Императорского человеколюбивого общества.

Как бы ни были ничтожны результаты проведения в жизнь фабричного законодательства в полиграфической промышленности, они имели определенное социально-экономическое влияние. Прежде всего, они способствовали некоторому сокращению применения детского труда. В докладах на Первом съезде деятелей печатного дела отмечалось: «Так как закон (1884 г.— Авт.) предъявлял известные требования, известные условия, то многие типографы... пошли на известный компромисс, то есть они отказались вовсе от содержания учеников у себя»[105].

Если в 1885 г. в типолитографиях Петербурга удельный вес малолетних в общем числе рабочих составлял 7,1 %, то в 1894/95 гг.— 4,4 %. За этот же период не возросла и абсолютная численность малолетних. Соответственно сокращению детского труда происходит расширение использования труда женщин: с 2,3 % в 1885 г. до 13,8 % в 1894/95 гг. (см. табл. 3). Применение женской рабочей силы обусловливалось заменой детского труда: женские руки по гибкости не уступали детским. Наем женщин в типографии и литографии объяснялся также социальным антагонизмом. Работницы были менее требовательны к условиям труда, чем рабочие-мужчины.

Использование труда женщин-наборщиц наблюдалось уже в начале 1870-х гг. в типографиях Товарищества «Общественная польза», Р. Голике,

В. Веллинга. Однако широкое применение женского труда в полиграфических предприятиях началось лишь со второй половины 1880-х гг. В 1897 г. доля женщин среди рабочих всей полиграфической промышленности России составляла 10,8 %[106].

Применение фабричного законодательства в русской полиграфии способствовало ускорению процесса ее концентрации и тем самым быстрому утверждению машинного производства. Если за период с 1876 по 1886 г. удельный вес крупных типолитографий Петербурга (с числом рабочих от 50 человек и выше) возрос на 6,3 %, то за период с 1886 по 1896 г.— на 9,2 %[107].

В 1895 г. типографии и литографии с числом рабочих более 15 (а при наличии механического двигателя — независимо от числа рабочих) были повсеместно подчинены надзору фабричной инспекции, т. е. приравнены в отношении правительственного контроля за промышленностью к фабрично-заводским предприятиям.

Примечания

[1] О развитии полиграфической промышленности в предшествующие десятилетия см.: Книга в России, 1861—1881. М., 1990. Т. 2. С. 5—35.

[2] Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 268—269.

[3] Доклады Первому съезду русских деятелей по печатному делу: Беспл. прил. к журн. «Обзор I Всероссийской выставки печатного дела». СПб., 1895. С. 44.

[4] РГИА. Ф. 776, оп. 29, 1876 г., д. 11. Л. 51—64; 1886 г., д. 16. Л. 26—53; 1896 г., д. 22. Л. 22—60.

[5] См.: Орлов Б. П. Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М., 1953. С. 187.

[6] Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. СПб., 1883. Т. 4. С. 117.

[7] См.: Обзор внешней торговли России за 1900 г. СПб., 1902. Табл. VII. С. 58; Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. СПб., 1903. С. 89. (Группа VIII, табл. Б). Сведений о производстве в России литографских машин не приводится.

[8] Краткий очерк истории и современного состояния С.-Петербургской Синодальной типографии. СПб., 1895. С. 23.

[9] Орлов И. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 362.

[10] Графич. искусства и бум. пром-сть. 1897. № 1. С. 16.

[11] Немировский Е. Л. Способ многокрасочной печати И. И. Орлова // Полигр. пр-во. 1949. № 2. С. 29—31; Его же. Иван Федоров. М., 1985. С. 276.

[12] Немировский Е. Л. Самонаклад Ивана Орлова // Полигр. пр-во. 1951. № 7. С. 28—30; Его же. Иван Федоров. С. 276—277.

[13] Немировский Е. Л. Иван Федоров. С. 270.

[14] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 10.

[15] Немировский Е. Л. Иван Федоров. С. 271.

[16] Немировский Е. Л. Техника книгопечатания: (От Гутенберга до начала XX в.) // Пятьсот лет после Гутенберга: М., 1968. С. 388—414.

[17] Child J. Industrial relations in the British printing industry. London, 1967. P. 156—157.

[18] Plant M. The English book trade. 3th ed. London, 1974. P. 279.

[19] РГИА. Ф. 776, оп. 29, 1886 г., д. 16. Л. 26—53; 1890 г., д. 19. Л. 44—68.

[20] Фабрично-заводская промышленность России: Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. С. 228—229.

[21] Определено: Фабрично-заводская промышленность России: Перечень фабрик и заводов. С. 190—243. Под полиграфической промышленностью понимаются производства: типографское, стереотипное, словолитное, конвертное, картонажное, переплетное, брошюровочное, линовальное, литографское, граверное и каучуковых штемпелей. В подсчет включены следующие губернии: Архангельская, Бессарабская, Виленская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Гродненская, Донская обл., Екатеринославская, Иркутская, Калужская, Казанская, Киевская, Ковенская, Костромская, Кубанская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Самаркандская, Самарская, С.-Петербургская, Саратовская, Семипалатинская, Симбирская, Сыр-Дарьинская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Терская, Тифлисская, Уральская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Эриванская, Эстляндская, Ярославская. Всего учтено 462 предприятия, в том числе: 95 — в С.-Петербургской губернии и 68 — в Московской. Сравнивая эти данные со сведениями о существующих в Петербурге и Москве полиграфических предприятиях — соответственно 303 и 233 на 1 янв. 1895 г. (См.: Книжный вестник, 1895. № 2. Стб. 45—85), видим, что данные «Перечня» охватывают лишь треть числа печатных заведений. Кроме того, занижены в ряде случаев объемы производства. Например, годовое производство Товарищества И. Н. Кушнерева показано в 576,4 тыс. р., тогда как по сведениям самого предпринимателя оно составляло в 1894/95 г. в среднем 690,0 тыс. р. (См.: Статистика акционерного дела в России. СПб., 1901. Вып. 4. С. 126). Поэтому настоящая таблица показывает относительные величины развития полиграфического производства в России.

[22] Святловский В. В. Труженики печатного дела. Полтава, 1893. С. 5.

[23] Покшишевский В. В. Территориальное формирование промышленного комплекса Петербурга в XVIII—XIX вв. // Вопр. географии. 1950. № 20. С. 158—159. Хотя данные относятся к 1908 г., но в силу стабильности выявленных скоплений (при перемене адреса печатного заведения оно все равно оставалось в том же районе) можно предполагать, что они существовали и в середине 1890-х гг.

[24] Современник отмечал: «Печатание „акцидентных работ" настолько разрослось, что появилась специализация: в одних мастерских исключительно печатают визитные карточки, в других — облатки для аптек, в третьих — конторские книги и т. п. ...Чтобы судить о производстве мелочей, заметим, что в Петербурге существует одна облаточная мастерская, которая изготовляет облатки на все столичные аптеки, как частные, так и казенные в количестве около 12 миллионов облаток в год» (Обзор Первой Всероссийской выставки печатного дела. СПб., 1895. № 9. С. 8).

[25] Динерштейн Е. А. Акционерные компании в издательском деле пореформенной России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. С. 15.

[26] См.: Книга в России, 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 10; Патрушева Н. Г. Издательство «Общественная польза» // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. Л., 1990. Вып. 5. С. 68—75.

[27] Из «товариществ на вере» были образованы, например, акционерные компании А. И. Мамонтова, И. Н. Кушнерева, И. Д. Сытина и Русское товарищество печатного и издательского дела.

[28] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 27.

[29] Из всех московских паевых товариществ печатного дела только предприятие Сытина получило разрешение на котировку паев товарищества на фондовой бирже (в Москве и Петербурге).

[30] Цит. по: Орлов Б. П. Указ. соч. С. 205—206.

[31] Там же. С. 202.

[32] Определено: Список акционерным обществам и товариществам на паях по порядку учреждения // Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1869. Вып. 1; Сведения об акционерных компаниях, обществах взаимного страхования и биржевых артелях, действовавших в России в 1891—1892 операционных годах. СПб., 1894; Статистика акционерного дела в России: Ежегодник на 1901—1902 г. / Сост. и издал Н. Е. Пушкин. СПб., 1901. Вып. 4; Устав товарищества «Печатня С. П. Яковлева». М., Б. г.

[33] Определено: Фабрично-заводская промышленность России: Перечень фабрик и заводов. С. 190—243; Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 129—176. В подсчет включены только частные предприятия. С целью сопоставления данных двух источников в подсчет включены следующие губернии: Архангельская, Бессарабская, Виленская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Гродненская, Донская обл., Екатеринославская, Калужская, Казанская, Киевская, Ковенская, Костромская, Кубанская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Полтавская, Самарская, С.-Петербургская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тифлисская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Эриванская, Эстляндская, Ярославская. Число предприятий следует понимать не как число акционерных компаний, а как число предприятий, принадлежащих акционерным обществам.

[34] Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 112. В подсчет включены как акционерные общества, так и товарищества на паях.

[35] Орлов Б. П. Указ. соч. С. 197.

[36] Бовыкин В. И. Указ. соч. С. 111.

[37] Орлов Б. П. Указ. соч. С. 179.

[38] Двадцатипятилетие типографии Товарищества И. Н. Кушнерева и К°, 1869—1894. М., 1894. С. 9.

[39] Труды Первого съезда русских деятелей по печатному делу в С.-Петербурге. СПб., 1896. С. 107.

[40] Определено: Отчет окружного фабричного инспектора за 1885 г. СПб., 1886. Вып. 8; Фабрично-заводская промышленность России: Перечень фабрик и заводов. С. 190—243. Для подсчета количества всех рабочих использованы только те предприятия, в которых показано применение женского и детского труда.

[41] Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России: Ист.-экон. очерки. М., 1958. С. 280.

[42] Голубев В. Как живут и работают наши книгопечатники // Рус. мысль. 1903. Кн. 1. С. 60. Паг. 2-я.

[43] Отчеты окружных фабричных инспекторов за 1885 г. СПб., 1886. Вып. 6. С. 92.

[44] Обзор графич. искусств. 1880. № 6. С. 44.

[45] Отчеты окружных фабричных инспекторов за 1885 г. Вып. 6. С. 93.

[46] Поперегзла Х. Р. Провинциальные типографии и положение в них рабочих. Киев, 1885. С. 29.

[47] Обзор графич. искусств. 1883. № 6. С. 52.

[48] Там же. № 14. С. 123.

[49] Труды Первого съезда русских деятелей по печатному делу… С. 107.

[50] Типографич. журн. 1867. № 9. С. 37.

[51] Отчеты окружных фабричных инспекторов за 1885 г. СПб., 1886. Вып. 9. С. 26.

[52] Голубев В. Указ. соч. С. 63.

[53] Отчеты окружных фабричных инспекторов за 1885 г. Вып. 9. С. 35.

[54] Шер В. В. История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве. М., 1911. С. 47.

[55] Бернштейн-Коган С. В. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910. С. 130. Фактически следует признать, что рабочий день, за исключением немногих крупных предприятий, не сокращался.

[56] Отчеты окружных фабричных инспекторов за 1885 г. Вып. 9. С. 24.

[57] Бернштейн-Коган С. В. Указ. соч. С. 130.

[58] Эристан Ф. Типографское дело // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1901. Т. 32. С. 220.

[59] Борьба классов. 1932. № 5. С. 80.

[60] Голубев В. Указ. соч. С. 64—65.

[61] Поперегзла Х. Р. Указ. соч. С. 25.

[62] Цит. по: Рабочее движение в России. М., 1952. Т. 3, ч. 1. С. 710.

[63] Земский врач. 1889. № 2. С. 27.

[64] Голубев В. Указ. соч. С. 66.

[65] Троцкий И. Экономические и санитарные условия труда в петербургских типографиях // Промышленность и здоровье. 1903. № 8. С. 99.

[66] Типографич. журн. 1868. № 6. С. 21.

[67] Мирецкий Н. И. Первая Образцовая типография. М., 1933. С. 34.

[68] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 473. Эта метафора сохраняла свой страшный смысл и для российских типографий и литографий. По поводу медицинского обслуживания саратовских рабочих-полиграфистов говорилось следующее: «…только 2 типографии (Яковлева и губ. правл.) имеют врачей для своих рабочих… В остальных типографиях больные рабочие предоставлены вполне самим себе…» (Голубев В. Указ. соч. С. 67).

[69] Доклады Первому съезду русских деятелей по печатному делу: Беспл. прил. к журн. «Обзор I Всероссийской выставки печатного дела». С. 53.

[70] Поперегзла Х. Р. Указ. соч. С. 11.

[71] Определено: РГИА. Ф. 776, оп. 29, 1876 г., д. 11. Л. 51—64; 1880 г., д. 14. Л. 48—69; 1886 г., д. 16. Л. 26—53; 1890 г., д. 19. Л. 44—68. В подсчет включены одни и те же 27 типографий за соответствующие годы. Определение данных за 1896 г. не представляется возможным ввиду того, что число рабочих указано общее с литографским производством.

[72] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 17.

[73] Обзор графич. искусств. 1878. № 18. С. 135.

[74] Определено: РГИА. Ф. 776, оп. 29, 1876 г., д. 11. Л. 51—64; 1880 г., д. 14. Л. 48—69; 1886 г., д. 16. Л. 26—53; 1890 г., д. 19. Л. 44—68; 1896 г., д. 22. Л. 22—60.

[75] Типографич. журн. 1867. № 8. С. 34.

[76] Троцкий И. Указ. соч. С. 81.

[77] Типографич. журн. 1867. № 8. С. 34.

[78] Само слово «итальянцы» произошло от реала — рабочего места наборщика. Открытый реал с полкой внизу его для постановки набора называется «итальянским». На этих полках и спали «итальянцы» (История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. М., 1925. Кн. 1. С. 16).

[79] «Топор варить» — питаться впроголодь.

[80] Поперегзла Х. Р. Указ. соч. С. 28.

[81] Корольчук Э., Соколова Е. Хроника революционного рабочего движения в Петербурге. Л., 1940. Т. 1. С. 134, 135, 154; Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. 3, ч. 2. С. 117. О деятельности этих революционных организаций см. настоящий том, глава XI.

[82] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 291.

[83] Там же. С. 290.

[84] Кутьев В. Ф. Московский «Рабочий союз». М., 1985. С. 308—309.

[85] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 425.

[86] Шер В. В. Указ. соч. С. 108—109.

[87] История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Кн. 1. С. 34.

[88] См.: История рабочего класса России, 1861—1900 гг. М., 1972. С. 85; Верулия А. А. Из истории революционного движения рабочих-полиграфистов Грузии, 1880—1921. Тбилиси, 1970. С. 20 (на груз. яз.).

[89] См.: Варзар В. Е. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие, 1895—1904 гг. СПб., 1905. С. 17. (Табл. V). К сожалению, по данной работе нельзя выделить, сколько было стачек в самом типографском производстве, так как оно показано вместе с писчебумажным и бумагоделательным. Современник свидетельствует: «Рабочие типографии Сытина еще до первой русской революции часто объявляли забастовки, выставляя экономические и политические требования» (Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова за 40 лет Советской власти. М., 1957. С. 84).

[90] Бахтиаров А. А. Слуги печати. СПб., 1893. С. 180.

[91] «Материальное положение рабочих типографии министерства внутренних дел, как и других казенных типографий, несколько отличалось от положения работников частных полиграфических предприятий: более высокие расценки...» (Типография Лениздата. Л., 1975. С. 24).

[92] Петров А. В. Из жизни типографских рабочих // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 379.

[93] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 14.

[94] История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Кн. 1. С. 29.

[95] Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства, 1803—1903 / Сост. Н. М. Лисовский. СПб., 1903. С. 96.

[96] Обзор графич. искусств. 1881. № 3. С. 24.

[97] Так, например, выплаты рабочим из прибыли в типолитографии Кушнерева за период 1876—1881 гг. составили 5,5 тыс. р.; за 1882—1888 гг.— 17,8 тыс. р., а за период 1889—1893 гг.— 46,1 тыс. р. (Двадцатипятилетие типографии Товарищества И. Н. Кушнерева и К°. См. табл.).

[98] «В типографии министерства внутренних дел... шпики зорко следили за рабочими, проникая в их среду. Если кто-либо и слыхал краем уха о социал-демократической партии, партии рабочего класса, то боялись заикнуться, а если кто знал больше, молчал, ибо каждое слово учитывалось и становилось известным» (Цит. по: Типография Лениздата. С. 22).

[99] Например, в своей речи по случаю юбилея Ивана Федорова одесский наборщик И. Логинов говорил в 1884 г.: «Со слов работающих в тех и других городах нашей матушки России, выводится заключение, что петербургские и одесские содержатели графических заведений в вежливости обращения со своими рабочими могут служить примером...» (Обзор графич. искусств. 1884. № 1. С. 7).

[100] Журнал «Графические искусства и бумажная промышленность», являвшийся органом петербургских предпринимателей в области печатного дела, сообщал: «Первое место в этих столь важных заслугах, с чисто семейным взаимным отношением к владельцам печатных заведений, занимает наш маститый старший инспектор Николай Васильевич Никитин...» (Графич. искусства и бумажная пром-сть. 1897. № 2. С. 25).

[101] История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Кн. 1. С. 58.

[102] Отчеты окружных фабричных инспекторов за 1885 г. Вып. 9. С. 19.

[103] Московский фабричный инспектор Н. Я. Никитинский отмечал в 1887 г.: «Типография *Нейбюргер* была посещена в первый раз 23 июля 1887 г. помощником Рахмановым, причем было найдено полное неисполнение закона; при вторичном посещении... оказалось, что всем рабочим хозяин расчетных книжек не выдавал» (Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. 3, ч. 1. С. 743).

[104] Обзор Первой Всероссийской выставки печатного дела. 1895. № 14. С. 3.

[105] Доклады Первому съезду русских деятелей по печатному делу: Беспл. прил. к журн. «Обзор I Всероссийской выставки печатного дела». С. 53.

[106] Рашин А. Г. Указ. соч. С. 218.

[107] Определено: РГИА. Ф. 776, оп. 29, 1867 г., д. 3. Л. 4—34; 1876 г., д. 8. Л. 51—64; 1886 г., д. 16. Л. 26—53; 1896 г., д. 22. Л. 22—60.

Глава III

КРУПНЫЕ ЧАСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

Основную массу книг в 1880-е — первой половине 1890-х гг., как и в предшествующие десятилетия, выпускали крупнейшие столичные издательства, универсальные и специализированные.

Важнейшим событием этого периода, в той или иной степени затронувшим интересы всех издателей, явилось образование в Петербурге в 1883 г. Русского общества книгопродавцев и издателей, которое было основано с целью «создания законного представительства перед властями, облегчения взаимных деловых сношений, упорядочения торговли произведениями печати, ограждения сословия от злой воли отдельных его членов и взаимной помощи»[1]. Задачей Общества было также содействие развитию книжной торговли, издательской деятельности и всех отраслей, относящихся к книжному делу. Его организаторами были Н. М. Бернард, А. И. Бортневский, Г. Д. Гоппе, А. Ф. Девриен, Н. П. Карбасников, А. Ф. Маркс, Н. Г. Мартынов, К. Л. Риккер, Н. О. Фену и другие книгопродавцы и издатели. Был разработан и утвержден Министерством внутренних дел устав Общества, избран первый состав правления.

Русское общество книгопродавцев и издателей просуществовало до 1916 г., но наиболее плодотворными оказались первые десять лет его деятельности, когда было много сделано для улучшения книгоиздательского и книготоргового дела в России.

Основываясь на анализе издательского репертуара и принципов ведения дела, можно выделить среди столичных издательств две основные группы — издательства коммерческие и «идейные». Деятельность коммерческих издательств, как и в предыдущий период, носила по преимуществу просветительный характер.

Универсальные коммерческие издательства

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. продолжают активно действовать издательские фирмы, основанные М. О. Вольфом, А. А. Гатцуком, М. М. Стасюлевичем, Г. Д. Гоппе, Н. П. Карбасниковым, А. Ф. Марксом, А. С. Сувориным[2]. С середины 1870-х гг. постепенно разворачивается деятельность крупнейшего издателя дореволюционной России И. Д. Сытина.

После смерти М. О. Вольфа в 1883 г. его сыновья — Александр, Евгений и Людвиг — создали паевое «Товарищество М. О. Вольф», которое сохранило основные направления издательства М. О. Вольфа. По-прежнему издавались книги для детей и юношества, в том числе переводные, детские журналы, беллетри-

стика, научно-популярная и религиозно-нравственная литература, книги по технике, естественным наукам, сельскому хозяйству. Из наиболее значительных изданий, вышедших в этот период, должны быть отмечены тома «Живописной России» (1882, 1883, 1884, 1885, 1895), собрание сочинений П. Д. Боборыкина в 12 томах (1884—1886), монография Ф. И. Булгакова «Граф Л. Н. Толстой и критика его произведений, русская и иностранная» (1886), «Курс анатомии растений» И. П. Бородина (1888) и некоторые другие.

Качество изданий «Товарищества» было не всегда на должном уровне по сравнению с предшествующим периодом. Так, справедливые нарекания Я. П. Полонского как редактора вызвало трехтомное собрание сочинений В. Г. Бенедиктова, выпущенное «Товариществом М. О. Вольф» в 1883—1884 гг. 16 марта 1883 г. один из совладельцев фирмы, А. М. Вольф, писал Полонскому: «Нам, к крайнему сожалению, пришлось убедиться в справедливости Ваших сетований по поводу допущенных в первом томе сочинений Бенедиктова ошибок и даже искажений смысла, происшедших по непонятной для нас оплошности типографии, не доставлявшей Вашему Превосходительству корректурных листов. Спеша уверить Вас, что нами будут приняты все меры к устранению этих ошибок, имеем честь представить Вашему Превосходительству I том и все листы второго тома Бенедиктова с покорнейшею просьбою указать в них все могущие быть грубые ошибки и пропуски и доставить в возможной поспешности обратно для надлежащего исправления их. Само собой разумеется, что мы не выпустим теперь сочинений Бенедиктова в свет и можем поэтому успокоить Ваше Превосходительство в отношении высказанных Вами опасений касательно отзывов критики. Но не желая, все-таки, задерживать выход книги долее самого необходимого времени, покорнейше просим Ваше Превосходительство, одолжить нас возможно скорым указанием всех встреченных Вами в ней погрешностей и недосмотров...»[3].

В этот период «Товарищество М. О. Вольф» сталкивалось с определенными трудностями при прохождении периодических изданий. Это имело место, например, в первый год существования журнала «Новь» — «иллюстрированного двухнедельного вестника современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний», который «Товарищество» выпускало под редакцией А. М. Вольфа с 1885 по 1900 гг. 6 февраля 1885 г. А. М. Вольф писал Н. С. Лескову: «Я имею основание рассчитывать, что, повидавшись еще раз с цензором, добьюсь разрешения рассказа „Старинные психопаты“. Если Вы не получите от меня уведомления дня через два,— значит, рассказ прошел[4]. Что же касается „Рассказов кстати“ вообще, то для меня теперь совершенно ясно, что цензура добивается от них, как и вообще от всех беллетристических произведений, отсутствия излишней реальности. Короче говоря, я не согласен с Вами, что цензура делает невозможным продолжение „Рассказов кстати“[5]. По правде говоря, она не очень мешала нам до сих пор и, надеюсь, не помешает в будущем. Жду от Вас поскорее рассказ для 9-ой книжки „Нови“. Ваше обещание — доделать теперь роман — меня сильно обрадовало[6]. Не могу скрыть от Вас, что подписчики начинают настойчиво требовать продолжения и некоторые даже упрека-

ют редакцию в обмане,— что для меня, понятно, в высшей степени неприятно. Поэтому я вполне надеюсь, что Вы приведете в исполнение Ваше доброе намерение...»[7].

В 1880-е гг. Алексей Алексеевич Гатцук продолжает издание «Крестного календаря» и «Газеты Гатцука».

Последняя в 1882—1883 гг. неоднократно подвергалась цензурным нападкам. 24 марта 1884 г. последовал доклад министра внутренних дел Д. А. Толстого на имя Александра III «О первом предостережении „Газете Гатцука"»: «Издаваемая в Москве без предварительной цензуры иллюстрированная „Газета Гатцука" еще с начала минувшего года стала обнаруживать предосудительно-тенденциозное направление, выразившееся в целом ряде статей... Ввиду этого в июле месяце 1883 г. я признал необходимым воспретить розничную продажу отдельных нумеров означенной газеты. Принятие такой меры нисколько не подействовало, однако, на А. Гатцука, еще раз получил он предупреждение чрез председательствующего в Московском Цензурном Комитете, но и это не повело к благоприятным результатам...

Ввиду столь вредного направления „Газеты Гатцука" и принимая в соображение, что издание это, по своей дешевизне и благодаря недурно исполняемым иллюстрациям, распространяется в значительном количестве экземпляров (до 20 тыс.) в среде недостаточной и малоразвитой публики и читается не только взрослыми, но и детьми, я, согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, признал необходимым объявить „Газете Гатцука" первое предостережение...»[8].

Несомненно, что зловещую роль в цензурном преследовании «Газеты Гатцука» сыграл М. Н. Катков. Об этом сам Гатцук прямо указывает в своей автобиографии, написанной впоследствии для С. А. Венгерова [9]. Однако он сознательно пошел на конфликт с цензурным ведомством. Получив первое предостережение, Гатцук печатает в своей газете его текст, а затем (7 апреля 1884 г.) специальную передовицу по этому поводу.

Это вызвало еще большее раздражение властей, и 22 апреля 1884 г. Д. А. Толстой сообщает Александру III: «„Газета Гатцука", напечатавшая в № 13 текст первого предостережения, объявленного этому изданию 24 минувшего марта, поместила в следующем нумере неприличные и совершенно непозволительные рассуждения по поводу означенной меры... Редакция „Газеты Гатцука", продолжая помещать рассказы, наполненные глумлением над православным духовенством, обнаруживает явное нежелание изменить предосудительное свое направление...»[10].

23 апреля 1884 г. «Газете Гатцука» было сделано «второе предостережение», однако издатель упорно сохранял ее прежний характер. 2 сентября 1884 г. последовало третье предостережение газете, причем Д. А. Толстой докладывал императору, что «почти в каждом нумере ее встречаются указания на то, что в сущности она отнюдь не намерена изменить свое направление»[11].

22 ноября 1886 г. старший инспектор типографий и книжной торговли в Москве получил анонимное письмо, в котором сообщалось, что «Газета Гатцу-

ка» выходит в двух видах: в исправленном цензурой — для Петербурга и Москвы, и в неисправленном — для провинции [12].

7 октября 1887 г. издание «Газеты Гатцука» было приостановлено на 8 месяцев [13].

Более года Гатцук добивался разрешения на возобновление своей газеты, но вскоре после возобновления ее выхода, 15 января 1890 г., он передал право на издание и редактирование Н. А. Борисову, который продолжил ее выпуск под названием «Заря»[14].

После смерти Гатцука, последовавшей в 1891 г., его наследники продолжали выпускать «Крестный календарь» и «Календарь крестовый»[15]. Как и в предшествующий период, эти издания тепло встречались русской печатью. Например, журнал «Русская мысль» писал о «Крестном календаре» на 1892 г.: «„Крестный календарь" А. Гатцука до сих пор выдерживает конкуренцию и остается самым лучшим, самым полным и изящным изданием этого рода»[16]. «Имея перед собой новый выпуск „Крестного календаря",— рецензировала „Русская мысль" календарь на 1893 г.,— мы с удовольствием отмечаем, что в руках наследников покойного издателя старейший в России частный календарь не утратил ни одного из тех качеств, которыми он приобрел симпатии русской публики»[17]. «Теперь календарь этот вступает в 31 год своего существования, оставаясь верным тому типу, какой дал ему его основатель, и сохраняя полноту сведений, желательных в календаре»[18].

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. наследники Гатцука опубликовали также ряд отдельных изданий. Среди них: «Сказки» братьев Гримм, «Повести и сказки» Г. Х. Андерсена, «Путеводитель по России», «Земледельческие машины и орудия» П.Лазара и др. В 1895 г. начал выходить журнал «литературы, критики, библиографии, издательского и печатного дела» под названием «Новости печати».

В 1880-е и первой половине 1890-х гг. Михаил Матвеевич Стасюлевич продолжает выпуск журнала «Вестник Европы», заслуга которого состоит в том, что в период реакции он оставался оппозиционным органом, позволяя себе критику правительственных действий [19].

«Социально-революционная агитация в той форме, какую она с некоторых пор приняла у нас в России,— отмечалось в апрельской книжке „Вестника Европы" за 1881 г. в отклике на события 1 марта,— затрудняет ход преобразовательного процесса, это несомненно; но в самих затруднениях заключается иногда стимул к настойчивости... Силою можно подавить восстание, можно положить конец открытому сопротивлению, но нельзя предупредить преступлений, готовящихся втайне и совершаемых немногими отдельными лицами. *Одной* полиции, *одному* суду эта задача не по силам, как бы бдительна ни была первая, как бы строг ни был последний. Прочный результат может быть достигнут только изменением условий, при которых появилась и развилась болезнь, не уступающая лечению огнем и железом»[20].

В октябре 1889 г. из «Внутреннего обозрения» «Вестника Европы» исключен параграф, озаглавленный «Случаи административного телесного наказания».

15 декабря того же года «Вестник Европы» снова получил предостережение, так как журнал «в целом ряде статей относится не иначе, как с осуждением, к важнейшим мероприятиям правительства, а статьи В. Соловьева „Очерки из истории русского сознания", появившиеся на страницах этого издания, раздражительною критикой, направленною против русской церкви и государства в историческом их развитии, внушают ложные о них представления и колеблют уважение к основам их и вообще к принципу русской национальности»[21].

В 1880-е гг. в «Вестнике Европы» продолжают печататься произведения выдающихся русских писателей — И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева.

После смерти Тургенева Стасюлевич опубликовал в журнале свои воспоминания о нем: «Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева» (1883, № 10), «Похороны И. С. Тургенева» (1883, № 11), «Юношеский портрет И. С. Тургенева» (1884, № 1), «Еще дружеские воспоминания о Тургеневе. По поводу воспоминаний Л. Пича» (1884, № 5).

По инициативе Стасюлевича в «Вестнике Европы» были напечатаны воспоминания П. В. Анненкова о Тургеневе: «Молодость И. С. Тургенева» (1884, № 12), «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым, 1856—1862» (1885, № 3, 4), «Из переписки с И. С. Тургеневым в 60-е гг.» (1887, № 1, 2), а также «Воспоминания о И. С. Тургеневе и его семье» В. Н. Житовой (1884, № 11—12), о которых с восторгом отозвался А. Ф. Кони в письме Стасюлевичу от 1 ноября 1884 г.: «Тургенев и после смерти и не лично — а служит „Вестнику Европы"»[22].

В 1892 г. Стасюлевич по рекомендации В. Г. Короленко напечатал рассказ «В глухом местечке» начинающего автора Когана (псевдоним Н. Наумов), выступившего в защиту евреев. 20 ноября 1892 г. Короленко писал Стасюлевичу: «Когда, еще в Ялте, я услышал от Когана изустный рассказ об его Шлеме и уговаривал его написать все это для печати,— то он усумнился, чтобы какой-нибудь журнал это напечатал. Я дал ему слово, что проведу рассказ во что бы то ни стало. Мне казалось просто обидным предположение, что в русской литературе возможно одно только науськивание и кривляние по адресу целого племени. Отказ „Русской мысли" глубоко огорчил меня, оправдывая отчасти пессимизм Когана. Вы рассеяли наши общие опасения...»[23].

На протяжении первых двух десятилетий своего существования «Вестник Европы», основанный в 1866 г., старался придерживаться прозападнической либерально-буржуазной ориентации. Активный сотрудник журнала К. К. Арсеньев свидетельствует: «Все те, кто писал в это время по вопросам дня в „Вестнике Европы", должны отдать справедливость М. М. Стасюлевичу: как ни усиливался цензурный гнет, как неблагоприятно ни складывались обстоятельства, редактор всегда предоставлял своим сотрудникам — в особенности ближайшим — широкую свободу действий, не присоединяя к официальной цензуре свою, домашнюю, обусловливаемую опасениями за участь журнала»[24].

Более осторожную позицию Стасюлевич занимает со второй половины 1880-х гг., когда, после закрытия «Отечественных записок», особенно участились запросы и предостережения со стороны цензуры. Например, в письме к

А. М. Жемчужникову (1891 г.), в ответ на его просьбу напечатать в журнале стихотворение «Умные политики», Стасюлевич отвечает: «Вы пишете: „Они пришли, как ночью тать, судьбами мира завладели и нашу жизнь вернули вспять..." Настоящих виновников винить нельзя, без опасения самому попасть на скамью подсудимых. А в таком случае потомство простит нам наше молчание»[25].

Цензура сразу же обратила внимание на то обстоятельство, что «Вестник Европы» перестал «переступать границы дозволенного». 25 февраля 1893 г. цензор С. Коссович в своем «Отчете о деятельности цензурных учреждений за 1882—1893 гг.» дал следующую характеристику «Вестнику Европы»: «„Вестник Европы", журнал ежемесячный, один из старейших органов спокойного, либерального направления. Традиции 60-х годов как бы скристаллизовались на страницах этого почтенного органа, застывшего на устарелых принципах. Отличаясь необыкновенной чистоплотностью и благоразумною умеренностью, редакция меланхолически тянет свою одну нотку и силится напоминать периодически о благодетельных свойствах самоуправления общественного. Но обладая должным тактом, журнал не позволяет себе переступать границы дозволенного, мирится с настоящим и критику правительственных мер ведет в спокойном, академически-доктринерском тоне. Помещаемая на страницах этого журнала беллетристика мало чем отличается от таковой же остальных журналов. Редакция из первых старается знакомить своих читателей с произведениями лучших русских писателей...»[26].

В 1880-е и в первой половине 1890-х гг. Стасюлевичем был выпущен целый ряд ценных научных и художественных произведений, а его типография, по словам М. Н. Куфаева, отличалась «наибольшей производительностью»[27]. Так, в первой половине 1880-х гг. выходят отдельными изданиями некоторые произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина («Убежище Монрепо», 1882 г.; «История одного города», 1883 г.; «В среде умеренности и аккуратности», 1885 г.), а несколько позднее — собрание его сочинений.

Были изданы также работы В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» (1882) и «Наши направления» (1893), «Богдан Хмельницкий» Н. И. Костомарова (Т. 1—3, 1884), «Генералиссимус Суворов» А. Ф. Петрушевского (Т. 1—3, 1884), «Среди природы» А. Н. Острогорского (1884), «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» Н. И. Зибера (1885)[28], «Государственное право важнейших европейских держав» А. Д. Градовского (1886), «Введение в курс истории древнего мира» Н. И. Кареева, труды К. К. Арсеньева «Роман — орудие регресса» (1885) и «Критические этюды о русской литературе» (1888) и т. д. В типографии Стасюлевича отпечатаны «Сочинения» Н. К. Михайловского (Т. 1—6, 1887—1894) и «Социологические этюды» С. Н. Южакова (Т. 1—2, 1891—1896).

Издательство Германа Дмитриевича Гоппе в этот период продолжает выпускать журнал «Всемирная иллюстрация», «Всеобщий календарь» и ряд отдельных книжных изданий[29]. После смерти Г. Д. Гоппе (1885 г.) во главе издательства встал его брат Эдуард Дмитриевич. Его типография, находившаяся в

Петербурге на Вознесенском проспекте, 53, считалась одной из лучших в столице. Она охотно выполняла заказы других издателей, готовила переплеты по заказам авторов, печатала афиши и программы императорских театров, а также всевозможные пьесы и либретто.

Главным для Э. Д. Гоппе, как и для его покойного брата, остается выпуск «Всемирной иллюстрации» и «Всеобщего календаря». «Этот календарь, вступающий в 23-й год издания,— писал журнал „Сельский хозяин" в 1889 г.,— самый полный и удобный для справок, как имеющий одну нумерацию и подробный алфавитный указатель»[30].

Кроме «Всеобщего календаря» и «Календаря-ежедневника», Эдуард Гоппе некоторое время издавал также календарь «Большой ежедневник» и «Календарь для хозяек».

В журнале «Всемирная иллюстрация» печатались стихотворения Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, А. А. Фета, К. К. Случевского, биографии Г. Ибсена, С. В. Ковалевской, лексиографа Н. П. Макарова, натуралиста А. И. Бабухина, археолога Г. Шлимана, Н. А. Римского-Корсакова. Третий номер за 1891 г. был посвящен памяти Лермонтова. В качестве приложения к «Всемирной иллюстрации» издательство Гоппе выпускало с 1889 г. по 1896 г. журнал «Труд», который иллюстрировали И. К. Айвазовский, В. В. Верещагин, И. Е. Репин, И. И. Шишкин, Г. И. Семирадский. Здесь печатались произведения Н. С. Лескова, Я. П. Полонского, Вс. В. Крестовского, Н. П. Дружинина, В. Л. Величко, Н. П. Аксакова, Эмиля Золя, К. М. Фофанова, Д. С. Мережковского, Альфонса Додэ, Брет Гарта.

Эдуард Гоппе стремился привлечь к участию во «Всемирной иллюстрации» всех, кто сотрудничал в журнале еще при жизни Германа Гоппе. «Редакции „Всемирной иллюстрации" было бы крайне желательно, чтобы Вы возобновили свое сотрудничество в журнале,— писал он 9 декабря 1885 г. Я. П. Полонскому.— Не найдете ли Вы возможным написать для Иллюстрации стихотворение к *Новому* году, т. е. на новогодние мотивы. Вообще, было бы приятно заручиться Вашими произведениями»[31].

«Всемирная иллюстрация» была по существу единственным русским иллюстрированным журналом, печатавшим на своих страницах самые разнообразные иллюстрации и фотографии. Так, 29 января 1894 г. писатель Ан. Половцев писал Э. Д. Гоппе: «Недавно я был в Москве и был поражен художественностью новых центральных (Хлудовских) бань. Это нечто вроде Римских терм и заслуживает вполне как поощрения, так и подражания. Ввиду этого, в качестве постоянного подписчика и почитателя „Всемирной иллюстрации", позволяю себе выразить искреннее пожелание, чтобы „В. И." поместила иллюстрации, которые бы дали возможно полное понятие об этих замечательных банях»[32].

Однако Эдуард Гоппе не обладал той энергией и настойчивостью, какие были присущи его брату, и постепенно издание «Всемирной иллюстрации» приходило в упадок. Не помогла и администрация, учрежденная по делам издания журнала. В 1898 г. он прекратил свое существование.

Из новых периодических изданий фирмы Эдуарда Гоппе необходимо прежде всего отметить «журнал печатного дела» «Обзор графических искусств». Это

было не только отличное в полиграфическом отношении издание, но и единственный в своем роде журнал, напечатавший массу интересных по своей тематике специальных материалов.

Издательство продолжает выпускать роскошные подарочные издания в прекрасном полиграфическом исполнении: альбом «От Оренбурга до Ташкента» (рисунки и текст Н. Н. Каразина) (1886), «Альбом исторической живописи» (1891), «Альбом скульптурных произведений в гравюрах с работ русских и иностранных ваятелей» (1892), «Альбом картин русских художников» (фототипии с картин Ф. А. Бруни, В. В. Верещагина, В. Е. Маковского, В. Г. Перова, И. Е. Репина, К. А. Савицкого, Г. И. Семирадского) (1893), альбом «Русские былинные богатыри» (рисунки А. П. Рябушкина) (1895), «Всероссийская художественно-промышленная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде» (1896).

Издательство Гоппе выпустило в эти годы также целый ряд классических произведений русской и мировой литературы в отличном полиграфическом исполнении и в высококачественных переводах. Среди них: «Стихотворения» А. В. Кольцова (1892) — первое полное собрание стихотворений под редакцией и с биографическим очерком П. В. Быкова и с 40 рисунками К. О. Брожа, С. С. Волотовского, Н. П. Загорского, М. И. Зощенко, М. П. Клодта, М. Е. Малышева, И. И. Манизера, М. О. Микешина, К. И. Тихомирова, А. И. Шарлеманя, А. Н. Шильдера; «Книга песен» Генриха Гейне (1893; 2-е изд. 1897) — первое полное русское издание под редакцией П. В. Быкова, со 120 рисунками немецкого иллюстратора Поля Тумана, в переводах М. Ю. Лермонтова, А. Н. Майкова, А. А. Фета, А. К. Толстого, М. Л. Михайлова, Л. И. Вейнберга, А. Н. Плещеева, Д. Д. Минаева, Л. А. Мея, А. А. Коринфского; «Хозяин и работник» Л. Н. Толстого (1895) с рисунками К. О. Брожа, В. В. Князева, А.Скиргелло; «Песни» Беранже (1894) под редакцией П. В. Быкова, с 55 иллюстрациями.

В предисловии к «Песням» так характеризуется содержание этого издания: «Настоящее иллюстрированное издание „Песен“ Беранже в переводе русских поэтов не претендует на полноту. О безусловно полном собрании этих песен, без пропусков, на русском языке не может быть и речи. .. Что касается переводов, то мы старались выбирать из них самые удачные, ближе всего передающие дух песен Беранже, принадлежащие В. С. Курочкину, Л. А. Мею, Д. Т. Ленскому, М. Л. Михайлову, А. А. Григорьеву, А. А. Фету, И. Ф. Тхоржевскому, В. С. Лихачеву и др. Большинство этих имен настолько известно русской образованной публике, что было бы совершенно излишне распространяться о достоинстве переводов названных писателей».

В 1890—1892 гг. под редакцией П. В. Быкова вышло «Собрание сочинений» А. С. Афанасьева-Чужбинского в девяти томах.

Эдуард Гоппе сохранил еще одно направление деятельности издательства: по-прежнему выпускались журналы мод. Продолжал выходить (до 1914 г.) «Модный свет и модный магазин», в 1893—1898 гг. издавался журнал «Парижская мода». Опубликован целый ряд книжных приложений к ним, в том числе специальные издания по женскому художественно-ремесленному труду и всевозможные альбомы мод.

В изданиях Николая Павловича Карбасникова в 1880-е — первой половине 1890-х гг. по-прежнему преобладает учебно-педагогическая литература. Сохраняется универсальный профиль издательства.

Назовем некоторые книги, выпущенные Карбасниковым в этот период.

В условиях ужесточения цензуры и политической реакции он издает — в 1883 и 1885 гг.— «Благонамеренные речи» и «Пошехонские рассказы» Салтыкова-Щедрина.

В 1884 г. в издательстве вышли «Физиологические очерки» И. М. Сеченова.

В 1893 г. Карбасников опубликовал книгу известного экономиста И. И. Янжула «В поисках лучшего будущего», в которой были собраны очерки и статьи Янжула, напечатанные ранее в различных периодических изданиях. Сборник сразу же был замечен критикой. Н. А. Рубакин, например, рецензируя его в научно-популярном педагогическом журнале «Образование», писал о том, что «искать лучшее будущее можно различными способами и идти к нему можно с разных сторон,— и сверху, и снизу, с помощью широких государственных мероприятий, отражающихся на целой стране, или же с помощью предприятий филантропических, большею частью не выходящих из пределов возможности для частной инициативы. В этих пределах книга г. Янжула представляет очень много интересного»[33].

Однако Н. А. Рубакин не верит, что филантропическая деятельность может принести хоть сколько-нибудь заметные результаты. «Если одна общественная сила не идет рука об руку с другой, и даже напротив, будет подозрительно посматривать на другую,— писал он,— то сколько бы ни взывали к лучшим чувствам человека, к его нравственному совершенствованию, и сколько бы ни проповедовали частную инициативу, вряд ли из этих воззваний что-либо выйдет, кроме маленьких и скромных предприятий. Однако из книги г. Янжула видно, что филантропические учреждения не только не встречают в Англии и Америке никаких преград для своего осуществления, но и находят поддержку и среди правительства»[34].

Рецензент журнала «Мир божий» восхищается напечатанной в сборнике статьей Янжула, посвященной «замечательному посланию римского папы ко всем верующим католикам, в котором указываются средства улучшить положение рабочих, и не менее замечательному письму одного из вождей американских рабочих, Генри Джорджа, к папе в ответ на его послание, с суровым критическим разбором предлагаемых папой мероприятий. Последняя статья принадлежит к числу лучших в книге и дает особенно много сведений относительно взглядов, господствующих в Европе, на этот тревожный вопрос»[35].

В 1895 г. Карбасников выпускает работу Рубакина «Этюды о русской читающей публике», в которой автор систематизировал и обобщил статистические данные о состоянии книжного дела в России за период с 1886 г. по 1892 г. Отметив, что «книжный рынок обогащается новыми книгами очень медленно», Рубакин пишет, что «литературное развитие человека, предоставленного самому себе и лишенного руководства и указаний на что-нибудь лучшее, да и не имеющего под руками этого лучшего,— литературное развитие такого человека име-

ет много аналогичных черт с таким же развитием общества»[36]. Исследуя состояние книжной торговли и библиотечного дела в связи с вопросом о распространении книг, Рубакин приходит к выводу, что книготорговая и библиотечная сеть очень мала и не может удовлетворить многие запросы читателей и что поэтому «необходима дружная, сознательная, целесообразная работа, направленная на борьбу с книжным оскудением»[37], за повышение знаний народа.

Целый ряд литературоведческих, медицинских и географических изданий Карбасникова сохранили историко-научный интерес и в наши дни. Это, прежде всего, «Общедоступный лечебник» Е. Ф. Кунца (перевод с немецкого с дополнениями Д. Г. Фридберга, 1885), «Собрание терапевтических формул из клиники профессора Арнольда Кантани в Неаполе» (перевод с 4-го итальянского издания под редакцией В. Н. Попова, 1890), «Руководство к анатомии человеческого тела» И. Гиртля (перевод Б. Янпольского, 1887), «Учебник географии Российской Империи» П. Н. Белохи (1890) и его же «Учебник всеобщей географии» (1890). Оба учебника выдержали за короткий срок много переизданий.

Из литературоведческих изданий Карбасникова следует упомянуть трехтомный труд О. Ф. Миллера «Русские писатели после Гоголя» (1888—1890). Это — цикл лекций о Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Гончарове, Писемском, Салтыкове-Щедрине, Л. Толстом, С. Т. Аксакове, Мельникове-Печерском и Островском, прочитанный автором в Петербургском университете в 1870—1880-е гг., причем часть этих лекций сначала публиковалась в периодической печати. Трехтомнику был предпослан биографический очерк об О. Ф. Миллере, составленный Б. Б. Глинским и в 1890 г. изданный Карбасниковым отдельно.

Карбасников играл большую роль в организации и деятельности Русского общества книгопродавцев и издателей и принимал самое непосредственное участие во всех его начинаниях[38].

В рассматриваемый нами период издательство Адольфа Федоровича Маркса работало в том же направлении, которое определилось в первое десятилетие его существования. Продолжался выпуск журнала «Нива» и отдельных изданий разнообразной тематики, в том числе «роскошных», богато оформленных книг. Особого упоминания в этой связи заслуживает выпуск в свет в 1888 г. «Фауста» Гете в переводе А. Фета с иллюстрациями Э. Зейберца.

В письме к А. С. Суворину от 26 ноября 1888 г. Маркс обосновал специфику выбора им такого издания «Фауста»: «...Ссылаясь на наш личный разговор и препровождая при сем экземпляр только что напечатанного мною роскошного издания книги: „Фауст" Гете (обе части) в переводе А. Фета с многочисленными эстампами на меди и гравюрами на дереве по рисункам Э. Зейберца, покорнейше прошу Вас почтить ее Вашим вниманием и отзывом в „Новом времени".

На случай, если найдете возможным благосклонно отнестись к моей просьбе, позвольте сообщить Вам некоторые данные об этом издании, на которое я не жалел ни труда, ни средств. Как Вам известно, это есть первое в России полное роскошное издание величайшего из произведений Гете. Приобретя художественный перевод А. Фета, передающий „Фауста" почти дословно, размером подлинника и с соответствующими рифмами, я сопроводил его не менее

художественными иллюстрациями в эстампах Зейберца (числом 25), отличающихся строгою выдержанностью древнегерманского стиля, равно как и многочисленными (до 100) рисунками, гравированными на дереве, заставками и т. п.

Обнимающий не более 10 печатных листов компактного шрифта, „Фауст" в моем издании напечатан слишком на 100 листах лучшей веленевой бумаги in folio, так что почти каждая составная часть каждой сцены позволяет читателю остановиться на ней в отдельности, как того требует многозначительное произведение мирового поэта-мыслителя. Наконец, для того чтоб и внешняя оболочка издания вполне соответствовала прочему, я поручил одному из наших художников составить оригинальный рисунок для переплета в старинном немецком стиле. По этому рисунку был тщательно исполнен медный штамп и таким образом получился рельефно тисненный кожаный переплет этой книги...»[39].

Выпуск классических произведений в дорогих подарочных изданиях (напомним, что еще в 1878 г. был издан «Потерянный и возвращенный рай» Дж. Мильтона с иллюстрациями Г. Доре [40]) продиктован, вероятно, стремлением Маркса избежать излишнего риска от самого содержания выпускаемых книг. Е. А. Динерштейн справедливо указывает, что «иллюстрированные издания в какой-то мере служили гарантией солидности фирмы, они скорее, чем прочие, могли привлечь внимание прессы и тем самым послужить для нее рекламой»[41].

Из иллюстрированных изданий Маркса, выпущенных в 1880-х — первой половине 1890-х гг., назовем также «Историю искусств» П. П. Гнедича (1885), «Сказки» братьев Гримм (1893), четырехтомную «Всеобщую историю» О. Иегера (1894—1895), книги по лесоводству Ф. К. Арнольда — «Русский лес» (Т. 1—3, 1890—1891; 2-е изд. 1893—1897), «Курс лесоводства» (1892; 2-е изд. 1895), «История лесоводства в России, Германии и Франции» (1895) [42].

Борясь за увеличение числа подписчиков «Нивы», Маркс постепенно расширяет практику выпуска бесплатных приложений к журналу и в начале 1890-х гг. приступает к изданию в качестве таковых полных собраний сочинений русских писателей [43]. В 1891 г. выходит собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, в 1892 г.— А. С. Грибоедова, И. И. Козлова, А. В. Кольцова, А. И. Полежаева, в 1893 г.— Д. И. Фонвизина, в 1894—1895 гг.— Ф. М. Достоевского. В дальнейшем Маркс выпускал обычно годовыми приложениями одно или два собрания сочинений, так что к 1904 г. (год смерти Маркса) подписчики «Нивы» получили собрания сочинений большинства известных русских писателей.

Значительная часть выпущенных Марксом собраний сочинений сверялась с рукописями или готовилась самими авторами, хотя уровень их текстологической подготовки не всегда оставался на должном уровне.

Издательство Алексея Сергеевича Суворина в 1880-х — первой половине 1890-х гг. также продолжало развивать намеченные ранее направления. Кроме газеты «Новое время» и журнала «Исторический вестник», по-прежнему выпускалось довольно много отдельных изданий, в том числе и библиофильских. Среди последних должны быть названы «Наш век» О. Лейкснера (1881—1884) и «Иллюстрированная история Екатерины II» А. Г. Брикнера (1883). А. А. Сидоров отмечает, что не все библиофильские издания Суворина были удачными: в

частности, он считает, что выпущенные в 1892 и 1895 гг. «Бахчисарайский фонтан» и «Каменный гость» А. С. Пушкина с рисунками С. С. Соломко «представляют собой свидетельства явной деградации книжного оформления»[44].

Самым уникальным библиофильским изданием Суворина было первое полное, без купюр, переиздание «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1888). В России сочинения Радищева были запрещены в 1790 г. специальным указом Екатерины II. Это запрещение действовало до 1868 г. В 1872 г. книжный магазин А. А. Черкесова сделал попытку выпустить в двух томах «Сочинения» Радищева, однако, после отрицательного отзыва министра внутренних дел А. Е. Тимашева, это издание было запрещено постановлением Комитета министров и оба тома уничтожены 11 июня 1873 г.[45]

И хотя издать «Путешествие из Петербурга в Москву» Суворину было разрешено тиражом не более ста экземпляров при максимально высокой продажной цене — от 25 до 60 р. (в зависимости от сорта бумаги), это не уменьшает его заслуг перед русской литературой и общественной мыслью, так как в этом издании, как писал издателю академик Ф. И. Буслаев, «видится не праздник... библиомана, а патриотический подвиг, который вносится на страницы истории литературы»[46].

В рассматриваемый период Суворин выпускает ряд ценных книг по различным отраслям знания, хотя, как и в более ранние годы, среди них преобладают издания гуманитарной тематики: «Литературная деятельность Тургенева» В. П. Буренина (1884), «Старый Петербург» М. И. Пыляева (1887), «Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка, 1835—1885 гг.» (1892), «Литературные встречи и знакомства» А. П. Милюкова (1890), «Разговоры Гете, собранные Эккерманом» (Ч. 1—2, 1891) и др.

В качестве специального приложения к «Историческому вестнику» увидели свет романы А. Франса («Александрийская куртизанка», 1891) и П. Мериме («Варфоломеевская ночь», 1889), «Опыт библиографического указателя печатных материалов для генеалогии русского дворянства» Ф. А. Бычкова (1885), «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей» Д. Д. Языкова (Вып. 1—2, 1885—1889), «Письма» А. П. Бородина (1887), «Книжное дело и периодические издания в России в 1890—1891 гг.» Л. Н. Павленкова (1891—1892) и другие ценнейшие беллетристические, историко-литературные и книговедческие материалы.

О высоком авторитете, которым пользовался «Исторический вестник» в кругах русской интеллигенции, можно судить по письму А. Ф. Кони к Суворину от 10 декабря 1884 г.: «Препровождаю к Вам новое приношение „Историческому вестнику", воспроизведение которого приятно было бы увидеть на страницах этого прекрасного издания. Это портрет Полежаева, снятый тотчас после его смерти с факсимиле... Из того, что он не известен издателям сочинений Полежаева и тщательно сберегался в бумагах моего отца, я заключаю с некоторою достоверностью, что он был своевременно изъят из продажи или даже вовсе не был допущен...»[47].

К середине 1890-х гг. окончательно формируется блок знаменитых справочных изданий фирмы Суворина — «Весь Петербург», «Вся Москва», «Вся Россия»

(последний справочник имел подзаголовок «Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный календарь Российской Империи»)[48].

В. В. Розанов, рассказывая о том, что департамент торговли и мануфактуры отказывался предоставить Суворину нужные сведения для издания «Всей России» и что издателю с большим трудом удалось все-таки получить эти сведения, пишет о справочниках «Вся Россия», «Весь Петербург» и «Вся Москва»: «Ведь тут вовсе не „адресы", а *указана, исчислена* и *переименована* вся торговая, промышленная, деятельная, вся *хозяйственная* Россия»[49].

Иногда Суворину изменяло литературное и издательское чутье, иногда он слишком осторожничал и боялся рисковать. Например, в 1895 г. И. А. Бунин обратился к нему со следующим предложением: «...Вас, вероятно, удивит и заставит улыбнуться мое предложение. Имя мое так мало известно, что Вы, может быть, подумаете: „Вот наивный провинциальный юноша!" Но у меня есть слабая надежда и на другое: м. б. Вы обратите внимание на мое письмо и захотите оказать мне великую услугу, тем более, что для Вас-то исполнить ее очень легко. И вот с этой слабой надеждой я и обращаюсь к Вам с своим предложением, которое, впрочем, более похоже на покорнейшую просьбу: не издадите ли Вы — или книжку моих стихотворений (стр. 125) или книжку моих рассказов (стр. 200) или перевод мой всей (т. е. всех 22 песен) „Песни о Гайавате" Лонгфелло...»[50]. Предложение начинающего писателя не было принято издателем.

Не решился Суворин и на такой рискованный, с его точки зрения, шаг, как издание полного собрания сочинений А. П. Чехова, что и сделал вместо него А. Ф. Маркс[51].

Иногда Суворин отказывался печатать произведения, противоречащие его убеждениям (например, пьесу Г. Ибсена «Нора»), или же делал это с большой неохотой (как было, например, с изданием в 1885 г. «Стихотворений» С. Надсона)[52].

Рассказывая о начальном этапе деятельности Суворина, мы уже отмечали, что наиболее значительным его издательским начинанием был выпуск (с 1879 г.) общедоступной серии «Дешевая библиотека»[53]. Подобная серия, целью которой было знакомить широкую публику с выдающимися произведениями русских и иностранных писателей, появилась в России впервые.

По мнению Е. А. Динерштейна, Суворин заимствовал «идею выпуска „Дешевой библиотеки", т. е. серии последовательно выпускаемых небольших по объему книг и брошюр, ...у французских и немецких издателей», но при этом модифицировал ее с учетом интересов русского читателя[54].

Маленькие, карманного формата, книжечки «Дешевой библиотеки» издавались массовым тиражом и стоили не дороже 40 к., благодаря чему они нашли дорогу к самым широким читательским кругам. Серия печаталась на приличной бумаге, имела хорошо оформленные обложки.

В ней, среди прочих, вышли произведения Аристофана («Облака»), Байрона («Дон Жуан»), Бальзака («Отец семейства»), Баратынского («Сочинения»), Белинского («Обзор русской литературы от Ломоносова до Пушкина» и

«А. С. Пушкин»), Богдановича («Душенька»), Бомарше («Севильский цирюльник»), Веневитинова («Полное собрание стихотворений»), Гауптмана («Ганнеле»), Гете («Фауст» в переводе Н. Холодковского), Гольдсмита («Вэкфильдский священник»), Гоголя («Сочинения» в 8 томах), Гофмана («Житейские воззрения кота Мурра»), Грибоедова («Горе от ума»), Гюго («Человек, который смеется» — в изложении Суворина, «Труженики моря»), Д. Давыдова («Стихотворения»), Дельвига («Полное собрание стихотворений»), Диккенса («Оливер Твист», «Давид Копперфильд», «Замогильные записки Пиквикского клуба»), Дмитриева («Сказки, басни»), Достоевского («Бедные люди»), Еврипида («Медея»), Эпиктета («Афоризмы»), Жорж Санд («Приемыш»), Загоскина («Сочинения»), Капниста («Ябеда»), Карамзина («Повести», «Письма русского путешественника», «История Государства Российского» в 12 томах), Козлова («Три поэмы»), Кольцова («Стихотворения»), Корнеля («Гораций» в переводе М. Чайковского), Котляревского («Энеида»), Крылова («Басни»), Лермонтова («Герой нашего времени», «Маскарад», «Стихотворения», поэмы «Мцыри» и «Демон», «Кавказские поэмы», «Выбранные юношеские стихотворения»), Ломоносова («Избранные сочинения»), Марка Аврелия («К самому себе. Размышления»), Бестужева-Марлинского («Фрегат Надежда»), Метерлинка («Тайны души» — в переводе и с предисловием Суворина), Мольера («Тартюф»), Нарежного («Бурсак»), В. Ф. Одоевского («Повести»), Озерова («Эдип в Афинах»), Плавта («Хвастливый солдат»), Плутарха («Сравнительные жизнеописания», 9 томов), Пушкина («Сочинения» в 10 томах и ряд отдельных произведений) [55], Рылеева («Думы и поэмы»), Сенеки («Избранные письма»), В. Соллогуба («Повести и рассказы», 3 тома), Софокла («Эдип-царь»), О. Тьерри («Рассказы из времен Меровингов»), Л. Толстого («Хозяин и работник»), Фламмариона («Урания. Путешествие в небесные пространства», «Конец мира. Астрономический роман», «Что такое небо?»), Флобера («Саламбо»), Фонвизина («Две комедии: I. Бригадир.— II. Недоросль»), Хаггарда («Копи царя Соломона»), Хемницера («Полное собрание басен и сказок»), Чехова («Детвора», «Рассказы: Ванька.— Событие.— Кухарка женится.— Беглец.— Дома»), Шекспира («Гамлет», «Король Лир», «Отелло», «Макбет»).

Всего с 1879 по 1912 г. (год смерти Суворина) вышло в свет почти 500 книжек серии общим тиражом более 1 млн. экземпляров [56].

Издательская деятельность Ивана Дмитриевича Сытина (1851—1934) началась в середине 1870-х гг.[57] Окончив всего лишь три класса сельской школы, Сытин до конца своих дней оставался малограмотным человеком. Возможно, этим отчасти объясняется его издательская всеядность. М. В. Ямщикова, писавшая под псевдонимом «Ал. Алтаев», отмечает: «Внушительная и странная фигура — Иван Дмитриевич Сытин, полная самых неожиданных крайностей, и только Россия могла ее создать. Один из самых крупнейших капиталистов, не только необразованный, но и совершенно безграмотно пишущий, он поднимался до самых высот понимания значения культуры, тонко разбирался в значимости „мудреных" книг, мечтал о всеобщем образовании, развивал гигантские планы, одним взмахом приобретал такие предприятия, как „Нива", издания которой

были неотъемлемой принадлежностью каждой семьи, залетая в самые отдаленные уголки страны, приобрел знаменитую художественную цинкографию Вильборга с ее изумительными машинами. И параллельно — старинные офени развозят по ярмаркам грубые лубки, и параллельно — безграмотные картинки, и параллельно — книжки-куклы, книжки-кошки и собачки с виршами для детей, с подсахаренными картинками и подсахаренными пошлыми рассказиками... На все вкусы товар. Россия, необъятная Россия, только ты могла породить такую фигуру... и только в России он мог жить»[58].

Открыв в 1876 г. свою литографию, Сытин в течение нескольких лет печатал лубочные картинки, которые мало отличались от современной им массовой продукции подобного рода. Но следует отметить стремление молодого издателя привлекать к выпуску лубочных картинок крупных художников-профессионалов. Он писал в своих воспоминаниях: «Успех литографии превзошел самые смелые мои ожидания. Но я объясняю это только тем, что я внес кое-что новое в торговые приемы. Я шел на риск — приглашал лучших рисовальщиков и первоклассных мастеров, никогда не торговался с ними в цене, но требовал высокого качества работы»[59].

В феврале 1883 г. было образовано Товарищество на вере под названием «И. Д. Сытин и К°» с основным капиталом в 75 тыс. р.[60] Товарищество продолжало выпускать преимущественно лубочную продукцию, и еще долгое время в прессе сохранится мнение о Сытине, как об одном из издателей Никольского рынка, богатство которых основывается на «Ерусланах» и «Милордах»[61]. Но заслуга Сытина, как справедливо отмечает Е. А. Динерштейн, «заключалась в том, что ему, единственному из лубочных издателей, удалось в конце концов коренным образом изменить характер выпускаемой литературы»[62].

Новым направлением деятельности Товарищества уже вскоре после его образования стало издание календарей. Сытин писал впоследствии: «В такой стране, как Россия, жили и умирали миллионы людей, не имевших никакой доли в культурном наследии человечества. Заброшенные в глухие углы, отрезанные от центров русским бездорожьем и русскими расстояниями, люди эти не имели никакого соприкосновения с печатным словом — ни книг, ни газет, ни школ у них не было, и календарь для таких людей был единственным окном, через которое они смотрели на мир»[63]. Иными словами, календари играли тогда роль настольного народного справочника.

В 1884 г. на Нижегородской ярмарке впервые появился сытинский «Всеобщий русский календарь на 1885 год». Сытин остался верен тем традициям, которые были намечены им при издании лучших образцов лубочной литературы: к работе над календарем он привлек академика живописи Н. А. Касаткина. Красочное оформление, обилие полезных сведений (уже в следующем году содержание календаря было значительно расширено) и сравнительно дешевая цена обеспечили календарю огромный успех. Сытин наладил выпуск самых разнообразных календарей. В 1890 г. начал выходить «Общенародный календарь», несколько позже — «Малый всеобщий», «Народно-сельскохозяйственный», «Современный», «Старообрядческий» и др.

Особая страница деятельности Сытина в 1880—1890-х гг.— его сотрудничество с издательством «Посредник»[64].

В ноябре 1884 г. друг и единомышленник Льва Толстого Владимир Григорьевич Чертков предложил Сытину взять на себя печатание и распространение книг для народа, подготовленных только что возникшей в Петербурге издательской фирмой «Посредник». Фирма предполагала выпускать по дешевым ценам (не выше цен на лубочные издания) доброкачественную литературу для народного чтения — в первую очередь произведения известных русских писателей.

Сытин к этому времени, кроме выпуска лубочных книг и календарей, ничем особенным себя не проявил. Предложение Черткова он принял сразу, что объясняется не только его благоговейным отношением к Л. Н. Толстому. В издании книг, подготовленных «Посредником», Сытин увидел огромную перспективу, которую открывало «сближение крупной издательской фирмы с интеллигенцией»[65].

Действительно, только за первые четыре года он выпустил под маркой «Посредника» 12 млн. экземпляров книг. Е. А. Динерштейн отмечает, что «сотрудничество с „Посредником"... значительно подняло авторитет „Товарищества И. Д. Сытина" в глазах общества, позволило обновить репертуар собственных изданий за счет переданных Чертковым рукописей»[66]. «Благодаря „Посреднику",— пишет он,— имя Сытина получило всероссийскую известность»[67].

Выпуск изданий «Посредника» позволил Сытину близко познакомиться с Л. Н. Толстым, который, считая дело «Посредника» чрезвычайно важным, оказывал молодому издателю большое внимание. «Пожалуйста, напишите Сытину,— просил Толстой Черткова,— чтобы он ко мне обращался, я могу и хочу служить, сколько могу, этому делу»[68]. По словам Сытина, Толстой «принимал самое близкое участие в печатании, редакции и продаже книг, много вносил ценных указаний и поправок»[69].

В марте 1892 г. Главное управление по делам печати предписало цензорам с особой тщательностью рассматривать все рукописи и книги, представленные И. Д. Сытиным. Главной причиной этого послужило сотрудничество Сытина с издательством «Посредник», в частности, выпуск произведений Толстого, которые, по мнению цензуры, могли «подорвать в народном сознании нравственные начала»[70].

Отношения Сытина с руководителями «Посредника», особенно с Чертковым, не всегда были ровными, время от времени между ними возникали серьезные недоразумения[71]. Однако, как бы ни оценивать эти взаимоотношения, необходимо помнить, что, выпуская книги «Посредника», Сытин, как подчеркивает Е. А. Динерштейн, «постоянно подвергал себя риску материальных потерь и, что гораздо опаснее, возможности навлечь на себя гнев властей предержащих. А угроза того и другого все время нависала над ним»[72].

В типографии Сытина в 1890-х гг. печаталась также серия книжек «для народа», выпускавшаяся под названием «Правда» баронессой В. И. Икскуль. Это были маленькие книжечки-выборки из произведений Тургенева, Достоевского, Некрасова, Жуковского, Никитина, Шевченко, Гл. Успенского, Короленко, ма-

ленькие сборники басен Крылова и Хемницера с общедоступными популярными очерками, составленными В. П. Вахтеровым, и с серийной обложкой, выполненной И. Е. Репиным. Для первого издания тираж был определен в 10 тыс. экземпляров, цена каждой книжечки — полторы копейки. Всего в серии «Правда» было издано 64 названия, и, как вспоминала В. И. Икскуль, «распространение их было громадное, и русская деревня обязана многими часами светлого досуга тогда еще скромному хозяину небольшой лавки на Никольском рынке»[73].

Выпуск произведений классиков зарубежной литературы Сытин осуществлял, в основном, в приложении к журналу «Вокруг света» — первому своему периодическому изданию, которое он приобрел в 1891 г. (до этого журналом владели братья М. А. и Е. А. Вернеры)[74]. Это был научно-популярный журнал для юношества, посвященный путешествиям и приключениям. К моменту приобретения журнала Сытиным он имел всего 4 500 подписчиков, а через несколько лет их число увеличилось до 42 тыс. Редактор журнала В. А. Попов вспоминает: «Иван Дмитриевич уделял своему первому периодическому изданию много забот и внимания, желая поставить его на прочную основу и дать ему широкое распространение. Он... принимал горячее участие в выборе иностранных авторов для приложения к журналу, а также привлекал сотрудников к работе в самом журнале»[75]. В 1895—1896 гг., в качестве приложений к журналу, вышло собрание сочинений Майн Рида, а в 1897—1898 — Жюля Верна.

В 1893 г. вместо Товарищества на вере учреждается «Высочайшее утвержденное Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина» с основным капиталом в 350 тыс. р.[76]

Значительное место в изданиях Сытина 1880—1890-х гг. занимают учебники (преимущественно для начальной школы) и учебно-педагогическая литература.

Первый школьный учебник — «Букварь» А. А. Брайковского — фирма выпустила в 1887 г. Этот учебник получил такую огромную популярность, что затем переиздавался с соответствующими дополнениями и изменениями в течение тридцати лет. Затем были изданы «Сборник задач для домашнего и классного обучения по арифметике» А. П. Кириллова (1890), «Азбуки» М. Преображенской (1891) и И. П. Деркачева (1893), «Друг детей» И. П. Деркачева (1896), «Краткие русские прописи для городских и сельских училищ и младших классов гимназий» А. И. Иванова (1897) и другие пособия.

Современники считали 1895 г. «поворотным пунктом» в издании Сытиным учебной литературы[77], так как именно тогда фирма предприняла довольно грандиозное для своего времени издание «Библиотеки самообразования», выпустив в этой серии в течение 11 лет 47 книг по истории, философии, экономическим наукам и естествознанию. Среди авторов «Библиотеки...» были такие крупные ученые, как А. С. Белкин, В. И. Вернадский, А. А. Кизеветтер, Н. А. Умнов и др.

Кроме перечисленных выше крупных универсальных издательских фирм в России в 1880-е — первой половине 1890-х гг. функционировал целый ряд других издательств, которые, хотя и не могли конкурировать с ними по размаху своей деятельности, также внесли своими изданиями существенный вклад в рус-

ский книжный репертуар. Некоторые из них в скором времени и сами стали крупными предприятиями.

Продолжала свою книготорговую и книгоиздательскую деятельность фирма Эдуарда Александровича Винеке, основанная им в 1875 г. и с 1880 г. перешедшая к его сыну Александру [78].

В 1879 г. в Петербурге открыл собственное книжное дело Август Федорович Цинзерлинг. Спустя 10 лет он приобрел французский книжный магазин «Мелье и К°», расширил оба предприятия и объединил их.

С 1881 г. ведет свое начало петербургское издательство Эдуарда Андреевича Гранстрема. Он выпускал, в основном, дорогие подарочные издания зарубежных авторов в собственных переводах с различных европейских языков, а также издал целый ряд научно-популярных книг по истории и географии — например, «Вдоль полярных окраин России» (1885), «Столетие открытий в биографиях замечательных мореплавателей и завоевателей XV—XVI веков» (1893) и др.

В 1883 г. начинает свою деятельность предприятие А. Я. и А. С. Панафидиных, основанное в Петербурге, а затем переведенное в Москву. Начав с маленькой книжной лавочки, постепенно расширяя ее и специализируясь, главным образом, на продаже учебников, Панафидины превратили ее в крупную книготорговую и книгоиздательскую фирму. Основной процент в книжной торговле Панафидиных падал на учебные пособия, выпущенные ими самими, а также на дешевые издания русских классиков и книги по истории литературы, вышедшие в свет, в основном, в конце XIX — начале XX в.[79]

В 1885 г. руководителем старейшего московского предприятия «Наследники братьев Салаевых», основанного еще в 1828 г., стал Владимир Васильевич Думнов (1854—?). При нем фирма, ранее специализировавшаяся, в основном, на издании произведений русских писателей, переориентировалась на выпуск учебной литературы для начальной и средней школы и вместе с издательством И. Д. Сытина поставляла основную массу школьных учебников. В книжном магазине фирмы можно было приобрести практически любую учебную литературу, вышедшую в России [80]. «Наследники братьев Салаевых» впервые ввели в книготорговую практику прием на комиссию книг других издательств целыми тиражами.

А. А. Каспари, еще в 1870 г. начавший выпускать в Петербурге календари, в 1886 г. приобрел журнал «Родина» и стал издавать произведения русских писателей (серия «Дешевая библиотека русских классиков»). В 1892 г. он открыл первую в России школу печатного дела при Русском техническом обществе [81].

В 1889 г. в Петербурге основал издательство и книжный магазин Михаил Михайлович Ледерле. Из его собственных изданий наибольшую известность получили серии «Славянская библиотека» и «Иллюстрированная естественнонаучная библиотека». В 1898 г. предприятие прекратило свое существование, а нераспроданные издания Ледерле стали продаваться в двух петербургских магазинах Е. А. Иванова [82].

Остановимся подробнее на начальном периоде деятельности Петра Петровича Сойкина (1862—1938), одного из крупнейших универсальных издателей

конца XIX — начала XX в.[83] Его издательская деятельность, на наш взгляд, делится на два этапа. Первый охватывает 1885—1900 гг.: это становление издательства, накопление опыта, развитие сети журналов.

В 1885 г. Сойкин приобретает в Петербурге небольшую типографию и в течение четырех лет выполняет в ней только чужие заказы. В 1889 г. он сам становится издателем. 2 ноября 1889 г. вышел в свет первый номер естественнонаучного еженедельника «Природа и люди», который очень скоро стал весьма популярным изданием.

В основу программы журнала были положены пять основных принципов: научность, популярность, занимательность, доступность и разнообразие материала. Соответственно этим принципам программа делилась на пять главных отделов: 1) историко-биографический, в котором в общедоступной и занимательной форме излагались биографии великих ученых, знаменитых путешественников и изобретателей; 2) отдел романов, повестей и рассказов, которые, повествуя об увлекательных приключениях на суше, на море и в воздухе, знакомили читателей с природой и населением всех стран света; 3) географо-этнографический, включающий описания путешествий, популярные очерки по физической географии, занимательные картины явлений природы, этнографические очерки быта и нравов различных народов; 4) научный отдел, состоявший из кратких популярных очерков по всем отраслям естествознания; 5) отдел текущих новостей о новейших изобретениях, путешествиях, открытиях.

Успех журнала превзошел все ожидания. Подписка втрое превысила первоначальные предположения редакции и вызвала перепечатку первых номеров журнала вторым изданием, а многочисленные выражения горячего сочувствия со стороны подписчиков подтвердили, что Сойкин правильно понял потребность читающей публики в дешевом, популярном, занимательном и в то же время вполне научном издании, посвященном естествознанию и географии. Авторами журнала стали десятки видных ученых, путешественников, изобретателей.

Первой книгой, изданной П. П. Сойкиным (совместно с А. М. Лесманом), явилась монография профессора Иенского университета С. Фирордта «Диагностика внутренних болезней согласно новейшим методам исследования» (1889). Издание было неудачным, так как перевод страдал существенными недочетами, а молодой издатель еще не обладал необходимым опытом. Эта неудача в совокупности с растущей популярностью журнала «Природа и люди» укрепила убеждение Сойкина в том, что русское общество ждет прежде всего такие издания, которые были бы доступны и по цене, и по характеру изложения материала. Поэтому названные выше четыре главных отдела журнала определили основное содержание разнообразных сойкинских книжных серий и отдельно изданных книг. В своем стремлении создать новый тип научно-популярной книги, продающейся по самой минимальной цене и доступной для самых широких народных масс, Сойкин, как отмечал Н. А. Рубакин, следовал непосредственно за Ф. Ф. Павленковым[84]. Характерно и название первой научно-популярной серии Сойкина — «Полезная библиотека» (у Павленкова — «Библиотека полез-

ных знаний»). Она выходила в 1894—1904 гг. и имела большой успех у читателей: многие входившие в нее книги выдержали 2, 3 и даже 4 издания.

Серия включала книги по разным отраслям знания. Сойкин сам выбирал наиболее современные темы для серии, удачно привлекая авторов, и непосредственно наблюдал за изданием книг.

Выпуски «Полезной библиотеки» знакомили широкие круги читателей с растительным и животным миром, с тайнами моря, с новейшими географическими открытиями, с историей развития различных наук. Содержание «Полезной библиотеки» способствовало формированию материалистического мировоззрения большой читательской аудитории.

Не всем выпускам «Полезной библиотеки» удалось благополучно пройти цензуру. Например, была изъята из обращения вышедшая в 1897 г. популярная книга Ф. Волгина (под этим псевдонимом выступал Ф. С. Груздев) «Амур. Природа и люди Амурского края». Курьезно выглядели доводы цензора, запретившего эту книгу для библиотек: «Автор слишком высоко отзывается о людях Сибири и ее богатствах... Вообще в книге, предназначающейся для простого народа, откуда выходят переселенцы, следует... осторожнее выражаться о богатствах Сибири, которые далеко не так обильны, как о том полагали»[85].

«Внедряя в широкие круги народа правильные географические сведения»[86], Сойкин выпустил первые в России издания трудов А. В. Елисеева, за которые автор был удостоен золотой медали Русского географического общества: «По белу свету» — фундаментальный труд в 4-х томах (3 издания; 1-е — 1893—1898 гг.) и «В тайге» (3 издания; 1-е — 1891 г.). Позднее Сойкин издал еще один труд Елисеева — «Львиные ночи. Из путешествия по Северной Африке» (2 издания).

Выход книги «По белу свету» был тепло встречен критикой[87]. Отмечалось, среди прочего, что это — первая попытка создать большое иллюстрированное издание силами только русских художников. Рецензент «Русского вестника» писал: «Что касается внешности издания, то о ней положительно следует сказать несколько слов. Иллюстрации, дополняющие и поясняющие текст, все без исключений, принадлежат русским художникам. Здесь мы находим работы гг. Казанцева, Кившенко, Пиотровича, Самокиш-Судковской, Самокиш. По сравнению с иллюстрированными клише, книга „По белу свету" производит, конечно, менее благоприятное впечатление, но когда же и как же мы достигнем совершенства в области иллюстрирования книг, если будем довольствоваться готовым заграничным материалом? Такие попытки, как попытка г. Сойкина, издавшего путевые очерки г. Елисеева, заслуживает сочувствия и поощрения. В данной сфере покровительство „отечественному производству", пожалуй, всего уместнее и необходимее»[88].

Первым опытом беллетристических изданий Сойкина явился журнал «Звезда» (его первый номер вышел в 1892 г.) и приложения к нему. Это был один из самых дешевых иллюстрированных журналов, выходивших до революции. Сойкин постепенно расширял его программу. Был организован новый отдел «Биографии и историко-биографические рассказы», а также значительно увеличен отдел «Романы, повести, рассказы и стихотворения».

В этом отделе печатались стихи К. М. Фофанова, Д. С. Мережковского, А. Коринфского, рассказы Конан-Дойля, Н. Н. Каразина, Вас. И. Немировича-Данченко, повести И. Н. Потапенко, В. В. Желиховской, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Вс. С. Соловьева, романы О. Н. Чюминой, А. В. Зарина, очерки А. В. Елисеева, переводы из Гейне, Мицкевича и многие другие произведения русских и зарубежных авторов. Как видно даже из краткого перечня, далеко не все в журнале было равноценным, многие произведения не отличались большими литературными достоинствами.

Политически журнал «Звезда» был абсолютно нейтрален. Тем не менее цензор Ф. П. Еленев, которого М. Н. Куфаев назвал «верным, но близоруким охранителем режима»[89], отнес его к числу журналов с вредным направлением [90].

Растущая популярность «Звезды» вскоре позволила Сойкину выпускать в качестве приложений к ней новые журналы. Таких приложений было пять: «Развлечение» (1893—1894), «Польза и дело» (1893—1894), «Наука и забавы» (1893—1894), «Модный журнал» (1893—1895) и «Ежемесячный литературный журнал» (1894—1895), в котором Сойкин предполагал печатать романы зарубежных писателей. Первой увидела свет серия романов Э. Золя «Ругон-Маккары» в 20 томах.

В апреле 1895 г. в типографии Сойкина тиражом 2 тыс. экземпляров напечатан сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», где была опубликована статья В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», подписанная псевдонимом К. Тулин. Это было первое выступление В. И. Ленина в легальной печати. Именно эта статья и послужила главной причиной уничтожения цензурой сборника [91]. Удалось спасти лишь около 100 экземпляров, которые тайно разошлись среди социал-демократов Петербурга, Москвы, Варшавы.

В 1890-х гг. начинают свою деятельность братья М. и С. Сабашниковы, создавшие одно из крупнейших универсальных издательств предреволюционного периода [92].

Специализированные коммерческие издательства

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. расширяется деятельность специализированных издательств, появляется ряд новых предприятий.

Продолжают функционировать музыкальные издательства Бернарда, «В. Бессель и К°»[93] и П. И. Юргенсона — крупнейшего издателя музыкальной литературы в России [94].

О масштабах деятельности П. И. Юргенсона в 1880-х — 1890-х гг. наглядно свидетельствуют следующие цифры. С 10 августа 1885 г. по 10 августа 1886 г. (25-й год существования фирмы) издано свыше 300 новых сочинений, гравированных на 3 633 досках, а за 10 лет с 1886 по 1896 г. выпущено 4 511 новых сочинений [95]. О той большой роли, которую сыграло издательство в пропаганде лучших музыкальных сочинений в эти годы, свидетельствует письмо преподавате-

ля музыки А. В. Преображенского, который 3 октября 1889 г. писал Юргенсону: «Ваша обширная просвещенная деятельность по части музыкального образования, Ваши многочисленные издательские труды и предприятия неоспоримо доказывают, что Вы глубоко понимаете облагораживающее, просвещающее и возвышающее значение великой силы — музыки и вообще эстетического воспитания. Никто не потрудился, да и не трудится на поприще издания музыкальных произведений у нас в России с таким сознанием святости своего дела и его высокой важности, как Вы»[96].

Имея с 1872 г. право на издание всех произведений П. И. Чайковского, Юргенсон по-прежнему постоянно выпускает в свет его сочинения — не только в виде отдельных изданий, но и в сериях (в частности, в сериях «Дешевая библиотека» и «Классная библиотека»), а также в многочисленных переложениях и транскрипциях. Пропаганду творчества Чайковского издательство осуществляло также выпуском специальных книжных изданий. В 1894 г. вышел каталог произведений Чайковского, изданных Юргенсоном, в 1896 г. появились «Воспоминания о Петре Ильиче Чайковском» Н. Д. Кашкина и трехтомный труд М. И. Чайковского «Жизнь Петра Ильича Чайковского».

Юргенсон бережно заботился о сохранении рукописей Чайковского[97]. Например, 18 декабря 1884 г. он писал В. В. Стасову, служившему тогда в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге: «Многоуважаемый Владимир Васильевич! Петр Ильич Чайковский передал мне о Вашем желании получить несколько его рукописей и просил меня согласиться на передачу их в Публичную библиотеку. Я гораздо раньше решил, что оригинальные рукописи когда-нибудь мною будут отданы в Публичную библиотеку, но не отдельное какое-нибудь сочинение, а все. У меня они сохранны и целы, и я их берегу и веду борьбу с автором, который их ни во что не ставит и не бережет...»[98].

Кроме сочинений Чайковского, издательство Юргенсона издавало произведения и других русских композиторов: за 50 лет, с 1861 по 1911 г., увидели свет сочинения более 500 русских авторов, из которых большинство составили начинающие композиторы, делавшие первые шаги в музыке.

Значительное число сочинений русских композиторов — М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, А. П. Бородина, М. И. Глинки, А. Н. Скрябина, А. С. Аренского и др.— было издано и в интересующий нас период. Выпускались также книги отечественных авторов по истории и теории музыки.

Большое внимание уделялось издательством и пропаганде зарубежной музыкальной культуры. Кроме выпуска сочинений иностранных композиторов (Беллини, Бизе, Р. Вагнера, Верди, Гуно, Доницетти, Моцарта и др.), издавались и музыковедческие работы зарубежных авторов. В этой связи можно назвать «Всеобщий учебник музыки» А. Маркса (1881), «Учебник форм инструментальной музыки» Л. Бусслера (1883), «Жизненные правила и советы молодым музыкантам» Р. Шумана (1884) и т. д. Особо следует отметить издание в 1890—1892 гг. трехтомной биографии Моцарта, написанной А. Д. Улыбышевым и впервые опубликованной в 1843 г. Первые два тома перевел с французского

М. И. Чайковский. 1-й том вышел с примечаниями и статьей Г. Лароша «О жизни и трудах Улыбышева».

Как правило, переводные музыковедческие издания Юргенсона находили положительный отклик в русской периодической печати, хотя и не всегда эти оценки были справедливы. Например, давая явно завышенную оценку такому изданию, как «Руководство к изучению истории музыки» А. Доммера (1884), один из рецензентов счел своим долгом отметить: «Издание этой книги, как и многих других по истории и теории музыки, рекомендует г. Юргенсона как человека, добросовестно служащего делу развития у нас музыки; долголетняя его деятельность на этом поприще заслуживает всякой похвалы, и нельзя не пожелать, чтобы он нашел себе побольше подражателей»[99].

На своем книжном складе в Москве Юргенсон держал практически все книги по истории и теории музыки, вышедшие за рубежом на различных языках[100].

Заканчивая разговор о музыкальных издательствах, необходимо сказать несколько слов о деятельности Митрофана Петровича Беляева (1836—1903), открывшего в 1885 г. издательство «М. П. Беляев в Лейпциге». Все ноты печатались в Лейпциге, но вопросы формирования издательского репертуара решались в Петербурге под общим руководством комиссии в составе Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Лядова и А. К. Глазунова. Сбыт изданий Беляева осуществлялся через петербургское отделение фирмы П. И. Юргенсона.

В 1895 г. В. В. Стасов, сравнивая деятельность Беляева по выпуску музыкальных произведений с деятельностью П. М. Третьякова как крупнейшего собирателя произведений русского изобразительного искусства, отметил: «Когда будет писаться история русской музыки, имя М. П. Беляева займет там однажды видную и почетную страницу»[101]. Сравнение с Третьяковым не случайно: подобно ему, Беляев, будучи сыном крупного лесопромышленника, мог позволить себе заниматься издательской деятельностью как меценат.

Первым изданием Беляева была «Увертюра на греческие темы» А. К. Глазунова[102]. И в дальнейшем центральное место среди изданий фирмы занимали произведения русских композиторов — С. И. Танеева, А. П. Бородина, П. И. Чайковского, А. Н. Скрябина и, главным образом, Н. А. Римского-Корсакова. За десять лет, с 1885 г. по 1895 г., издательство «М. П. Беляев в Лейпциге» выпустило 850 сочинений русских композиторов[103].

В рассматриваемый период фирма А. Ф. Девриена продолжает издавать сельскохозяйственную литературу[104], отдавая предпочтение серьезным монографическим трудам, а не популярным изданиям. Сам Девриен объяснил это следующим образом: «Издательство полагает, что печатать и распространять подобного рода книги можно лишь с чрезвычайной осторожностью: они читаются без должного критического отношения, вселяя в кругах малокультурных читателей абсолютное доверие ко всему тому, о чем трактует дешевая популярная брошюра. При таком положении вещей всякая неясность, ошибка или необоснованное утверждение не только может (на практике) причинить материальный ущерб ее читателю, но, что еще хуже — лишить его доверия к книге вообще. К тому же нельзя не признать, что польза, извлекаемая малоподготов-

ленным читателем из брошюры в несколько страничек по столь сложным вопросам, как, например, обработка почвы, удобрение, уход за скотом и т. п., очень проблематична. Если у малокультурного читателя, действительно, является необходимость ознакомиться с литературой интересующего его вопроса, то ему следует приложить все старания к тому, чтобы усвоить содержание уже более обстоятельных брошюр, которых, конечно, нельзя пускать в продажу по 5 или 8 коп. За предложение хороших популярных книжек издательство, конечно, всегда благодарно; но оно считает своим долгом, до принятия таких сочинений к изданию, подвергать их особенно строгому и тщательному просмотру опытных специалистов»[105].

Назовем некоторые издания, выпущенные фирмой Девриена в эти годы: Грюнхальд О. Искусственное птицеводство. Пер. с нем. И. Вильбушевича (1886), Винберг В. К. Практическое руководство виноградарства и виноделия (1889), Рытов М. В. Русские капусты (1890) и «Капусты, огородная и китайская» (1891), Шмулевич Я. М. Общедоступный лечебник домашних животных (1891), Онуфрович А. И., Черноглазов Л. А. Приготовление консервов из плодов и ягод (1892), Ростовцева Е. Е. Продукты из молока овец (1893) и др.

Большую популярность завоевали «Справочная книга русского сельского хозяина» и «Календарь и записная книжка русского сельского хозяина», составленные Ф. А. Баталиным. «Справочная книга» вышла двумя изданиями в 1892 и 1896 гг., «Календарь» издавался ежегодно с 1892 г.

Двумя изданиями (первый раз в 1879 г.) вышла книга А. С. Ермолова «Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты». Второе издание книги, опубликованное в 1891 г., автор переработал в соответствии с новейшими достижениями сельскохозяйственной науки и практики. В рецензии на это издание, напечатанной в газете «Киевлянин», отмечалось: «Давно уже не случалось нам встретить такую интересную книгу, трактующую о вопросах сельского хозяйства, как вышедшая на днях во втором, значительно переработанном издании книга А. С. Ермолова»[106].

В начале 1880-х гг. издательство приступило к выпуску книг для детей и юношества. Глава фирмы считал детскую литературу важнейшим средством нравственного воспитания ребенка. «Из всех подарков, которыми заботливые родители и воспитатели украшают праздничный стол своих малюток, первое место, бесспорно, принадлежит книге,— писал он в 1892 г.— Она может просуществовать дольше всякого другого подарка. Она переходит зачастую к младшим братьям и сестрам и может иногда доставлять полезное развлечение даже детям тех, кому она была впервые подарена. Хорошая книга целыми неделями, месяцами может занимать ребенка и не прискучит ему. Но этого мало: она проникает в свежее впечатлительное сердце и душу маленького читателя, влияет на его внутренний мир и живет в нем. Как часто взрослый до самой старости сохраняет в себе воспоминания о тех свежих, радостных впечатлениях, о том наслаждении, которое доставила ему в детстве хорошая книга»[107].

В каталогах фирмы в разделе «Книги для детей и юношества» с помощью специальных обозначений указывалось, для какого возраста предназначена та

или иная книга. По градации издательства эти книги делились на следующие группы: для дошкольников, для младшего школьного возраста, для среднего школьного возраста, для старшего школьного, для юношества.

Среди прочих книг, адресованных детям и юношеству, издательство выпустило целый ряд классических произведений, частично — в специальных пересказах. Например, «Одиссею» Гомера пересказал для детей А. Лярский, романы Ф. Купера и «Путешествия Гулливера» вышли в пересказе О. И. Роговой.

Многие детские книги, выпущенные Девриеном, сейчас прочно забыты, но в свое время русская периодическая печать выделяла их из потока детских книг других издательств. Так, профессор Петербургского университета О. Ф. Миллер, рецензируя историческую повесть для юношества «Богдан Хмельницкий» О. И. Роговой, писал: «Книга эта, отличающаяся здравым историческим реализмом, написанная правдиво и просто, может служить прекрасным подарком для подростков от 14 до 16 лет»[108]. А рецензент «Нового времени» отмечал: «Автор этого нового произведения, опытная детская писательница, серьезно отнеслась к своему труду. Книга написана легко, хорошим языком, с возрастающим интересом. Прекрасные рисунки с этнографическою точностью иллюстрируют рассказ»[109].

Как правило, детские издания фирмы Девриена отличались высоким уровнем полиграфического исполнения и были снабжены отличными рисунками и иллюстрациями. «Немногие из книг, предназначенных для детей и юношества, по изяществу и содержательности, могут сравниться с только что изданной (А. Ф. Девриеном.— Авт.) „Одиссеей“ Гомера, в пересказе г. Лярского, с рисунками Преллера,— писал рецензент „Нового времени“.— Прекрасные рисунки Преллера оживляют в античных образах рассказ, перенося воображение читателя в сферу греческой жизни эпохи Гомера. Образная поэзия этих рисунков всем одинаково понятна,— художникам и нехудожникам»[110]. В этой связи заслуживают упоминания также книги П. В. Засодимского «Бывальщины и сказки» (1888; 2-е изд. 1895) и Н. Н. Каразина «С севера на юг» (1890). При подготовке второго издания книги Засодимского Девриен в письме к нему от 5 апреля 1895 г. высказал озабоченность качеством издания: «Корректурные листы „Бывальщин и сказок“ присылаются Вам непосредственно самой типографией, следовательно, одна лишь типография может объяснить происхождение карандашных помарок. Будьте добры прислать мне сегодня же упомянутый в Вашем письме лист, и я потребую от типографии Ис. Гольдберга немедленного объяснения. В случае если помарка эта произведена типографией, я сделаю ей строгое внушение и пригрожу ей даже прекращением всяких с нею сношений»[111]. По поводу книги Каразина, иллюстрированной самим автором, А. А. Сидоров писал, что именно в этой книге «ясно видна забота рисовальщика не только о качестве иллюстрации, но и об оформлении разворота страниц. Каразин был первым русским мастером, который стал по примеру Дорэ рисовать кистью непосредственно на деревянных досках, тем самым вызвав к жизни новые приемы тоновой гравюры на дереве»[112].

В предисловии к одному из своих каталогов издательство Девриена четко определило те цели, которые оно ставило перед собой, выпуская дорогие «пода-

рочные издания в изящном оформлении»: «Дешевизна книги не составляла *исключительной* заботы издательства, как это часто делается, не принимая в расчет того, что дешевое, естественно, получается или плохим, или некрасивым, между тем как детей уже с малых лет должно приучать ко всему изящному и пробуждать в них любовь к прекрасному… Что касается внешнего вида книг,— печать, бумага, рисунки и проч.— то фирма прибегала к лучшим заграничным образцам подобного рода, дабы приучить молодежь ценить и *самую книгу по себе*, как форму, в которую отлилась человеческая мысль»[113].

В оформлении детских книг издательства Девриена принимали участие, кроме Н. Н. Каразина, такие известные художники, как Е. Бем, Н. Самокиш, А. Чикин, Е. Самокиш-Судковская, М. Микешин, Л. Бакст.

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. издательство К. Л. Риккера по-прежнему уделяло большое внимание выпуску литературы по медицине[114]. Продолжалось издание газеты «Врач». В 1882 г. Риккер стал издавать «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии» (выходил до 1899 г.).

В 1882—1884 гг. появилось «Руководство к топографической анатомии в применении к хирургии» П. Тилло. Эта книга вышла во Франции третьим изданием и получила очень хорошие отзывы в русской периодической печати.

В русском переводе «Руководство» выходило отдельными выпусками (форма, которой Риккер пользовался очень часто). Издание несколько затянулось из-за сложности печатания многочисленных иллюстраций в Лейпциге.

Уже первый выпуск, напечатанный в 1882 г., вызвал отклик известного анатома доктора А. И. Таренецкого. Он особенно отметил, что «книга издана с редкою и для нас почти непривычною роскошью; печать и бумага безукоризненны, рисунки (оригинальные французские клише) отпечатаны замечательно отчетливо. От души приветствуем это поистине для каждого врача высоко полезное и прекрасно изданное новое руководство»[115].

В ряду наиболее удачных медицинских изданий, выпущенных в 1880-х гг., стоит отметить «Руководство к частной патологии и терапии для врачей и учащихся» Г. Л. Эйхгорста, «Клинические лекции» С. П. Боткина и «Основы оперативной хирургии» Л. Н. Фарабефа. Перевод с французского книги Фарабефа был сделан под редакцией и с добавлениями профессора А. С. Таубера, который указал в предисловии, что он дополнил книгу, вставив в текст собственные выводы, наблюдения и конкретные описания методики операций, внес изменения в описания рисунков[116].

Затем последовали «Клиническая диагностика внутренних болезней» Р. фон Якша (1890; 2-е изд. 1897), «Клетка и ткани. Основы общей анатомии и физиологии» О. Гертвига (1894; 2-е изд. 1911) и другие издания.

Еще в 1870-х гг. издательство Риккера расширило тематику своей продукции за пределы медицины[117]. Крупнейшим «немедицинским» изданием 1880-х гг. стала четырехтомная «Всеобщая история литературы». Издание было начато в 1880 г., а закончено только в 1892 г. Предполагалось, что оно будет состоять из 15 выпусков (исходя из этого и была определена подписная цена), но материал постепенно разрастался и составил 25 выпусков. Тем не менее подписчики

получили незапланированные выпуски без дополнительной платы. Автор статьи, посвященной двадцатипятилетию книгопродавческой и издательской деятельности Риккера, сообщая об этом факте, отметил честность и бескорыстие издателя и вынужден был признать, что в последнее время это явление стало очень редким[118].

Работа над таким капитальным трудом вызвала множество затруднений. По первоначальному замыслу все издание должен был редактировать В. Ф. Корш, известный журналист и историк литературы. Но Корш успел отредактировать только первый том: смерть помешала ему закончить издание[119]. Редактирование продолжил А. И. Кирпичников, профессор Харьковского, Новороссийского, а затем Московского университета, впоследствии, с 1894 г., член-корреспондент Академии наук, крупнейший специалист по западной и византийской литературе.

Издание потребовало участия большого числа квалифицированных филологов. Редакция очень внимательно относилась к их подбору, и к работе были привлечены лучшие русские специалисты по отдельным отраслям истории литературы: профессора В. П. Васильев, И. П. Минаев, И. С. Якимов, В. И. Модестов, В. Р. Розен и другие.

Первый том «Истории литературы» состоял из двух частей: первая охватывала литературу древнего Востока, вторая — греческую и римскую. Во втором томе дан очерк истории средневековой литературы. Третий том посвящен новой славянской и греческой литературам, а также западноевропейской литературе эпохи Возрождения и классицизма, четвертый — литературе эпохи Просвещения, нидерландской, скандинавской и турецкой литературам; здесь же помещен общий очерк литературы XIX столетия.

В предисловии «От редакции» сформулированы цели, которые ставили перед собой авторы: «Мы не имеем притязания на какие-нибудь самостоятельные изыскания или открытия. Наша задача и без того нелегка: мы поставили себе целью познакомить читателей с литературно-общественными идеалами в их историческом развитии,— познакомить на основании литературных памятников прошлого и новейших исследований, принадлежащих специалистам»[120].

Издание вызвало много откликов в печати. Рецензенты отмечали, что это первый в своем роде и очень серьезный труд, внесший большой вклад в науку.

За ним последовали исторические исследования: «Цесаревич Павел Петрович (1754—1796)» Д. Ф. Кобеко (1883), «Князь Потемкин» А. Брикнера (1891), «Русская история» А. С. Трачевского (Т. 1—2, 1885; переиздана в 1895 г.), задуманная автором как «сочинение, которое представило бы, в общедоступной форме, обработанный свод современных знаний о прошлом его отечества, которых ищет теперь каждый образованный русский»[121].

Позднее Трачевский выпустил в издательстве Риккера три учебника: «Средняя история» (1886, переиздана в 1897), «Древняя история» (1889) и «Новая история» (1889).

Постепенно издательство все шире выходило за рамки медицинской литературы, выпуская книги и учебники по естествознанию, ботанике, химии, физике,

математике, педагогике и языкознанию. И в этих областях отбор книг никогда не был случайным, так как Риккер и его преемники постоянно привлекали к работе крупнейших специалистов. Критериями, которыми они руководствовались при выборе книг для издания, были, как правило, практическая необходимость данной работы, четкость и доступность изложения материала. На это обстоятельство часто обращалось внимание в рецензиях на издания фирмы Риккера.

Так, после выхода в свет очередного выпуска «Очерка истории физики» в трех частях Ф. Розенбергера (1883—1892; перевод редактировал известный физиолог, член-корреспондент Академии наук И. М. Сеченов), рецензент подчеркивал, что «книга Розенбергера существенно отличается от других сочинений по истории физики необыкновенно ясным, удобопонятным и даже популярным изложением, которое не может не сделать чтения книги одинаково интересным и полезным для всякого образованного читателя... Всякий с интересом прочтет эту книгу, вмещающую в себе сжатый, но полный очерк истории развития человеческой мысли вообще»[122].

Заслуживают быть отмеченными также «Химическая технология» Р. Вагнера (1890—1892; 2-е изд. 1899—1902), «Курс гидравлики» И. А. Евневича (1892), «Дифференциальное и интегральное исчисления с приложениями к анализу и геометрии» А. И. Пароменского (1893) и «Справочная книга для электротехников» в двух выпусках К. Гравинкеля и К. Штеккера (1893). Ее переводчик, инженер-механик Д. А. Голов, сделал значительные дополнения к книге для того, чтобы выделить специфику работы русских электротехников. Кроме того, он снабдил перевод указаниями на русскую литературу по электротехнике, содержащую дополнительные сведения[123]. В 1896 г. издательство выпустило «Добавления к справочной книге для электротехников К. Гравинкеля и К. Штеккера» Д. А. Голова отдельным изданием.

Издательство ставило перед собой и серьезные популяризаторские задачи: познакомить читателей с успехами современной науки и техники. С этой целью были выпущены в свет «Научные беседы» И. Ф. Циона (1877—1878), представляющие собой изложение основных достижений естествознания, «Популярные лекции о гальваническом токе и его применениях» Г. Вебера (1888) и «Астрономия в общепонятном изложении» С. Ньюкомба и Р. Энгельмана, дополненная директором Астрофизической обсерватории в Потсдаме Г. Фогелем. В предисловии к этой книге авторы следующим образом сформулировали особенности издания: «Настоящее сочинение назначается не для астрономов-специалистов и не для студентов, избирающих астрономию своим главным предметом. Его главная цель — дать общеобразованному читателю сжатый очерк истории, приемов и результатов астрономической науки, преимущественно в тех областях, которые ныне возбуждают наибольший философский интерес, и таким языком, который был бы понятен без математической подготовки»[124].

Большое внимание уделялось изданию практических руководств по отдельным профессиям. Например, в 1894 г. вышла книга «Кожевенное производство. Практическое руководство к выделке кожи», автор которой, М. А. Рылов, более 35 лет проработал на различных кожевенных заводах.

Значительную часть продукции издательства составляли учебники, потребность в которых постоянно возрастала в связи с появлением новых высших технических учебных заведений, и различные пособия для средней школы, хрестоматии, словари, атласы, таблицы и пр. Для учащихся гимназий постоянно переиздавались с комментариями «Оды и эпозы» Горация, трагедии Софокла «Эдип царь» и «Электра», «Речь Цицерона в защиту Секста Росция Америйского», «Речь Цицерона о назначении Гнея Помпея полководцем», «Первая и вторая речи Цицерона против Катилины» и т. д.

За пятьдесят лет деятельности издательством Риккера (1861—1911 гг.) было выпущено в свет 899 изданий [125], из них 421 по медицине и фармакологии (в том числе 11 книг на немецком языке), 238 по технике и 93 по естественным наукам и математике [126].

Основную часть издательской продукции, особенно при жизни Риккера, все же составляла медицинская литература. И дело здесь не в количестве книг, а в их фундаментальности и значимости, в том месте, которое они заняли в ряду научных изданий в России.

«К. Л. Риккер и наука — почти синонимы. Издательская деятельность этой почтенной фирмы во многих случаях являлась не чем иным, как своеобразным меценатством учению и учености... Мы не ошибемся, если скажем, что все почти наиболее выдающиеся и классические сочинения по медицине, появившиеся в России за последние 50 лет, обязаны своим появлением в свет фирме К. Л. Риккера»,— такую высокую оценку получила деятельность издательства в печати [127].

Современники отмечали высокий нравственный облик Риккера, его честность и принципиальность, упорство и последовательность в достижении поставленных целей, но особенно они подчеркивали его бескорыстие. К Риккеру обращались авторы крупных научных работ, не имевшие средств для их издания, и очень часто он шел на значительные убытки, руководствуясь только научной значимостью этих трудов и их практической пользой.

«Риккер был не из тех издателей, которые умеют только наживать, а из тех, которые охраняют писателей от жизненных напастей и *создают* сочинения»,— так охарактеризовал его историк А. С. Трачевский [128].

В предисловиях ко многим книгам авторы выражали благодарность Риккеру и его фирме, которые шли на дополнительные расходы для того, чтобы сделать их книги более удобными для пользования. Там же обычно отмечалась трогательная забота Риккера об авторах, постоянное желание им помочь, даже в вопросах не имеющих отношения к книгоиздательству. Договоры заключались на очень выгодных для авторов условиях.

Человек глубоко принципиальный, Риккер старался избегать случайной литературы, даже если подобные книги могли принести значительный доход. В этих случаях он без колебаний отказывал авторам и никогда не менял своего решения.

Хорошо известны были скромность Риккера и его постоянное желание оставаться незаметным. «Это был заклятый враг всего, что хотя бы отдаленно напо-

минало рекламу,— писал о нем А. С. Трачевский,— над ним даже посмеивались, что он мастер как бы скрывать свои издания и чуть ли не рад бы был даже не делать объявлений о них. Он говаривал: „Хорошая полезная книга тихонько, но прочно сама себе проложит путь"»[129].

После смерти Риккера, последовавшей 27 февраля 1895 г., его ближайший сотрудник, редактор газеты «Врач», профессор В. А. Манассеин в некрологе подвел итог его деятельности: «В лице покойного редакция „Врача", а вместе с нею и все, кому дорого русское печатное дело, потеряли *идеального* издателя. Широко образованный и необыкновенно умный, К. Л. никогда не преследовал узких, себялюбивых целей: напротив, всегда и во всем он ставил на первое место пользу России, которую в течение своего 36-летнего пребывания в ней он понял, а потому и горячо полюбил. Редактор „Врача" знает немало случаев, в которых К. Л. осуществлял заведомо убыточные для него издания единственно потому, что считал их хорошими и полезными. Но К. Л. был не только идеальный издатель и книгопродавец, тщательно оберегавший выгоды авторов, доверявших ему свои труды, но и человек в полном смысле этого слова: редкая доброта, непобедимая, преданность долгу и честность quand me^me, вот те качества, благодаря которым всякий, имевший какие-либо отношения к К. Л., становился его искренним поклонником»[130].

Другое крупнейшее издательство медицинской литературы — «Практическая медицина» — было основано Василием Сергеевичем Эттингером. Сын врача, он, хотя и не получил специального образования, с детства интересовался медициной. Еще в 1861—1862 гг. он выпустил в свет «Руководство к топографической анатомии с ее применениями к практической медицине и хирургии» И. Гиртля (в двух томах). После двадцатилетнего перерыва, в 1883—1884 гг., им было издано «Руководство к фармакологии» Г. Нотнагеля и М. И. Россбаха.

Но подобные отдельные попытки не могли удовлетворить Эттингера, стремившегося к серьезной и систематической издательской деятельности. Он начал издавать еженедельную газету для врачей и офицеров «Военно-санитарное дело» (1881—1893), но она не имела успеха среди широкого круга читателей, главным образом, из-за узости темы. В то время этому вопросу уделялось очень незначительное внимание, а повысить интерес к нему издателю не удалось.

Первая неудача не остановила Эттингера, и он попытался начать издавать книги по предварительной подписке книгопродавцев. Для этого он в марте 1884 г. предложил сделать им скидку до 4 к. за печатный лист при номинальной стоимости листа 10 к. в том случае, если они подпишутся хотя бы на 300 экземпляров каждой книги. Но и в этом своем начинании он не получил поддержки — книгопродавцы не захотели идти на риск[131].

Убедившись в несостоятельности своего замысла, Эттингер решил выпускать книги в форме периодического издания с предварительной подпиской. В то время подобный журнал уже существовал. Это была «Медицинская библиотека», выпускавшаяся в 1881—1886 гг. студентом Московского университета Н. Л. Вилькиным. Журнал просуществовал недолго, так как методы, которыми

пользовался Вилькин, противоречили нормам издательской этики и были резко осуждены в печати [132].

Приступая к изданию журнала «Практическая медицина», Эттингер поставил перед собой задачу резко снизить стоимость медицинских книг, в то время недоступных для основной массы врачей-практиков, которых к началу 1880-х гг. в России насчитывалось около 12—13 тыс.[133] Если раньше средняя стоимость печатного листа медицинских книг составляла 15—20 к., то Эттингеру удалось снизить ее для подписчиков до 3,5—4 к. Подписная цена всей серии книг, выпущенных в 1885 г., составила 7 р., в то время как в розничной продаже все эти книги вместе стоили 17 р. 50 к. Таким образом, стоимость книг уменьшилась более чем на 130 % [134].

Предполагалось начать выпуск журнала с апреля 1884 г., но первый номер удалось издать только в январе 1885 г. За несколько недель до получения официального разрешения на издание «Практической медицины», в марте 1884 г., Эттингер выпустил книгу Л. Блау «Диагностика и терапия при угрожающих опасностью болезненных симптомах», которая потом, в 1885 г., вошла в журнал. Поэтому началом издания «Практической медицины» принято считать март 1884 г., а не январь 1885 г., когда вышел в свет первый номер [135].

Редактором журнала стал доктор М. В. Гиршфельд, но в конце 1885 г. он умер, и в течение последующих 10 лет «Практическую медицину» редактировал профессор М. И. Афанасьев.

В специальном обращении редакции к читателям были определены задачи, стоящие перед новым изданием: «При той громадной литературе, которою может в настоящее время похвалиться каждая отрасль медицины, многозанятому практическому врачу не представляется физической возможности по каждой специальности изучать многотомные сочинения; а между тем нельзя отказать ему в законном желании стоять на уровне современной науки. Отсюда логически вытекает необходимость дать таким врачам целый ряд коротких монографий по всем отраслям медицины, которые, выходя из-под пера выдающихся авторов, освещали бы соответствующую специальность с новейшей научной точки зрения и давали возможность, не теряя много времени, пользоваться последним словом науки»[136].

В течение первого года существования в журнале, кроме уже упомянутой книги Л. Блау, были напечатаны «Лекции по частной патологии и терапии» К. Либермейстера, «Болезненные изменения кожи и ее придаточных образований с рассмотрением отношений их к болезням всего организма» Г. Гебра, «Глазные болезни и офтальмоскопия. Для врачей и студентов» Г. Шмидта-Римплера, «Патология и терапия женских болезней» А. Мартина, «Основы патологии и терапии рожениц» Г. Фритча и «Руководство к патологии и терапии ушных болезней. Для врачей и студентов» В. Кирхнера. Это были работы исключительно немецких ученых, фундаментальные руководства, заслужившие одобрение западноевропейской критики.

Так, например, рецензент «Берлинского клинического еженедельника» отмечал, что В. Кирхнер «выполнил свою задачу блестящим образом. На 200-х

страницах автору в мастерски ясной, сжатой и все-таки исчерпывающей форме удалось изложить все существенно важное. Основанное на практическом опыте автора и предназначенное для практических же целей, составленное научно и в то же время удобопонятно, руководство автора чуждо пространных теоретических рассуждений, большею частью излишних для врача-практика, и заключает в себе практические, ясные и всегда дельные указания на то, как узнавать и лечить ушные формы»[137].

При отборе книг для перевода редакция уделяла особое внимание отзывам зарубежной печати. В издательских каталогах постоянно приводились эти отзывы или отрывки из них. Они должны были убедить читателей в том, что им предлагаются работы наиболее авторитетных ученых, содержащие последнее слово науки.

То обстоятельство, что в начале своего существования «Практическая медицина» обращалась только к немецкой медицинской литературе, можно объяснить тем, что именно немецкая медицинская школа считалась в то время самой передовой. Впоследствии М. И. Афанасьеву удалось привлечь внимание читателей и к работам русских ученых: он начал печатать исследования профессоров русских клиник, с которыми постоянно поддерживал тесную связь. Но и в последующие годы оригинальные работы занимали довольно небольшое место по сравнению с переводными.

Годовой комплект «Практической медицины» состоял из 180—200 печатных листов (по 15—18 листов в каждом номере)[138]. В первый год издания журнал имел около 600 подписчиков, но уже в 1886 г. его тираж почти удвоился, достигнув 1200—1300 экземпляров, что свидетельствует о несомненном успехе нового издания[139]. В дальнейшем число подписчиков с каждым годом немного возрастало. Журнал завоевывал популярность у читателей и пользовался хорошей репутацией.

В 1886 г. редакция журнала внесла разнообразие в его программу, обратившись к трудам русских ученых. В «Практической медицине» были напечатаны речь профессора Э. Э. Эйхвальда «Что делать в ожидании холеры и при первом ее появлении», произнесенная на первом публичном заседании съезда Московско-Петербургского медицинского общества 26 декабря 1885 г., и книга профессора Н. Д. Монастырского «О современном лечении ран», составленная по его лекциям в Клиническом институте великой княгини Елены Павловны. Это были очень конкретные практические руководства, необходимые каждому врачу. Книга Монастырского имела большую популярность в медицинской среде и впоследствии два раза переиздавалась. Кроме того, в качестве дополнения к курсу лекций профессора Э. Маралиано «Патология и терапия азиатской холеры» были помещены «Лекции по бактериологии азиатской холеры» М. И. Афанасьева.

Некоторые исследования иностранных авторов стали появляться в журнале с комментариями и примечаниями редакции и других крупных специалистов. Так, например, «Лекции фармакологии для врачей и студентов» К. Бинца выпущены «с предисловием и отдельным приложением о некоторых врачебных средствах» профессора П. П. Сущинского.

Эта книга вызвала много восторженных откликов в зарубежной прессе. «Книга Бинца дает изложение всей фармакологии в целом ряде отдельных очерков, написанных таким чудным языком и приправленных столь интересными историческими замечаниями, со столь ясным изображением всего существенного при устранении всего ненужного, что мы с величайшим интересом и истинным наслаждением дважды перечли знакомый нам предмет, не будучи в состоянии оторваться от книги. Ее лучше всего можно охарактеризовать, назвав сборником в высшей степени остроумных фельетонов, которых ни один врач не выпустит из рук, не окончив их и не преисполнившись интереса к этому столь трудному, и сознаемся откровенно,— сухому предмету»,— столь оригинальным образом охарактеризовал ее «Берлинский клинический еженедельник»[140].

С третьего номера в журнале появился постоянный раздел «Новости медицины», знакомивший читателя с наиболее важными открытиями, усовершенствованиями и гипотезами в области научной и практической медицины. Этот раздел должен был держать врачей в курсе текущих событий медицинской жизни для того, чтобы у них не было необходимости обращаться к другим изданиям. Этим нововведением «Практическая медицина» приблизилась к стандартному типу журнала, отступив от чистого книгоиздательства. Тем самым возникло противоречие, заставившее редакцию в 1890 г. отказаться от этого раздела. В 1896 г. была сделана попытка возобновить его, но явно неудачная, тем более, что при «Практической медицине» начал издаваться «Еженедельник», специально посвященный текущей хронике[141].

С 1887 г. цена годовой подписки на журнал повысилась до 10 р., но это обстоятельство не уменьшило количества подписчиков.

В 1887—1890 гг. в журнале напечатаны такие крупные работы, как «Современные взгляды на патологию и терапию воспалений суставов» Н. Д. Монастырского, «Клинические лекции» С. Жакку с примечаниями М. И. Афанасьева, «Лекции по общей терапии» Ф. А. Гофмана, «Оспопрививание, организация и техника его» М. Шульца. К этому руководству были приложены два очерка «Оспа в России» и «Организация оспопрививания в России». Очень большой успех у читателей имел перевод книги профессора А. Мозетиг-Мооргофа «Руководство к хирургической технике при операциях и повязках» (в двух частях).

В это время в журнале стали появляться руководства, находящиеся на стыке медицины и техники. Очень хорошо была встречена книга австрийского профессора Р. Левандовского «Электродиагностика и электротерапия, включительно с физической пропедевтикою». Руководствуясь ею, врачи-практики могли научиться пользоваться необходимой им электротехнической аппаратурой и даже исправлять ее без помощи механика (это было особенно важно для провинциальных врачей). Для того времени подобное издание было уникальным не только для русской, но и для западной медицинской литературы[142].

Кроме самостоятельных исследований, «Практическая медицина» иногда публиковала компиляции, составленные по нескольким иностранным руководствам. Такова, например, работа зубного врача А. Г. Казарновского «О пломбировании зубов, специально о сравнительной оценке пломбировочных материалов».

С 1889 г. введен отдел рефератов, которые должны были в сжатой и ясной форме дать читателям представление о новинках отечественной и зарубежной медицинской литературы. Редакция рассчитывала на то, что, ознакомившись с ними, читатели смогут сами предложить напечатать в журнале наиболее заинтересовавшие их исследования. Но так же, как и «Новости медицины», этот отдел в журнале не привился.

«Практическая медицина» постоянно поддерживала связь со своими читателями. В каждом номере помещались списки работ, которые предполагалось включить в ближайшие выпуски журнала. Все пожелания, высказанные читателями, рассматривались очень внимательно и обязательно учитывались при дальнейшей работе, даже в тех случаях, когда они шли вразрез с планами редакций.

В 1888 г. предполагалось издать учебник по акушерству. Когда уже были заказаны клише и хромолитографии, многие подписчики рекомендовали журналу другое руководство по акушерству, более полное и интересное. Редакция не остановилась перед уже сделанными затратами и последовала советам читателей [143].

Надо отметить, что Эттингер очень дорожил репутацией журнала и был достаточно щепетилен в вопросах издательской этики.

В начале января 1886 г. редакция объявила, что в журнале будет напечатано исследование члена Парижской медицинской академии Ж. Дюжардена-Бомеца «Новые способы лечения», а в феврале эта книга появилась в «Медицинской библиотеке» Н. Л. Вилькина. Для того, чтобы избежать конкуренции и удовлетворить подписчиков, Эттингеру пришлось скупить у Вилькина экземпляры книги и присоединить их к другим материалам мартовского номера журнала [144].

С 1889 г. Эттингер предоставил подписчикам возможность при подписке на один год заменять одни работы другими, т. е. вместо ненужных им книг получать другие, выпущенные в предыдущие годы. Для этого, получив последние листы, они должны были отослать ненужное сочинение обратно в неразрезанном виде, а редакция высылала им то, что они просили [145].

Постоянное стремление редакции «Практической медицины» идти навстречу потребностям своих читателей было оценено в медицинской среде, и журнал постепенно завоевывал новых подписчиков. Заканчивая четвертый год его издания, редакция сочла своевременным подвести некоторые итоги: «Далекие от мысли считать успех безусловным мерилом достоинств, мы тем не менее видим в возрастающей поддержке и сочувствии к нашему изданию доказательство того, что наши стремления вполне согласуются с желаниями читателей, видим в них залог будущего упрочения положения журнала, которое позволит нам идти дальше по пути к совершенствованию нашего дела» [146].

Все это дало основание Эттингеру решиться на очень ответственный шаг и приступить к изданию «Реальной энциклопедии медицинских наук». Настоятельная необходимость создания такого капитального труда возникла в России уже давно. Врачу-практику становилось с каждым годом все труднее ориентироваться в возрастающем потоке новой научной литературы, тем более, что далеко не все из них работали близко от научных центров и могли пользоваться

специальными библиотеками. Они очень остро нуждались в издании, вобравшем в себя самые важные и разносторонние сведения. Этим требованиям вполне соответствовала форма энциклопедического словаря, отражающего в сжатой форме современное состояние всех отраслей медицинской науки и излагающего только проверенные на практике факты [147]. Эттингер ставил перед собой задачу предоставить русским врачам такое издание как можно скорее и на наиболее выгодных для них условиях.

Еще в 1886 г. врачи А. Цион и Гольденберг объявили об издании энциклопедического словаря, собрали довольно большую сумму предварительных взносов и присвоили себе эти деньги, так и не приступив к его выпуску [148].

Это обстоятельство очень осложняло предприятие Эттингера, поскольку теперь было уже намного сложнее рассчитывать на доверие медицинских кругов.

Для того, чтобы начать такое дорогостоящее издание, Эттингеру необходимо было убедиться в том, что оно будет впоследствии реализовано, поэтому осенью 1890 г. он поместил в печати объявления о предварительной подписке на энциклопедию. Каждый из подписчиков должен был внести предварительный взнос в размере 5 р. В том случае, если бы не удалось собрать 1000 подписчиков, издание бы не состоялось. Но результаты подписки превзошли все ожидания, и уже в марте 1891 г. более 1000 врачей заявили о своем желании получать энциклопедию.

К этому времени в Германии и Франции уже существовали энциклопедические медицинские словари. В основу своего издания Эттингер решил положить перевод немецкой «Реальной энциклопедии» А. Эйленбурга, но для того, чтобы она отвечала интересам русских врачей, нужно было ввести в нее дополнения и статьи русских ученых, написанные специально для нового издания и освещающие вопросы, имеющие особый интерес для русского читателя — такие, как врачебно-санитарное законодательство в России, постановка медицинского обслуживания населения, отечественные курорты и минеральные воды, народные лечебные средства и т. д. Кроме того, во многих случаях, когда определенные темы были недостаточно полно освещены в энциклопедии Эйленбурга, русскими учеными были написаны новые главы, составленные по новейшим источникам, русским и иностранным, в том числе использовались и другие немецкие и французские энциклопедии.

По замыслу Эттингера, все издание должно было представлять собой «обширный сборник медицинских монографий, который в состоянии заменить до некоторой степени целую медицинскую библиотеку»[149]. Предполагалось, что оно составит 16 томов (900 печатных листов), по 50—60 листов в каждом томе, и выйдет в течение 4 лет. Для подписчиков «Практической медицины» вся «Энциклопедия» стоила 60 р., а для всех остальных — 75, но эту сумму можно было вносить в рассрочку — каждые 3 месяца по 3—4 р.[150]

Возглавил новое издание редактор «Практической медицины» профессор Афанасьев, а в его создании принимали участие крупнейшие специалисты в различных областях медицины.

Первый том «Энциклопедии» вышел в июле 1891 г., и читатели смогли убедиться, что он очень далек от простого перевода издания Эйленбурга. Значительная его часть была написана заново или существенно переработана и дополнена. Если раньше предполагалось, что новый материал составит десятую или восьмую часть всего издания, то уже в первом томе он занял одну треть текста (115 статей), а в четвертом — больше половины (27 листов из 50). Таким образом, «Энциклопедия» приобретала все большее самостоятельное значение.

Особое внимание обращалось на подробные списки литературы по каждому конкретному вопросу и иллюстрации. По сравнению с немецким изданием, в «Энциклопедии» появилось много новых рисунков и хромолитографических таблиц. В качестве приложения к пятому тому была издана большая, хорошо иллюстрированная статья «Холера азиатская и европейская». Появление ее было очень актуальным в то время, когда в России свирепствовала эпидемия этой страшной болезни.

В 1895 г. профессор Афанасьев из-за разногласий с издателем отказался от редактирования «Практической медицины» и «Энциклопедии», и с 14 тома издание возглавила коллегия специалистов, каждому из которых был поручен определенный раздел. Среди них были такие известные профессора, как Г. И. Турнер, Д. О. Отт, К. Н. Виноградов и другие. Работой по объединению всех материалов занимался А. Фейнберг, еще при Афанасьеве участвовавший в редакционной работе[151].

Постепенно становилось ясно, что накопившийся огромный материал значительно превышает объем в 16 томов. Не помогло и то обстоятельство, что с 12-го тома изложение материала стало более сжатым и лаконичным. В результате Эттингеру пришлось увеличить размеры «Энциклопедии» до 21 тома, а подписку — на 15 р. Соответственно увеличились и сроки издания: последний том вышел в октябре 1897 г.

Подводя итог этой огромной работе, редакция выразила уверенность в том, что их издание нисколько не ниже «Энциклопедии» Эйленбурга, а наоборот, «в интересах русской читающей публики, стоит безусловно выше. Во 1) в него вошли многие важные статьи, пропущенные на немецком языке, как, напр., почва, голодание, наследственность, отопление, почти все русские курорты; во 2) нигде не имеется такого полного объединения всех русских работ, какое читатель встретит в нашем издании, так что в этом отношении „Реальная энциклопедия медицинских наук" представляется незаменимым кладом для всякого, кто пожелает ознакомиться с успехами русской медицины, особенно за последнюю половину настоящего столетия; в 3) даже в большинстве переводных статей имеются многочисленные дополнения, заимствованные не только из русской литературы, но и из литературы всех стран и народов»[152].

После окончания выпуска «Энциклопедии» Эттингер предполагал издавать каждый год по дополнительному тому, включающему результаты новых научных исследований. Но осуществить этот замысел не удалось: после выхода в 1900 г. двух дополнительных томов издание было прекращено.

К выходу последнего тома число подписчиков «Энциклопедии» достигло 2,5 тыс., что свидетельствовало о несомненном успехе издания. Но даже такой тираж не смог покрыть всех расходов Эттингера. Окупить их он смог только впоследствии, после продажи полных комплектов «Энциклопедии»[153].

Выпуск «Энциклопедии» оказал определенное влияние и на увеличение тиража «Практической медицины», который в 1891 г. достиг 2 тыс., а в 1892 г.— 2,5 тыс. экз.[154] Новое фундаментальное издание привлекло внимание медицинских кругов к журналу, и престиж издательства значительно возрос. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что подписчики журнала могли получать «Энциклопедию» на льготных условиях.

В 1891—1894 гг. в «Практической медицине» печатались такие крупные работы, как «Общая терапия» Э. Э. Эйхвальда, «Руководство по судебной медицине» Э. Гофмана, «Патология и терапия болезней пищеварительного аппарата с обращением особого внимания на диэтику» Т. Розенгейма, «Глазные болезни в их связи с общими заболеваниями организма» А. В. Натансона и др.

Редакция постоянно старалась оперативно откликаться на текущие события медицинской жизни. Особенно много внимания она уделяла борьбе с тяжелейшей эпидемией холеры. В журнале были напечатаны работы М. И. Афанасьева «По поводу азиатской холеры и ее предупреждения и лечения» и заключение С.-Петербургского съезда врачей о противохолерных мерах. В 1892 г. издана отдельно книга М. И. Галанина «Мероприятия против холеры русских и иностранных правительств и их научные основы», представляющая собой хронологический перечень всех распоряжений правительств Франции, Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Великобритании и России с 1884 г.

Книга была очень хорошо встречена в медицинской печати, подчеркивавшей ее актуальность и уникальность. Рецензент газеты «Новое время» отмечал, что она «единственная в русской, а пожалуй даже и вообще в европейской литературе, где имеются обширные монографии по отдельным вопросам, но подобной всесторонней сводки всех мероприятий против холеры и научных теорий, лежавших в основе их, не существует. И потому, несомненно, эта монография необходима для всякого врача и администратора, имеющего дело с холерной эпидемией»[155].

С марта 1893 г. почти в каждом номере журнала печатался «Библиографический указатель текущей российской медицинской литературы», составлявшийся М. Г. Немзером и охватывающий литературу с 1892 г.

В предисловии составитель отмечал, что уже давно назрела необходимость в подобной работе. При быстро растущем потоке медицинской литературы врачам становится все труднее найти работы по конкретным узким вопросам. С другой стороны, неудачный опыт К. И. Змиградского, пытавшегося в 1890—1891 гг. выпускать отдельным изданием библиографический указатель медицинской литературы[156], показал, что выпуск самостоятельного указателя еще преждевременен[157].

Весь материал был сгруппирован в систематическом порядке, а внутри разделов расположен в алфавите авторов и заглавий. Учитывались книги и статьи,

вышедшие в пределах России на русском языке, в том числе и иностранные, если они были полностью переведены на русский язык. Первый выпуск указателя включал 410 описаний. Это было очень полезное начинание «Практической медицины», сыгравшей значительную роль в развитии русской медицинской библиографии.

За первые 10 лет существования журнала (1884—1894 гг.) на его страницах было напечатано 90 капитальных трудов по самым различным отраслям медицины, 26 из которых составили исследования русских ученых. К середине 1890-х гг. «Практическая медицина» заняла прочное положение в ряду крупных русских издательств и пользовалась заслуженным уважением и популярностью в медицинских кругах.

В апреле 1879 г. гвардии капитан Владимир Антонович Березовский (1852—1917) основал в Петербурге первое в России частное издательство по выпуску военной литературы [158]. Начав свою деятельность с изготовления фигурных мишеней, Березовский уже через год открыл собственный книжный склад.

С 1879 г. по 1891 г. издательство выпустило в свет до четырехсот названий разного рода военной литературы [159]. Одна из важных причин успешного функционирования издательства — тесные связи Березовского с Военным министерством, обусловленные его многолетней службой в армии.

Книжный магазин Березовского был как бы военным агентством, через посредство которого русские солдаты и офицеры могли выписать все, что им требовалось для чтения в любой области военного дела. Выйдя в 1886 г. в отставку, Березовский всецело посвятил себя издательской деятельности. Крупнейшие военные писатели и специалисты стали выпускать свои книги в его издательстве. В 1891 г. в книжном магазине и на складе работало 52 человека, а фирма Березовского, начав свое дело с капиталом в 700 р., выпустила к июню 1910 г. 3 050 названий [160].

Книги в издательстве Березовского выходили, как правило, в качестве приложения к его военным журналам, прежде всего к журналу «Разведчик». Предыстория журнала такова. В 1888 г. с целью ознакомления с выпускаемыми книгами возможно большего числа солдат и офицеров стал издаваться тиражом 10 тыс. экземпляров «Листок конторы и книжного склада В. А. Березовского» по цене 30 к. в год за 12 месяцев. Однако, он не имел успеха и в 1889 г. был переименован в журнал «Разведчик», продававшийся по цене 2 р. в год (на веленевой бумаге — 4 р.) за 40 номеров и выходивший до 1917 г.

Программа журнала включала следующие разделы: «1. Официальные известия. Высочайшие манифесты. Выдержки из: а) высочайших приказов; б) приказов по военному ведомству; в) циркуляров Главного штаба, главных управлений и пр. и г) иных правительственных распоряжений. 2. Наука и литература, стратегия, тактика, военная история, военная администрация, артиллерия, военная топография, военно-исторические документы и науки, имеющие отношение к военному делу. 3. Рассказы, стихотворения, фельетоны, записки (мемуары), путешествия, жизнеописания, мелкие извещения, новости, сведения, заметки и проч. 4. Обзор и указатель вышедших и выходящих изданий с отзывами о них,

обзор периодической печати, отечественной и иностранной. 5. Письма в редакцию, телеграммы и известия о замечательных происшествиях, отечественных и заграничных. 6. Вопросы, ответы, разъяснения, практические указания и пр. 7. Биографии и некрологи. 8. Портреты, рисунки, чертежи, виньетки, объявления».

Это был первый частный военный журнал, издаваемый по программе, разрешенной военным министром и утвержденной министром внутренних дел. Биограф Березовского А. В. Старчевский писал о журнале: «Стоит только просмотреть хоть один его номер, чтобы оценить вполне умелость, такт и вкус, с которыми издается этот во всех отношениях изящный журнальчик, подобного которому нет ни в одной европейской военной литературе и по всей справедливости его можно назвать военно-литературной бонбоньеркой, в которой вы найдете все живое, современно-занимательное и весьма эстетически скомпонованное»[161].

В год десятилетия «Разведчика» редакция журнала отмечала, что «за это время он успел завоевать себе симпатии нашей армии, стремясь твердо и неизменно выполнить по мере сил поставленную себе задачу: служить интересам войска в самых разнообразных сферах. Поэтому за истекшее десятилетие первый в России частный военный журнал, отразив, без сомнения, важнейшие моменты жизни наших вооруженных сил, заключает в себе богатейший научный, бытовой и литературный материал, касающийся всех отраслей военного дела»[162]. Действительно, за первые десять лет в «Разведчике» было опубликовано свыше десяти тысяч статей и заметок по самым различным вопросам военного дела, а также биографических материалов о крупных военачальниках и полководцах, солдатах и офицерах, совершивших подвиги на войне или отличившихся на службе в мирное время. Важно отметить, что при биографических статьях всегда давались портреты.

В журнале сотрудничали такие известные военные писатели и специалисты, как М. И. Драгомиров, А. Н. Куропаткин, Д. Ф. Масловский, А. К. Пузыревский, В. А. Сухомлинов и многие другие. Несколько интересных публикаций поместил в «Разведчике» сам Березовский (например, «Подвиги русских солдат». 1892, № 106).

В качестве приложений к «Разведчику» Березовский выпустил в 1891 г. «Собрание вопросов и ответов», помещенных в журнале в течение 1888, 1889 и 1890 гг., в 1892 г.— «Военно-библиографический указатель» И. Г. Безгина, в 1894 г.— «Правила о форме одежды».

У нас нет возможности рассмотреть все книжные издания Березовского, тем более, что большинство их носит специальный характер. Остановимся лишь на тех, которые имеют более общее значение и привлекли внимание периодической печати.

«Мы желали указать лишь степень нашего внимания к капитальному сочинению г. Маркова,— писал рецензент „Русского инвалида" о выходе в 1883 г. третьей части „Истории конницы",— представляющему, ...по своей обширности и всесторонности, единственное явление во всемирной литературе по исто-

рии конницы. Пожелаем дальнейшего продолжения этого добросовестного отлично изданного труда»[163].

Оценивая многолетний выпуск издательством «Учебника для рядовых пехоты», рецензент той же газеты отмечал, что «одно из его важных достоинств заключается в том, что он издается ежегодно со всеми исправлениями и переменами, вызываемыми новыми законоположениями, объявленными в течение года»[164].

Много раз переиздавалась «Справочная книжка по тактике» Н. Левицкого, которая, как писал «Русский инвалид» о ее 9-м издании (1887), «издана, как всегда, очень хорошо и снабжена множеством чертежей. Нам нет надобности рекомендовать это превосходное пособие, оно хорошо известно во всей армии от старшего генерала до младшего подпоручика»[165].

«Этот труд, представляющий весьма обстоятельный очерк в мало разработанной области нашей истории, является новым ценным вкладом в общую сокровищницу отечественной науки,— отмечала газета „Правительственный вестник" выход книги „Исторический вестник российских орденов и сборник основных орденских статутов" (1891).— В небольшом, но очень обстоятельно составленном „Введении" имеются краткие указания на возникновение, еще со времен крестовых походов, орденских знаков в Западной Европе, а затем и в России, со времен Петра I, и приведены краткие данные об орденской администрации, орденских празднествах, о правах, даваемых орденскими знаками и т. п. Вслед за введением идет самая история каждого из русских орденов в отдельности, о порядке пожалования, капитулах, статутах и т. д.»[166].

К числу особо ценных изданий фирмы Березовского надо отнести «Энциклопедию военных и морских наук» под редакцией Г. А. Леера (Т. 1—8, 1883—1897), «Атлас сражений XIX в.» (1894), воспоминания художника В. В. Верещагина «На войне в Азии и Европе» (1894) и другие.

Большую популярность завоевали серии «Жизнеописания русских военных деятелей» и, особенно, «Солдатская библиотека». В серии «Жизнеописания русских военных деятелей» вышли биографии И. Н. Скобелева (1885), М. И. Платова (1886), М. А. Милорадовича (1887) и многих других замечательных полководцев.

«Солдатская библиотека» (первоначально называлась «Чтение для солдат и народа») — серия иллюстрированных «военно-нравственных рассказов» писателей К. В. Тхоржевского, В. А. Потто, Н. Д. Бутовского, Д. А. Иванова, А. Васильковского. Это были маленькие книжечки, выпускавшиеся Березовским отдельно по цене от 3 до 6 к. за каждую книжечку или специальными комплектами. Например, первый комплект состоял из 20 книжечек К. В. Тхоржевского: 1. «Царская награда». 2. «По-суворовски». 3. «Два солдата». 4. «Сон». 5. «Дикий человек». 6. «Надежные солдаты». 7. «Кто?». 8. «Пить до дна — не видать добра». 9. «Двум смертям не бывать». 10. «Геройская смерть». 11. «На тигров». 12. «Конвойный». 13. «Чужое добро». 14. «Медведь». 15. «Самозванный генерал». 16. «Персидская шаль». 17. «За Богом молитва». 18. «В плену». 19. «Солдат». 20. «Награда».

Основная книгоиздательская деятельность фирмы Березовского развернулась в самом конце XIX — начале XX в., когда фирма выпустила огромное количество книг по различным отраслям военного дела.

В рассматриваемый период в Петербурге продолжало действовать крупнейшее картографическое издательство дореволюционной России, основанное в 1859 г. Алексеем Афиногеновичем Ильиным (1832—1889) и Владимиром Александровичем Полторацким[167]. С 1859 по 1864 г. издательство носило название «Хромолитография Полторацкого, Ильина и К°», с 1864 г., после отъезда В. А. Полторацкого из Петербурга,— «Картографическое заведение А. Ильина». Картографическая и картоиздательская деятельность стала основным делом Алексея Афиногеновича, служившего по военной части и получившего к концу жизни чин генерал-лейтенанта. Как сказано в публикации, посвященной 10-летию со дня его смерти, «имя его известно не только всей образованной, но даже и только грамотной России»[168]. После смерти Ал.Аф.Ильина предприятие развивалось под руководством его сына — Алексея Алексеевича Ильина (1857—1942). В его работе принимал участие также другой сын основателя — Афиноген Алексеевич Ильин (?—1904), но деятельность его в издательстве менее значительна. Поэтому обычно название «Картографическое заведение» связывается с именем Алексея Алексеевича, при котором издательство развилось в крупную фирму и к 80-м гг. XIX столетия достигло зенита своей деятельности. Оснащенное по последнему слову зарубежной полиграфической техники и укомплектованное квалифицированным штатом свыше 120 человек, оно в 1882 г. выпускало до 6 млн. оттисков, что составляло около 90 % гражданской картографической продукции страны.

Успех дела определили энергия и энциклопедические познания издателей, тесные контакты с прогрессивными издательствами, такими как «Общественная польза» (с 1860 г. по 1883 г. Ал.Аф.Ильин входил в состав совета директоров, а в 1867 г. стал совладельцем типографии «Общественной пользы»). Положительную роль сыграли связи с Русским географическим обществом, действительными членами которого являлись Ильины, и постоянное сотрудничество в его рамках с выдающимися учеными своего времени А. И. Воейковым, А. А. Тилло, И. А. Стрельбицким и др. Имел значение и личный круг знакомств семьи, куда входили Д. И. Менделеев, Н. М. Пржевальский, Н. Н. Миклухо-Маклай, Ю. М. Шокальский, А. Н. Бенуа, А. И. Куинджи, Н. К. Рерих.

Отличительной особенностью издательства было то, что его владельцы часто являлись авторами, составителями или редакторами многочисленных изданий, от учебных атласов до фундаментальных произведений.

Прежде всего следует упомянуть «Подробный атлас всех частей света» Ал.Аф.Ильина, первоначально, с 1876 по 1882 г., выходивший отдельными выпусками, а в 1884 г., к 25-летию предприятия, изданный отдельным томом. Атлас включал общегеографические карты материков, их частей и отдельных государств, а также ряд тематических карт мира, составленных по последним географическим данным. Не считая краткого учебного атласа Э. Х. Ленца и незаконченного атласа Н. Зуева, это был первый образец большого отечественного комплексного атласа мира. Член-корреспондент Академии наук А. А. Тилло заметил по поводу выхода «Подробного атласа»: «Благодаря Картографическому заведению А. Ильина мы освободились от заграничной зависимости».

Успешно начатое в прежние годы, продолжается и издание атласов различного содержания на территорию России. В 1892 г. издан один из первых картографических трудов, посвященных промышленности — атлас «Фабрично-заводская промышленность России», в этом же году увидел свет «Атлас русских коммерческих портов». В 1880-е гг. издано несколько климатических атласов: «О температуре воздуха в Российской империи» (1882), «Об осадках в Российской империи» (1888) и др. Опыт, накопленный в процессе их разработки, позволил в 1900 г. создать «Климатологический атлас Российской империи», явившийся высшим достижением отечественных метеорологии и климатологии.

Помимо атласов, издательством выпущено значительное количество общегеографических карт, в том числе по гравюрам военно-топографического отдела Генерального штаба. В частности, были опубликованы листы военно-топографической карты Европейской России в масштабе 3 версты в дюйме, интерес к которой не угас до сих пор, а также топографические карты 5-ти и 10-ти верстного масштаба. Многократно переиздавались «Карта Российской империи» (1882), «Настольная генаральная карта Европейской России» (1883), составленная Ал.Аф.Ильиным и дополнявшаяся впоследствии Ал.Ал.Ильиным. Эти карты являлись основными обзорными картами страны на протяжении десятилетий.

Значительное место в деятельности предприятия занимало издание тематических карт, связанное с формировавшимися во второй половине XIX столетия направлениями отраслевого картографирования. Особое значение имеет вклад издательства в разработку гипсометрического способа показа рельефа на картах, суть которого в сочетании математических способов изображения с передачей пластики форм земной поверхности. Ал.Аф.Ильиным была разработана специальная цветовая шкала, которая почти без изменения использовалась более полувека. Разработка этого способа получила классическое завершение в работах А. А. Тилло, а Картографическое заведение выпустило в свет его знаменитую «Гипсометрическую карту Европейской России» (1889), удостоенную Золотой медали Русского географического общества. Подобный вид карт требовал определенного уровня цветной печати — в упомянутой карте использовано 17 оттенков цветов только для передачи рельефа. Одни из первых русских геологических и почвенных карт также были напечатаны у Ильиных, это — составленная А. П. Карпинским «Геологическая карта Европейской России» (1892) и «Схематическая карта черноземной полосы Европейской России» В. В. Докучаева (1882).

Из стен издательства вышло много демографических и этнографических карт, большое число карт транспорта и связи, в частности, известная «Почтово-телеграфная карта Российской империи» (1895), издававшаяся трижды. Для включения в печатные труды Русского географического общества печатались карты результатов экспедиций, например, «Предварительная карта дельты Лены» (1886), составленная Ленской экспедицией Русского географического общества, а также карты оригинальной тематики, такие как «Распределение роста мужского населения России» (1889).

Среди продукции издательства насчитывается свыше 50 планов городов России, почти ежегодно обновлялись планы Петербурга. Для расширения возможностей использования карты губерний и областей России, входившие в атласы, издавались и отдельными листами.

Значительную долю продукции составляли учебные географические атласы, многие — под редакцией Ал. Аф. или Ал. Ал. Ильиных. Среди них имеется «Учебный географический атлас: 30 таблиц» (1892), подписанный обоими Ильиными, что не характерно для изданий фирмы. Учебная продукция издательства отличалась большим количеством и разнообразием, но не всегда — высоким качеством, на что справедливо указывали современники, отмечая несогласованность и неполноту некоторых карт. В то же время все оппоненты относили к несомненным достоинствам учебных карт и атласов их доступность, дешевизну и высокий технический уровень. Кроме того, в Картографическом заведении изготовлялись глобусы и наглядные пособия по астрономии и географии.

Деятельность издательства высоко оценивалась в России и за рубежом. Его карты и атласы неоднократно награждались медалями, а на Всероссийской мануфактурной выставке 1882 г. предприятию А. Ильина в качестве награды было предоставлено право употребления Государственного герба на картах и атласах.

Карты и атласы являлись основной, но не единственной продукцией издательства. Выпускалась также литература по географии, в частности, труды таких прогрессивных ученых, как А. И. Воейков, Э. Реклю, множество материалов Русского географического общества (периодика, монографии, труды экспедиций — около 200 наименований), труды Геологического и Статистического комитетов и ряда других ведомств. Из стен издательства вышло большое количество букварей и учебной литературы по астрономии, математике, физике, химии, иностранным языкам и другим отраслям знаний.

Время от времени «Картографическим заведением А. Ильина» выпускались также и собственные периодические издания: «Всемирный путешественник» (1867—1878), «Географическая летопись» (1868—1869), «Природа и люди» (1877—1880).

Высокий полиграфический уровень издательской техники позволил выпустить в свет ряд сложных иллюстрированных изданий, среди которых «Славянский и восточный орнамент» В. Стасова (1884—1887), «Искусство Средней Азии» Н. Е. Симакова (1887), альбом «Гербы губерний и областей России» (1880) и др. Заметным явлением отечественной полиграфии явилось и факсимильное издание «Изборника великого князя Святослава 1073 г.» (1880). Кроме того, было опубликовано свыше 100 наименований репродукций художественных произведений и открыток. Репродукции работ известных мастеров прошлого, хотя и не всегда могли отвечать взыскательному вкусу, но, будучи дешевы и доступны, способствовали подъему культурного уровня народа.

Значительного объема достигал выпуск красочных стенных учебных таблиц по анатомии, зоологии, ботанике, географии (изображения животных, растений, явлений природы, ландшафтов Земли, типов рас и пр.).

Издательство выпускало и чисто коммерческую продукцию: афиши, меню званых обедов, билеты, дипломы. Ряд из них выполнены В. И. Васнецовым и представляют собой запоминающиеся образцы подобного жанра.

Из сказанного очевидно, что издательская деятельность Ильиных была значительно шире, чем предполагалось названием предприятия. Заказчиками издательства в различное время были Министерства императорского двора и уделов, иностранных дел, внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, торговли и промышленности, земские и городские управы, общества — Географическое, Вольно-экономическое, Поощрения художеств и др., типографии и частные лица.

Благодаря богатству репертуара издаваемой продукции, в России конца XIX в. не было грамотного человека, который не держал бы в руках того или иного произведения Ильиных, а в настоящее время любой исследователь, рассматривающий географию, этнографию, экономику и даже искусство страны в историческом аспекте, обязательно обратится к картам, атласам или литературе, изданной в «Картографическом заведении А. Ильина». Этим определяется большое историческое и культурное значение его деятельности, представляющей яркую страницу в истории книжного дела в России.

В 1910 г. предприятие было преобразовано в Акционерное общество, директором которого был избран племянник Ал.Ал.Ильина, внук основателя и полный его тезка — Алексей Афиногенович Ильин. Серьезного вклада в дело он не внес и в 1912 г. навсегда покинул Россию.

После национализации в 1918 г. фирма стала носить название «Первое государственное картографическое предприятие».

В 1889 и 1892 гг. одно за другим основываются издательства «Брокгауз-Ефрон» и «А. и И. Гранат», главной целью которых становится издание энциклопедических словарей. В 1895 г. увидели свет первые книги, выпущенные И. Н. Кнебелем, который в дальнейшем специализируется на публикации художественной и детской литературы и иллюстрированных изданий [169].

«Идейные» издательства

Среди крупных издателей рассматриваемого периода выделяются несколько фигур, которые в известной степени могут считаться продолжателями традиций демократического, так называемого идейного книжного дела 1860—1870-х гг.[170] Среди них, в первую очередь, должны быть названы Ф. Ф. Павленков и Л. Ф. Пантелеев.

В конце 1877 г. закончилась более чем восьмилетняя вятская ссылка Флорентия Федоровича Павленкова (1839—1900) [171]. Он возвращается в Петербург и поселяется в доме Кекина на углу Невского и Литейного проспектов.

Начинать издательское дело пришлось чуть ли не с нуля.

Трудное положение Павленкова в это время усугублялось тем, что он состоял под надзором полиции. В феврале 1879 г. он неожиданно был арестован и на два с половиной месяца помещен в дом предварительного заключения. Выяс-

нить причину ареста так и не удалось. В. Д. Черкасов предполагает, что она заключалась в тесных деловых сношениях Павленкова с арестованным незадолго перед тем М. П. Надеиным [172].

8 марта 1880 г. Павленков вновь был арестован, так как его фамилия упоминалась в записной книжке кого-то из ранее задержанных, а при обыске у него нашли листки «Земли и воли». Безжалостно иронизируя по этому поводу, Павленков писал министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову, что это не может быть причиной преследования, ибо «в этом году, как известно из газет, „Народная воля" была доставлена неизвестным лицом даже вашему сиятельству...»[173].

Несмотря на призрачность повода к аресту, он все-таки был закономерен и логичен. И именно так, несмотря на внешнюю реакцию, воспринимался самим издателем. В условиях сложившейся в стране революционной ситуации и резкого обострения противоречий между правительственным и демократическим лагерем политическая «неблагонадежность» Павленкова, проявившаяся в большинстве его издательских начинаний, была более чем достаточной причиной ареста.

В апреле 1880 г. Павленкова из дома предварительного заключения перевели в Вышневолоцкую тюрьму, а в мае отправили в Тюмень — для распределения на жительство по усмотрению тамошнего генерал-губернатора. В начале июня Павленков прибыл в Ялуторовск.

Здесь он знакомится и активно общается с деятелями народнического движения 1870-х гг.— В. М. Муратовым, С. Л. Чудновским, Е. Ф. Ермолаевой, С. Л. Геллером, польскими революционерами А. А. Полячеком и Л. А. Белецким [174]. Л. П. Рощевская высказывает предположение, что Павленков способствовал созданию тайной революционной организации «Красный Крест Народной Воли»[175].

По-видимому, еще на пути в Ялуторовск издателю пришла в голову идея создать книгу о сибирской политической ссылке, которая, по примеру «Вятской незабудки», живыми документами, свидетельствами самих ссыльных разоблачала бы административный и полицейский произвол.

Павленков обратился к нескольким знакомым с просьбой поделиться своими впечатлениями о политической ссылке. Некоторые из них откликнулись. Позднее, уже в советское время, были опубликованы письма С. Л. Геллера и Гамова, написанные для книги «О сибирской страде», задуманной, но не осуществленной Павленковым [176].

Друзья Павленкова В. Д. Черкасов и В. О. Португалов не устают хлопотать о его возвращении в столицу. В результате настойчивых ходатайств и солидных поручительств в январе 1881 г. ему было разрешено возвратиться в Петербург под негласный надзор полиции. Исполнение всевозможных формальностей позволило ему прибыть в Петербург лишь в апреле 1881 г.

Первыми книгами, которые вышли по возвращении издателя из ссылки, были «Роль общественного мнения в государственной жизни» Ф. Гольцендорфа (1881) и переведенная в Ялуторовске самим Павленковым «Социальная жизнь животных» А. В. Эспинаса (1882).

Годы ссылки много дали творческому и аналитическому уму Павленкова. Он на деле убедился в том, что периодическая печать и книга, как бы они ни были умны и прогрессивны, теряют всю свою силу, если им не сопутствует распространение образования, приобщение к знаниям беднейших слоев народа. Он убедился в то же время, что одна официальная школа не в состоянии справиться с этой работой, что всем слоям общества нужны учебники, книги, пособия для самообразования, что самообразование — важнейшая часть просвещения, политического, социального, культурного воспитания народа.

К началу 1880-х гг. у Павленкова сложилась четкая программа издательско-просветительской деятельности, которой он и посвятил оставшиеся девятнадцать лет своей жизни. Целью программы было создание такого набора книг, построенного на основе демократических убеждений и новейших научных открытий, который мог бы быть инструментом самообразования для читателей всех возрастов и уровней знаний.

По нашему мнению, главная идея его издательского дела — энциклопедичность и самообразовательная направленность — оформилась во время сибирской ссылки (об этом свидетельствует тематика вышедших тогда книг[177]). Но начала она воплощаться в жизнь еще в Вятке, где Павленков попытался осуществить первую часть своей программы — создание учебников и учебных пособий для начального народного образования. Главное место среди них по праву принадлежит составленной им «Наглядной азбуке», предназначенной для обучения и самообучения грамоте по наглядно-звуковому методу. Впервые она была издана в 1873 г.[178]

Особенность павленковской программы состояла в том, чтобы способствовать постепенному развитию читателя. Освоив грамоту, читатель должен закрепить приобретенные навыки, расширить и углубить свои знания. Чтобы помочь ему в этом, надо снабдить его соответствующими книгами.

В начале 1880-х гг. Павленков знакомится с преподавателем русского языка и арифметики 1-й Киевской гимназии Тимофеем Григорьевичем Лубенцом, впоследствии известным педагогом и деятелем народного образования. Их плодотворное сотрудничество, продолжавшееся многие годы, началось с издания Павленковым в 1885 г. «Зернышка», составленной Лубенцом первой после азбуки книги для чтения и письма. Она выходила выпусками для первого, второго, третьего и четвертого годов обучения. Затем Павленков издал другое пособие Лубенца — книжку для учащихся «Самостоятельные работы в начальной школе» (1886). Обе книги выдержали у него несколько изданий (вторая — под названием «Письменные самостоятельные работы в начальной школе»).

Еще более плодотворным оказалось сотрудничество с замечательным педагогом и методистом, последователем Ушинского, Николаем Александровичем Корфом. Павленков обратил внимание на его книгу «Наш друг», предназначенную для чтения в школе и дома. Впервые она вышла в 1871 г. и к началу 1880-х гг. выдержала девять изданий, став одним из самых популярных пособий для самообразования. Но Павленкова все-таки не устраивали ни слог, ни оформление книги. Задумав обновить ее, он обратился за помощью к Всеволоду Гар-

шину. Тот очень внимательно прочел книгу Корфа и написал Павленкову большое письмо с замечаниями и предложениями[179]. В итоге в 1884 г. как 14-е издание вышла по сути дела совсем другая книга — тщательно отредактированная и оформленная. «Резко выделяется из ряда прочих „Наш друг" барона Н. А. Корфа в издании Павленкова,— писал в обзоре педагогической и учебной литературы Д. Д. Семенов.— Глянцевитая белая бумага, крупная печать, прекрасно исполненные рисунки и политипажи, портреты русских государей, поэтов и великих людей мира, красивые виньетки невольно заставят школьника относиться к „Нашему другу" с уважением, беречь его»[180]. Книга Корфа в издании Павленкова печаталась более десяти раз.

Наряду с «Нашим другом» Павленков издал в это же время «Первоначальное правописание» Корфа — учебную книжку для семьи и школы, содержащую сорок диктовок с указанием грамматических правил, и его же «300 письменных работ. Задачи для самостоятельных упражнений в письме...» Эти копеечные издания надежно работали на идею самообразования и закрепления первоначальных навыков.

Книги Лубенца и Корфа были адресованы, как правило, не только детям, но и взрослым крестьянам. Эпиграфом к своему «Сборнику арифметических задач» Лубенец поставил следующие характерные слова: «Сельский житель должен постоянно вести свои расчеты и наблюдения... Земледельца нашего времени надобно изображать не с одним плугом, как изображали его прежде, но и с карандашом и счетами в руках»[181].

Вторым изданием выпускает Павленков в 1884 г. книгу Н. Н. Блинова «Ученье — свет». Это была первая и весьма удачная попытка создания книги для чтения на материале родиноведения. Крестьянский мальчик рассказывает в ней об окружающем его мире, родной деревне, труде и быте крестьян. Иллюстрировал книгу молодой тогда вятский художник В. И. Порфирьев. Написана она с ярко выраженных демократических позиций. В качестве добавления к ней Павленков издал иллюстрированный сборник стихотворений, пословиц и загадок под названием «Пчелка», также составленный Блиновым. По этой книге дети получали первые представления о поэзии Пушкина, Кольцова, Никитина, Некрасова, Беранже (в переводе В. С. Курочкина).

Понимая всю трудность и необычность своей системы самообучения, Павленков не жалел усилий на издание разного рода методических пособий и руководств. Кроме наглядно-звуковых прописей к азбукам, он в 1880-х — первой половине 1890-х гг. издает целую библиотечку методической литературы. Выходит десятикопеечная брошюра Корфа «Как обучать грамоте ребят и взрослых», его же «Руководитель для воскресных повторительных школ», заключающий в себе программу, конспекты, методические указания и домашние работы в пределах элементарного курса для подростков и взрослых. Были изданы пособия Лубенца — «Руководство к „Зернышку". Книга для учащих» и «Руководство к церковно-славянскому букварю», также адресованное учителям. Подобным руководством снабжена и книга для чтения Корфа «Наш друг»[182]. При оптовой ее продаже на каждые сто экземпляров книги полагался бесплатный экземпляр

«Руководства». Несколькими изданиями была выпущена «Методика арифметики» С. В. Житкова, предназначенная для учителей, учительских институтов, семинарий и педагогических классов женских гимназий.

Чтобы помочь продолжить образование тем, кто, выучившись грамоте, получил навыки чтения, письма и счета, Павленков в 1880-х гг. издает целую серию популярных учебников по всем отраслям знаний. Назовем некоторые из них. Это, во-первых, очередные переиздания «Полного курса физики» А. Гано (1882, 1883, 1885, 1888, 1892 гг.) [183]. Установив непосредственную связь с автором, Павленков при переизданиях пособия постоянно дополнял его по новым французским изданиям, а также за счет новых сведений, которые давала ему отечественная наука. Поэтому каждое новое издание книги существенно отличалось от предыдущего полнотой и новизной материала. В 1882 и 1883 гг. Павленков переиздал также «Популярную физику» Гано. В 1883 г. он выпустил «Краткую физику» М. А. Герасимова, преподавателя Владимирского городского училища [184]. В качестве дополнения к общим учебникам по физике он издает «Популярные лекции об электричестве и магнетизме» О. Хвольсона (1886, 2-е изд.).

Выходят также пособия по химии (Альмединген А. Н. Учебник химии. Курс реальных училищ. СПб., 1885), геометрии (Потоцкий В. Общепонятная геометрия. СПб., 1883), ботанике (Сиязов М. М. Краткий курс ботаники. СПб., 1887), зоологии (Бер П. Первые понятия о зоологии. Пер. с фр.; Под ред. И. И. Мечникова. Несколько изданий), географии (Плетнев И. Учебник географии для городских училищ. Несколько изданий). Были выпущены «Начальная русская грамматика» Н. Бучинского и сборник статей и образцовых произведений русской словесности, составленный А. В. Павловым [185].

Павленков всегда стремился к тому, чтобы его учебники соответствовали новейшим научным открытиям. К редактированию переводных книг он привлекает известных ученых, ранее созданные пособия дополняет новым современным материалом. Например, в его издании «Очерки новейшей истории» И. И. Григоровича (ранее они выходили в свет трижды, и изложение событий в них заканчивалось 1856 г.) были доведены до 1883 г., т. е. до года выхода книги в свет [186].

Той же цели — дать читателю сведения о новейших достижениях прогрессивной мировой науки — служит и книга «Что сделал для науки Чарльз Дарвин», изданная в 1883 г. Это популярный обзор главнейших работ Дарвина по всем отраслям естествознания, сделанный его учеными соотечественниками. Перевел эту книгу для Павленкова Герман Лопатин.

Каждой своей очередной книжкой Павленков как бы ликвидировал пробел в системе знаний, и поэтому его издания всегда становились событиями в книжном мире. В 1883 г. в магазинах появилась хрестоматия «Новейшие русские писатели», составленная А. А. Цветковым. Этим изданием Павленков намеревался «переступить черту, поставленную официальными программами»[187], которые допускали в школы только те образцы литературы, что давно устоялись и были признаны полезными юношеству. В хрестоматии Цветкова представлены произведения 28 писателей послегоголевского периода, а в конце книги даны их

краткие биографии. Кроме прозаиков и поэтов — Льва Толстого и Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Никитина, Помяловского и Майкова — отрывками из произведений были представлены критики Белинский и Добролюбов. Хрестоматия, как сказано в предисловии, «могла бы... иметь место и вне школы»[188].

В том же 1883 г. у Павленкова вышла небольшая книжечка для народного чтения «Тургенев о русском народе».

Павленков придавал очень большое значение доступности своих учебных пособий, которую он считал главным условием пригодности книги для самообразования. Наряду с учебниками, сборниками популярных лекций и учебных пособий, он выпускает в этот период несколько книжек, сочетающих учебу и игру — например, «Научные развлечения» Г. Тиссандье и «Математические развлечения» Э. Люкаса (обе книги выдержали несколько изданий). Видимо, Павленков чувствовал острую необходимость в подобных игровых пособиях для самообразования. Сегодня нам трудно это представить, но книга Э. Люкаса была переведена и отпечатана в типографии М. А. Хана в течение трех недель.

В качестве дополнений к книге Люкаса Павленков в 1884 г. выпускает сразу две работы В. И. Обреимова: «Математические софизмы» и сборник геометрических игр «Тройная головоломка». Эти умные, добрые, веселые книги многим помогли приобщиться к математике, развить способности к ней.

Кроме этих книг, он выпускает в 1880-х гг. фигурное лото для детей и взрослых под названием «Китайская головоломка», составленное по методу немецкого педагога Фридриха Фребеля.

Подобные издания выходили у Павленкова и позднее.

Необходимо сказать еще об одной серии книг для самообразования, активно издававшихся Павленковым в 1880-х гг. Это — книги, раскрывающие прикладное значение науки в житейской повседневности.

Крепнущее капиталистическое производство требовало квалифицированных рабочих кадров, и правительство активно поощряло как создание профессиональных школ и училищ, так и издание научно-прикладной литературы. Существовало даже мнение, поддержанное и частью земских деятелей, что народ надо обучать ремеслам, а не наукам, т. е. воспитывать верных престолу мастеровых и не смущать их умы и души тонкостями наук, тем более общественных и гуманитарных.

Всей своей издательской работой Павленков протестовал против подобного официального направления в народном образовании. Главная его задача — воспитать гражданина, самостоятельно и активно мыслящего человека. В этом русле самостоятельного действия лежало и прикладное использование наук. По мысли Павленкова, оно было одновременно и средством самообразования, и способом самостоятельного применения приобретенных знаний. Поэтому спектр этих книжек столь же богат, как и набор учебников. Любую науку Павленков старался применить к жизни, к повседневным нуждам человека.

Вслед за названной уже книгой Т. Дю Монселя (см. примеч. 177) он издает в 1880-х гг. две работы М. А. Герасимова: «Первое знакомство с физикой посредством общедоступных приборов» и «Элементарная анатомия, физиология и ги-

гиена». Было выпущено также пособие для самообразования и женских учебных заведений — «Азбука домоводства и домашней гигиены». Книгу — с изменениями и дополнениями — перевел для Павленкова Н. А. Корф. Он же написал научно-популярную брошюру «Хлебный жук. Чтение для народа» (1883).

При создании пособий прикладного характера Павленков прибегал к помощи ученых, чтобы пособие отвечало требованиям современной науки и соответствовало русским условиям. Показательно в этом отношении издание двухтомного «Практического курса физиологии», предназначенного для студентов и врачей (1886). Книга, написанная несколькими французскими авторами, была отредактирована, дополнена и переработана известными профессорами В. О. Ковалевским, И. М. Сеченовым, В. Я. Данилевским и др.

Упомянем также книгу С. Ф. Горянской «Беседы о законах и порядках. (Азбука законоведения)» (1887), отредактированную народником-законоведом Я. В. Абрамовым, и «Общедоступное землемерие» А. Д. Колтановского (1888) — популярное изложение элементарных геодезических задач, решаемых без специальных приборов.

Позднее, в 1890-х гг., Павленков начинает издавать серию «Библиотека полезных знаний». Но, по сути дела, книги этого назначения выходили у него с начала 1880-х гг. Они тесно примыкают к уже упомянутым учебным пособиям. Можно назвать, например, книгу В. Э. Иверсена «Вредные полевые насекомые», вышедшую в 1883 г. Она имела подзаголовок — «Опыт практической энтомологии для землевладельцев, сельских хозяев, народных учителей и учительских семинарий».

Особое пристрастие питал Павленков к электричеству, применение которого в тот период делало поразительные успехи.

Одним из тех, кто, наряду с П. Н. Яблочковым и А. Н. Лодыгиным, способствовал развитию электротехники в России, был Владимир Николаевич Чиколев, в те годы электротехник при Главном артиллерийском управлении и первый редактор только что основанного журнала «Электричество». Это был не только выдающийся изобретатель, но и талантливый популяризатор новейших научных достижений. В середине 1880-х гг. Павленков выпускает подряд четыре его популярных книги: «Справочная книжка по электротехнике» (1885), «Электрическое освещение в его применении к жизни и военному искусству» (1885), «Чудеса техники и электричества» (1886), «Электрические аккумуляторы» (1886). Как дополнение к работам Чиколева в 1886 г. были изданы две книги Э. Госпиталье в переводе С. Степанова: «Главнейшие применения электричества» (2-е изд.) и «Электричество в домашнем быту» — очень полезные пособия для получения самых необходимых справочных сведений по электротехнике. Эту тему Павленков активно продолжал и в 1890-х гг. Тогда же Н. А. Рубакин сделал обзор выпущенных им книг по электричеству и электротехнике, высоко оценив вклад издателя в распространение среди народа полезных знаний [189].

Эту же задачу — пропаганду полезных знаний — ставили перед собой изданные в 1889 г. книги И. Вавилова «Который час?» и Н. Жуковского «Воздушное садоводство»[190]

Одно из самых продуктивных направлений в издательской деятельности Павленкова 1880-х гг.— книжки для детей разного возраста. Они были, как правило, богато иллюстрированы и доступны по изложению. Текст и рисунки в них подчас имели равное значение. Таковы сборник рассказов «Живые картинки» А. Смирнова и «Детский маскарад-зверинец» — переделка с английского Н. Азбелева.

Особо надо сказать о книжке «Макс и Мориц» немецкого поэта-юмориста и искусного рисовальщика Вильгельма Буша (1832—1908). Эта книжка, состоявшая из веселых рисунков и стихотворных подписей к ним, обошла весь мир, а в самой Германии выдержала к 1880-м гг. 25 изданий. Павленков дважды издал ее перевод под названием «Два проказника» (в 1888 и 1894 гг.).

Для коллективного чтения предназначались сборники детских рассказов А. Нольде и А. Лякиде. Первый из них так и назывался — «Послушаем!» (1883), а второй как бы приглашал детей к чтению — «В добрый час!» (1888).

В демократических кругах конца прошлого столетия одним из лучших детских писателей считался Александр Васильевич Круглов (1853—1915), который пытался преодолеть господствовавшие в детской литературе сентиментализм и морализаторство и внести в нее известную долю социального содержания[191]. Павленков в 1880-х гг. выпустил две его книжки: сборник рассказов и стихотворений «Вечерние досуги» (1885; 2-е изд. 1894) и рассказ «Янки Вологодского уезда» (1884).

Заметную социальную струю внес в детскую литературу конца XIX столетия писатель-народник П. В. Засодимский. Его «Задушевные рассказы», позднее ставшие чрезвычайно популярными, впервые были изданы Павленковым[192].

Особое место в издательском репертуаре Павленкова занимают книги для детей, повествующие об увлекательных путешествиях и приключениях. Среди книг этого направления назовем произведения немецкой писательницы Софи Ворисгофер «Через дебри и пустыни. Скитания молодого беглеца» (1887), «Образовательное путешествие. Живописные очерки отдаленных стран» (1885; 2-е изд. 1892), «Сказочная страна. Путевые впечатления двух юных матросов» (1888, 2-е изд. 1897).

Итак, в 1880-х гг. Павленков выпускает книги и пособия по всем отраслям знаний, пытаясь охватить все стороны общественного бытия. Он как бы взял на себя практическое осуществление писаревской идеи формирования «мыслящего» пролетариата. При этом естественным наукам так же, как и Писарев, он отдавал предпочтение. Прогрессивная демократическая павленковская книга не только давала знания, но и со школьной скамьи учила мыслить самостоятельно.

В этом самообразовательном ряду надо рассматривать и издание Павленковым художественной и публицистической классики.

Первым было собрание сочинений Г. И. Успенского. Инициатива здесь принадлежала В. М. Гаршину, хорошо знавшему Павленкова. Он и взялся летом 1883 г. вести с ним переговоры. И хотя дела Павленкова тогда еще только набирали силу, и к этому времени им было задумано порядочное число изданий, он с радостью ухватился за предложение Гаршина: творчество Успенского прекрас-

но вписывалось в систему идейных взглядов самого издателя. 2 июля 1883 г. состоялся первый разговор Гаршина с Павленковым. 14 июля Гаршин пишет матери: «Я устроил издание сочинений Глеба Ивановича: сторговался с Павленковым на условиях, довольно выгодных для Успенского. Вчера даже телеграмму от него получил, пишет: „очень, очень благодарю". Жаль было бы, чтобы его обобрали»[193]. А осенью того же года три первых тома из восьми уже вышли в свет. Завершилось издание в 1886 г. Через три года потребовалось переиздание, которое вышло в двух томах большого формата с обстоятельной вступительной статьей Н. К. Михайловского[194].

В середине 1880-х гг. Павленков получает от Засодимского рукопись только что написанного им романа «По градам и весям» и в 1885 г. издает его под псевдонимом «Вологдин». В романе писатель нарисовал картину всеобщего уныния и разгула реакции после поражения революционных народников.

Далее следует большое издательское предприятие, о котором необходимо рассказать подробнее.

В 1887 г. истек срок монопольного права наследников на издание сочинений А. С. Пушкина. Творения великого русского поэта стали издавать многие, но, пожалуй, только для Павленкова это было началом длительной издательской кампании, лежавшей в русле его просветительской деятельности.

Павленковский Пушкин почти одновременно вышел в трех разных изданиях. Восьмитомник (вскоре он был увеличен до десяти томов) предназначался широкому разночинному читателю; компактный иллюстрированный однотомник, включивший, однако, почти все творческое наследие поэта (оба издания стоили полтора рубля), был рассчитан на учителей народных школ и гимназий, а сорок выпусков «Иллюстрированной пушкинской библиотеки» адресовались учащимся, крестьянской и рабочей бедноте, ибо продавались по цене от 2 до 25 к.

К составлению и редактированию изданий Пушкина Павленков привлек одного из самых популярных критиков закрытых к тому времени «Отечественных записок» Александра Михайловича Скабичевского. Так началось длительное сотрудничество издателя с талантливым популяризатором и историком русской литературы.

В предисловии к однотомнику Пушкина Скабичевский писал так: «Издание наше мы имеем право считать полным собранием всех сочинений Пушкина, потому что если в нем и есть кое-какие пропуски сравнительно с последними изданиями, то опущены лишь такие вещи, в которых муза Пушкина совсем не участвует и которые, будучи любопытны для библиографов, обыкновенною публикою никогда не читаются... Надеемся, что все подобные пропуски не помешают публике найти в нашем издании именно ту полноту, которая для нее желательна. Люди же, дорожащие каждою строчкою Пушкина во что бы то ни стало... найдут и без нашего издания собрания сочинений Пушкина, соответствующие их требованиям»[195].

В 1890-х гг. по тому же типу Павленковым будут изданы сочинения Лермонтова[196], а позднее его душеприказчик точно так же издаст произведения Гоголя.

Эти три писателя в самообразовательной системе Павленкова входили в круг обязательного чтения и изучения. Без них, по его мнению, образование человека было бы ущербным и неполным. И, следовательно, полезнее дать широкой публике сравнительно полные, доступные и массовые собрания сочинений этих писателей, нежели распылять средства на целую библиотеку отечественной классики, дублируя при этом других издателей.

По мере того как сочинения Пушкина распродавались, Павленков возобновлял их издание, с каждым разом увеличивая тираж. За двенадцать лет — от начала издания (1887 г.) до юбилейного 1899 г.— он выпустил более миллиона экземпляров только книжек «Иллюстрированной пушкинской библиотеки». В эти годы по тиражированию произведений Пушкина сколько-нибудь ощутимую конкуренцию ему могла составить только крупнейшая в России издательская фирма Сытина. Таким образом, Павленков первым в России выпустил действительно массовые и доступные издания произведений Пушкина.

Круг общения издателя в 1880-е гг. в определенной степени раскрывается в письме Н. К. Михайловского, с которым Павленков многие годы был в тесных творческих и дружеских отношениях: «Не приедете ли Вы ко мне в воскресенье, 30-го?.. Пожалуйста, если можно. В этот день у меня елка, но кстати и взрослые будут. Поговорим об деле... ну и просто проведем время... Уехать назад можете в 7, а не скучно пойдет, так ночью. Если увидите Гаршина, передайте ему, пожалуйста, тоже мое приглашение... Успенский говорил, ссылаясь, помнится, на Вас (а может я и путаю), что Гаршин кончил какую-то вещь, которую не прочь прочитать в небольшом обществе. Вот у меня бы и прочел»[197].

Несмотря на неблагоприятную общественно-политическую ситуацию, Павленков продолжает издавать социально злободневные книги. Так, в 1885 г. выходит сочинение Евгении Конради «Черные богатыри», популярно рассказывающее о тяжелой жизни рудокопов. В предисловии издатель сообщает, что это только первая книга из предполагаемого ряда изданий, повествующих о том, «как живут люди, создающие своими руками все материальные блага современной цивилизации».

Продолжая эту линию, Павленков два года спустя печатает бытовые очерки И. Тимощенкова «Борьба с земельным хищничеством» (1887). Затем следуют общественно-физиологические очерки А. А. Бахтиарова «Брюхо Петербурга» (1888).

В книге публициста С. А. Приклонского «Очерки самоуправления земского, городского и сельского» (1886) красноречиво описывалось то невыгодное и жалкое положение, в котором оказывались земские гласные из среды крестьян по сравнению с представителями дворянства и купечества. Автор призывал интеллигенцию идти в земские учреждения и отстаивать интересы народа[198].

И наконец, следует сказать о «Сельском календаре на 1888 год», составленном публицистом-народником Я. В. Абрамовым. Рецензент одного из популярных журналов с одобрением писал, что календарь этот заполнен статьями, «отлично подобранными сообразно насущным нуждам сельских обывателей и написанными ясным, понятным для крестьян языком»[199]. Однако книга эта

наделала много хлопот Министерству внутренних дел. Чиновники обнаружили в календаре статью «Советы переселенцам...», наполненную «превратными сведениями» о землях Алтайского округа, состоящего в ведении кабинета Е. И. Величества. Статью эту написал С. Л. Чудновский, участник революционного движения, с которым Павленков познакомился еще в сибирской ссылке. В результате 20 073 экземпляра на 25-тысячного тиража «Календаря» были по распоряжению Министерства внутренних дел конфискованы [200].

Уже в 1880-х гг. Павленков делает первые подступы к одному из своих крупнейших издательских предприятий — серии «Жизнь замечательных людей». Вслед за книгой Г. Тиссандье «Мученики науки» (см. примеч. 177) он издает труды западноевропейских психологов Ч. Ломброзо и А. Жоли, исследовавших сущность гениальности [201]. Одновременно выходит целая серия биографических очерков, написанных А. О. Островинской (М. С. Щепкин, П. П. Ершов, В. Г. Белинский, Л. А. Серяков, В. А. Жуковский, Н. И. Новиков). Они были объединены в сборник «Искры божьи» (1885) и частично изданы отдельными книжками.

Таким образом, в 1880-е гг. издательство Павленкова вполне определило свое просветительское направление с четко выраженными демократическими прогрессивными тенденциями. Обозначилось и своеобразие павленковского книжного просветительства, заключавшееся в энциклопедическом и самообразовательном характере его изданий. В эти годы было положено начало многим сериям, получившим развитие в последующее десятилетие издательской деятельности Павленкова. При этом издатель продолжал оставаться для правительства опасным либералом, от которого в любой момент можно ждать неприятного сюрприза. В докладе царю в 1892 г. министр внутренних дел сообщал, что Павленков, «еще в 1868 году высланный по Высочайшему повелению в Вятку, занялся по возвращению в Петербург изданием разного рода книг, которые обращают на себя самое строгое внимание цензурных ведомств, так как большей частью отличаются направлением предосудительным»[202].

В 1880—1890-е гг. разворачивается активная издательская деятельность Лонгина Федоровича Пантелеева (1840—1919) [203].

Окончив в 1858 г. гимназию в Вологде, Пантелеев поступил на юридический факультет Петербургского университета. Он принимал активное участие в студенческих волнениях, происходивших осенью 1861 г., и в 1862 г. вступил в тайную революционную организацию «Земля и воля». Его революционная деятельность прервалась 11 декабря 1864 г., когда он был арестован по обвинению в принадлежности «к С.-Петербургской революционной организации, с целью возбуждения и поддержания польского мятежа»[204]. По приговору военного суда Пантелеев был лишен дворянского достоинства, всех прав состояния и сослан на каторгу в Восточную Сибирь сроком на 6 лет. В середине 1866 г. каторга была заменена ссылкой. Вернувшись из ссылки в Петербург, он основывает в 1877 г. издательство, идейный характер которого отмечал впоследствии И. И. Скворцов-Степанов. Он писал: «Особняком стояли такие издатели, как Солдатенков или Пантелеев. Прибыль да, пожалуй, сколько-нибудь быстрое возвращение затраченного капитала их мало интересовали. Они, определяя тираж издания,

исходили из учета общественных потребностей»[205]. «Книжный вестник» в 1907 г. писал, что Пантелеев «вел свое издательство необычным для издателей путем, он не только давал деньги на издание книг, он выбирал самые книги, которые давали отражение его вкусов, его интересов. В целой библиотеке, им изданной, мы находим отличный подбор сочинений естественно-научных, философских, социологических, исторических, политических, политико-экономических, историко-литературных, мы встречаем здесь все вопросы, интересовавшие общество за последние десятилетия, встречаем как великие имена прежнего времени, так и наиболее выдающиеся современные имена»[206].

В издательстве Пантелеева служили люди, известные своими демократическими воззрениями. Так, в качестве редактора он пригласил в 1879 г. М. А. Антоновича, который в течение четырех лет вел его издательское дело. Он привлек к сотрудничеству находившегося в ссылке в Астрахани Чернышевского, с которым познакомился еще в марте 1862 г. Пантелеев послал ему книгу английского естествоиспытателя У. В. Карпентера «Энергия в природе». Ознакомившись с ней, Чернышевский охотно согласился перевести это сочинение на русский язык.

Перевод был закончен менее чем за месяц. Чернышевский снабдил его предисловием и послесловием. Книга вышла в 1885 г. без указания имени переводчика. Предисловие, замечания и дополнения, сделанные Чернышевским, по цензурным соображениям также пришлось снять. Благодаря ясному и четкому языку перевода книга пользовалась большим успехом у читателей. По заказу Пантелеева Чернышевский перевел также книгу Г. Спенсера «Основные начала». Работа была закончена к осени 1884 г., но по цензурным обстоятельствам книга вышла в свет только в 1897 г.

Пантелеев считал своим нравственным долгом оказывать помощь Чернышевскому и в издании его оригинальных произведений. Весной 1888 г. он предложил ему переиздать «Эстетические отношения искусства к действительности». В предназначенные к 3-му изданию «Эстетические отношения...» Чернышевский внес ряд исправлений и написал новое предисловие. «Хотя книга по своему объему и могла печататься без предварительной цензуры, но, в силу особого распоряжения, все, как старое, так и вновь написанное Чернышевским, должно было направляться в цензуру»[207]. 7 мая 1888 г. Главное управление по делам печати известило о том, что книга «Эстетические отношения искусства к действительности» и предисловие к ней не могут быть допущены к напечатанию[208].

Одной из важнейших задач издательства, по мнению Пантелеева, была пропаганда идей революционеров-демократов. В апреле 1885 г. он заключает договор на право издания собрания сочинений Н. А. Добролюбова с его братом В. А. Добролюбовым. Тираж этого (4-го по счету) издания должен был составить 5 тыс. 50 экз.— весьма значительная по тому времени цифра. В предисловии «От издателя» говорилось: «Настоящее издание проверено по первому... так как в последующих, особенно в 3-м, от чисто корректурных недосмотров встречаются значительные искажения текста»[209]. Отпечатанный для издания портрет Добролюбова по требованию цензуры был изъят.

Публикация произведений революционеров-демократов была в цензурном отношении делом чрезвычайно трудным. Показательна в этом плане история с изданием сочинений А. И. Герцена. По просьбе его сына Пантелеев приложил немало сил для осуществления этого замысла. В результате начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов высказался за разрешение издания. Но министр внутренних дел И. Н. Дурново воспротивился этому, заявив, что ему «будет крайне неприятно утруждать государя таким делом»[210].

Верный воззрениям шестидесятников, Пантелеев широко пропагандировал в России труды наиболее прогрессивных экономистов, философов, историков, естествоиспытателей, стоявших на материалистических позициях. Им был выпущен целый ряд исследований по политэкономии и философии, сыгравших важную роль в формировании передовых демократических взглядов у русского читателя. Следует отметить и популярную экономическую литературу, излагавшую учение К. Маркса и адресованную сравнительно широкому кругу читателей, прежде всего студенческой молодежи, наиболее подготовленным рабочим, гимназистам старших классов. В первую очередь надо назвать книгу экономиста А. А. Карелина «Краткое изложение политической экономии», вышедшую в 1894 г. В докладе цензора А. Пеликана о ней говорилось следующее: «В книге этой заключается... изложение в популярной форме... экономических учений К. Маркса... Автор... старается в ней доказать, что положение рабочего класса, крайне тяжелое на Западе, в нашем отечестве просто невыносимо и что все практикуемые к улучшению этого положения законодательные и филантропические меры в конечном счете увеличивают лишь зло»[211]. Цензор предлагал книгу уничтожить. Только благодаря помощи председателя Петербургского цензурного комитета С. И. Коссовича, которому Пантелеев предоставлял хорошо оплачиваемую переводческую работу, удалось признать это сочинение безвредным и разрешить к выпуску в свет.

Среди философских сочинений, выпущенных Пантелеевым, наибольший интерес представляет впервые изданная на русском языке (в переводе М. А. Антоновича) «Этика» Спинозы (1886), где в законченном виде изложена его материалистическая философия.

В издательстве вышли также основные произведения Ш. Монтескье — «Персидские письма» (1892) и «О духе законов» (1900).

В 1881—1883 гг. Пантелеев издал книгу немецкого философа XIX в. Ф. Ланге «История материализма и критика его значения в настоящее время» (в переводе известного публициста и философа Н. Н. Страхова, в двух томах). Работа привлекла внимание цензурного ведомства, по мнению которого опасность ее заключалась в том, что «исследование философии древности ведется с материалистической точки зрения». От запрета книгу спасло только то обстоятельство, что она была признана недоступной пониманию «для обыкновенного человека, хотя и высокообразованного, сдержанностью и темнотой выражений»[212].

Впервые в России Пантелеев выпускает (в 1897 г.) сочинения французского публициста, острого критика монархических институтов Поля Луи Курье, продолжателя традиций обличительной литературы XVIII в.

Считая, что историческая наука помогает понять основные законы общественного развития, издатель уделял большое внимание историческим трудам. Они составили почти пятую часть выпущенных им книг. Среди них особое место занимает работа американского этнографа и историка Л. Г. Моргана «Древнее общество», которую Энгельс считал «одним из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху»[213]. Пантелеев первым в России выпустил в 1900 г. на русском языке этот классический труд (под заглавием «Первобытное общество»). Предисловие к книге Моргана в издании Пантелеева написал М. М. Ковалевский, перевод осуществил П. П. Румянцев.

Некоторые издания предприняты Пантелеевым по совету близких ему людей, известных своими передовыми воззрениями. Так, по настоятельной рекомендации П. Л. Лаврова, он выпускал в течение 15 лет (с 1892 по 1908 г.) восьмитомный труд французского историка А. Сореля «Европа и французская революция». Провести это сочинение через цензуру оказалось очень сложно. В специальном докладе, представленном в С.-Петербургский цензурный комитет, говорилось: «Результаты данного исследования самые неутешительные. По... словам автора, монархическое начало искони было проникнуто грубейшим эгоизмом. Девизом его было: все для себя, мало для подданных — все это становилось в руках самовластных деспотов, монархов игрушкою для проведения личных капризов и пожеланий»[214].

Одним из авторов издательства стал известный публицист, член I Интернационала В. А. Зайцев, находившийся в эмиграции. Пантелеев выпустил две его исторические работы, объединенные общим заглавием «Руководство всемирной истории». Одна из них — «Древняя история Запада» (1882) — вызвала неудовольствие цензуры, потребовавшей исключить из нее ряд высказываний антиправительственного характера.

Среди изданий Пантелеева значительное место занимали труды видных русских и зарубежных естествоиспытателей. В 1891 г. ему удалось выпустить первое и единственное в дореволюционной России издание работы И. М. Сеченова «Физиология нервных центров», в которой были заложены основы современной материалистической физиологии.

Даже сочинения по естественным наукам, выходившие в издательстве Пантелеева, имели часто остросоциальную направленность. Можно назвать, например, труд одного из основоположников научной гигиены в России Ф. Ф. Эрисмана «Общедоступная гигиена» (1878), где автор открыто выступил против жестокой эксплуатации труда молодых рабочих.

Большой интерес, особенно для студенческой молодежи, представляла выпущенная Пантелеевым в 1887 г. книга Г. Аллена «Чарльз Дарвин» (перевод с английского был сделан под редакцией А. Н. Энгельгардта, участника «Земли и воли» 1861 г., ученого-химика и агронома). В виде приложения в ней помещена часть главы «Об инстинкте» из основного труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». В книге отмечалось, что заслуга Дарвина заключается в том, что он сумел доказать «чисто естественное происхождение человека»[215].

Весьма скромное место среди изданий Пантелеева занимала художественная литература. Это было вызвано тем, что он не имел достаточных средств для конкуренции с крупными издательскими фирмами. Всего им было выпущено 8 книг. Среди них — «История Жиль Блаза из Сантильяны» А. Лесажа (1895), «Ласарильо из Тормеза и его удачи и неудачи» (1897), «Золотой осел» Апулея (1899), «Пан Тадеуш» А. Мицкевича (1907), повести для детей английского писателя К. Грээма, рассказы и очерки С. Я. Елпатьевского, повести В. Серошевского.

В 1884 г. Пантелеев решил издавать журнал «Вселенная» под редакцией известного пропагандиста естествознания и педагога А. Я. Герда. В журнале предполагалось освещать открытия в области естественных наук и земледелия, а также обсуждать вопросы методики преподавания естественных дисциплин в гимназиях. Пантелеев предполагал выпускать журнал без предварительной цензуры. Однако разрешение на это не было получено [216], и от издания журнала пришлось отказаться.

Немало сил потратил Пантелеев на выпуск учебной литературы. Среди авторов изданных им учебных пособий были видные русские ученые и педагоги — А. Н. Бекетов, И. В. Водовозов, А. Я. Герд, английский биолог Т. Г. Гексли, французский антрополог П.Топинар. Большую ценность представлял вышедший в в издательстве Пантелеева учебник П. Топинара «Антропология» (1879). И. И. Мечников, под редакцией которого был сделан перевод пособия, в предисловии к нему писал: «Предлагаемое читателю сочинение составляет добросовестный и серьезный свод современного состояния науки и в качестве такого оно отражает на себе все характерные черты... нынешней антропологии: богатство фактического материала, разнообразие способов измерения» [217].

Книги, выпущенные Пантелеевым, распространялись через книжный магазин петербургского книготорговца Н. П. Карбасникова, рекламировались в его издательских каталогах.

В 1907 г. уже немолодым человеком Пантелеев полностью отошел от издательской деятельности.

Всего более чем за 30 лет — с 1877 по 1907 гг.— им было выпущено свыше 260 изданий, в том числе и повторных, на сумму приблизительно в 1 млн. р., общим тиражом почти 650 тыс. экз.

* * *

Изучение истории крупнейших частных издательств Петербурга и Москвы в 1880-х — первой половине 1890-х гг. позволяет прийти к выводу, что в целом они продолжают действовать в духе традиций, оформившихся в 3-й четверти столетия. По-прежнему широки тематика и читательское назначение издаваемых ими книг, по-прежнему львиную долю продукции универсальных издательств составляет беллетристика, по-прежнему «идейные» издатели выпускают произведения прогрессивных авторов. Вместе с тем наблюдаются и новые тенденции. Это, прежде всего, продолжающаяся дифференциация издательского репертуара, в результате которой появляются новые специализированные издательства и, следовательно, увеличивается количество научных и специаль-

ных изданий. Столь же характерным для рассматриваемого периода является постепенный рост доли изданий, предназначенных для широких народных масс. Следует отметить, что именно в эти годы была сделана первая попытка профессионального объединения российских книгоиздателей и книготорговцев. И, наконец, «свидетельством признания важной роли книгоиздания в развитии страны стала организованная в феврале 1895 г. в Петербурге Первая всероссийская выставка печатного дела, которую современники назвали „праздником типографского станка, праздником печатного слова"»[218].

Примечания

[1] Первое десятилетие Русского общества книгопродавцев и издателей и журнала «Книжный вестник» // Кн. вестн. 1894. № 1. С. 4.

[2] О деятельности этих издателей в предшествующий период, см.: Книга в России, 1861—1881. М., 1990. Т. 2. С. 36, 52—88.

[3] РО ИРЛИ. 12891. LXXI. б. II. Л. 1.

[4] Рассказ Н. С. Лескова «Старинные психопаты» был напечатан в журнале «Новь» (1885. № 7, 8).

[5] «Рассказы кстати» печатались в «Нови» (1885. № 1—4), а затем вышли отдельным изданием в «Товариществе М. О. Вольф».

[6] Речь идет о романе Лескова «Незаметный след», первая часть которого была напечатана в двух первых номерах «Нови» за 1885 г.

[7] РГАЛИ. Ф. 275, оп. 4, д. 17. Л. 1.

[8] Цит. по: Белов С. В. Издательская деятельность А. А. Гатцука // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга—Петрограда—Ленинграда. Л., 1984. С. 93.

[9] Там же. С. 93—94.

[10] Там же. С. 94.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 95.

[14] Там же. С. 96. О «Газете Гатцука» см. также: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 72.

[15] Подробно об этих изданиях см.: Белов С. В. Указ. соч.; Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 69—71.

[16] Рус. мысль. 1892. № 1. С. 41.

[17] Там же. № 12. С. 552.

[18] Там же. 1895. № 10. С. 525.

[19] См. подробно: Кельнер В. Е. Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993.

[20] Вестн. Европы. 1881. № 4. С. 775.

[21] РГИА. Ф. 776, оп. 1, 1889—1890 гг., д. 49. Л. 4.

[22] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 430.

[23] Там же. СПб., 1913. Т. 5. С. 64.

[24] Арсеньев К. Взгляд на прошлое «Вестника Европы» // Вестн. Европы. 1909. № 1. С. 224.

[25] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 5. С. 351.

[26] РГИА. Ф. 777, оп. 4, 1882—1893 гг., д. 205. Л. 14.

[27] Куфаев М. Н. История русской книги в XIX в. Л., 1927. С. 244.
[28] Двумя годами раньше была издана другая книга Н. И. Зибера — «Теория ценности и капитала Д. Рикардо».
[29] См.: Белов С. В. Издательство Г. Д. Гоппе // Книга: Исслед. и материалы. 1986. Сб. 53. С. 52—69.
[30] Сельский хозяин. 1889. № 7. С. 123.
[31] Цит. по: Белов С. В. Издательство Г. Д. Гоппе. С. 67.
[32] ОР РНБ. Ф. 601, д. 12. Л. 2.
[33] Образование. 1893. № 7/8. С. 108.
[34] Там же. С. 109.
[35] Мир божий. 1893. № 5. С. 159.
[36] Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. С. 7, 12.
[37] Там же. С. 14.
[38] См.: Белов С. В. Книгопродавец Н. П. Карбасников: (Из истории рус. кн. торговли) // Кн. торговля: Опыт, пробл., исслед. М., 1985. Вып. 16. С. 237—238.
[39] РГАЛИ. Ф. 459, оп. 1, д. 2557. Л. 1.
[40] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 83.
[41] Динерштейн Е. А. «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 73.
[42] Об иллюстрированных изданиях Маркса и об особенностях их оформления см.: Динерштейн Е. А. Указ. соч. С. 73—81.
[43] Подробно об этой стороне деятельности издательства см.: Динерштейн Е. А. Указ. соч. С. 87—147. По мнению Динерштейна, Маркс «приступил в начале 1890-х гг. к изданию собраний сочинений русских и зарубежных писателей в виде приложений к журналу не потому, что кто-то подсказал ему эту счастливую идею. Просто к этому времени он получил возможность оперировать значительными суммами и приобрел значительный опыт в издании многотомных собраний сочинений русских классиков и современных ему писателей (например, А. Майкова, Я. Полонского)» (Динерштейн Е. А. Петербургское издательство А. Ф. Маркса: (Его роль и значение в развитии рус. книгоиздания последней четверти XIX в.) // Книжное дело Петербурга—Петрограда—Ленинграда. Л., 1981. С. 56).
[44] Сидоров А. А. История оформления русской книги. М.; Л., 1946. С. 348.
[45] См.: Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 114.
[46] Цит. по: Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. С. Суворина // Книга: Исслед. и материалы. 1984. Сб. 48. С. 106.
[47] РО ИРЛИ. Ф. 268, д. 129. Л. 1.
[48] «Весь Петербург» начал выходить в 1894 г., «Вся Россия» — в 1895 г. «Вся Москва» ведет свое начало с 1875 г.: в 1875—1884 гг. выходил «Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы», в 1885—1893 гг. «Адрес-календарь г. Москвы». С 1894 г. справочник получил название «Вся Москва».
[49] Розанов В. В. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине // Суворин А. С. Письма к В. В. Розанову. СПб., 1913. С. 17.
[50] РГАЛИ. Ф. 459, оп. 1, д. 508. Л. 2.
[51] См. подробно: Динерштейн Е. А. «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. С. 149—179. См. также 3-ю серию настоящего исследования.

[52] См.: Из переписки русских издателей / Публ. С. В. Белова // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. Л., 1983. С. 168—170.

[53] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 87.

[54] Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. С. Суворина. С. 93.

[55] Это издание «Сочинений» А. С. Пушкина было выпущено трижды общим тиражом 95 тыс. экз. Об издании Сувориным произведений Пушкина см. подробно: Динерштейн Е. А. Указ. соч. С. 96—99.

[56] См.: Там же. С. 93.

[57] См. о нем: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 24—25; Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М., 1983; Кожухова В. В. И. Д. Сытин — деятель русского просвещения // Библиотека и история: Сб. науч. тр. М., 1994. С. 150—168.

[58] Алтаев Ал. Памятные встречи. М.; Л., 1946. С. 296.

[59] Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1960. С. 24—25.

[60] См. подробно: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 26; Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. С. 9—10.

[61] См.: Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. С. 52.

[62] Там же. С. 55.

[63] Сытин И. Д. Указ. соч. С. 72.

[64] См.: Пудовина Е. И. «Посредник» — издательство народной литературы (по материалам лич. фонда И. Н. Горбунова-Посадова) // Сов. арх. 1991. № 4. С. 106—110; Лебедев В. К. Из истории сотрудничества книгоиздательства «Посредник» и издательской фирмы «И. Д. Сытин и К°» // Рус. лит. 1969. № 2. С. 209—212. См. также главу V настоящего издания.

[65] Сытин И. Д. Указ. соч. С. 72.

[66] Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. С. 34—35.

[67] Там же. С. 47.

[68] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 86. С. 97.

[69] Сытин И. Д. Указ. соч. С. 70.

[70] См.: Лебедев В. К. Указ. соч. С. 211—212.

[71] Подробно об этом см.: Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. С. 41—48.

[72] Там же. С. 46.

[73] Полвека для книги: Лит.-худ. сб., посвящ. пятидесятилетию издат. деятельности И. Д. Сытина. М., 1916. С. 123.

[74] Предшественником журнала был одноименный журнал, издававшийся в 1861—1865 гг. М. О. Вольфом.

[75] Полвека для книги. С. 549.

[76] Там же. С. 370.

[77] Там же. С. 466.

[78] См.: 35-летие фирмы А. Э. Винеке // Кн. вестн. 1910. № 7. С. 91.

[79] См.: 25-летие книготорговой и книгоиздательской деятельности фирмы А. С. Панафидиной // Кн. вестн. 1908. № 47. С. 460—461.

[80] См.: Каталог изданий товарищества [«Наследники братьев Салаевых»] и книг, имеющихся на складе. 2-е изд. М., 1918; Павлова А. А. Книгоиздательство В. В. Думнов «Наследники братьев Салаевых» в Москве: Библиогр. указ. материалов к истории деятельности

и кат. фирмы. М., 1989; Белов С. В. Учебно-педагогическая литература в репертуаре крупных русских издателей второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы школьного учебника: Сб. ст. М., 1990. Вып. 19. С. 203—205.

[81] Альвин Андреевич Каспари: Некролог // Родина. 1913. № 1. С. 1.

[82] См.: Издания М. М. Ледерле и К°. [СПб., 1894]; Каталог изданий М. М. Ледерле, продающихся в книжной торговле Е. А. Иванова. СПб., 1899.

[83] См. о нем: Адмиральский А., Белов С. Рыцарь книги: Очерки жизни и деятельности П. П. Сойкина. Л., 1970; Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX — начала XX в. Л., 1976. С. 91—120.

[84] Рубакин Н. А. Из истории борьбы за права книги: Ф. Ф. Павленков / Публ. и коммент. И. А. Сницаренко // Книга: Исслед. и материалы. 1964. Сб. 9. С. 230.

[85] Цит. по: Блюм А. Запрещенные книги о Сахалине и Амурском крае // Дальний Восток. 1970. № 9. С. 125.

[86] Слово академика Л. С. Берга (см.: ОР РНБ. Ф. 1115, д. 65).

[87] См.: Рус. мысль. 1894. № 4. С. 201; Рус. вестн. 1894. № 4. С. 320—322; Вестн. Европы. 1894. № 7. С. [3] обл.; Воспитание и обучение. 1895. № 1. С. 31; Землеведение. 1895. № 2. С. 193; Новое слово. 1895. № 5. С. 368—369.

[88] Рус. вестн. 1894. № 4. С. 321—322.

[89] Куфаев М. Н. Указ. соч. С. 258.

[90] Там же. С. 259.

[91] См.: Адмиральский А., Белов С. Указ. соч. С. 77—83.

[92] См.: Белов С. В. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974. См. также 3-ю серию настоящего исследования.

[93] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 89—91.

[94] О начале деятельности П. И. Юргенсона см.: там же. С. 89—90.

[95] РЦММК. Ф. 94, д. 1074.

[96] РГИА. Ф. 1109, оп. 1, д. 87. Л. 14.

[97] В книге «Автографы П. И. Чайковского в фондах Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки: Каталог-справочник» (М., 1956) отмечается, что «почти все описываемые музыкальные рукописи поступили в Музей из архива издательства П. И. Юргенсона» (с. 36).

[98] Цит. по: Рус. мысль. 1909. № 3. С.

[99] Там же. 1884. № 10. С. 50—53.

[100] См.: Русские и иностранные книги о музыке, имеющиеся на складе П. Юргенсона в Москве. М., 1898.

[101] Стасов В. В. Митрофан Петрович Беляев. М., 1954. С. 7.

[102] См.: Глазунов А. Памяти М. П. Беляева // Памяти М. П. Беляева. Париж, 1929. С. 18.

[103] См.: Оссовский А. В. М. П. Беляев и основанное им музыкальное дело, 1885—1910. Лейпциг, 1910.

[104] О начале издательской деятельности Девриена см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 94—95.

[105] Девриен А. Ф. От издателя // Каталог книг по сельскому хозяйству, садоводству, лесоводству и естественным наукам. СПб., 1914. С. IV.

[106] Киевлянин. 1891. 30 марта.

[107] Пособие при выборе книг преимущественно для детей и юношества. СПб., 1892. С. 2.
[108] Новости и биржевая газета. 1888. 21 дек.
[109] Новое время. 1888. 11 нояб.
[110] Там же. 1883. 10 дек.
[111] РГАЛИ. Ф. 203, оп. 1, д. 54.
[112] Сидоров А. А. История оформления русской книги. С. 342.
[113] Книгоиздательство А. Ф. Девриена в С.-Петербурге: Кат., 1872—1902. СПб., 1902. С. VI.
[114] О начале издательской деятельности К. Л. Риккера см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 92—94.
[115] Таренецкий А. И. // Врач. 1882. № 30. С. 503.
[116] См.: Фарабеф Л. Н. Основы оперативной хирургии. СПб., 1886. С. VI—VII.
[117] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 94.
[118] Двадцатипятилетие книгопродавческо-издательской деятельности фирмы К. Л. Риккера. СПб., 1886. С. 4. Отд. отт. из «Книжного вестника» (1886, № 24).
[119] Юбилейный каталог книжного магазина и издания К. Л. Риккера, 1861—1911. СПб., 1911. С. IX.
[120] Всеобщая история литературы: Сост. по источникам и новейшим исслед., при участии рус. ученых и литераторов / Под ред. В. Ф. Корша. СПб., 1880. Т. 1, ч. 1. С. 3.
[121] Трачевский А. С. Русская история. 2-е изд., испр. и расш. СПб., 1885. Ч. 1. С. II.
[122] Правит. вестн. 1886. 11 февр.
[123] Голов Д. А. От переводчика // Гравинкель К., Штеккер К. Справочная книга для электротехников. СПб., 1893. С. VI.
[124] Ньюкомб С., Энгельман Р. Астрономия в общепонятном изложении, дополненная Г. Фогелем / Пер. Н. С. Дрентельна. СПб., 1896. С. V.
[125] 50-летие книгоиздательства К. Л. Риккера // Нива. 1912. № 1. С. 18.
[126] Юбилейный каталог книжного магазина и издания К. Л. Риккера, 1861—1911. С. VIII, 1—33, 55—86.
[127] 50-летие книгоиздательства К. Л. Риккера. С. 17.
[128] Трачевский А. С. Памяти хорошего человека // Новости. 1895. 1 марта.
[129] Там же.
[130] Врач. 1895. № 9. С. 259.
[131] Двадцатипятилетие «Практической медицины», 1884—1909. СПб., 1909. С. 11.
[132] Там же. С. 9.
[133] Там же. С. 6.
[134] 25-летие издательства «Практическая медицина» // Кн. вестн. 1910. № 2. С. 23.
[135] Двадцатипятилетие «Практической медицины»… С. 12, 13.
[136] От редакции // Практ. медицина. 1885. № 11. С. 4 обл.
[137] Каталог изданий ежемесячного журнала «Практическая медицина» за период 1885—1887 гг. СПб., 1887. С. 17.
[138] От редакции // Практ. медицина. 1885. № 12. С. 1 (паг. 1-я); 1886. № 11. С. 4 обл.
[139] Двадцатипятилетие «Практической медицины»… С. 18.
[140] Каталог изданий ежемесячного журнала «Практическая медицина»… С. 6.
[141] Двадцатипятилетие «Практической медицины»… СПб., 1909. С. 22—23.

[142] Ежемесячный журнал «Практическая медицина», год пятый, 1889-й // Практ. медицина. 1888. № 10. Прил. С. 2.
[143] Там же. С. 1.
[144] От редакции // Практ. медицина. 1886. № 3. С. 2 обл.
[145] Ежемесячный журнал «Практическая медицина», год шестой, 1890-й // Практ. медицина. 1889. № 10. Прил. С. 2.
[146] Ежемесячный журнал «Практическая медицина», год пятый, 1889-й // Практ. медицина. 1888. № 10. Прил. С. 1.
[147] См.: От редактора // Реальная энциклопедия медицинских наук. СПб.: Изд. В. С. Эттингера, 1891. Т. 1. С. III.
[148] Двадцатипятилетие «Практической медицины»... С. 31—32.
[149] Объявление об издании «Реальной энциклопедии медицинских наук» // Практ. медицина. 1890. № 11. С. 1 (паг. 1-я).
[150] Там же. С. 2 (паг. 2-я).
[151] Двадцатипятилетие «Практической медицины»... С. 41.
[152] От редакции // Реальная энциклопедия медицинских наук. Т. 21. С. 1.
[153] Двадцатипятилетие «Практической медицины»... С. 45.
[154] Там же. С. 46.
[155] Новое время. 1892. 16 авг.
[156] Змиградский К. И. Библиографический указатель российской медицинской литературы. СПб., 1890—1891. Вып. 1—4.
[157] От составителя // Практ. медицина. 1893. № 3. С. 3.
[158] См.: Белов С. В. Издательство В. А. Березовского // Воен.-ист. журн. 1989. № 11. С. 85—90.
[159] РО ИРЛИ. Ф. 377. Автобиография В. А. Березовского в фонде С. А. Венгерова.
[160] Там же; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 498.
[161] РО ИРЛИ. Ф. 377. Автобиография В. А. Березовского...
[162] Указатель к военному и литературному журналу «Разведчик» за десять лет. СПб., 1898. С. [1].
[163] Рус. инвалид. 1883. 15 апр.
[164] Там же. 1887. 17 янв.
[165] Там же. 1887. 12 дек.
[166] Правит. вестн. 1891. 12 июня.
[167] См. подробно: Кильдюшевская Л. К. Издательская деятельность «Картографического заведения А. Ильина» // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. СПб., 1992. Вып. 6. С. 97—111.
[168] Ильин А. А.: (К 10-летию смерти) // Природа и люди. 1899—1900. № 4. С. 7.
[169] Об издательской деятельности фирмы «Брокгауз-Ефрон», братьев Гранат и И. Н. Кнебеля см. 3-ю серию настоящего исследования. См. также: Белов С. В. Братья Гранат. М., 1982; Румянцева Т. Н. Деятельность издательства «Брокгауз и Ефрон» в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, 1889—1931 гг.: (Из истории прогрессив. кн. дела в России конца XIX — нач. XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987; Юниверг Л. И. Издательская деятельность И. Н. Кнебеля // Книга: Исслед. и материалы. 1990. Сб. 60. С. 141—162.

[170] См. подробно: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 86—155.

[171] О вятской ссылке Павленкова и о начале его издательской деятельности см.: Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976; Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 138—145.

[172] Черкасов В. Ф. Ф. Павленков: (Отрывки из воспоминаний) // Писарев Д. И. Сочинения: Полн. собр.: В 6 т. Доп. вып. СПб., 1907. Стб. 219.

[173] Голос минувшего. 1919. № 1—4. С. 170.

[174] См.: Рощевская Л. П. Павленков в Ялуторовске // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. Л., 1988. Вып. 3. С. 21—31.

[175] Там же. С. 26.

[176] Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 188—205; № 5. С. 149—159.

[177] Эти книги: Дю Монсель Т. Телефон, микрофон и фонограф / Пер. со 2-го франц. изд. Ф. Павленков и В. Черкасов. СПб.: Тип. б. А. М. Котомина, 1880. 324 с.; Тиссандье Г. Мученики науки / Пер. с франц. под ред. Ф. Павленкова. СПб.: Тип. б. А. М. Котомина, 1880. 360 с.; Объяснение к «Наглядным несообразностям»: Дет. задачи в картинках: (Для родителей и воспитателей). СПб.: Тип. б. А. М. Котомина, 1880. 16 с.; Наглядно-звуковые прописи к «Родному слову» К. Ушинского: Пособие для постеп. упражнений в письме, состоящее из образцов рукопис. букв, 400 немых картинок, 50 ребусов и объяснения, помещ. на обороте. СПб.: Тип. б. А. М. Котомина, 1880. 16 с.

[178] См. подробно: Горбунов Ю. А. «Наглядная азбука» Ф. Павленкова // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. Л., 1986. Вып. 2. С. 30—43. См. также: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 141—143; Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. С. 26—38.

[179] Гаршин В. М. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 3. С. 279—282.

[180] Воспитание и обучение. 1887. № 10. С. 231.

[181] Лубенец Т. Сборник арифметических задач. 4-е изд., испр. СПб., 1885. Тит. л.

[182] Руководство к «Нашему другу»: Книга для учащихся / Сост. Н. А. Корф. СПб., 1881; 2-е изд. 1882.

[183] О первом издании Павленковым учебника Гано см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 139; Рассудовская Н. М. Издатель Ф. Ф. Павленков (1839—1900): Очерк жизни и деятельности. М., 1960. С. 8.

[184] Герасимов М. А. Краткая физика: с 335 рис. и 214 практ. задачами в форме вопросов: Рук-во для город. и др. элементар. училищ. СПб., 1883.

[185] Бучинский Н. Начальная русская грамматика (в связи с практическими упражнениями) для приготовительного класса мужских гимназий и прогимназий. СПб., 1884; Русское слово: Сб. ст. и образцовых произв. рус. словесности, назначаемый для чтения и письм. упражнений в старшем классе город. училищ / Сост. А. В. Павлов. СПб., 1886.

[186] Григорович И. И. Очерки новейшей истории. 4-е изд., значит. доп. и в первый раз иллюстриров. 45 портр. ист. деятелей XIX в. СПб., 1883. Первые три издания этой книги назывались «Записки по новейшей истории».

[187] Новейшие русские писатели: Опыт хрестоматии периода русской словесности после Гоголя / Сост. А. Цветков. СПб., 1883. С. V.

[188] Там же. С. VII.

[189] Образование. 1893. № 2. С. 150—154.

[190] Вавилов И. Который час? Общедоступ. рук-во к построению всевозможных часов (горизонтальных, вертикальных, наклонных, экваториальных) и поверке обыкновенных часов по солнцу без помощи часовщика. СПб., 1889 (2-е изд. 1894); Жуковский Н. Воздушное садоводство: Практ. советы о разведении фруктовых деревьев и ягод. кустарников. СПб., 1889 (2-е изд. 1891).
[191] Белоусов И. А. Литературная среда. М., 1928. С. 68—70.
[192] Засодимский П. В. Задушевные рассказы. СПб., 1883—1884. Т. 1—2; 2-е изд. 1891—1893.
[193] Гаршин В. М. Указ. соч. С. 298.
[194] Успенский Г. И. Соч. 2-е изд., значит. доп. с портр. авт. и вступ. ст. Н. Михайловского. СПб., 1889—1891. Т. 1—2. В 1890-х гг. вышли 3-е и 4-е издания «Сочинений» Г. Успенского.
[195] Пушкин А. С. Соч.: Полн. собр.: В 1 т. СПб., 1887. С. II.
[196] См. подробно: Горбунов Ю. А. Павленковский Лермонтов // Книга: Исслед. и материалы. 1989. Сб. 59. С. 93—109.
[197] РГАЛИ. Ф. 400, оп. 1, д. 29. Л. 41—41 об.
[198] См.: Рассудовская Н. М. Указ. соч. С. 43.
[199] Рус. мысль. 1889. № 10. С. 446 (паг. 3-я).
[200] Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Арх.-библиогр. разыскания. М., 1962. С. 163—164.
[201] Жоли А. Психология великих людей: Пер. с фр. СПб., 1884 (2-е изд. 1890; 3-е изд. 1894); Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство: Параллель между великими людьми и помешанными / Пер. с 4-го итал. изд. К. Тетюшиновой. СПб., 1885. Книга переиздана в 1892 г. Обе книги вошли в серию «Популярная научная библиотека».
[202] РГИА. Ф. 776, оп. 1, д. 5. Л. 18.
[203] См. подробно: Люблинский С. Б. Подвижники книги: Е. Н. Водовозова, Л. Ф. Пантелеев, А. М. Калмыкова, О. Н. Попова, М. И. Водовозова. М., 1988. С. 18—36.
[204] Рейсер С. А. Л. Ф. Пантелеев // Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 10.
[205] Степанов И. Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия // Кн. и революция. 1920. № 5. С. 7.
[206] Кн. вестн. 1907. № 27. С. 821.
[207] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 473.
[208] Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953. С. 568.
[209] Добролюбов Н. А. Соч. 4-е изд. СПб., 1885. Тит. л., об.
[210] См.: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 643.
[211] Цит. по: Люблинский С. Б. Указ. соч. С. 30.
[212] См. там же. С. 31.
[213] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 26.
[214] Цит. по: Люблинский С. Б. Указ. соч. С. 33.
[215] Аллен Г. Чарльз Дарвин. СПб., 1887. С. 183.
[216] РО ИРЛИ. Ф. 224, д. 530. Отношение от 4 апр. 1884 г.
[217] Топинар П. Антропология. СПб., 1879. С. VII.
[218] См.: Бархатова Е. В. Русский книгоиздательский плакат конца XIX — начала XX в. // Русская и зарубежная графика в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 41.

Глава IV

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК, УНИВЕРСИТЕТОВ, НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ [1]

Академия наук

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. Академия наук располагала большим научным потенциалом. Здесь работали такие видные ученые, как математики П. Л. Чебышев и А. А. Марков, химики А. М. Бутлеров и Н. Н. Бекетов, физик А. В. Гадолин, астрономы О. А. Баклунд и Ф. А. Бредихин, ботаник А. С. Фаминцын, зоолог А. О. Ковалевский. Большое значение имели историко-литературные работы А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовского, И. В. Ягича, Л. Н. Майкова и др. Многие ученые совмещали научную работу с преподаванием в университетах и подготовкой молодых исследователей. Так, А. М. Бутлеров и И. В. Ягич читали лекции в Петербургском университете, Ф. И. Буслаев и Н. С. Тихонравов — в Московском, К. Н. Бестужев-Рюмин — на Высших женских курсах в Петербурге. В период с 1882 по 1895 г. членами-корреспондентами Академии наук избрано 76 русских ученых (из них действительными членами в этот же период стали 6 человек) и 127 зарубежных [2]. По словам С. И. Вавилова, в конце XIX в. начался долгий процесс превращения Академии наук «в национальный ученый центр»[3].

Вместе с тем деятельность Академии определялась давно уже не отвечавшим современным требованиям уставом от 8 января 1836 г., согласно которому в высшем научном учреждении страны могло работать небольшое количество ученых: 21 ординарный академик и 10 адъюнктов [4]. Хотя Академия и имела право включать в круг своих занятий любые науки (не рассчитывая на финансовую помощь государства), тем не менее в ее стенах не изучались целые дисциплины, такие, например, как юриспруденция. Академия постоянно испытывала материальные затруднения. Недостаток средств, помещений, приборов, обслуживающего персонала все время тормозил развитие научной деятельности. В 1882 г. академик А. М. Бутлеров писал: «...интерес к делам Академии и симпатии к ней самой — вполне исчезли в русском обществе, почин в научных предприятиях сравнительно редко принадлежит Академии, а сосредоточивается большею частью в разных ученых обществах; на ученых международных конгрессах представителями русской науки являются нередко не академики, а ученые, к Академии не принадлежащие; русские ученые труды минуют издания Академии и появляются в свет другими путями»[5].

Неоднократно возникал вопрос о пересмотре Устава 1836 г. Ученые единодушно высказывались за расширение деятельности Академии наук: за создание новых кафедр, налаживание связей с университетами и научными обществами, привлечение в Академию молодых ученых, увеличение денежных ассигнований. Но ни одна из попыток изменить существующее положение не увенчалась успехом.

Не способствовало развитию научной деятельности и назначение на руководящие посты людей, от науки далеких. Именно поэтому иногда ученые мирового масштаба, такие как Д. И. Менделеев, В. В. Марковников, И. М. Сеченов, А. Г. Столетов, по меткому выражению К. А. Тимирязева (писавшего о таком же положении в 1860-х гг.), «блистали в ней отсутствием»[6].

В 1882 г. на пост президента Академии наук был назначен Д. А. Толстой, один из ярых реакционеров, занимавший одновременно пост министра внутренних дел и шефа жандармов. После его смерти (1889 г.) президентом стал великий князь Константин Константинович. Пост вице-президента занимал академик В. Я. Буняковский, непременного секретаря — К. С. Веселовский. В конце 80-х и в 90-х гг. на посту вице-президента были академики Я. К. Грот (1889—1893) и Л. Н. Майков (1893—1900), в 1890 г. место непременного секретаря занял академик А. А. Штраух, в 1893 г.— Н. Ф. Дубровин.

Издательскую деятельность вели все три отделения Академии — физико-математическое, русского языка и словесности, историко-филологическое. Основным периодическим изданием на русском языке оставались «Записки Императорской Академии наук», выходившие с 1862 г. (с 1882 по 1895 г. было выпущено 36 томов в 55 книгах). В них помещались извлечения из протоколов заседаний общего собрания и отделений, отчеты по отделению русского языка и словесности, по физико-математическому и историко-филологическому отделениям, сообщения о новых изданиях Академии. В приложениях, количество которых к одному тому иногда достигало тринадцати, печатались научные исследования (в рассматриваемый период было опубликовано 220 названий). Цена одного тома «Записок», часто состоявшего из двух книг, колебалась от 2 р. 75 к. до 10 р., цена приложения — от 10 к. (например, «Новый вид контрольного барометра» Г. И. Вильда[7] или «Заметка об одной формуле, относящейся к теории чисел» В. Я. Буняковского[8]) до 4 р., которые надо было заплатить за работу А. С. Фаминцына «Обмен веществ и превращение энергии в растениях»[9]. В «Записках» печатались не только исследования действительных членов или членов-корреспондентов Академии. Около трети всех работ приходилось на долю ученых, непосредственно не работавших в ее подразделениях. Отметим исследования почетного профессора медицинской химии Императорского клинического института А. В. Пеля («Химическое разъяснение физиологического действия спермина»), приват-доцента Петербургского университета зоолога В. Т. Шевякова («К биологии простейших»)[10] и др.

С 1894 г. печатавшиеся на иностранных языках «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg» и «Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg» были переименованы в «Записки Императорской

Академии наук» (по физико-математическому и историко-филологическому отделениям) и «Известия Императорской Академии наук». Материалы в них печатались в основном на русском языке или на том, который выбирал автор. В связи с тем, что содержание этих двух серий стало совпадать с содержанием «Записок», выходивших с 1862 г., издание этих последних решено было прекратить. Вскоре тираж «Известий» (1500 экз.) был сокращен до 1200 экз., так как издание не расходилось [11].

Продолжали выходить и другие серийные издания: «Метеорологический сборник»[12], «Сборник Отделения русского языка и словесности»[13]. С 1894 г. под редакцией В. Г. Васильевского и В. Э. Регеля стал выходить (тиражом 510 экз.) «Византийский временник». Для его издания было решено отпускать из государственного казначейства по 3 500 р. ежегодно. Суммы, поступающие от подписки, разрешено было использовать для «улучшения журнала»[14]. С 1891 г. в томах «Mémoires» печатались труды Ботанической лаборатории.

Отдельных изданий на русском языке в рассматриваемый период было напечатано немного — около 35 названий, из них четвертую часть составили книги авторов, не работавших в Академии. В частности, была издана книга профессора Петербургского университета А. О. Ивановского «Mandjurica. Образцы солонского и дахурского языков» (1894). Число отдельных изданий, напечатанных на иностранных языках, незначительно превышало количество русских книг (их было около сорока). Это были исследования В. П. Безобразова, А. К. Наука, В. В. Радлова, А. С. Фаминцына и других ученых[15].

Книги стоили дорого — от 1 до 10 р. Цена первого выпуска «Трудов Орхонской экспедиции» Радлова (1892) была 15 р., а его же книга «Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи Императорской и Королевской придворной библиотеки в Вене» (1890) стоила 20 р.

Типография Академии наук считалась лучшей в Петербурге для печатания научных изданий. К ее помощи в исполнении особо сложных заказов обращались многие учреждения. До 1885 г. работой типографии руководил Л. И. Шренк, в 1885—1894 гг.— советник комитета правления Академии наук П. С. Яковлев, с 1895 г.— непременный секретарь Н. Ф. Дубровин [16]. В штате типографии в 1883 г. числился 121 человек, в 1895-м — 144. Примерно половину составляли наборщики (в 1883 г. их было 50, в 1894-м — 63) [17], большинство из которых владело мастерством набора сложнейших текстов. Они получали высокое жалованье (100—120 р. в месяц) [18], которое сохранялось и во время простоев, чтобы удержать высококвалифицированных специалистов [19].

Для характеристики деятельности типографии можно сравнить самые низкие (за 1888 г.) и самые высокие (за 1893 г.) показатели. Количество набранного текста составило соответственно 2 335 и 3 281 л.; оттиснуто 2 530 и 3 579 л.; напечатано на ручных станках 372 203 и 1 005 436 л.; на скоропечатных машинах 1 714 356 и 3 218 392 л.[20] Соответственно и чистая прибыль в 1888 г. составляла 5 386 р. 80 к., а в 1893 г.— 8 991 р. 62 к.[21]

Типография по праву гордилась своей коллекцией шрифтов, в создании которых принимали участие виднейшие ученые. В 1893 г. инженер-технолог Три-

политов в отчете об осмотре типографии сообщал, что там «демонстрируется оттиск набора молитвы „Отче наш" на 346 языках, европейских и восточных, а также шкаф с матрицами китайского письма свыше 5 000 штук»[22]. В 1895 г. на 1-й Всероссийской выставке печатного дела в Петербурге академическая типография награждена «дипломом признательности за участие на выставке вне конкурса»[23]. А. Бахтиаров отмечал тогда же, что типография — «единственная... в России и даже в Европе, которая имеет все „восточные шрифты"» — санскритские, арабские, китайские и т. д.[24]

В 1882 г. на содержание типографии было назначено 58 624 р. 87 к., с 1885 г.— 60 500 р.[25] Несмотря на то, что в 1888 г. эта сумма была увеличена до 66 325 р., а с 1892 г.— до 75 000 р.[26], этих средств все равно было недостаточно. Типография Академии наук всегда находилась в крайне затруднительном финансовом положении.

Печатание академических изданий было невыгодно для типографии, так как определенные проценты за них перечислялись в фонд Академии. Кроме того, в течение года приходилось печатать гораздо большее число листов, чем предварительно устанавливалось в смете. К тому же если на ремонт своего здания типография получала деньги от Академии наук, то все остальные расходы по его содержанию она должна была покрывать из собственных средств.

В отчете за 1893 г. инженера-технолога типографии Триполитова сказано, что на издание трудов Академии наук ежегодно ассигнуется 22 500 р., из которых 17 000 р.— для изданий физико-математического и историко-филологического отделений и 5 500 р. для изданий отделения русского языка и словесности. Работы по частным заказам количественно превосходят академические, но от них типография имеет ежегодную прибыль, которая, ввиду недостаточности ассигнуемой на издание академических трудов суммы в 22 500 р., идет в основном на покрытие издержек по изданиям отделений и мелких заказов комитета правления Академии. В целом на издание трудов академии в год расходовалось 25—30 тыс. р. при обороте типографии 70—80 тыс. р.[27]

В типографию неоднократно поступали жалобы на медленное печатание трудов Академии. В рапорте непременному секретарю Академии фактор типографии Мартенс заявлял, что те пять листов, которые типография печатает в течение дня (включая набор, печать, чтение и исправление корректур, верстку и т. д.), не могут считаться заниженной нормой, особенно если принять во внимание сложности набора многих текстов с таблицами и неудовлетворительное состояние одной скоропечатной машины, купленной еще в 1854 г.[28] В 1894 г. были приобретены две скоропечатные машины новейшей конструкции Аугсбургского завода за 4 075 р.[29], а в остальном положение типографии оставалось прежним.

Академик В. В. Радлов считал, что выходом из этой ситуации может быть только передача руководства типографией непременному секретарю Академии, который сможет соблюсти одновременно выгоду и Академии, и типографии[30].

Несмотря на материальные затруднения, тормозившие издательскую деятельность, Академия старалась изыскивать средства для выпуска новых продол-

жающихся изданий и книг. Так, в 1882 г. президент Академии Д. А. Толстой обратился к министру народного просвещения с просьбой предоставить для публикации архивных документов по русской истории, сверх назначенной суммы, 2,5 тыс. р. в 1882 г., а затем ежегодно по 5 тыс. р.[31] В открытии кредита на 1882 г. было отказано, так как сверхсметные кредиты допускались «лишь для расходов экстренных, не терпящих... ни малейшего отлагательства, к числу которых ни в коем случае» не мог быть отнесен «испрашиваемый расход», но в 1883, 1884 и 1885 гг. требуемая сумма была получена[32].

С 1885 г. по решению Государственного совета Академия ежегодно получала по 4 тыс. р. специально на работу по изданию архивных документов XVI и XVII столетий[33].

Были и другие источники финансирования издательской деятельности. Так, «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого» под редакцией Н. Ф. Дубровина (Т. 1—6, 1880—1901) начали печататься на средства, специально отпущенные из Кабинета Его Императорского Величества[34].

Для издания полного собрания сочинений В. Н. Татищева к 200-летнему юбилею со дня его рождения Академия должна была получить до 3 тыс. р. от праправнука историка — А. Н. Татищева. С 1883 г. под руководством академиков Н. В. Калачова и А. А. Куника началась активная работа по выявлению материалов в архивах Академии наук, Министерств финансов, юстиции, иностранных дел и др. Профессору Московского университета, члену-корреспонденту Академии Н. А. Попову было поручено написать предисловие и составить примечания к текстам. Но после смерти Н. В. Калачова в 1885 г. работа прекратилась. Ни один том собрания сочинений так и не был напечатан, а оставшиеся деньги (859 р. 90 к.) были возвращены А. Н. Татищеву[35].

После смерти П. Л. Чебышева в 1894 г. Академия наук получила 5 тыс. р. на издание его трудов от его брата В. Л. Чебышева[36].

Отделение русского языка и словесности вело работу по изданию сочинений отечественных писателей. В 1885 г. вышли 3 тома «Сочинений и переписки» П. А. Плетнева, в 1891—1895 гг.— «Сочинения» М. В. Ломоносова под редакцией и с примечаниями М. И. Сухомлинова. В 1894 г. посмертно издан труд Н. С. Тихонравова «Материалы для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина». Исследованием системы русского правописания занимался Я. К. Грот. В 1885 г. в «Сборнике Отделения русского языка и словесности» опубликована его работа «Русское правописание», представляющая собой свод научно обоснованных орфографических правил[37]. Появившаяся в 1886 г. книга с тем же названием выдержала до 1917 г. 22 издания. В 1887 г. Грот опубликовал исследование «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники»[38].

Продолжалась работа по изданию словарей. Ломоносовской премии был удостоен «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого (1885). В 1891—1895 гг. вышел в свет первый том «Словаря русского языка», подготовленный под руководством Грота. В 1890—1912 гг. печатался трехтомный труд И. И. Срезневского «Матери-

алы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», подготовленный к изданию дочерью ученого О. И. Срезневской. Видным литературоведом среди академических ученых второй половины XIX в. был А. Н. Веселовский, многие работы которого напечатаны в изданиях Академии: «Заметки по литературе и народной словесности» (1883), «Из истории романа и повести» (1886—1888), «Боккаччьо, его среда и сверстники» (1893—1894) и др.

Историко-филологическое отделение активно издавало документы по русской истории. В 1882 г. появился труд академика Н. Ф. Дубровина «Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.)», где опубликовано 450 ранее не издававшихся документов. Под его же редакцией в 1885—1889 гг. вышло четырехтомное издание «Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения». Для публикации «Писем и бумаг императора Петра Великого» под редакцией А. Ф. Бычкова из государственного казначейства неоднократно отпускались дополнительные средства (в 1888 г.— 10 824 р. 49 к., в 1891 — 8 250 р., в 1893 — 4 500 р.)[39]. Типография Академии художеств изготовила факсимиле к письмам Петра I. В 1890—1894 гг. вышли 2 тома «Актов Московского государства» XVI—XVII веков под редакцией Н. А. Попова. Это издание было завершено в 1901 г.

Археографическая комиссия продолжала издание «Полного собрания русских летописей».

Физико-математическое отделение Академии наук было ядром петербургской математической школы, возглавлявшейся П. Л. Чебышевым. Мировую известность получили его исследования по вопросам теории чисел, интегрирования алгебраических функций, математического анализа и теории вероятностей: «О двух теоремах относительно вероятностей», «О представлении предельных величин интегралов посредством интегральных вычетов», «О приближенных выражениях квадратного корня переменной через простые дроби»[40]. Активно печатали свои труды в изданиях Академии математики А. А. Марков, В. Г. Имшенецкий, Н. Я. Сонин, физик Г. И. Вильд, биолог, сторонник учения Ч. Дарвина В. В. Заленский, зоолог А. А. Штраух. В 1885 г. в приложении к «Запискам» вышла работа А. М. Бутлерова «Химическое строение и „теория замещения"»[41].

Значительное внимание уделялось изданию материалов научных экспедиций, организованных Академией наук. В 1883 г. был издан первый том исследования Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края». И. С. Поляков и А. М. Никольский опубликовали материалы экспедиций на остров Сахалин и в Японию: «Отчет об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии» (1884), «Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных» (1889). Труд члена-корреспондента Академии Ф. П. Кеппена «Географическое распространение хвойных деревьев в Европейской России и на Кавказе», вышедший в 1885 г., внес большой вклад в развитие географии растений. Итоги Орхонской экспедиции, проходившей под руководством В. В. Радлова, были подведены в «Предварительном отчете о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорскою Академиею наук экспедиции для археологического

исследования бассейна реки Орхона» (1892) и «Трудах Орхонской экспедиции» (Вып. 1—4, 1892—1899).

Такие издания снабжались картами, схемами, рисунками и имели довольно высокую цену. Например, вышедший в 1894 г. первый том труда океанографа С. О. Макарова «„Витязь" и Тихий океан. Гидрологические наблюдения, произведенные офицерами корвета „Витязь" во время кругосветного плавания 1886—1889 годов, и свод наблюдений над температурою и удельным весом воды Северного Тихого океана» стоил 6 р. 60 к. Текст печатался параллельно на русском и французском языках. Двенадцать таблиц, тридцать две карты и чертежи печатались в литографии А. Якобсона и «Картографическом заведении А. Ильина»[42].

С 1888 г. начал выходить многотомный богато иллюстрированный труд «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии» с параллельным текстом на русском и немецком языках. Сумма в 25 тыс. р. на это издание была пожалована цесаревичем Николаем Александровичем, а деньги, вырученные от продажи, должны были составить «особый капитал» для издания последующих томов[43]. Для этой книги использованы дорогие сорта бумаги (не в пример большинству академических изданий, выполненных на тонкой бумаге, часто желтоватого цвета, и выглядевших очень скромно).

Таким образом, в 80-е — первой половине 90-х гг. XIX в. Академия наук вела активную издательскую деятельность. Отдельные издания составляли небольшой процент выпускаемой ею продукции. В основном труды ученых публиковались в приложениях к повременным изданиям Академии, где, кроме трудов членов Академии, печатались и работы «сторонних» исследователей.

Начался постепенный переход к изданию подавляющего большинства работ на русском языке. Типография Академии постоянно испытывала недостаток в средствах и вынуждена была брать сторонние заказы, чем часто тормозилось издание академических работ. За дополнительными ассигнованиями приходилось обращаться в Государственный совет. Иногда некоторые суммы поступали от царствующего дома или от частных лиц. Но несмотря на материальные сложности, Академией наук в эти годы было издано много ценных работ, завоевавших мировую известность.

Университеты и научные общества

В рассматриваемый период издательская деятельность университетов[44] и научных обществ значительно отличалась от предыдущего периода, что определялось двумя основными факторами: снижением накала общественно-политической борьбы и поражением прогрессивных сил страны в борьбе против самодержавия в годы второй революционной ситуации. Временное торжество консервативных тенденций во всех сферах жизни не могло не коснуться как проблем развития науки, так и непосредственно научного книгопечатания.

В 1884 г., стремясь подавить общественную активность студентов и преподавателей высших учебных заведений, правительство утвердило новый универси-

тетский устав, скрытой целью которого было «ввести научные центры в общий строй самодержавно-полицейского государства...»[45]. По определению В. И. Ленина, этот устав, как и все прочие контрреформы 80-х гг., был пропитан духом «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции...»[46].

Все это неизбежно отразилось и на издательской деятельности университетов. Роль Советов, которым раньше принадлежала определяющая роль в издательском деле, была практически сведена на нет. Все руководство брали на себя ректор и назначаемые сверху деканы. Лишив университеты автономии, власти ограничили и их права на проведение собственной издательской политики. Издательская деятельность университетов была окончательно поставлена под контроль Министерства народного просвещения. В то же время в 1880—1890-е гг. из ряда университетов были изгнаны виднейшие ученые, много сделавшие в предшествующий период для развития научной книги. В течение 1880-х гг. из Московского университета были уволены В. А. Гольцев, С. А. Муромцев, Ф. Ф. Эрисман, М. М. Ковалевский и другие профессора. «Какой европейский университет мог бы снести без коренного потрясения такие потери...?»,— писал К. А. Тимирязев[47]. В 1890 г. из Петербургского университета вынужден был уйти Д. И. Менделеев. В то же самое время правительство преднамеренно держало университеты на «голодном пайке». В 1886—1894 гг. Государственный совет систематически сокращал расходы по Министерству народного просвещения. В целом к 1897 г. затраты государственного бюджета на нужды просвещения выросли с 3,5 % в 1861 г. всего лишь до 4 % общегосударственной сметы[48]. В 1886 г. известный ученый и деятель высшего образования Ф. Р. Остен-Сакен говорил С. В. Ковалевской: «Вы не можете себе представить, что нам иногда приходится не то что выпрашивать, а буквально выклянчивать какую-нибудь сумму в двести рублей»[49]. Некоторые университеты практически были вынуждены прекратить издание книг.

В то же самое время материальное положение подавляющего большинства ученых не позволяло им публиковать крупные исследования за свой счет[50].

И все же университеты оставались одними из главных центров научной и издательской деятельности. К. А. Тимирязев писал, что во 2-й половине XIX в. университеты являлись «показателями движения науки в стране..., центрами, к которым притягивались новые свежие силы»[51].

Одним из таких центров продолжал оставаться Петербургский университет. Издательская деятельность крупнейшего в стране высшего учебного заведения осложнялась не только обстоятельствами, вызванными реакционной политикой правительства, но и тем, что университет, как и прежде, не имел собственной типографии. Продолжалось размещение заказов в типографии Академии наук и других полиграфических предприятиях города (типографиях М. М. Стасюлевича, В. П. Безобразова, В. Ф. Демакова и др.). В качестве единого университетского органа продолжали выходить раз в полгода «Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета». С 1894 г. было принято решение выпускать их по одной книге в год. Ежегодно выпускались также «Годичные акты». Прерванные в 1869 г., они вновь стали выходить с 1884 г. С 1883 г. пе-

чатались и ежегодные «Отчеты о состоянии и деятельности Университета». Наряду с различным административно-информационным материалом, практически в каждый выпуск «Протоколов» и «Годичных актов» включались научные сообщения и статьи. В виде приложений к ним печатались и отдельные монографические исследования. Продолжали выходить «Записки историко-филологического факультета». Практически каждый их выпуск представлял собой персональную монографию. Среди них можно отметить такие известные работы, как «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях» Г. В. Форстена (1884), «Герберштейн и его историко-географические известия о России» Е. Е. Замысловского (1884), «Города Московского государства в XVI в.» Н. Д. Чечулина (1889), «Переход от средних веков к новому времени. Введение в историографию нового времени» Н. И. Кареева (1892).

В 1895 г. «Записки историко-филологического факультета» получили от Министерства народного просвещения дотацию в сумме 2 239 р.[52]

С 1886 г. университет начал издавать и «Ботанические записки».

Для того чтобы составить более четкое представление о постепенном развитии издательского дела в Петербургском университете, мы провели его сравнительный анализ за 1885 и 1894 гг. В 1885 г. профессорско-преподавательский состав университета опубликовал всего около 50 научных работ[53]. Из них 18 увидели свет на страницах научной периодики Германии, Франции и Италии, 8 статей были приняты к печати «Журналом Министерства народного просвещения», 10 работ появились в изданиях различных научных обществ, три исследования — в изданиях Академии наук. В то же время часть научно-популярных произведений была опубликована университетскими учеными в крупнейших общественно-политических и литературно-художественных журналах («Вестник Европы», «Русское богатство», «Новь», «Северный вестник», «Русская мысль»). Отдельными изданиями в 1885 г. выпущено всего 5—6 работ (в основном это популярные брошюры, лекции или публикации литературных и исторических памятников). И это при том, что в стенах университета продолжали свою деятельность Д. И. Менделеев, А. Н. Бекетов, Н. А. Меншуткин, А. И. Воейков, В. В. Докучаев и другие ученые мирового значения.

В 1894 г. учеными Петербургского университета было опубликовано уже 160 работ[54], причем количество зарубежных публикаций осталось прежним — 18. Увеличилось количество работ, увидевших свет в «Журнале Министерства народного просвещения», «Записках Академии наук» и периодических органах научных обществ (Русского физико-химического, Русского географического, Русского астрономического и других научных объединений). В то же время нельзя не отметить снижения значения собственно университетских изданий. Издательские возможности университета находились в явном противоречии с его творческим потенциалом и практически не отражали уровня университетской науки.

Особо следует отметить активное участие университетских ученых в издательской деятельности научных обществ, организованных при Петербургском университете. Наибольшую известность имели Историческое общество, выпус-

кавшее с 1890 г. «Историческое обозрение»[55], Общество естествоиспытателей, прославившееся изданием (совместно с Вольным экономическим обществом) знаменитого труда В. В. Докучаева «Русский чернозем» (1883 г.) и Русское физико-химическое общество, образовавшееся в 1878 г. «Журнал Русского физико-химического общества», бессменным редактором которого был Н. А. Меншуткин, объединял практически всех ведущих физиков и химиков страны. Отмечая заслуги Меншуткина, Н. Н. Бекетов говорил: «...издание нашего журнала, т. е. единственного нашего литературного органа, выражающего ученую деятельность нашего Общества... было организовано и постоянно развивалось и пополнялось единственно благодаря неусыпным трудам Н. А. Меншуткина, вложившего, можно сказать, в это издание всю свою душу»[56]. На страницах этого журнала выступали Д. И. Менделеев, А. Н. Бекетов, сам Меншуткин, Н. Е. Жуковский и другие выдающиеся ученые. С 1883 г. в нем начал публиковаться К. Э. Циолковский. В 1894—1895 учебном году в виде приложения к журналу стал печататься основанный Д. И. Менделеевым «Временник Главной палаты мер и весов». Наиболее важные исследования членов Общества выпускались отдельно. Так были изданы монографии Н. Е. Жуковского «О движении твердого тела, имеющего полости, наполненные однородной капельной жидкостью» (1885), Н. А. Меншуткина «Очерк развития химических воззрений» (1888) и О. Д. Хвольсона «Термодинамика. Механическая теория теплоты» (1895).

Значительно более активно велась издательская деятельность в Московском университете. В 1880-е — первой половине 1890-х гг. в нем работали такие выдающиеся ученые, как В. О. Ключевский, К. А. Тимирязев, Н. В. Склифосовский, Ф. Ф. Эрисман, В. В. Марковников, А. Г. Столетов, Н. Е. Жуковский. Объем издательской деятельности университета постоянно увеличивался. В 1884 г. его учеными было опубликовано около 70 работ[57], из них 18 — в зарубежных изданиях, 30 — в журналах научных обществ, 10 — в «Журнале Министерства народного просвещения», остальные вышли в «Ученых записках» университета. На издание этого органа университету ежегодно выделялось 748 р.[58]

Несмотря на наличие собственной типографии, издательские возможности университета не удовлетворяли работавших в нем ученых. Учитывая это, Совет ежегодно выделял 1171 р. на оплату печатания научных трудов в других типографиях[59].

О развитии издательского дела в Московском университете можно судить, сравнив приведенные выше данные с данными Отчета за 1894 г. В этом году профессорско-преподавательским составом было опубликовано уже 200 научных работ[60], из них 25 статей — в иностранных журналах. Больше публикаций стало появляться в «Ученых записках» университета и в изданиях Академии наук. Основная же часть трудов московских ученых увидела свет в периодических органах различных научных обществ. В этом году на «разное печатание» Совет выделил уже 5 550 р.[61]

Кроме того, Московский университет отличался и значительным объемом книгоиздания. Практически не было года, чтобы не выходили книги под его маркой. Среди них можно назвать такие вошедшие в историю науки произведе-

ния, как «Орнитологическая география Европейской России» М. А. Мензбира (Ч. 1, 1882), «Лекции по гидродинамике» Н. Е. Жуковского (Вып. 1, 1886), «Пятна на солнце и их движение» А. А. Белопольского (1886), «Введение в акустику и оптику» А. Г. Столетова (1895) и «Аэроплан, или птицеподобная (авиационная) летательная машина» К. Э. Циолковского (1895). Всего с начала 1880-х до середины 1890-х гг. было издано около 30 книг, в основном естественнонаучной тематики [62]. Кроме монографических исследований, в университетской типографии печатались труды различных его факультетов, лабораторий и других подразделений [63]. В то же время «Ученые записки» не раз выходили фактически в виде научных монографий. Так, в 1891 г. это было исследование А. Н. Гилярова «Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции», в 1892 г.— «Ранний итальянский гуманизм и его историография» М. С. Корелина.

Фактически такую же картину представляли и «Труды» Лаборатории зоологического музея.

Вне университетской типографии печатались редактировавшиеся Ф. Ф. Эрисманом «Сборники работ Гигиенической лаборатории». Правда, с 1880 по 1894 г. (годы существования этого издания) в свет вышло всего 5 томов.

Следует отметить, что сравнительно благополучное развитие издательской деятельности в Московском университете было в изучаемый нами период скорее «исключением из правил». В других университетах положение было значительно хуже. Так, типография Харьковского университета, долгое время служившая «проводником университетской и местной общественной мысли» [64], в 1880-х гг. утратила свое значение. Во многом это было обусловлено конкуренцией со стороны частных типографий и тем, что в 1884 г. университет прекратил публикацию своих «Записок», выходивших с 1873 г. Типография была вынуждена изготовлять, главным образом, бланки, формуляры, ведомости и выполнять другие мелкие работы. Все научные издания стали печататься в частных типографиях, так как университетская постепенно приходила в упадок и не могла выполнять даже относительно элементарных заказов по публикации математических, медицинских, химических и других текстов.

В 1892 г. Совет университета стал ходатайствовать о возобновлении общеуниверситетского печатного органа. Специальная комиссия выработала его программу. После двухкратного обращения в Министерство народного просвещения было получено принципиальное согласие на возобновление «Записок», которые стали выходить с начала 1893 г. по 4 книжки в год, не считая приложений. Редактором их до 1905 г. был Д. Н. Овсянико-Куликовский [65].

На протяжении многих лет научную репутацию Харьковского университета поддерживали созданные при нем научные общества. Всероссийскую известность имело Математическое общество, основанное в 1879 г. Его «Сообщения», в которых печатались ведущие математики не только Харькова, но и обеих столиц, частично выходили на средства университета, который ежегодно выделял Обществу по 250 р.[66] С 1884 г. труды Общества стали выходить за счет особой министерской субсидии и членских взносов. До 1888 г. они еще печатались в

университетской типографии, а затем все работы были переданы в частные типографии города. Кроме «Сообщений», Общество издавало и отдельные монографии. Среди них следует выделить труды известного математика А. М. Ляпунова [67]. Особое значение имела выпущенная Обществом его книга «Общая задача об устойчивости движения» (1892), которая, как отмечает Е. В. Соболева, «принесла ученому всемирную известность» [68]. Математическое общество обменивалось своими изданиями с 58 учреждениями, в том числе с 23 зарубежными [69].

Кроме Математического, при Харьковском университете действовали и другие научные общества: Историко-филологическое, Физико-химическое, Общество испытателей природы. Все они издавали свои труды, сборники и сообщения. Среди них особой активностью отличалось Историко-филологическое общество. В его уставе было определено, что цель Общества состоит в том, чтобы «способствовать посильными трудами, собраниями и изданиями развитию и распространению исторических и филологических знаний» [70]. Для достижения этой цели, кроме собирания и изучения рукописей, документов и книг, было решено издавать «ученые исследования, памятники, университетские учебники и пособия и др.» [71] В 1886 г. Общество начало выпускать «Сборник». Основное место в нем занимали работы, связанные с изучением истории и этнографии Украины. К 100-летию Г. С. Сковороды было подготовлено первое полное собрание его сочинений. Ежегодно Общество получало от университета 400 р. Однако основной доход поступал от членских взносов и продажи изданий. Среди активных деятелей Общества были такие известные ученые, как Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. А. Потебня, Д. И. Багалей.

Примерно в таком же положении находился и Киевский университет. В 1884 г., по случаю 50-летнего юбилея, им были изданы «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета св. Владимира (1834—1884)», первый том «Истории императорского университета св. Владимира», охватывающий царствование Николая I, и «Историко-статистические записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях университета св. Владимира (1834—1884)». На эти издания были запрошены специальные субсидии в Министерстве народного просвещения [72].

Правление университета практически было лишено возможности руководить издательской деятельностью. На любое издание испрашивались разрешения и субсидии министерства. Только после настоятельных прошений университету были выделены средства на издание трудов И. О. Шмальгаузена (1000 р.), М. Ф. Владимирского-Буданова (510 р.) и Г. Н. Минха (300 р.) [73]. В те же годы продолжалось субсидирование (400 р. в год) журнала «Вестник офтальмологии». Из своих специальных средств университет выдавал преподавателям от 198 до 300 р. на печатание магистерских диссертаций объемом до 10 п. л. [74]

При Киевском университете существовало несколько научных обществ. Более или менее систематически работало Историческое общество Нестора-Летописца. Среди тех, кто принимал участие в его работе, были ведущие преподаватели университета: В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. С. Икон-

ников и И. В. Лучицкий. В основном Общество занималось изучением истории Украины. Отсутствие средств затрудняло его издательскую деятельность. Общество официально существовало с 1873 г., но лишь в 1879 и 1888 гг. сумело выпустить по одному тому своих «Чтений». Только в 1889 г. киевские историки получили, наконец, средства, позволившие им начать регулярное издание «Чтений»[75].

Подобные же трудности испытывал и Новороссийский университет. Согласно отчетам за 1884—1885 учебный год, преподавателями университета было опубликовано примерно 50 научных работ[76], из них 7 за границей, 10 в «Записках Новороссийского университета», 14 в трудах научных обществ страны, а остальные в самых различных периодических органах — от «Вестника Европы» и «Русского богатства» до «Ведомостей Одесского городского управления». С середины 1880-х гг. и до конца века издательская деятельность Новороссийского университета, лишенная какой-либо материальной поддержки, развивается слабо. Продолжают выходить в свет лишь «Записки Новороссийского университета», отдельные тома которых фактически являлись персональными монографиями. В 1888 г. при университете было разрешено создать Историко-филологическое общество, которое, в основном, занималось проблемами славяноведения и византиноведения. В работе Общества участвовали такие известные ученые, как Ф. Е. Корш, Ф. И. Леонтович, А. И. Кирпичников. С 1890 г. Общество приступило к выпуску своей «Летописи».

В более выгодном положении находился один из старейших университетов России — Казанский[77]. Этому в немалой степени способствовало наличие у него собственной типографии. В 1884 г. учеными Казанского университета было опубликовано 70 исследований, из них примерно 40 — в университетских «Ученых записках» и «Известиях», 15 — в «Журнале Министерства народного просвещения», остальные — в изданиях различных научных обществ. Типографские расходы в 1884 г. составили 12 925 р., доходы — 15 790 р.[78] Однако университет не всегда мог издавать крупные монографические исследования, поскольку для этого не было средств. Обращения в Министерство народного просвещения часто заканчивались безрезультатно. Так, в 1884 г. профессору медицины И. М. Догелю было отказано в субсидии на переиздание «Руководства по фармакологии» — труда, в котором был обобщен весь накопленный к тому времени опыт специалистов этой отрасли медицины[79].

И все же издательская деятельность в Казанском университете продолжала развиваться. Это наглядно видно при сопоставлении приведенных нами данных за 1884 г. с данными за 1895 г., когда преподавателями было опубликовано примерно 140 научных работ[80]. Главным выразителем научной деятельности университета продолжали оставаться «Ученые записки»[81], некоторые тома которых целиком занимали отдельные монографические исследования. В 1894 г. это издание имело в России 21 платного подписчика, различным учреждениям и должностным лицам бесплатно рассылались 87 экз., за границу отправляли 65 экз. и в обмен на другие научные издания предназначалось 127 экз.[82] Отдельные типографские издания выпускались Казанским университетом не часто. Можно

назвать труды Н. О. Ковалевского[83], сборник научных статей в память Лобачевского[84] и сборник «Памяти „Русалки"»[85].

Сравнительно благополучное положение с издательским делом в Казанском университете обеспечивалось умелыми действиями руководства типографией, которая содержалась на собственные средства, без каких-либо дотаций со стороны министерства. Например, ее доход в 1894 г. составил 35 115 р., а расход 30 952 р.[86] Во многом хозяйственная устойчивость типографии объясняется правильным распределением работ. Так, в 1894 г. за выполнение заказов частных лиц типография получила 33 720 р., а печатание «Ученых записок» обошлось в 3 264 р. (университет ассигновал на это 1050 р.)[87]. Всего же печатных работ было произведено на сумму в 41 512 р.[88]

Был и еще один момент, также способствовавший успехам университетской типографии. Она была в техническом отношении самой обеспеченной в городе и, в отличие от многих крупных типографий в других городах, не испытывала особой конкуренции со стороны местных частных полиграфических предприятий.

Организованные при университете научные общества также пользовались услугами этой типографии[89]. В том же 1894 г. Общество естествоиспытателей ассигновало на издание своих трудов 1759 р., Общество археологии, истории и этнографии — 307 р. Доход от продажи этих изданий был минимальным. Например, на «Известия Физико-математического общества» подписывались в 1894 г. всего лишь 8 человек, и доход Общества от подписки составил 24 р. Общество археологии, истории и этнографии в том же году получило от продажи своих изданий 185 р.[90]

В 1888 г. был основан Томский университет — первый в Сибири. До 1895 г. в нем действовал только один — медицинский — факультет. Своей типографии университет не имел, все работы печатались в типографии П. И. Макушина. В первый год существования университета его ученые опубликовали 22 научные работы, 6 из них появились за рубежом, а остальные — в университетских «Известиях»[91]. На их издание было ассигновано 518 р. в год. Спустя несколько лет, в 1895 г., преподаватели университета опубликовали уже 34 работы (из них 13 — в «Известиях»)[92]. В 1895 г. на издание научных трудов было выделено уже 3 тыс. р., что должно было обеспечить выход в свет «Известий», а также «Трудов» и «Протоколов» основанного в 1889 г. при университете Общества естествоиспытателей и врачей[93].

Экономическое развитие России требовало от правительства энергичных мер, направленных на развитие науки и высшего образования. Так, небывалое железнодорожное строительство потребовало не только увеличить выпуск специалистов, но и начать широкие научные разработки в области железнодорожного дела. Это, в свою очередь, способствовало развитию издательской деятельности Петербургского института инженеров путей сообщения. В 1884 г. появился первый том «Сборника научных трудов», который был составлен из студенческих работ. В следующем, 1885 г. изданы сразу 2-й, 3-й, 4-й и 5-й выпуски «Сборника», куда вошли труды преподавателей. В 1886 г. институт опубли-

ковал «Руководство к курсу теоретической механики» Д. К. Бобылева, которое было переиздано в 1895 г. С 1888 г. институт смог расширить свою издательскую деятельность в связи с тем, что Министерство путей сообщения согласилось предоставить 500 р. специально для печатания учебных руководств[94]. Одной из первых была опубликована книга ректора института М. Н. Герсеванова «Общие понятия о портовых сооружениях». В том же 1888 г. в «Сборнике научных трудов» начали печататься «Курс практической механики» Л. В. Ландцерта (Т. 1—3, 1888—1889) и «Курс гидравлики» Ф. Е. Максименко (Вып. 1—5, 1888—1891). Тогда же выпущены работа Л. Ф. Шухтана «Эксплуатация железных дорог. Служба подвижного состава и тяги» (1888) и «Сборник статей и записок по различным техническим вопросам» Л. А. Еракова (1889).

Довольно активно развивалась издательская деятельность Петербургского Лесного института. В 1882 г. «в видах поощрения ученой деятельности состоящих при Институте лиц и для издания сочинений, каталогов, программ и т. п.» было выделено 657 р.[95] С 1883 г. в течение десяти лет на ведение институтом издательской деятельности выделялось 850 р. в год. С 1887 г. к этому прибавились 468 р. на печатание «Ежегодника С.-Петербургского Лесного института». Из крупных монографических трудов в рассматриваемый период институтом выпущены произведения выдающегося отечественного почвоведа П. А. Костычева «Учение об удобрении почв» (1884; 2-е изд. 1893) и «Почвы черноземной области России, их происхождение и состав» (Ч. 1, 1886).

1880-е — первая половина 1890-х гг. не были самым плодотворным периодом в истории научных обществ России. Общая политическая ситуация в стране не могла не наложить отпечатка и на их деятельность. В несколько более выгодных условиях находились технические и естественнонаучные объединения. Кроме правительственной, они пользовались также некоторой материальной поддержкой крупных промышленников и не подвергались такой идеологической регламентации, как гуманитарные общества.

В пункте втором устава Русского технического общества (РТО) говорилось, что одна из его задач состоит в том, чтобы «распространять теоретические и практические сведения посредством периодических и других изданий»[96]. Немало сделали для расширения издательской деятельности РТО его председатель П. А. Кочубей (1871—1892) и сменивший его на этом посту М. И. Кази. К началу 80-х гг. в основном уже сложилась целостная система периодических изданий РТО. В дальнейшем она лишь развивалась и совершенствовалась[97].

Отличительной чертой периодических изданий РТО была их взаимосвязанность[98]. Центральным органом на всем протяжении существования Общества оставались «Записки». Среди их руководителей и авторов были такие выдающиеся ученые, как Д. К. Чернов, Д. И. Менделеев, А. С. Попов, П. Н. Яблочков и Н. Е. Жуковский. В 1884 г. председатель Общества отметил: «Ни один из технических журналов не обладает таким блестящим и обширным составом сотрудников, притом бесплатных...»[99].

До 1885 г. «Записки» выходили 6 раз в год, затем ежемесячно. Подписная цена до 1890 г. была 8 р. в год, для членов РТО — 6 р. В 1890 г. цена подписки

возросла соответственно до 12 и 8 р. Тираж постоянно колебался от 600 до 1200 экз.[100]

В специальной записке, адресованной в Совет РТО в 1890 г., руководители его издательской деятельности М. Н. Герсеванов и В. И. Срезневский писали: «За последние годы были приняты меры к возможно широкому распространению „Записок Русского технического общества", некоторым улучшениям издания в типографском отношении и более аккуратному выпуску ежемесячных книжек. Принятые меры действительно способствовали улучшению бюджета издания...»[101]. В этом же документе были подведены некоторые итоги издания журнала с коммерческой точки зрения, которые можно суммировать следующим образом:

Приход от подписки и продажи по годам	Число подписчиков
1886 — 1 487 р.	175
1887 — 2 161 р.	189
1888 — 3 034 р.	229
1889 — 2 457 р.	271 [102]

Эти данные позволяют сделать вывод, что популярность журнала постепенно возрастала.

В среднем годовой расход на издание «Записок» составлял от 6,5 до 7 тыс. р., сумма ежегодной правительственной субсидии — 3 тыс. р. В 1890 г., обращаясь в Государственный совет с просьбой о продлении субсидирования, председатель Общества подчеркивал: «Принимая во внимание, что „Записки Русского технического общества" издаются с 1867 г. непрерывно и в этом отношении представляют единственный русский технический журнал, заключающий в себе статьи по важнейшим вопросам техники за означенный продолжительный период и имея в виду, что издание журнала на собственные средства в настоящем виде, и тем более в улучшении его, весьма желательное при скудности русской технической литературы, невозможно, Правление Русского технического общества просит продлить субсидию в 3000 руб. еще на 5 лет»[103].

Кроме периодических изданий, РТО постоянно стремилось выпускать и книги. Как отмечал А. Я. Черняк, одним из их крупнейших издательских предприятий был выпуск в 1881—1884 гг. двухтомного «Технического франко-русско-немецко-английского словаря»[104]. Среди изданных РТО книг можно отметить работы О. Д. Хвольсона «О метрической системе мер и весов и о ее введении в России» (1884) и С. К. Джевецкого «О сопротивлении воздуха в применении к полету птиц и аэропланов» (1887). В издательскую практику Общества, постоянно заботившегося о коммерческой стороне дела, вошла оплата авторами (полностью или частично) затрат на издание своих произведений. Обычный тираж выпускаемых РТО книг был 250 экз. Из них 50 экз. авторы получали бесплатно и распространяли самостоятельно, а остальные 200 оплачивали.

В 1880—1890-е гг. РТО не раз собирало свои съезды и организовывало различные комиссии, что освещалось в специальных изданиях[105].

Из провинциальных отделений особенно активно занимались издательской деятельностью филиалы РТО в Тифлисе, Баку, Киеве и Новороссийске.

От правительственных субсидий полностью зависело и развитие издательской деятельности Русского энтомологического общества. Только получая ежегодно от Министерства народного просвещения 2,5 тыс. р. и регулярные денежные подарки от высоких покровителей, в том числе от членов царской семьи, Общество могло более или менее регулярно выпускать свои «Труды» и другие издания. При этом владелец типолитографии, в которой на протяжении десятилетий печатались исследования энтомологов, А. Э. Мюнстер, с целью привлечь внимание к своему предприятию, «в течение долгого времени безвозмездно исполнял разные мелкие типографские работы для Общества...»[106].

Большие усилия для поддержания своей издательской деятельности прилагало Петербургское минералогическое общество. Его издания — «Записки» и (особенно) «Материалы по геологии России»[107] — были основной печатной трибуной русских геологов. В них опубликовано немало ценных исследований[108].

По мнению Д. И. Менделеева, публикации Московского общества испытателей природы «долгое время заключали в себе все, что помимо Академии наук доходило до мировой известности из русских работ по естествознанию...»[109].

Особенно активно это Общество стало издавать свои труды после того, как в 1887 г. их редактором стал известный ученый М. А. Мензбир. По его инициативе был организован выпуск «Материалов к познанию фауны, флоры и геологического строения Российской империи». В рассматриваемый период «Материалы...» издавались двумя сериями: «Отдел ботанический» (с 1890 по 1918 г. опубликовано 8 выпусков) и «Отдел зоологический» (с 1892 по 1918 г. вышло 15 выпусков). Некоторые выпуски представляли собой монографии, принадлежавшие известным ученым. Так, во 2-м выпуске зоологического отдела было опубликовано исследование Н. А. Зарудного «Орнитологическая фауна Закаспийского края» (1896).

Еще более активно работало другое московское научное объединение — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, получавшее ежегодно правительственную субсидию в сумме 2,5 тыс. р.[110] Это позволило Обществу создать целую систему изданий. Практически каждое его отделение выпускало свои повременные органы (зоологическое и антропологическое отделения — «Труды» и «Дневники», этнографическое — «Труды» и «Обозрение»). После того, как в 1881 г. физическое отделение Общества возглавил А. Г. Столетов, его издания приобрели большое научно-теоретическое значение. При активном участии другого известного ученого, А. П. Богданова, выходили в свет «Материалы для истории научной и практической деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с ней отраслям знаний». В 1888—1892 гг. Общество издало собрание сочинений одного из своих руководителей С. А. Усова[111].

Из обществ, объединявших ученых-гуманитариев, в несколько более привилегированном положении находилось Русское историческое общество. В какой-то мере это объясняется тем вниманием, которое царизм в эти годы уделял идеологическому обоснованию своей политики. В уставе Русского исторического общества было записано, что оно «издает под наблюдением Совета Сборник, выходящий в свет без определенных сроков и заключающий материалы в пол-

ном тексте, с объяснениями, примечаниями, комментариями, которые признаны будут необходимыми»[112]. Издание «Сборника» считалось «прямым и главным делом» Общества. Если с 1867 по 1882 г. было выпущено 34 тома, то в дальнейшем, до 1895 г., вышло еще 60 томов. В них опубликован и обобщен гигантский архивный материал по истории внутренней и внешней политики России. «Сборник» издавался при непосредственном участии таких видных ученых, как В. И. Сергеевич, Я. К. Грот, А. Ф. Бычков, К. Н. Бестужев-Рюмин и др. Отдельные тома выпускались вторым изданием. Например, 35-й том («Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством») вышел первоначально в 1882, а затем вновь в 1892 г. Подобную «роскошь» Историческое общество могло себе позволить в силу того, что, пожалуй, из всех научных обществ страны оно пользовалось наибольшим вниманием и поддержкой правительства и лично Александра III. Каждый том издавался тиражом в 1200—1900 экз. и на него затрачивалось от 1230 до 1416 р.[113] Объем «Сборников» доходил до 35 п. л., и каждый лист обходился почти в 20 р. Для него использовалась хорошая бумага по цене более 5 р. за стопу, а иллюстрации печатались на специальной альбомной бумаге стоимостью более 15 р. за стопу [114]. Ежегодно, специально для издания исторических документов, Общество получало от правительства 6 тыс. р. Дополнительно выделялось еще около 2 тыс. р. на публикацию дипломатических документов [115]. «Сборники Русского исторического общества» были предназначены отнюдь не для распространения среди широких масс. Об этом говорит и цена каждого тома — 3 р.[116] Из общего тиража 500 экз. бесплатно рассылались в учебные заведения России и за границу.

В эти же годы велась подготовительная работа над «Русским биографическим словарем», первый том которого вышел в свет в 1896 г.

Развитие гуманитарных наук привело к созданию в 80-х — первой половине 90-х гг. четырнадцати губернских ученых архивных комиссий. Высочайшее разрешение на создание первых четырех подписано в 1884 г.[117] Позднее новые комиссии образовывались почти ежегодно. Они были призваны объединить усилия местных ученых по выявлению, сохранению и публикации документов и материалов из местных архивов.

В «Положении» 1884 г. о создании комиссий сразу оговаривалось, что «расходы, необходимые на содержание и занятия архивных комиссий, покрываются из средств, имеющихся в распоряжении Археологического института, и из местных пожертвований на пользу науки»[118]. Фактически бюджет комиссий складывался из взносов их членов, субсидий от земств, городских властей и доходов от продажи изданий.

Большинство губернских архивных комиссий имело свои печатные органы, которые выходили, как правило, по мере накопления материала. На страницах «Трудов», «Известий» и прочих сборников и журналов опубликован уникальный исторический материал. Рост числа комиссий и увеличение объема публикаций к началу 90-х гг. привели к необходимости упорядочить издательскую деятельность комиссий. В 1891 г. председатель Костромской комиссии, извест-

ный историк-архивист Н. Н. Селифонтов внес следующее предложение: «...сначала, на первом месте, рекомендовать оглашение в печати сведений о поступивших в Комиссию исторических материалах, в форме перечневых описей им, затем печатание обзоров целых собраний актов или коллекций предметов, ознакомление публики, путем печати, с точным изложением текста наиболее важных актов... и, наконец, издание научных исследований по истории края»[119]. Среди вопросов, требующих разъяснений, был и вопрос «о подцензурности или неподцензурности изданий, выпускаемых Комиссиями помимо печатаемых ими в губернских ведомостях статей, журналов и протоколов»[120]. Н. Н. Селифонтов предложил также, чтобы губернаторы облегчили расходы комиссий по печатанию в губернских типографиях их материалов. Он подчеркнул, что помещение в «Губернских ведомостях» трудов комиссий приведет к увеличению числа подписчиков, а «полученный таким образом барыш покроет расходы типографий по набору, печатанию и корректуре текстов, сообщаемых Комиссиями»[121].

Активность губернских архивных комиссий была неодинакова и определялась целым рядом факторов: уровнем местных научных кадров, их организаторскими и финансовыми возможностями, отношениями с местной администрацией и т. д. Например, в официальном обзоре деятельности Костромской архивной комиссии за 1890 г. отмечалось, что она действовала «при самых неблагоприятных условиях...». «Денежные средства комиссии состояли из 200 руб., получаемых от Министерства юстиции»[122]. И только с 1891 г. она, наконец, стала получать дотацию в размере 500 р. в год от местного губернского земского собрания[123]. Несмотря на недостаток средств, Костромская комиссия сумела в 1880-е гг. издать три работы И. В. Миловидова: «Материалы для истории Костромы» (1887) и «Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича» (1886) и «Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря» (Вып. 1—2, 1887—1888). Сам Селифонтов выпустил свой собственный труд «Родословная Селифонтовых и Румянцевых» (1890). Славу этой архивной комиссии принесли изданные в 1890—1894 гг. три выпуска сборника «Костромская старина», вобравшие в себя ценнейшие материалы по истории края[124]. Успешная работа Костромской комиссии во многом определялась активностью и бескорыстным подвижничеством ее председателя Н. Н. Селифонтова.

С 1888 г. начала свою работу Пермская губернская архивная комиссия, но к выпуску своих «Трудов» (по одному тому в год) она смогла приступить только в 1892 г. Редакционную комиссию возглавил председатель комиссии А. А. Дмитриев. На свою издательскую деятельность комиссия получала ежегодно 300 р. от Пермской городской думы и 200 р. от местного земства[125]. Это позволило ей выпускать не только «Труды», но и отдельные издания. Среди них наибольшую известность получила серия монографий, объединенная под общим заглавием «Пермская старина». В рамках этой серии вышли в свет работы А. А. Дмитриева «Древности бывшей Перми Великой» (1888), «Пермь Великая в XVI в.» (1890), «Экономические очерки Перми Великой. Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв.» (1891) и др.

Одной из наиболее активных комиссий была Тверская, начавшая свою деятельность в 1884 г. В работе этой комиссии большое значение имела поддержка со стороны местного земства, известного своими особенно либеральными традициями. Всего, помимо «Журналов заседаний» и «Отчетов о деятельности», Тверская архивная комиссия с 1884 по 1895 г. издала около 40 книг и брошюр [126].

Многие архивные комиссии вели в те годы значительно более скромную издательскую деятельность. Главной причиной этого являлось отсутствие средств. Финансирование было скудным, продажа собственных изданий давала ничтожный доход. Так, например, в 1892 г. Таврическая архивная комиссия получила за свои издания 3 р., тогда как израсходовано было на типографские работы 335 р. В 1893 г. Орловская комиссия выручила за свои издания 170 р., затратив на бумагу и брошюровку 197 р.[127] Практически ни одна комиссия не имела дохода от своих изданий, который позволил бы продолжать работу не пользуясь специальными дотациями.

В те же годы продолжали действовать и старые, широко известные историко-филологические научные общества. В устав Общества любителей российской словесности при Московском университете в 1890 г. был внесен следующий пункт: «Казначей заведует также складом изданий Общества, причем Общество может иметь своих комиссионеров по продаже этих изданий»[128]. Введение этого пункта вызвано оживлением издательской деятельности Общества. Во главе специальной издательской комиссии стояли в рассматриваемый период такие известные специалисты, как Н. С. Тихонравов, Н. И. Стороженко, С. А. Юрьев, А. Н. Веселовский, Д. Д. Языков, В. Е. Якушкин. Под их руководством в 1887 г. осуществлены первые подлинно научные издания «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Полтавы». Комиссия предполагала издать специальный сборник к 75-летию Общества (1886 г.), но выпустить его в свет не удалось. Часть подготовленных материалов вошла в опубликованный несколько позднее «Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 г.» (М., 1891). В 1894 г. совместно с Московским Археологическим обществом был издан специальный сборник «Памяти Николая Саввича Тихонравова», посвященный выдающемуся ученому и организатору науки, многолетнему руководителю Общества и ректору Московского университета. В те же 1890-е гг. были выпущены два выпуска сборника «Почин» (первый из них вышел в свет при материальной поддержке известного московского издателя и мецената К. Т. Солдатенкова) [129]. Среди участников этих сборников такие ученые, как А. Н. Пыпин, Ф. И. Буслаев, И. В. Забелин и др.

В 1880-е гг. некоторые научные общества были вынуждены перестраивать свою издательскую работу. В 1882 г. Русское археологическое общество прекратило выпуск «Известий», пересмотрело свой устав и создало специальный редакционный комитет. Он начал выпускать «Записки», каждый том которых выходил в объеме 30—35 п. л. и состоял из двух отделов. В первом печатались крупные монографические исследования, во втором — протоколы заседаний Общества и небольшие статьи. С 1885 г. по 1895 г. вышли в свет восемь томов «Записок». Некоторое время, по инициативе А. Ф. Бычкова, в «Записках» суще-

ствовал и третий отдел, куда включались биографические заметки и материалы информационного характера [130]. С 1886 г. отдельно стали выходить «Записки Отделения русской и славянской археологии» и «Записки Восточного отделения». Еще в 1875 г. видный востоковед А. Я. Гаркави поставил перед Обществом вопрос об издании свода известных к тому времени древнегреческих надписей, найденных на юге России. Однако только в 1882 г. началась работа в этом направлении. В 1885 г. вышел в свет первый, а в 1890 г. второй том труда В. В. Латышева «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini». Печатание осложнялось тем, что в типографии Академии наук, куда был отдан этот труд, не хватало древнегреческих и латинских шрифтов. Обществу пришлось за свой счет изготовить необходимые пунсоны и матрицы [131]. Члены Общества не раз полностью или частично оплачивали публикации своих работ. Так, для сборника еврейских надписей Д. А. Хвольсон сделал на свои средства специальные таблицы, воспроизводящие эти надписи. Книга вышла в 1884 г. тиражом 250 экз., объемом в 33 п. л.[132] Издания, выпускаемые Археологическим обществом, требовали значительных финансовых затрат. В то же время доход от их продажи был весьма незначителен: в 1883 г.— 218 р., в 1885 г.— 511, в 1886 г.— 838, в 1887 г.— 512, в 1890 г.— 233, в 1891 г.— 124, в 1895 г.— 206 р.[133]

Изданию археологических материалов, несомненно, вредило отсутствие связей в этой области между Русским и Московским археологическими обществами. Последнее объединение также довольно энергично занималось издательской деятельностью. В рассматриваемый период оно выпускало свои труды (выходившие с 1865 г. под названием «Древности»), «Древности восточные» (с 1889 г.), «Материалы по археологии Кавказа» (с 1888 г.), «Археологические известия и заметки» (с 1893 по 1899 г.) [134]. Сосредоточив основное внимание на выпуске повременных изданий, это Общество практически не издавало отдельных монографических исследований. Можно отметить только начавшие выходить в 1893 г. отдельными выпусками под редакцией Д. Н. Анучина «Материалы по археологии восточных губерний России». Это издание было осуществлено на «высочайше дарованные средства».

Постоянная Археологическая комиссия существовала и при Министерстве Императорского двора. Располагая довольно значительными средствами, она в серии «Материалы по археологии России» выпустила несколько книг, в том числе такую известную, как «Сибирские древности» В. В. Радлова. С 1890 г. Комиссия начала выпуск серии «Древности Северо-Западного края», а с 1891 г. «Древности Южной России».

Пожалуй, из всех гуманитарных научных обществ наиболее активную публикаторскую деятельность вело Общество любителей древней письменности, возникшее в 1876 г. В параграфе 1 его Устава записано, что Общество «имеет целью издавать славяно-русские рукописи, замечательные в литературном, научном, художественном или бытовом отношении, и перепечатывать книги, сделавшиеся библиографической редкостью, без исправлений»[135].

В списке изданий Общества перечислено 113 названий, опубликованных с 1881 г. по 1891 г.[136] В подготовке факсимильных изданий и публикаций текстов

участвовали такие ведущие специалисты, как А. Н. Пыпин, А. Ф. Бычков, Л. Н. Майков, В. В. Стасов и др.

Основной тираж распространялся среди членов Общества. Вне его стен расходилось всего лишь до 50 экз. выпущенных изданий. Поэтому доходы от их продажи были весьма незначительны. Так, на 1 апреля 1891 г. в кассе Общества числилось 27 р., вырученных от продажи книг[137]. Часть этих изданий закупалась различными учреждениями. В 1891—1892 гг., например, от них было получено 600 р.[138] В начале 90-х гг. часть тиражей Общество стало передавать на комиссию А. С. Суворину и М. М. Стасюлевичу. Однако на складах Общества постоянно находилось большое количество нераспроданных книг. Только в 1892 г. было принято решение передать в розничную продажу издания 1878—1891 гг.[139]

Естественно, что при практически полном отсутствии доходов от реализации изданий Общество могло проводить столь широкую публикаторскую деятельность лишь при наличии постоянных крупных дотаций со стороны правительства и меценатов. Например, в бюджете на 1892—1893 гг. расходы на издания составили около 4 тыс. р.[140] Одним из крупнейших меценатов был граф С. Д. Шереметев, возглавлявший Общество на протяжении ряда лет. В рассматриваемый период он неоднократно субсидировал выпуск изданий Общества. Иногда деньги предоставлялись для издания конкретных книг[141].

Активную издательскую деятельность вела Археографическая комиссия при Министерстве народного просвещения, работа которой полностью зависела от правительственных дотаций. За рассматриваемый период вышли 9, 10 и 11 выпуски «Летописи занятий Археографической комиссии», где опубликован разнообразный материал по истории России: тексты исторических источников, исследовательские работы, а также сведения о деятельности Археографической комиссии, содержащиеся в протоколах ее заседаний. Заслуживают упоминания вышедшие в 1884—1893 гг. четыре тома «Розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках». Продолжалось издание «Русской исторической библиотеки». С 1882 по 1895 г. было выпущено 9 томов. Отметим «Записные книги Московского стола» (Т. 1—3, 1884—1889); «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени» (1891); «Акты Холмогорской и Устюжской епархий» (Ч. 1—2, 1890—1894).

Среди других аналогичных организаций выделяется своей издательской активностью Киевская комиссия для разбора древних актов[142]. В 1882 г. В. Б. Антоновича на посту главного редактора Комиссии заменил М. Ф. Владимирский-Буданов. Человек активный, имевший широкие научные связи, он сумел за 10 лет организовать выпуск 15 крупных изданий. Среди них — очередные тома «Архива Юго-Западной России», «Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси» (1888), второй том «Указателя к изданиям Временной комиссии для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (с 1845 по 1877 г.)» (1882).

Из всех научных обществ России в 80—90-е гг. XIX в. наиболее разветвленной издательской структурой обладало Русское географическое общество. Попрежнему продолжали выходить его «Записки», многие тома которых, как и

раньше, представляли собой отдельные монографии. Каждый том «Записок» (объемом в 20—30 п. л.) редактировался такими крупными учеными, как М. Н. Богданов, Р. Э. Ленц и др.[143] В 1890—1894 гг. выходил «Метеорологический сборник», с 1890 г.— журнал «Живая старина». С 1890 г. Общество стало выпускать также свои «Ежегодники». В отличие от большинства других научных объединений Географическое общество, кроме периодических журналов и продолжающихся изданий, публиковало и значительное число книг. До 1885 г. под руководством главы общества П. П. Семенова продолжались начатые еще в 1860-е гг. работы по созданию «Географическо-статистического словаря Российской империи». В 1880-х гг. закончена публикация трудов Н. М. Пржевальского[144]. Отдельными изданиями опубликованы «Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова» (СПб., 1892—1895. Ч. 1—2), «Труды» первых русских полярных станций[145] и другие работы. Среди выпущенных Обществом монографий были и такие важные в научном отношении книги, как вышедшая в 1884—1886 гг. в двух томах монография Г. Н. Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия».

Русское географическое общество, пожалуй, более всех остальных зависело от поддержки правительства. Ведь только при наличии огромных средств возможна была планомерная организация научных экспедиций в отдаленные районы Империи. Некоторая часть этих средств предназначалась и для публикации полученных экспедициями данных. Любое издание, выходившее за пределы назначенной сметы, требовало уже специального обращения за помощью в различные министерства. Так, в 1882 г. известный исследователь Сибири Р. К. Маак при поддержке Общества обратился в Министерство народного просвещения с просьбой выделить средства на переиздание погибшего во время пожара тиража его книги о Вилюйском округе Якутии[146], созданной в результате ряда экспедиций в этот, тогда слабо изученный район русского Севера. Автор произвел специальные расчеты, на основании которых просил выделить ему 2 тыс. р., так как именно эта сумма требовалась для издания 500 экз. книги в 300 страниц с картами и рисунками[147]. Его просьба была активно поддержана Географическим обществом. В своем прошении в министерство оно особо подчеркнуло не только чисто научную, но и практическую значимость этой работы. В результате министерством было принято решение о субсидировании издания всех томов этого исследования[148]. На каждый том выделялось по 2 тыс. р. Издание было завершено в 1887 г.[149]

Отличительной чертой Русского географического общества была небывалая активность его местных отделений, особенно сибирских[150].

Издательская деятельность основных научных обществ России была значительной и интенсивной. Она развивалась несколько более свободно, чем издательская деятельность университетов, поскольку не подвергалась столь строгому контролю и регламентации со стороны властей и имела более разнообразные источники финансирования. Издания научных обществ не только дополняли университетские, они являлись необходимым элементом всей системы научного книгопечатания в России.

В 80-е — первой половине 90-х гг. XIX в. правительство, оказывая материальную поддержку многим научным обществам, в то же время резко сократило персональные субсидии отдельным ученым на издание ими своих трудов. Нами выявлены лишь единичные случаи, когда правительственные учреждения выделяли средства на эти цели. В 1882 г. профессор Петербургского университета А. А. Иностранцев отпечатал на средства Министерства народного просвещения свою монографию «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера». Департамент торговли и мануфактуры выделил деньги на издание работы профессора И. И. Янжула «Фабричный быт Московской губернии» (1884), а Телеграфный департамент издал научно-популярные лекции по физике О. Д. Хвольсона [151]. Д. И. Менделеев опубликовал ряд своих работ при поддержке Горного департамента [152].

По-прежнему некоторые ученые были вынуждены искать богатых меценатов. Так, П. Ф. Лесгафт нашел такового в лице известного сибирского промышленника И. М. Сибирякова, который помог ему выпустить в свет важнейшие труды [153].

Часть ученых, располагавших собственными средствами, не найдя поддержки в крупных научных учреждениях, печатала свои книги самостоятельно. Так, например, были изданы труды А. П. Богданова, В. В. Докучаева, В. Ф. Миллера и многих других [154].

* * *

К 90-м гг. XIX в. все больше стал сказываться разрыв между потенциальными возможностями отечественной науки и требованиями социально-экономического развития страны, с одной стороны, и реакционным курсом самодержавия — с другой. Попытка предельно ограничить доступ к высшему образованию представителям народа, подавление демократических тенденций в развитии науки привели к тому, что значительная часть ученых стала печатать свои труды в крупных частных издательствах. Это неизбежно привело к снижению значения университетов и научных обществ как издательских центров. Однако удельный вес научной и научно-технической книги в общем книжном потоке занимал в рассматриваемый нами период заметное место и составлял, по данным А. Е. Яновского, около 22 % (среди них медицинские сочинения — 7,65 %, исторические — 6,29 %, сочинения по политическим наукам и финансам — 4,88 %, по правоведению — 3,44 %) [155].

В эти годы научная книга, как тип издания, еще не получила своего четкого оформления. Наличие научного аппарата еще не стало ее отличительной чертой, состав аппарата еще не определился. Авторы и издатели, главным образом, в целях экономии, далеко не всегда прибегали к созданию стройной системы ссылок, составлению вспомогательных указателей, публикации списков источников и литературы.

Научное книгоиздание в известной степени отражало состояние науки в стране в целом. Сеть научных учреждений, сложившаяся в основном еще в первой половине XIX в., их внутреннее устройство и взаимоотношения к концу сто-

летия уже не соответствовали потребностям науки. Большим недостатком было практически полное отсутствие координации издательских намерений Академии наук, университетов и научных обществ. Таким образом, прогресс в развитии издательского дела этих учреждений и обществ полностью зависел от процесса реформирования организации самой науки в России.

Примечания

[1] Об издательской деятельности Академии наук, университетов и научных обществ в 1860—1870-х гг. см.: Книга в России, 1861—1881. М., 1990. Т. 2. С. 103—139.

[2] Подсчитано по изд.: Академия наук СССР: Персональный состав. Кн. 1: 1724—1917. М., 1974. С. 153—169, 397—430.

[3] Вавилов С. И. Собр. соч. М., 1956. Т. 3. С. 808.

[4] Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 93.

[5] Бутлеров А. Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге? // Русь. 1882. 20 февр. С. 20.

[6] Тимирязев К. А. Соч. М., 1939. Т. 8. С. 147.

[7] Записки Императорской Академии наук. 1883. Т. 45, № 5. 15 с.

[8] Там же. 1887. Т. 55. Кн. 1, № 5. 16 с.

[9] Там же. 1883. Т. 46, № 1. 816 с.

[10] Там же. 1893. Т. 71, № 2. 18 с.; 1895. Т. 75. Кн. 1, № 1. 96 с.

[11] ПФА РАН. Ф. 4, оп. 2, 1895 г., д. 15. Л. 1.

[12] В 1890—1894 гг. статьи на русском языке из него выпущены отдельным изданием под редакцией Г. И. Вильда. (Метеорологический сборник. СПб., 1890—1895. Т. 1—4).

[13] До 1872 г. издание называлось «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности».

[14] ПФА РАН. Ф. 4, оп. 2, 1894 г., д. 61. Л. 4; оп. 2, 1895 г., д. 91. Л. 8.

[15] Например: Besobrasof W. Etudes sur l'économie nationale de la Russie: Région (centrale) industrielle de Moscou. 1883—1886. T. 1—3; Nauck A. Tragical dictionis index spectans ad tragicorum graecorum fragmenta. 1892.

[16] Академическая типография, 1726—1928 / Сост. Д. В. Юферов, Г. Н. Соколовский. Л., 1928. С. 61.

[17] РГИА. Ф. 733, оп. 203, д. 3. Л. 28 об.; д. 14. Л. 57 об.—58; д. 12. Л. 44.

[18] ПФА РАН. Ф. 2, оп. 1, 1894 г., д. 19. Л. 3 об.

[19] Петров А. Н., Царт И. Д. Первая академическая: К 250-летию 1-й типографии издательства «Наука». Л., 1977. С. 41.

[20] РГИА. Ф. 733, оп. 203, д. 7. Л. 38; д. 12. Л. 45—45 об.

[21] Там же, д. 7. Л. 39; д. 12. Л. 46.

[22] ПФА РАН. Ф. 2, оп. 1, 1894 г., д. 19. Л. 5.

[23] Там же. Ф. 49, оп. 1, д. 384.

[24] Бахтиаров А. А. Путеводитель по Первой Всероссийской выставке печатного дела // Обзор Первой Всероссийской выставки печатного дела. 1895. № 3. С. 3.

[25] РГИА. Ф. 733, оп. 203, д. 3. Л. 39 об.; д. 4. Л. 27.

[26] Там же, д. 7. Л. 43 об.; д. 11. Л. 36 об.

[27] ПФА РАН. Ф. 2, оп. 1, 1894 г., д. 19. Л. 3.

[28] Там же. Л. 7 об.
[29] Там же. Ф. 4, оп. 2, 1894 г., д. 81. Л. 1, 10.
[30] Там же. Ф. 2, оп. 1, 1894 г., д. 19. Л. 23.
[31] Там же, оп. 1, 1882 г., д. 5. Л. 2—2 об.
[32] Там же. Л. 4—5.
[33] Там же. Ф. 4, оп. 2, 1884 г., д. 40. Л. 7.
[34] Там же. Л. 59.
[35] Там же. Ф. 2, оп. 1, 1883 г., д. 8. Л. 2, 6, 32, 130, 138.
[36] Там же. Ф. 4, оп. 2, 1895 г., д. 34. Л. 1.
[37] Сборник Отделения русского языка и словесности. 1885. Т. 36, № 1. 112 с.
[38] Там же. 1887. Т. 42, № 4. 320 с.
[39] ПФА РАН. Ф. 4, оп. 2, 1888 г., д. 19. Л. 4, 78; оп. 2, 1893 г., д. 59. Л. 1.
[40] Записки Императорской Академии наук. 1887. Т. 55, № 6. 16 с.; 1885. Т. 51, № 4. 25 с.; 1889. Т. 61, № 1. 22 с.
[41] Там же. 1885. Т. 50. Кн. 1, № 2. 34 с.
[42] ПФА РАН. Ф. 4, оп. 2, 1894 г., д. 29. Л. 247, 252.
[43] Там же. Ф. 2, оп. 1, 1887 г., д. 3. Л. 3; Ф. 4, оп. 2, 1887 г., д. 58. Л. 1, 32—32 об.
[44] В разделе рассматривается также издательская деятельность некоторых других высших учебных заведений.
[45] Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. С. 30.
[46] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 295.
[47] Тимирязев К. А. Наука и демократия. М., 1963. С. 19.
[48] Соболева Е. В. Указ. соч. С. 55.
[49] Цит. по: Воронцова Л. Софья Ковалевская. М., 1959. С. 237.
[50] Например, 6-е изд. «Основ химии» (1895 г.) тиражом в 7,5 тыс. экз. обошлось Д. И. Менделееву в 6 тыс. р. (Архив Д. И. Менделеева. Л., 1951. С. 98). В то же время ординарные академики и профессора Петербургского и Московского университетов получали до 3 тыс. р. в год.
[51] Тимирязев К. А. Пробуждение естествознания в третьей четверти века // История России в XIX в. СПб., [1909]. Т. 7. С. 7.
[52] РГИА. Ф. 733, оп. 203, д. 251. Л. 66.
[53] Подсчитано по: Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1886 г. СПб., 1886.
[54] Подсчитано по: Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1895 г. СПб., 1895.
[55] См.: Есенгараев Е. Ж. Научные общества и их роль в исторической науке России (на материалах деятельности исторических обществ при Московском и Петербургском университетах): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991.
[56] Цит. по: Козлов В. В. Очерки истории химических обществ в СССР. М., 1958. С. 163.
[57] Подсчитано по: Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1884 г. М., 1885.
[58] Там же. С. 55.
[59] Там же.

[60] Подсчитано по: Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1894 г. М., 1895.

[61] Там же. С. 79.

[62] Подсчитано по: 225 лет издательской деятельности Московского университета, 1756—1981: Летопись. М., 1981.

[63] Например: Труды Физиологического института при Московском университете; Наблюдения Метеорологической обсерватории; Труды Московского психологического общества и др.

[64] Иванов Е. М. Типография Харьковского университета (1804—1904 гг.). Харьков, 1912. С. 23.

[65] Краткий очерк истории Харьковского университета (1805—1905) / Сост. Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. Харьков, 1906. С. 317—318.

[66] Пшеборский А. П. Математическое общество при Харьковском университете (1879—1904 гг.). Харьков, 1911. С. 11.

[67] Ляпунов А. М. О постоянных винтовых движениях твердого тела в жидкости. Харьков, 1888; Его же. Об устойчивости движения в одном частном случае задачи о трех телах. Харьков, 1889.

[68] Соболева Е. В. Указ. соч. С. 113.

[69] Краткий очерк истории Харьковского университета (1805—1905). С. 319.

[70] Редин Е. К. Ученая деятельность Историко-филологического общества при Харьковском университете за первые 25 лет его существования (1877—1902). Харьков, 1904. С. 3.

[71] Там же.

[72] РГИА. Ф. 733, оп. 149, д. 575. Л. 1.

[73] Шмальгаузен И. О. Флора Юго-Западного края. Киев, 1886; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. 3-е изд. Киев, 1885—1889. Вып. 1—3; Минх Г. Н. Проказа на юге России. Киев, 1884. Т. 1 (РГИА. Ф. 773, оп. 149, д. 875. Л. 1—2).

[74] РГИА. Ф. 733, оп. 149, д. 875. Л. 2.

[75] Стапанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник, 1974. М., 1975. С. 42.

[76] Подсчитано по: Отчет Новороссийского университета за 1884—1885 гг. Одесса, 1885.

[77] Габдельганеева Г. Г. Книгоиздательская и типографская деятельность Казанского университета второй половины XIX в.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 1994.

[78] Подсчитано по: Годичный акт в Казанском университете 5 ноября 1884 г. Казань, 1884. См. там же. С. 66—67.

[79] РГИА. Ф. 733, оп. 149, д. 821. Л. 1—2.

[80] Подсчитано по: Годичный акт в Казанском университете 5 ноября 1895 г. Казань, 1895.

[81] См. подробно: Габдельганеева Г. Г. «Ученые записки» Казанского университета: (Из истории науч. книгоиздания в России) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. Л., 1989. Вып. 4. С. 116—124.

[82] Годичный акт в Казанском университете 5 ноября 1895 г. С. 37.

[83] Например: Ковалевский Н. О. Исследования по иннервации расширения зрачка. Казань, 1885.

[84] Празднование Императорским Казанским университетом столетия годовщины дня рождения Н. И. Лобачевского, 1793—1893. Казань, 1894.

[85] Памяти «Русалки», броненосца русского флота, погибшего в сентябре 1893 г.: Сб. ст. профессоров Казан. ун-та. 1894. Когда в 1893 г. стало известно о гибели «Русалки», казанские ученые подготовили и выпустили в свет сборник своих работ, чтобы доход от продажи этой книги был передан в пользу семей погибших моряков.

[86] Годичный акт в Казанском университете 5 ноября 1895 г. С. 80.

[87] Там же. С. 88.

[88] Там же. С. 89.

[89] См. подробно: Габдельганеева Г. Г. Издательская деятельность научных обществ Казанского университета во второй половине XIX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. СПб., 1996. Вып. 8. С. 65—79.

[90] Годичный акт в Казанском университете 5 ноября 1895 г. С. 99, 105—106, 115—116.

[91] Отчет о состоянии Томского университета за 1889 г. Томск, 1890. С. 47.

[92] Отчет о состоянии Томского университета за 1895 г. Томск, 1896. С. 25—26.

[93] Там же. С. 106.

[94] История Института инженеров путей сообщения за первое столетие его существования, 1810—1910 / Сост. А. М. Ларионов. СПб., 1910. С. 198.

[95] Отчет о состоянии С.-Петербургского Лесного института за 1882 г. СПб., 1883. С. 28, 43.

[96] РГИА. Ф. 90, оп. 1, д. 8. Л. 2.

[97] См. подробно: Гаранина С. П. «Записки Русского технического общества» в системе периодических изданий Русского технического общества: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1972.

[98] Филиппов Н. Г. Научно-технические общества России (1866—1917): Учеб. пособие. М., 1976. С. 188.

[99] Там же. С. 190.

[100] РГИА. Ф. 90, оп. 1, д. 907. Л. 22; Филиппов Н. Г. Издательская деятельность научно-технических обществ России // Книга: Исслед. и материалы. 1985. Сб. 51. С. 111.

[101] РГИА. Ф. 90, оп. 1, д. 907. Л. 22.

[102] Там же. Л. 19—22.

[103] Там же. Л. 14—14 об.

[104] Черняк А. Я. Из истории издательской деятельности Русского технического общества // Издательское дело. Книговедение. 1968. № 2. С. 13.

[105] Например: Труды комиссии по вопросу о нефтепроводе и мерах к развитию нефтяного дела в России. СПб., 1885; Труды комиссии по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. СПб., 1890.

[106] К пятидесятилетию Русского энтомологического общества. СПб., 1910. С. 9.

[107] В рассматриваемый период вышли в свет 17 томов «Записок Петербургского минералогического общества» (1882—1895) и 7 томов «Материалов по геологии России» (1883—1895).

[108] См.: Соловьев С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. Л., 1967. С. 90—91.

[109] Цит. по: Липшиц С. Ю. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805—1940): (Ист. очерк). М., 1940. С. 18.

[110] Богданов В. В. Пятидесятилетие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1863—1913. М., 1915. С. 21. См. также: Вовина О. Н. Научные общества в истории отечественной этнографии второй половины XVIII — начала XX в. Чебоксары, 1993.

[111] Усов С. А. Сочинения. М., 1888—1892. Т. 1—2.

[112] Цит. по: Императорское русское историческое общество, 1866—1916. Пг., 1916. С. 133.

[113] РГИА. Ф. 746, оп. 1, д. 5. Л. 71.

[114] Там же, д. 178. Л. 13.

[115] Там же, д. 5. Л. 141.

[116] Там же. Л. 141 об.

[117] Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 269.

[118] Цит. по: Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 378.

[119] Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1891 г. СПб., 1892. С. 27.

[120] Там же.

[121] Там же. С. 28.

[122] Труворов А. Н. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1890 г. СПб., 1891. С. 3—4.

[123] Там же. С. 4.

[124] Сборник выходил до 1911 г. Всего с 1890 по 1911 г. издано 7 выпусков.

[125] Труворов А. Н. Указ. соч. С. 10.

[126] См.: Шведова О. И. Указ. соч. С. 424—428.

[127] Труворов А. Н. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1892—1893 гг. СПб., 1895. С. 20, 47.

[128] Общество любителей российской словесности при Московском университете: Ист. записка и материалы за сто лет. М., 1911. С. 23.

[129] Там же. С. 87—89.

[130] Веселовский Н. И. История Императорского Русского археологического общества за первое 50-летие его существования, 1846—1896. СПб., 1900. С. 109.

[131] Там же. С. 132—133.

[132] Там же. С. 134—135.

[133] Там же. С. 368.

[134] См.: Трутовский В. К. Список изданий Императорского Московского археологического общества за 50 лет его деятельности с указанием их содержания. М., 1915.

[135] Устав Общества любителей древней письменности. СПб., 1877. С. 2.

[136] См.: Шереметев С. Д. Основание Общества любителей древней письменности, 1877. СПб., 1891. С. 9—14.

[137] Протоколы Комитета и общих собраний Общества любителей древней письменности за 1891—1892 гг. СПб., 1892. С. 28.

[138] Там же.

[139] Протоколы Комитета и общих собраний Общества любителей древней письменности за 1892—1893 гг. СПб., 1893. С. 5.

[140] Протоколы Комитета и общих собраний... за 1891—1892 гг. С. 39.

[141] Там же. С. 30.

[142] См.: Левицкий О. И. Пятидесятилетие Киевской комиссии для разбора древних актов, 1843—1893: Ист. записка о ее деятельности. Киев, 1893.

[143] Семенов П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, 1845—1895. СПб., 1896. Ч. 2. С. 965—966.

[144] Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки: 3-е путешествие в Центральную Азию. СПб., 1883; Его же. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима: 4-е путешествие в Центральную Азию. СПб., 1888.

[145] Труды русской полярной станции на устье Лены. СПб., 1886—1895. Ч. 1—2; Труды русской полярной станции на Новой Земле. СПб., 1886—1891. Ч. 1—2.

[146] РГИА. Ф. 733, оп. 194, д. 218. Л. 1.

[147] Там же. Л. 3.

[148] Там же. Л. 8—14.

[149] Маак Р. К. Вилюйский округ Якутской области. СПб., 1883—1887. Ч. 1—3.

[150] См. об этом главу VII настоящего издания.

[151] Хвольсон О. Д. Популярные лекции об электричестве и магнетизме. СПб., 1884.

[152] Менделеев Д. И. Бакинское нефтяное дело в 1886 г. СПб., 1886; Его же. Исследование водных растворов по удельному весу. СПб., 1887.

[153] Лесгафт П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. СПб., 1893. Т. 1—2; Его же. Основы теоретической анатомии. СПб., 1892. Ч. 1.

[154] Богданов А. П. Медицинская зоология. М., 1883. Ч. 1; Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь. СПб., 1892; Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.

[155] Россия в конце XIX в. / Под общей редакцией В. И. Ковалевского. СПб., 1900. С. 903.

Глава V

ИЗДАНИЕ «КНИГ ДЛЯ НАРОДА»

В 1880-е гг. круто меняется общественно-политическая обстановка в стране. «В те годы дальние, глухие...» (по выражению А. А. Блока) часть демократической интеллигенции испытывает разочарование в активной революционной деятельности. Усиливаются просветительские тенденции, приобретает популярность теория «малых дел», устройство «аптечек и библиотечек», как иронически писал А. П. Чехов. Именно в этот период резко активизируется издание просветительской книги для народа [1].

Объективными предпосылками для этого явились существенные сдвиги в составе читательской аудитории. Все передовые журналы отмечают появление нового читателя — крестьянина и рабочего. В последние два десятилетия XIX в. процент грамотности населения увеличивается почти вдвое по сравнению с двумя предыдущими. Если учесть, что крестьяне составляли подавляющую часть населения (86,6 % по переписи 1897 г.), можно сделать вывод, что рост грамотности коснулся прежде всего сельского населения.

В рассматриваемый период формируются различные типы издательств для народа, причем картина при этом складывается удивительно пестрая, отражающая идейные искания просветителей той поры. По данным Ф. И. Витязева, в конце века книгу для крестьян издавали более сотни различных издательств [2]. Многие из них были эфемерны, крайне недолговечны: выпустив десяток—другой книжек, отобранных по чисто случайным соображениям, они бесследно исчезали.

Мы остановимся на характеристике лишь таких издательских начинаний, которые дали более или менее ощутимые результаты. Условно их можно разделить на две основные группы. К первой относятся те издательства, которые главной своей задачей ставили вытеснение из сферы народного чтения лубочной и псевдонародной литературы с помощью книг, являющихся «общим» достоянием — главным образом, произведений русских и отчасти зарубежных классиков. В нее входили, прежде всего, комитеты и общества грамотности, земства, отдельные крупные издатели-просветители (Ф. Ф. Павленков и др.).

Вторая группа издательств ориентировалась на выпуск «особой», «специальной» литературы для народного читателя, на сближение своей продукции с лубком. Организаторы такого рода издательств под влиянием сложного комплекса идей, которые в различное время пропагандировались и революционерами-шестидесятниками, и народниками 1870-х гг., и Л. Н. Толстым, пытались создать особый тип народной книги, ибо считали, что ценности «образованного класса общества» или недоступны, или — крайняя точка зрения — вообще не

нужны народным массам. Многие издательства на практике нередко отступали от заранее прокламированных установок, от первоначальной программы, «перетасовывая» свои книги. Время поисков и сомнений порождало и крайне противоречивые, часто очень неудачные эксперименты.

Показательной в этом смысле была деятельность В. Н. Маракуева, выпускавшего с 1882 г. серию «Народная библиотека». Взгляды Маракуева, являвшие собой причудливую смесь либерализма, народничества и толстовства, как в капле воды отразились в его книгоиздательской работе, поражающей своей непоследовательностью. Он выпускал все: беллетристику (русскую и иностранную), сказки, исторические рассказы, описания путешествий, книги прикладного характера. С одной стороны, его народнические симпатии обусловили выпуск «специальных» книжек невысокого качества, приноровленных, как казалось ему, к пониманию крестьянства. Он издает рассказы таких третьестепенных беллетристов, как И. Борский («Максим самоучка или до дела дошел»), И. Кокорев («Саввушка») и др. Одновременно он выпускает большое количество произведений классиков зарубежной литературы, произведений сложных, чтение которых требует большого читательского опыта,— книги Ч. Диккенса, Э. По, Г. Сенкевича, Брет Гарта и др. Он первым вводит в сферу народного чтения эти произведения, но выбор их крайне неудачен. В самом деле, что мог понять крестьянин в рассказе Э. По «Золотой жук», в котором семь страниц занято разгадкой шифрованного письма и символических знаков? Маракуев пробует дать народу «полного Шекспира», без всяких объяснений и примечаний, «Полное собрание сочинений» Пушкина, выполненное на крайне низком текстологическом уровне, но зато с включением писем и документов.

Совершенно чуждыми крестьянскому читателю оказались географические книжки «Народной библиотеки» — скучные описания, лишенные фабулы и малейшей занимательности. «Листовки» (по 15—16 с.) продавались по цене, в три раза превышавшей расценки лубочников. Критика того времени совершенно резонно спрашивала: «Неужели г. Маракуев думает, что такие книжки народ предпочитает лубочным, которые при всем своем внешнем и внутреннем безобразии все же занятны и веселы?»[3] Забракован был и «Толковый словарь» Н. А. Добротворского — первая попытка дать народу справочное издание: он был признан «совершенно непригодным для народа»[4]. Первым среди «интеллигентных» издателей Маракуев пытается завязать тесные контакты с московскими рыночными книготорговцами, но те поставили единственное условие: книги «Народной библиотеки» внешне не должны отличаться от обычных лубочных изданий. Но, как заметил А. С. Пругавин, «по какому-то странному упрямству г. Маракуев не согласился исполнить это условие и, таким образом, лишился возможности распространить массу своих изданий в той среде, для которой именно и предназначаются эти издания». «Для нас, признаемся, совершенно непонятно,— добавлял он,— почему г. Маракуев так упорно стоит за внешность своих тощих, долговязых и нескладных книжек»[5].

Ошибки Маракуева весьма типичны для ряда интеллигентских начинаний той поры. Отсутствие общей идеи, делового практического опыта, судорожные

метания из одной крайности в другую — все это чрезвычайно затрудняло, а часто делало бессмысленными все усилия издателей.

Сказанное выше полностью можно отнести и к издательству В. И. Икскуль, с тем только отличием, что ее книжное дело носило сугубо филантропический характер. Баронесса Икскуль, начавшая издавать книжки для народа еще в 1870-е гг., либеральная великосветская беллетристка, испытывала на себе различные влияния. Как вспоминал о ней В. А. Поссе, она одновременно «флиртовала с директором департамента полиции Дурново и в то же время покровительствовала молодым революционерам»[6]. Это предопределило и весьма пестрый репертуар изданных ею книг. Отметим все же, что она широко издавала произведения писателей демократического лагеря — Г. И. Успенского, В. Г. Короленко и др. В ее издательстве вышли 4 книжки своеобразной хрестоматии «Пчелка», куда вошел весьма неравноценный материал: наряду со стихотворениями Н. А. Некрасова помещены серые душеспасительные очерки, рассказы, статьи[7]. Пробовала она выпускать также и переделки произведений русских классиков, но этот опыт был крайне неудачным: получались бледные, невыразительные пересказы, далеко отходящие от подлинника.

Более плодотворной была деятельность Ф. Ф. Павленкова, хотя надо сказать, непосредственно народному читателю адресовалась лишь очень небольшая часть его издательского репертуара[8].

Среди издательств, специально ориентировавшихся на крестьянина, следует отметить издательство журнала «Русское богатство». Серия изданных им книг ярко свидетельствует о бесплодности попыток создания «особой» книги для народа. Начав издавать эту серию в 1886 г., журнал поздних народников обрушил на читателя целый поток рассказов, отличающихся навязчиво-поучительным тоном. Названия таких рассказов характерны уже сами по себе: «Не гонись за большим, малое потеряешь», «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» и т. п. Известно, что журнал «Русское богатство» имел в конце века большой успех в среде демократической интеллигенции, что в значительной мере объяснялось прекрасно поставленным беллетристическим отделом. На своих собственных страницах журнал помещал мастерски исполненные произведения таких художников слова, как А. М. Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский, В. Г. Короленко. Но одновременно в серии «для народного читателя» выходили исключительно «специальные» книжки третьестепенных писателей типа М. Красова. Журнал пытался создать две литературы — для интеллигенции и крестьянства — идея, порочная в самой своей основе. К «народной серии» «Русского богатства» близко примыкали издания И. Ф. Жиркова, одного из немногих провинциальных издателей книг для крестьян, основавшего свое книжное дело в Рязани в 1883 г. Он выпустил около сотни брошюр «для школ и грамотного народа», в которых предлагал читателю рассказы доморощенных «народных» писателей: «Сапожник и музыкант» Ф. Ф. Тютчева, «Пастух» В. Ламского, «Эпитимия» С. Н. Бажина, свои собственные рассказы «Нет худа без добра», «Спасибо отцу» и т. д. В конце 1880-х гг. он выпускает несколько книг научно-популярного характера — об огородничестве, медицине. Все они, написанные

сюсюкающим языком, предназначались одновременно и школьникам, и «грамотному народу»; исключение представляет лишь книга Н. А. Рубакина «Испытание доктора Исаака», изданная в 1889 г.

Спектр издательств, ориентированных на выпуск специальной литературы для народа, был чрезвычайно пестрым в идеологическом отношении: от народнического «Русского богатства» до охранительно-официозных издательств типа «Постоянной комиссии по устройству народных чтений». Как бы в центре, не беспокоя себя никакими идейными обоснованиями своей деятельности, стояли издания многих народных журналов. Особенно плодовит был в этом плане журнал «Досуг и дело», печатавший рассказы из солдатской и «народной» жизни. На более «правом» фланге, примыкая в какой-то мере к официозным, стояли издательства журналов «Мирской вестник», «Чтение для народа», «Чтение для солдат». Они выпускали разнообразную печатную продукцию: беллетристику, географические книжки, духовно-нравственные сочинения и т. д. Такой же ориентации придерживалось и Общество распространения полезных книг, которое в 1880—1890-е гг. еще более усилило свою деятельность. Им была учреждена особая серия под названием «Рассказы из русского быта».

Крайний правый фланг занимали общества и комиссии, находившиеся под покровительством официальной власти: например, «Постоянная комиссия по устройству народных чтений». В эти же годы важное место среди издательств такого типа начинают занимать духовные, основанные при кафедрах крупнейших соборов (например, Исаакиевского в Петербурге). Выходят и «авторские серии» — «Очерки христианской жизни» протоиерея Василия Нечаева, «Издания преосвященного Александра епископа Можайского» и ряд других.

Крупнейшие издатели-коммерсанты также изредка прибегали к выпуску народных книг. Фирма А. Ф. Маркса издала несколько повестей и комедий Гоголя, товарищество Глазуновых — ряд произведений Тургенева и т. д. Цена таких изданий была невысока (10—15 к. за «двухлистовку»), но превышала цены продукции «народных» и, тем более, лубочных издательств. Массу книг «для солдат и народа» напечатал известный издатель военной литературы В. А. Березовский [9]. Некоторые фирмы специализировались на прикладной литературе, адресованной читателю из народа. Среди них первое место занимали московские издатели К. И. Тихомиров и П. К. Прянишников, начавшие работу в 1890-е гг. Некоторое количество книг для низового читателя выпустил крупнейший издатель сельскохозяйственной литературы А. Ф. Девриен. Среди них выделяется серия «Беседы по земледелию», составленная агрономом В. Г. Котельниковым. Каждый выпуск серии объемом в 5—6 листов продавался по 30 к., что, учитывая прекрасную печать и обилие иллюстраций, было сравнительно недорого. Известная серия А. С. Суворина «Дешевая библиотека» [10] адресована была все же городскому читателю и до деревенского практически не дошла. Распространению этой серии, несмотря на значительный тираж (до 1900 г. вышло более 300 названий тиражом свыше 4 млн. экз.), мешали высокая цена (до 40 к.), мелкая печать, непривычные для низового читателя формат и оформление.

* * *

Центральное место в просветительской издательской деятельности для народного читателя принадлежит комитетам и обществам грамотности. Перелом в их работе наступает в 1880-е гг., когда прогрессивно настроенная общественность начинает переходить от слов к делу и пытается противопоставить лубочной литературе «улучшенные издания для народа». Наиболее крупного успеха на этом поприще добивается С.-Петербургский комитет грамотности, возникший еще в 1861 г. при Вольном экономическом обществе[11]. За 15 лет (1881—1895) им было издано в общей сложности 126 книг (из них 36 наименований переиздавались несколько раз), общий тираж которых составил около 2 млн. экз.[12] Особенно плодотворны были последние два года (1894—1895) деятельности Комитета, закрытого по решению правительства в 1895 г.: книг (и по названиям, и по тиражу) было издано больше, чем за предшествующие 13 лет. Темпы издательской деятельности стремительно нарастали: в 1895 г. было выпущено 42 названия и подготовлено к печати 211. Предполагалось, что в дальнейшем Комитет будет издавать по 200 названий в год.

Вот как выглядят в количественном отношении основные тематические направления книгоиздательской деятельности Комитета: беллетристика — 115 книг (в том числе 98 оригинальных), история — 3, путешествия, география — 3, естествознание — 3, сельское хозяйство — 2. Таким образом, беллетристика составляла более 90 %, ибо Комитет считал необходимым прежде всего дать народу по дешевой цене образцы русской классики. В отборе изданий для публикации в это время начинают принимать активное участие представители молодой, радикально настроенной интеллигенции, имена которых достаточно известны — братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, А. М. Калмыкова (с 1890 г. она была председателем издательской комиссии Комитета, созданной в 1880 г.), крупные педагоги В. И. Чарнолуский, Г. А. Фальборк, будущий основатель библиопсихологии Н. А. Рубакин.

По истечении в 1887 г. 50-летнего наследственного права на сочинения А. С. Пушкина Комитету удалось осуществить массовое издание «Полтавы». Превосходно были изданы «Песня про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова (1891), басни И. А. Крылова в 4 частях — самое фундаментальное издание Комитета (1894) и другие произведения. Тем не менее наследственное право на сочинения некоторых других русских писателей тормозило многие издательские начинания и идеи. Значительно проще была правовая основа издания сочинений Л. Н. Толстого, который, как известно, отказался от своих издательских прав на «народные» рассказы. Кроме них, Комитет издал также «Рассказы о Севастопольской обороне» (1884; 2-е изд. 1890) и «Смерть Ивана Ильича» (хотя последнее произведение, вышедшее в 1895 г., адресовалось интеллигентному читателю). В 1890-х гг. удалось выпустить в свет хорошо подобранные «Стихотворения» Н. А. Некрасова. Издавались также сказки С. Т. Аксакова, исторические былины А. К. Толстого, рассказы Д. В. Григоровича, В. Г. Короленко, В. М. Гаршина.

Выбор произведений зарубежных авторов, в отличие от отечественных, был более или менее случайным. Наиболее крупным издательским предприятием явился выпуск «Робинзона Крузо» Д. Дефо; кроме того, вышли в свет некоторые рассказы Жорж Занд, Ч. Диккенса, В. Гюго. Случались здесь и явные просчеты (например, с изданием слащавой повести Альфреда Котса «Дочь миссионера. Рассказ из жизни американских дикарей»). Очевидно, просветители в первую очередь стремились снабдить читателя дешевыми изданиями произведений отечественных писателей и не успели сделать то же самое в отношении зарубежных. А намерение такое у них было: в портфеле закрытого в 1895 г. Комитета остались подготовленными к изданию «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Оливер Твист» Ч. Диккенса, «Принц и нищий» Марка Твена и другие выдающиеся произведения зарубежной литературы.

Вопрос о расширении научного и прикладного отделов в репертуаре издаваемой продукции поднимался в Комитете неоднократно, особенно в последние два года его работы. В архивах Комитета сохранились подробные планы создания целых комплексов научно-популярной и сельскохозяйственной литературы. Однако им не суждено было сбыться.

Оживление издательской деятельности Комитета грамотности в 1890-е гг. вызвало самое настороженное отношение к нему со стороны различных охранительных учреждений, наблюдавших за направлением печати. В цензурных донесениях он постоянно фигурирует в качестве «крайне тенденциозного издательства для народа» и «наиболее опасного» (наравне с «Посредником»)[13]. Наиболее полно и открыто отношение власти к изданиям Комитета выразилось во «всеподданнейшем докладе министра внутренних дел» в 1895 г., в котором «обоснована» необходимость его ликвидации. Примечательно, что единственным поводом закрытия Комитета был характер его книжной продукции. По мнению министра, «Комитет грамотности наводняет всю Россию бесчисленным множеством книг и брошюр, продаваемых по цене от 2 до 10 коп., и является таким образом главным поставщиком чтения для народа (здесь, конечно, явное преувеличение.— Авт.). Достаточно самым поверхностным образом ознакомиться с содержанием большинства из них, чтобы убедиться, что в самый важный исторический момент подается уже отравленная пища, долженствующая не укрепить и развить основы, на которых создается Русское Государство, а в корне их подорвать»[14]. На пути изданий Комитета был поставлен еще один «фильтр» — так называемая «педагогическая цензура», осуществлявшаяся Ученым комитетом Министерства народного просвещения, ведавшего допуском книг в народные библиотеки-читальни и ученические библиотеки. К изданиям Комитета это учреждение предъявляло самые жесткие требования. Как показало изучение его архивов, примерно каждая четвертая книга, представленная Комитетом на предмет допуска в указанные библиотеки, не получала визы «Допущено Ученым комитетом Министерства народного просвещения...». А в получении ее издатели были кровно заинтересованы: без нее сфера распространения книг сужалась в несколько раз. Особенно наглядно подобная тенденция сказалась в оценке рассказов Гаршина, изданных Комитетом [15]. Все они, за ис-

ключением «Лягушки-путешественницы», были запрещены для народных библиотек. Что же касается рассказа «Трус», в котором усмотрели «антипатриотическую тенденцию», то рекомендация Ученого комитета «обратить на него внимание Министерства внутренних дел и изъять из обращения» выглядела уже обыкновенным доносом.

В конце 1895 г. Особое совещание четырех министров вынесло решение о «подчинении правительственному контролю всех частных обществ, преследующих цели народного образования»[16]. Согласно этому решению, С.-Петербургский комитет грамотности был закрыт и передан в ведение Министерства народного просвещения. Превращение самодеятельной общественной организации в жалкий придаток государственного механизма повлекло за собой массовый отказ почти всех активных деятелей Комитета от дальнейшей работы и от самого членства в нем. Преобразованный Комитет, называвшийся отныне Петербургским обществом грамотности, несмотря на казенные субсидии и покровительство властей, не смог тем не менее развернуть сколько-нибудь заметной издательской деятельности.

Издательская деятельность другого комитета грамотности — Московского, возникшего в 1845 г. при Московском обществе сельского хозяйства, также проявилась активно лишь начиная с 1880-х гг. Правда, она была более скромной — за 15 лет, до закрытия его в 1895 г.,— Комитет смог издать всего лишь 50 книг. Первые книги Московского комитета, хотя среди них было немало хороших, вполне пригодных для народного читателя, оседали на полках книжных магазинов и не доходили до адресата. Нужно было довести книгу до крестьянина, а не ждать, когда он сам приедет за ней в Москву. Это сделал И. Д. Сытин, член Московского комитета грамотности, активный участник всех его издательских начинаний. Он даже стал издателем ряда книжек, подготовленных Комитетом[17].

В начале 1890-х гг. Комитету удалось осуществить издание ряда выдающихся произведений русских классиков — М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина. В отличие от своего петербургского собрата, Московский комитет грамотности большое внимание уделил выпуску научно-популярной и прикладной литературы, в частности, дельных и полезных для крестьян книг по медицине, земледелию. Издательская деятельность Комитета набирала темпы, но 1895 г. стал роковым и для него: он был преобразован в Московское общество грамотности и также с полным подчинением Министерству народного просвещения.

Харьковское общество распространения в народе грамотности, учрежденное в 1869 г., также развернуло издательскую работу лишь в 1890-е гг.[18] За 5 лет (1891—1895) им было выпущено 36 книг, бóльшую часть которых составляют беллетристика и исторические сочинения. Как и другие просветительские организации, Харьковское общество неоднократно подвергалось репрессиям со стороны охранительных учреждений. Одно из его изданий — книга Н. К. Истоминой «Сибирь и переселенцы», вышедшая дважды (1892 и 1896 гг.),— подверглось уничтожению: от второго издания уцелело всего три экземпляра[19]. Почти половина изданий Общества, как свидетельствуют документы, не получила раз-

решительной визы Ученого комитета и тем самым не была допущена в сферу народного и детского чтения.

Ликвидация комитетов грамотности в 1895 г. и подчинение их Министерству народного просвещения, на первый взгляд, не коснулись Харьковского общества. Оно осталось самостоятельным учреждением и продолжало издавать книги. Однако правительственная регламентация его деятельности после 1895 г. приобретает гораздо более жесткий характер. С большим трудом проходят в общей и педагогической цензурах рукописи и книги Харьковского общества грамотности. «Деятельность его,— отмечает департамент полиции,— уже с давних пор стала обращать на себя внимание крайне нежелательным направлением в политическом отношении и вынуждает относиться к обществу чрезвычайно подозрительно»[20].

В тесном контакте с комитетами и обществами грамотности работают земские учреждения, организуя склады изданий, библиотеки и т. д. Если в 1870-е гг. земства выпускают преимущественно прикладную книгу (по сельскому хозяйству, медицине и т. д.), то в 1890-е гг. они внесли вклад в дело издания художественных произведений, адресованных крестьянскому читателю. Придерживаются они той же тенденции, что и столичные просветительские учреждения, издавая сочинения русских классиков по дешевой цене. Следует отметить важную особенность земской работы в этом направлении: ее подчиненность задачам школьного образования. Книги печатались прежде всего для земских школ и библиотек-читален. В середине 1890-х гг. начинается издательская деятельность самого энергичного и демократического по духу земства — вятского[21]. По небывало низкой цене — и не в ущерб оформлению изданий — вятское земство выпустило в 1890-е гг. ряд сочинений Пушкина (например, 6-листовая «Капитанская дочка» стоила всего 10 к., «Руслан и Людмила» объемом в 3 листа — 5 к.). Издавало земство и сочинения Лермонтова, Гоголя и других классиков русской литературы.

Вторым по значению и интенсивности издательской работы было саратовское земство, также ориентировавшееся на произведения русской классики.

Особое место среди просветительских издательств занимал «Посредник»[22]. Издательство создано в конце 1884 г. по инициативе Л. Н. Толстого. Главная заслуга в его организации принадлежала В. Г. Черткову, наиболее ревностному пропагандисту нравственных идей Толстого. Первые книги «Посредника» появились уже в 1884 г. («Бог правду видит», «Два старика», «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова). Они должны были сразу же указать на идейную направленность нового издательства, на отличие его от других предприятий такого рода.

Небывалый успех «Посредника» был обеспечен тем, что он нашел новые, нетрадиционные для интеллигентских инициатив пути и средства распространения своих книг. Л. Толстой, глубоко изучивший жизнь крестьян и особенности бытования в их среде печатной продукции, пришел к выводу, что неудачи многих издательских начинаний интеллигенции объясняются не только ошибочным, с его точки зрения, выбором материала, игнорированием духовных

запросов аудитории, но и тем, что просветители мало заботились об оформлении и, главное, о распространении своих книг. Их издания отпугивали крестьян непривычным видом, не доходили до них, оседая в столичных и губернских книжных складах и магазинах. Книги «Посредника» должны были максимально походить — и по стилю, и по оформлению — на ту лубочную книжную продукцию, которая так хорошо была знакома крестьянам, должны были распространяться по тем же проторенным дорожкам, по которым от века книга приходила в деревню. Договор, заключенный в 1884 г. между Чертковым и Сытиным, состоял в том, что последний брал на себя распространение и отчасти издание книг «Посредника». Одно из главных условий, поставленных издательством, состояло в том, чтобы цена книжек не превышала существовавшие лубочные цены: приблизительно 1—2 к. за «листовку»[23]. Результаты такого неожиданного и первого в своем роде «симбиоза» не замедлили сказаться в кратчайший срок: книги «Посредника» стали печататься небывалыми для просветительских издательств тиражами и проникать в самую толщу народа. К услугам «Посредника» была предоставлена огромная «офеньская армия», которой располагал Сытин. Благодаря этому дело «Посредника» расширялось год от года. Пик его деятельности приходится на середину 1890-х гг. Так, в 1894 г. продукция «Посредника» (107 названий тиражом 1 272 200 экз.) заняла второе место по названиям в репертуаре изданной народной книги (после Сытина) и третье по тиражу (после Сытина и Г. Т. Бриллиантова)[24].

Тематика книг, изданных «Посредником», очень разнообразна. Две трети их составляла беллетристика. На первых порах главное место отводилось народным рассказам самого Толстого, а также произведениям большого круга писателей из народа, главным образом, крестьян-самоучек — С. Т. Семенова, Ф. А. Желтова, В. Д. Ляпунова и др. В дальнейшем к сотрудничеству в «Посреднике» были привлечены крупные писатели того времени: В. Г. Короленко, Марко Вовчок, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Вас. И. Немирович-Данченко и др. Несмотря на сопротивление В. Г. Черткова, издательству со временем удалось отчасти изменить первоначальную направленность своей работы.

Л. Н. Толстой не оставлял свою давнюю излюбленную мысль об обработке и использовании старой лубочной литературы, переделке прежних лубочных романов на новый лад. «Но,— как заметил В. Б. Шкловский,— „Милорд" (имеется в виду повесть М. Комарова, об „Аглинском милорде Георге" — Авт.) был как заговоренный и переделке толстовцев не поддавался»[25]. И все же однажды пресловутый «Милорд» вышел в обработке А. Юрьевой (псевдоним сотрудницы издательства А. Ю. Бизюкиной). Книга успеха не имела, ибо написана была в псевдо-сказочной манере и наполнена нравоучительными сентенциями. В ней заметно стремление «облагородить» лубочный роман и главное — проиллюстрировать положения этической теории Толстого. Этот опростившийся милорд, занимающийся крестьянским трудом, должно быть, показался крестьянам весьма странной фигурой. Они не поверили автору: «Какой же это Милорд, ежели он и говорит по-нашему, и косит, и хлеб печет, и коров доит? Да нешто эдак милорды делают? Нет, это не настоящий Милорд»[26]. Милорд является на турнир

безоружным, убеждая короля, что «возможно и без оружия служить делу правому и оказывать помощь слабым и обиженным», что уже прямо перекликается с толстовской теорией о непротивлении злу насилием. Это последнее вызвало претензии цензора-педагога: «Во всяком случае, будущие века покажут нашим правнукам, какой будет результат проповеди всеобщего мира и разоружения, но в настоящее время и при нынешних событиях такая проповедь среди народа едва ли уместна»[27]. В результате новый «Милорд» не был допущен в народные читальни, что, очевидно, и заставило «Посредник» отказаться от дальнейших попыток в этом роде. Не очень удачными были также переделки некоторых произведений зарубежных писателей — А. Додэ, Брет Гарта, Э. Золя и др. Бережнее относился «Посредник» к творчеству Диккенса, большое количество произведений которого было им издано в сравнительно точных переводах.

Отдел духовных изданий «Посредника», занимавших в репертуаре небольшое место, представлен, главным образом, житиями святых и поучениями отцов церкви. Были выпущены жития Филарета Милостивого, Иоанна Воина, поучения Иоанна Златоуста, издавна обращавшиеся в народной среде. Историю представили жизнеописания деятелей прошлого. «Посредник» создал как бы свою серию «Жизнь замечательных людей» (типа серии Ф. Ф. Павленкова), составленную с ярко выраженной и определенной установкой. Это были книги о древних философах, писателях, ученых, жизнь которых наполнена страданиями («Сократ», «Диоген»), переносимыми с удивительной стойкостью. В той же тональности написаны биографии деятелей средневековья («Св. Франциск Ассизский», «Ян Гус», «Влас [так!] Паскаль») и русских писателей, вышедших из народной среды (например, сборник «Певцы народной жизни», посвященный Кольцову и Никитину).

Издавал «Посредник» и популярные естественнонаучные книги, брошюры, посвященные земледелию, календари. В частности, в «Календаре с пословицами на каждый день», составленном самим Толстым, помещено много сведений по сельскому хозяйству.

«Посредник» тщательно собирал и изучал мнения читателей о своей печатной продукции. В архиве издательства сохранилось большое количество писем, свидетельствующих о постоянно растущем интересе к популярным брошюрам о различных ремеслах, по земледелию и т. д.[28] Читателей из народа далеко не все устраивало в книгах «Посредника». Они отмечали излишнюю назидательность, неконкретность этих брошюр, отсутствие в них полезных сведений.

Далеко не все нравилось крестьянам и в беллетристике, издаваемой «Посредником»[29].

«Посредник» был самым гонимым из всех просветительских издательств второй половины XIX в., о чем свидетельствуют многочисленные цензурные документы. Лишь немногим его изданиям удалось проникнуть сквозь фильтр «педагогической» цензуры. Это, естественно, крайне сузило сферу их распространения. Но в то же время, найдя новые пути проникновения в крестьянскую среду — используя, прежде всего, помощь лубочных книготорговцев, «Посредник» сыграл выдающуюся роль в книжном деле для народа. Понятно, что узкоспеци-

альные цели, первоначально поставленные издательством, стремление к созданию «особой» литературы для народа отрицательно сказались на его деятельности. Не только административно-цензурные препятствия, но и несколько искусственный характер ряда начинаний «Посредника» привели к тому, что к концу 1890-х гг. его деятельность постепенно сокращается и весьма кардинально меняет свою направленность. Но конкретный опыт «Посредника» привлек внимание других просветительских издательств, которые стали искать новые пути сближения с народным читателем, проторенные впервые толстовским издательством. Несмотря на неудачные попытки «модификации» традиционного лубка и создания таким образом «специальной» народной литературы, издательство впервые учло богатейший опыт московских лубочников и приблизило книгу к народным массам.

* * *

В 1880—1890-х гг., как, впрочем, и в начале XX в., на книжном народном рынке продолжают царить многочисленные лубочные издательства [30]. По-прежнему интенсивно работают фирмы Е. А. Губанова, И. А. Морозова, Г. Т. Бриллиантова, А. И. Манухина, С. И. Леухина, обосновавшиеся на Никольской улице в Москве. В эти годы существенно возрастает продукция петербургских лубочников, книжное дело которых сосредотачивалось в Апраксином дворе. Надо отметить, что лубочное книжное дело в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей [31].

Неверным было бы окрашивать в один тон всех издателей лубочной литературы. Между ними имела место своеобразная специализация, были поделены «сферы влияния» (в частности, между Петербургом и Москвой). До 1880-х гг. книжные лавочки Апраксина двора занимались преимущественно продажей московского лубка, затем они начинают издавать книги самостоятельно. Апраксинцы меньше прибегали к услугам офеней и ходебщиков. Петербургские лубочники почти совершенно игнорировали такие традиционные издания, как рыцарские романы, гадательные книги и т. п. Мало интересовались они и выпуском переделок произведений русских писателей. Основное место в их продукции занимали книги, специально написанные для них доморощенными «авторами». Причем они не выпускали книги М. Евстигнеева, В. Волгина, Н. Пазухина и других московских авторов — у них был свой круг литераторов. Наиболее отчетливо стремление «обновить» состав рыночной продукции обнаруживается у Т. Ф. Кузина, предприимчивого, энергичного дельца. Главными поставщиками материала были у него дьякон Н. Успенский, составлявший книги религиозного содержания, К. Голохвостов, специализировавшийся на исторической тематике, В. Владимиров, написавший множество повестей в псевдонародном духе, и др. Более близок был к московской школе лубочников А. А. Холмушин, охотно выпускавший сказки, разбойничьи романы.

Происходит размежевание лубочных издателей и по другому принципу. Со временем все большее место среди них занимают издатели, ориентирующиеся не на крестьянство, а на иной, быстро расширяющийся и требующий своей «ду-

ховной пищи» круг читателей — городское мещанство, которое по мере развития капитализма в России приобретало все больший вес и диктовало свои условия книжному рынку. Мелкие торговцы, писари, модистки, низший круг чиновничества — таково обширное «всероссийское мещанство», на обслуживание вкусов которого устремилась значительная группа лубочников. Они выбрасывали на рынок тысячи книжонок, которые раскупались городским людом. Однако такая трансформация деятельности лубочных издателей произошла не сразу: начинали они вполне традиционно — с издания «милордов», «гуаков» и т. д., но затем, найдя нового адресата, постепенно меняли характер своей продукции. Обычно такие издатели не привлекали внимания многочисленных критиков лубочной литературы. Городская культура, в силу народнических и толстовских идей, которыми воодушевлялись просветители народа, представлялась им чуждой и второстепенной. Всю тяжесть обвинений они обрушивали на пресловутых «Милорда», «Францыля Венециана», не замечая того, что в деревню все больше и больше проникает та «лакейская» литература, которую в изобилии издают лубочники в конце века. Однако непроходимой границы между старым и новым лубком все же не было. С одной стороны, старый лубочный роман оказывал сильнейшее воздействие на стиль, сюжеты и язык новой мещанской книги, с другой — сам традиционный лубок видоизменился под влиянием последней, опошлился, растерял даже те немногие положительные черты, которые первоначально были ему свойственны.

Главнейшими издателями мещанской лубочной книги стали московские книготорговцы А. Земской и уже упомянутые «Леухины—Манухины». Широко издает книги такого рода и Г. Т. Бриллиантов. Известный знаток и исследователь народной книги А. С. Пругавин очень верно отметил: «Эта лакейская литература не может, разумеется, не оказывать деморализующего влияния на народно-лубочную литературу. Особенно заметным образом это влияние начинает сказываться в последнее время (речь идет о 80-х — начале 90-х гг. XIX в.— Авт.); оно отражается как на внутреннем содержании лубочных книжек, так и на их внешности»[32]. Особое место среди московских лубочников занимает крупнейший русский книгоиздатель И. Д. Сытин, начинавший как традиционный московский лубочник, но затем вырвавшийся из пут рыночного лубочного дела[33].

Репертуар лубочной книги в рассматриваемый период крайне разнообразен. Как и в 1860—1870-е гг. можно выделить в нем три главных направления: религиозно-нравственная книга, литературная и обиходная (особый комплекс, в который входили сонники, гадательные книги, письмовники, календари и т. п.). Так, например, в 1894 г. лубочная продукция распределялась следующим образом: вышло 266 религиозно-нравственных книг общим тиражом 4 млн. 45 тыс. 900 экз., 409 литературных тиражом 4 млн. 552 тыс. 250 экз. и 72 обиходные книги тиражом 849 тыс. 560 экз. Прочие лубочные издания составили 39 названий тиражом 453 тыс. 600 экз.[34] Таким образом, из 786 книг, изданных в течение года, приблизительно треть составляли религиозные книги, более половины — беллетристика, около 10 % — обиходная литература. Характерно, что наибольши-

ми тиражами выходили книги первого отдела, которому лубочники придавали первостепенное значение. Главное место в нем занимали жития святых (147 названий из 266). Как правило, это были «листовки», снабженные аляповатым рисунком. Наиболее часто выпускались жития святых Николая, Георгия Победоносца, Сергия Радонежского, Бориса и Глеба. Помимо обычных перепечаток, выходили жития и в обработке присяжных литераторов Никольского рынка — Н. Успенского, Н. Фелицына, И. Кассирова, С. Извольского.

В литературном отделе следует выделить такие основные группы: старые рыцарские романы и повести; сказки; переделки и адаптации произведений классиков русской литературы; произведения новейших лубочных авторов. Книги старой лубочной традиции, зародившейся еще в XVII в., занимают одно из самых видных мест в составе рыночной продукции. Из года в год, неизменно, с сохранением стиля и даже опечаток и старой орфографии, большими тиражами выходят и «Милорд Георг», и «Францыль Венециан» и другие романы. Судя по отзывам крестьян, они полностью отождествляли эти романы со «сказками», «небывальщинами». Огромную роль здесь играла власть традиции, а также известный консерватизм читательского сознания. В сущности, герои этих романов превратились в фольклорные образы. Очень близки к ним сказки. В этой группе выделяются подлинные старинные русские сказки, собранные фольклористами, и новые сказки, сочиненные лубочными писателями. Последние немилосердным образом искажали и опошляли сам жанр сказки, используя балаганно-раёшный стиль.

Произведения русских и зарубежных писателей, вошедшие в золотой фонд мировой литературы, издавались лубочниками крайне редко. Так, Сытин выпустил несколько произведений Пушкина, Губанов — Лермонтова и Карамзина. Изредка появлялись баллады В. А. Жуковского, стихотворения Н. А. Некрасова и А. К. Толстого. В большинстве случаев эти издания носили черты типичной лубочной продукции: печатались на плохой бумаге, пестрели огромным количеством опечаток и неточностей. Главное же место в этом разделе занимали издания, представлявшие собой смесь самого беззастенчивого плагиата, графоманской отсебятины, компиляции текстов самых различных авторов. Некоторые лубочные «писатели» пытались модернизировать старинные романы, включая в них неожиданные вкрапления из русской классики. Так, в 1891 г. вышло очередное издание повести о Еруслане Лазаревиче, украшенное большими выдержками из поэмы «Руслан и Людмила». Обыденная практика создания переделок была крайне незамысловата и примитивна: брался какой-либо известный текст, менялось его заглавие на более интригующее и стандартное (в нем обязательно должны были быть слова «ужасное», «страшное», «кровавое», «таинственное» и т. п.), переименовывались действующие лица, перетасовывался сюжет, коверкался, насколько это возможно, язык, и в таком виде произведение высокой литературы «шло в народ». П. Н. Шарапов выпустил, например, книгу некоего «Черкесского князя Аз-Булата», под названием «Рассказ из кавказской жизни» — история с кровавыми приключениями, с заимствованиями из «Бэлы» Лермонтова, Губанов — искаженного до неузнаваемости «Боярина

Оршу». Неоднократно переделывались сказка П. П. Ершова «Конек-Горбунок», «Кавказский пленник» Пушкина, выходивший под разными названиями («Страшная ночь», «Турецкий пленник» и т. д.). Обработке подвергались исторические романы А. К. Толстого, «Юрий Милославский» М. Н. Загоскина и др.

Однако наиболее любим был лубочниками Гоголь, переделки произведений которого исчисляются сотнями. Искажая его произведения, издатели-лубочники не столько стремились избежать обвинений в контрафакции, сколько старались усилить эффект «страшных» повестей писателя из украинского цикла.

Другая группа литературных произведений представлена обширной продукцией целой армии особых «писателей», работавших по заказу лубочников. Чаще всего здесь встречаются имена В. Суворова, Н. и А. Пазухиных, М. Миронова, М. Евстигнеева, И. Кассирова. Лубочная книга начинает испытывать мощное влияние городского мещанского и воровского фольклора, пошловатых французских водевилей, скандальной газетной хроники. Начинается процесс деградации лубка, постепенное сведение его к типичному бульварному чтиву. В изобилии появляются различные сборники «пикантных рассказов, комедий, анекдотов» типа «Бездны удовольствий для молодых людей, любящих веселиться», «Возбудителя удовольствий жизни, веселья, любви и счастья» и т. п. То же самое относится к другому жанру рыночной беллетристики — «разбойничьим» романам. За 1—2 к. покупатель мог приобрести «роман» объемом в два печатных листа под названием «Любовь атамана Прокла, Медвежьей лапы». Большое влияние на литературу такого сорта оказал роман Н. И. Пастухова «Разбойник Чуркин», печатавшийся с продолжениями в издаваемом им «Московском листке» в 1882—1884 гг. и породивший массу подражаний.

Каждый лубочник, наряду с духовной и литературной книгой, считал своим долгом издавать разнообразные пособия и руководства, необходимые в обыденной жизни: «гадательные» книги, оракулы, хиромантии, сонники, песенники, календари. Число их огромно. Прочие отрасли — история, география, естествознание, техника — занимали крайне незначительное место в репертуаре лубочной продукции. Отметим, впрочем, издание всевозможных «лечебников» и «восстановителей здоровья», мистифицировавших публику, укореняя в ее сознании массу предрассудков и суеверий.

Издатель-лубочник в глазах интеллигентов-просветителей был чуть ли не главным врагом прогресса. Им казалось, что достаточно лишь вытеснить лубок, заменив его «идейной», улучшенной книгой, и народ (под которым понималось исключительно одно крестьянство) сразу же приникнет к «животворному источнику» — к тем подлинным ценностям, которые созданы мировой культурой. Ошибка их заключалась в том, что они подходили и к рыночным издателям, и к их продукции с единой меркой. Они не заметили тех изменений, которые наблюдались в 1890-х гг., когда плеяда «никольских» и других лубочных издателей начала распадаться на две группы: одни, под влиянием времени и тех же просветителей (особенно комитетов и обществ грамотности, земств, «Посредника») начинают постепенно изживать и изменять негативные стороны своего книжного дела; другие — превращаются в откровенно бульварных издателей,

потрафляющих грубым вкусам мещанской среды. Не обратили они внимания и на растущее влияние дешевой массовой прессы.

Лубочная книга, имевшая столь давние традиции, не могла сразу исчезнуть, как не могло измениться вдруг и читательское сознание. Не следует забывать также, что только благодаря лубочным книгам, а также произведениям старой рукописной традиции в русской деревне поддерживалось готовое угаснуть пламя книжного просвещения. Лубочная книга создавала, если можно так сказать, «среду книжного обитания», такую среду, в которой книга была привычным, обыденным явлением. Она прививала вкус к чтению, создавала известные условия и предпосылки для его развития. Успех лубочной книги, который, в сущности, почти не был поколеблен героическими и благородными усилиями издателей-просветителей, объясняется конкретными историческими условиями и тем, в частности, что ориентировалась она на устоявшийся литературный вкус. Кроме того, лубочники смогли создать эффективную и крайне дешевую организацию производства и распространения своей печатной продукции. Эти факторы и обусловили необычайную живучесть лубка и его популярности в среде русского низового читателя.

Примечания

1 Об издании «книг для народа» в 1860—1870-х гг. см.: Книга в России, 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 7—27.

2 В своей картотеке под названием «Материалы для опыта библиографического обзора издательств народной литературы», хранящейся в РГАЛИ (Ф. 106, оп. 1, д. 197), Ф. И. Витязев (Седенко) учел 345 издательств детской и народной литературы, действовавших в России во второй половине XIX — начале XX в.

3 Некрасова Е. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка, 1902. С. 46.

4 Что читать народу? СПб., 1889. Т. 2. С. 177.

5 Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и образования. 2-е изд. СПб., 1895. С. 275.

6 Цит. по кн.: Глеб Успенский: Материалы и исследования. М.; Л., 1938. С. 351.

7 Пчелка: Сб. рассказов, стихотворений и статей. М., 1891. Кн. 1—4.

8 См. выше, глава III.

9 О Березовском см. там же.

10 О «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина см. там же.

11 См. подробно: Блюм А. В. Издательская деятельность С.-Петербургского комитета грамотности (1861—1895) // Книга: Исслед. и материалы. 1979. Сб. 38. С. 99—117.

12 Статистические данные выявлены по следующим источникам: архивный фонд Комитета грамотности (РГИА. Ф. 91); Протопопов Д. Д. История С.-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Вольном экономическом обществе (1861—1895 гг.). СПб., 1898; Диксон К., Кетриц Б. С.-Петербургский комитет грамотности (1861—1911): Ист. очерк и воспоминания. СПб., 1911.

13 РГИА. Ф. 776, оп. 20, 1895 г., д. 1589. Л. 1.

14 Цит. по: Блюм А. В. Указ. соч. С. 111.

[15] РГИА. Ф. 734, оп. 3, 1895 г., д. 75. Л. 121—123.

[16] Там же. Ф. 776, оп. 20, 1895 г., д. 1489. Л. 31.

[17] См.: Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М., 1983. С. 60.

[18] Багалей Д. И. К десятилетию издательской деятельности Харьковского общества грамотности // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1911. Т. 20. С. 508—517. См. также: Зборовец И. В. А. С. Шабельская и книги для народного чтения // Книга: Исслед. и материалы. 1993. Сб. 65. С. 145—152.

[19] Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Арх.-библиогр. разыскания. М., 1962. С. 207—208; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Книги и период. издания. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1981. Вып. 1. С. 117.

[20] РГИА. Ф. 1284, оп. 188, 1909 г., д. 14. Л. 20.

[21] См.: Ложкин Н. П. Мои воспоминания об издательской работе Вятского земства / Публ. и предисл. В. Г. Шумихина // Вятка: Краевед. сб. Киров, 1972. С. 71—80; Борьба вятского земства с лубочными изданиями // Мир Божий. 1903. № 3. С. 27; Шумихин В. Г. Для жизни настоящей и будущей: (Книжное дело Вятского земства). Киров, 1996.

[22] Литературу о «Посреднике» см.: Белов С. В. Книга в России, 1850—1917 гг.: Материалы к указ. сов. лит., 1917—1982 гг. 2-е изд., доп. Л., 1983; Его же. Книга в России, 1850—1917 гг.: Материалы к указ. сов. лит., 1983—1990 гг. Л., 1991; Никольцева Г. Д. Книга в России, 1850-е гг.— 1917. Ч. I: Период с середины 50-х до середины 90-х гг.: Указ. дорев. лит. Л., 1986; То же. Ч. II. 1890-е — 1917 гг.: Указ. дорев. лит. СПб., 1994.

[23] Подробнее о связях Сытина с «Посредником» см.: Динерштейн Е. А. Указ. соч.; Лебедев В. К. Из истории сотрудничества книгоиздательства «Посредник» и издательской фирмы «И. Д. Сытин и К°» // Рус. лит. 1969. № 2. С. 209—212. См. также выше, глава III.

[24] См.: Обзор книг для народного чтения: Ежегодник Моск. комитета грамотности за 1894 г. М., 1895. С. 3, 5, 9.

[25] Шкловский В. Б. О «литературе народа» и о причинах выбора народом отдельных книг // Шкловский В. Б. Художественная проза: Размышления и разборы. М., 1961. С. 66.

[26] Ивин И. (псевд. И. Кассирова). О народно-лубочной литературе // Рус. обозрение. 1893. № 10. С. 782.

[27] РГИА. Ф. 734, оп. 3, 1904 г., д. 108. Л. 4091.

[28] РО РГБ. Ф. 358, карт. 13, д. 10.

[29] Подробнее об отношении читателей и цензуры к изданиям «Посредника» см.: Блюм А. В. Издательство «Посредник» и его читатели // История русского читателя: Сб. науч. тр. Л., 1979. Вып. 3. С. 62—75.

[30] См. подробно: Блюм А. В. Русская лубочная книга второй половины XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. 1981. Сб. 42. С. 94—114.

[31] Например: Горшков Ю. А. Русский лубок: от мануфактуры к фабрике // Книга: Исслед. и материалы. 1983. Сб. 47. С. 103—116; Дубин В. В., Рейтблат А. И. К истории изучения «народной» культуры города: незавершенная книга М. М. Никитина о русском лубке / Вступ. ст. к публ. работы М. М. Никитина «К истории изучения русского лубка» // Сов. искусствознание. 1986. Вып. 20. С. 391—419; Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 143—165; Копанева Н. П. Лубочная книга и массовая культура конца XIX — начала XX в.: (На примере лубоч. песенников) // Книга и культура: Тез. докл. 6-й Всесоюз. науч. конф. по пробл.

книговедения. Секция истории кн. (до окт. 1917). М., 1988. С. 58—59; Рудакова Н. И. Русские лубочные картинки второй половины XIX в.: (Гравюра на меди) // Русская и зарубежная графика в фондах ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1991. С. 25—39 и др. материалы. Примечательно также, что лубочная книга вызвала интерес ряда зарубежных исследователей. Наиболее значительным является исследование американского историка Брукса (Brooks J. When Russia learned to read: Literary and popular literature, 1861—1917. Princeton, 1985), где большое внимание уделяется русской лубочной литературе и массовой газетной периодике.

[32] Пругавин А. С. Указ. соч. С. 301.

[33] Подробнее см.: Динерштейн Е. А. Указ. соч.

[34] Подсчет сделан по материалам, собранным Московским комитетом грамотности (см.: Обзор книг для народного чтения: Ежегодник Моск. комитета грамотности за 1894 г. М., 1895).

Глава VI

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АВТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ

Пореформенный период отмечен резкими переменами во взаимоотношениях авторов и издателей. Усилившийся спрос на печатную продукцию, быстрое увеличение числа газет и журналов привели к профессионализации литературы и установлению четких стабильных отношений между издателями периодики и авторами. Возникли фиксированные гонорарные ставки, дифференцированные по типам и жанрам издательской деятельности [1]. На фоне предшествовавшего периода 1880-е — первая половина 1890-х гг. выглядят как время застоя, когда ранее сформировавшиеся нормы взаимоотношений издателей и авторов почти не изменялись. Скорее можно сказать, что шло их укоренение, превращение из недавней новинки в привычный компонент литературного быта.

Важнейшей причиной стагнации было свертывание реформ, а в ряде случаев проведение контрреформ в социально-политической сфере, выражавшееся в области печати в усилении цензурного гнета, затруднявшего обсуждение актуальных жизненных проблем. Правда, число периодических изданий (в 1890 г.— 483, в 1895 г.— 841) [2] и число названий выходящих за год на русском языке книг (в 1887 г.— 5 442, в 1895 г.— 8 728) [3] росли довольно быстро. Однако общую картину взаимоотношений в литературной среде это не меняло.

Число литераторов в эти годы увеличилось ненамного. Если в 1880 г. в литературной печати выступало примерно 700 авторов, то в 1895 г.— 830, т. е. за пятнадцать лет прирост составил 19 % (за предшествовавшие двадцать пять лет — 133 %) [4].

Замедлился процесс профессионализации литературы, сложившаяся система литературных взаимоотношений была по сути дела законсервирована, а в некоторых отношениях наблюдался небольшой «откат назад». Если в предшествовавшие годы шел быстрый рост доли женщин-писательниц, то с 1880 по 1895 гг. этот показатель даже несколько снизился (16,1 % и 15,9 %) [5]. Доля профессиональных литераторов, живущих на свои литературные доходы, также снизилась с 32,9 % до 30,0 %. Доля дворян несколько уменьшилась (с 67,7 % до 59,2 %), однако и в эти годы они составляли большинство писателей.

Если ранее писатель выступал главным образом как пророк, «человек искусства», идейный вождь, то теперь он многими рассматривается только как занимательный рассказчик, а писательский труд превращается в обычную профессию, к которой нередко обращаются те, у кого не сложилась служебная карьера и нет способностей к другим занятиям. Подобная ситуация очень выразительно (хотя и в несколько утрированном виде) передана в одной из юморесок Власа

Дорошевича: «Я должен сделаться писателем... Меня гонят за неплатеж с квартиры, кухмистерша отказывает давать мне обед, прачка не отдает белья... Я должен сделаться писателем... Ведь не поступать же мне в музыканты, когда я не умею играть ни на каком инструменте... Меня прогнали со службы, потому что у меня дурной почерк, но ведь для писателя не нужно хорошего почерка... Пять копеек за строчку! Я должен сделаться писателем»[6].

Основной формой связи авторов с издателями продолжала оставаться периодика. Именно сотрудничество в газетах и журналах позволяло литераторам наладить и закрепить контакты с издателями. Необходимо добавить, что специфику данного периода составляло выдвижение на первый план иллюстрированных еженедельников и газет, которые постепенно «оттесняли» толстые журналы на вторые роли. Подобные издания, частота выхода которых была значительно выше, чем у ежемесячников, нуждались в постоянных сотрудниках редакции, регулярно поставляющих материалы в номер (репортеры, фельетонисты, «передовики», рецензенты, юмористы и т. д.). Соответственно растет в эти годы число журналистов, газетных и журнальных «поденщиков», не имеющих литературного имени. Журналист оказывался «прикован» к своему изданию и тем самым к его издателю. Особенно это было характерно для провинциальных газет. Н. П. Ашешов, в 1893—1895 гг. редактировавший «Самарскую газету», отмечал, что в провинции «фактически „ведет" газету, т. е. создает материал одно, редко — два лица. Провинциальный фактический редактор газеты поневоле должен быть энциклопедистом. Если он желает придать изданию характер живого, отзывчивого органа, он должен писать по всем отделам газеты и заполнять своим личным трудом те пробелы, какие естественно являются вследствие отсутствия сотрудников и организации работы по принципу разделения труда»[7]. А. В. Амфитеатров, сотрудничавший в 1888—1890 гг. в тифлисском «Новом обозрении», вспоминал, что ему «приходилось писать чуть ли не целую газету»[8].

Постоянные взаимоотношения у авторов с книгоиздателями складывались лишь тогда, когда издатель был уверен в сбыте приобретенных рукописей. На это могли рассчитывать только известные литераторы с устоявшейся репутацией. В профессиональной печати отмечалось, что «громких литературных имен, сочинения которых покупаются нарасхват, немного,— раз, два, три, да и обчелся. Рукописей их ожидают как манны небесной, и не авторы эти к издателям, а издатели к ним забегут десятки раз со справками — нет ли чего новенького,— но это счастливые исключения»[9]. Часто известные литераторы доверяли определенным издателям публикацию всех своих книг (А. П. Чехов, например, в 1888—1893 гг. издавался только у А. С. Суворина). Н. С. Лесков писал о книгопродавце И. Л. Тузове: «Он мой постоянный издатель и покупатель, достаточный человек и аккуратный плательщик»[10].

Часто издатели газет и журналов выпускали книги постоянных своих сотрудников, что объяснялось стремлением не столько получить доход от издания, сколько «привязать» к себе ценимого писателя, оказав ему услугу. Так, редакция журнала «Русское богатство» издавала книги В. Г. Короленко, Н. Г. Гари-

на-Михайловского и др., А. С. Суворин, издатель газеты «Новое время»,— книги А. Н. Маслова, А. А. Дьякова, И. Л. Леонтьева, Н. М. Ежова; Н. А. Лейкин, издатель журнала «Осколки»,— книги Л. И. Пальмина, К. С. Баранцевича, А. П. Чехова и т. д.

Следует отметить, что немногочисленные «идейные» издатели, для которых прибыль не являлась главной целью издательской деятельности, старались привлечь к работе ценимых ими авторов и высоко оплачивали их труд (так, например, И. И. Билибин, Л. Ф. Пантелеев и К. С. Солдатенков стремились подыскать литературную работу Чернышевскому и материально обеспечить его). Если обычно издатель наживался на труде авторов, то сотрудники «идейных» издателей, например, Ф. Ф. Павленкова, нередко «эксплуатировали» их, забирая авансы и не выполняя взятых на себя обязательств [11].

Авторы, находившиеся на нижних ступенях литературной иерархии, также были тесно связаны со своими издателями — рыночными книготорговцами. Как отмечалось тогда, «к услугам рыночника всегда существуют особого рода авторы и литераторы, поставщики дешевого товара, готовые писать обо всем, о чем угодно, хотя бы и о том, чего вовсе не знают... Сам издатель смыслит очень мало и обыкновенно бывает озабочен лишь тем, чтобы дать книге позабористее заглавие, да иметь поподробнее оглавление»[12]. Эти авторы (нередко их называли «алтынными литераторами») писали в год от 10 до 20 книг [13].

Однако покупка авторских прав на рукопись и последующий самостоятельный выпуск книги издателем практиковались не очень широко, так как зачастую были связаны с финансовым риском. Гораздо более была распространена публикация книги «на счет» издателя. Например, когда в 1880 г. А. Н. Островский и Н. Я. Соловьев решили выпустить сборник совместно написанных пьес, то, по сообщению Соловьева Островскому, «купить издание Суворин отказался, мотивируя это тем, что пришлось бы или себя или нас обсчитать,— дело гадательное, а на свой счет издать изъявил готовность». Авторы и издатель договорились, что «первая продажа пойдет на покрытие расходов по изданию; затем книжная торговля берет 30 % и... Суворин 5 %, всего 35 %, причем он принимает на свой счет объявления»[14]. Соглашаясь на подобную сделку, издатель, как правило, ничем не рисковал, так как расходы на издание быстро покрывались, а вот автор получал деньги очень не скоро, а нередко и не получал их совсем. В данном случае, например, книга вышла в 1881 г., а через два года было продано лишь немногим более трети тиража, причем доход авторов составил только 353 р.[15]

Как и ранее, широко было распространено издание своих произведений самими авторами. Поскольку профессиональные издатели стремились выпускать только те книги, которые имели гарантию сбыта, начинающие авторы, особенно поэты и провинциалы, были вынуждены сами издавать свои книги. К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, С. Д. Дрожжин, Н. М. Минский и многие другие поэты сами осуществляли издание первых своих поэтических сборников. В. М. Гаршин сам издал первую свою книгу «Рассказы» (СПб., 1882). А. П. Чехов в 1883 г. пытался издать сборник рассказов «На досуге», но из-за недостатка

средств печатание книги не было завершено. Свою первую опубликованную книгу «Сказки Мельпомены» (М., 1884) он напечатал за 200 р., причем в кредит, обязавшись оплатить расходы в течение четырех месяцев. Подобные примеры можно приводить десятками.

Малоизвестному автору было невыгодно издавать свои книги. В печати отмечалось, что «ввиду требуемой книгопродавцем скидки, дороговизны публикаций (т. е. рекламных сообщений о книге.— Авт.) и прочих расходов автор вынужден назначать высокую цену, книга расходится плохо, деньги он выручает по грошам...»[16] «Издать частному лицу какое-либо сочинение — тяжелая обуза с перспективой верных убытков. ...Издав, он отдает свои книги на комиссию в магазины: но... добиться расчета с большею частью книгопродавцев дело совершенно немыслимое»[17].

Другая категория писателей, издававших собственные произведения,— широко известные авторы, уверенные, что и без рекламы читатели раскупят их книги. Так, П. В. Засодимский издал свое собрание сочинений, С. А. Толстая и А. Г. Достоевская также выпускали сочинения своих мужей. Постоянно издавал свои книги М. Е. Салтыков-Щедрин. Он писал: «Что может быть проще; напечатать известное число в типографии в долг и потом продавать экземпляры с уступкою, хотя и большою. Все же лучше, нежели продавать право на издание»[18]. Эта «уступка» нередко доходила у него до половины стоимости книги, но и в этом случае «самоиздание» было более прибыльным, чем продажа авторских прав[19]. Аналогичную точку зрения формулировал и Н. С. Лесков: «Продать все сразу за наличные деньги по полтине за номинальный рубль — цена очень хорошая. (Иначе.— Авт.) 35 % будут на комиссию и взраздробь, а там поди еще — выбирай по грошам, да еще и что-нибудь заваляется и засядет»[20]. В целом, по нашей оценке, в эти годы среди изданий современной поэзии авторские составляли подавляющее большинство, среди изданий прозы к их числу принадлежало не менее половины.

Материальное положение писателей продолжало оставаться неустойчивым. Профессионалы-литераторы, не нашедшие себе места в редакции какого-либо периодического издания, все так же, как и ранее, были обречены на многописание, спешку и неуверенность в завтрашнем дне. Г. И. Успенский писал в 1887 г.: «Я... утомлен *беспрерывной работой* во все 25 лет. ...Я не имел отдыха ни одного месяца и если не печатал, то постоянно должен был писать и писать»[21]. О периоде конца XIX в. Вас. И. Немирович-Данченко вспоминал в таких выражениях: «Нам, литературному пролетариату, время — деньги, и уж очень-то щедро тратить его не приходилось. Случалось продавать самые дорогие сердцу авторскому произведения на корню, и наша совесть маячила, потому что работалось впроголодь и впрохолодь. Да еще на каждый наш рубль десяток ртов было разинуто»[22].

Ситуацию, в которой беллетрист в силу экономических условий своего существования стремился к получению гонораров и их росту, а в силу господствующей трактовки литературы как «служения идеалам» отрицательно относился к продаже плодов своего литературного творчества, ярко иллюстрирует воз-

никновение специфического жанра, который можно было бы назвать «романом писательского краха». В представляющих его произведениях рассказывалось о судьбе писателя, стремящегося писать настоящие, подлинные вещи, но вынужденного из-за денег заниматься литературной поденщиной или жить в нищете. Уже сами названия романов и повестей П. Д. Боборыкина («Долго ли?», 1875), А. К. Шеллера-Михайлова («На пути к известности», 1877), И. Н. Потапенко («Святое искусство», 1885), И. Л. Леонтьева-Щеглова («Убыль души», 1891), Вл. И. Немировича-Данченко («На литературных хлебах», 1891) дают представление об их содержании.

Если с конца 1850-х до начала 1870-х гг. гонорарные ставки в журналах выросли примерно в полтора раза [23], то с начала 1870-х до середины 1890-х гг. на прозу и публицистику они увеличились лишь на треть, а на поэзию даже снизились (указана плата в рублях рядовым авторам) [24].

Вид публикаций	Журнал	
	«Отечественные записки» (1871)	«Вестник Европы» (1894—1897)
Проза (за 1 печатный лист)	60—75 (максимум — 125)	80—100 (максимум — 250)
Поэзия (за 1 стихотворение)	15—20	10—15
Статья (за 1 печатный лист)	60—75	80—100

В «Русском богатстве» в конце века средняя ставка за прозу составляла 60—80 р. за лист (при максимуме — 150 р.) [25]. Одни и те же писатели, печатавшиеся в «Русском богатстве» и «Вестнике Европы», получали в первом существенно меньше: В. И. Дмитриева соответственно 70—80 и 100 р. за лист, В. Г. Богораз и И. П. Белоконский — 60 и 80 р.

Приведем сведения о гонорарной ставке (за 1 п. л.) наиболее известных литераторов 1880—1890-х гг. (в рублях):

1880-е гг.		1890-е гг.	
Тургенев И. С.	350	Толстой Л. Н.	1000
Лесков Н. С.	300	Лесков Н. С.	500
Достоевский Ф. М.	300	Чехов А. П.	500
Салиас Е. А.	300	Успенский Г. И.	400
Щедрин Н.	250	Авсеенко В. Г.	250
Успенский Г. И.	250	Боборыкин П. Д.	250
Гаршин В. М.	200	Салиас Е. А.	250
Златовратский Н. Н.	200	Апухтин А. Н.	200
Соловьев Вс. С.	200	Шапир О. А.	200
Чехов А. П.	200	Ясинский И. Н.	200
Голицын-Муравлин Д. П.	150	Виницкая А. А.	150
Салов И. А.	150	Головин К. Ф.	150
Шеллер А. К.	150	Горький М.	150
Эртель А. И.	125	Златовратский Н. Н.	150
Ясинский И. И.	125	Короленко В. Г.	150
Гирс Д. К.	125	Мамин-Сибиряк Д. Н.	150

Виницкая А. А.	100	Немирович-Данченко Вас. Ив.	150
Мамин-Сибиряк Д. Н.	100	Потапенко И. Н.	150
Осипович (Новодворский) А. О.	100		

Характерной чертой описываемого периода является тот факт, что ценным товаром становится собрание сочинений известного автора, а многие писатели в конце своего творческого пути получают за них значительные суммы. А. Н. Островский в 1884 г. продал авторские права на свои сочинения (на одно издание) за 13 тыс. р., И. С. Тургенев в 1882 г. (на таких же условиях) — за 25 тыс. р., Г. И. Успенский в 1886 г. уступил права на все написанные к тому времени произведения за 19 тыс. р., И. А. Гончаров продал свое собрание сочинений за 35 тыс. р. У М. Е. Салтыкова-Щедрина фирма Салаевых была готова купить в 1889 г. собрание сочинений за 60 тыс. р. (сделка не состоялась из-за несогласия Щедрина с одним из пунктов договора, и он стал издавать их сам). Вдове Ф. М. Достоевского издатели давали за права на собрание его сочинений 10—12 тыс. р., однако она предпочла издать его сама (в 1881—1883 гг.), что дало 75 тыс. р. чистой прибыли (позднее она выпустила еще несколько изданий). Цены на собрания сочинений быстро росли. В 1896 г. за право собственности на все произведения Лескова А. Ф. Маркс заплатил его наследникам 75 тыс. р.

С 1890-х гг. вновь начинается рост гонорарных ставок. Эти же годы отмечены появлением поэтов, живших только на гонорары (Л. Н. Афанасьев, О. Н. Чюмина, К. М. Фофанов и др.), однако и в этот период рост средней гонорарной ставки (в 1890-е гг. она достигла примерно 100 р. за лист прозы) компенсировался соответствующим ростом цен.

Следует отметить, что размер ставки в XIX в. во многом зависел от адресата, к которому обращался автор. Структуру читательской аудитории можно сравнить с пирамидой: чем выше был социальный и культурный статус читателей, тем ниже была численность этой группы. Но даже небольшая по численности группа «элитарных» читателей могла в целом платить за издание больше, чем многочисленная, но малоимущая группа низовых читателей. В результате, если рядовой сотрудник «толстого» журнала получал 100 р., а сотрудник «тонкого» журнала 20—30, то автор лубочных брошюр довольствовался 3—5 р. за печатный лист. Таким образом, в отличие от современной практики, тираж издания и гонорарная ставка находились долгое время по сути дела в обратно пропорциональной зависимости (чем выше тираж, тем ниже гонорар).

Рост гонорарной ставки в конце XIX в. определялся широким распространением и конкуренцией тонких иллюстрированных журналов («Нива», «Север», «Родина») и массовых газет («Новое время», «Русское слово»), где гонорар нередко был выше, чем в «толстых» журналах.

Давая общую оценку характеризуемого периода, следует отметить, что внешне 1880-е — первая половина 1890-х гг. не были отмечены существенными переменами во взаимоотношениях между авторами и издателями. Сложившиеся ранее закономерности (периодика как основная форма связи между ними, низкие гонорары, трудности в поисках издателя книги и т. п.) продолжали дей-

ствовать и в эти годы. Однако отмечавшиеся в начале 1890-х гг. рост гонорарных ставок, повышение спроса на книги, особенно на собрания сочинений, успех ряда изданий, осуществленных самими литераторами, демонстрируют, что подспудно создавалась почва для существенных перемен в последующий период.

Примечания

[1] См.: Книга в России, 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 38—43. См. также: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 78—96.

[2] См.: Лисовский Н. М. Периодическая печать в России // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703—1903. СПб., 1903. С. 22, 24.

[3] См.: Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX веках. М.; Л., 1931. С. 203.

[4] Эти и приводимые ниже данные по составу корпуса литераторов подсчитаны по первому тому биографического словаря «Русские писатели, 1800—1917» (М., 1989). Методика подсчетов изложена в 3-м томе издания «Книга в России, 1861—1881» (с. 43). Учитывая принципы составления словаря, можно констатировать, что газетные и журнальные поденщики, число которых ощутимо выросло в 1880—1890-х гг., отражены в этом справочнике в минимальной мере, и, соответственно, наши подсчеты несколько занижают реальный рост.

[5] Об этом свидетельствуют и данные переписей населения Петербурга, где было сосредоточено значительное число женщин, занимающихся литературой. Если в 1881 г. среди ученых и литераторов (подсчет шел суммарный, но число ученых среди женщин было невелико) на долю женщин приходилось 18 %, то в 1890 г.— лишь 13 %. (См.: В. Яр. [Яроцкий В. Г.]. Литературная, издательская и библиотечная деятельность в Петербурге // Книговедение. 1894. № 3. С. 6).

[6] Wlas [В. Дорошевич] Литератор поневоле // Будильник. 1887. № 19. С. 8.

[7] Цит. по: Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904. Т. 6. С. 368.

[8] Там же. С. 268, 332.

[9] [Передовая] // Кн. вестн. 1887. № 4—5. С. 160—161.

[10] Лесков Н. С. Собр. соч. М., 1958. Т. 11. С. 260.

[11] См.: Сементковский Р. Встречи и столкновения // Рус. старина. 1912. № 3. С. 497—498.

[12] Книжное и литературное дело // Библиограф. 1892. № 4—5. С. 209. См. также: Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 45—47.

[13] Бахтиаров А. А. История книги на Руси. СПб., 1890. С. 259.

[14] Цит. по: Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1928. Вып. 42. С. 84.

[15] См.: Там же. С. 100.

[16] Столичный книгопродавец: Письмо в редакцию // Кн. вестн. 1887. № 7. С. 299.

[17] Кн. вестн. 1884. № 3—4. Стб. 83—84; см. также передовую: Кн. вестн. 1886. № 6. С. 297—301.

[18] Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1977. Т. 19. С. 50.

[19] Там же. Т. 19. С. 49; Т. 20. С. 109.

[20] Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 11. С. 260.

[21] Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 14. С. 61.

[22] Немирович-Данченко Вас. И. На кладбищах. Ревель, 1921. С. 25.

[23] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 3. С. 40—41.

[24] Гонорарные ведомости «Отечественных записок» опубликованы в «Литературном наследстве» (Т. 53—54. М., 1949); Гонорарная книга «Вестника Европы» за 1894—1897 гг. хранится в РО ИРЛИ (Ф. 293, оп. 3, д. 10).

[25] Гонорарные ведомости «Русского богатства» за конец XIX в. хранятся в ОР РНБ (Ф. 211, д. 1252—1260).

Глава VII

КНИЖНОЕ ДЕЛО В ПРОВИНЦИИ

Развитие книжного дела в провинции в рассматриваемый период определялось в основном теми же тенденциями, которые были характерны и для 1860—1870-х гг. Продолжали действовать все те факторы, которые обусловливали рост книгоиздания и книготорговли в губернских и уездных российских городах: развивались наука и техника, усложнялась общественная жизнь, постепенно повышалась грамотность народных масс, росли культурные потребности.

Нужно, однако, иметь в виду, что 1880-е гг. в истории России были эпохой тяжелого экономического кризиса и сопряженной с ним политической реакции. Застойные и кризисные явления в экономике, контрреформы в различных областях внутренней политики, усиление репрессий против печати не могли не отразиться и на развитии книжного дела. Его рост, обусловленный названными выше объективными факторами, не мог, разумеется, совсем прекратиться, но был существенно замедлен. Лишь ближе к середине 1890-х гг. появляются признаки нового экономического подъема, однако вызванное им бурное развитие книжного дела выходит уже за рамки рассматриваемого периода.

Следует отметить, что в провинции, сравнительно со столицами, влияние идеологических факторов сказывалось слабее. Либеральные веяния в периоды общественных подъемов доходили до провинции с большим трудом, и цензурный гнет был величиной относительно постоянной. Сказывалось также общее отставание провинциального книжного дела, проходившего те же этапы, что и столичное, но зачастую гораздо позднее. Так, для сибирского книгоиздания и книготорговли период бурного количественного и качественного роста пришелся как раз на 1880—1890-е гг., в то время как на территории Центральной России он имел место в 1860—1870-х гг. Ряд исследователей провинциального книжного дела указывают, что на многие региональные книгоиздательские центры не распространяются общепринятые представления о динамике книгоиздания и что после фронтального воссоздания местного репертуара эти представления, бесспорно, будут серьезно пересмотрены [1].

Продолжало возрастать количество издававшихся в провинции книг. По нашим данным, в 1881 г. их было 2 401, в 1885 — 2 859, в 1890 — 3 906, в 1895 — 5 381. Постепенно увеличивалась и доля провинциальной книги в общем объеме российского книгоиздания. Так, в 1885 г. она составляла около 37 %, в 1895 — около 40. Но в целом по-прежнему сохраняется приоритет столичного книгоиздания: в 1881—1895 гг. в Петербурге и Москве было выпущено книг и брошюр в 1,6 раза больше, чем в провинции [2].

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. растет число городов, где осуществлялось книгопечатание, т. е. была издана хотя бы одна книга. Если в 1890 г. таких городов было 141, то в 1895 г.— уже 172 [3]. Однако число городов, где масштабы книгоиздания можно назвать значительными, где печаталось в год более ста книг, даже к концу описываемого периода не превысило 12. Кроме Петербурга и Москвы, сюда входили Варшава, Вильно, Казань, Киев, Одесса, Ревель, Рига, Тифлис, Харьков, Юрьев. То есть из центров собственно русского книгопечатания, кроме столиц, по-прежнему выделялись лишь университетские города. Для оставшихся 160 городов, печатавших в 1895 г. книги, среднее количество изданий за год составило 6,06. По 1 книге было напечатано в 52 городах, от 2 до 10 — в 81, от 10 до 100 — в 27. Если взять губернские центры, то обращает внимание, как и в предшествующий период, большая неравномерность в развитии книгоиздания. Например, в 1892 г. в Петрозаводске были напечатаны две книги, во Владимире, Костроме, Тамбове — 3, в Самаре и Томске — 6, в Курске, Нижнем Новгороде и Твери — 10, в Воронеже и Пскове — 16, в Саратове — 17, в Вятке — 18, в Новгороде — 28. При этом разница в уровне книгоиздания не определяется однозначно величиной города и его экономическим развитием. Играли, видимо, большую роль культурные и собственно книжные традиции. Впрочем, подчеркнем еще раз, что до воссоздания полных региональных издательских репертуаров все такого рода оценки, основанные на заведомо неполных данных центральной книжной статистики, имеют, в определенной мере, условный характер.

В подавляющем числе губерний книгоиздание осуществлялось лишь в самом губернском центре. Тем не менее по состоянию на 1890 г. число городов, издававших книги, составляло, по данным Л. Н. Павленкова, в Московской, Нижегородской, Новгородской, Пермской, Рязанской губерниях — 2, Воронежской, Ярославской — 3, С.-Петербургской, Саратовской, Тамбовской — 4, Владимирской — 5. Укажем для сравнения, что в Лифляндской губернии эта цифра в том же году равнялась 8, поскольку в прибалтийских губерниях, где книгоиздание было преимущественно нерусским, общий уровень развития книжного дела был существенно выше, чем в среднем по стране. В целом же можно говорить о том, что книгоиздательское дело в губерниях было развито слабо.

Между тем типографская база в провинции потенциально давала гораздо бóльшие возможности для местного книгоиздания. Число типографий, притом не только в губернских городах, постоянно возрастало, и в конце рассматриваемого периода отмечалось, что во «внутренней России… почти нет ни одного уездного городка, где бы не было типографии, а во многих имеется по две и по три»[4].

По нашим сведениям, общее количество типографий, литографий и типолитографий выросло с 1881 г. по 1895 г. с 846 до 1047 [5].

По данным Л. Н. Павленкова, в 1895 г. в 258 типографиях отпечатано лишь по 1 книге, в 303 — от 2 до 10. Только в 23 типографиях печаталось более 100 книг в год, 17 из них находились в Петербурге и Москве. Существенно меньше, чем у столичных, были и тиражи издававшихся книг. Большинство типогра-

фий, напечатавших по одной книге, выпустили их мизерным тиражом — от 20 до 50 экз. Ограничения для развития книгоиздания в провинции были, таким образом, не технического, а экономического свойства.

Большую остроту приобрела в этих условиях конкурентная борьба между типографскими заведениями. Эти вопросы, в частности, подробно обсуждались на Первом съезде русских деятелей по печатному делу, проходившем в Петербурге весной 1895 г. В одном из докладов, специально посвященном проблемам провинциальных типографий, указывалось, что при существовании трех типов типографий — казенных, земских и частных — между ними идет острая конкурентная борьба, в которой частные заведения находятся в невыгодном положении. Если земские типографии, по мнению докладчика, стали вестись «на чисто коммерческих началах», обращая особое внимание на привлечение частных заказов и на совершенствование технической стороны дела и не прибегая к репрессивным мерам, не обязывая даже уездные земства отдавать свои работы только в типографию губернского земства, то иначе обстояло дело с казенными типографиями. «Администрация казенных типографий... репрессивными мерами заставляет некоторые учреждения, как то: волостные и сельские управления, ссудно-сберегательные кассы, даже частных лиц, получать печатные работы для их канцелярий обязательно из казенной типографии... Заручившись таким крупным заказчиком..., казенные типографии в свободное время принимают заказы и частные по пониженным ценам, заставляя частного предпринимателя или сидеть без работы, или же работать себе в убыток»[6].

В другом докладе подробно анализировались факторы, позволяющие казенным типографиям (в первую очередь, типографиям губернских правлений) удешевлять стоимость работ сравнительно с частными типографиями: 1) основной капитал получен ими от правительства безвозвратно и беспроцентно; 2) они печатают губернские ведомости, на которые в обязательном порядке подписываются ряд правительственных учреждений и в которых также обязательно помещаются определенные категории объявлений, при этом наиболее оплачиваемые, т. е. доход от газеты стабилен и достаточно велик; 3) они помещаются в казенных помещениях, за которые не вносят платы; 4) не платят налогов, кроме промыслового свидетельства; 5) не платят почтовых пошлин за пересылаемую корреспонденцию[7].

Вместе с тем, как указывали докладчики, казенные типографии запрещают частным принимать работы и продавать произведения печати чиновникам управлений, подведомственных губернским правлениям, и даже ограничительно влияют на выдачу разрешений на открытие типографий[8].

Участники съезда предлагали ходатайствовать перед правительством об установлении минимума цен, ниже которых казенные типографии не должны опускаться, и даже об ограничении для них приема частных заказов. В окончательную резолюцию вошла следующая формулировка: «1) ходатайствовать перед правительством... об устранении репрессивной, монопольной конкуренции казенных типографий и 2) ходатайствовать о запрещении казенным типографиям участвовать на торгах»[9]. Ходатайства эти последствий не имели.

Поднимался на съезде также вопрос о кредитах для типографий, издателей и книготорговцев, так как неурегулированность проблемы кредита сильно тормозила развитие этих отраслей книжного дела[10].

По своему характеру книгоиздание в провинции продолжало оставаться преимущественно ведомственным. Ведомственные издания, прежде всего отчеты, выпускали многие государственные учреждения, начиная с губернских правлений и заканчивая казенными гимназиями и больницами. Некоторые учреждения выпускали более широкий круг литературы. Так, среди крупнейших книгоиздающих организаций в губернских городах были статистические комитеты, выпускавшие губернских памятные книжки и календари, а также историко-краеведческие сборники, труды по истории, этнографии, сборники фольклорных материалов. А. И. Слуцкий, например, отмечает, что «издательская продукция статистических комитетов Северного Кавказа составляет бо́льшую часть всего местного издательского репертуара»[11].

Довольно активную издательскую деятельность осуществляли губернские ученые архивные комиссии, которые начали создаваться с 1884 г. Они публиковали сборники архивных документов и материалов, библиографические указатели, каталоги, путеводители, а также юбилейные и памятные сборники, посвященные каким-либо датам или личностям. Суммарное количество изданий архивных комиссий в изучаемый период было максимальным в 1888 и 1889 гг.— по 28 изданий в год. В первой половине 1890-х гг. отмечается определенный спад[12].

Заметный вклад в книгоиздательскую деятельность в провинции вносили земские учреждения. Помимо периодически выпускавшихся небольшими тиражами и не предназначенных для широкого распространения журналов, отчетов и смет губернских и уездных земств и подведомственных им учреждений, земства издавали статистические сборники, сборники материалов по народному образованию и здравоохранению, популярную литературу по сельскому хозяйству и различным отраслям прикладных знаний. Постепенно складывалась система земской периодики — ежемесячные и еженедельные издания, а также специализированные издания по здравоохранению, народному образованию, санитарии и пр. В разных губерниях, в зависимости от активности работы земства, уровень издательской деятельности сильно различался.

Выпускали свои издания многочисленные благотворительные учреждения и организации, культурные и научные общества, библиотеки, музеи. В качестве книгоиздающих организаций зачастую выступали редакции местных газет. В Сибири очень большую роль в книжном деле, как и вообще в культурном развитии, играло Русское географическое общество и его региональные отделения.

Постепенно возрастало и количество книг, появившихся в свет благодаря частной инициативе, но это, как правило, были издания, предпринятые самими авторами. В провинции по-прежнему не существовало условий для книгоиздания на коммерческой основе, поскольку не был обеспечен стабильный спрос на книжную продукцию, отсутствовала система кредитования, ощущалась слишком сильная конкуренция со стороны столичных издателей. Ближе всего к ком-

мерческому книгоизданию приближались издававшие книги типографии и редакции газет, также, как правило, имевшие собственную полиграфическую базу.

Что касается системы распространения книг в провинции, то следует отметить, что книготорговая сеть постепенно расширялась (по нашим сведениям, число стационарных книготорговых заведений — магазинов, лавок, ларей, киосков, складов — к 1895 г. почти удвоилось по сравнению с 1881 г.) [13], но процесс шел противоречиво, и в целом развитие этой сети оставалось недостаточным. В ряде губернских городов продолжали существовать образовавшиеся ранее крупные книжные магазины (такие как «Приволжская книжная торговля» в Саратове, магазины П. И. Макушина в Томске и Петровских в Перми, «Книжный музей» в Нижнем Новгороде и др.). Возникали новые крупные книготорговые предприятия, но они являлись не правилом, а исключением. Преимущественным типом книготоргового заведения в провинции оставались мелкие лавки, очень распространена была продажа книг в торговых заведениях другого профиля (галантерейных, бакалейных), где книги не являлись основным товаром.

Значительная часть книжной продукции в провинции продолжала распространяться, минуя книготорговую сеть. По своим каналам — путем бесплатной рассылки и обмена изданиями — распространялась ведомственная литература, составлявшая, как уже говорилось, существенную часть книжной массы. Если книги продавались, то, как правило, этим занималось само издающее учреждение.

Важным каналом получения книг в провинции по-прежнему оставалась выписка из столиц, чем, естественно, могла пользоваться образованная и достаточно состоятельная часть населения.

Что касается распространения книг среди более широких слоев населения, в особенности крестьянства, то, наряду с торговлей вразнос, в описываемый период все больший размах приобретает новый фактор — деятельность земских книжных складов. Так, книжный склад Тверского земства, созданный еще в 1877 г., в 1889 г. продал книг на 20 тыс. р. Характеризуя работу этого склада, В. Вахтеров писал: «Приобретая товар по возможности из первых рук, склад продает его, прибавляя к покупной стоимости лишь расходы по перевозке и 10 % на содержание склада, и тем значительно удешевляет цены для своих покупателей. В складе имеются учебники, учебные принадлежности и пособия не только для сельских школ, но и для других учебных заведений, русские классики, детские книги, дешевые народные издания и канцелярские принадлежности. Для многих учреждений склад отпускает товар в кредит»[14].

Книжные склады были уже не только губернскими, но, во многих губерниях, и уездными, причем некоторые из них распространяли в год по нескольку десятков тысяч экземпляров книг. Открывались отделения складов при сельских училищах, что представлялось особенно перспективным, поскольку максимально приближало книгу к потенциальному крестьянскому читателю. В. Вахтеров упоминает об одной сельской школе, которая за 4 месяца сумела распространить в народе 3 тыс. экз. книг [15].

Основным поставщиком литературы для земских книжных складов являлись Петербургский и Московский комитеты грамотности. Достаточно сказать,

что лишь в 1891 г. Петербургский комитет разослал в провинцию 50 045 экз. книг на сумму в 6 тыс. р., а Московский — 2 615 экз. на сумму в 593 р.[16]

Следует особо подчеркнуть, что в рассматриваемый период специально созданная «для народа» художественная и просветительская литература стала реально конкурировать с литературой лубочной, преобладавшей в торговле вразнос.

Говоря о развитии книжного дела в провинции, нельзя не коснуться того пагубного воздействия, которое оказывала на него политика правительства. Рассматривая книгу как предмет потенциально опасный, могущий служить распространению нежелательных идей, а печатный станок как орудие для создания прокламаций, правительство подвергало книжную торговлю, библиотечное дело, а также типографские и литографские заведения и вообще любую множительную технику самому строгому надзору и регламентации.

Процедура получения разрешения на открытие типографии или книготоргового заведения сама по себе была непростой. Подавалось прошение на имя губернатора. Затем делались запросы в жандармское управление — не проходил ли заявитель по каким-либо политическим делам — и в полицейское управление по месту жительства — о его «нравственных качествах и поведении». Запросы эти не были пустой формальностью, результат мог быть как положительным, так и отрицательным. К подателю прошения могло и не быть личных претензий, и отказ мог исходить из соображений «целесообразности» — скажем, если соответствующий полицейский чин считал, что в населенном пункте уже «достаточно» тех заведений, которые существуют.

Под постоянным контролем находилось движение типографского оборудования. Приобретая или продавая типографский станок, другое оборудование, шрифты, клише и пр., владелец типографии обязан был уведомить об этом чиновника, надзирающего за типографиями. Одновременно соответствующее уведомление приходило и от надзирающего за типографиями в той губернии, откуда поставлялось оборудование, так что контроль получался двойной.

При приобретении множительной аппаратуры (гектограф, полиграф и даже входившая тогда в употребление пишущая машина), покупаемой управлениями промышленных и торговых предприятий, нотариусами, т. е. теми лицами и организациями, которые вели большое количество однотипной корреспонденции, нужно было иметь характеристику того сотрудника, который будет непосредственно на ней работать (также из жандармского управления и полиции), а кроме того поручительство, что аппарат будет помещен в хорошо запирающемся помещении и недоступен для посторонних.

Атмосфера подозрительности, запретов и бюрократических проволочек, разумеется, не способствовала развитию частной инициативы в книжном деле.

Таким образом, мы видим, что книжное дело в российской провинции в 1880-х — первой половине 1890-х гг. отразило в своем развитии общие противоречивые тенденции экономической и политической ситуации в стране. Как и в предыдущие десятилетия, это развитие шло в данный период в разных губерниях неравномерно. Поэтому, как и в первой серии нашего исследования, исто-

рия книжного дела рассматривается здесь на примере нескольких губерний (Вологодской, Нижегородской, Пермской и Саратовской), для которых характерен разный уровень развития книгоиздания, книготорговли, библиотечной сети [17]. Следует подчеркнуть, что материал об отдельных губерниях построен не единообразно (заранее заданная разным авторам единая схема однотипных разделов сделала бы, на наш взгляд, изложение материала более сухим и формальным). Пермской и Вологодской губерниям посвящены комплексные очерки (во втором из них значительное место занимает деятельность земских библиотек). В разделе о Нижегородской губернии основное внимание уделено одному из самых интересных местных изданий второй половины XIX столетия — «Нижегородскому сборнику». Автор раздела о Саратовской губернии особенно подробно рассказывает о развитии полиграфической базы местного книгоиздания. Как и в первой серии монографии, в главе помещен общий очерк истории книжного дела в Сибири. Завершают главу материалы о развитии книжного дела на Дальнем Востоке [18].

Вологодская губерния

В экономике Вологодской губернии в 1880-е — начале 1890-х гг. развивались традиционные направления, основным из которых оставалось сельское хозяйство. Культурная жизнь в Вологде и наиболее крупных уездных центрах (Тотьме, Великом Устюге) не отличалась разнообразием. Можно отметить лишь празднование 100-летнего юбилея В. А. Жуковского в 1883 г. и открытие отреставрированного музея — домика Петра I в Вологде в 1885 г.

Богатая историческим прошлым, памятниками старины, а также природным разнообразием, Вологодская губерния с 1880-х гг. становится предметом изучения со стороны не только местных деятелей, но и многочисленных экспедиций Русского географического общества.

Тяга к изучению края в историческом и естественнонаучном планах силами местных краеведов имела непосредственное отношение к развитию книжного дела в губернии.

В 1880-х — начале 1890-х гг. книжное дело в Вологодской губернии, как и в предыдущие десятилетия [19], развивалось медленными темпами. Однако исследуемый период имеет отличительные особенности. В целом количество учреждений, выпускавших в свет и распространявших книжную продукцию (типографий, книжных лавок, библиотек для чтения), увеличилось. Срок существования одних был непродолжителен — всего два—три года, деятельность других продолжалась и в следующем столетии. Новое в развитии книжного дела в губернии состоит в том, что оно во всех своих направлениях — типографском, книготорговом, библиотечном, издательском — активизировалось не только в Вологде, но распространилось и на уездные центры (Кадников, Великий Устюг, Тотьму, Лальск, Никольск, Сольвычегодск) [20]. Деятельность предприятий, печатавших и распространявших книги, сказалась на росте и постепенном, хотя и медленном, совершенствовании книжного дела в губернии.

В самой Вологде продолжали выпускать книжную продукцию казенная типография Вологодского губернского правления, а также частные — Гудковых-Беляковых и вновь открытые — В. Н. Байчерова, Г. С. Панова, И. И. Соколова.

Типография губернского правления — старейшее и основное полиграфическое предприятие Вологодского края — оставалась самой крупной и в рассматриваемый период, но продолжала испытывать финансовые затруднения [21].

Основную продукцию типографии составляли отчеты и доклады земских управ, журналы заседаний уездных собраний, сметы, отчеты и уставы всевозможных обществ, учреждений и учебных заведений, протоколы заседаний различных комитетов и съездов. Вместе с тем среди продукции типографии все больший объем стали занимать издания краеведческого характера (сборники местных материалов по истории, этнографии, фольклору, промыслам, природе края), популярная литература по медицине, сельскому хозяйству.

При типографии губернского правления был открыт склад по продаже книг и карт. Здесь же продолжала печататься и единственная к 1880 г. газета «Вологодские губернские ведомости», в неофициальной части которых публиковался разнообразный материал местного характера, освещающий различные стороны жизни края. Многие публикации такого рода, помещенные в ведомостях, выходили позднее отдельными брошюрами.

На протяжении 1880—1890-х гг. успешно продолжала действовать частная типография В. А. Гудкова-Белякова. Сменились ее владельцы: от отца предприятие перешло сыновьям — сначала Сергею Владимировичу, в 1890 г.— Александру и Николаю [22], а в 1894 г. всю типографию приобрел Александр Владимирович — купец 2-й гильдии, член Вологодской городской управы.

Дела типографии братьев Гудковых-Беляковых шли успешно: открытие ими в 1893 г. частной библиотеки и кабинета для чтения свидетельствует как об окрепшей материальной базе предприятия, так и о стремлении владельцев содействовать просветительным начинаниям в губернии. Они много жертвовали на благотворительные и культурные цели: участвовали в организации в Вологде народных чтений, выполняли бесплатные типографские работы для Вологодского женского благотворительного общества. Об А. В. Гудкове-Белякове отзывались как о «скромном, но стойком общественном деятеле»[23]. В книжной продукции типографии трудно выделить характерные особенности: здесь печатались издания местного содержания, например, «Вологодский иллюстрированный календарь» (1893), литературно-научный сборник «Вологжанин» (1895), сочинения немногочисленных вологодских писателей и поэтов, религиозно-нравственная и популярная литература.

Помимо книжной продукции, в типографии Гудковых-Беляковых с 1891 г. печаталась и первая частная газета губернии — «Вологодский листок объявлений», представлявшая собой издание рекламного характера. В течение двух лет редактором-издателем газеты был Павел Александрович Обнорский. В редакционной статье, помещенной в первом номере нового издания, отмечалось, что газета является «посредником между предложением и спросом» и предполагает печатать на своих страницах известия о продаже и приобретении собственнос-

ти, о найме на службу, объявления о выходящих в свет изданиях, о театральных зрелищах и концертах [24].

После смерти Обнорского в 1892 г. его вдова передала право издания «Вологодского листка объявлений» братьям Гудковым-Беляковым. Через некоторое время право издания «Листка» перешло к типографии И. И. Соколова.

О двух вологодских типографиях — мещанина В. Н. Байчерова (1881—1890) и крестьянина московской губернии Г. С. Панова (открыта в 1889 г.) сохранились скудные сведения [25]. Байчеров, ранее состоявший рабочим в типографии губернского правления, разбогател на продаже фронтовых депеш во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.[26] Информируя жителей Вологды об открытии своего собственного предприятия, он сообщал в губернских ведомостях, что принимает заказы на «все работы, относящиеся до печати, с бумагой и переплетом»[27]; аккуратность и точность исполнения гарантировались. Типография под именем Байчерова существовала недолго и после смерти владельца была приобретена С. В. Гудковым-Беляковым и купцом И. И. Соколовым (последний через три года открыл собственное дело). Объем печатной продукции типографии Панова за исследуемый период также не был велик. Здесь печатались каталоги библиотек — например: «Каталог книг и периодических изданий Вельской земской публичной библиотеки от 1875 до 1896 г.» (1897), но главным образом афиши, бланки, этикетки и другая подобная продукция (ранее Панов служил в чайной фирме Владимирова и К°, которую теперь и обслуживал) [28].

Более долговечным оказалось предприятие — типолитография и скоропечатня — вологодского купца И. И. Соколова, в прошлом владельца торгового дома, магазина галантерейных и косметических товаров. В начале 1890-х гг. Соколов стал довольно заметной фигурой в городском управлении (гласный городской думы), общественной и культурной жизни (член и казначей Вологодского купеческого благотворительного общества, член комиссии по устройству народных чтений). Типография была открыта в 1892 г.[29] и работала до 1911 г. С первых лет дела шли успешно: предприятие расширялось и совершенствовалось, увеличивался его штат — в 1894 г. в газете было дано объявление о найме учеников [30]. Тогда же открылся магазин бумаги и канцелярских принадлежностей. Типография Соколова выполняла заказы на книги, брошюры, бланки, счета, поздравительные открытки, пригласительные билеты, визитные карточки, театральные афиши. В литографии печатались этикетки, ярлыки, адреса. Предприятие располагало печатными машинами новейших заграничных систем, разнообразными шрифтами отечественных и зарубежных словолитен, виньетками, украшениями и другими необходимыми материалами. Такое оборудование обеспечивало высокий уровень исполнения заказов: типолитографские работы Соколова были представлены на выставке в Ярославле в 1893 г., среди них — адресная карта торговых фирм Вологды [31].

Кроме перечисленных полиграфических предприятий, в Вологде действовали и совсем небольшие заведения, состоявшие из одного станка. Например, при канцелярии командира 82-го резервно-пехотного батальона (ранее — при

управлении вологодского уездного воинского начальника)[32], которое обслуживало делопроизводство военного ведомства. В начале 1880-х гг. различные учреждения и общества Вологды (например, канцелярия губернатора, земская управа, Общество любителей драматических и музыкальных искусств) приобрели для своих нужд литографии и гектографы[33].

Полиграфическое производство стало налаживаться и в уездных центрах губернии. При Кадниковском земстве продолжал работать литографский станок (1876—1890 гг.). В других городах действовали гектографы, выполнявшие заказы различных учреждений: уездного земства в Кадникове; уездного училищного совета, удельной конторы, управления воинского начальника, городского суда в Вельске[34]. В Великом Устюге — втором городе губернии — к середине 1890-х гг. печатную продукцию выпускали уже три типографии. Одна из них с середины 1870-х гг. принадлежала устюгскому купцу А. П. Блинову (с 1884 г. владельцами стали его наследники)[35]. В 1888 г. открылось предприятие крестьянина Устюгского уезда Нестеферовской волости П. Н. Лагирева[36], а в 1894 г. начала работать типография крестьянина Сольвычегодского уезда И. Я. Львова[37]. По-видимому, объем выпускаемой ими продукции был невелик (известно лишь, что в типографиях Блинова и Лагирева печатались каталоги библиотек Никольска и Тотьмы). Однако факт открытия полиграфических предприятий в уездах свидетельствует о росте потребности в печатной продукции, в том числе и в книгах, в отдаленных местах губернии.

В начале 1890-х гг. в губернии стал ощущаться недостаток типографий в уездных центрах, что заставляло обращаться с соответствующими заказами в Вологду. Но уже в 1891 г. в Тотемском земстве решался вопрос о необходимости открытия собственной типографии для печатания докладов и отчетов управ, смет, журналов заседаний уездных собраний для того, чтобы избежать расходов на пересылку заказов[38]. Однако сведения об открытии типографии в Тотьме в исследуемый период отсутствуют.

Таким образом, типографское дело на протяжении 1880-х и первой половины 1890-х гг. активизировалось в центре и постепенно проникало в глубь Вологодской губернии, способствуя закреплению грамотности, развитию экономики, кустарных промыслов края.

Распространение книг в рассматриваемый период характеризуется количественным ростом книжных лавок и магазинов в Вологде и их открытием в уездных городах (Великом Устюге, Тотьме, Кадникове). В некоторых случаях (как и в предыдущие десятилетия) продажа книг производилась совместно с другими товарами (бакалейными, стеклянными, галантерейными, москательными). Так было, например, в лавках купца Н. И. Корелкина (в 1878—1893 гг.), мещанина Н. А. Петрыгина (в 1880—1891 гг.), купцов И. Г. Туркина (в 1878—1885 гг.) и В. А. Кузьмина (в 1878—1884 гг.)[39]. Здесь, как правило, продавались издания на русском языке, главным образом, церковного содержания; каталог их не составлялся. Столь же скудны сведения об ассортименте книг в двух лавках крестьянина М. И. Егорова (1884—1889 и 1888—1895 гг.), в лавках дочери губернского секретаря В. Н. Люминарской (1887—1892 гг.) и мещанина П. В. Михайлова (1888—

1892 гг.)[40]. Из донесений в Главное управление по делам печати известно, что торговля велась изданиями религиозно-нравственного содержания.

Книжная торговля и библиотечное дело, как и ранее, довольно часто объединялись. Кабинеты для чтения при книжных магазинах были открыты коллежским секретарем Н. В. Дороховым (его предприятие, существовавшее с 1876 г., в 1884 г. перешло вологодскому общественному деятелю Д. В. Волоцкому)[41], «устюгской купеческой невесткой» Е. П. Тарутиной[42]. Цель деятельности последней состояла в посредничестве между «магазинами столиц и публикой как образованной, так и простонародной нашего вологодского края»[43]. В магазине Тарутиной имелись в продаже книги довольно разнообразного содержания: духовно-нравственные издания, книги по сельскому хозяйству, учебники, календари, собрания сочинений русских и иностранных авторов. Здесь же можно было подписаться на газеты и журналы, оказывались услуги по составлению библиотек, частных и публичных, производилась покупка и продажа старых книг, был открыт склад местных изданий[44].

Скудны сведения и о книжной торговле в уездах. На основании донесений в Главное управление по делам печати можно установить лишь имена владельцев книжных лавок. Ими были в Вельске крестьянин К. В. Попов, в Кадникове мещанин И. Г. Клюкин, в Тотьме купец Киренков (книжная торговля в магазине канцелярских принадлежностей)[45]. В Тотемском уезде торговля книгами (русскими, преимущественно церковного содержания) велась крестьянами М. И. Егоровым в деревне Тепляково (в 1884 г.), И. А. Широковым в Шуйской волости (в 1891 г.)[46].

Судя по количеству открытых магазинов, активнее, чем в других уездах, книжная торговля велась в Великом Устюге. Их владельцами были купец второй гильдии П. Орешников (в 1875—1883 гг.), крестьянин С. И. Игумнов (в 1878—1888 гг.), мещанин А. В. Вихорев (в 1881—1895 гг.), а также И. Я. Полднев, Ф. И. Смолин, И. И. Смолин, П. М. Черепанов, А. А. Булатов (деятельность последних продолжалась только в течение 1888 г.)[47].

Несмотря на количественный — сравнительно с предыдущим периодом — рост книготорговых заведений, их деятельность, во многих случаях кратковременная, была недостаточной для обеспечения населения, школ и училищ губернии печатными изданиями, в том числе учебниками и учебными пособиями[48].

Неразвитость книжной торговли компенсировалась в определенной степени деятельностью библиотек, которые, способствуя распространению грамотности и потребности в чтении, были тесно связаны с учебными заведениями губернии.

Тяга населения к чтению была довольно высока. Известный исследователь Вологодского края Н. А. Иваницкий[49] писал: «Люди действительно желают читать и читать не для одного процесса». Он характеризовал репертуар чтения в Кадникове, где сам состоял на земской службе, следующим образом: «Когда открылась кадниковская библиотека, я был просто поражен, когда из города и недальних волостей стали поступать требования на Шиллера, Гёте и, особенно,

„лорда Байрона", тогда как я думал, что этих книг никто не спросит. За Достоевского, Л. Толстого, Тургенева, Лермонтова, Гоголя принялись с таким жаром, что пришлось выписать их по 2-му экземпляру; Пушкин вовсе не читается, потому что он теперь у всех свой. Писец в управе, получающий 12 р. жалованья, выписывает „Русское богатство", потому что редакция берет по 1 р. в любые сроки; два полицейских писца выписывают вскладчину „Живописное обозрение"; один платит 50 к. в год священнику за право читать его „Паломника". Ко мне поступило 8 просьб из уезда выписать что-нибудь по философии»[50].

В обслуживании населения книгами через библиотечную сеть большую роль играли два фактора: частная инициатива и деятельность земств.

В результате частных начинаний в Вологде и ряде уездных городов были созданы кабинеты для чтения. Их открывали в некоторых случаях владельцы книжных лавок и типографий (например, П. А. Обнорский, А. В. Гудков-Беляков). Владельцами кабинетов для чтения были в Вологде также дочь коллежского асессора М. П. Герасимова (с 1887 г.) и Н. Е. Кайпше (в 1889—1892 гг.), которому ранее принадлежали книжный магазин и кабинет для чтения в Вельске, в Кадникове — М. А. Воробьева (с 1886 г.), в Лальске — И. С. Пономарев (с 1877 г.)[51]. Срок деятельности частных библиотек не всегда был продолжителен из-за недостаточного спроса на книги, необходимости внесения платы, ограниченного выбора изданий.

Подобные черты — непродуманное и неполное комплектование без учета запросов населения, неаккуратное пользование книгами — характерны, например, для работы публичной библиотеки П. А. Обнорского. Открытая в 1886 г. в Вологде, она принесла владельцу убытки, так как «выписывалось несколько дорогих заграничных изданий и не было налицо самых ходовых книг; на обращение подписчиков с книгами, рисунками, портретами совершенно не смотрели, наконец, библиотека по частям раскрадывалась... хотя и продолжала влачить бедственное существование до самой смерти владельца»[52].

Рассматривая процессы формирования и использования библиотечных фондов в губернии, необходимо подробнее остановиться на деятельности земств. Их активность в этом плане тесно соприкасалась с частной инициативой, исходившей от представителей местной интеллигенции (учителей, священников, историков-краеведов). В связи с этим анализ деятельности частных лиц и земств по организации библиотечного дела в губернии нами объединен. Большинство частных начинаний в этом плане было поддержано земствами. Их помощь состояла в выделении средств, которые предоставлялись по следующим направлениям: 1) финансирование земских библиотек и библиотек учебных заведений (учебных и учительских), 2) поддержка других мероприятий по развитию у населения интереса и привычки к чтению (организация воскресных чтений, обеспечение школ и училищ учебными пособиями).

На средства земств обеспечивали население книгой следующие библиотеки: уже существовавшие в Никольске (с 1874 г.), в Вельске (с 1875 г.), Тотьме (с 1878 г.) и вновь открывшиеся в Великом Устюге (в 1890 г.), Кадникове (в 1894 г.), Яренске (в 1894 г.)[53]. Они возникли на основе книжных складов[54].

Земские библиотеки открывались, как правило, в тех уездах, где основную часть населения составляли крестьяне и где инициатива местной интеллигенции была редка [55].

Состав земских библиотек являлся универсальным по своему содержанию. Здесь была представлена литература по богословию, педагогике, географии, истории, законоведению, культуре, философии, экономике и статистике, медицине и ветеринарии, сельскому хозяйству, художественная и детская литература, периодические издания. В основном это были публикации последних лет, вышедшие в свет в Петербурге и Москве, реже в других городах России (Киеве, Одессе, Саратове, Вятке, Харькове, самой Вологде). Печатные каталоги двух библиотек — Вельской и Никольской [56] — содержат количественные характеристики этих собраний, фонды которых составили соответственно 1273 и 448 названий книг.

Художественная литература — произведения отечественных и зарубежных классиков, сборники повестей и рассказов — составляла почти половину фонда Вельской земской библиотеки — 587 названий. Раздел богословия представлен только 12 названиями, невелики и отделы естествознания (29 названий), географии и путешествий (12), политической экономики и статистики (23), медицины и ветеринарии (9). Вместе с тем книги по вопросам сельского хозяйства, технологии и строительству, необходимые для рационального ведения крестьянского хозяйства, развития новых технологий, местных промыслов и ремесел, насчитывали 64 названия — цифра довольно высокая для литературы этой тематики в библиотеках Вологодской губернии.

Основным ядром Никольской земской библиотеки (по количеству названий) были книги популярного характера и детская литература (92 названия), второе место занимали издания религиозного содержания (64), за ними следовала беллетристика (61) [57].

Важной составной частью каждой земской библиотеки являлись собрания книг о русском Севере, подборка местных вологодских изданий и справочников по губернии, а также материалы, отражающие деятельность земств.

Большую роль в развитии библиотечного дела, в распространении грамотности и книг в уездах играли представители местных органов управления. В этом смысле необходимо подробнее остановиться на деятельности Тотемской уездной управы. На протяжении четверти века (1873—1892, 1894—1899 гг.) ее возглавлял Василий Тимофеевич Попов [58]. Выходец из крестьянской среды, обладавший незаурядными способностями организатора, «деятель-общественник, деятель-самородок»[59], он много сделал для развития края и, в частности, образования и книжного дела в Тотемском уезде. Он поддерживал устройство телеграфного сообщения между Тотьмой и Вологдой, при его содействии были открыты учительская семинария, ремесленная школа, городское и земледельческое училища, земская публичная библиотека. В 1889 г. земское книжное собрание насчитывало более 2 300 томов, число читателей превысило 200 человек (среди них было дворян и чиновников — 54, лиц духовного звания — 37, мещан — 47, крестьян — 59) [60].

В 1883 г. при участии Попова в Тотьме было организовано празднование 100-летнего юбилея В. А. Жуковского, состоялось чтение стихов поэта. Это событие Попов описал в своей книге, посвященной родному городу [61].

Мечтой Попова было создание краеведческого музея в Тотьме, но, к сожалению, его намерения не воплотились в жизнь [62].

Примером частного коллекционирования в Вологодской губернии является собственная библиотека Попова, о которой сохранилось несколько свидетельств. Так, в 1901 г. в отчете о поездке в Вологодскую губернию В. И. Срезневский писал: «В Тотьме обращает на себя серьезное внимание богатая большая библиотека (около 2500 томов) местного замечательного деятеля, теперь покойного Василия Тимофеевича Попова. Библиотека В. Т. хорошо каталогизирована; опись ее распадается на 19 отделов... Содержание библиотеки очень разнообразно; наиболее богат, конечно, отдел, касающийся Вологодского края»[63].

Участие земств в организации библиотечного обслуживания населения губернии по другим, перечисленным выше направлениям (выделение средств на проведение воскресных чтений, организацию библиотек для учителей, покупку учебников, книг для награждения окончивших сельские школы) было в 1880-х гг. незначительным по причине скудости местных бюджетов [64]. В отдельных случаях приходилось отказывать в выделении средств на устройство книжных складов и читален (например, при училищах Яренского и Устьсысольского уездов), так как в смете была предусмотрена сумма в 900 р. только на найм «образцовых учителей»[65].

Не вполне удачными были усилия как земств, так и частных лиц по организации и проведению воскресных чтений. Первоначальное ходатайство (1880 г.) гласного Вологодской земской управы А. В. Дмитриева по этому вопросу было отклонено. Лишь в 1894 г. при Братковском и Фетьинском училищах стали проводиться воскресные и праздничные чтения. В докладе Вологодской уездной управы эти мероприятия рассматривались как «явления отрадные в сельской народной среде»: крестьяне «чрезвычайно охотно присутствуют на религиозно-нравственных чтениях»[66].

В начале 1890-х гг. организацию и проведение воскресных чтений подхватили частные лица. В 1893 г. священник И. И. Костров, владелец типографии И. И. Соколов, преподаватель реального училища В. Я. Масленников и учитель городского училища Х. И. Пахолков [67] получили разрешение попечителя Петербургского учебного округа на проведение в Вологде народных чтений и образовали соответствующую комиссию. За первый год работы Общества народных чтений было проведено 49 мероприятий, из них 7 бесплатных для учеников школ и училищ Вологды. Чтения проводились в воскресные и праздничные дни. Было прочитано 47 брошюр: 17 религиозного содержания, 8 — по этнографии и географии России, 9 — по естественным наукам, 4 — исторического содержания, 9 — произведения отечественной классики (стихи Некрасова, сказки Пушкина). Систематическое проведение подобных мероприятий имело большое познавательное значение, способствовало укреплению знаний и грамотности, полученных в школе, за что и ратовали представители местной интеллиген-

ции. В результате хорошей организации чтений сложился постоянный контингент их посетителей — число слушателей в среднем составило 277 человек на каждом чтении [68].

Отсутствие собственного помещения для воскресных чтений, скудость средств Общества (оно существовало в основном на частные пожертвования) и отсутствие поддержки со стороны земства ставили под угрозу дальнейшую его деятельность. Об этом писал Х. И. Пахолков в сообщении, отправленном в столичный журнал «Русский начальный учитель»: «Это первые народные чтения в северной части России; жаль только, что они открыты на имя частных лиц, а не какого-либо образовательного общества, а потому и дело представляется недостаточно прочно поставленным: его существование не обеспечено ничем, кроме доброй воли участвующих»[69]. В 1895 г. возникла мысль о слиянии комиссии по устройству народных чтений с Вологодским библиотечным обществом; в результате было образовано общество «Помощь»[70].

Еще одной заботой земств была организация библиотечного обеспечения учителей, так как недостаток педагогической литературы сказывался на их работе. Поэтому в 1881 г. из дополнительных расходов Вологодского уездного земства выделили 100 р. на покупку книг для педагогического кабинета и библиотеки при Успенском училище в Вологде. В 1882 г. губернское земство ассигновало единовременно на эти нужды 150 р., предполагая в дальнейшем выделять по 100 р. ежегодно [71]. Однако год спустя субсидии прекратились, и библиотека, по-видимому, была закрыта. В этой связи на состоявшемся в 1883 г. съезде учителей Вологодского уезда вновь был поднят вопрос об устройстве подвижных учительских библиотек (в 5—7 пунктах уезда) и вновь подчеркивалось, что чтение необходимо «для саморазвития учителей и ознакомления их с новейшими усовершенствованиями по педагогике»[72]. На съезде предполагалось открыть четыре учительские библиотеки при училищах Успенском (где ранее была библиотека), Нестеровском, Новленском, Несвойском (распределив деньги по 50 р. на каждую). К 1885 г. учительские библиотеки действовали при Успенском, Кубенском и Нестеровском училищах, давая возможность пользоваться книгами учителям ближайших учебных заведений. Учительские библиотеки комплектовались, как правило, литературой богословского, исторического, учебно-методического, педагогического содержания, произведениями художественной литературы [73].

Активизация библиотечного обслуживания, как и в целом культурной жизни в губернии, относится к началу 1890-х гг. Деятельность земств в этом плане принимает активный, разнообразный и поэтому более результативный характер. Характерной чертой этого десятилетия является открытие бесплатных народных библиотек в Вологде и уездных центрах при учебных заведениях или городских библиотечных обществах [74]. Инициаторами этих начинаний выступали, как правило, частные лица — учителя школ и училищ. Поддержка земств состояла в небольших ежегодных субсидиях, которые предоставлялись лишь при условии активной позиции в этом вопросе самого населения: если оно «первое возьмет на себя почин в этом прекрасном деле»[75].

Первый опыт организации бесплатных народных библиотек в Вологодской губернии был осуществлен в двух училищах — Высоковском и Сычевском. Положительные результаты их деятельности убедили земство в необходимости именно такой организации обслуживания населения — путем открытия библиотек при учебных заведениях[76].

Инициатива создания народной библиотеки при Высоковском училище в Вологодском уезде принадлежала учителю А. Вострову. Организованная на средства земства и на частные пожертвования местного населения, она была открыта в 1893 г. с тем, чтобы «дать грамотному населению возможность обогатиться полезными в жизни сведениями и расширить свой умственный кругозор»[77].

В 1895 г. фонд библиотеки состоял из 883 названий (в 1342 экз.). Часть книг была прислана Петербургским комитетом грамотности, редакцией журнала «Читальня народной школы», а также частными лицами. В состав библиотеки вошли: книги священного писания и духовно-нравственного содержания (195 названий в 507 экз.), беллетристика (313 названий и 354 экз.), издания по истории и географии (соответственно 216 и 233), сельскому хозяйству и естествознанию (41 и 42), медицине и гигиене (20 и 32), периодика (98 и 174). Число книговыдач за два года составило 7 600, наибольшее их количество приходилось на зимние месяцы — время перерыва в сельскохозяйственных работах.

Наибольшим спросом у населения пользовались издания художественной литературы (2 170 выдач за 1893—1895 гг.): сочинения Лермонтова (выдавались 32 раза), Пушкина (23 раза). Особой популярностью пользовались романы «Князь Серебряный» А. К. Толстого и «Робинзон Крузо» А. Н. Яхонтова. На втором месте по спрашиваемости были книги исторического и географического содержания (1660 выдач за указанный период). Среди часто выдаваемых изданий можно назвать «Рассказы про Петра Великого и его время» А. Ф. Петрушевского, «Оборону Севастополя» А. Ф. Погосского. Книги по естествознанию, сельскому хозяйству, ремеслам были выданы только 200 раз за два года существования библиотеки.

Число читателей к 1895 г. достигло 540 человек (это были, главным образом, крестьяне, получившие образование в начальном училище)[78]. Люди пожилые читали, как правило, книги религиозно-нравственного содержания и научно-популярные издания по сельскому хозяйству. Наибольшим спросом у молодых пользовались исторические и географические сочинения, дети предпочитали сказки.

Таким образом, положительное воздействие библиотеки на население проявилось в ознакомлении читателей с историей страны и Вологодского края, повышении уровня образования, культурном проведении досуга, бережном отношении к книгам. В данном случае успешно объединились усилия частных лиц и помощь земства.

Для ознакомления уездных земств с успешной двухлетней работой Высоковской библиотеки ее отчет был отпечатан отдельными оттисками и разослан в школы, училища, волостные правления. С использованием этого опыта были

открыты бесплатные библиотеки в уездных городах Никольске (при Утмановском народном училище), Тотьме (при Куракинском, Ледегенском и Заячеринском начальных училищах), Великом Устюге (при Уфимском земском училище). В 1893 г. Грязовецкое земство постановило открыть сразу 11 бесплатных народных читален [79].

При таком количестве вновь открываемых библиотек Вологодская губернская управа постановила в 1894 г. выдавать субсидии (в размере 50 р.) на содержание библиотек только тем земствам, которые «сами будут оказывать материальное содействие библиотекам» [80].

Наряду с возникновением целого ряда бесплатных библиотек при учебных заведениях, в Вологодской губернии были организованы бесплатные читальни при городских библиотечных обществах (в Вологде и Великом Устюге) [81].

Вологодская бесплатная библиотека была открыта в 1892 г. по инициативе Х. И. Пахолкова и чиновника казенной палаты Н. В. Кашина [82]. Книжный фонд, универсальный по своему содержанию (1868 томов через год после открытия и 3 547 томов к концу 1895 г.), в 1893 г. следующим образом распределялся по отделам: религиозная литература — 612 томов, беллетристика — 711, история — 77, география — 41, естествознание — 33, педагогика — 8, медицина — 18, технология, сельское хозяйство — 21, периодика — 347 [83].

Неравномерность формирования фонда библиотеки заставила организаторов заботиться о планомерном и тщательном ее комплектовании. При этом учитывалась степень спрашиваемости книг той или иной тематики. Наибольшим спросом пользовались художественная литература и периодические издания (журналы «Нива», «Живописное обозрение», «Вокруг света»), менее всего спрашивались книги по медицине, педагогике. На протяжении двух последующих лет существования библиотеки в результате более продуманного пополнения ее фонда возросла выдача исторической и географической литературы, что свидетельствует о возникшей потребности в серьезном чтении [84].

Подводя итог, можно отметить, что рост числа типографских и книгораспространяющих учреждений (книжных магазинов и библиотек) в самой Вологде и целом ряде уездных городов (а в некоторых случаях и в селах) стал возможен благодаря инициативной позиции представителей местной интеллигенции, крестьянства и купечества, которая была активно поддержана земством. Это способствовало превращению книги и чтения в неотъемлемый элемент жизни губернского общества.

* * *

Издающими ведомствами Вологды в исследуемый период по-прежнему оставались земство, статистический комитет, церковь [85]. Вместе с тем в начале 1890-х гг. в Вологодском крае впервые выходят в свет издания, обязанные своим появлением частной инициативе.

Круг земских изданий составляют различного рода отчеты о развитии экономики и сельского хозяйства края (например: Попов А. Отчет по наблюдениям за стадом коров, купленных Вологодским земством. Вологда, 1888), отчеты земс-

ких учреждений, сборники постановлений уездных земских собраний, протоколы заседаний местных съездов (например: Протоколы заседаний съезда земских врачей Вологодской губернии 25—31 мая 1887 г. Вологда, 1887). По поручению земств собирались и систематизировались материалы о погоде, населении, урожае, ценах за определенный год в разных уездах губернии. Результаты этой работы выходили в свет в виде сельскохозяйственных обзоров, очерков или исследований местных авторов (например: Арсеньев Ф. А. Очерки кустарных промыслов по изделиям, собранным Вологодским губернским земством. Вологда, 1882; Масленников Н. Ф. Удобрение полей фосфоритной мукой. Вологда, 1894; Снятков А. А. Ботаническое исследование заливных лугов в долинах Северной Двины и Вычегды, произведенное по предложению Н. В. Верещагина для предстоящей сельскохозяйственной выставки Вологодского земства. Вологда, 1889; Спирин В. И. Материалы по исследованию молочного скотоводства в связи с местными сельскохозяйственными условиями в некоторых частях Вологодского уезда. Вологда, 1888).

Основное издающее ведомство Вологодской губернии — статистический комитет — занимался выполнением не только обязательных работ (сбор сведений о фабричных производствах, урожае, продовольственном обеспечении, народном просвещении, движении населения), но являлся и краеведческим центром губернии. Это нашло отражение и в издательской деятельности комитета.

Его секретарем в 1880-х гг. был Н. А. Полиевктов [86]. Под его редакцией продолжалось издание «Вологодского сборника». В исследуемый период вышли в свет три тома: третий, четвертый и пятый (1883, 1885, 1887 гг.). Это издание — пример инициативной и энергичной деятельности самого секретаря статистического комитета, уже известных исследователей края (Н. И. Суворова, Ф. А. Арсеньева) и молодых авторов (Н. А. Иваницкого, историка А. Е. Мерцалова [87], ботаника и врача А. А. Сняткова, издателя П. А. Обнорского, краеведа И. К. Степановского).

Подготавливая к печати тома «Вологодского сборника», Полиевктов сталкивался с немалыми трудностями. Они были связаны прежде всего со сбором материала: количество корреспонденций с мест было невелико, и они носили случайный характер в силу «скромного отношения» (по выражению Полиевктова) членов комитета к целям издания. Это и явилось причиной отсутствия программы издания. Полиевктов приветствовал любой полученный материал [88], так как именно «из этих-то исследований и составляются те питательные родники, при наличности которых возможно изучение и развитие той важной отрасли знаний, на значение которой достаточно указывает самое слово — „отечествоведение"»[89]. Эти публикации описательного характера — основа для дальнейших научных трудов и систематических исследований.

Помимо «Вологодского сборника», статистический комитет издавал «Отчеты о действиях и занятиях Вологодского губернского статистического комитета»[90], «Памятные книжки», «Протоколы заседаний особого комитета по развитию кустарных промыслов Вологодской губернии и отчеты о деятельности комитета». Эти издания печатались в типографии губернского правления.

В немногочисленном ряду вологодских исследователей конца прошлого века необходимо остановиться на личности Ивана Константиновича Степановского, научная деятельность которого тесно связана со статистическим комитетом.

В 1880-е гг. только начиналась активная краеведческая работа Степановского — юриста по образованию, историка, экономиста, библиографа по роду занятий [91]. В это время вместе с несколькими вологжанами он решил издавать журнал «Север» по специально составленной программе. Главное место в ней отводилось изучению русского Севера и преимущественно Вологодского края. В состав сотрудников вошли жители Вологды и корреспонденты из уездных городов. В редакцию будущего журнала (это была первая попытка создать частное периодическое издание в губернии) начали поступать статьи, но по причине цензурных препятствий и слабости материально-технических средств он не вышел в свет [92].

В 1887 г. Степановский сменил Полиевктова в качестве редактора неофициальной части Вологодских губернских ведомостей, пробыв в этой должности до 1890 г. Результатом этого этапа его деятельности стал указатель статей из неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей», относящихся по содержанию к Вологодской губернии [93].

Основным изданием, подготовленным Степановским, стал сборник «Вологодская старина», вышедший в свет в 1890 г.[94] Этот «компилятивный, но чрезвычайно ценный и добросовестный труд, является одним из столпов вологодского краеведения»[95]. Сам автор характеризовал издание так: своего рода «систематический указатель или справочная книга для будущих исследователей и изыскателей старины Вологодского края»[96]. Здесь собраны сведения по истории городов, храмов, монастырей и об археологических памятниках Вологодской губернии. В специальном разделе перечислены старопечатные книги и рукописи, находящиеся при храмах и монастырях губернии, а также относящиеся к ней документы, хранящиеся в различных архивах. Особо выделены архивные материалы, напечатанные в Вологодских губернских и епархиальных ведомостях. Последний — библиографический — раздел содержит перечень книг и статей о Вологодском крае (преимущественно местных).

Распространение изданий статистического комитета было плохо налажено. Так, сборник Степановского стал известен в центральных губерниях России лишь через два года после его выхода в свет, что с сожалением отметил автор рецензии, появившейся в «Историческом вестнике» в 1892 г.[97]

Таким образом, выход в свет изданий Вологодского статистического комитета был нерегулярным, круг авторов узок, статьи носили описательный характер. Местные издания плохо распространялись в губернии, информация о них медленно доходила до центральных регионов России. Вместе с тем собранный и опубликованный местными исследователями краеведческий материал явился фактологической основой для дальнейшего систематического научного изучения края.

В издательской деятельности церковного ведомства существенных изменений, по сравнению с предыдущим периодом, не произошло. Основным орга-

ном, как и ранее, были «Вологодские епархиальные ведомости», издававшиеся под редакцией Н. И. Суворова. В начале 1880-х гг. в местной периодической печати стали появляться исторические очерки его сына — И. Н. Суворова, сменившего отца на посту редактора «Епархиальных ведомостей».

Основное число церковных изданий составили популярные переложения священных книг (Обнорский П. Переложения воскресных евангелий, читаемых на литургии. Вологда, 1891), издания назидательного характера о церковных праздниках, молитвах (Анурьев И. Краткое объяснение церковных молитв. Вологда, 1884; Его же. Что такое воскресный день и как должно проводить его христианам. Вологда, 1883; Его же. Беседы с детьми о молитве господней. Вологда, 1884).

В исследуемый период издательские права получают типографии, что было отмечено в предыдущее десятилетие в отношении типографии губернского правления [98]. В 1893 г. издателем «Путеводителя от Москвы до Вологды, Архангельска и Соловецкого монастыря» (составитель С. П. Ковалев) и «Вологодского иллюстрированного календаря» на 1894 г. выступила типография А. В. Гудкова-Белякова. Последняя публикация — свод справочных сведений о северо-восточной полосе России, подготовленный священником И. Анурьевым.

Этот же автор выпустил в Вологде ряд изданий прикладного характера, адресованных детям, например: «Столяр-самоучка», «Книга о возведении каменных и деревянных зданий», «Как делают простую мебель», «Как переплетают книги». (Два последних пособия неоднократно переиздавались) [99].

В 1890-х гг. в Вологде стали чаще появляться учебные и научно-популярные издания по естествознанию, медицине, сельскому хозяйству, имевшие непосредственное практическое назначение (О корове. Как надо обходиться с коровами, чтобы молока было больше и чтобы молоко было хорошее. 1893; Снятков А. А. Холерная эпидемия в Вологодской губернии. 1888; Его же. О холере и как от нее уберечься. 1893; Его же. Как живет хлеб на поле, трава на лугу и дерево в лесу. 1894).

Жители Вологодской губернии смогли познакомиться в местных изданиях с произведениями вологодских писателей и поэтов — драматурга И. А. Шмакова (комедия «Свои люди»), поэтов Н. А. Иваницкого, Ф. П. Савинова, Д. Всесвятского.

Единственным откликом вологжан на общероссийские события стал сборник «Помочь» (1892), изданный в Петербурге в пользу пострадавших от неурожая 1890—1891 гг.

В середине 1890-х гг. в Вологодской губернии впервые появляются книги, ставшие результатом частной издательской инициативы [100]. Сборник «Вологжанин» вышел в свет в 1895 г. на собственные средства молодого в те годы краеведа и библиографа П. А. Дилакторского [101]. Все материалы будущего издания, собранные экономистом А. Карелиным (он жил тогда в ссылке в Вологде), были отправлены Дилакторским в цензуру, которая разрешила публикацию. Сборник состоял из произведений местных авторов. Здесь были представлены стихи поэтов М. Н. Швецова, Е. И. Чернобаева, пьеса К. А. Четверухина, историко-эт-

нографические очерки И. Н. Суворова и С. А. Дилакторского (брата издателя), обзор деятельности Вологодского губернского земства по народному образованию, составленный Х. И. Пахолковым, экономическое исследование Яренского уезда А. Карелина, рассказ Н. А. Иваницкого (последний был высоко оценен рецензентом[102]).

Сборник, отпечатанный в типографии Гудкова-Белякова, оказался убыточным для издателя. Полностью рассчитавшись с авторами, Дилакторский решил перенести основные расходы на читателей и «назначил плату за жиденькую (200 страниц) книжку, по необходимости изданную неказисто, рубль двадцать пять копеек»[103]. В результате разошлось не более десяти экземпляров. Материальный крах был закономерен в силу отсутствия спроса на издание (круг потенциальных читателей подобной литературы был очень узок) и слабой системы книгораспространения.

Таким образом, в 1880-е — начале 1890-х гг. формируются основные направления вологодского книгоиздания, постепенно создается основа для его качественного совершенствования и количественного роста. Начало этим процессам было положено именно в исследуемый период. Вологодские издания, отразившие на своих страницах богатое историческое прошлое русского Севера и его природное разнообразие и увидевшие свет благодаря энергии местных краеведов, начали выходить на российский книжный рынок и привлекать внимание научной общественности.

Саратовская губерния

В пореформенное время Саратов превратился в один из крупнейших провинциальных центров России, заслужив название «столицы Поволжья». Благодаря, в первую очередь, своему выгодному местоположению на крупнейшей транспортной магистрали страны — Волге — город быстро развивался экономически. Этому способствовало создание сети железных дорог, усиливавших значение Саратова как транспортного узла. Развивалась промышленность, прежде всего, пищевая (мукомольная, винокуренная, маслобойная и пр.), основанная на переработке продуктов, произведенных в обширном сельскохозяйственном регионе, центром которого был Саратов. К концу XIX в. по производству муки, а также подсолнечного и горчичного масла, Саратов вышел на первое место в России. В крупных масштабах осуществлялась торговля зерном, а также бакинской нефтью, для чего в 1882 г. была специально построена нефтебаза. С 1870-х гг. начала развиваться металлообрабатывающая промышленность, появились заводы, насчитывавшие по несколько сот рабочих. В частности, ряд заказов на оборудование для типографии губернского правления в 1880-е гг. выполнялся в самом Саратове на механическом заводе Беринга.

Сравнительно богатой и насыщенной была культурная жизнь Саратова. В городе, наряду с губернскими и епархиальными ведомостями, издавались две частные газеты — «Справочный листок» и «Саратовский дневник», некоторое время выходила еще и третья — «Волга»; в 1890-е гг. начала издаваться «Земская

неделя» и приложения к ней. В 1885 г. по инициативе художника А. П. Боголюбова, внука Радищева, был открыт художественный музей, получивший имя писателя. Это был первый художественный музей в провинции.

Саратов являлся также одним из крупных центров общественной жизни России. Сильным и активно действующим было саратовское земство. Прочные позиции, еще со времен Н. Г. Чернышевского, занимала здесь либеральная и революционно-демократическая интеллигенция. В 1870-е гг. Саратов стал одним из опорных пунктов народнического движения, а в начале 1890-х — нелегальной партии «Народное право».

Специфической особенностью Саратовской губернии было наличие здесь значительного и компактно проживающего немецкого населения, что обусловило как спрос на привозную немецкую книгу, так и появление собственных немецкоязычных изданий.

Таким образом, предпосылки для развития книжного дела в Саратовской губернии в 1880—1890-х гг.[104] можно считать в целом более благоприятными, чем в среднем по стране, выше среднего фактически был и его уровень. Нельзя забывать, однако, что сам по себе этот уровень не мог быть слишком высок. По данным переписи 1897 г. 76,3 % населения Саратовской губернии было неграмотно (губерния занимала при этом 22-е место по России, т. е. несколько выше среднего), что ставило естественные пределы возможному распространению книжной продукции.

К 1880 г. в Саратове существовало 8 типографий — губернского правления, губернской земской управы и 6 частных. Были также полиграфические предприятия и в уездных городах: одно в Вольске и два — в Царицыне. Промышленный кризис 1880-х гг. наложил свой отпечаток и на развитие типографского дела. В Саратове это выразилось в том, что число частных типографий за описываемый период практически не выросло — открылись три новые типографии[105], но две ранее функционировавшие прекратили свое существование.

Старейшая из саратовских типографий, типография губернского правления, вынужденная в пореформенных условиях выдерживать все усиливающуюся конкуренцию со стороны частных заведений, осуществила в начале 1880-х гг. ряд мероприятий, направленных на расширение производства и улучшение качества продукции[106]. Была приобретена третья скоропечатная машина (Аугсбург № 2), обновлены шрифты, стало уделяться большее внимание привлечению частных заказчиков. В результате типография, которая длительное время оставалась убыточной и еще в 1881 г. дала 1205 р. убытка, начиная со следующего года стала приносить прибыль: в 1882 г.— 2 117 р., в 1883 — 7 788, в 1884 — 8 398[107].

В 1891 г. была приобретена четвертая скоропечатная машина (Аугсбург № 6) и установлен работающий на нефти трехсильный паровой двигатель. Тогда же организовано стереотипное отделение, в котором изготовлялись клише для выполнения различных акцидентных работ. Возможность хранить клише стереотипных изданий позволяла ускорить и удешевить выполнение периодически повторяющихся заказов. Сохранились образцы бланков, выполненных в

стереотипном отделении типографии губернского правления, которые отличаются высоким качеством и определенными полиграфическими изысками — виньетками, рамками, в том числе и узорными, использованием до четырех различных шрифтов и т. п. Здесь печатались также циркуляры губернатора, обложки дел по канцелярии, бланки описей и тому подобная продукция, обеспечивавшая делопроизводство канцелярии губернатора, губернского правления и частично подчиненных им учреждений.

Типография периодически пополняла и обновляла запас шрифтов, украшений и материалов (так, в 1889 г. на их приобретение затрачено 1109 р. 50 к., в 1891 — 2323 р. 10 к. и в 1894 г.— около 2000 р.).

До 1899 г. типография неоднократно переезжала, размещаясь в недостаточно приспособленных помещениях, а в 1892 г. пострадала от пожара. В 1899 г. она переехала в специально перестроенное для этой цели здание в центре города.

В типографии губернского правления печатались «Саратовские губернские ведомости», выходившие 2 раза в неделю. Суммы от подписки на «Губернские ведомости» и от публикации объявлений в них составляли более половины дохода типографии (доходы от выполнения частных заказов — в среднем около трети).

Что касается книжной продукции, то в типографии губернского правления, наряду с уставами и отчетами различных обществ и оттисками из «Губернских ведомостей», печатались издания, требовавшие высокой полиграфической культуры и технической оснащенности. Так, здесь были напечатаны книги по математике с формульным набором, по медицине с анатомическими таблицами-вклейками [108]. Образцово и даже изящно, с использованием разнообразных шрифтов и украшений, с высоким качеством набора и печати выполнен популярный далеко за пределами Саратова «Тюремный календарь», выходивший в 1892—1896 гг. В 1893 г. на областной выставке «типография экспонировала свои... работы, между прочим, роскошно изданный „Альбом видов Саратова" и адреса торговых фирм» [109]. В. М. Хороманский с полным основанием утверждал, что руководимая им типография «поставила печатное дело на высоту, допускающую конкуренцию со столичными своими собратами» [110].

Основанная в 1869 г. типография Саратовской земской управы была одной из крупнейших в городе, уступая лишь типографии губернского правления и созданной в 1889 г. типографии саратовского отделения товарищества «Печатня С. П. Яковлева». По данным на 1895 г., в ней было 5 скоропечатных машин, 2 типографских станка и паровой двигатель [111]. Оборудование и шрифт приобретались преимущественно в Москве в заведении И. Флора. С 1891 г. типография получила разрешение самостоятельно отливать различный пробельный материал [112].

Первоочередной задачей типографии являлось обслуживание делопроизводства губернских и уездных земских учреждений. Здесь печатались бланки губернской и уездных земских управ, волостных правлений, различные конторские книги, обложки дел и пр. [113], доклады и отчеты земских управ и их комиссий, предназначенные для раздачи гласным, проекты смет, подлежащих утвер-

ждению, журналы заседаний, разного рода инструкции, а также отчеты подведомственных земству учебных заведений, медицинских учреждений и тому подобные материалы.

Собственно книжная продукция представляла собой преимущественно статистические сборники, а также сборники материалов, составленные земскими отделами и комиссиями (например, по народному образованию, санитарному состоянию Саратова и губернии).

С 1893 г. начал издаваться выходивший ежемесячно «Саратовский земский сборник», а затем и «Саратовская земская неделя». Постепенно вокруг «Недели» сложилась целая система специализированной земской периодики (включая санитарный листок, торгово-промышленный листок, издания, посвященные проблемам здравоохранения, ветеринарии, народного образования).

Для характеристики отношений земских издателей с типографией, а также для наглядного представления об уровне полиграфической и издательской культуры определенный интерес представляет сохранившийся договор редакции «Саратовского земского сборника» с типографией [114]. В этом документе, в частности, приведены расценки на набор и печатание (1 п. л.— 16 полос цицеро, 38,6 тыс. букв — в 520 экз. на бумаге типографии — 12 р.; петит и таблицы — 17 р.; брошюровка, обрезка, бандеролирование с наклейкой адресов — в счет той же платы); за бумагу для обложки и печатание — особая плата (2 р. 71 к. и 2 р. за 520 экз. соответственно); оговаривалось качество и цвет бумаги (бланжевый), причем специально подчеркивалось, что «на прочие издания такой цвет типография ставить не вправе»; оговаривалась оплата за переверстку по вине редакции. Жестко фиксировался, с одной стороны, график сдачи материалов из редакции в типографию (с 15-го числа очередного месяца не менее 1 л. ежедневно, но чтобы все 12 л. были сданы не позже 25-го числа), с другой — сроки представления корректур из типографии (не менее 1 л. и не более 2 л. 20-го числа очередного месяца и по листу ежедневно, чтобы 12-й лист поступил в редакцию не позднее 30-го числа). Из типографии в редакцию корректура должна была доставляться между 3 час. дня и 10 час. вечера, а возвращаться обратно к 10 утра следующего дня. Предусматривались взаимные штрафные санкции за нарушение сроков.

Общим правилом для ведомственных типографий было то, что обеспечить рентабельность, ограничиваясь печатанием лишь продукции того учреждения, которому они принадлежали, не представлялось возможным. Выход состоял в том, чтобы привлекать посторонних заказчиков.

Сохранился приходный журнал типографии Саратовской губернской земской управы за 1882 г.[115], анализ которого дает конкретные сведения об экономике полиграфического производства [116]. Интересно, в частности, охарактеризовать круг заказчиков, обращавшихся к услугам типографии преимущественно для изготовления разного рода бланочной продукции.

Помимо уездных земских управ и волостных и сельских правлений, это — мировые судьи, судебные следователи (в том числе крупный заказ — на 150 р.— следователя Саратовского окружного суда на копии следственного производ-

ства по делу Саратовско-Симбирского банка), нотариусы, местные ссудно-сберегательные товарищества (уездные и волостные), благотворительные организации, учебные заведения, отдельные чиновники и служащие (саратовский лесничий, оспоприводитель Саратовского оспенного института), частные лица или предприятия (контора Романовской экономии князя Волконского, доверенный купца Вакурова); крупным заказчиком (свыше 1000 р.) была Тамбовско-Саратовская железная дорога, хотя правление дороги имело для нужд своего делопроизводства собственный литографский станок.

Всего за год в журнале зарегистрировано 211 заказов (в том числе ежемесячные записи «От разных учреждений», без расшифровки), в большинстве своем стоимостью несколько десятков рублей на общую сумму около 9,5 тыс. р.

В типографии печатались также книги и брошюры по заказам посторонних лиц и учреждений. Они были разными по содержанию — беллетристика, научные сочинения, практические руководства, религиозная литература. Число таких изданий не превышало десятка в год. Тиражи зачастую были довольно значительными. Так, пособие М. Н. Грудистова «Дешевые несгораемые постройки. Земля как строительный материал, земляной кирпич и постройки из него. (С таблицею чертежей)» (1890) напечатано тиражом 10 тыс. экз.

Частных типографий в Саратове, как уже говорилось, в описываемый период насчитывалось шесть. Старейшая из них, открытая еще в 1845 г., с 1865 г. принадлежала М. А. Попову. С этого же года в ней печаталась газета «Саратовский справочный листок». В 1884 г. владелец продал типографию редакторам-издателям П. О. Лебедеву и И. П. Горизонтову [117]. По состоянию на 1895 г. в ней имелись 2 скоропечатные машины и 2 ручных станка [118]. Книжной продукции из этой типографии выходило мало, преимущественно это были брошюры. Качество печати было не слишком высокое, шрифты сбитые.

Типолитография, основанная в 1873 г. и принадлежавшая первоначально И. С. Кувардину (совладельцу винокуренного завода), была им продана в 1883 г. Н. В. Гаврилову и Б. Л. Киммель, у которой ее долю в 1887 г. купил Ф. М. Киммель [119]. В 1895 г. в ней было 2 типографские машины и 1 литографская, 2 типографских и 3 литографских станка [120]. В этой типографии печаталась газета «Саратовские епархиальные ведомости». В ней впервые в Саратове началось печатание книг на иностранных языках. Удовлетворяя потребности немцев-колонистов, типография выпускала учебники, календари, литературу религиозного содержания на немецком языке. Печатался также ежемесячный журнал «Friedensbote». Ф. Шиманский пишет, что в этой типографии печатались также книги на английском, французском, шведском, польском, латинском и эстонском языках [121].

Типолитография, принадлежавшая К. Н. Ищенко (основана в 1871 г.), после смерти владельца в 1892 г. перешла к его сыновьям, которые пытались вести дело самостоятельно, но потерпели неудачу и в 1893 г. продали типографию И. Г. Сергееву [122]. Здесь до 1887 г. печаталась газета «Саратовский дневник», с 1887 г. по 1891 г.— «Саратовские епархиальные ведомости», с 1890 г. по 1893 г.— журналы «Приволжский вестник охоты» и «Братская помощь»[123]. Печатались

также книги и брошюры; литографским способом несколько раз выпускались музыкальные произведения с нотами. В 1895 г. в типографии имелись: 1 скоропечатная машина, 2 ручных типографских и 2 литографских станка, ручной бостонский пресс, гравировальная машина, бумагорезательная машина, паковочный пресс[124].

Типолитография П. С. Феокритова, открытая в 1873 г., к 1895 г. имела 1 типографскую скоропечатную машину малого размера и 5 литографских станков[125]. На достаточно высоком полиграфическом уровне здесь издавались брошюры и книги, в том числе техническая и научная литература с большим количеством иллюстраций. Типолитография выполняла также рисованные обложки для книг, печатавшихся в других типографиях.

В 1884 г. редактор-издатель «Саратовского дневника» И. Т. Нерода подал прошение об открытии типографии «для большего успеха издания» принадлежавшей ему газеты. В 1886 г. он продал заведение Н. П. Штерцеру. К 1895 г. в типографии Штерцера было 3 типографских машины, 2 типографских станка, резательный станок[126]. Эта типография выполняла заказы для земства (сборники постановлений губернского и уездных земских собраний, журналы заседаний и т. п.), печатала брошюры и книги[127].

Основанная в 1886 г. типолитография Н. В. Петрова (в прошлом — управляющего типографией губернского правления) после смерти владельца в 1893 г. была унаследована его вдовой Е. Р. Петровой[128]. В 1895 г. в ней имелись 1 типографская и 1 литографская машины, 1 типографский и 3 литографских станка[129].

В 1889 г. в Саратове открылась типография товарищества «Печатня С. П. Яковлева» — одного из крупнейших полиграфических предприятий, имевшего филиалы в Москве, Петербурге, ряде других городов. Саратовское отделение сразу ставилось на широкую ногу. Сохранившаяся в фонде Саратовского отделения товарищества «Печатня С. П. Яковлева» имущественная книга позволяет проследить комплектование типографии оборудованием, которое поставлялось из петербургской типографии товарищества. К 1895 г. в типографии было 8 машин, 2 ручных типографских станка, 2 бостонских пресса, линовальная машина, паковочный пресс, бумагорезка. Было также получено свыше 600 пудов различных шрифтов (в том числе латинский и греческий, математические знаки) и пробельного материала[130].

Постепенно увеличивалось число типографий в уездных городах Саратовской губернии. Если в 1880 г., как уже говорилось, существовала одна типография в Вольске и две в Царицыне, то по состоянию на 1895 г. зафиксировано наличие печатных предприятий в 6 из 9 уездных центров: 3 в Царицыне, 2 в Кузнецке, по одному — в Балашове, Вольске, Камышине и Хвалынске[131]. Эти предприятия занимались почти исключительно печатанием «разных торговых книг, бланков для торговых и промышленных учреждений, журналов земств и т. п. мелких произведений»[132]. В 1880 г., подавая прошение об открытии литографии в Царицыне, М. Н. Орлов мотивировал это потребностью «в хорошем литографном заведении не только для пивоваренных заводов, а также и вино-

торговцев, но вообще для различных учреждений и частных лиц — как в самом Царицыне, так равно и близлежащих окрестностях, к подтверждению самого факта нужды служит то, что литографные работы заказчиками отсылаются в другие города...»[133]. Однако в некоторых из этих заведений печатались, хотя и нерегулярно, брошюры и книги. Например, в Камышине была напечатана брошюра Е. С. Горобченко «Вопиющие оттолоски из степей Астраханской, Самарской и Саратовской губерний» (1893), в Петровске — книга Е. Козубского «Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища, 1880—1889» (1890) и лекция М. Е. Соколова «Введение в философию» (1894), причем ее тираж составлял 2 тыс. экз. Три брошюры были изданы в Хвалынске (одна из них — «Судьба гаданья, предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее в течение недели, месяца, года и пяти лет» — вышла в 1887 г. тиражом 10 тыс. экз.).

В царицынской типографии Е. Федорова в 1892 г. издана солидная по объему (252 с.) книга «Порядок молитв для караимов / Сост. вкратце гахамом и главным учителем караимов А. С. Фирковичем» (тираж 500 экз.). В другой типографии Царицына, владелицей которой была Е. Е. Жигмановская, было напечатано 8 книг, среди них практические руководства по сельскому хозяйству, счетоводству, три книги местного протоиерея А. Флегматова, поэтический сборник С. И. Семенова «Молодые порывы» (1894).

В типографии Жигмановской печаталась также газета «Волго-Донской листок»[134].

Выделяется по количеству напечатанной книжной продукции типолитография в Вольске. В этой типолитографии, которая была открыта еще в 1879 г. и принадлежала первоначально М. Н. Безобразовой, затем перешла к отставному губернскому секретарю В. А. Брещинскому, а впоследствии к Е. Н. Лубо, отпечатано не менее 23 названий книг и брошюр. Особенно продуктивным был 1889 г., на который приходится 10 наименований. Издания были разнообразны по тематике — художественные произведения, труды по статистике и истории уезда, учебные пособия, популярные брошюры для крестьян, религиозная литература. Значительными были и тиражи этих изданий, в особенности тех, которые предназначались для народного чтения. Максимальный тираж — 5 050 экз.— имела брошюра Г. Козьмина «Кто Бога не забудет, у того все будет» (1888). Продукция вольской типолитографии отличалась относительно высоким уровнем полиграфического исполнения, некоторые книги снабжались таблицами и рисунками.

Техническая оснащенность уездных типографий и литографий была невелика. По данным на 1893 г., в Балашове в типографии, принадлежавшей П. В. Крыжиманцеву, была 1 скоропечатная машина и 2 печатных станка; в Вольске в типолитографии Е. Н. Лубо — 2 скоропечатных станка, 1 ручной, 1 маленькая бостонка, 1 литографская машина и к ней 2 станка; в Камышине в типографии В. К. Шлегера — 2 скоропечатные машины фабрики Аусбург и 2 станка, которые «по непроизводству работ, находятся в разобранном виде». Примерно такое же положение имело место и в Царицыне. В Хвалынске в ти-

пографии Н. К. Платонова имелись 2 скоропечатные машины, одна английской системы, а другая — «американка» и 1 ручной печатный станок [135].

Ненадежность, неустойчивость типографского и издательского дела в провинции зачастую привлекала к этому промыслу людей с некоей авантюристической жилкой. Так, когда Е. Н. Лубо впервые подала прошение о разрешении содержать типографию, то ей было отказано на следующем основании: начальник Саратовского жандармского управления в ответ на обязательный в таких случаях запрос сообщил, что фактически типографией будет ведать ее муж, бывший помощник акцизного надзирателя, уволенный за неоднократные злоупотребления по службе, а в настоящее время занимающийся торговыми оборотами, прикрываясь именем жены [136]. Впоследствии разрешение все же было дано.

Скандальная история связана с деятельностью Е. Жигмановского, который, как и в случае с Лубо, фактически руководил типографией, формально записанной на имя его жены. В мае 1884 г. накануне выборов гласных Царицынской думы, он под видом «образцов шрифтов», т. е. рекламного объявления, напечатал и расклеил по городу афиши, где упоминались фамилии некоторых кандидатов, большинства — в негативном контексте («Соловьев в банке зарылся», «Жуков прокатился», «Поспелов распустился» и пр.). В делопроизводстве по расследованию инцидента утверждается, что Жигмановский «сильно нуждался, не имея частной работы», а купец Мельников (о котором сказано благоприятно — «Мельников укрепился») якобы обещал, в случае победы на выборах, отдать Жигмановскому все типографские работы по управе. Упоминается, что в бытность Жигмановского редактором газеты «Донской голос» он неоднократно судился за диффамацию. Приложено письмо в Царицынскую думу за подписью «Новочеркассцы», где сообщается, что Жигмановский, якобы, был побит в Черкасске неким ветеринаром, и дается совет поступить так же [137]. Вполне ли факты соответствуют действительности, судить трудно, но ситуация сама по себе показательна.

Серьезных инцидентов, связанных с правилами деятельности типографских заведений, в Саратове и губернии практически не происходило. В 1887 г. в типографии Е. Н. Лубо в Вольске отпечатана драма «Предсмертное счастье», автором которой был актер И. А. Школьский (Бланкенфельд). Пьеса разрешена драматической цензурой к исполнению, но цензурное разрешение на печатание текста отсутствует. Губернатор не усмотрел у владелицы типографии «злого умысла» и ограничился в отношении ее предупреждением и конфискацией тиража [138].

В 1882 г. в одной из саратовских типографий имел место эпизод, повлекший довольно обширные последствия и даже послуживший поводом к изданию специального циркуляра министра внутренних дел. Один из крупных землевладельцев Саратовской губернии, князь В. А. Щербатов, вел длительную судебную тяжбу с крестьянами села Усовки, своими бывшими крепостными, считавшими, что земля была размежевана несправедливо. В ходе процесса В. А. Щербатов обнаружил, что составленное от имени крестьян прошение от-

печатано типографским способом, и обратился с жалобой по этому поводу в департамент полиции. По наведенным полицией справкам оказалось, что прошение было отпечатано в 150 экз. в типографии И. С. Кувардина без соответствующего разрешения. Губернатор в письме начальнику Главного управления по делам печати вынужден был признать, что «в Саратове существовало до сих пор обыкновение иногда печатать без надлежащего разрешения прошения, записки и другие бумаги, подаваемые в суды»[139]. Он писал далее: «Наблюдение за типографиями и литографиями в Саратове неудовлетворительно, потому что оно лежит на помощнике полицмейстера и без того обремененном занятиями. Но я имею в виду поручить это дело одному из чиновников особых поручений...»[140]. И. С. Кувардин отделался «словесным внушением», поскольку полицейское дознание пришло к выводу, что заказ был принят «по неосмотрительности конторщика типографии». После нескольких туров бюрократической переписки 17 апреля 1882 г. был издан циркуляр «об установлении порядка печатания провинциальными типографиями и литографиями прошений и записок, подаваемых частными лицами в правительственные учреждения».

Правительственная регламентация, безусловно, негативно влияла в том числе и на развитие типографского дела. Зафиксированы случаи отказов под различными предлогами в создании новых печатных заведений. Так, когда имевший типолитографию в Вольске В. А. Брещинский обратился за разрешением открыть такое же заведение в селе Балакове соседней Самарской губернии, он получил отказ, поскольку «в упомянутом селе уже есть литография», принадлежащая самарскому мещанину Голубкову[141].

Замечательная резолюция наложена, видимо губернатором, на прошении жителя г. Риги Фабиана Лайвенда открыть типографию в Камышине или Кузнецке: «Обратить внимание — он еврей, подберите циркуляр»[142]. Соответствующий циркуляр Министерства внутренних дел (от 3 апреля 1875 г.) был найден: евреи вне черты оседлости могли жить, если были приписаны в ремесленные цехи, а типографского цеха в Саратове и уездных городах не было. На этом же основании Шолому Левке, содержателю типографии в Конотопе, было отказано в разрешении открыть типографию в Саратове[143].

* * *

Мы намеренно столь подробно остановились на различных реалиях повседневной жизни саратовских типографий и литографий 1880-х — первой половины 1890-х гг., потому что развитие полиграфической промышленности в Саратовской губернии можно считать типичным для многих других российских губерний с относительно высоким уровнем книгоиздательской деятельности. Оборудование типографий и литографий новой техникой, регламентация отношений с постоянными заказчиками, борьба за выгодные заказы, определенная зависимость от благорасположения инспекторов по надзору за полиграфическими заведениями и книжной торговлей — эти проблемы постоянно были в центре внимания владельцев типографий и литографий в провинции.

Нижегородская губерния

Нижний Новгород, расположенный на соединении важнейших водных артерий Европейской части России, рек Волги и Оки, благодаря своей знаменитой ярмарке, имел исключительное значение для торгово-промышленной жизни государства. Известно, что последние десятилетия XIX в. характерны закатом многих ярмарочных центров, причиной чего было активное железнодорожное строительство и усовершенствование водного транспорта. Тем не менее, нижегородская ярмарка и в эти годы продолжает играть важную для внутреннего рынка роль. Ежегодно собирая в свои торговые ряды представителей сельского и промышленного производства со всей России, а также торговцев из-за западных и южных ее границ, эта ярмарка придавала и самому городу некий особый статус среди прочих. Положение Нижнего, как известного и популярного во всей стране торгового узла, послужило причиной того, что именно он был выбран местом проведения в 1896 г. Всероссийской промышленной и художественной выставки.

Вернемся однако к исходному пределу изучаемого отрезка времени, к началу 1880-х гг., когда устроители промышленных выставок еще не уделяли повышенного внимания провинциальным городам (очередная Всероссийская выставка была проведена в 1882 г. в Москве), а Нижний Новгород жил весь год своей обычной жизнью, лишь на месяц—полтора (время работы ярмарки с 15 июля по 25 августа) превращаясь в «зело великое сходбище» торговых людей со всей России.

Отличавшаяся, как уже было сказано, выгодным географическим положением, Нижегородская губерния являлась одной из наиболее обжитых областей, в которой десять уездных городов сравнительно равномерной россыпью окружали губернскую столицу. Население губернии в начале 1880-х гг. приближалось к полутора миллионам.

В плане материального производства занятия сельских жителей сосредотачивались в двух основных направлениях: собственно сельскохозяйственное — земледелие (хлеб, меньше картофель), скотоводство, которое, впрочем, в губернии было развито слабо, и традиционные кустарные промыслы.

В промышленном отношении губерния входила по тому времени в число развитых. К 1881 г. в ней имелось 422 предприятия, на которых работало 15,5 тыс. рабочих. Среди развитых в губернии отраслей на первом месте находилось мукомольное производство. Однако уже на втором шли чугунно-плавильная и железоделательная отрасли. Набирало силу машиностроительное предприятие в деревне Сормово Балахнинского уезда. В самом Нижнем Новгороде работали два механических завода, которые специализировались на постройке пароходов. Большого количества рабочих рук требовали ярмарка и нижегородские пристани. Именно последние были тем местом, где под навесами, в складах, пакгаузах и балаганах собирались товары, обеспечивавшие многомиллионные обороты Нижегородской ярмарке.

Атмосфера провинциального города оставалась купечески-обывательской. Культурный слой городского населения был весьма тонким; к началу 1880-х гг. он состоял из чиновничества, грамотных торговцев, а также тех, кто находился в провинции не по своей воле и к тому же под наблюдением полиции. В Нижнем Новгороде проживало значительное число поднадзорных, которые активно участвовали в общественной жизни. Ее оживлению в немалой степени способствовало появление в городе В. Г. Короленко. Более десятилетия этот известный во всей России писатель и общественный деятель прожил в Нижнем и много сделал для развития местных культурных традиций. Правда, в книжном деле губернии Короленко не принял значительного участия: оказывая помощь нижегородским литераторам, сам он ориентировался главным образом на столичные издательства. Полиграфические и издательские возможности Нижнего Новгорода были невелики.

«Типографий в Нижнем — 6, но печатают они того материала, который может служить меркой цивилизации, весьма мало: работы их ограничиваются, главным образом, теми надобностями, которые вызываются администрацией, земством, судом и экономической жизнью города» — так коротко и ясно «Нижегородка» определила полиграфический потенциал города к концу 1870-х гг.[144]

Однако в 1880-х гг. возможности Нижнего несколько возрастают. В ведомости инспекторского надзора за типографиями, литографиями и книжной торговлей по состоянию на 1 октября 1881 г. перечислено 7 типолитографий, в ведомостях за 1882 и 1883 гг.— по 8, в ведомости за 1884 г.— 10. Кроме того, в эти же годы зарегистрировано несколько литографских станков, существующих «для казенных работ» (при управлении нижегородского уездного воинского начальника, при главной конторе пароходного общества «Дружина» и т. д.). С середины 1880-х до середины 1890-х гг. количество полиграфических заведений всех типов колеблется в Нижнем Новгороде от 15 до 17.

Несколько предприятий существуют в течение всего исследуемого периода, т. е. с 1881 г. по 1895 г. Это — типолитографии нижегородского купца П. А. Косарева, нижегородского мещанина В. Г. Журавлева, пермского мещанина М. Г. Гилева (с 1884 г.— его вдовы), купцов Д. Д. Душина и Н. И. Ройского. Все они были основаны еще в 1870-х гг. Непрерывно работает в этот период и типолитография Нижегородского губернского правления. В марте 1882 г. открывает типолитографию местный мещанин И. И. Соколенков, через 8 лет, в январе 1890 г., ее владельцем становится дворянин А. А. Ржонсницкий. В начале 1883 г. временный нижегородский купец, титулярный советник Дмитрий Николаевич Шубинский и купец 2-й гильдии Петр Петрович Петров совместно открывают типографию, но ровно через год их содружество распадается, и оба они становятся самостоятельными владельцами типолитографий. Но если Д. Н. Шубинский пребывал в этом качестве только два года, то типолитография П. П. Петрова благополучно функционировала и в 1895 г.

С октября 1883 г. действует типолитография коллежского регистратора А. М. Лебедева, которая переходит в 1890 г. к московскому мещанину И. М. Машистову.

Летом 1885 г. открывается типолитография московского купеческого сына В. Н. Пастухова, весной 1888 г.— типолитография дворянина Б. С. Домбровского, в мае 1893 г.— аналогичное предприятие С. Н. Казачкова.

Небезынтересно отметить, что В. Г. Журавлев и А. М. Лебедев имели также и книжные магазины (первый — в 1875—1886 гг., второй — с 1884 г. по 1889 г.).

Что же касается нижегородской книжной торговли, то ее характеризуют следующие статистические данные: в 1882 и 1883 гг. в Нижнем Новгороде было зарегистрировано по 13 книготорговых заведений (магазинов, лавок, ларей), в 1884 г.— 15, а в последующие 11 лет их количество колеблется от 13 до 18.

С 1881 г. по 1895 г. непрерывно функционируют магазин «Детский музей» с детской библиотекой, принадлежавший коллежскому асессору А. С. Кузнецову (основан в 1874 г.), лавка временного нижегородского купца Д. А. Салабанова (открыта в 1879 г., в 1891 г. переходит, по-видимому, к его жене) и лавка отставного коллежского секретаря Н. В. Весницкого (основана в июле 1881 г.). С 1881 г. по 1893 г. ведет торговлю нижегородский купец В. И. Козлов, унаследовавший свое дело от отца — купца 2-й гильдии И. А. Козлова. В 1876 г. открывает свой «книжный шкаф» крестьянин Владимирской губернии Афанасий Матвеевич Шустов. Его отец, Матвей Васильевич, с 1884 г. по 1891 г. содержал книжную лавку, которая в 1892 г. переходит к сыну, так что с этого года Афанасий Матвеевич владеет двумя книготорговыми заведениями. В подобном же семейном владении находилась лавка ярославских мещан Богдановых: с 1873 г. по 1882 г. ее хозяином был П. Ф. Богданов, а в 1883—1889 гг. лавкой владела его сестра. С 1882 г. существуют книжные лавки нижегородского купца И. И. Спиридонова и местного же мещанина В. П. Соколовского, с 1886 г.— лавка нижегородского мещанина Ф. М. Малашкина. В том же 1886 г. закрывается книжный магазин купца М. М. Пшениснова, просуществовавший 13 лет. В 1888 г. открывается книжный ларь отставного писаря унтер-офицерского звания А. Е. Краснощекова и магазин дворянки Т. А. Духовской, который 4 года спустя переходит в руки потомственного гражданина А. А. Поносова, а еще через 2 года его владельцем становится почетный гражданин А. Попов.

Большинство магазинов, лавок и ларей торговали исключительно или преимущественно русскими книгами, многие также и газетами. А. Е. Краснощеков специализировался на продаже старых русских книг, главным образом учебных, Д. А. Салабанов — на продаже церковных изданий. А. С. Кузнецов, владелец магазина «Детский музей», а также В. И. Козлов, наряду с русскими, торговал также иностранными книгами и журналами. Богдановы продавали прежде всего народные книги [145].

Само собой разумеется, что размах книжной торговли резко увеличивался во время ярмарок.

Полиграфические предприятия Нижнего Новгорода, наряду с книгами, во множестве печатали разнообразную акцидентную продукцию. Очень показательно в этом отношении объявление типолитографии Душина и Ройского, воспроизведенное в 1877 г. в справочнике «Нижегородка». Приведем его полностью, поскольку оно, на наш взгляд, ярко характеризует состав издательской про-

дукции большинства нижегородских полиграфических предприятий. «Типография и литография Н. И. Ройского и Д. Д. Душина в Нижнем Новгороде... принимает печатание книг, брошюр, счетов, бланок для присутственных мест и лиц, свадебных пригласительных билетов, объявлений от частных и коммерческих контор и лиц и проч. Кроме того печатает этикеты для чайных магазинов и ренсковых погребов и складов.

Заготовляет конторские, пароходные и купеческие шнуровые книги, квитанции транспортных контор, пассажирские билеты, визитные карточки и проч.»[146].

Тематика изданных в эти годы в Нижнем книг и брошюр в целом типична для провинциального книгоиздания того времени. Многие из них посвящены краевым сюжетам, различным проблемам местного характера. В качестве примера назовем следующие издания: Демидов Н. А. Исторический очерк Васильсурского уезда Нижегородской губернии. 1884. Типография Н. И. Ройского и Д. Д. Душина; Овчинников М. В. Очерк Нижегородской губернии в историко-географическом отношении. (Материалы для родиноведения Нижегородской губернии). 1885. Типография губернского правления; Меморский А. М. Основатель Нижнего Новгорода, великий князь Георгий II (Юрий) Всеволодович, 1189—1883 гг. Исторический очерк. 1889. Типография Ройского и Душина; Четыркин И. Н. Описание арзамасской Алексеевской женской общины. 1887. Типография губернского правления; Неуструев С. П. Словарь волжских судовых терминов. 1893. Типография Ройского и Душина.

Активно издавались учебники и разного рода практические пособия (например: Виноградов В. И. Уроки постепенного чтения по звуковому методу. Учебник для начальных школ и для домашнего обучения грамоте. 1882. Типография губернского правления; Савицкий С. С. Краткий курс физиологии. 1891. Типография А. А. Ржонсницкого; Павин В. И. Наставник часового ремесла. 1885. Типография Д. Н. Шубинского; Батеньков М. Я. Руководство, как производить ревизии и проверять отчеты в банках, правлениях акционерных обществ, коммерческих конторах, земских, городских и других общественных учреждениях. 2 издания, 1887 и 1895. Типография П. А. Косарева; Батеньков М. Я. Счетоводство для магазинов и лавок по двойной бухгалтерии. 2-е изд. 1894. Типография С. Н. Казачкова).

Выходило довольно много религиозно-нравственной и богословской литературы. Приведем лишь несколько примеров: Виноградов Н. И. Антихристианство и антихрист по учению Христа и апостолов. Догматико-экзегетическое исследование. 1883. Тип. П. А. Косарева; Голос сельского пастыря. Поучения и речи священника Федора Богородского. 1885. Типография П. Петрова; Покровский Д. Два слова в неделю мясопустную и 1-е ноября, произнесенных в Нижегородском кафедральном соборе в 1885 и 1886 годах. 1885. Типография В. Г. Журавлева; Коневский М. Ф. Краткая история церковного пения в церкви вселенской и мелодического пения в церкви русской. 1888. Типография губернского правления. Эта работа была переиздана П. Юргенсоном в Москве в 1896 г.

Беллетристические произведения (преимущественно местных авторов) издавались в незначительном количестве.

Издательская инициатива, как и в других губернских городах, носила по преимуществу ведомственный характер.

Рассматривая книжное дело в Нижнем Новгороде, мы вновь встречаемся со значительной ролью в местном книгоиздательстве губернского статистического комитета [147]. На наиболее интересном издании Нижегородского статистического ведомства мы и остановимся более подробно. Очень большое место в этом сюжете займет рассказ об Александре Серафимовиче Гациском — человеке, который, во-первых, долгие годы являлся руководителем местного статистического комитета, а во-вторых, был одним из немногих энтузиастов провинциального культурного строительства, имевших весьма широкую известность за пределами своей губернии. Личность во всех отношениях примечательная, а в плане историческом интересная тем, что в ней с удивительной полнотой проявились типичные черты губернского интеллигента-труженика, в судьбе которого отчетливо различим несомненный подвижнический пафос и вместе с тем виден трагизм недостаточности его труда в атмосфере провинциального города. Однако последнее не умаляет ценности самоотверженных усилий нижегородского исследователя, литератора, земского деятеля, его общественно-полезной работы, направленной на преодоление бюрократически-мещанских традиций местного общества [148].

Провинция второй половины XIX в. часто давала примеры совмещения издательской деятельности с литературной, а подчас и с научной. Гациский в этом отношении не являлся исключением. Но нас он интересует прежде всего как издатель (точнее — чиновник губернского правления, наделенный издательскими возможностями и полномочиями).

В 1880 г. (т. е. как раз в начале исследуемого периода) А. С. Гациский вновь занял должность секретаря губернского статистического комитета — пост, с которого он в 1878 г. вынужден был уйти из-за личных столкновений с главой местной администрации графом П. И. Кутайсовым. Еще в декабре 1877 г. он стал членом Нижегородской земской управы, а чуть позже гласным городской думы. Таким образом, мы имеем дело с человеком, занимавшим достаточно двойственное общественное положение: с одной стороны, он являлся чиновником губернского правления, с другой — депутатом местных представительных органов.

Основной заботой и целью Гациского как секретаря статистического комитета оставалась работа по выпуску «Нижегородского сборника». До отстранения от должности выход этого серийного издания был им налажен — с 1867 г. по 1877 г. вышло шесть томов, содержащих материалы о сельскохозяйственном, промышленном, торговом, судебном и медицинском состоянии дел как Нижегородской губернии в целом, так и отдельных уездов [149].

Наше внимание будет сосредоточено на выпусках, опубликованных в 1880-х гг. Этот период истории «Нижегородских сборников» обладает, на наш взгляд, объективной самостоятельностью.

Возобновление издания оказалось делом трудным. Несмотря на то, что возвращение на свой пост главного инициатора «Нижегородского сборника» произошло в 1880 г., следующий том увидел свет лишь семь лет спустя. Таким обра-

зом, между выходом двух томов, 6-го и 7-го, образовался промежуток в десять лет. Несомненно, свою роль сыграло здесь удаление из статистического комитета Гациского и назначение на его место человека, не отличавшегося большим энтузиазмом в деле местных исследований. В течение полутора лет должность секретаря статистического комитета занимал И. П. Дараган, член правления Нижегородско-Самарского земельного банка и близкий знакомый П. И. Кутайсова. Основным результатом его деятельности стал «Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии», вышедший из печати в 1880 г.[150] Это издание и выполняет роль своего рода пограничной отметки — делит «Нижегородские сборники» на две группы, притом, как мы увидим, не только хронологически, но и тематически. Сам сборник Дарагана заметно отличается от «Нижегородских сборников» Гациского прежде всего формальным подбором материала. Гациский дал такую оценку изданию в предисловии к 7-му тому своего сборника: «При всем моем уважении к почтенному И. П. [Дарагану], при всем интересе напечатанной им в „Сборнике стат. и справ. сведений" статьи о землевладении, я не могу ему простить расхода издательских средств комитета на печатание в названной книге адрес-календаря служащих в губернии лиц и целой массы цифровой макулатуры, которая конечно ничего не прибавляет к нашему знанию»[151]. Возможно, говоря это, Гациский не избежал некоторой субъективности. Но приведенная цитата интересна не только оценкой одним издателем-статистиком работы другого, в этом суждении обнаруживают себя более общие проблемы.

Обращение к истории того или иного провинциального издания с самого начала предполагает появление двух важных вопросов: первый — в чем состояла насущная потребность напечатания конкретной книги в губернском городе; второй — где и как были найдены денежные средства для издания? История издания «Нижегородского сборника» предлагает достаточно полные ответы на эти вопросы.

Возвращаясь к суждению Гациского относительно «Сборника статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии», нетрудно выделить две основных претензии: 1) печатание в солидном провинциальном издании обилия казенного и статистически формального материала; 2) использование для этого денег из кассы статистического комитета. Эту вторую претензию Гациский высказывает и более конкретно: «...скопленная мною казна комитета на издание VII-го тома „Ниж. Сборника" (с лишним 500 р.) ушла на издание „Сборника статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии"»[152]. Суть критических замечаний в следующем: целесообразность статистически-исследовательского провинциального издания, обоснованная местными потребностями и общегосударственной необходимостью, не подтверждалась сборником Дарагана. А потому и трата денег, которые достались статистическому комитету очень непросто, оказалась в значительной степени неоправданной.

О целях возобновленного в 1887 г. серийного издания Гациский сообщает в редакционной статье, открывающей 7-й том: «Основными задачами „Ниж. Сборника" считаем мы, по-прежнему, исследование всех, по возможности, сто-

рон народной жизни Нижегородского Поволжья в его прошлом и настоящем и притом не с какой-либо временной, частной, а так сказать с вечной и многообъемлющей точки зрения — путем печатания преимущественно материалов для познания о нем…

Исследования, печатаемые в „Ниж. Сборнике", имеют значение материалов на том основании, что для *итогов*, как мы уже не раз говорили, еще не настало время…

Исследования „Ниж. Сборника" имеют описательный характер и касаются преимущественно мелких явлений, потому что именно такой характер их нам всего более симпатичен, всего более понятен, всего более по плечу, и всего — что особенно важно — осуществимее. Мы отвергаем исключительно цифровой официальный материал, потому что сильно сомневаемся в достоверности его; мы стоим за исследование мелких явлений потому, что только основательное изучение мельчайших составных частей ведет к более ценному познанию целого»[153].

Нам кажется, что, отвергая цифровой официальный материал, секретарь статистического комитета тем не менее хорошо знал, что сухие цифровые данные при серьезном изучении могут создать представление о социальном и экономическом положении дел. Но, будучи издателем, он знал своего местного читателя — учителя, мирового посредника, земца, агронома, священника, промышленника, грамотного крестьянина. Этим людям нужна была текстовая информация описательного свойства. Именно ее они находили в статьях, подготовленных, кстати, такими же, как они, учителями, агрономами и т. д.

Любопытно, что, открывая этот очередной 7-й том, Гациский тем не менее в своем предисловии декларирует основные цели серийного издания. Десятилетний перерыв между выходом томов, появление в этот промежуток времени статистического издания, не соответствующего требованиям «Нижегородского сборника», заставили его повторить эти требования.

Для того, чтобы непосредственно перейти к характеристике содержания 7—10 томов «Нижегородского сборника», нужно еще раз обратиться к началу нашего периода. Итак, в июле 1880 г. Гациский вновь стал секретарем статистического комитета и начал налаживать издательскую работу. Получалось у него это трудно — во-первых, потому, что он «долгое время не мог хорошенько разобраться, т. е. соединить деятельность новую общественную (т. е. земскую.— Авт.), с старой, литературной»[154], во-вторых, потому что он нашел весьма обедневшей кассу статистического комитета. Процесс совмещения разных форм деятельности затянулся на годы, так что Гациский «только около 1882—1883 годов окончательно ориентировался, сумевши наконец соединить их…»[155] В эти же годы в статистическом комитете постепенно накапливались средства для продолжения издания «Нижегородского сборника».

Но было бы неверно полагать, что два с лишним года работы губернского статистического ведомства были потрачены лишь на адаптацию его руководителя в новых условиях и на ожидание восстановления казны комитета. Еще в начале 1877 г. Гациский получил предложение образованной при Министерстве финансов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России организовать таковое исследование в Нижегородской губернии. И работа была

организована. Были найдены люди, между которыми распределялись получаемые от комиссии средства. Гацискиий писал об этом так: «К работам по исследованию кустарной промышленности в Нижегородской губернии приглашено было мною 8 лиц, из которых одно (А. П. Коринфский) скоропостижно скончалось, а другое не выполнило возложенных на него ожиданий; остальные 6 производили исследования по программе, выработанной комиссией, в течение 1878—1882 годов...; работы их напечатаны в выпусках II—IV „Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России". Исследования производились на средства комиссии в разное время, по частям 2 300 р. ...»[156]

Значит, в тот период, когда статистический комитет переживал сложные времена, когда Гациский был вовлечен в земскую работу, а затем уволен с должности секретаря комитета, работа по исследованию кустарной промышленности губернии продолжалась. Она продолжалась и позже, в начале 1880-х гг. Выполнявшие ее получали денежное пособие, результаты исследований печатались в «Трудах комиссии...» — столичном серийном издании. Работа, организованная Гацисским как главой статистического комитета, двигалась почти самостоятельно: «дело направлялось мною, в качестве руководителя, по необходимости почти без системы...»[157] И все-таки дело шло. Деньги отпускались комиссией по исследованию кустарной промышленности разом на губернию, и уже Гациским распределялись между исследователями, выполнявшими работу в уездах. Так обстояло дело до середины 1882 г., когда было получено сообщение, что дальнейшее исследование Нижегородской губернии за счет комиссии (соответственно и издание ею материалов) ввиду недостатка средств у последней невозможно. Комиссия рекомендовала обратиться к земству и с его помощью продолжить изучение состояния кустарных промыслов края. Вот, собственно, с этого момента и началась настоящая подготовка Гациским новой серии «Нижегородских сборников».

В 1878—1882 гг. исследованием кустарной промышленности Нижегородской губернии в 7 уездах были охвачены только 30 промыслов. Кроме того, подготовленные в этот период материалы, в силу отсутствия систематического руководства, имели существенные недостатки. Теперь же, сосредоточив исследование и издание под началом Нижегородского статистического комитета, Гациский мог закончить начатое с должной тщательностью и полнотой. Но для этого нужны были деньги.

Обращение за помощью к земству дало желаемый результат. Здесь помогло, конечно, и то, что Гациский сам был земским деятелем (в 1878—1880 гг. он даже председательствовал в губернской управе). Так или иначе, нижегородское губернское земское собрание «с обычным ему сочувствием к подобным нуждам, ассигновало достаточные средства не только для окончания начатых по губернии работ — 2 500 р.— но и для напечатания их — 2 500 р.»[158]

Следующей задачей стала организация исследований на местах. Занявшись этим, Гациский сумел выявить и сконцентрировать творческие интеллектуальные силы, разбросанные по уездным городкам. В исследовании кустарных промыслов под его руководством принимали участие следующие лица: П. С. Ан-

ненков, студент; А. И. Борисовский, священник; С. А. Духовской, студент, преследовавшийся за распространение в Москве в 1881 г. прокламаций; А. И. Звездин, студент, ставший после смерти Гациского секретарем Нижегородского статистического комитета; И. И. Звездин, брат предыдущего, сельский учитель; А. А. Карелин, «неблагонадежный», впоследствии известный экономист и писатель; А. В. Карпов-Каранин, из крестьян, студент, позднее ветеринарный врач и этнограф; С. С. Комаров, сельский учитель; Ф. И. Маракин, сельский учитель; А. К. Орешников (из Арзамаса); В. Л. Полляк, студент; М. М. Поспелов, священник; Н. И. Руновский, семинарист; А. Э. Сакс, земский служащий, «неблагонадежный»; А. Н. Спасский (из Ардатова); Я. Н. Тихов, учитель; В. М. Федотов, земский служащий; А. А. Хохлов, служащий нижегородской ремесленной управы; И. П. Ягодинский, студент; А. Э. Языков, вернувшийся из административной ссылки[159]. Все они проводили наблюдения на местах, собирали данные, готовили материалы, которые позднее в виде законченных описательных статей печатались в «Нижегородских сборниках». Обращает на себя внимание определенная однородность занятого в работе контингента: в основном низовая интеллигенция, студенты, нередки случаи политической «неблагонадежности».

Первая часть изучения нижегородских кустарных промыслов, как уже говорилось, была проведена в 1878—1882 гг., и полученные материалы напечатаны в «Трудах комиссии...» Непосредственно к книжному делу провинции это не имеет отношения. Нас это интересует только как первая стадия исследования, продолжение и завершение которого представлено в нижегородских изданиях.

Вторая часть подготовки материалов по состоянию кустарных промыслов была выполнена в 1884—1885 гг. Этот комплекс исследований проведен и быстрее, и результативнее, и дешевле. Всего по губернии подвергнуто изучению 110 промыслов. Последовательность выполнения исследований была спланирована: «работы велись не случайно, контингент исследователей был весь налицо при самом приступе к работам, заранее, по общему обсуждению и соглашению, распределены были роли, самая работа распределилась равномернее...»[160] Обращает на себя внимание коллективный подход к делу, товарищеская атмосфера в организации работы. Принципы равноправия и коллективизма, положенные в основу комплекса исследований, нашли свое отражение в содержании «Нижегородских сборников». Сообщая читателю о плане сборника, Гациский отмечал распространенную традицию коллективных исследований: «В качестве „организатора", „руководителя", „обрабатывателя", „редактора", я бы мог конечно, по бывшим неоднократно примерам гг. „обрабатывателей" (не моего „романа" однако), „объединить" все исследования, т. е. сгруппировать работы гг. исследователей (по промыслам ли, по уездам ли — как угодно), „нивелировать" их, подписать под всем этим „сводом" свое имя, упомянуть „для контенансу", что-де „сотрудниками" нашими были такой-то и такой-то... Я нахожу приличным поступить иначе...»[161] Поэтому, несмотря на то, что «Нижегородский сборник» прежде всего ассоциировался с именем его редактора, все статьи, включенные в тома издания, представляют индивидуальные самостоятельные исследования с указанием конкретного автора.

Завершая разговор об авторском коллективе (мы полагаем, что допустимо такое определение), участвовавшем в подготовке второй серии сборников, можно отметить преобладание идейной или научной заинтересованности исследователей (но едва ли меркантильной). Среднее вознаграждение за одну выполненную работу, включавшее и возмещение путевых расходов, составляло 35 р. 11 к. Если учесть условия сбора данных, необходимость дальних отнюдь не комфортабельных поездок, такой гонорар не покажется заманчивым.

Сборники Гациского, вышедшие за период с 1887 по 1890 гг., представляют собой четыре объемистых тома, каждый не менее 500 страниц. Основным содержанием их являются описания различных кустарных промыслов Ардатовского, Васильевского, Горбатовского, Княгининского, Лукояновского, Макарьевского, Нижегородского и Сергачевского уездов. Здесь мы находим не только свежую достоверную статистику и наблюдения за хозяйственной жизнью края. В сборниках дана объективная картина народного быта. Иными словами, в форме информативно-статистических материалов читателю предлагалась жесткая критика провинциальной российской действительности. Гациский целенаправленно добивался популярности своих сборников именно для того, чтобы выработать в обществе интерес к реальному состоянию народной жизни. Помещенные в сборниках материалы должны были, по его замыслу, послужить информационной основой для ее переделки и улучшения. В этой цепи просматривается либерально-реформаторская направленность издания.

Все «Нижегородские сборники» (в том числе и тома с 7-го по 10-й) открываются предисловием Гациского, которое, как правило, содержит сведения по истории издания и другим касающимся его вопросам.

В 1890 г. вышли 9-й и 10-й тома. Последний открывается словами Гациского о том, что издание сборника «прекращается, за отсутствием денежных средств для его продолжения, надолго, быть может — и всего вероятнее — навсегда»[162]. Наверное, поэтому в содержание этого выпуска вошли не только традиционные для последних томов материалы о кустарных промыслах, но также очерки самого редактора («На Сундовицах, на Жарах» и «На Сити, на реце»), работы археологического и этнографического характера, статья по истории и, наконец, предисловия ко всем 10-ти томам сборника.

Предположение Гациского об окончательном прекращении «Нижегородского сборника» оправдалось, последующих выпусков уже не было. Заканчивая разговор об этом издании, следует подчеркнуть, что оно было самым большим издательским достижением не только статистического комитета, но и всего нижегородского книгопечатания в период с конца 1860-х до начала 1890-х гг.

Периодическая печать в Нижнем Новгороде, в отличие, например, от Саратова, была развита довольно слабо. Помимо традиционных для большинства регионов губернских и епархиальных ведомостей, в городе в интересующий нас период издавался «Нижегородский биржевой листок». Он выходил с 1875 г. по 1891 г., с 1892 г. его заменила газета «Волгарь». Редакторами-издателями этих газет последовательно выступали отец и сын Иван Александрович и Сергей Иванович Жуковы. С 1883 г. во время проведения ярмарки стала издаваться га-

зета «Нижегородская ярмарка», которая со следующего года получила название «Нижегородская почта». С 1893 г. издавался «Нижегородский листок объявлений и справок», а с 1894 г. Нижегородское отделение РТО начало выпускать ежемесячный журнал «Нижегородский вестник пароходства и промышленности».

В заключение нашего краткого обзора скажем несколько слов о положении дел в уездах Нижегородской губернии.

Согласно ведомостям инспекторского надзора, типографии и литографии действовали в рассматриваемый период в городах Арзамасе, Горбатове, Семенове, а также в Серафимо-Дивеевском женском монастыре (Ардатовский уезд). В селе Ветошкине Сергачевского уезда с 1874 г. по 1883 г. работал типографский станок для конторских работ, в г. Лукоянове с 1887 г. по 1890 г.— литографский станок для служебных надобностей при управлении уездного воинского начальника. Литография в Серафимо-Дивеевском монастыре существовала с 1882 г. и печатала в основном иконы (в ведомости за 1881 г. зарегистрированы 2 литографских станка для печатания икон). В эти же годы в Арзамасе функционировало полиграфическое заведение Венских (в 1881—1893 гг.— типолитография, с 1894 г.— типография). В 1884 г. там же открылась типография личного почетного гражданина Н. Н. Доброхотова, а в г. Горбатове в 1882 г.— типолитография коллежского регистратора Н. К. Невского. Обе они работали и в 1895 г. В 1891 г. в г. Семенове открыл типографию местный мещанин М. М. Меледин.

Все эти полиграфические предприятия принимали заказы на разного рода акцидентную продукцию, но время от времени, печатали и книги (например: Виноградов В. И. Планы объяснительного чтения. Опыт объяснения образцов русской литературы для начального обучения. Руководство для учителей начальных училищ. Горбатов: Тип. Н. К. Невского, 1883; Петропавловский И. Ф. Кутузовская женская обитель Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Арзамас: Тип. Н. Н. Доброхотова, 1887 и др.).

В уездах Нижегородской губернии в 1881—1895 гг. официальной статистикой было зарегистрировано 15 книжных лавок, владельцами которых были, главным образом, представители крестьянского и купеческого сословий. Большинство их существовало очень короткое время (от одного до трех лет). В течение всего рассматриваемого нами периода были открыты лишь лавка купцов Ивана Ивановича и Константина Ивановича Скоблиных (отца и сына) в Арзамасе и лавки крестьян И. Я. Ширенина в селе Павлове Горбатовского уезда и Н. И. Прохорова в селе Лыскове Макарьевского уезда. Первые две торговали преимущественно духовными книгами, в лавке Прохорова продавались также картины и учебники.

Примерно такой же ассортимент имелся и в других книжных лавках, торговавших исключительно русскими книгами[163].

Пермская губерния

Развитие капиталистических отношений, особенно интенсивное в промышленных регионах Российской империи, придает невиданные ранее масш-

табы и темпы развитию книжного дела в Пермской губернии в 1880—1890-х гг.[164]

Рост чиновничье-бюрократического аппарата, а вместе с ним и делопроизводства, привел к появлению большого числа типографий, главной, а часто и единственной продукцией которых были различного рода бланки, ведомости, счетные книги. К концу XIX в. общее число типографий в Пермской губернии приближается к сорока. Особенно много типографий открывается в это время в уездных городах — в Осе (И. А. Кузнецова), Камышлове (наследников И. Бушуевой), Усолье (И. Л. Щеголихина) и т. д. В Екатеринбурге в середине 1880-х гг. работало 7 типографий: А. П. Мерной и Е. К. Краевой, П. И. Романова, И. К. Савицкого, П. Я. Сапожникова, А. М. Симанова, М. И. Филипповой, Ф. К. Хомутова и 3 хромолитографии: Я. И. Бессолицына, К. К. Вурм, Д. И. Родыгина. Позднее появляются типографии В. Н. Алексеева, П. И. Певина, Г. М. Розет и др.

Наиболее интересной была типография А. М. Симанова, где печаталась газета «Екатеринбургская неделя» и которая помещалась в одном доме с редакцией. По словам сотрудника редакции П. М. Сивкова, в типографии «работало... человек тридцать наборщиков, два печатника, третий тискал афиши на неуклюжем ручном станке, ему помогал неграмотный мальчик-баторщик...»[165]. Типографии специализировались на определенном виде печатной продукции и той или иной тематике. Так, в типографии Мерной и Краевой чаще всего печаталась научная литература, в типографии Сапожникова — религиозная, у Симанова — беллетристика, у Савицкого — издания Екатеринбургского и Шадринского земств и т. д.

По-прежнему наиболее крупным типографским центром оставалась Пермь. Здесь, как и во всей губернии, растет число частных типографий. Продолжают работать типографии, открытые еще в конце 1870-х — начале 1880-х гг. (Е. И. Заозерского, Е. С. Поповой, П. Ф. Каменского, В. И. Генниха), открывается ряд новых. Некоторые из них печатали книги. Так, в типографии Каменского был напечатан в 1889 г. интереснейший труд местного историка А. А. Дмитриева «Очерки из истории губернского города Перми», из типографии Поповой в 1892 г. вышел объемный «Каталог книг библиотеки Пермского уездного земства».

Но в основном книги печатались в двух самых крупных и хорошо оборудованных типографиях — губернского правления и губернской земской управы. В газете «Пермские губернские ведомости» от 24 сентября 1886 г. появилось такое объявление о типографии губернского правления: «Типолитография на днях получит большой новый транспорт разнообразных шрифтов, новейших украшений, изящных бордюров, линеек и прочего известной словолитни Флинша во Франкфурте-на-Майне. Цены на работы самые умеренные». Спустя 10 лет «Книжный вестник» напечатал небольшое сообщение: «Пермская губернская паровая типолитография в последнее время быстро развивает свою деятельность, оборот ее свыше 200 000 р., работает около 200 человек. 2 февраля открыта при ней электрическая станция»[166].

Однако потребность в книгах была так велика, что полиграфическая база губернии не поспевала за ней. Поэтому книги, хотя и в меньших, чем в преды-

дущие годы, количествах продолжают печатать в Петербурге, Москве и соседних с губернией городах: Вятке, Сарапуле, Казани, Уфе. Как и в предыдущий период, особенно часто к услугам типографий соседей прибегали уездные земские управы.

Наиболее активные издатели книг в рассматриваемый период — губернское и уездные земства, губернский статистический комитет, Пермская ученая архивная комиссия, Уральское общество любителей естествознания, редакция газеты «Екатеринбургская неделя», гимназии и некоторые другие организации и учреждения, а также сами авторы.

Появляются первые полупрофессиональные издательства. В Екатеринбурге с 1896 г. работало издательство В. Г. Чекана, владельца газеты «Урал». В 1894 г. появились первые книги «Религиозно-просветительского издательства священника Якова Шестакова», деятельность которого в конце XIX в. заметно повысила долю религиозной литературы среди пермских изданий.

Пермское книгоиздание начинает носить все более упорядоченный, интенсивный, разнообразный характер. Если за предшествующие 29 лет были напечатаны 674 книги и брошюры, то за 15 лет — с 1884 по 1898 г.— 1305.

Выходят издания самых различных типов и разнообразной тематики. По-прежнему, как и в предыдущие годы, более всего печаталось краеведческих материалов, которые можно разбить на две группы: оригинальная краеведческая литература и перепечатки земской и иной документации.

Продолжают работать такие известные авторы-краеведы, как А. А. Дмитриев, Д. Д. Смышляев, Е. И. Красноперов, В. Н. Шишонко, Р. Н. Рума и многие другие. В эти годы появляются такие интересные издания, как семь выпусков «Пермской старины» А. А. Дмитриева, экономико-статистические исследования Е. И. Красноперова («Основы местной земской статистики по экономическому отделу», «Сельскохозяйственные нужды Пермского края», «Статистические материалы Пермской губернии», «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности»), три выпуска сборника «Пермский край» (два — под редакцией Д. Д. Смышляева, третий — под редакцией А. А. Дмитриева), продолживших традиции знаменитых «Пермских сборников» 1859 и 1860 гг. Продолжает выходить «Пермская летопись с 1263—1881 г.» В. Н. Шишонко, выпуски «Географического и статистического словаря Пермской губернии» Н. К. Чупина.

Некоторые из этих изданий приобрели всероссийскую известность. Так, высокую оценку Академии наук получила «Пермская старина» А. А. Дмитриева; труд Е. И. Красноперова «Сельскохозяйственные нужды Пермского края» был удостоен золотой медали Русского географического общества.

Значительно возросло в изучаемый период число изданий, перепечатывавших без какого-либо существенного редактирования и комментирования журналы земских собраний, разнообразные отчеты, уставы, инструкции, сметы и тому подобную документацию. К концу века обилие подобных изданий, особенно отчетов самых различных учреждений и организаций, становится критическим. При этом оформляются они по-прежнему добротно, иногда даже нарядно, а объем некоторых из них достигает тысячи и более страниц (например:

Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду. Пермь, 1889. 1191 с.; Журналы Верхотурского уездного собрания 25-й очередной сессии 1894 г. и журналы 12-го чрезвычайного земского собрания 1895 г. Пермь, 1895. 1262 с.).

Пермское земство, как и земства других губерний, большое внимание в этот период уделяло статистике. Рассылая по губернии различные программы и вопросники, оно получало от учителей, врачей и других добровольных помощников огромную массу сведений, которые спешило опубликовать без какой-либо существенной обработки. Главная задача пермского книгоиздания в эти годы — сообщить как можно больше фактических сведений. Не случайно все более значительный процент среди пермских книг занимают издания справочного характера: календари, адрес-календари, памятные книжки, справочники, летописи, списки, каталоги.

Наблюдается некоторое оживление в издании художественной литературы, что объясняется как увеличением спроса на нее, так и формированием своих писательских кадров. Печатаются повести, рассказы, пьесы, стихи, шутки, пародии, произведения народного творчества. Можно назвать сборник стихотворений Е. С. Головой-Ушковой (Екатеринбург, 1887), «Сборник стихов» М. А. Афанасьева (Пермь, 1890), «Шутки и пародии» Ф. Ф. Филимонова (Екатеринбург, 1885) и т. д. Видимо, изданий художественной литературы было гораздо больше, чем известно сегодня, так как эти книги быстрее всего зачитывались и в указателях краеведческой литературы не отмечались.

В рассматриваемый период все большее место в книгоиздании губернии начинает занимать научная литература, в том числе и не связанная с местными проблемами (например: Хлопин Г., Михайлов В. О студенистом состоянии белковых веществ. Пермь. 1888; Филимонов Е. С. Материалы по вопросу об эволюции земледелия. Вып. 2. Краткий исторический очерк малорусского земледелия. Заметка о византийском землевладении X—XII столетий. Пермь. 1895). Печатаются труды Уральского общества любителей естествознания, Пермской губернской ученой архивной комиссии, исследования уже упоминавшихся выше местных краеведов.

Сравнительно много печатается учебной литературы. Большой популярностью, в том числе и за пределами Пермской губернии, пользовались учебники, составленные жителем Екатеринбургского уезда К. П. Славниным. Среди них — «Правописание. Правила, примеры и задачи на главнейшие случаи правописания» (Екатеринбург, 1892), «Первоучке. Азбука для семьи и школы и образцы для письма и рисования» (Екатеринбург, 1893) и др.[167] Некоторые из учебников Славнина официально рекомендовались для церковно-приходских школ, награждались похвальными листами на выставках и характеризовались как «весьма ценный вклад в педагогическую науку»[168].

В 1896 г. появляется первое издание для детей: книга М. Мостовенковой «Детский репертуар для домашних спектаклей. Подарок к ёлке».

Что касается научно-популярных изданий, то с середины 1880-х гг. появляется значительное число книг и брошюр, адресованных не только пермскому читателю. Издания подобного рода содержат различные бытовые практические

советы: как не быть обманутым при покупке лошадей, как тушить сельские пожары, как бороться с вредными насекомыми. Выходят издания методического характера по медицине, юриспруденции, бухгалтерскому делу, сочинения по вопросам философии, морали. Можно отметить работу Н. В. Соколовского «Мысли об основах житейской нравственности и человеческого счастья» (Ирбит, 1895) и книгу Л. А. Чоглокова «Руководство для сельских старост и порядок исполнения обязанностей, возложенных на них законами» (Пермь, 1896). Появление подобных книг настолько ново и значительно в истории пермского книгоиздания, что при всем их разнообразии целесообразно выделить их в особую группу некраеведческих популярных изданий.

Картина пермского книгоиздания 1880—1890-х гг. может быть представлена в следующей таблице:

	Всего	Ориг. краев. изд-я	Изд-я док-в	Науч. лит.	Справ. лит.	Учеб. лит.	Некраев. попул. изд-я	Худ. лит.	Религ. изд-я
Издано книг	1305	347	730	27	83	17	27	24	50
Состав, %	100	26,6	55,9	2,1	6,4	1,3	2,1	1,8	3,8

При значительном количественном росте выходящих в губернии книг, все большим становится процент изданий, подготовленных наспех, насыщенных огромным количеством фактического материала (цифрами, схемами, картами, таблицами, списками и т. д.), почти не отредактированного, не прокомментированного. Так, брошюра «Народное образование», изданная в Екатеринбурге в 1887 г., не случайно имеет подзаголовок «Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду»: все ее 46 страниц — подробнейшие таблицы без каких-либо пояснений.

Обращают на себя внимание названия подобных изданий — подробные, предельно точные и деловые. Снижение требовательности при подготовке новых изданий видно даже на примере трудов видных пермских краеведов, уже зарекомендовавших себя серьезными исследователями. И они все чаще публикуют не законченные работы, а всего лишь предварительные материалы, что находит отражение и в названиях (например: Красноперов Е. И. Статистические материалы к вопросу об организации в среде крестьян и заводских мастеровых Пермской губернии кредита, продовольствия и общественного призрения. Пермь, 1894).

Появляются новые периодические издания. В 1886 г. начинают выходить «Пермский эпидемиологический листок» и «Деловой корреспондент» (газета издается в Екатеринбурге, сначала три раза в неделю, а с 1890 г.— ежедневно). С 1891 г. выходят «Записки Уральского медицинского общества в Екатеринбурге», с 1892 г.— «Труды Пермской ученой архивной комиссии». Выходили они нерегулярно и были рассчитаны на узкий круг подготовленных читателей.

В 1885 г. была образована Екатеринбургская епархия, к которой отошла бóльшая часть церквей, ранее входивших в Пермскую епархию. В связи с этим в Екатеринбурге с 1886 г. начали печататься еженедельные «Екатеринбургские

епархиальные ведомости», а «Пермские епархиальные ведомости» сократили свою периодичность до двух раз в месяц.

Наиболее крупными изданиями остаются «Пермские губернские ведомости», «Екатеринбургская неделя» и «Сборник Пермского земства»[169]. «Пермские губернские ведомости» переживают в это время пору расцвета (упадок их начнется в 1900-е гг., когда их потеснит более оперативная и гибкая частная пресса). Как писал пермский литературовед В. А. Кустов, «газета перестала предназначаться только официальному кругу лиц, стала неотъемлемой частью общественной жизни губернии»[170]. Она публикует самые разнообразные (как по жанрам, так и по тематике) материалы о жизни губернии, объединяя на своих страницах большой авторский коллектив. Постоянно сотрудничают в ней Д. Д. Смышляев, Е. И. Красноперов, А. А. Дмитриев, Р. Н. Рума и др.

В 1890-х гг. происходит коренная реформа газеты. Уже давно официальная и неофициальная части, руководимые разными редакторами, отдалялись друг от друга. С 5 июля 1894 г. неофициальная часть начала издаваться отдельно, получив подзаголовок: «Общественно-литературная, политическая и экономическая газета». Газета стала выходить ежедневно, увеличился ее формат, постоянно стали печататься иллюстрации, улучшились шрифты и верстка. У газеты появились собственные корреспонденты. В ней печатались сообщения русских телеграфных агентств. Большое место отводилось объявлениям, рекламе, судебной хронике. Но основное содержание составляли очерки местной жизни, фельетоны, исторические разыскания, библиографические заметки, литературные произведения и т. д. В газете печатались талантливые журналисты народнического направления А. И. Скугарев, В. Я. Кричевский, В. А. Кандауров и др., литераторы А. Воеводин, Н. Вилесов, С. Ильин.

«Екатеринбургская неделя», будучи изданием частным, менее других газет была связана официальным заказом и должна была бороться за читателя, удерживать его. Но ограниченно-либеральные взгляды ее издателей не позволяли газете стать по-настоящему прогрессивным органом. Довольно смелая в первые годы своего существования, она к середине 1880-х гг. становится все лояльнее. По характеристике одного из современников, ее «критику» можно было сравнить со «смелым чириканьем воробушков в укромном гнездышке»[171]. Д. Н. Мамин-Сибиряк в письме к В. А. Гольцеву от 5 февраля 1890 г. отмечал, что чувство порядочности не позволяет ему сотрудничать в этой газете. Из «Екатеринбургской недели» уходят многие талантливые сотрудники: Ф. Ф. Филимонов, И. Г. Остроумов и др. Тираж падает до 400—500 экз., и какое-то время газета существует за счет типографии. Встает вопрос о ее продаже.

Положение газеты изменилось к лучшему в связи с проводившейся в Екатеринбурге в 1887 г. Сибирско-Уральской научно-промышленной выставкой. Число подписчиков возросло до 1200—1500 человек, до 300 экз. продавалось в розницу.

В 1895 г. «Екатеринбургская неделя» напечатала антирелигиозный рассказ П. Н. Галина «Кубарь», за что был отстранен от должности цензор В. Г. Чекан. Газета стала цензуроваться в Перми. Она становится менее оперативной. Статьи на злобу дня попадали в номер, когда о событии уже успевали забыть. Газета

вновь переживает упадок. В 1896 г. ее вместе с типографией покупает бывший цензор Чекан, который в том же году добивается разрешения выпускать вместо «Екатеринбургской недели» ежедневную газету «Урал».

В течение длительного периода неудовлетворительно издавался «Сборник Пермского земства». «Пермские губернские ведомости» писали (1884. № 1): «Сборник уж несколько лет мало в ком возбуждает интерес. Сами губернские гласные, выслушав все печатанные в нем доклады на самом собрании, обращались к нему только за справками. Такое положение было, конечно, ненормально, так как оно увеличивало только количество макулатурной бумаги».

С 1884 г. начинается второй период в истории сборника. Его стали выпускать один раз в две недели в формате газеты; содержание становится более живым, злободневным, оперативным. В нем сотрудничают учителя, врачи, земские гласные. Публикуются историко-статистические очерки, статьи по вопросам медицины, санитарии, народного образования. Появляется много материалов практического характера. Публикации сопровождаются разнообразными таблицами, которых, как и в других изданиях, слишком много. В «Сборнике» и его приложениях опубликованы лучшие работы А. А. Дмитриева, Е. И. Красноперова, продолжение «Географического и статистического словаря Пермской губернии» Н. К. Чупина [172] и другие значительные труды.

Однако в дальнейшем, особенно с конца 1880-х гг., «Сборник» вновь переживает упадок. Более чем вдвое сокращаются расходы на его издание. Его выпуски вновь начинают выходить по мере накопления материала. Постепенно «Сборник» начинает приобретать характер экономического журнала с преобладанием статей по вопросам сельского хозяйства (особенно ярко это проявляется после неурожая 1891 г.). Но печатаются чаще всего сырые необработанные материалы (например, порою до половины издания занимали бюллетени Пермской метеорологической станции). Все попытки реорганизовать «Сборник» пресекаются Министерством внутренних дел.

Заметное оживление переживает книжная торговля. Наиболее крупные магазины были сосредоточены в Перми и Екатеринбурге. В Перми в это время, среди прочих, работают книжные магазины и лавки О. П. Петровской, А. А. Любимова, С. С. Гневашева, А. И. Гашева, Е. И. Пермякова; в Екатеринбурге — В. И. Бабинова, Е. С. Головой, И. Г. Остроумова, М. Д. Блохина и К° и др. Но специализированная книжная торговля перестала быть прерогативой только этих городов. Книжные магазины и лавки открываются в Кунгуре, Красноуфимске, Верхотурье, Осе, Ирбите, Чердыни, в других городах и на заводах губернии. Так, в Осе торговал книгами И. А. Кузнецов, в Красноуфимске — К. П. Суслов.

Получает распространение букинистическая торговля. Например, И. Г. Остроумов, уйдя из «Екатеринбургской недели», организовал фирму «Букинист» по торговле старыми книгами. Были известны и другие букинистические предприятия. По сведениям И. Г. Остроумова, в Екатеринбурге на рынке торговал целый ряд букинистов, как было в Москве и Петербурге [173]. Предприимчивые люди, используя резко возросший интерес читающей публики к нелегальным и

запрещенным изданиям, организуют их продажу. Так, нелегальная библиотека одного из первых марксистских кружков в основном состояла из статей, купленных у букиниста по кличке «Драло», который торговал старыми, в том числе и запрещенными, журналами «на-выдер» — по гривеннику за статью [174].

Магазины становятся крупными книжными центрами, ведущими самую разнообразную работу по пропаганде книг. Они внимательно следят за выходящей в России литературой, рекламируют ее, занимаются подпиской на газеты и журналы, помогают комплектоваться библиотекам. Центром книжной торговли губернии остается книжный магазин Петровских в Перми, который был не только основным источником приобретения литературы в губернии, не только школой передового опыта, но и своеобразным коллектором нелегальных библиотек. Так, пермская «Группа освобождения рабочего класса», организованная в 1898 г. под руководством Е. А. Пузырева, близкого друга Петровских, свою богатую нелегальную библиотеку, состоявшую в основном из марксистских изданий, пополняла из этого источника [175].

Однако, несмотря на все старания пермских книгопродавцев, многие объективные причины (удаленность губернии от центра, отсутствие достаточной библиографической информации, небольшие тиражи издаваемых в столицах книг и т. д.) не позволяли поставить книжную торговлю на должный уровень. Книги поступали с большим опозданием и ограниченного выбора. П. П. Бажов в письме к Л. И. Скорино отмечал, что в 1894 г. (он жил тогда в Перми), когда А. П. Чехов уже написал «Мужиков» и стал известным писателем, «в провинциальных книжных магазинах… был еще только молодой Чехов „Сказок Мельпомены“ и „Пестрых рассказов“»[176].

Но покупка книг была доступна далеко не всем. Более демократичным источником чтения становятся библиотеки, ибо постепенно некоторые из них полностью или частично переходят на бесплатное обслуживание читателей. Однако развитие библиотечного дела в губернии в этот период не лишено противоречий. Наблюдается, с одной стороны, огромный рост числа библиотек, стремление охватить ими самые отдаленные уголки губернии и сделать их доступными каждому, с другой — нищенское существование этих библиотек, бедные фонды, ограниченное число читателей, атмосфера подозрения, окружавшая работу библиотекарей, необеспеченность кадрами.

Особенно остро сказывалась на распространенности чтения бедность библиотечных фондов. Даже каталог Пермской публичной библиотеки, изданный в 1885 г., включал всего 3 459 названий, причем в основном это были журнальные статьи. Крайне мало было сочинений Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого. Но зато в избытке было представлено чисто развлекательное чтиво [177]. Чаще всего фонды пополнялись за счет пожертвований, и случались годы, когда они возрастали всего на 3—5 экз., причем часто жертвовались издания узкоспециальные, рассчитанные на подготовленного читателя. В ту же библиотеку в конце 1880-х гг. поступили такие издания, как «Труды Московского психологического общества» или сочинение А. Сизова «К вопросу об окончании обонятельного нерва у лягушки» (Казань, 1879) [178].

Особенно бедными были фонды земских библиотек, где в среднем на одного читателя приходилось немногим более девяти книговыдач в год. Как отмечали земские статистики, эта мизерная цифра объяснялась отнюдь не тем, что люди не хотят читать, а тем, что фонды почти не пополнялись и прочитавшему все имеющиеся книги просто уже нечего было брать.

Очень наглядно свидетельствуют о читательских вкусах списки книг, пришедших в ветхость, и списки поступивших в библиотеки периодических изданий, сохранившиеся в фондах Государственного архива Пермской области. Так как из-за нехватки средств почти все периодические издания выписывались в одном экземпляре, помета о двух или даже трех экземплярах говорит о большой популярности этих изданий. Так, Пермская публичная библиотека в двух экземплярах выписывала «Русское богатство», «Вокруг света», «Библиотеку для чтения», «Отечественные записки», в трех — «Ниву», «Русский вестник». Конечно, количество выписываемых экземпляров не всегда зависело от спроса: иногда существенную роль играли политические соображения, стоимость издания и т. д. Поэтому гораздо репрезентативнее перечни списываемых из-за ветхости журналов и книг. Чаще всего зачитывались такие журналы, как «Отечественные записки», «Дело», из книг — романы Ф. Купера, Ж. Санд, В. Скотта, А. Дюма, Жюля Верна, «Дворянское гнездо» Тургенева, «Обломов» Гончарова, «Война и мир» Толстого, «Петербургские трущобы» Крестовского, «Взбаламученное море» Писемского.

Составляя списки книг, которые необходимо приобрести, библиотекари постоянно вносили в них сочинения Гоголя, Белинского, Добролюбова, Тургенева, Писарева, Решетникова, Л. Толстого, что, безусловно, свидетельствует о том, что на сочинения этих авторов существовал большой спрос[179].

Но гораздо более говорят о вкусах читателей фонды личных библиотек. К сожалению, таких сведений не очень много. Известно, например, что совершенно уникальной по наличию краеведческих изданий была библиотека священника из Перми Задорина. Инженер-механик Н. Н. Новокрещенных собрал 500 томов медицинской литературы, которые передал в Александровскую больницу г. Перми. В сборнике «Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке», изданном в Свердловске в 1936 г., приведена опись личной библиотеки писателя. Среди разнообразных пристрастий Мамина-Сибиряка особое место принадлежит уральской тематике, местным изданиям. Одной из самых крупных и интересных была библиотека Н. К. Чупина, которую журналист И. Г. Остроумов назвал «драгоценным наследством», отметив, что «более полное собрание книг и статей за данный период времени, касающихся Урала в широком смысле, едва ли можно встретить»[180]. Остроумов писал, что в Екатеринбурге в это время «в редком интеллигентном доме города не встретишь шкафа с книгами, которые сотнями появляются на толкучке после смерти почти всякого мало-мальски учившегося лица»[181].

В этот период земские деятели впервые констатируют наличие крестьянских библиотек и пытаются охарактеризовать их. Учитель П. Коуров отмечал, что в небольших личных крестьянских библиотеках отсутствует юридическая

литература, зато бывает до 30 экз. лубочных изданий. Автор приводит списки книг, встречающихся в крестьянских семьях. Среди них — беллетристика («Князь Серебряный» А. К. Толстого, «Конек-Горбунок» П. П. Ершова, книги типа «Могила Марии», «Мертвец без гроба»), духовная литература, песенники, письмовники [182].

Учитель Глумов из Шайтанского завода составил список из 176 книг, принадлежавших 35 крестьянским семьям. Среди них книг светского содержания — 126, духовного — 50, причем среди последних преобладают жития святых. Из светской литературы 48 книг — рассказы, повести, романы, 32 — сказки. Лишь 14 книг из 126 посвящены сельскому хозяйству, медицине и т. д. Преобладают издания Сытина, Морозова, фирмы «Посредник», комитетов грамотности и пермского земства. Книги приобретают у книгоношей и во время поездок на соседние заводы, где есть постоянная торговля книгами [183].

Читателю из народа было очень сложно находить нужную литературу. Такие исследователи народного чтения, как П. Коуров и П. Астафьев, отмечали, что не случайно у крестьян, охотно пользующихся библиотеками, преобладает неопределенный спрос. Не может им помочь и каталог. На вопрос библиотекаря, какую книгу им выдать, они отвечают: «Да кто его знает, какую? Вот кабы знать у тебя все книги, что тут в шкафу-то, ну тогда бы и сказал тебе, какую книгу нужно»[184]. Чаще всего они берут книги по совету библиотекаря, иногда — по совету друг друга.

В изучаемый период начинают активно приобщаться к чтению рабочие, но их читательские интересы в значительной степени лежали в сфере нелегальной литературы.

Сложности социального и революционного развития Урала предопределили значительное разнообразие (по содержанию, форме, политической направленности, зрелости) распространявшихся здесь нелегальных изданий, а также разнообразие направлений и методик их пропаганды, изучения и использования.

Более всего распространяются и изучаются народнические издания, которые не отличались единством и однородностью. Кроме того, уральские народники придерживались несколько иной теории и тактики, чем народники центральных областей. Они не признавали террора; основным направлением в их работе всегда были агитация и пропаганда, в связи с чем распространению нелегальной литературы уделялось особое внимание.

Создается много нелегальных кружков, которые вернее всего было бы назвать кружками самообразования, ибо члены этих кружков собирали библиотеки, состоявшие из легальных изданий, писали рефераты о легальных произведениях, разбирали их на своих занятиях. Существовали такие кружки в гимназиях, семинарии, промышленном училище Красноуфимска, горном училище Екатеринбурга, Пермской фельдшерской школе и т. д. В 1890-е гг. в них чаще всего изучались статьи Н. А. Добролюбова «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Когда же придет настоящий день?», «Исторические письма» П. Л. Лаврова, «Формула прогресса» Н. К. Михайловского [185]. В ходу был знаменитый «Челябинский каталог» библиотеки братьев Покровских. «На него смот-

рели как на своего рода „программу для чтения", минимум того, что должна прочесть „критически мыслящая личность"»,— писал участник одного из таких кружков В. Н. Трапезников[186].

Среди революционной части народничества усиливается интерес к марксистской теории, поэтому в Пермской губернии появляется большое количество кружков смешанного типа: их члены придерживаются в основном доктрины народничества, но разделяют и некоторые марксистские взгляды и изучают, наряду с народнической, марксистскую литературу. Одной из самых первых групп этого типа была группа, действовавшая в Екатеринбурге в 1883—1884 гг. 7 марта 1884 г. служащий железной дороги, ссыльный студент В. К. Лузин был задержан при получении из Петербурга посылки с нелегальной литературой. В посылке оказалось 16 книг и брошюр «противоправительственного содержания». Среди них — народнические издания: брошюры о С. Перовской, А. Желябове, С. Халтурине, а также «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. При обыске на квартире Лузина был найден типографский шрифт и много народнических изданий, в том числе 27 экз. воззвания «От мертвых к живым», «Сказка о том, как царь Ахреян ходил богу жаловаться» и др. Часть изданий была изготовлена литографским способом, видимо, в самом Екатеринбурге[187].

Если до середины 1880-х гг. пропагандой марксистской литературы занимались одиночки — либо сосланные революционеры, либо местные энтузиасты, то во второй половине десятилетия в губернии организуются первые марксистские кружки и группы.

С середины 1890-х гг. резко обостряется борьба между народниками и марксистами, значительно возрастает приток марксистской литературы в губернию. Стихийный рост рабочего движения в эти годы, с одной стороны, и распространение марксистских идей в кружках революционной интеллигенции, с другой, подготовили почву для создания социал-демократических организаций и групп на Урале.

В нелегальном книжном деле Пермской губернии 1890-х гг. можно отметить следующие наиболее значительные явления: формирование читателя-рабочего, значительное возрастание притока марксистской литературы, рост удельного состава этой литературы в круге чтения пермских революционеров и пробуждение нового интереса к творчеству революционеров-демократов 1860-х гг., прежде всего, к произведениям Чернышевского. Оппозиционно настроенная интеллигенция и учащиеся также все чаще обращаются к народническим и марксистским изданиям. Большой популярностью пользовались труды Г. В. Плеханова, особенно вышедшая в 1895 г. легально и появившаяся в пермских библиотеках его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В. Южаков вспоминал: «Книга Плеханова сыграла в Перми огромную роль и читалась нами так, как не читают самый увлекательный роман»[188]. В том же 1895 г. пермский марксистский кружок И. П. Ладыжникова получил сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», в котором была опубликована статья В. И. Ленина «Экономическое содержание на-

родничества и критика его в книге г. Струве». Статья оживленно обсуждалась в пермских кружках[189].

Таким образом, 80—90-е гг. XIX в. стали заметной вехой в развитии книжного дела Пермской губернии. Наблюдается такой количественный рост издательской продукции, сети библиотек, типографий, книжных магазинов и лавок, какого еще не было в истории края.

Книжное дело проникает в отдаленные уголки губернии: типографии, библиотеки, книжные магазины и лавки появляются в уездных городах, на заводах и даже в селах. Книги становятся более доступными самым различным слоям читателей. Формируется читатель-рабочий. Однако в книжном деле края в данный период много и недостатков: слаба материальная база библиотек, типографий, плохо с кадрами, книжные новинки из центра приходят с большим опозданием и далеко не полного ассортимента. Среди местных изданий большое место занимают перепечатки различной документации, встречается много незавершенных и небрежно отредактированных изданий.

Сибирь

80—90-е гг. XIX в. были для Сибири* временем экономических, социальных, культурных преобразований[190]. Начало и конец этого периода отмечены знаменательными вехами. 26 октября 1881 г. Сибирь торжественно отметила 300-летие своего присоединения к России. Это событие было воспринято сибиряками не как рядовое юбилейное торжество, а как определенный рубеж, начало нового исторического этапа. «Новый период жизни Сибири может быть определен со времени юбилея 300-летия... Момент этот сопровождается некоторым подъемом духа, пробуждением сознания и имеет весьма важные следствия в самой внутренней жизни Сибири»,— писал Н. М. Ядринцев во втором издании книги «Сибирь как колония»[191]. Строительство Сибирского железнодорожного пути, развернувшееся в середине 1890-х гг., еще больше возбудило надежды сибиряков на великое будущее своего края. «Пройдет еще 5—10 лет и Сибирь станет неузнаваемой»,— отмечается в книге «Всероссийская художественно-промышленная выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде» (СПб., 1896). «Теперь Сибирь доступна всем и каждому; она, таящая в своих недрах неиссякаемый источник богатств, как бы проснулась, стряхнувши с себя оковы многовековой спячки,— она накануне своего культурного расцвета»,— пишут М. Б. Аксельрод и И. Р. Томашкевич в предисловии к альбому «Великий путь», вышедшему в Красноярске в 1899 г.

В промежутке между этими двумя вехами Сибирь интенсивно развивается. Капитализм набирает темпы, энергично продвигается на восток, осваивает новые территории и ресурсы. Более 80 % российского золота идет из Сибири. Рас-

---

* Приводимые в начале раздела общие цифры, характеризующие развитие книжного дела в регионе, охватывают территорию Сибири и Дальнего Востока в целом.

ширяется горнорудная промышленность. Увеличивается поток переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток. Быстро растут города — Томск, Иркутск, Омск, Тюмень, Красноярск, Бийск и др., население которых к концу века по сравнению с 1851 г. утраивается. Усиливается роль новых городов на дальневосточной окраине — Владивостока, Хабаровска, Благовещенска. Непрерывно растет транспортно-пассажирское движение по Московскому тракту, речным путям сообщения. Влияние молодого торгово-промышленного класса становится все более ощутимым во всех сферах экономической и культурной жизни.

Общественный подъем 1860—1870-х гг., возникший на гребне революционного движения и буржуазных преобразований в крае, продолжается и в последующие два десятилетия. Поток политических ссыльных, усиливавшийся в периоды реакции, помогает Сибири и в эти годы поддерживать высокий уровень общественного самосознания. Именно в 1880—1890-х гг. здесь открывается наибольшее число школ, публичных библиотек и читален, музеев, всевозможных научных, просветительских и благотворительных обществ, закладывается и начинает работать первый сибирский университет.

Развернувшееся в Сибири «культурничество», как отмечает народоволец И. И. Попов, помешало наступлению здесь «чеховских сумерек», характерных для европейской России 1880-х гг. В своих воспоминаниях он пишет, что в эти годы в Сибири дышалось легче и свободнее, чем в столицах. «В Томске жили и говорили свободнее, чем в Петербурге. Общество было демократическое, и самодеятельность его проявлялась ярче, чем в столицах»[192].

В 1880—1890-е гг. крепнут, обретают подлинно широкий размах и общественную значимость сибирская периодическая печать и книжное дело. Развивающиеся на фоне интенсивного социально-экономического и культурного развития Сибири, они, в свою очередь, становятся мощным фактором дальнейшего движения вперед.

Если 50—70-е гг. XIX в. были временем становления сибирской периодической печати, первых ярких, но недолговременных опытов частной газетной прессы[193], то в последующие два десятилетия местная периодическая печать становится неотъемлемой частью сибирской общественной жизни. Расширяется ее география. Возникают органы печати в ряде новых городов. Вместо 13 газет, действовавших в крае в разное время на протяжении 60—70-х гг., в рассматриваемый период их насчитывается уже 40. Высокую популярность в Сибири и за ее пределами получили органы демократической печати: «Восточное обозрение», издававшееся Н. М. Ядринцевым с 1882 г. в Петербурге, а с 1888 г. в Иркутске, «Сибирь» (Иркутск, 1873—1887 гг.), «Сибирская газета» (Томск, 1881—1888 гг.), ставшие публицистической трибуной для многих политических ссыльных.

Качественно новые черты приобретает в эти годы и сибирское книгоиздание. Если в конце 50—70-х гг. XIX в. складывались предпосылки для его развития, то теперь наступает период широкого, устойчиво набирающего силу книгоиздательского процесса. Об этом прежде всего говорят цифры. В 1850—1870-х гг. в Сибири было напечатано немногим более 500 изданий, в 1880-е гг.

их уже вышло около 1,5 тыс., а в 1890-е гг.— в пределах 3,5 тыс.* Резко меняется и география сибирского книгоиздания. В 1860—1870-х гг. книгоиздающими можно было назвать лишь несколько сибирских городов. В 1880—1890-х гг. таких городов становится более двадцати.

Меняется и сам характер сибирского книгоиздания. Если начальные его этапы были тесно связаны с ведомственным делопроизводством и административным управлением и отражали прежде всего их потребности, то в 1880—1890-е гг. оно обретает определенную широту и размах, тематическое, типологическое, жанровое разнообразие, становится более гибким, более ориентированным на читательский спрос и книжный рынок. Увеличиваются тиражи изданий, их средний объем, улучшается полиграфическое исполнение. Эти изменения стали возможны благодаря значительному улучшению полиграфической базы.

Сейчас трудно восстановить достаточно ясную картину размещения и функционирования в провинции, в том числе и в Сибири, типографий, литографий и иных полиграфических заведений. Мешает этому не только отсутствие четкой, хорошо налаженной статистики как в центре, так и на местах, но и зыбкость, неустойчивость, негарантированность самого существования этих предприятий. Одни из них исчезают, лишь успев зафиксировать свое рождение в официальных статистических списках Министерства внутренних дел, другие значатся на обложках изданий, но почему-то отсутствуют в справочниках и губернских отчетах, третьи выпускают печатную продукцию задолго до своего официального утверждения. Наконец, архивные дела пестрят прошениями различных лиц о дозволении им открыть полиграфические заведения и разрешениями губернаторов, однако реальное существование этих предприятий не подтверждается ни справочниками, ни самой печатной продукцией.

Анализ многочисленных архивных, литературных и библиографических источников[194], не гарантируя абсолютной точности подсчетов, дает возможность определить характерные черты развития полиграфического производства Сибири. В 1881 г. в крае было 20 полиграфических предприятий (12 типографий и 8 литографий)[195]. В 1885—1889 гг. их стало не менее 50, в 1896—1897 гг.— не менее 66.

Тенденция устойчивого роста количества типографий и литографий говорит о нарастающей потребности в исполнении разного рода печатных работ, о широком внедрении книгопечатания в повседневную жизнь сибирского общества. На протяжении 1880—1890-х гг. происходит не только количественное накопление типографий и литографий на территории Сибири, но и меняется характер вновь возникающих предприятий, география их размещения. Если в 1860—1870-е гг. закладываются материально-технические основы для развития книгопечатания (укрепляются и переоснащаются старые губернские типогра-

* Под «изданием» здесь понимается весь комплекс печатной продукции в крае за исключением газет (книги, брошюры, листовой материал, продолжающиеся издания). Статистика основывается на данных картотеки сибирских изданий 50—90-х гг. XIX в., составленной автором.

фии, возникают казенные типографии в ряде областных городов, военных и административных центров, появляются первые частные типографии и литографии), то в рассматриваемый период, усиливаясь к его концу, широко разворачивается деятельность частных типографий и литографий, открываются типографии в большом числе ранее «непечатающих» городов. Типичная для предшествующих десятилетий фраза всеподданнейших отчетов губернаторов и рапортов полицейских управлений, что «типографий, литографий, фотографий, словолитен, книжных магазинов и сельских библиотек для чтения в... округе нет»[196] — в 1880—1890-е гг. встречается реже.

В эти годы продолжают активно работать Томская, Иркутская, Тобольская, Енисейская губернские типографии, типография окружного штаба в Иркутске, типография Акмолинского областного правления и типография окружного штаба в Омске, областная типография в Якутске, типография Забайкальского областного правления в Чите, частная типолитография Н. Н. Синицына (с 1886 г.— типография газеты «Сибирь», с 1890 г.— типография К. И. Витковской) в Иркутске, В. В. Михайлова и П. И. Макушина в Томске, К. Н. Высоцкого (с 1887 г.— Л. К. Высоцкой) в Тюмени, типография и литография наследников С. И. Гуляева в Барнауле, типография, хромолитография, скоропечатня А. В. Сунгуровой в Омске, типография Ф. С. Декова в Тобольске и некоторые другие предприятия, возникшие в более ранний период. Вновь открывается ряд типографий и литографий в Иркутске, Томске, Тобольске, Красноярске, Тюмени, Барнауле, Чите, Троицкосавске и других городах.

Впервые появляются полиграфические заведения в таких городах, как Енисейск, Курган, Бийск, Тара, Минусинск, Ишим, Ачинск и др.

Количество работающих и вновь возникающих полиграфических предприятий, свидетельствующее о масштабах изготовления печатных текстов, является лишь косвенным показателем развития книгопечатания. Множество мелких типографий и литографий Сибири не оставили после себя в книжном деле каких-либо заметных следов. Издающим организациям при наличии в городе типографии нередко по-прежнему приходилось обращаться с заказами в более мощные полиграфические заведения других сибирских городов или в центр. Многие типографии и литографии ограничивают свою деятельность печатанием всевозможных бланков, счетов, чеков, афиш, объявлений, прейскурантов, ярлыков и этикеток, поздравительных и пригласительных писем, конторских книг и т. д.

Развитие книгопечатания в значительно большей степени зависит не от количества полиграфических заведений, а от их мощности, оснащенности современным оборудованием и материалами, наличия квалифицированных наборщиков, печатников и т. д. В технической оснащенности полиграфических предприятий Сибири на протяжении второй половины XIX в. происходят существенные сдвиги.

В конце 1850-х — начале 1860-х гг., когда в Сибири закладывались основы книгопечатания как стабильно развивающегося процесса, местные полиграфические заведения были оборудованы устаревшими ручными станками, произ-

водившими 300 оттисков в час [197], имели ограниченный набор шрифтов, работу выполняли с помощью 4—5 исполнителей [198]. В конце 1860—1870-х гг. происходит постепенное переоснащение типографий. Некоторые из них (например, Томская губернская типография, типография Синицына в Иркутске) приобретают скоропечатные машины заведений «Кениг и Бауер» и «Франц-Марк и К°», производящие по 1500 [199] и 2 400 [200] оттисков в час, обновляют набор шрифтов и украшений. Постепенно полиграфические заведения из ведомственных учреждений, удовлетворяющих внутренние канцелярские нужды, все в большей степени превращаются в промышленные предприятия, претендующие на прибыль. Это требует от них повышенного внимания к техническому оснащению.

На протяжении 1880—1890-х гг. происходит активное внедрение в типографии Сибири новой техники. Томская и Иркутская губернские типографии, типография Забайкальского областного правления, Тобольского епархиального братства имеют по 1 скоропечатной машине [201], типография окружного штаба в Иркутске — 2 [202], Тобольская губернская типография в 1890 г.— 1, в 1891 г.— 2 [203], Енисейская губернская типография к 1897 г.— 3 (из них одна — двухнакладная) [204].

Еще в большей степени заботятся об улучшении оборудования частные типографии. Так, типография и литография газеты «Сибирь» в Иркутске в 1888 г. имела 2 скоропечатные типографские машины, ручной типографский станок, 1 скоропечатную литографскую машину и 3 литографских станка [205], типография Л. К. Высоцкой в Тюмени — 1 скоропечатную машину, 2 пресса, 2 резальных станка [206], типография Н. А. Румянцева в Барнауле — 1 скоропечатную машину Аугсбургского завода, 2 типографских станка и 2 литографских деревянных станка [207], типография Е. Ф. Кудрявцева в Красноярске — 2 большие скоропечатные машины (одна из них двухнакладная) [208], типография Торгового дома П. А. Бадмаев и К° в Чите — 2 скоропечатные машины, бостонский картопечатный станок, ручной типографский станок [209].

Раньше других современным полиграфическим оборудованием обзавелось крупнейшее полиграфическое предприятие Сибири — типолитография П. И. Макушина в Томске. В 1883—1887 гг. она уже имела 3 «большого размера скоропечатные машины» и 3 ручных станка [210].

Значительно увеличилось и количество рабочих, обслуживавших полиграфические предприятия. Типолитография Михайлова и Макушина в 1883—1887 гг. имела 40 рабочих [211], типография «Сибирского вестника» — 23, Томская губернская типография и типография Забайкальского областного правления — 15 [212], типография Тобольского епархиального братства — 22 рабочих [213].

Несмотря на существенный рост полиграфического производства, Сибири все же не удалось преодолеть отставание по сравнению с европейской Россией. Типографий и литографий на огромной территории было здесь значительно меньше, чем в центральных районах страны. Оснащенность современным полиграфическим оборудованием тоже шла более замедленными темпами. В 1880—1890-х гг. в регионе еще оставалось множество мелких типографий, работавших на ручных станках, литографии же, как правило, имели полукустарное, устаревшее оборудование.

Сама организация полиграфических заведений в Сибири была сопряжена со значительно большими трудностями, чем в европейской России. Трудоемкость доставки оборудования и материалов делала содержание предприятий достаточно дорогим, а слабость социального, культурного, экономического развития множества разбросанных по Сибири и плохо связанных между собой городов не давала гарантий успешного развития дела. Не случайно далеко не всем из задуманных частных типографий и литографий суждено было осуществиться.

Существующие типографии даже при явственной их недостаточности подчас вступали в жестокую конкуренцию между собой, были вынуждены всячески изворачиваться в борьбе за существование. В некоторых случаях именно наличие типографии толкало ее владельца к изданию частной газеты («Сибирская газета» П. И. Макушина в Томске, «Сибирская торговая газета» А. А. Крылова в Тюмени, попытки И. Д. Реброва выпускать в 1896 г. «Барнаульский листок»[214]). Невозможность обеспечить в своем городе достаточный объем печатных работ заставляла предпринимателей организовывать типографии в других населенных пунктах. Так, в Бийске заводит типолитографию И. Д. Ребров, типографию — Н. А. Румянцев — владельцы полиграфических заведений в Барнауле. Имеет типографии в Красноярске и Ачинске Е. Ф. Кудрявцев.

Конкуренция между полиграфическими предприятиями порой приводит их владельцев к конфликтам с издателями. Так, наследники исследователя и изобретателя С. И. Гуляева отказались предоставить редактору историко-статистического сборника «Алтай» архивные материалы о С. И. Гуляеве и его портрет для большого биографического очерка только потому, что издатель не согласился печатать сборник в их типографии, где, по его мнению, для этого «нет достаточно ни шрифта, ни станков, ни рабочих»[215]. (Сборник печатался в типолитографии Михайлова и Макушина).

Как и в европейской России, в Сибири возникает конкуренция между частными и казенными типографиями, поскольку последние находились в привилегированном положении, пользуясь правом требовать от подведомственных учреждений выполнения печатных работ именно у них и имея возможность брать более дешевые заказы. Однако бедность и более слабая техническая оснащенность сибирских губернских типографий даже в таком привилегированном положении не дает им преимуществ перед частными. «Конкуренция частной типографии, имеющей гораздо больше шрифтов, две скоропечатные машины и свою литографию (имеется в виду типолитография Михайлова и Макушина.— Авт.), положительно убила дело губернской типографии»,— отмечается в представлении Томского губернского правления губернатору в 1880 г.[216]

Борясь с конкуренцией частных полиграфических заведений, губернские правления нередко препятствовали возникновению в городе новых типографий и литографий.

В отдельных городах Сибири взаимоотношения между казенными и частными типографиями, а также доля их участия в книгопечатании складываются по-разному. В Томске, Иркутске, Тюмени, Барнауле бóльшая часть книжной

продукции выпускается частными типографиями. В Тобольске, Омске, Чите первенство остается за казенными предприятиями. Красноярск свои издательские проблемы в 1880-е гг. решал за счет губернской типографии, в следующем десятилетии инициатива перешла к частным. Наиболее ярко монопольное положение казенных типографий (типографии губернского правления, а с 1890-х гг. и типографии епархиального братства) проявилось в Тобольске, где на их долю на протяжении всего XIX столетия приходится львиная доля печатной продукции. Однако в тех случаях, когда губернскому правлению требовалось особенно торжественное или изящное оформление текста, оно обращалось с заказом в частные типографии (например, в типографию Ф. Декова), так как последние располагали для этого бóльшими полиграфическими возможностями. Издания, напечатанные в этих типографиях, иногда своим внешним видом как бы специально демонстрировали преимущества частных предприятий, становясь их рекламой.

Таким образом, состояние полиграфической промышленности Сибири в интересующий нас период нельзя оценить однозначно. Несомненны ее решительное и все ускоряющееся развитие в эти годы, техническое переоснащение производства, расширение круга «печатающих» городов. Но экономическая и культурная отсталость Сибири, отдаленность ее от центра, неразвитость вплоть до конца столетия транспортного сообщения затрудняют продвижение типографского станка на восток. Полиграфическим предприятиям приходилось развиваться в условиях «избыточной недостаточности», когда расширение полиграфического предпринимательства сдерживалось неустойчивостью и негарантированностью потребностей в печатном материале, а возможности местного книгоиздания сужались из-за слабости полиграфической базы.

Несбалансированность полиграфического производства и потребностей местного книгопечатания наблюдалась в Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода, затрудняя естественное развитие книжного дела. Как и в прежние десятилетия, большое число ценных рукописей так и не увидело света, многие работы по-прежнему печатались в Петербурге и Москве. И тем не менее местная книга 1880-х — первой половины 1890-х гг. начинает занимать все более прочное место в экономической и культурной жизни края.

Как и вся остальная книгоиздающая провинция, активно заявившая о себе во второй половине XIX в., Сибирь вносит в общий поток российского книгоиздания прежде всего утилитарную, ведомственную, сугубо деловую книгу. Цензурные условия, разрешавшие провинции печатать под наблюдением местных властей лишь работы, связанные с удовлетворением ведомственных потребностей, направляли книгопечатание именно по этому руслу. Количественный рост различных организаций — общественных, благотворительных, просветительных, научных и т. д. и активизация их деятельности способствовали увеличению выпуска ведомственных изданий. Типичными для местного книгопроизводства становятся такие виды книжной продукции, как отчеты, статистические обзоры, уставы, циркуляры, сметы, проекты, протоколы и т. д. Выпускаются не только

ежегодные отчеты, но и отчеты за 5, 10, 15 лет, нередко сопровождаемые описанием истории учреждений.

Издателями ведомственных материалов были самые разнообразные общества и организации — Тобольское общество трезвости, Иркутский сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой, Приют арестантских детей в Иркутске и Красноярске, Иркутское общество для вспомоществования нуждающимся переселенцам, Омское общество правильной охоты, Томский, Иркутский, Читинский попечительные о тюрьмах комитеты, многочисленные общества вспомоществования бедным учащимся и студентам и общества попечения о начальном образовании, Томское, Иркутское, Читинское драматические и музыкальные общества, городские думы и управы, библиотеки, лечебницы, гимназии и т. д.

Выходят издания, отражающие деятельность местных органов власти — сборники циркуляров и распоряжений губернаторов, отдельные приказы, перепечатки сборников правительственных документов и т. п. (например: Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883—1884. Т. 1—8; Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений и распоряжений по следственной части / Сост. К. Б. Газенвинкель. Тобольск, 1888).

Помимо организаций, выступавших как издатели лишь в силу необходимости информировать общественность о своей работе, в Сибири действовали учреждения, имевшие широкие научные, производственные или просветительские издательские задачи. Прежде всего это — губернские и областные статистические комитеты. В 1880-е — первой половине 1890-х гг. активной издательской деятельностью занимались Иркутский, Тобольский, Акмолинский (в Омске), Томский, Енисейский (в Красноярске), Якутский статистические комитеты. Кроме «Обзоров... губерний» и «Памятных книжек» они издавали и отдельные работы самого разнообразного содержания: историко-статистические труды, обобщающие результаты статистических изысканий, карты, списки населенных мест, работы, посвященные природоведческим, этнографическим, историко-культурным вопросам (например: Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Материальное право. Омск, 1886; Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891; Дмитриев-Мамонов А. И. Начало печати в Сибири. Омск, 1891; Васенев А. От Кобдо до Ланьчжау-фу. Томск, 1889).

Крупными издающими организациями в Сибири являлись местные отделы Русского географического общества. В 1880-х — первой половине 1890-х гг. в Иркутске продолжал свою деятельность самый значительный из них — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, регулярно выпускавший «Записки» и «Известия». Издавал он также и отдельные работы, например: Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032—1882 гг. (1883); Иркутская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1891 и 1892 гг. (1892—1893).

С 1879 г. в Омске начинают выходить «Записки» Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Среди самостоятельных изданий отдела можно назвать книги П. В. Путилова «Из путевых этнографических наблюдений совместной жизни сарт и русских» (1887), Г. Г. Анзимирова «Петрографический очерк восточной части Кокчетавского уезда Акмолинской области» (1887) и др.

В 1891 г. в Барнауле возникает «Общество любителей исследования Алтая» (в 1902 г. оно было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества). Материалы исследований Общества публикуются в «Алтайских сборниках», которые начали выходить с 1894 г. (Первый выпуск печатался в Томске, последующие — в Барнауле).

В 1892 г. «Записками... по этнографии» (т. 1, вып. 1) открывает издательскую деятельность Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

Отделы и подотделы Русского географического общества не ограничивали область своих интересов работами чисто географического содержания. Они объединяли научные силы края, способствовали развитию экономических, исторических, этнографических, археологических, фольклорных, лингвистических и иных исследований.

К организациям, издававшим научную и прикладную книгу, относятся также профессиональные объединения. В 1880-х — первой половине 1890-х гг. наиболее активными из них были общества врачей (Общество врачей Восточной Сибири в Иркутске, Омское медицинское общество, Общество врачей Енисейской губернии в Красноярске). Все они регулярно выпускали «Протоколы заседаний...» Енисейское общество издавало также «Труды».

В 1890-х гг. начинают работать сибирские отделы Московского общества сельского хозяйства. Томский отдел издал в 1896 г. книгу В. П. Аникина «О полезных и вредных сибирских животных (зверях, птицах, гадах и рыбах)», в 1896—1897 гг. выпустил первую и вторую книги «Трудов». Красноярский отдел с 1894 г. издавал «Протоколы» и «Труды»[217].

Крупными издающими центрами Сибири становятся Минусинский местный и Тобольский губернский музеи, созданные в 1870-е гг., но развернувшие свою публикаторскую деятельность несколько позже.

Минусинский местный музей, рожденный энергией провизора, натуралиста, краеведа Н. М. Мартьянова и его сподвижников — ссыльных революционеров, был крупным очагом науки и культуры в Сибири. Музей не имел ни собственных средств для издательской деятельности, ни полиграфической базы. Публикация книг была сопряжена с массой организационных и финансовых трудностей и осуществлялась в основном за счет пожертвований. Работы печатались в разных городах. И тем не менее музею удалось выпустить книги, получившие мировую известность. В Томске в 1881 г. был издан «Каталог и краткое описание Минусинского музея» Н. М. Мартьянова, в 1886 г.— работа Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея», в 1887 г.— книга «Десятилетие Минусинского музея, 1877—1887 гг.», написанная политическим ссыльным А. О. Лу-

кашевичем (автор в книге не указан). В 1892 г. в Казани печатается книга П. А. Аргунова «Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог Музея». В 1893 г. Общество врачей Енисейской губернии опубликовало работу Н. М. Мартьянова «Каталог народно-медицинских средств, находящихся в Минусинском музее». Начиная с 1889 г. в Минусинске ежегодно печатаются «Отчеты по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке».

Тобольский губернский музей имел более благоприятные условия для издательской деятельности, так как город располагал устойчивой полиграфической базой и стабильным составом авторов (Е. В. Кузнецов, С. Н. Мамеев, А. А. Терновский, Л. Е. Луговский, Н. Л. Скалозубов и др.). Это позволило музею начать с 1893 г. выпуск «Ежегодников», которые выходили до 1919 г. В «Ежегодниках» печатались отчеты и протоколы заседаний Комитета музея, описания коллекций, работы по вопросам истории, археологии, этнографии, географии, промышленности, торговли, народного образования в крае, архивные, статистические, библиографические материалы.

В конце 80-х гг. XIX в. крупнейшим центром сибирской науки, а вместе с ней и научного книгоиздания становится Томский университет. Впервые в Сибири получают развитие отрасли знания, не связанные непосредственно с изучением края — физика, химия, ботаника, зоология, медицина, анатомия, антропология. В 1889 г. начинают выходить «Известия» Томского университета. На его страницах печатают свои труды выдающиеся ученые Томска — Н. Ф. Кащенко, В. М. Флоринский, С. И. Залеский, Н. М. Малиев, П. Н. Крылов, А. М. Зайцев, С. И. Коржинский, С. М. Чугунов и многие другие. Их работы выпускались и отдельными изданиями.

В 1889 г. при университете было организовано Томское общество естествоиспытателей и врачей. С 1890 г. оно издает «Труды», с 1892 г.— «Протоколы». Публикации ученых Томского университета составляют значительную долю книжной продукции Томска конца 1880-х — 1890-х гг.

В число издающих организаций Сибири входил и ряд религиозных учреждений — комитет по устройству религиозно-нравственных чтений в Иркутске, Тобольский, Томский, Иркутский, Енисейский комитеты Православного миссионерского общества, Алтайская духовная миссия, Тобольское епархиальное братство св. Великомученика Дмитрия Солунского. Широкую и постоянную издательскую деятельность вели лишь Тобольское епархиальное братство, которое в 1894 г. обзавелось собственной типографией и сразу же приступило к выпуску многочисленных «Листков» и брошюр религиозного содержания, и Алтайская духовная миссия, печатавшая в Москве, Петербурге, Казани, Томске, Бийске учебную и религиозную литературу для коренных народов Южной Сибири.

Первые книги на алтайском, якутском, алеутском, хантыйском, чукотском, нанайском, шорском и других языках, грамматики и буквари для этих народов были написаны и изданы православными миссионерами Сибири. Перу сибирских священников принадлежат научные исследования по истории, этнографии, языкам, фольклору местных народов. Многие из них были активными членами

сибирских отделов Русского географического общества. Большой известностью в научном мире пользовались имена священников А. И. Сулоцкого, И. Е. Вениаминова, В. И. Вербицкого, М. В. Чевалкова, И. А. Подгорбунского и др. Их труды широко издавались в Сибири и в столицах.

Производственная и научная книга, выпускавшаяся многочисленными обществами и организациями, а иногда и отдельными издателями, составляет основную массу сибирской книжной продукции 1880-х — первой половины 1890-х гг. (около 85 % ее названий). Сформировались в этот период и характерные черты подобных работ.

Первое, что необходимо отметить, это неразвитость издательских книжных форм. Основной поток непериодических изданий — это оттиски публикаций из местных газет, памятных книжек и календарей, «Известий», «Протоколов», «Трудов» и т. д. Часто публикуются в виде отдельных изданий лекции, сообщения на заседаниях научных обществ. «Книгами» становятся и приложения к отдельным выпускам газет и журналов. Самостоятельных работ, задуманных и выполненных как «книжное издание», носящих на себе следы редакционно-издательского замысла и обработки, в Сибири в эти годы выпускалось немного.

Другая характерная черта книг — их типологическая нерасчлененность, синкретичность издательских форм. Сибирскую книгу прошлого века лишь условно можно разделить на производственную, научную, популярную. Тонкость образованной прослойки населения, участвовавшей в создании книги, отсутствие развитых читательских потребностей, на которые можно было бы ориентироваться при создании того или иного вида издания, определили комплексный характер издаваемых книг. Большинство из них несут в себе черты утилитарного производственного издания, научного исследования и популяризации. Так, «Памятные книжки» вбирают в себя элементы производственного, научного и популярного издания, «Протоколы», «Журналы», «Отчеты» включают и текущую ведомственную отчетность, и результаты научных исследований. Оттиски газетных статей содержат краеведческий исследовательский материал и выполняют популяризаторские функции.

Комплексность, синкретичность исследовательской деятельности в целом определили эти же черты и для издательских форм. Лишь с возникновением Томского университета в Сибири появляются ученые, работающие в одной области знания и создающие строго научные книги. Потребности всестороннего изучения края и нехватка самих исследователей породили в Сибири тип ученого-просветителя-универсала, берущегося за изучение самых разных краеведческих вопросов. Так, И. Я. Словцов печатает в Омске, Тобольске, Томске работы по истории, археологии, естествознанию, статистике, географии; Г. Е. Катанаев издает в Омске работы по истории, этнографии, хлебопашеству, добыче воды в безводных степях.

Следующей характерной чертой сибирской книги рассматриваемого периода является то, что делалась она в значительной мере силами политических ссыльных. Вместе с многочисленными группами народников и участников польского революционного движения Сибирь получала мощный приток интел-

лектуальных творческих сил. «Государственные преступники принесли краю несомненную и громадную пользу, подняв уровень образования выше того, какой имеется в России»,— писал В. С. Максимов [218].

Политические ссыльные деятельно сотрудничали в демократических органах сибирской периодической печати («Восточное обозрение» администрация называла генеральным штабом политической ссылки [219]), группировались вокруг сложившихся научных центров — статистических комитетов, Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов Русского географического общества, активно участвовали в формировании и работе новых научных и культурно-просветительских организаций — краеведческих музеев, местных отделов и подотделов Русского географического общества, библиотек, являлись инициаторами многих книгоиздательских начинаний. Своими сибиреведческими трудами, экспедиционной и коллекционной работой они значительно повысили уровень научных исследований в крае. Становление сибирской научной книги тесно связано с именами народовольца С. Л. Чудновского, землевольца Д. А. Клеменца, политических ссыльных Л. Е. Луговского, Н. И. Витковского, М. А. Кроля, М. О. Маркса, С. П. Швецова и многих других.

Своим участием в культурном движении Сибири ссыльные не только содействовали формированию самого книгоиздания, но и пробуждали потребности общества в книге, интерес к местному «книготворчеству». Это помогало становлению и развитию в Сибири книгоиздательской инициативы.

Книги, издаваемые отдельными лицами, редакциями частных газет, типографиями, книжными магазинами, по количеству названий занимают незначительное место в структуре сибирского книгоиздания 1880-х — первой половины 1890-х гг., но они более разнообразны в видовом и тематическом плане, более многотиражны, в большей степени ориентированы на общероссийский уровень издательской практики.

Активными издателями были типография Н. Н. Синицына (с 1886 г.— типография газеты «Сибирь») и типография А. А. Сизых в Иркутске. Они выпускали по преимуществу разнообразные справочные издания, памятные листки и т. д.

Крупнейшей частной книгоиздательской фирмой за Уралом в эти годы становится Сибирский книжный магазин В. В. Михайлова и П. И. Макушина в Томске. Собственно издательская деятельность П. И. Макушина начинается в 1881 г. с основания «Сибирской газеты». Редакция газеты ставит перед собой и издательские задачи. В 1881 г. напечатан «Опыт программы, выработанной редакцией „Сибирской газеты“ для составления очерков сельской и городской жизни». В 1885 г. вышел первый очерк предполагаемой серии — «Общинное землевладение».

В издании книжного магазина Михайлова и Макушина выходят самые разнообразные книги. Среди них — правоведческая литература, научные книги, связанные с деятельностью Томского университета, краеведческие работы, карты, учебники и учебные пособия, программы, справочные издания, беллетристика, религиозные брошюры и т. д. Книгоиздательская фирма П. И. Макушина просуществовала вплоть до 1917 г. и выпустила за это время более 70 работ.

Среди частных книгоиздательских начинаний этого периода к самым значительным принадлежат «Сибирские сборники» Н. М. Ядринцева, выходившие в качестве приложения к газете «Восточное обозрение». Талантливый публицист, ученый, литератор и общественный деятель, Ядринцев задумал выпускать научно-художественное сибиреведческое периодическое издание еще в ту пору, когда в самой Сибири осуществить его было невозможно (по цензурным и полиграфическим условиям и из-за недостатка местных литературных сил). В 1885 г. в Петербурге вышло первое приложение к «Восточному обозрению» — «Литературный сборник». С 1886 г. Ядринцев приступил к выпуску «Сибирских сборников», которые прекратили существование лишь в 1906 г. (всего вышло 48 книг). С 1888 г. «Сибирские сборники» вместе с «Восточным обозрением» перебазировались в Иркутск. После смерти Ядринцева в 1894 г. постоянным редактором обоих изданий становится бывший ссыльный народоволец И. И. Попов.

В «Сибирских сборниках» поднимались наиболее значительные вопросы местной жизни. Печатались научные и публицистические статьи, очерки, воспоминания, описания путешествий, беллетристика, критические и библиографические работы. Среди авторов были П. П. Ершов, Н. И. Наумов, К. М. Станюкович, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Вагин, В. Л. Серошевский, М. В. Загоскин, В. А. Обручев, А. П. Щапов, Э. Ю. Петри [220].

Небольшую по количеству, но интересную группу сибирских изданий представляют публикации произведений художественной литературы. Сибирские писатели, как и в прежние десятилетия, в основном печатались в столицах. В местных условиях обычно удавалось издать лишь небольшие сборники стихов, отдельные сказки, рассказы, являвшиеся, как правило, оттисками публикаций в периодической печати. Выпускались они в большинстве случаев на средства самого автора или мецената, были неприхотливы и безыскусны в оформлении, малотиражны. Авторы и издатели выпускали их как бы по собственной прихоти, не рассчитывая на внимание широкой публики. Среди сибирских беллетристических изданий можно назвать сказку Н. Щукина «Клад» (1886) и его же повесть «Жизнь Ефима Чистоплюева» (1888), рассказ Вс. Сибирского (В. А. Долгорукова) «В темном царстве» (1889) и его же сборник стихов «Не от скуки» (1890 и 1894 гг.), выпущенные в Томске, «Стихотворения» Е. Л. Флорианова (1892), вышедшие в Красноярске.

Печатались в Сибири и отдельные небольшие произведения известных русских писателей и писателей-ссыльных. В 1888 г. в Томске под заглавием «Из записной книжки» издается очерк В. Г. Короленко «Черкес». В 1895 г. книжный магазин П. И. Макушина выпустил рассказ Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» (этот рассказ издавался для народного чтения одновременно во многих провинциальных типографиях России), в Иркутске вышел рассказ ссыльного поляка В. Серошевского «В жертву богам» (1893). Типография «Сибирской газеты» в Томске в 1885 г. выпустила под псевдонимом «Ив. Брут» сказку народовольца Ф. В. Волховского «Ночь на Новый год», бичующую пороки сибирской жизни. Сказка вышла без предварительной цензуры, так как была перепечаткой газет-

ного варианта. Однако через 7 лет Главное управление по делам печати спохватилось и возбудило дело о наказании виновных в публикации крамольного издания и изъятии его из обращения. «Брошюра эта... заключает в себе открытую революционную пропаганду... Не только с дозволения предварительной цензуры, но даже в бесцензурной печати, до сих пор ничего более возмутительного не появлялось в обращении»,— отмечалось в циркуляре начальника Главного управления томскому губернатору[221].

В 1889 г. в Томске вышло еще одно примечательное художественное издание под редакцией и с развернутым предисловием того же Ив. Брута (Ф. В. Волховского) — сборник стихов «Отголоски Сибири». Издан он был в типографии В. В. Михайлова и П. И. Макушина на средства Ю. П. Матвеевой и является одной из немногих книг, выполненных с большой редакторской и полиграфической тщательностью. Опытный и литературно одаренный редактор-составитель Ф. В. Волховский много сделал для того, чтобы подборка стихов, связанных с Сибирью, отличалась максимально возможными эстетическими достоинствами без «квасной или барабанной подкладки в патриотизме»[222]. Сборник включает стихи Ф. Бальдауфа, И. Омулевского, В. Михеева, А. Таскина, Н. Некрасова, К. Рылеева и других поэтов.

Среди интересных частных издательских начинаний выделяется журнал «Художественно-этнографические рисунки Сибири», выпускавшийся в 1889—1891 гг. томским художником П. М. Кошаровым. Издание выходило еженедельно в виде отдельных листов, содержащих черно-белые, тонированные или двухцветные литографии — зарисовки сибирской природы, населенных мест, типов жилища и различных этнических групп. Под рисунками приводятся небольшие тексты с описанием изображаемых объектов. Литография П. И. Макушина сумела обеспечить довольно высокое качество полиграфического исполнения работ.

Удачно складывалась судьба тех частных изданий, которые сумели уловить насущные потребности времени и оперативно откликнуться на них. Примером такого издания может служить «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на ... год», издававшийся Ф. П. Романовым в Томске в 1893—1910 гг. тиражом в 3 500—5 500 экз.

Экономическое развитие Сибири, рост интереса к ней, связанный со строительством сибирской железной дороги, потребность широких деловых кругов в информации о торговле и промышленности в крае обусловили появление разного рода справочников и путеводителей. На эту потребность и откликнулся Ф. П. Романов. По мере углубленной составительской и редакторской работы над изданием, оно постепенно обретало полноту сведений, системность изложения материала, стройность и логичность композиции. Если первый выпуск «Календаря» (на 1894 г.) весьма эклектичен по содержанию (включены разные отрывочные сведения — от описания чудотворных икон и монастырей до кратких данных об отдельных промышленных, торговых и сельскохозяйственных предприятиях), то в последующих выпусках Романов уже с удовлетворением отмечает, что «сделал все возможное для приближения к давно высказанной... цели —

дать о Сибири всестороннюю справочную книгу, которую можно было бы впоследствии хотя с некоторым правом назвать „Вся Сибирь"»[223]. Изложение материала ведется от лица единого автора-составителя, хотя за этим лицом стоит целая армия безымянных корреспондентов, разбросанных по всей Сибири. Календарь преследовал и широкие коммерческие цели — служить делу пропаганды сибирских торговых и промышленных фирм. Реклама составляла существенную часть объема книги.

Другим изданием, получившим значительную известность, был ежегодный «Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России» В. А. Долгорукова, издававшийся в Томске в 1895—1904 гг. тиражом в 5 000 экз. В нем собирались всевозможные сведения о городах и достопримечательностях Сибири, путях сообщения, минеральных водах и т. д. Издание было задумано широко, с включением параллельного текста на французском языке, карт, иллюстративного материала. По мере работы над путеводителем французский текст пришлось сократить до минимума, так как при отсутствии наборщиков со знанием языка в местных типографиях выполнить задуманное оказалось слишком трудно. «Путеводитель» не отличался изысканностью оформления, печатался на тонкой бумаге, мелким шрифтом, убористо, без каких-либо пробелов, выделений текста и оформительских излишеств. Воспроизведение иллюстраций не блистало качеством. И тем не менее издание пользовалось популярностью, ибо отвечало растущему спросу населения на подобный вид литературы.

Таким образом, нельзя не заметить, что к середине 90-х гг. XIX в. сибирское книгоиздание существенно видоизменяется, местная книга обретает определенную «товарную» значимость, более активно заявляет о себе на внутрисибирском, а иногда и всероссийском книжном рынке.

Вопрос о формах обращения книги в сибирском обществе и путях ее распространения весьма существенен для понимания как местных книгоиздательских процессов, так и развития книжной культуры в целом.

Сибирь, не имевшая вплоть до второй половины 90-х гг. XIX в. железнодорожного сообщения, была краем с особенно трудными условиями для книгораспространения. Большие расстояния между городами, сложность и медленность доставки литературы из центра (от 2-х до 4-х месяцев), слабость книжного рынка, да и самих книжных потребностей,— все эти особенности начальных этапов развития книжного дела в Сибири характерны и для 1880-х — первой половины 1890-х гг.

Для распространения местной книги, развивавшейся преимущественно по ведомственному принципу, использовались, в первую очередь, те же каналы, что и в более ранний период. Книги печатались чаще всего в количестве 200—400 экз. и рассылались в заинтересованные учреждения и ведомства в обмен на такие же издания. Так распространялись всевозможные отчеты, уставы, обзоры губерний, памятные книжки, календари и другие работы, издававшиеся, например, статистическими комитетами. Губернские правления рассылали издания статистических комитетов в подведомственные учреждения, а вырученные деньги использовали на поддержание губернской типографии. Издатели «Ка-

лендаря Тобольской губернии» неоднократно подчеркивали его бездоходный характер: «Календарь не есть предприятие промышленное: ни один человек из принимающих участие в издании денежного вознаграждения не получает, весь труд производится бесплатно, деньги уплачиваются только за бумагу, набор и приложения, а доход идет в пользу типографии»[224].

Приблизительно таким же образом распространялась значительная часть тиражей научных изданий. Редакции сибирских отделов Русского географического общества тщательно подбирали списки учреждений и лиц, которым должны были рассылаться в обмен или безвозмездно труды этих отделов. Существовала даже специальная форма печатного бланка, согласно которому одно учреждение предлагало другому обмен изданиями. Восточно-Сибирский отдел вел обширную переписку по обмену изданиями с отечественными научными обществами, редакциями газет и журналов, учебными заведениями, библиотеками, налаживал контакты с учеными обществами США, Германии, Японии, Италии, Бельгии и других стран [225]. Общество естествоиспытателей и врачей при Томском университете обменивалось трудами с 38 просветительными учреждениями и обществами [226]. Минусинский местный музей, рассылая собственные работы в различные научные учреждения, значительно пополнил фонды своей библиотеки присылаемыми взамен книгами [227].

Однако «безденежная» форма распространения местных изданий была далеко не единственной. Издающие организации принимали активные меры по продаже своих книг. Печатались рекламные объявления о выходящих работах с указанием мест их продажи, начальникам губерний рассылались письма со списками этих работ для оповещения заинтересованных лиц. Различные организации содействовали продаже книг на комиссионных началах. Так, Якутский областной статистический комитет дал согласие принимать от Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в небольшом количестве книги, «преимущественно касающиеся Якутской области, для распространения частью при канцелярии Комитета, частью при Музее»[228]. По предложению Восточно-Сибирского отдела была «готова взять на себя комиссионную продажу... книг» и Троицкосавская общественная библиотека [229].

Продажей изданий — как местных, так и центральных — приемом их на комиссию, подпиской на газеты и журналы занимались самые разные учреждения Сибири — конторы редакций газет, типографии, библиотеки, музеи, духовные миссии и т. д. Такое обилие непрофилированных учреждений, занимавшихся распространением книги, говорит о слабости развития в регионе книготорговой сети. Но тем не менее и в этой сфере на протяжении рассматриваемого периода происходят большие изменения.

Если в 70-х гг. XIX в. можно говорить лишь о первых проявлениях специализированной книжной торговли в крупнейших городах Сибири (Томске, Иркутске, Тобольске, Красноярске, Омске), то в 1882—1883 гг. официальные источники [230] отмечают существование более двадцати книготорговых точек (книжных магазинов, лавок, книжных складов) в десяти сибирских городах, а в 1895—1897 гг. их было уже более сорока в 21 городе края.

В 1880-е гг. книготорговые заведения появляются в Тюмени, Барнауле, Бийске, Енисейске, Каинске, в 1895—1897 гг. книжная торговля открывается в Ялуторовске, Кургане, Таре, Мариинске, Ачинске, Минусинске, Чите, Кяхте, Нерчинске.

Увеличение числа книготорговых заведений Сибири в эти годы, само по себе, несомненно, прогрессивное, еще не позволяет говорить об успешном развитии книжной торговли. Как отмечал П. И. Макушин, «нелегко было привезти книгу в Сибирь, но не менее трудно было и сбыть ее здесь»[231]. Многие попытки организовать книжную торговлю оканчивались неудачей. Из-за бедного подбора книг в мелких книготорговых заведениях они не могли оказывать существенного влияния на культурную жизнь края. Не случайно Н. М. Ядринцев в начале 1880-х гг. оспаривает факт существования в Сибири одиннадцати книготорговых точек, отмеченных в одном из статистических сборников, утверждая, что «на всем протяжении Сибири до последнего времени, вплоть до Иркутска, всего 2 книжных магазина... Только в Иркутске и Томске в последнее время основана специальная книжная торговля»[232].

Действительно, несмотря на существование в Сибири относительно большого числа книжных лавок и магазинов, о серьезной постановке книжной торговли можно говорить в основном лишь по отношению к Томску и Иркутску.

На протяжении всего периода самым крупным книготорговым предприятием продолжает оставаться Сибирский книжный магазин Михайлова и Макушина в Томске, основанный в 1873 г. Печатные каталоги этого магазина в 1882 г. содержат около 2,5 тыс. названий книг, в 1886 г.— 5 тыс., в 1902 г. (магазины в Томске и Иркутске) — около 16 тыс. В магазине была широко представлена литература по всем отраслям знания. Большое внимание уделялось правоведческой и социально-экономической тематике, медицинской и технической книге, беллетристике. Тщательно подбирались учебники и учебные пособия, книги для детей и народного чтения. Значительное место занимала литература, связанная с изучением Сибири. По мере развития местного книгоиздания его доля в книжных магазинах Макушина увеличивается, хотя и остается довольно низкой. В каталоге 1883 г. представлено 9 сибирских изданий, в 1886 г.— 17, в 1893 г.— 35, в 1898 г.— 140.

В 1893 г. Макушин совместно с В. В. Посохиным открыл книжный магазин в Иркутске. Чтобы приблизить книгу к народу, он организовал в 1891 г. книжную торговлю по Обь-Енисейскому каналу, пытался распространять книгу через сельских священников и учителей. В 1897—1898 гг. он открывает книжные шкафы по линии Средне-Сибирской железной дороги от Оби до Иркутска, устраивает сельские книжные лавки при волостных правлениях в 125 населенных пунктах Томской губернии [233]. Деятельность Макушина по созданию книжных магазинов и продвижению книги в народные массы по своему содержанию и культурному значению не укладывается в рамки обычного коммерческого предприятия. В сочетании с широкой программой Макушина по борьбе с неграмотностью (лозунг «ни одного неграмотного»), инициативой по созданию «Общества попечения о начальном образовании в Томске» она несет на себе печать культурного подвижничества.

Иркутск не обладал столь же мощным единым книготорговым предприятием, как Томск, но и здесь книжная торговля становится важным звеном просвещения народа, существенно влиявшим на культурную жизнь края. По утверждению знатока местного книжного дела Н. С. Романова, ни один из городов Сибири не обладал таким широким книжным рынком, как Иркутск, стоявший на пересечении транспортных магистралей, пропускавший через себя многочисленные купеческие караваны с отечественными и иностранными грузами, партии политических ссыльных, разношерстный чиновничий люд. «Мне думается, что едва ли найдется в России город, на барахолку которого выбрасывается такая масса книг, как в Иркутске»,— замечает Романов [234].

По количеству книготорговых заведений Иркутск значительно опережал все сибирские города. В отдельные годы здесь насчитывалось до десяти книжных лавок и магазинов, обладавших своими специфическими чертами [235]. Так, по преимуществу букинистическую торговлю вел магазин А. Ф. Захарова, открытый в 1883 г., в 1887—1888 гг. работал магазин учебных пособий Воронина. Книжный магазин Макушина в основном продавал новые издания и занимался комиссионной выпиской книг. Широким подбором книг разнообразной (прежде всего гуманитарной) тематики отличалась книжная торговля при типографии и литографии Н. Н. Синицына, просуществовавшая с 1867 по 1885 гг. В «Каталог книг и проч., продающихся при литографии и типографии Н. Н. Синицына в Иркутске» (Иркутск, 1885) включено более 600 изданий, из них 13 — сибирских (в основном иркутских).

Среди наиболее значительных и стабильно существовавших книготорговых заведений можно назвать книжные магазины О. Александрова и В. Орлова в Омске, возникшие в 1870-х гг., А. Суханова в Тобольске (с 1886 г.), А. Ф. Комарова в Красноярске (с 1885 г.), И. Д. Реброва в Бийске (с 1885 г.), книжную торговлю И. В. Скорнякова в Енисейске, зародившуюся при его публичной библиотеке еще в 1870-х гг., а самостоятельно действовавшую с начала 1880-х гг.

По мере развития книжной торговли, расширения покупательских запросов населения, книга, изданная в Сибири, все в большей мере становится предметом купли—продажи, а ее создание — коммерческим предприятием. Правда, «товарное» существование сибирской книги было весьма зыбко, так как не было подкреплено устойчивыми читательскими потребностями. Лишь немногие издатели могли похвастаться легким продвижением книги к потребителю. В печатные каталоги книжных магазинов П. И. Макушина в Томске и Иркутске 1898, 1902 и даже 1914 гг. продолжали включаться интереснейшие нераспроданные сибирские издания — «3 000 верст по рекам Западной Сибири» А. Павлова (Тюмень, 1878), «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» И. В. Щеглова (Иркутск, 1883), «Древности Минусинского музея» Д. А. Клеменца (Томск, 1886), «Переселенческое дело на Алтае» С. Л. Чудновского (Иркутск, 1889), «Бурятские сказки и поверья» Н. М. Хангалова и О. Н. Затопляева (Иркутск, 1889) и многие другие. Лишь из каталога 1914 г. исчезают «Поэтические картины» Д. П. Давыдова, изданные в Иркутске в 1871 г., томский сборник «Отголоски Сибири» (1889). На трудности издания и распространения «Сибир-

ских сборников» неоднократно жаловался Н. М. Ядринцев. «Как ни интересно, ни богато содержанием было „Восточное обозрение" и особенно „Сибирские сборники", но как газета, так и последние, насколько мне известно, расходились мало, и сборники даже до сих пор не вызывали среди интеллигентной сибирской молодежи, мужчин и женщин достойного к себе внимания»,— вспоминает В. Острогорский в заметке «Памяти Н. М. Ядринцева», опубликованной в 1894 г.[236]

Таким образом, книжное дело Сибири 80-х — первой половины 90-х гг. XIX в., сделавшее в эти годы огромный рывок вперед, ставшее серьезным фактором и средоточием местной духовной жизни, должно было еще преодолеть привычную инертность общества, известную долю недоверия к печатному слову вообще и сибирскому, в частности. В значительной мере эта инертность преодолевается в следующий период, в конце XIX — начале XX вв., когда открывшееся железнодорожное сообщение значительно убыстряет и расширяет продвижение книги на восток, а само книжное дело обретает бóльшую подвижность, гибкость, разнообразие.

Сибирская книга 1880-х — первой половины 1890-х гг. является неотъемлемой, но до сих пор мало осознанной частью книжной культуры России. Книжное дело в Сибири развивается по тем же законам, проходит те же этапы становления, что и в России в целом, но с некоторым сдвигом по времени, связанным с экономической отсталостью края, более поздним развитием здесь железнодорожного сообщения. Уральские горы, граница между Европой и Азией, становятся чертой, за которой книжно-культурные процессы протекают значительно сложнее.

Отдаленность от центра наложила определенный отпечаток на развитие сибирского книгоиздания. В центральных губерниях издательская инициатива подпитывалась творческим взаимодействием с Москвой и Петербургом, участием в местных изданиях столичных и иных авторов, нередкой помощью в устранении цензурных затруднений. Издатели центральных районов России, в сравнении с восточными окраинами, могли рассчитывать и на более широкий рынок сбыта книжной продукции, продажу изданий через столичные торговые фирмы. Это давало издательской предприимчивости определенные гарантии и стимулировало ее развитие. Книгоизданию Сибири приходилось опираться прежде всего на собственные силы. Поэтому оно было более сковано в своих возможностях и в большей степени, чем в губерниях европейской России, направлялось на решение внутренних региональных задач. Но эта же оторванность от центра, его административного и духовного диктата придает сибирской книге определенную самостоятельность и целеустремленность. Более остро, чем в других районах России, сибирская печать и книгоиздание осознают свою роль в отстаивании экономической и культурной самостоятельности края, его развитии и социальном переустройстве. Именно через печать и книгу утверждаются здесь идеи и принципы областничества, формируются навыки общественного самоуправления.

Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. не знало характерных для центра подъемов и спадов, связанных с динамикой общественно-политической

ситуации в стране. Оно не было подвержено количественным колебаниям, вызванным ужесточением цензурного режима, так как основная масса книг выходила с разрешения местных властей и была связана с экономической и культурной жизнью края. Цензурные притеснения в Сибири носили более стабильный характер, постоянно усугубляя и без того тяжелые условия выпуска местных изданий. Периоды же политических репрессий в значительно большей степени отзывались на сибирском книгоиздании притоком новых интеллектуальных сил из центра, а следовательно, активизации научной и издательской деятельности.

Наиболее жизнеспособной книгоиздательской системой в Сибири 1880—1890-х гг. оказываются крупные фирмы, сосредоточившие в своих руках все процессы, связанные с производством и потреблением книги (типография, издательство, библиотека, магазин). Наличие в Томске хорошо организованной фирмы П. И. Макушина со второй половины 80-х гг. XIX в. выдвигает этот город на первое место среди книгоиздательских центров Сибири, заставляя потесниться лидера предыдущего периода — город Иркутск.

Дальний Восток

Система книжного дела начала формироваться на русском Дальнем Востоке только после присоединения всей его территории к России. К 60—80-м гг. прошлого века обострились противоречия между количеством и содержанием издательской продукции, используемой в регионе, и потребностями населения в информации, отражающей проблемы новых русских земель. Эти потребности находились в прямой зависимости от интенсивности освоения территории и роста численности населения на Дальнем Востоке [237].

В 1880-е — начале 1890-х гг. здесь активизировалась организационная и экономическая деятельность центральных властей и администрации края, протекавшая до этого в течение 20—25 лет довольно вяло.

Закономерным следствием процесса освоения Дальнего Востока, роста его экономического и культурного потенциала явилось возникновение и развитие местной издательской практики и книгопечатания.

Первые типографские машины в регионе появляются в 1860-х гг. В 1860 г. губернатор Амурской области, генерал-майор Г. В. Буссе добился разрешения на создание в Благовещенске газеты «Друг Манджур». В навигацию 1862 г. по Амуру в город доставили печатный станок и несколько пудов различных шрифтов. Однако отсутствие наборщика и печатника не позволило первому полиграфическому предприятию края приступить к практической деятельности [238]. В 1868 г. типография действовала при гражданской канцелярии области, но печатала лишь объявления и бланки. Вторая дальневосточная типография была создана в Николаевске-на-Амуре. По инициативе адмирала П. В. Казакевича, военного губернатора Приморской области, здесь в 1865—1866 гг. издавалась газета «Восточное Поморье». В 1873—1874 гг. главный порт Сибирской флотилии из Николаевска перебазировался во Владивосток. Вероятно, в новой

базе флота типография военно-морского ведомства приступает к деятельности уже после создания Владивостокского военного губернаторства. С 1883 г. (по некоторым данным, с 1882 г.) в типографии, доставленной морем из Одессы, печатается газета «Владивосток».

Создание в 1882 г. самостоятельного Приамурского генерал-губернаторства привело к появлению на территории Дальнего Востока большого числа военных и гражданских ведомств, дало толчок к возникновению здесь типографий и литографий, предназначенных для обслуживания нужд управления. Создаются типографии при канцеляриях военного и гражданского губернаторов Амурской области в Благовещенске, типография окружного штаба Приамурского военного округа, типолитография канцелярии приамурского генерал-губернатора в Хабаровске, типография 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона, типография полицейского управления на Сахалине (пост Александровский), типография штаба войск Южно-Уссурийского отдела, литографии при канцеляриях каждого линейного батальона. Значительно позже, чем в остальных районах Сибири, т. е. во второй половине 1880—1890-х гг., появляются на Дальнем Востоке первые частные типографии — П. Г. Артамонова и К°, Товарищества Д. О. Мокина и К° в Благовещенске, М. А. Тыртова в Хабаровске, Н. В. Ремезова во Владивостоке. На протяжении 1890-х и даже в 1900-х гг. современниками отмечаются трудности «с типографской стороной дела на Дальнем Востоке», «крайняя недостаточность местных типографических средств»[239].

Появление местных типографий и развитие их сети в городах были важной предпосылкой организации книгопечатания на Дальнем Востоке, тем более, что по мере развития экономики и культуры в крае все больше ощущалась потребность в литературе, где бы отражался и анализировался этот процесс. Первое местное непериодическое издание увидело свет в конце 1884 г. Это был «Очерк современного состояния Северно-Уссурийского края» подполковника генерального штаба И. П. Надарова (объемом 39 с.). В брошюру вошли три сообщения, прочитанные Надаровым в Обществе изучения Амурского края и опубликованные газетой «Владивосток». Обобщая итоги своей поездки по краю, автор делал вывод, что здесь можно принять и прокормить большое население, иметь избыток продуктов для продажи, а также успешно развивать промышленность. Брошюра издана на частные средства, и деньги, полученные от ее реализации, пошли на издание других работ Общества изучения Амурского края.

В 1885 г. во Владивостоке выходит брошюра Я. Л. Семенова «Промысел морской капусты в Японском море».

В 1884—1886 гг. не только во Владивостоке, но и в Благовещенске и Хабаровске в казенных типографиях печатаются работы местных авторов (главным образом, краеведческого характера). Так, 25 августа 1885 г. товарищ министра внутренних дел, сенатор Г. В. Плеве подписал «Устав Лечебно-благотворительного общества Амурской области в г. Благовещенске»[240]. Выпущенный в виде 18-страничной брошюры типографией при канцелярии военного губернатора Амурской области «Устав» явился первым изданием медицинской тематики в регионе.

В 1886 г. в Благовещенске вышла работа И. С. Боголюбского «Золотопромышленность в Амурской и Приморской областях с открытия россыпей до 1 января 1886 года». Ее автором был один из старейших членов Русского географического общества, работавших в регионе, который не раз выступал в печати по вопросам развития горной промышленности. Изданием заинтересовались в центре страны; оно стало первой дальневосточной книгой, продававшейся в столице.

В 1885 г. в Хабаровке (с 1893 г. Хабаровск) в типографии штаба Приамурского военного округа выпущен «Отчет о командировании на Командорские острова в 1884—1885 гг.» подполковника Н. А. Волошинова, содержащий 19 страниц типографского текста и 7 листов карт. Есть сведения, что этот же отчет в 1886 г. был издан и в Иркутске. В октябре 1888 г. в типографии штаба Приамурского военного округа напечатан «Перечень экспонатов местной опытной Хабаровской выставки».

В 1896 г. дальневосточники демонстрировали свои издания прошлых лет на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. В экспозицию Приамурского края были включены «Сахалинский календарь на 1896 год» и другие работы полиграфистов Хабаровска, Владивостока, Благовещенска. Типографии края представляла благовещенская фирма «Мокин и К°»[241].

В 1884 г. во Владивостоке возникло Общество изучения Амурского края (ОИАК), председателем которого становится Ф. Ф. Буссе. В соответствии с параграфом третьим устава Общества ему предоставлялось право выпуска «программ научных работ, сделанных на заседаниях... сообщений и других сочинений, равно протоколов заседаний общества»[242]. Впоследствии ОИАК становится филиальным отделением Приамурского отдела Русского географического общества, образованного в 1894 г. в Хабаровске. В этой связи издательскую деятельность ОИАК представляется целесообразным рассматривать в рамках деятельности Русского географического общества.

Первым шагом ОИАК в создании печатных трудов явились подготовка и выход в свет упомянутой выше брошюры И. П. Надарова, выпущенной в 1884 г. типографией штаба Главного командира портов Восточного океана [243].

Несмотря на определенный опыт, накопленный в издании брошюр и газет, и наличие во Владивостоке во второй половине 1880-х гг. прошлого столетия нескольких типографий, уровень местной полиграфической базы и квалификация типографских кадров не позволяли тогда выпускать здесь значительные по объему научные произведения. Поэтому, например, текст трех сообщений В. П. Маргаритова о его научных экспедициях напечатан в 1886—1887 гг. объединенным отдельным выпуском в С.-Петербурге. Однако таблицы к изданию нарисованы и отлитографированы князем Л. А. Крапоткиным во Владивостоке. Из-за отсутствия в городе литографического станка ОИАК для исполнения в будущем подобных работ выписало его на средства, собранные по подписке, «а заведывание им добровольно взял на себя князь Л. А. Крапоткин»[244].

В 1887 г. распорядительный комитет ОИАК после обращения в Управление по делам печати с соответствующим ходатайством получил разрешение на из-

дание «Записок Общества изучения Амурского края» без указания точной периодичности их выхода. Всего до 1917 г. было издано 16 выпусков «Записок».

В 1893 г. в отдельном выпуске «Записок» опубликована получившая широкую известность работа «Анадырский край», написанная А. Дьячковым, учителем из чукотского села Маркова, и отредактированная Ф. Ф. Буссе. Он же написал и предисловие к ней.

Наряду с «Записками», ОИАК издавало с 1887 г. и «Отчеты». Как правило, отчетные материалы (до 1912 г.) выходили в следующий за отчетным год. Они включали текстовую часть (доклад председателя ОИАК) и цифровые показатели в виде таблиц-приложений, характеризующих финансовое состояние и другие стороны деятельности Общества. В отдельные годы публиковались только финансовые отчеты.

Издательская деятельность Приамурского отдела Русского географического общества, созданного в Хабаровске, начиналась весьма активно. Этому способствовали поддержка со стороны администрации, наличие кадров специалистов и другие факторы[245]. Уже в 1894 г. (год организации отдела) в Петербурге вышел в свет 1-й выпуск 1-го тома «Записок» Приамурского отдела Общества (последний — 4-й выпуск 1-го тома напечатан в Хабаровске в 1896 г.). В следующем — 1895 г.— были изданы 1-й том «Трудов...», а также материалы «Из протоколов общего собрания членов Приамурского отдела Императорского Русского географического общества».

Все издания (тираж их в среднем составлял 600 экз.[246]) печатались «на собственные средства» Приамурского отдела. Первые выпуски «Записок» изданы в типографиях, расположенных за пределами Дальнего Востока, остальные печатались в Хабаровске — в типографиях канцелярии Приамурского генерал-губернаторства и штаба Приамурского военного округа, электропечатне товарищества «Приамурье».

Материалы, опубликованные в «Записках» и «Трудах» Приамурского отдела Русского географического общества, разнообразны по форме и жанрам: научные отчеты об экспедициях и наблюдениях, научные доклады, прочитанные на заседаниях, дневники путешествий, статьи, подготовленные по договоренности с руководством отдела, очерки и т. д. Большинство авторов публикаций обнаруживают знание конкретного вопроса и литературы о нем, заинтересованность в принятии определенных практических мер по затрагиваемой проблеме. Например, Н. А. Крюков не только описал экономические условия развития рыбного промысла в Приамурье, но и предложил ряд рыбоохранных мер, необходимость которых ощущалась уже в конце XIX в.[247]

Менее интенсивной была издательская деятельность Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Географического общества, которое приступило к работе в 1894 г. Оно располагало недостаточной материальной базой и, естественно, более слабым научным потенциалом, чем Хабаровск или Владивосток. Однако уже в 1890-е гг. здесь была создана библиотека, регулярно велась исследовательская работа, готовились к изданию труды членов Географического общества. Так, в 1894 г. было опубликовано 6 работ. Из них 2 издания

были выпущены в Кяхтинской общественной типографии: протокол № 1 заседания отделения от 16 сентября 1894 г. с приложением работы В. С. Моллесона «О видах бекасов в Троицкосавском округе» и протокол № 2 заседания от 28 октября 1894 г., имевший в качестве приложения работу Ю. Д. Талько-Грынцевича о «семейских» (забайкальских) старообрядцах, напечатанную в Томске. «Протоколы» Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Географического общества выходили с 1894 по 1897 гг. (печатались в Кяхте, Москве, Иркутске).

Основным направлением дальневосточного книгопечатания стало издание краеведческих работ широкой проблематики. Выпуск литературы всеми легально действующими учреждениями (административными, научными, благотворительными и др.) был призван способствовать обустройству людей на новых землях. Для издателей Дальнего Востока характерным являлось стремление к выпуску прежде всего деловой и научной литературы, отражающей развитие производительных сил, изучение и освоение местных природных богатств, взаимоотношения представителей различных народов и государств в регионе.

Актуальны были также проблемы исторического прошлого русских земель. В этом убеждают очерки по истории края. В качестве примера следует назвать книги подполковника генерального штаба А. Ф. Рагозы «Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа» и «Краткий очерк Приамурского края», изданные в Хабаровске в 1891 г., в которых убедительно доказывается, что Дальний Восток в границах Империи — русская земля.

В Благовещенске в 1894 г. вышел «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей...», составленный местным этнографом и историком А. В. Кирилловым и вобравший в себя обширные сведения по географии Дальнего Востока.

Широко публиковались работы по хозяйственным проблемам. Назовем, например, книгу упомянутого выше Н. А. Крюкова, свидетельствующую о развитии научных изысканий в сельском хозяйстве: «Урожай 1892 г. в Забайкальской области вместе с некоторыми данными о состоянии сельского хозяйства» (Хабаровск, 1894). Много книг было посвящено золотодобыче: «Современное состояние золотопромышленности в Амурской области» (Благовещенск, 1890), «Заметки о разработке россыпного золота в Хинганской системе» (Благовещенск, 1896) и др.

В конце XIX в. на Дальнем Востоке начался также выпуск художественных произведений местных авторов. Первыми литературно-художественными изданиями были стихи П. И. Гомзякова («На память друзьям». Владивосток) и Ю. Г. Свидерского («Стихотворения». Хабаровск), опубликованные в 1885 г. В 1894 г. в Благовещенске вышла книга поэта-самоучки П. Ф. Масюкова «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья» (переиздана в Чите в 1959 г.). В 1890-е гг. увидели свет сборники стихов о природе «На Амуре» и «На Дальнем Востоке» казачьего офицера Л. П. Волкова, сотрудничавшего в местных газетах.

Одновременно с развитием местной издательской практики в регионе шел процесс постепенного становления книжной торговли.

Систематическая регулярная торговля книгой возникла на Дальнем Востоке позднее, чем на остальной территории страны. Книжных магазинов вплоть до конца 80-х гг. XIX в. здесь фактически не существовало. Очевидно, что во второй половине XIX в. не было на Дальнем Востоке и офень: разносную торговлю затрудняли местные условия; к тому же после 1865 г. в соответствии с новым законом о печати свобода передвижения офень была ограничена.

Иная ситуация сложилась в это время с религиозной литературой. Например, Общество распространения Святого писания отправляло книгонош не только в далекую Сибирь, но и на Дальний Восток (пароходом через Одессу). По сведениям А. А. Бахтиарова, в 1882 г. один из представителей этого Общества распространил среди солдат, жителей и арестантов Благовещенска, Сахалина и иных мест края около 10 тыс. экз. книг [248]. Сохранились сведения о посещениях Приамурского края (очевидно, в 1882 и 1886 гг.) членом Общества И. К. Голубевым с целью распространения книг «Св. писания, изданных по благословению Синода» по дешевым ценам [249]. Но среди бедного люда, в больницах, богадельнях и тюрьмах издания могли распространяться и бесплатно.

Некоторое количество книг поступало на Дальний Восток с переселенцами. Среди них были старопечатные книги, которые, вместе с отдельными старинными памятниками русской письменности, относящимися к расколу, завозились в край старообрядцами [250].

В первые десятилетия освоения Дальнего Востока имели место факты распространения специальной литературы по ведомственным каналам. Так, М. И. Венюков через канцелярию военно-ученого комитета Главного штаба в С.-Петербурге направил для офицеров Сибирской флотилии свою книгу, посвященную Японскому архипелагу. Издание было прислано в канцелярию военного губернатора Приморской области, которая распределила книги (по 2 р. 50 к. за экземпляр) среди своих сотрудников. Потребность в работе М. И. Венюкова была очевидной: морские офицеры жаловались, что при нередких посещениях Японии они не имеют необходимых сведений об этой стране, ибо не располагают соответствующими изданиями на русском языке [251].

Практиковался и обмен изданиями. Например, Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества вело обмен с 72 российскими обществами и учреждениями и 17 зарубежными [252].

Однако подобные способы распространения литературы носили эпизодический характер и не могли заменить книготорговые предприятия. Поэтому в большинстве случаев читателям приходилось либо пользоваться оказией, либо выписывать книги по почте, либо обращаться к небольшим фондам малочисленных местных библиотек.

Первые попытки организации стационарной книжной торговли на Дальнем Востоке относятся к середине 1880-х гг. В 1885 г. во Владивостоке открывает торговлю книгами при магазине разных товаров купец, германский подданный Густав Кемн, в 1887 г. организуется продажа детских книг при Торговом доме Кунста и Альберса, пытаются открыть книжные магазины В. Г. Руберг, А. Д. Бемаев [253]. Первым специализированным книжным магазином на Дальнем Восто-

ке был магазин С. А. Зензинова во Владивостоке, открытый в 1887 г. и превратившийся к середине 1890-х гг. в крупное книготорговое предприятие [254]. Тогда же Зензинов становится членом Русского общества книгопродавцев и издателей [255]. Различные источники отмечают существование в 1890-х гг. книжной торговли Кемна, Пономарева, Сивякова [256], В. Е. Филиппченко и Н. В. Ремезова, товарищества на вере Сущинского и К° во Владивостоке, братьев Пьянковых и Ефремова в Хабаровске [257], Соколова в селе Никольском [258]. Однако большинство из них сумели продержаться весьма недолго.

Более активно, чем в других городах, книжная торговля развивалась в 1890-х гг. в Благовещенске. Здесь действовали книжные магазины К. Р. Смертина и других предпринимателей. В 1896 г. в Благовещенске пытались учредить Амурское акционерное общество печатного дела и книжной торговли «Просвещение» с первоначальным капиталом в 50 тыс. р.[259] Бюрократические препоны (длительность сроков согласования с властями края, необходимость иметь заключение Министерства внутренних дел о соответствии устава Общества законоположениям Империи, обязательное представление этого устава в Министерство финансов, от которого зависело внесение вопроса на усмотрение Комитета министров) и другие сложности не позволили этому замыслу претвориться в жизнь.

Более глубокими и продолжительными по времени были на Дальнем Востоке традиции создания библиотечных учреждений. Отметим, что возникновение библиотек в крае стало возможным после прихода туда русских первопроходцев и в результате их деятельности. Первая библиотека на Дальнем Востоке, состоявшая из книг религиозного содержания, сформировалась в г. Албазине на Амуре более 300 лет тому назад [260]. Впоследствии — в XVIII и первой половине XIX в.— было создано еще несколько небольших библиотек.

Качественные изменения в деле организации библиотек наступают только после официального возвращения России в Приамурье и присоединения к ней Уссурийского края. Организация библиотек явилась закономерным следствием освоения края, отразила процесс формирования культурных гнезд, растущий уровень культуры новых городов.

История местных библиотек во второй половине XIX — начале XX в. начинается в Николаевске-на-Амуре. Основанная в г. Охотске флотскими офицерами, а затем переведенная в Петропавловск-на-Камчатке библиотека возобновляет свою деятельность в 1856 г. в новом военно-административном центре — базе морских сил России на Тихом океане. Николаевская офицерская библиотека на реке Амур, как она тогда именовалась, получает в 1850—1860-е гг. несколько партий пожертвованных для нее книг. Одним из первых отправил на Амур часть личного собрания советник Якутского областного правления Г. Голенищев-Кутузов.

Направляли в библиотеку книги и казенные учреждения, ведавшие освоением Амура, в частности, Главное управление Восточной Сибири из Иркутска. В 1863 г. на пользу просвещения Амурского края пожертвовал свою библиотеку, состоявшую из 2 тыс. томов книг и повременных изданий, казанский купец Ан-

дрей Мясников, выразив пожелание назвать ее «Александровской» — в честь царя Александра II. Император, судя по документам Главного управления Восточной Сибири, объявил А. Мясникову монаршию благодарность и, «приняв во внимание пользу, которую может принести отдаленному Амурскому краю основание там публичной библиотеки, Высочайше соизволил повелеть: принять пожертвованные Мясниковым книги, предоставив ему направить оные в г. Николаевск-на-Амуре»[261].

Как показывает отчет главного командира портов Восточного океана о деятельности подведомственных подразделений, в 1871 г. библиотека была исключена из списков зданий Николаевска как сгоревшая при пожаре. Новое помещение для нее не строилось, так как управление флотом переводилось во Владивосток [262]. Остатки фонда, уцелевшие от пожара, легли в основу вновь созданной Морской библиотеки во Владивостоке (по официальным документам — библиотеки Морского собрания).

Открываются на Дальнем Востоке по мере возникновения новых поселений и другие библиотеки. В 1859 г. была создана Благовещенская общественная библиотека, в фонд которой были включены издания на иностранных языках по различным отраслям знаний, подаренные городу графом Н. Н. Муравьевым-Амурским; в 1868 г. здесь насчитывалось 920 томов [263]. В 1884 г. во Владивостоке возникла первая в регионе научная библиотека Общества изучения Амурского края, в 1894 г. открылась Николаевская публичная библиотека в Хабаровске.

Следует упомянуть о фактах, характеризующих отношение представителей различных слоев русского общества к организации библиотек на Дальнем Востоке. Как видно из примера с Николаевской-на-Амуре библиотекой, в создании новых очагов культуры важную роль играли пожертвования.

Прежде всего обратим внимание на социальный аспект проблемы. Конечно, можно говорить о рекламе для владельцев фирм — если речь идет о пожертвованиях купцов и промышленников, об удовлетворении честолюбия — если речь идет об интеллигентах, о желании тех и других увидеть себя в рядах меценатов. Можно указать и на популистские устремления представителей правящих кругов, вносивших свои вклады в библиотеки, дабы продемонстрировать причастность к популярному у общественности и прессы делу.

Какие-то из этих или подобных мотивов в том или ином случае могли иметь место. Но в целом причины явления значительно сложнее и глубже. Следует иметь в виду, что у русского и других народов нашей страны издавна сложилось особое отношение к книге, печатному слову. В период чрезвычайных ситуаций помощь нуждающимся книгой была нравственным долгом, объединяла многих. Представители крестьянства и офицеры, учителя и царедворцы считали своей обязанностью помочь библиотекам. Необходимо учитывать также, что освоение Дальнего Востока не только официально, но и по сути являлось делом всенародным, патриотическим. Поэтому стремление помочь новому краю отечества могло быть для многих и формой самовыражения. В данном случае она принимала вид посильного вклада в развитие библиотечных учреждений региона. Эти же устремления руководили поступками сотрудников различных библиотек, науч-

ных и иных организаций, участвовавших в формировании фондов местных книгохранилищ. Конечно, здесь следует иметь в виду и вероятность корпоративного подхода — желание поддержать коллег из новых учреждений культуры, и прямые указания начальства о необходимости посылки книг на Дальний Восток.

Весомый вклад в образование библиотек создавала совокупность пожертвований — от отдельных изданий до сотен и даже тысяч книг, в том числе редких, на русском и иностранных языках. С фактами такого рода нас может познакомить история создания Николаевской публичной библиотеки в Хабаровске. В период ее организации считалось, что возникновение каждой библиотеки как учреждения, имеющего большое значение для образования и просвещения народа, должно интересовать каждого интеллигентного человека [264].

Благодаря усилиям генерала Н. И. Гродекова, первого председателя Приамурского отдела Русского географического общества, в Хабаровск были направлены крупные партии книг из Императорской Публичной библиотеки, Академии наук, Императорского Русского географического общества и других ученых обществ, а также от частных лиц. Александр III дал согласие на пожертвование Приамурскому отделу части библиотеки покойного великого князя Константина Николаевича, в свое время активно поддерживавшего идею присоединения Приамурья к России. 8 тыс. книг из этой библиотеки были отправлены в Хабаровск. В 1894 г. наследник престола (будущий император Николай II) через статс-секретаря А. Н. Куломзина уведомил о пожертвовании Приамурскому отделу Географического общества 493 книг из собственной библиотеки. Из письма статс-секретаря на имя Н. И. Гродекова следует, что «Государь Наследник выразил желание, чтобы к Его книгам был доступ. Весьма трогательно, что его Высочество пожертвовал весьма много из своих детских книг, думая, что на Вашей окраине в особенности должен быть недостаток в них. Очевидно, что следовало принимать и беллетристические книги, чтобы сразу образовать публичную библиотеку, о которой изволит заботиться Его Высочество»[265].

По этой причине в Хабаровске отказались от первоначальной программы собирания только научной литературы и открыли при отделе Географического общества публичную общественную библиотеку. В 1895 г. пожертвования представителей царствующего дома составляли около 60 % ее фонда.

Фомирование библиотечных фондов за счет населения помогало становлению библиотек и в других центрах новых русских земель.

Важным вкладом в первую научную библиотеку края считается дар Ф. Ф. Буссе. Видный чиновник и научный деятель, первый библиограф региона, он завещал коллекцию книг на русском, английском, французском, немецком языках, среди которых были сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, библиотеке Общества изучения Амурского края во Владивостоке, которым он руководил в течение нескольких лет [266].

Для Владивостокской городской библиотеки весьма ценным оказался дар политического ссыльного Б. Д. Оржиха [267].

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, дар Михаила Ивановича Венюкова (1832—1901) — русского географа, путешественника, историка и этног-

рафа, приславшего во Владивосток и в Хабаровск весьма редкие и ценные издания. Его труды получили широкое признание при его жизни и были переведены на английский, французский, немецкий языки. Отечественная и зарубежная пресса после его кончины посвятила ему ряд публикаций. Интерес к ученому вновь возник в середине XX в. О нем сообщают некоторые современные справочные издания[268].

Окончив в возрасте 24 лет Академию Генерального штаба, Венюков выбрал в качестве места службы Дальний Восток. Он много путешествовал по русскому Дальнему Востоку, Средней Азии, Японии, Китаю, Турции, а в 1868 г. совершил путешествие вокруг света. В 1877 г. в звании генерал-майора он вышел в отставку и, отказавшись от положенной пенсии, навсегда уехал за границу. В справочниках и других изданиях упоминается о невыносимых условиях, созданных ему на службе, о конфликте с Александром II, которому из-за границы Венюков писал: «Можно лишить меня полученных в течение 26 лет внешних отличий... можно вычеркнуть мое имя из списка русских граждан, но нет силы, которая бы могла исключить меня из числа преданных сынов земли русской»[269].

Оставаясь за пределами России, Венюков, будучи членом географических обществ Франции, Англии, Швейцарии и других стран, активно пропагандировал достижения русских ученых, географов и путешественников, поддерживал постоянные контакты со многими представителями русской общественности. Свое состояние он завещал двум сельским школам — села Никитского, где родился, и села на Уссури, названного в его честь. Кроме того, он оставил после себя денежную сумму, предназначенную для выдачи ежегодной премии за лучшее исследование по географии Азии.

Наибольшую ценность в наследстве М. И. Венюкова представляла библиотека, предназначенная им в дар Хабаровску. В завещании, составленном в 1881 г., он указывал, что жертвует 1200 книг разной тематики, а также собрание карт и атласов в пользу находящегося на Амуре селения Хабаровки или вообще того пункта, где будет находиться управление Уссурийским краем. Долгое время считалось, что книги при жизни Венюкова не были отправлены в Россию и что только к 1907 г. 7 ящиков с ними прибыли в Приамурский отдел Русского географического общества в Хабаровск[270].

Между тем обнаруженное нами в ЦГА ДВ РФ дело «О пожертвовании библиотеке города Хабаровки Михаилом Ивановичем Венюковым» позволяет утверждать, что Венюков сам отправил книги на родину[271]. Из архивных материалов следует, что информация о завещании Венюкова (впоследствии забытая) имелась у дальневосточников уже в 1880-х гг. Меньшая часть его библиотеки была отправлена во Владивосток в адрес Общества изучения Амурского края, куда и поступила в 1885 г.

Что касается пересылки изданий для Хабаровки, то это — очень длинная и запутанная история. Библиотека была отослана М. И. Венюковым из Парижа, а затем исчезла. Несколько лет ее поисками занимались высокопоставленные лица (генерал-губернатор барон А. Н. Корф, командир крейсера «Адмирал Корнилов» Е. Н. Алексеев — будущий наместник Дальнего Востока), а ящики с

книгами тем временем лежали на казенном складе. Все же их обнаружили, книги опознали и в конце концов доставили к месту назначения [272]. На последней, 12-й странице архивного дела, посвященного этой истории, имеется рукописная справка от 2 мая 1898 г. за подписью делопроизводителя: «Книги сданы в Николаевскую публичную библиотеку в 96 году, через штаб округа»[273].

Таким образом, можно говорить о поэтапном поступлении библиотеки Венюкова в Россию. Не следует исключать и возможности длительной проверки содержания присланных им книг, поступивших в фонд публичной библиотеки. Известно, что он прислал не только редкие книги на иностранных языках, но и русские издания, рукописи, карты и свой архив, включая записные книжки (архив впоследствии был перевезен из Хабаровска в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина).

Демократические взгляды Венюкова выразились не только в подборе литературы (среди присланных им книг были и нелегальные издания), но и в заметках на полях и рукописных добавлениях, сделанных им к некоторым книгам. Он переслал в Хабаровск также собственноручно переписанную им книгу А. И. Герцена «Письма об изучении природы» и ряд других его работ [274].

Общественная позиция автора не могла не насторожить власти и привела к проверке содержания всей коллекции. После окончательной передачи книг в Николаевскую публичную библиотеку в 1907 г. было признано (судя по архивным материалам, на которые мы ссылались выше), что «рукописи самого жертвователя и большое количество его изданий по цензурным соображениям не могут стать достоянием публики».

Благодаря щедрым пожертвованиям библиотека Приамурского отдела Русского географического общества уже в конце прошлого века стала обладательницей значительного числа дублетов, поэтому появилась возможность организовать обмен дублетными изданиями с другими учреждениями. Книги из Николаевской публичной библиотеки были отправлены в Читу для библиотеки Читинского отделения Русского географического общества (1765 экз.) и в Благовещенскую общественную библиотеку (1291 экз.). В библиотеку для больных Хабаровского военного полугоспиталя было передано 133 тома, в библиотеку Хабаровской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса — 147 томов. До конца столетия Николаевская публичная библиотека являлась наиболее крупной в регионе. Ее фонд достиг к 1900 г. 37 тыс. томов.

Развивались библиотеки и в других городах Дальнего Востока, росла их сеть, увеличивалось число хранящихся в фондах книг. Только в Амурской области было около двух десятков библиотек, во Владивостоке к концу 1890-х гг. насчитывалось 16 библиотек.

В местностях, прилегающих к Владивостоку, в первые годы после присоединения края к России библиотеки имели главным образом воинские части. Так, в Уссурийском округе была дивизионная офицерская библиотека и 5 маленьких библиотечек при частях Уссурийского конного казачьего дивизиона. В селе Никольском (впоследствии город Никольск-Уссурийский) имелась единственная библиотека при полицейском управлении, состоявшая из книг, посвященных

Сибири и Амурскому краю. Библиотека была основана еще в 1872 г. на пожертвования одного из членов императорской фамилии, посетившего край и выделившего 300 р. для ее создания[275].

Всего на протяжении второй половины XIX в. в Приамурье и Приморье было открыто более 70 публичных, учебных, воинских и других библиотек.

Таким образом, можно сделать вывод, что и на дальневосточной окраине России книжное дело к концу XIX столетия достигло определенных успехов.

Примечания

[1] См.: Аверина Н. Ф. Проблемы воссоздания истории провинциальной книги: (Из истории изд. перм. кн.) // Проблемы книговедения и истории книги: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1985. С. 133—140; Волкова В. Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. в контексте изучения общерусской книжной культуры // Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития (к 200-летию сиб. книгопечатания). Новосибирск, 1989. С. 15—18; Фролова И. И. К вопросу об источниках и перспективах исследования истории книгоиздания и книготорговли в провинции во второй половине XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. 1983. Сб. 46. С. 121—125; Ее же. Проблемы провинциальной книги в контексте исследования общероссийской истории книжного дела: (На материале второй половины XIX — нач. XX в.) // Там же. 1995. Сб. 71. С. 205—213.

[2] См. выше, с. 16.

[3] Здесь и далее использованы цифры, полученные Л. Н. Павленковым в результате проведенных им подсчетов и приведенные в ежегодных обзорах «Книжное дело и периодические издания в России», которые он публиковал в «Историческом вестнике» (1888. Т. 32; 1889. Т. 36; 1890. Т. 40; 1891. Т. 44; 1892. Т. 48; 1893. Т. 52; 1894. Т. 57; 1896. Т. 66).

[4] Авербах. Типографское дело в России // Книговедение. 1894. № 7—8. С. 32.

[5] См. выше, с. 28. См. также: Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 32 (табл. 6).

[6] Труды Первого съезда русских деятелей по печатному делу. СПб., 1895. С. 45—46.

[7] Там же. С. 54.

[8] Там же. С. 54—55.

[9] Там же. С. 108.

[10] Там же. С. 13—15, 81—83.

[11] Слуцкий А. И. К проблеме воссоздания репертуара провинциального книгоиздания: Изд. и библ.-библиогр. деятельность стат. комитетов на Северном Кавказе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. СПб., 1992. Вып. 6. С. 126.

[12] См.: Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли в России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1989. № 1. С. 160—170.

[13] См. выше, с. 28, табл. 6.

[14] Вахтеров В. Книжные склады в провинции // Рус. мысль. 1894. № 1. С. 2—3 (паг. 2-я).

[15] Там же. С. 5.

[16] Там же. С. 1.

[17] См.: Книга в России, 1861—1881. М., 1990. Т. 2. С. 146—147.

[18] См. подробно: Фролова И. И. Проблемы провинциальной книги... С. 208—209.

[19] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 147—158.

[20] Сведения о типографиях, книжных магазинах, библиотеках для чтения в Вологодской губернии // Правит. вестн. 1882. 13 авг.; 1895. 16 февр.; Кн. вестн. 1886. № 23. С. 1228; Новости печати. 1895. № 4. С. 13.

[21] О финансовых затруднениях типографии свидетельствует, в частности, заметка в «Вологодских губернских ведомостях» об обязательной оплате в срок печатания бланков, объявлений в газете и других типографских работ (Вологод. губ. ведомости, 1881. 9 янв.).

[22] РГИА. Ф. 776, оп. 20, д. 1139. Л. 292. О начальном периоде деятельности типографии см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 149. Поскольку в разделе «Вологодская губерния» использованы дела только из фонда 776 (оп. 20), далее в примечаниях номера фонда и описи не указываются.

[23] Швецов М. Н. Из прошлого: Ист.-лит. очерки. Вологда, 1913. С. 28.

[24] Кн. вестн. 1891. № 3. С. 130. Намереваясь издавать собственную газету, Обнорский предполагал первоначально выпускать ее ежедневно. Однако по причинам цензурного характера это было запрещено: губернское начальство опасалось пропустить сомнительную публикацию. В результате Обнорский получил разрешение издавать газету от одного до трех раз в неделю. (Швецов М. Н. Указ. соч. С. 48).

[25] РГИА… д. 311. Л. 24; д. 1082. Л. 234.

[26] Клыпин С. Типографское дело в Вологде: (Материалы для истории) // Записки краеведческого кружка при Вологодском педагогическом институте. Вологда, 1922. Т. 1. С. 7.

[27] Вологод. губ. ведомости. 1882. 18 нояб.

[28] Клыпин С. Указ. соч. С. 8.

[29] РГИА… д. 1276. Л. 243.

[30] Вологод. листок объявлений. 1894. 3 сент.

[31] Вологод. губ. ведомости. 1893. 28 мая.

[32] РГИА… д. 294. Л. 70.

[33] Там же. Л. 70 об.

[34] Там же. Л. 71.

[35] Там же… д. 987. Л. 305 об.

[36] Там же.

[37] Там же… д. 1418. Л. 380 об.

[38] Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1891 г. и доклады управы. Вологда, 1892. С. 22—23 (паг. 2-я).

[39] РГИА… д. 294. Л. 73.

[40] Там же… д. 717. Л. 91; д. 987. Л. 299 об.

[41] Там же… д. 717. Л. 91; д. 1340. Л. 249.

[42] Там же… д. 1340. Л. 249; д. 1502. Л. 390.

[43] Вологодский иллюстрированный календарь, 1894. Вологда, 1893. С. 82.

[44] Вологод. листок объявлений. 1893. 23 окт.

[45] РГИА… д. 373. Л. 13 об.; д. 1418. Л. 384 об.; д. 1502. Л. 391.

[46] Там же… д. 1340. Л. 250.

[47] Там же… д. 511. Л. 22 об.—23; д. 987. Л. 300 об.—301.

[48] Отчеты и доклады земской управы с постановлениями земского собрания Вологодского уезда 1891 г. Вологда, 1892. С. 39 (паг. 2-я).

[49] Николай Александрович Иваницкий (1845—1899) — этнограф, ботаник, поэт, инициатор создания краеведческого музея в Вологодской губернии. Как ботаник, он составил гербарий и опубликовал список растений губернии, как этнограф, собрал обширный материал о Вологодской песне, сказке, обрядам (Иваницкий Н. А. Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, собранные в Вологодской губернии. Вологда, 1960). Труды Иваницкого в этих областях — «классический вклад в местную и вообще русскую фольклористику» (Север. 1928. № 2. С. 12). См. о нем: Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923. С. 28—30; Дилакторский П. А. Вологжане-писатели: (Материалы для словаря писателей уроженцев Вологод. губернии). Вологда, [1899]. С. 38—40; Снятков А. А. К изучению флоры Вологодского края // Север. 1927. № 2. С. 82—90.

[50] Иваницкий Н. А. Письмо из Кадникова (Вологодской губернии) // Живая старина. 1891. № 3. С. 194.

[51] РГИА... д. 265. Л. 267; д. 935. Л. 288 об.; д. 1082. Л. 234.

[52] Швецов М. Н. Указ. соч. С. 47.

[53] РГИА... д. 987. Л. 300; д. 1139. Л. 298; д. 1418. Л. 385 об.

[54] Пахолков Х. И. Деятельность Вологодского губернского земства по народному образованию // Вологжанин: Лит.-науч. сб. Вологда, 1895. С. 144.

[55] Эта черта, характерная для части земских библиотек Вологодской губернии, отмечалась в редакционном примечании журнала «Живая старина» к статье Н. А. Иваницкого. В нем отмечалось, что дворянские уезды, по-видимому, довольно прохладно относились к организации библиотек, тогда как «земства устьсысольское, вельское, тотемское, никольское, яренское — чисто к р е с т ь я н с к и е — имели уже, можно сказать, богатые библиотеки. Так, кажется, никольское земство ассигнует ежегодно чуть ли не по 600 руб. на библиотеку, и чтение в ней бесплатное для всех» (Живая старина. 1891. № 3. С. 193).

[56] Каталог книг и периодических изданий Вельской земской публичной библиотеки, 1875—1896. Вологда: Тип. Г. С. Панова, 1897. 48 с.; Каталог книг Никольской земской публичной библиотеки и правила пользования ими. Великий Устюг: Тип. наследников Блинова, 1892. 70 с.

[57] Количественные показатели земской библиотеки Великого Устюга выражались в следующих цифрах: 650 названий (в 1243 томах) в 1890 г. и 1413 названий (в 2772 томах) в 1894 г. (Доклады уездной земской управы. Великий Устюг, 1895. С. 44—45. Паг. 3-я).

[58] См. о нем: Дилакторский П. А. Указ. соч. С. 91—92; Веселовские А. и А. Указ. соч. С. 87—88; Соболев И. А. Почетный потомственный гражданин: (Памяти В. Т. Попова — основоположника тотемского краеведения) // Тотьма: Ист.-лит. альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 315—325.

[59] Ильинский Н. В. Василий Тимофеевич Попов и его Тотемская библиотека // Изв. Вологод. о-ва изучения Северного края. Вологда, 1917. Вып. 4. С. 62.

[60] Дудина А. А. Тотемская земская библиотека за 35 лет существования // Там же. Вып. 3. С. 72. В 1882 г. книжный фонд Тотемской земской библиотеки состоял из 535 названий (см.: Каталог книг и периодических изданий Тотемской земской публичной библиотеки. Вологда, 1882).

[61] Попов В. Т. Город Тотьма Вологодской губернии: Ист. очерк. Вологда: Тип. Вологод. губ. правл., 1887. 127 с. Книга Попова не прошла не замеченной для критики. В рецензии, наряду с недостатками очерка, отмечались и положительные стороны, прежде всего, на-

личие весьма интересных данных о внутренней городской истории, о движении населения, о школах, солеварении и т. д. (Ист. вестн. 1888. № 2. С. 500).

[62] О попытках организовать музей в Тотьме Н. А. Иваницкий писал: «Председатель Тотемской земской управы, В. Т. Попов — человек весьма деятельный и энергичный, вот уже десять лет мечтает об устройстве в Тотьме местного музея, но не может ничего сделать, так как нет человека, который исключительно этим занялся» (Живая старина. 1891. № 3. С. 194).

[63] Цит. по: Ильинский Н. В. Указ. соч. С. 66. Эти данные подтвердил в 1920-х гг. вологодский краевед И. К. Степановский. Он писал о значительной библиотеке и коллекции рукописей Попова (Степановский И. К. Вологодский край: Страницы из истории североведения. Вологда, 1923. С. 24).

[64] На приобретение учебников для церковно-приходских школ Вологодского уезда в 1889 г. было выделено 320 р. На эту сумму приобретены учебные часословы (100 экз.), учебные псалтыри (100), евангелия (100), русско-славянские азбуки (300) и другие учебники (Отчеты и доклады земской управы… Вологодского уезда 1888 г. Вологда, 1889. С. 34 (паг. 2-я)). В 1887 г. Вологодское губернское собрание внесло 200 р. на покупку и рассылку книг для награждения окончивших сельские школы, передав впоследствии эти расходы в уездные земства (Отчеты и доклады земской управы… Вологодского уезда 1887 г. Вологда, 1888. С. 121 (паг. 2-я)).

[65] Систематический сборник постановлений Вологодского губернского земского собрания за 1870—1901 гг. М., 1905. Т. 2. С. 91.

[66] Отчеты и доклады земской управы… Вологодского уезда 1894 г. Вологда, 1895. С. 1 (паг. 2-я).

[67] Христофор Иванович Пахолков (1848—1918) — общественный деятель, педагог, автор ряда учебников для училищ, хрестоматий для учителей (например: Идеалы воспитания и обучения. СПб., 1888. Издание было одобрено Министерством народного просвещения для библиотек средних учебных заведений. См.: Кн. вестн. 1888. № 8. С. 437), книг о Вологодском крае (среди них: Город Вологда и окрестности. Вологда: Тип. И. И. Соколова, 1896). См. о нем: Веселовские А. и А. Указ. соч. С. 79; Дилакторский П. А. Указ. соч. С. 85—86.

[68] Отчет о народных чтениях в г. Вологде с 21 марта 1893 г. по 10 апреля 1894 г.: (Первый год существования Вологод. нар. читальни). Вологда, 1895. С. 3, 7.

[69] Пахолков Х. И. Народные чтения в Вологде // Русский начальный учитель. 1893. № 8/9. С. 392.

[70] Непеин С. Вологда прежде и теперь. Вологда, 1906. С. 140—145.

[71] Отчеты и доклады земской управы… Вологодского уезда 1881 г. Вологда, 1882. С. 25 (паг. 2-я).

[72] Отчеты и доклады земской управы… Вологодского уезда 1883 г. Вологда, 1884. С. 140.

[73] См.: Каталог книг Тотемской земской учительской библиотеки. Вологда, 1882. 49 с.

[74] Открытие народных библиотек в 1880—1890-х гг. представлялось российской общественности таким же «капитальным вопросом, каким для земских собраний 1860-х гг. было устройство народных училищ» (Отношение Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе от 22 июля 1894 г. в Вологодское уездное земское собрание // Отчеты и доклады земской управы… Вологодского уезда 1894 г. С. 48 (паг. 2-я)).

[75] Отчеты и доклады земской управы... Вологодского уезда 1893 г. Вологда, 1894. С. 28 (паг. 2-я).

[76] Вологодское земство, в отличие от рекомендаций Комитета грамотности, отстаивало именно такую форму библиотечного обслуживания, обосновывая это решение местными условиями: бытом народа, невысокой плотностью населения в отдаленных уездах, а также скудными денежными средствами земства (Отчеты и доклады земской управы... Вологодского уезда 1895 г. Вологда, 1896. С. 69 (паг. 2-я)).

[77] Отчет о состоянии Высоковской народной бесплатной библиотеки Вологодского уезда за время ее существования с 1893 по 1895 г. Вологда, 1896. С. 8.

[78] По мнению заведующего библиотекой, число читателей превышало указанную цифру за счет проведения воскресных чтений зимой в деревнях (Николине, Ермолове, Поповском, Высокове, Исаеве, Вахтове) (Отчет о состоянии Высоковской... библиотеки... С. 20).

[79] РГИА... д. 1340. Л. 250; д. 1378. Л. 2; д. 1418. Л. 385; д. 1453. Л. 373; Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1892 г. и доклады управы. Вологда, 1893. С. 212 (паг. 2-я); То же... созыва 1893 г. Вологда, 1894. С. 134—135 (паг. 2-я); То же... созыва 1894 г. Вологда, 1895. С. 95 (паг. 2-я).

[80] Отчеты и доклады земской управы... Вологодского уезда 1894 г. С. 49—50 (паг. 2-я).

[81] РГИА... д. 1453. Л. 418—421.

[82] Русский начальный учитель. 1892. № 12. С. 460—461.

[83] Отчет о состоянии Вологодской бесплатной библиотеки за время от ее основания по 11 октября 1893 г.: (Первый год существования). Вологда, 1864. С. 6—7.

[84] Отчет Вологодской бесплатной библиотеки за 3-й год ее существования (с 1 октября 1894 г. по 1 октября 1895 г.). Вологда, 1896. С. 12—23.

[85] Некоторые другие ведомства, различные городские общества издавали отчеты о своей деятельности, протоколы заседаний (например, Вологодское благотворительное общество, Общество вспомоществования нуждающимся ученикам, Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов, Общество спасения на водах и другие).

[86] См. о нем: Дилакторский П. А. Указ. соч. С. 87—89; Веселовские А. и А. Указ. соч. С. 82—84; Шляпин В. П. Из моих жизненных встреч... // Бысть на Устюзе...: Ист. краевед. сб. Вологда, 1993. С. 39—43.

[87] Александр Евграфович Мерцалов (1847—1906) — с середины 1870-х гг. посвятил себя исследованию истории Вологодского края и коллекционированию древностей. Предметом его изучения явились события Смутного времени, их влияние на развитие русского Севера. См. о нем: Андреевский Л. И. Историк А. Е. Мерцалов // Север. 1923. Кн. 2. С. 49—69; Дилакторский П. А. Указ. соч. С. 69—70; Веселовские А. и А. Указ. соч. С. 63—65.

[88] В качестве редактора неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей» в 1879—1886 гг. Полиевктов разработал 5 программ по собиранию сведений, «касающихся экономической и умственной культуры местного населения» — материалов по этнографии, антропологии, общинному землевладению, кустарному производству (Полиевктов Н. А. Руководство к собиранию сведений для корреспондентных сообщений в редакцию неофициальной части Вологодских губернских ведомостей. Вологда, 1880. С. 1).

[89] Вологодский сборник. Вологда, 1885. Т. 4. С. III.

[90] Они были напечатаны в виде приложения к 3-му тому «Вологодского сборника», в более поздние годы печатались в «Вологодских губернских ведомостях» и отдельными оттисками.

[91] О нем см.: 50-летие литературно-научной деятельности североведа И. К. Степановского // Север. 1923. № 3/4. С. 263—266.

[92] Степановский И. К. Вологодский край: Страницы из истории североведения. С. 40—41.

[93] Степановский И. К. Вологодские губернские ведомости в период 50-летнего их существования, 1838—1888 гг.: Указ. ст. и заметок, относящихся к Вологод. губернии, помещенных в неофиц. части. Вологда: Тип. губ. правл., 1888. 96 с.

[94] Степановский И. К. Вологодская старина: Ист.-археол. сб. Вологда: Тип. губ. правл., 1890. 6, 591, VIII с.

[95] Веселовские А. и А. Указ. соч. С. 104.

[96] Степановский И. К. Вологодская старина. С. 6.

[97] Ист. вестн. 1892. № 5. С. 555.

[98] Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 198.

[99] См.: Дилакторский П. А. Указ. соч. С. 6—8.

[100] Частная издательская инициатива распространилась в эти годы на публикацию не только книг, но и периодических изданий: выше мы уже говорили о «Вологодском листке объявлений».

[101] Вологжанин: Лит.-науч. сб. / Сост. П. А. Дилакторский, Н. А. Иваницкий и др. Вологда: Тип. А. В. Гудкова-Белякова, 1895. 215 с.

[102] Ист. вестн. 1895. № 10. С. 265—266.

[103] Швецов М. Н. Указ. соч. С. 30.

[104] О развитии книжного дела в губернии в предшествующие десятилетия см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 158—172.

[105] См.: Шиманский Ф. Печатное дело в Саратовской губернии // Адрес-календарь Саратовской губернии на 1895 г. Саратов, 1895. С. 198.

[106] Об этом подробно рассказано в написанной к юбилею типографии ее заведующим В. М. Хороманским специальной работе: Хороманский В. М. Столетие типографии Саратовского губернского правления, 1794—1894. Саратов, 1895.

[107] Там же. С. 51.

[108] Дроздов Н. Анализ и обобщение в области элементарно математических фактов и идей: Опыт обобщенного истолкования некоторых основных математических формул. Саратов, 1885; Рашкович Б. Е. Лекции по описательной анатомии, читанные вольнослушателям Саратовской Андреевской общины сестер милосердия в 1892/93 гг. Саратов, 1893.

[109] Хороманский В. М. Указ. соч. С. 78.

[110] Там же.

[111] ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 5509. Л. 132.

[112] Там же, д. 5074.

[113] См.: Каталог форм книг и бланков по делопроизводству в сельских учреждениях. Саратов, 1894; Прейскурант канцелярским принадлежностям, бумаге и конвертам. Саратов, 1894. Вып. 1—4.

[114] ГАСО. Ф. 5, оп. 1, д. 1265. Л. 1—3.
[115] Там же. Ф. 326, оп. 1.
[116] Представляют в этом отношении интерес такие сведения из расходного журнала Саратовской земской управы за тот же 1882 г., где, в частности, зафиксированы расходы на бумагу и указано, у кого она покупалась, приведены суммы, выплаченные работникам типографии (ГАСО. Ф. 5, оп. 1, д. 448).
[117] ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 4029. Л. 30—30 об.
[118] Там же, д. 5509. Л. 132—133.
[119] Там же.
[120] Там же.
[121] Шиманский Ф. Указ. соч. С. 198.
[122] ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 5262. Л. 35, 379.
[123] Шиманский Ф. Указ. соч. С. 198.
[124] ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 5262. Л. 35.
[125] Там же, д. 3526. Л. 187.
[126] Там же, д. 5509. Л. 123.
[127] Шиманский Ф. Указ. соч. С. 198.
[128] ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 5262. Л. 195.
[129] Там же.
[130] Там же. Ф. 372, оп. 1, д. 1.
[131] Шиманский Ф. Указ. соч. С. 199.
[132] Там же. С. 198—199.
[133] ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 3148. Л. 15.
[134] Там же, д. 5525. Л. 4.
[135] Там же, д. 5304.
[136] Там же, д. 4029. Л. 263.
[137] Там же, д. 3830. Л. 189—214.
[138] РГИА. Ф. 776, оп. 20, д. 898. Л. 19—21.
[139] Там же, д. 485. Л. 1 об.
[140] Там же. Л. 2.
[141] ГАСО. Ф. 1, оп. 1, д. 4344. Л. 39.
[142] Там же, д. 4029. Л. 21—22.
[143] Там же, д. 3526. Л. 58—64.
[144] Гациский А. С. Нижегородка: Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмарке. Н. Новгород, 1877. С. 160.
[145] Приведенные здесь и далее (при характеристике книжного дела в уездах) фактические сведения взяты из ведомостей инспекторского надзора (РГИА. Ф. 776, оп. 20, д. 396, 1881 г. Л. 17—23; д. 511, 1882 г. Л. 36—41; д. 620, 1883 г. Л. 69—74; д. 717, 1884 г. Л. 61—69; д. 773, 1885 г. Л. 132—138 об.; д. 872, 1886 г. Л. 138—144 об.; д. 935, 1887 г. Л. 61—68 об.; д. 987, 1888 г. Л. 37—44; д. 1082, 1889 г. Л. 78—83; д. 1139, 1890 г. Л. 205—210; д. 1186, 1891 г. Л. 252—257; д. 1276, 1892 г. Л. 168—173; д. 1341, 1893 г. Л. 59—64; д. 1418, 1894 г. Л. 312—317; д. 1502, 1895 г. Л. 333—338).
[146] Гациский А. С. Указ. соч. С. 271.
[147] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 156, 163—166, 196.

[148] См. о нем: А. С. Гациский: Сб., посв. памяти А. С. Гациского. Горький, 1939; Сборник в память Александра Серафимовича Гациского. Н. Новгород, 1897.
[149] Нижегородский сборник. Н. Новгород: Тип. Нижегор. губ. правл., 1867—1877. Т. 1—6.
[150] Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии. Н. Новгород: Тип. П. А. Косарева, 1880.
[151] Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1887. Т. 7. С. VII.
[152] Там же.
[153] Там же. С. II.
[154] Там же. С. VII—VIII. В слово «литературный» Гациским включалось и его издательское амплуа; в своей шутливой «Краткой некрологии» он именует себя не иначе как «благонамеренный литератор» (Краткая некрология некоего благонамеренного литератора старца Александра // Сборник в память Александра Серафимовича Гациского. С. 1—5).
[155] Нижегородский сборник. Т. 7. С. VIII.
[156] Там же. С. V.
[157] Там же. С. VI.
[158] Там же.
[159] А. С. Гациский: Сб., посв. памяти А. С. Гациского. С. 93. Список составлен К. Д. Александровым, составителем этого сборника.
[160] Нижегородский сборник. Т. 7. С. X.
[161] Там же. С. XI—XII.
[162] Там же. Т. 10. С. V.
[163] Исключением является книжная торговля аптекаря В. Ф. Гетлинга в заштатном городе Починках, разрешение на открытие которой было получено 31 марта 1888 г. Согласно ведомостям инспекторского надзора, в лавке Ф. В. Гетлинга в 1888—1895 гг. велась торговля книгами на иностранных языках (РГИА. Ф. 776, д. 1082, 1139, 1186, 1276, 1340, 1341, 1418, 1502). По предположению работников Государственного архива Нижегородской области, торговля иностранными книгами в лавке Гетлинга объясняется нахождением в Починках крупного конного завода, поставлявшего лошадей армии и находившегося под управлением конторы лейбгвардейского полка (Архивная справка Гос. архива Нижегородской области № 116/01-12 от 6 апр. 1995 г.).
[164] О состоянии книжного дела Пермской губернии в 3-й четверти XIX столетия см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 172—184.
[165] Сивков П. М. Газетное дело на Урале 30 лет назад: (Вместо автобиографии) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 224.
[166] Кн. вестн. 1896. № 1. С. 14.
[167] ГАПО. Ф. р-973, оп. 1, д. 462.
[168] Екатеринбург. неделя. 1893. 15 авг.
[169] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 182.
[170] Кустов В. А. Газета «Пермские губернские ведомости», 1838—1917 гг.: Краеведческий очерк // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С. 120.
[171] Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936. С. 93.
[172] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 181—182.
[173] ГАПО. Ф. р-72, оп. 1, д. 39. Л. 20.

[174] Трапезников В. Из истории пермского подполья // Борьба за власть. Пермь, 1924. Т. 2, ч. 1. С. 45.

[175] Харитонова Е. Д. Первый книжный магазин в Перми // Веч. Пермь. 1969. 13 нояб.; Ее же. Пропагандировал лучшие книги // Там же. 1980. 16 окт.; Ее же. Первый в Перми // Звезда (Пермь), 1986. 23 мая.

[176] Бажов П. П. Отслоения дней // Сочинения. М., 1952. Т. 3. С. 288.

[177] См.: Каталог журнальных статей и книг Пермской общественной библиотеки. Пермь, 1885.

[178] ГАПО. Ф. 612, оп. 2, д. 2.

[179] Там же, д. 3.

[180] Там же. Ф. р-72, оп. 1, д. 37. Л. 81.

[181] Там же, д. 39. Л. 20.

[182] Коуров П. К вопросу, что и как читает народ // Сб. Перм. земства. 1888. № 18. С. 528.

[183] Материалы к вопросу о внешкольных образовательных средствах народа // Там же. 1888. № 6. С. 196—197.

[184] Астафьев П. К вопросу о народном чтении // Там же. 1888. № 5. С. 169.

[185] Трапезников В. Указ. соч. С. 46—47.

[186] Там же. С. 46.

[187] ЦГА РТ. Ф. 89, оп. 1, д. 1653. Л. 20 об.—21 об.

[188] Цит. по: Гаврилов Д. В. Рабочее движение и первые социал-демократические организации на Урале в конце XIX в. (1885—1900): По материалам Перм. губернии // Уч. зап. Шадрин. пед. ин-та. 1963. Вып. 7. С. 52.

[189] Там же.

[190] Подробно о книжном деле Сибири в рассматриваемый период см.: Волкова В. Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. Новосибирск, 1995.

[191] Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 635 (1-е изд.: СПб., 1882).

[192] Попов И. И. Минувшее и пережитое: Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. Ч. 1. С. 161.

[193] О книжном деле в Сибири в этот период см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 184—195; Волкова В. Н. Указ. соч.

[194] Источниками выявления полиграфических заведений в Сибири служили обзоры губерний (приложения к всеподданнейшим отчетам начальников губерний), памятные книжки, адрес-календари и другие справочные центральные и местные издания 1860-х гг. XIX в.— начала XX в., рекламные объявления, помещаемые в книгах, картотека сибирских изданий второй половины XIX в., составленная автором настоящего раздела, материалы центральных и сибирских краевых архивов. См. также специальный справочник: Сведения о существующих в России типографиях, литографиях, металлографиях, заведениях, производящих и продающих принадлежности тиснения, фотографиях, а равно и местах книжной торговли, публичных библиотеках и общественных читальнях, составленные на 1 января 1894 г. СПб.: Тип. МВД, 1895. 78 с.; То же // Правит. вестн. 1894. 11 дек.—29 дек.; 1895. 1 февр.—24 марта; То же на 1 января 1897 г. СПб., 1897. 108 с.; То же // Правит. вестн. 1897. 11 янв.—10 июля.

[195] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 2. С. 187.

[196] ГАТО. Ф. 3, оп. 2, д. 1145. Л. 14.

[197] Там же, д. 1916. Л. 36—37 об.
[198] Рощевская Л. Демократическое издательство К. Н. Высоцкого // Урал. 1986. № 11. С. 171—174; ГАТО. Ф. 3, оп. 2, д. 1916. Л. 36—37 об.; Аргунов И. А. Шагнувшие в завтра. Якутск, 1964. С. 3.
[199] Городков Н. Типография Тобольского епархиального братства // Тобол. губ. ведомости. 1895. № 6. С. 113—119.
[200] ГАТО. Ф. 3, оп. 2, д. 1916. Л. 38.
[201] Там же. Л. 39 об.; Иркутский справочный календарь на 1888 г. Иркутск, 1888. С. 105; ГАЧО. Ф. 10, оп. 1, д. 14918. Л. 19 об.; Городков Н. Указ. соч. С. 113—119.
[202] Иркутский справочный календарь на 1888 г. С. 105.
[203] Календарь Тобольской губернии на 1890 г. Тобольск, [1889]. С. 233—234; Календарь Тобольской губернии на 1892 г. Тобольск, 1891.
[204] Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем... Красноярск, 1897. Реклама.
[205] Иркутский справочный календарь на 1888 г. С. 105.
[206] ТФ ГАТюмО. Ф. 417, оп. 1, ед. хр. 492. Л. 24.
[207] ГАТО. Ф. 3, оп. 2, д. 3322. Л. 98.
[208] Сибирь на Всероссийской выставке 1896 г. Томск, 1897. Реклама.
[209] ГАЧО. Ф. Io, оп. 1, д. 3416. Л. 1—2.
[210] Памятная книжка Томской губернии, 1885. Томск, 1885. Реклама; ГАТО. Ф. 234, оп. 1, д. 116. Л. 13.
[211] Там же. Ф. 3, оп. 2, д. 1935. Л. 145—146.
[212] Там же. Ф. 234, оп. 1, д. 116. Л. 13; Спутник по Сибири. Иркутск, 1887. Реклама; ГАЧО. Ф. 10, оп. 1, д. 14918. Л. 19 об.
[213] Городков Н. Указ. соч. С. 113—119.
[214] ГАТО. Ф. 3, оп. 2, д. 3694. Л. 1, 5.
[215] Алтай: Ист.-статист. сб. по вопр. экон. и гражд. развития Алтайского гор. округа. Томск, 1890. С. 428.
[216] ГАТО. Ф. 3, оп. 2, д. 1916. Л. 12 об.
[217] Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Стб. 983.
[218] ГАИО. Ф. 480, оп. 1, д. 322. Л. 62 об.
[219] Попов И. И. Указ. соч. [Ч. 2]. С. 230.
[220] Подробнее о «Сибирских сборниках» см.: Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885—1905). Иркутск, 1985.
[221] РГИА. Ф. 776, оп. 20, д. 1282. Л. 9.
[222] Отголоски Сибири: Сб. стихотворений разных авторов. Томск, 1889. С. VIII.
[223] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1896 г. Томск, 1896. От составителя.
[224] Календарь Тобольской губернии на 1890 г. С. 294.
[225] ГАЧО. Ф. 293, оп. 1, д. 75. Л. 19.
[226] Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888—1913). Томск, 1917. С. 120.
[227] Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902 гг.). Казань, 1902. С. 68—69, 188.

[228] ГАИО. Ф. 293, оп. 1, д. 75. Л. 15.

[229] Там же. Л. 18.

[230] Источниками выявления книготорговых заведений служили обзоры губерний, памятные книжки, адрес-календари и другие справочные центральные и местные издания второй половины XIX — начала XX вв., рекламные объявления в книгах, материалы центральных, сибирских областных и краевых архивов, специальные справочники: 1) Полный алфавитный указатель всех книжных магазинов, библиотек для чтения и музыкальных магазинов, находящихся в губерниях Российской империи. М., 1882. 70 с.; 2) Список заведениям книжной торговли, библиотекам для чтения и музыкальным магазинам, находящимся в губерниях. СПб., 1882. 16 с. Отд. отт. из «Правит. вестн.» 1882. № 167—173; 3) Гинлейн Р. Э. Адресная книга книгопродавцев, издателей, торговцев нотами и редакций газет и журналов в России: Первый год изд., 1897—1898. СПб., [1897]. 317 с.; 4) Сведения о существующих в России типографиях... (см. примеч. 194).

Приведенные нами количественные характеристики книготорговых заведений Сибири нельзя считать точными по тем же причинам, что и установленное число полиграфических предприятий.

[231] Двадцатипятилетие Сибирского книжного магазина П. И. Макушина в Томске: 19 февр. 1873—1898. Томск, 1898. С. 5.

[232] Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 394.

[233] Двадцатипятилетие Сибирского книжного магазина... С. 5—7.

[234] ГАИО. Ф. 480, оп. 1, д. 74. Л. 31.

[235] Например, 10 иркутских книготорговых заведений указывается в «Списке заведениям книжной торговли, библиотекам для чтения и музыкальным магазинам, находящимся в губерниях» (СПб., 1882).

[236] Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 319.

[237] Подробнее о развитии книжного дела в регионе см.: Пайчадзе С. А. Книжное дело на Дальнем Востоке в дооктябрьский период. Новосибирск, 1991.

[238] Сквирская Л. М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX — начале XX в.: Учеб.-метод. пособие по спецкурсу для студентов отд-ния журналистики ДВГУ. Владивосток, 1971. С. 11.

[239] ГАИО. Ф. 293, оп. 1, д. 111. Л. 34; Прик А. Е., Беляев А. Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области. СПб., 1891. С. 49; Справочная книга г. Владивостока. Владивосток, 1900. От составителей; Весь Владивосток. Владивосток, 1907. От редактора.

[240] РГВИА. Ф. 414, оп. 1, д. 420.

[241] Крюков Н. А. Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1896. С. 94—97.

[242] Устав Общества изучения Амурского края. СПб., 1888. С. 2.

[243] В некоторых источниках, в частности в «Сибирской советской энциклопедии» (Т. 1. Стб. 502) начало издательской деятельности ОИАК неправильно датируется 1886 г.

[244] Отчет за первое десятилетие состоящего под покровительством Его Императорского Высочества Великого князя Александра Михайловича Общества изучения Амурского края (с 1884 по 1894 гг.). Владивосток, 1894. С. 10.

[245] См. подробно: Пайчадзе С. А. Издательская деятельность Приамурского отдела Русского географического общества и его филиалов (конец XIX — начало XX в.) // Книга в Сибири (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1989. С. 79—96.
[246] ЦГА ДВ РФ. Ф. 24, оп. 1, д. 18. Л. 102, 107—108.
[247] Крюков Н. А. Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае // Зап. Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1894. Т. 1, вып. 1. 87 с., прил.
[248] См.: Матвеев-Амурский Н. Книга и книготорговля в крае // Книга: Сб. ст., рассказов, стихотворений о кн. Владивосток, 1919. С. 16—17.
[249] ЦГА ДВ РФ. Ф. 702, оп. 3, д. 26. Л. 1—1 об.
[250] Георгиевский А. П. Вопрос об архивах и памятниках древней русской письменности в пределах Дальневосточного края // Зап. Владивосток. отд. Гос. Рус. геогр. о-ва. Владивосток, 1929. Т. 2 (19). С. 67—111; Археографические экспедиции, 1986: Полевые исслед. кириллич. традиции // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 314—316.
[251] ЦГА ДВ РФ. Ф. 1, оп. 1, д. 205. Л. 93—94.
[252] Краткий обзор деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества за первый период его существования, 1894—1897: Отчет за 1897 г. М., 1898. С. 37—39.
[253] ЦГА ДВ РФ. Ф. 77, оп. 1, д. 539. Л. 1; д. 710. Л. 2, 9; д. 539. Л. 12.
[254] Прик А. Е., Беляев А. Д. Указ. соч. С. 99; Сибирь на Всероссийской выставке 1896 г. Томск, 1897. Реклама.
[255] См.: Гинлейн Р. Э. Адресная книга книготорговцев, издателей, торговцев нотами и редакций газет и журналов в России…
[256] Там же.
[257] Матвеев-Амурский А. Книга и книготорговля в крае // Книга. Владивосток, 1919. С. 16—18; Пайчадзе С. А. Основные вехи книжной торговли на Дальнем Востоке // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX вв. Новосибирск, 1986. С. 67.
[258] Гинлейн Р. Э. Указ. соч.
[259] ЦГА ДВ РФ. Ф. 702, оп. 3, д. 138. Л. 3—23 об.
[260] Пайчадзе С. А. Первая библиотека Дальнего Востока // Дал. Восток. 1982. № 9. С. 144—146.
[261] ЦГА ДВ РФ. Ф. 87, оп. 1, д. 975. Л. 2.
[262] РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4201. Л. 146 об.
[263] ЦГА ДВ РФ. Ф. 704, оп. 1, д. 44. Л. 15 об.
[264] Краткий очерк возникновения и деятельности Николаевской публичной библиотеки Приамурского отдела Русского географического общества за 4-х летний период ее существования, 1894—1898 гг. Хабаровск, 1899. С. 2.
[265] Там же. С. 5.
[266] Ларичев В. Е. Посмертный дар Ф. Ф. Буссе (новые материалы к истории Дальнего Востока) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. 1. С. 231—247.
[267] Подробно история ее возникновения описана А. А. Хисамутдиновым в работе «Мир библиотеки» (Владивосток, 1990).

268 Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 4. С. 522; Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. Стб. 353—354; Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1983. С. 209.

269 Цит. по: Зимина В. Г. Архив М. И. Венюкова // Зап. отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. 1960. Вып. 25. С. 31—48.

270 См.: Изв. Приамур. отд. Рус. геогр. о-ва. Хабаровск, 1908. Т. 8, вып. 2. С. 8—9; Маслова А. Н. Библиотека М. И. Венюкова // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1975. С. 166—177; Ее же. «...из книг М. И. Венюкова» // Альм. библиофила. М., 1976. Вып. 3. С. 143—144.

271 См.: Пайчадзе С. А. Сын России // Библиотекарь. 1989. № 1. С. 54.

272 ЦГА ДВ РФ. Ф. 702, оп. 3, д. 53. Л. 1 об., 4—4 об., 5—5 об., 9, 11, 12.

273 Там же. Л. 12.

274 Будучи в свое время тайным корреспондентом «Колокола», М. И. Венюков и в эмиграции активно участвовал в вольной русской печати.

275 ЦГА ДВ РФ. Ф. 1, оп. 2, д. 1407. Л. 1—14.

Глава VIII

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ И МОСКВЕ

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. книжная торговля в столицах развивается в русле тех тенденций, которые определились в предшествующие десятилетия [1]. Постепенно растет сеть книготорговых заведений, углубляется их специализация.

Книжная торговля в этот период по-прежнему была значительно более развита в столицах, нежели в провинциальных городах.

Наблюдается определенная закономерность в выборе места для открытия книготорговых заведений: они, как правило, создаются при издательствах, типографиях, при редакциях журналов и газет (часто вместе с библиотеками для чтения). В дальнейшем эта закономерность сохраняется.

Другая закономерность прослеживается, как и в предшествующий период, в социальном составе владельцев книготорговых предприятий: более высокое социальное положение давало возможность приобретать книжные магазины, а более низкое — лавки, лари, киоски. Разносной торговлей занимались, как правило, лица из низовых слоев населения. Только за первую половину 1891 г. за книжную торговлю вразнос без «надлежащего разрешения» в Петербурге были оштрафованы, с заменою, «в случае несостоятельности», арестом, три крестьянина, один рядовой, два мещанина и один сын причетника [2]. Такая же примерно картина прослеживается в делах о нарушении разносной книготорговли в столице и в 1892 г.[3] Можно привести аналогичные примеры и по Москве.

Государственная регламентация книжной торговли оставалась неизменной. Можно говорить лишь о некотором ее ужесточении. Так, в 1882 г. было увеличено число инспекторов для надзора за типографиями и книжной торговлей в С.-Петербурге и Москве и повышено им жалование [4]. Торговля иностранными книгами по-прежнему находилась под наблюдением Комитета цензуры иностранной. Например, в 1883 г. этот Комитет разрешил печатать каталог книг склада «Российская библиография Эмиля Гартье» и объявления об иностранных книгах, имеющихся в магазинах Риккера и Эриксона, только с цензорскими изменениями и отметками [5].

Для получения разрешения на открытие книжного магазина или лавки надо было, как и раньше, подать прошение по определенной форме (в Москве — на имя генерал-губернатора, в Петербурге — на имя градоначальника) [6].

Для ведения разносной торговли произведениями печати необходимо было, кроме соответствующего свидетельства, получить еще разрешение местного полицейского начальства [7], которому предписывалось выдавать «дозволение не иначе, как убедившись в том, что ходатайствующие о получении дозволений

лица пользуются полною гражданскою правоспособностью и лично благонадежны, а также что они не состоят вообще под следствием и судом и не были подвергнуты до того времени судебному преследованию за какие-либо уголовные преступления или за неправильное производство разносной торговли произведениями печати...»[8].

29 января 1887 г. петербургская мещанка П. И. Никитина подала прошение на имя начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова: «Вынужденная поддерживать свое существование личным трудом и неспособная к тяжелой физической работе, я осмеливаюсь почтительнейше просить особу Вашего Превосходительства не отказать мне в выдаче свидетельства на право производства торговли, как-то священными и другими различными недорогими народными рассказами и повестями и книгами»[9]. На этом прошении рукой Е. М. Феоктистова написано: «Удовлетворение обозначенного ходатайства зависит от местного полицейского начальства»[10].

Правительственной регламентацией был затронут также вопрос о продаже в помещениях редакций газет и журналов книг, издаваемых самими редакциями. Интересно в этом плане обращение Департамента торговли и мануфактур в Главное управление по делам печати от 30 апреля 1892 г.: «Вследствие отношения от 25 ноября минувшего года, за № 5532, по вопросу о том, должна ли быть приравниема к книжной торговле производимая в помещениях редакций С.-Петербургских газет и журналов продажа книг, издаваемых самими редакциями, Департамент торговли и мануфактур имеет честь уведомить Главное управление по делам печати, что по ст. 4 (п. 8) и 145 Положения о пошлинах за право торговли и др. промыслов содержание книжных магазинов, повсеместно, за исключением обеих столиц, отнесено к разряду торговых действий, не подлежащих обложению торговым сбором. Затем другие виды торговли произведениями печати, кроме продажи книг из магазинов, не отнесешь к числу торговых действий. Сообразясь с сим, продажа редакциями петербургских газет и журналов издаваемых сими редакциями книг подлежит платежу торговых пошлин (по 2 гильдии) лишь при условии производства такой продажи из помещений, имеющих вид лавок или магазинов...»[11].

9 июня того же года начальник Главного управления по делам печати дал следующее указание петербургскому градоначальнику: «Главное управление по делам печати полагало бы не требовать от редакций испрошения административного разрешения на производство торговли книгами собственного издания из помещений редакций и контор последних, но в то же время не оставлять такую торговлю без установленного надзора на общем основании...»[12].

Представляется совершенно справедливым мнение М. Н. Куфаева, который считал, что распространение книги «было бы более успешным, если бы не те тормозы и препятствия, которые возникали на основании законов о печати...»[13].

Вот почему одной из негласных целей Русского общества книгопродавцев и издателей, созданного в 1883 г., было противодействие правительственной регламентации в области книжной торговли. В 1884 г. правление Общества открыло в Петербурге центральный книжный склад, что значительно облегчило дело-

вые операции по хранению и отправке книжной продукции. В этом же году Общество начало издавать журнал «Книжный вестник» с бесплатным приложением к нему «Книжно-торгового листка», а спустя 10 лет организовало первые в России курсы «для учеников книгопродавческих фирм... для подготовки... на должность приказчика»[14].

Главной фигурой в русской книжной торговле в 1880—1890-е гг. становится предприниматель-капиталист. В связи с этим в торговле книгами вводятся всевозможные улучшения, преследующие цель как можно быстрее и выгоднее их продать, к работе привлекается целый ряд статистиков, библиографов и библиофилов.

Для российской книжной торговли этого периода характерны следующие особенности: продажа в рассрочку многотомных изданий; бесплатная пересылка книг стоимостью не менее какой-то определенной суммы; бесплатная пересылка каталогов; предоставление покупателю возможности выбора при приобретении многотомных изданий (с иллюстрациями, без иллюстраций, в дорогом или дешевом переплете и т. д.); принятие подписки по почте на журналы, книги и многотомные издания; предоставление бесплатно целого ряда приложений к журналам постоянным подписчикам; пополнение разрозненных томов собраний сочинений и комплектов журналов за прежние годы; отправка книг в кредит наиболее активным подписчикам и т. д.

Для 1880—1890-х гг. показательно дальнейшее развитие подвижных форм книжной торговли, в том числе почтово-посылочной («магазины для иногородних»), а также комплектование общественных библиотек.

Эти годы характеризуются и таким нӧвым явлением, как слияние русского и иностранного капитала в книгоиздательском и книготорговом деле. Типичным примером тому является основанная в 1889 г. фирма «Брокгауз и Ефрон».

* * *

Основной объем книжной торговли в Петербурге и Москве, как и в предшествующие десятилетия, обеспечивался крупными частными издательствами, многие из которых занимались также и продажей книг[15].

В Петербурге продолжают работать магазины М. О. Вольфа (после смерти Вольфа в 1883 г.— «Товарищества М. О. Вольф»), К. Л. Риккера, Н. П. Карбасникова, А. С. Суворина и др. А. Ф. Маркс по-прежнему распространял свои издания через чужие книготорговые предприятия.

В книжном магазине Н. П. Карбасникова (открыт в 1878 г.) преобладала учебно-педагогическая литература, что определялось соответствующей специализацией его фирмы, беллетристические издания, а также книги по истории и теории литературы.

С 1879 г. по 1884 г. Карбасников, «желая удовлетворить постоянные требования своих покупателей относительно сведений о вновь выходящих книгах»[16], издавал специальный книготорговый журнал «Книжные новости», в котором наибольший интерес для покупателей представляли два отдела: перечень вновь

вышедших русских книг с указанием их формата, числа страниц, места издания и цены и перечень книг, одобренных Учеными комитетами Св. Синода, Министерства народного просвещения, Ведомства Императрицы Марии и Военного министерства. В первом номере журнала были перечислены обязательства, которые берет на себя фирма для лучшего удовлетворения запросов своих клиентов. Здесь интересен один пункт: постоянным покупателям магазин делал значительную скидку.

Будучи одним из организаторов Русского общества книгопродавцев и издателей, Карбасников принимал самое непосредственное участие в его деятельности: неизменно был членом правления, несколько раз избирался председателем. В течение ряда лет он, по поручению правления Общества, выпускал журнал «Книжный вестник». Программа журнала включала: 1. Правительственные распоряжения, относящиеся до специальности журнала; 2. Сведения и сообщения о деятельности Русского общества книгопродавцев и издателей; 3. Книжно-торговое дело (сообщения книгопродавцев и издателей, имеющие общественный интерес, корреспонденции, почтовый ящик и пр.); 4. Указатель новых изданий (список выходящих в продажу книг), указатель помещаемых в разных журналах отзывов о книгах; 5. Предложения и спрос; 6. Объявления.

На страницах «Книжного вестника» печатались разнообразные статьи на актуальные темы (например, о регулировании торговых уступок, о литературной конвенции).

Для удобства покупателей в журнале публиковался список книжных и журнальных магазинов, библиотек, перечень всех газет и журналов. Имена книгопродавцев печатались с их адресами, специально для наклейки на бандероли.

В 1890 г. вышел «Библиографический указатель и каталог книжных магазинов Н. П. Карбасникова», составленный известным библиографом И. Г. Безгиным. Указатель интересен тем, что материал в нем, по словам С. А. Венгерова, «расположен по особой, весьма удобной системе. Обыкновенно книгопродавческие каталоги располагаются по отделам и именам авторов, в каталоге же Безгина обе системы сведены в одно и, кроме того, даны указания на крупные статьи, содержащиеся в отдельных книгах научного содержания»[17].

Карбасников издавал каталоги двух видов: для книготорговцев и для читателей. Первые составлялись по алфавиту авторов и отличались от читательских тем, что, кроме цены, в них указывался еще процент уступки книгопродавцам. В конце каждого каталога печатались условия исполнения заказа.

Книжная торговля Карбасникова шла успешно. В 1881 г. он открыл филиал своего магазина в Москве, в 1883 г.— в Варшаве, в 1897 г.— в Вильно. Он был комиссионером Академии наук, Варшавского и Московского университетов. Брал он на комиссию и книги частных издательств.

Особо следует остановиться на книжной торговле А. С. Суворина, который, как книготорговец, не имел себе равных в России. Открыв в Петербурге в 1878 г. свой первый книжный магазин, он затем развернул его отделения в Москве, Харькове, Одессе, Саратове, Ростове-на-Дону [18].

С середины 1880-х гг. он получил монопольное право на торговлю издательской продукцией (газетами, журналами и дешевыми книгами) на железных дорогах и пристанях, на Кавказских и Старорусских минеральных водах [19].

Магазин Суворина в Петербурге помещался на Невском (сначала в доме 40, затем в домах 60 и 38), в Москве — на Никольской улице, позднее — на Неглинной. В них был универсальный подбор книг, в том числе и принятых на комиссию чужих изданий. За 25 лет — с 1878 г. по 1903 г.— продажа книг выросла в 8 с лишним раз, а общая стоимость проданных за эти годы изданий превысила 6 млн. р.

Интересен рассказ современника о распродаже десятитомного издания «Сочинений» А. С. Пушкина, опубликованного Сувориным в серии «Дешевая библиотека» к 50-летию со дня гибели поэта.

«Еще до открытия магазина стояла толпа, как стояла до того только у театральных касс в дни чрезвычайных представлений. Магазин был битком набит, была давка и смятение. Приказчики и артельщики сбились с ног; некоторые из публики влезли на столы, забрались за прилавки, сами хватали сдачу. К 11 часам магазин представлял картину разрушения. В углах, за прилавками были беспорядочно нагромождены груды разорванных, запачканных, истоптанных ногами различных книг, которые не успели вовремя прибрать с прилавка, разбита мебель и повержена на пол, конторка с кассой опрокинута, конторские книги измяты и растоптаны. Слова убеждений не действовали. К этому часу г. обреполицмейстер прислал полицию, магазин был закрыт и публику стали пускать... в очередь. Покупатели входили уже с заранее сжатыми в кулаке деньгами. Их прямо сдавали в карманы артельщиков, брали, что нужно, и уходили, пробираясь через толпу... В двенадцатом часу дня все 6 000 экз., приготовленные на этот, день были проданы... В Петербурге и других местах в один день продано одного этого издания до 10 000 экземпляров. Такого факта не было еще никогда с самого начала русской книжной торговли»[20]. «На следующий день,— пишет Е. А. Динерштейн,— было продано еще 10 тыс. экз.»[21] Но все же быстро реализовать весь тираж (95 тыс. экз.) Суворину не удалось: к 16 августа 1888 г. остались нераспроданными 38 тыс. экз. (из них 28,5 тыс. экз. в петербургском магазине) [22].

Такой результат нельзя объяснить случайным стечением неблагоприятных обстоятельств: еще современники отмечали, что коммерческое дело Суворина не имело определенной системы и держалось исключительно энергией его основателя. Издательство и книжная торговля не были разделены в финансовом отношении и всецело зависели от газеты «Новое время». Суворин не всегда проявлял нужную гибкость во взаимных расчетах, и его политика торговых скидок нередко вызывала осуждение других книгопродавцев [23].

Магазин К. Л. Риккера, открытый в 1861 г. и торговавший первоначально медицинской литературой, постепенно расширяет тематический ассортимент продающихся в нем книг. Это было связано с изменением профиля издательской деятельности фирмы, который становится все более и более универсальным (см. выше, с. 94). В 1880—1890-х гг. в магазине Риккера продавали, кроме медицинских изданий, книги по технике, архитектуре, механической и химической

технологии, нефтяному делу, педагогике, истории, географии, философии, литературоведению и т. д.[24]

В 1885 г. в Петербурге открылся книжный склад издательства «Посредник», поставившего своей целью распространение в народе книжек «возможно лучшего содержания по удешевленной цене». В 1885 и 1887 гг. «Посредник» составляет каталоги лучших, как считали его руководители, книг и начинает скупать их в большом количестве по оптовой цене и практически по той же цене продавать. Книжный склад «Посредника» сыграл существенную роль в демократизации русской книжной торговли, приобщив к ней широкие массы населения. Искреннее желание дать в руки народу хорошую книгу проходит лейтмотивом через всю книготорговую работу «Посредника».

Из книгопродавцев, помогавших непосредственно революционному движению, выделяется Александра Михайловна Калмыкова (1850—1926), книжный склад которой находился на Литейном проспекте в доме 60. Действовавший с 1890 г. по 1901 г., он снабжал, в основном, книгами земские школы и народные библиотеки. Склад получал книги от Петербургского комитета грамотности, издательств «Посредник», И. Д. Сытина, В. Н. Маракуева и др., выпускавших литературу для народного чтения[25].

В печати был отмечен выход в 1895 г. «Каталога книжного склада А. М. Калмыковой». «Этот каталог следует рассматривать не как прейскурант торговой фирмы,— писал рецензент „Северного вестника",— а как библиографическое пособие при выборе книг для народного чтения. В него вошли лучшие дешевые издания, а также и те книги, которые, не отличаясь дешевизною, могут быть полезны в школьной и народной библиотеке. Известно, что в школьные библиотеки и бесплатные народные читальни могут быть приобретаемы только книги, одобренные для этого Министерством народного просвещения; но полного официального каталога таких книг, периодически пополняемого, не существует, а потому каталог г-жи Калмыковой может принести большую пользу составителям библиотек. Для облегчения труда этих составителей в рассматриваемой брошюре помещены примерные каталоги на различные суммы, от 1 рубля до 325 р.»[26]

В обеих столицах продолжает свою книгоиздательскую и книготорговую деятельность старейшая русская фирма Глазуновых, основанная еще в 1782 г. Если издательская деятельность Глазуновых сохраняет, в основном, традиционные сферы влияния, т. е. выпуск, главным образом, сочинений русских классиков и учебных пособий, то в их книжных магазинах можно было купить самую разнообразную литературу по самым различным отраслям знаний.

Наряду с универсальной, в Петербурге развивалась и специализированная торговля книгами. Юридическую литературу продавали И. П. Анисимов и Д. В. Чичинадзе, военную — В. А. Березовский. «Картографическое заведение А. Ильина» тоже занималось реализацией своей продукции. Налаженная реклама, выпуск торговых каталогов, достаточно широкая сеть магазинов (в 40 городах страны), в которых продавались издания фирмы, и умеренные цены обеспечивали доведение ее продукции до массового читателя. «Географический и

книжный магазин А. Ильина» в Петербурге располагался на Невском проспекте и был широко известен. Аналогичный магазин был открыт и в Москве.

В основном специализированный характер носила и книжная торговля И. Л. Тузова, открытая еще в 1874 г. Тузов продавал преимущественно литературу религиозно-нравственного содержания. Для того, чтобы полностью удовлетворить запросы иногородних покупателей, он установил тесные контакты с книгопродавцами из других городов и, в случае необходимости, выписывал нужные ему издания. Магазин Тузова высылал книги по требованиям наложенным платежом после получения предварительного задатка в размере 30 % стоимости заказа.

Из новых специализированных предприятий начали успешно функционировать магазин по продаже медицинской литературы при издательстве «Практическая медицина», основанном в первой половине 1880-х гг., и открытый Н. П. Петровым в 1884 г. «Медико-хирургический книжный магазин». Надо отметить, что под маркой магазина было выпущено примерно 100 названий книг медицинской тематики.

Издательство А. Ф. Девриена, специализировавшееся на выпуске сельскохозяйственной литературы и книг для детей и юношества, более активно, чем в 1870-е гг., использовало для распространения своих изданий собственный книжный склад: в рассматриваемый период почти ежегодно выходили каталоги имеющихся на складе книг.

* * *

Неотъемлемой частью книжного дела Петербурга являлась торговля иностранными книгами, развитая на протяжении всего XIX столетия. Ее постоянное присутствие в книжной культуре российской столицы было обусловлено многонациональным составом населения города, читательскими потребностями живших в России немцев, французов англичан и представителей других национальностей. Благодаря хорошо налаженным связям с заграничными фирмами, книгопродавцы иностранного происхождения выписывали книги и периодические издания из-за границы, выполняя запросы как своих соотечественников в России, так и русского населения. О неразрывности иностранной книжной торговли с отечественной свидетельствует и наличие в ассортименте магазинов изданий на русском языке. Эта тенденция усилилась в конце XIX в. Наиболее крупные книгопродавцы-иностранцы имели собственные типографии, являлись издателями не только книг, но и периодических изданий (газет и журналов различной тематической направленности), выходивших в свет на протяжении нескольких десятилетий. Тем самым иностранная книжная торговля в Петербурге, наряду с печатью, школами, благотворительными обществами, церковью, профессиональными объединениями, способствовала сохранению национальных традиций, языка, культуры той или иной диаспоры в столице, передаче информации из-за границы, знакомству с новинками литературной и художественной жизни Европы, чем в немалой степени привлекала внимание русских читателей.

10 Заказ 17

Архивные материалы и книготорговые каталоги позволяют кратко охарактеризовать ранее не освещенную в исследовательской литературе деятельность наиболее крупных и долговечных иностранных фирм в Петербурге, касаясь не только 1880—1890-х гг., но и предыдущих десятилетий.

Ряд иностранных книготорговых заведений в конце XIX в. перешел на акционерные начала. Среди них — товарищество на вере «Ваткинс и К°» в 1884 г. (владелец — английский подданный Р. Латимор) [27] и полное товарищество «Эггерс и К°» в 1896 г.[28]

Возникновение фирмы «Эггерс и К°» относится к середине 1830-х гг.[29] Во второй половине прошлого столетия ее владельцы сменились, но фирма всегда значилась под именем Эггерса, своего первого владельца. В начале XX в. ей принадлежали книжный магазин на Невском проспекте в доме № 11, а также склад и магазин на Мойке, 42 [30]. Торговля по этим адресам велась до 1917 г.

Сведения об ассортименте фирмы ограничены. С середины XIX в. она состояла комиссионером Академии наук, договор с которой периодически подлежал перезаключению. Подобный документ 1886 г. содержал перечень обязательств, возложенных на владельца магазина [31]. Он должен продавать академические издания, соблюдая целый ряд условий: не превышать назначенные Академией наук цены на книги, иметь в запасе достаточно количество академических изданий и хранить их в отдельном помещении, чтобы своевременно выполнять заявки покупателей. Академия наук предоставляла фирме уступку в размере 33 % с тем, чтобы информация о продающихся академических изданиях два раза в год помещалась в рекламных объявлениях фирмы (как правило, они публиковались в газетах «Journal de St.-Petersbourg» и «St.-Petersburger Zeitung»). Фирма обязана была представлять в Академию наук финансовые отчеты в конце текущего года, а вырученные деньги передавать дважды в год (в июле и декабре). Договор заключался лишь в случае предоставления залога владельцем магазина. Намерение о возобновлении договора подтверждалось за полгода до окончания срока, при этом Академия наук могла сама расторгнуть договор, если работа магазина ее не удовлетворяла. Условия подтверждались каждые пять лет.

Конкретизируют содержание торговли фирмы ее печатные каталоги, относящиеся к первой половине 1890-х гг. В это время магазин, являясь комиссионером Геологического комитета, Минералогического общества и Главного инженерного управления Военного министерства, специализировался на продаже книг по геологии, минералогии, кристаллографии, а также фотографии [32] на русском и иностранных языках.

Целый ряд иностранных книготорговых фирм Петербурга, не перешедших на акционерные начала, продолжал в конце XIX в. вести дела прежними методами. Немецкая фирма Г. Шмиццорфа и французская Э. Мелье являются примером долголетия на петербургском книжном рынке и активного участия в обмене печатной продукцией между Россией и странами Западной Европы [33].

Книжный магазин Генриха Шмиццорфа был открыт в конце 1820-х гг. В прошлом учитель древних языков и каллиграф, он, приехав в Петербург из Гамбурга, открыл в Столярном переулке сначала магазин, а затем платную библио-

теку и литографскую мастерскую. Конкретных свидетельств деятельности Шмицдорфа — книгопродавческих каталогов, рекламных объявлений — практически не сохранилось, редки и его собственные издания. Среди них, например, путеводитель по Петербургу на немецком языке [34], где, среди прочих сведений, приводятся данные о книжной торговле: в числе книгопродавцев назван и сам Шмицдорф. Его магазин и библиотека располагались тогда на 3-й Мещанской улице, а литография перешла другому владельцу — Роберту Гиллису, которому после смерти Шмицдорфа в 1845 г. было передано все дело [35].

Два важных события произошли в деятельности фирмы во время десятилетнего руководства ею Гиллисом. Прежде всего, в 1849 г. магазин переехал в центр города, на Невский проспект, 4 [36]. Помимо смены адреса, Гиллис получил звание придворного книгопродавца. Архивный документ свидетельствует, что в апреле 1856 г. по просьбе «содержателя книжного магазина под фирмою Шмицдорф — купца Гиллиса — Высочайше дозволено магазину сему именоваться Придворным Магазином немецких книг, с правом иметь на вывеске оного изображение Государственного герба»[37]. На основании этого распоряжения фирма получила право поставлять книги для собственной императорской библиотеки. С этого времени, несмотря на последующую неоднократную смену владельцев, магазин был известен под именем Шмицдорфа с указанием действительного владельца. Происшедшие перемены способствовали укреплению фирмы на петербургском книжном рынке, расширению ее ассортимента, увеличению числа покупателей.

В 1856 г. новым владельцем магазина стал Эдуард Минлос [38]. На основании списков, помещенных в «Книжном вестнике», известно, что у него активно велась торговля изданиями на немецком языке, относящимися ко всем областям знаний [39].

В начале 1860-х гг. в фирме вновь произошли изменения: в 1863 г. ее владельцем стал Карл Реттер [40], работавший в магазине с 1858 г. (в 1860 он стал его совладельцем). До этого он обучался книжному делу и работал в крупнейших фирмах Германии.

Деятельность К. Реттера в течение 20 лет — наиболее яркий период истории фирмы. Активность владельца не знала границ, он пробовал силы в различных областях книжного дела. С первых лет его руководства четко обозначились два направления деятельности фирмы: информация о России на Западе и в России — о Западе. «Давать объективное изложение подлинных материалов о России — таковым было и остается стремление фирмы на протяжении двух десятилетий»,— писал «Биржевой листок немецкой книготорговли»[41]. Здесь же отмечалось, что цель фирмы заключалась в том, чтобы сообщать россиянам новости европейской культуры. Таковы были направления издательской и книготорговой деятельности фирмы Шмицдорфа—Реттера.

В 1877 г. был отмечен ее 50-летний юбилей, что не прошло незамеченным ни в России, ни в Германии: в периодической печати были опубликованы статьи к этой дате [42]. К юбилею приурочена и публикация каталога собственных изданий фирмы за 50 лет (с 1827 по 1877 г.) [43]. Основной объем составляют пуб-

ликации самого Реттера: в его распоряжении, совместно со Шнайдером, была типография. Каталог включил около 150 названий книг, журналов, газет по преимуществу на немецком, а также на русском и французском языках: научные, справочные, учебные издания, относящиеся к различным областям истории и современности России; книги по сельскому хозяйству, финансам, медицине, образованию, культуре. Собранию картин Эрмитажа посвящена одна из основных публикаций Реттера — три тома фотографических снимков, снятых с оригинальных картин художников основных европейских школ [44]. Издание по достоинству оценили и в России, и за границей — прежде всего за качество выполненных фотографий. В 1873 г. на Всемирной выставке в Вене этот труд получил первый приз.

Высоко оценили современники и другую публикацию Реттера: «Галерея дома Романовых» включила 78 фотографий, выполненных с оригинальных портретов Зимнего дворца, жизнеописания членов императорской фамилии и генеалогические таблицы [45]. По-видимому, звание «придворного книгопродавца» давало Реттеру право публиковать такие материалы.

Обширен список периодических изданий Реттера на немецком языке. Это прежде всего газеты: «Nordische Presse» (1870—1874) и «St.-Petersburger Herold» (1875—1914). Последняя (с 1891 г. она издавалась Акционерным обществом типографского дела в С.-Петербурге) — одна из крупнейших немецких политических газет России. В ней отражались сведения из области политики, общественной жизни, торговли, искусства и науки во всех странах, но, в первую очередь, в России, Германии, Австро-Венгрии, раскрывалось содержание русской прессы. Большой популярностью пользовались и журналы, издававшиеся Реттером. На первом месте среди них — «Russische Revue» (1872—1891), где печатался материал о России, ее истории, литературе, искусстве, естественных науках, сельском хозяйстве, истории отдельных национальностей, губерний и городов страны. Каждый номер включал сведения о деятельности научных обществ, новинках русской литературы. Специальный медицинский журнал, выпускавшийся Реттером — «St.-Petersburger medicinische Wochenschrift» (1876—1914), был предназначен для врачей-практиков. Среди продолжающих изданий Реттера необходимо отметить сборники статистических сведений о России [46], а также «С.-Петербургский календарь» на немецком языке. Каждое свое издание Реттер использовал для рекламы, что способствовало сбыту как собственной, так и зарубежной печатной продукции: книг на немецком языке по всем отраслям знаний, журналов на немецком, английском и французском языках [47].

Широкие и прочные связи с Германией, хорошо налаженные поставки книг из-за границы обратили на книгопродавца внимание научных обществ и министерств в России. Уже к началу 1870-х гг. он стал комиссионером министерств народного просвещения и внутренних дел, Академии наук (вместе с Эггерсом и Я. А. Исаковым), Географического и Фармацевтического обществ, Военно-медицинского департамента, Общества немецких врачей в Петербурге. Помимо книг и журналов, Ретгер занимался продажей карт, издаваемых Генеральным штабом. В здании этого учреждения он открыл лавку для продажи книг по гео-

графии, статистике, этнографии вообще и российской, в частности. В результате этой деятельности Ретгер стал комиссионером Генерального штаба, а также Гидрографического департамента Морского министерства, так как последний передал ему сбыт морских карт.

Деловые контакты фирмы с Германией заключались не только в поставках печатной продукции через заграничных комиссионеров в Россию, но и в совместных изданиях. В начале 1860-х гг. Шмицдорф и лейпцигская фирма Штайнакера (их сотрудничество длилось несколько десятилетий) выпускали в свет периодическое издание «Russische Revue» (1862—1863), материал которого был посвящен России. Главная контора журнала для России находилась в книжном магазине Шмицдорфа, здесь же принималась и подписка.

Таким образом, за два десятилетия деятельности в Петербурге К. Реттер, наряду с другими книгопродавцами немецкого происхождения, оперативно обеспечивал население столицы всеми необходимыми русскими и заграничными изданиями. «Неугомонную деятельность» Реттера отмечал журнал «Книжный вестник», с сожалением сообщая в 1884 г. о его смерти [48]. Дело перешло зятю Реттера — купцу Р. Гаммершмидту, которому было вновь подтверждено звание придворного книгопродавца [49]. Однако постепенно дела фирмы стали приходить в упадок. В начале 1890-х гг. Гаммершмидта сменил К. Рейнгард. В 1897 г. он обанкротился, управляющим фирмой был назначен некто Назаров [50]. С этого времени упоминания о ней отсутствуют.

Заканчивая рассказ о фирме Шмицдорфа, необходимо отметить, что она, особенно в годы управления Реттера, внесла немалый вклад в развитие книжного дела Петербурга, обеспечивая разнообразной книжной продукцией население столицы.

Французская книжная торговля в Петербурге представлена фирмой, известной в начале XX в. под именем А. Ф. Цинзерлинга. За время своего столетнего существования в России она сменила несколько владельцев. Все они (за исключением последнего) являлись выходцами из Франции. Ими были: Ф. Сен-Флоран (1816—1826), Ф. Беллизар (1826—1852), С. Дюфур (1853—1863), Э. Мелье (1863—1886), Общество французской книжной торговли в России (1886—1890), А. Ф. Цинзерлинг (1890—1916) [51].

С 1834 г. до 1910 г. магазин занимал помещение в доме Голландской церкви (Невский пр., 20) [52].

В XIX в. владельцами фирмы становились, как правило, ее бывшие служащие, пребывание которых в России было временным, так как в Париже они также владели книжными магазинами. В России они имели звание придворных книгопродавцев [53], что обеспечивало прочное положение фирмы на петербургском книжном рынке.

Издательская активность фирмы связана с именами Беллизара и Дюфура. В этот период было издано несколько книг справочного и учебного характера: словарей, разговорников, путеводителей, пособий для изучения французского языка. Среди них, например: Карманный французско-русский и российско-французский словарь / Сост. Е. Ольдекопом. СПб.: У придворных книгопродав-

цев Беллизара и К°, 1830. Ч. 1—2; Разговоры французско-русско-немецкие / Сост. Е. Ольдекопом. СПб.: У Беллизара и К°, 1837; St.-Julien Ch. de. Guide du voyageur à Saint-Pétersbourg. SPb., 1840; St.-Hilaire Ch. de. Lectures françaises à l'usage des familles et des maisons d'éducation en Russie. SPb., 1841 и некоторые другие.

Среди изданий фирмы этого периода необходимо выделить «Санкт-Петербургскую газету» и популярный в середине прошлого столетия журнал «Revue étrangère»[54].

«Санкт-Петербургская газета» на французском языке («Journal de St.-Pétersbourg») печаталась в течение всего XIX в. вплоть до 1917 г. С 1855 г. ее издателем становится Дюфур. Газета призвана была представлять для зарубежных читателей официальную точку зрения российского государства на различные события общественно-политической жизни страны и Европы в целом. Здесь активно печатались также материалы, касающиеся художественной, литературной, театральной жизни Франции. Многочисленными в этот период были и рекламные объявления иностранных книгопродавцев в Петербурге.

«Revue étrangère» — «Иностранный журналы литературы, наук и искусств» — издавался в 1832—1863 гг.[55] Он был основан Беллизаром и Дюфуром, а с 1854 г. издавался последним самостоятельно. За 30-летний период было подготовлено к печати и опубликовано 128 томов (по 4 выпуска ежегодно).

Содержание журнала составляли новинки зарубежной (как правило, французской) литературы: отрывки из произведений Гюго, Бальзака, А. Дюма, Э. Сю и других авторов, статьи из европейских журналов, касающиеся театра, живописи, музыки, исторический материал, описания путешествий; постоянными были разделы библиографии, моды.

Многолетнее существование журнала свидетельствует о его популярности среди петербургских читателей. Объявляя о подписке на 1854 г., Дюфур особо подчеркивал «изысканный вкус, неослабевающий интерес, большое разнообразие» своего журнала[56]. В 1846—1853 гг. в качестве приложения публиковался ежемесячник под тем же заглавием «Revue étrangère»[57]. Его содержание отличалось большим разнообразием. Публикуемые материалы относились к физике, химии, медицине и другим наукам; вместе с тем на страницах издания всегда присутствовали и отклики на события художественной и театральной жизни Франции.

Основным направлением деятельности фирмы являлась книжная торговля. Для выполнения заказов отечественных читателей выписывались книги из Франции[58], Германии, Англии, Бельгии, велась подписка на иностранные периодические издания, на российский книжный рынок поступали карты, литографии, гравюры. В продаже всегда имелись книги, изданные в России. Особенно богат был ассортимент магазина накануне Рождества и Пасхи, когда в изобилии поступали из-за границы роскошные издания, книги для детей и юношества, семейного чтения, альбомы, справочники.

Книготорговую и издательскую деятельность фирмы хорошо знали в России, ее услугами на протяжении прошлого столетия пользовались писатели, де-

ятели отечественной культуры. Среди них — А. С. Пушкин [59], В. Ф. Одоевский [60], С. Д. Полторацкий [61] и др. Сохранились упоминания о магазине в воспоминаниях И. Ясинского и А. Бенуа [62].

Стабильность и успех характеризуют дела фирмы и в период, когда ее возглавлял Э. Мелье. В это время в ассортименте магазина наблюдается увеличение научных изданий за счет снижения количества беллетристики. Торговые обороты составили в 1880 г. 190 тыс. франков, в 1881 г.— 216 тыс., в 1882 г.— 193 тыс., в 1883 г.— 190 тыс., в 1884 г.— 193 тыс., в 1885 г.— 168 тыс.[63] Их относительное падение связано с болезнью Мелье и его отъездом в 1884 г. из Петербурга в Париж.

Книготорговая деятельность Мелье получила известность и признательность не только в России, но заслужила и высокую оценку его соотечественников. Краткий отзыв о французской петербургской книжной торговле был напечатан в 1887 г. в «Книжном вестнике» его будущим преемником А. Ф. Цинзерлингом. В нем отмечалось: «Трудолюбивый, энергичный и безукоризненно честный, Мелье в течение 23 лет напрягал все свои силы и умственные способности, чтобы развить свое книжное дело в С.-Петербурге, и он сумел сделать популярным свое имя... и приобрести ему то общее уважение и сочувствие, которым оно вполне справедливо пользуется во всей России»[64].

После смерти Мелье магазин в 1886 г. перешел его вдове[65], которая в том же году, после консультаций с московским книгопродавцем французского происхождения В. Готье, продала его группе парижских издателей [66]. Они организовали акционерное общество, зарегистрировавшееся в России под названием «Общество французской книжной торговли в России». Цель его состояла в распространении собственных изданий среди русского населения, а также в «желании оставить за собой в интересах общего дела ту позицию, которую Мелье завоевал для французской книжной торговли в Петербурге»[67].

Общество просуществовало недолго: уже в 1890 г. магазин был приобретен петербургским книгопродавцем, уроженцем Риги, А. Ф. Цинзерлингом. Он знакомился с книжным делом сначала в магазине Н. Киммеля, а затем за границей. В Петербурге состоял на службе в магазине Эггерса, а в 1879 г. открыл (на Невском, 46) собственное дело, соединив его через несколько лет с бывшим магазином Мелье[68].

А. Ф. Цинзерлинг был одним из учредителей Русского общества книгопродавцев и издателей.

Фирма Цинзерлинга выпускала каталоги собственных изданий и книг, находящихся на складе [69]. Ассортимент магазина постепенно потерял свою ориентацию на зарубежную литературу, и в продажу прочно вошли книги на русском языке.

* * *

В книжной торговле Москвы ведущее место также занимали крупные торгово-издательские предприятия — Салаевых (с 1885 г. фирма «Наследники братьев Салаевых»), Глазуновых, К. Т. Солдатенкова. Особенностями книжной торговли в Москве по-прежнему оставались большое количество торговых точек

при церквах и монастырях и гораздо более развитая, чем в Петербурге, уличная книготорговля [70].

С 1880-х гг. все больший размах получает книготорговая деятельность И. Д. Сытина [71].

Собственную книжную торговлю он открыл в начале 1883 г. на Старой площади и в последующие десятилетия непрерывно расширял свою стационарную книготорговую сеть. К 1917 г. у него было 17 книжных магазинов (в Москве и других городах) и 5 больших книжных складов. Кроме того, в конце XIX в. такие издания Сытина, как лубок, календари, детские книги, охотно раскупались на базарах, ярмарках и в многочисленных провинциальных галантерейных лавочках.

В 1890-х гг. Сытин становится основным поставщиком дешевых книг для земских книжных складов [72]. При книжной торговле «Товарищества И. Д. Сытина» создается специальное отделение «Народно-школьных библиотек», выпустившее в 1896 г. свой каталог тиражом 3 тыс. экз. Уже в 1897 г. потребовалось переиздание каталога. Его составитель Н. В. Тулупов «стремился собрать воедино сведения, необходимые организаторам различного рода библиотек. В трех специальных разделах предлагались на различные цены примерные библиотечки, вначале состоящие только из книг, одобренных Министерством народного просвещения, а затем рекомендовались издания, не вошедшие в предшествующий список (в особом ряду указывались книги, изданные „Товариществом И. Д. Сытина"). Списки давались в такой последовательности: для школ, библиотек-читален и книжных складов... Об успехе этого начинания свидетельствует тот факт, что как работа отдела, так и его каталог были отмечены на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде дипломом 1 степени»[73].

Из специализированных книготорговых предприятия Москвы должны быть упомянуты магазины Е. Н. Тихомировой и В. В. Думнова [74], торговавшие преимущественно учебниками, и нотоиздательская и книготорговая фирма П. И. Юргенсона.

Торговля иностранными книгами в Москве развивалась на тех же основаниях, что и в Петербурге [75]. Ее основными центрами были магазины Ф. Таставена (бывший В. Готье), А. Ланга, И. Дейбнера, Н. Ф. Лидерта. Торговля изданиями на иностранных языках совмещалась здесь, как правило, и с другими видами торговли: антикварной (как у Готье), нотной (у Ланга).

* * *

Большое развитие в рассматриваемый период получила в обеих столицах торговля старой книгой, букинистической и антикварной. Необходимо сказать несколько слов о современном толковании самих этих терминов. «Букинистическая книга» — это удешевленные или подержанные книги последних лет издания. «Антикварная книга» — это старинные и редкие издания, рукописи, гравюры, книги с автографами, экслибрисами и т. п., попадавшие на рынок в единичных экземплярах. Они продавались по высокой цене, их основными покупателями были коллекционеры [76].

Хочется привести очень яркую характеристику, которую дал книгопродавцам-антикварам П. К. Симони: «Антиквары — аристократы книжной торговли, любители старины. Это особая группа книжных торговцев, они отыскивают книжные редкости, экземпляры с пометой автора, экземпляры, принадлежавшие историческим лицам, интересные для библиофилов, они сберегают ценные экземпляры, размещая их в надежные руки...»[77].

Современные исследователи, отмечая, что в русской книжной торговле последних десятилетий XIX в. продавцы старой книги численно преобладали[78], выделяют среди них четыре основные группы: 1) антиквары — владельцы магазинов с большим товарооборотом и тщательно подбираемым ассортиментом, в которых широко применялись прогрессивные для того времени методы работы (почтово-посылочная торговля, систематический выпуск каталогов наличия и т. п.); 2) букинисты — владельцы стационарных предприятий, средних по объему оборота (они численно преобладали над первой группой книготорговцев и составляли ей конкуренцию); 3) рыночные торговцы, именовавшиеся и букинистами, и «старинщиками»; 4) букинисты, торгующие вразнос — «стрелки», «мешочники», «холодные букинисты» и т. д.[79]

К концу XIX столетия наметилась тенденция постепенного вытеснения рыночной букинистической торговли стационарной[80].

Во второй половине XIX в.— как следствие отмены крепостного права и развития капиталистических отношений — происходят качественные изменения в составе покупателей книг. «В их числе появилась достаточно влиятельная и обеспеченная прослойка образованных покупателей книг, „рекрутировавшаяся", с одной стороны, из буржуазии и купечества, с другой — из демократической интеллигенции, спрос которой на книжные издания формировался под влиянием изменения характера книгособирательства. Воспитывался новый для России взгляд на книгу как художественную форму, предмет любования, престижа, эстетического наслаждения, культивировалось модное увлечение редкой книгой, получившее особое развитие после выхода в свет труда Г. Н. Геннади»[81].

Именно в этот период и появляется в России термин «антикварная книга», впервые зафиксированный в названии каталога, выпущенного в 1880 г. петербургским книготорговцем М. Н. Николаевым и, кстати, составленного очень тщательно[82]. Примерно тогда же появляются и специальные магазины антикварной книги. Первый магазин под вывеской «Антикварная книжная торговля» открылся в Петербурге в 1878 г. Его владельцем был Иван Гаврилович Мартынов, человек образованный, работавший в свое время у Я. А. Исакова. Магазин Мартынова отличался высокими ценами, и его услугами пользовались, главным образом, состоятельные коллекционеры. В 1883—1887 гг. были изданы семь каталогов русского отделения этого магазина, составленные без всякой системы, но интересные тем, что в них впервые появляется раздел «Desiderata», в котором «ясно обнаруживался спрос того избранного кружка собирателей, который Мартынов обслуживал»[83].

Заметный след в истории петербургской антикварной книготорговли оставил Василий Иванович Клочков, выпустивший с 1885 по 1915 г. 576 каталогов —

больше, чем кто-либо другой из букинистов. «К сожалению, библиографический уровень его каталогов низок, в них встречаются издания, которые невозможно опознать по описанию, нет указателей, отсылок и др.»[84]. Клочков прославился тем, что через его книжный магазин были проданы многие ценные библиотеки. С его помощью была составлена знаменитая библиотека Г. В. Юдина.

Необходимо отметить также, что Клочков, в отличие от Мартынова, не занимался исключительно книжными редкостями, а совмещал торговлю ими и обыкновенной подержанной книгой.

В рассматриваемый период началась деятельность одного из крупнейших петербургских антикваров Льва Федоровича Мелина[85].

После пожара Апраксина двора (1862 г.) торговцы старой книгой, по выражению П. П. Шибанова, «разбрелись по всему Петербургу». Книжные лавки появились на Садовой и Симеоновской улицах, на Васильевском острове (поближе к университету). Целый книжный ряд образовался на Ново-Александровском рынке. Постепенно, с конца 1880-х гг., большинство букинистических и антикварных магазинов обосновываются на Литейном проспекте[86].

По сравнению с Петербургом, в Москве в последние десятилетия XIX в. была сильнее развита рыночная торговля старой книгой. Ее основным центром оставалась площадь вокруг Сухаревой башни. Что касается стационарной торговли букинистической и антикварной книгой, то первые магазины этого профиля были открыты у Китайгородской стены. Именно там, еще в 1841 г., начала свою деятельность в Москве династия букинистов Шибановых.

Павел Петрович Шибанов, сын основателя династии, впервые в книгопродавческой практике ввел специальную открытку для ответа покупателям, с фирменным знаком и с адресом фирмы. Он прославился тем, что с 1885 по 1916 г. выпустил 168 каталогов «Антикварной книжной торговли П. Шибанова»[87]. При составлении каталогов он пользовался помощью известных библиографов и коллекционеров. Ценность этих каталогов состоит в том, что среди перечисленных в них изданий встречаются книги, давно исчезнувшие с букинистического рынка и отсутствующие в библиотеках[88].

В 1892 г. Шибанов издавал журнал «Библиографические записки», программе которого, как видно из его письма от 21 ноября 1891 г. библиографу Ф. А. Витбергу, он придавал большое значение. «Прилагая при сем программу нового библиографического журнала,— писал Шибанов,— обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою поделиться с нами теми библиографическими сведениями, какие Вам известны. Обращаю также внимание Ваше на отдел „Вопросов и ответов", где Вы можете помещать интересующие Вас, неразрешенные еще, вопросы в области библиографии и портретов, а также и других произведений печати...»[89].

Программа журнала была очень широка (описание памятников древнерусской письменности, общественных и частных библиотек, библиографические монографии, история и современное состояние книгопечатания и книжной торговли и т. д.). Кроме того, велась регистрация вновь выходящих книг и журнальных статей на русском языке.

Шибанов издавал «Библиографические записки» в течение только одного подписного года. Н. В. Здобнов объясняет это тем, что журнал приносил ему убытки [90].

Большой известностью как собиратель редких и ценных изданий пользовался и Афанасий Афанасьевич Астапов, начавший свою самостоятельную торговлю — также в Китай-городе — в 1871 г. Наряду с антикварной, Астапов торговал и современной книгой. Он был одним из организаторов и активных членов Русского библиографического общества.

Рассматриваемый период характерен интенсивным развитием книготорговой библиографии. Издается огромное количество книготорговых каталогов. Наиболее значимыми из них являются третье, четвертое и пятое прибавления к «Систематической росписи книгам, продающимся в книжном магазине... Глазунова», составленные В. И. Межовым и опубликованные в 1882—1889 гг.[91] По неполным данным, в 1880-е — первую половину 1890-х гг. в Петербурге появилось более 700, в Москве — около 200 каталогов [92]. В соответствии с растущей специализацией книжной торговли увеличивается количество отраслевых каталогов.

Для книготорговых целей, как и в предшествующие десятилетия, использовались периодические издания. Объявления владельцев книжных магазинов и складов постоянно печатались в газетах. Информация о новых книгах давалась в издававшемся Э. К. Гартье журнале «Российская библиография» (1879—1882 гг.), в «Книжных новостях» Н. П. Карбасникова (1879—1884 гг.), в «Книжном вестнике» (с 1884 г.), в «Вестнике книгопродавцев» (с 1890 г.) и других изданиях.

* * *

Таким образом, в столичной книжной торговле 1880-х — первой половины 1890-х гг. не происходит каких-либо кардинальных сдвигов: как мы уже подчеркивали в начале главы, она развивалась, в основном, в том же направлении, которое наметилось в предшествующий период. Однако некоторые существенные изменения все же происходят: углубляется специализация книготорговых заведений, растет осознание книготорговой деятельности как особой профессии, требующей специальных знаний и навыков. Не случайно в середине 1890-х гг. открывается первое в России учебное заведение по подготовке продавцов для книжных магазинов [93]. Характерным показателем осознания своей особой роли в книжном деле страны является также участие книгопродавцев в профессиональных объединениях русских книжников.

Мысль о необходимости корпоративных объединений деятелей книжного дела сама по себе не была новой. Она высказывалась еще в 1860—1870-х гг.[94] Но реализовать ее удалось только в 1883 г., когда было создано Русское общество книгопродавцев и издателей.

Торговля иностранными изданиями, игравшая значительную роль на книжном рынке Петербурга и Москвы, оказывала влияние и на читательскую аудиторию других русских городов, знакомила их жителей с событиями, происходившими за границами России, с новыми веяниями в области политики, экономики, науки, искусства и литературы.

Примечания

[1] О столичной книжной торговле 1860—1870-х гг. см. подробно: Книга в России, 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 45—68, 131.

[2] РГИА. Ф. 776, оп. 20, 1891—1892 гг., д. 1170. Л. 5.

[3] Там же, д. 1173. Л. 1—7; 1892 г., д. 1239. Л. 1—9.

[4] Там же. Ф. 773, оп. 20, 1882—1893 гг., д. 514. Л. 4.

[5] Там же. Ф. 777, оп. 3, 1883 г., д. 34.

[6] См. подробно: Книга в России, 1861—1881. Т. 3. С. 49—50.

[7] Мсерианц З. Законы о печати: Настольная справочная книга… 5-е изд. М., 1888. С. 96.

[8] Там же. С. 97.

[9] РГИА. Ф. 776, оп. 20, 1887—1891 гг., д. 1161. Л. 1.

[10] Там же. Л. 2.

[11] Там же, оп. 20, 1891—1892 гг., д. 1170. Л. 5.

[12] Там же. Л. 7.

[13] Куфаев М. Н. История русской книги в XIX в. Л., 1927. С. 249.

[14] Кн. вестн. 1893. № 5. Стб. 156—157. См. подробно: Тишлер О. В. Книготорговое образование в дореволюционной России // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги: Межвед. сб. науч. тр. М., 1985. Вып. 3. С. 115—127.

[15] По нашим сведениям, количественный рост стационарных книготорговых заведений в Петербурге характеризуется следующими цифрами: в 1880 г. здесь было 108 книжных магазинов и лавок, в 1886 г.— 125, в 1896 г.— 143 (Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 32; см. также выше, с. 27). К сожалению, мы не располагаем точной статистикой для Москвы. Имеющиеся в нашем распоряжении цифры очень противоречивы (см. выше с. 30).

[16] Цит. по: Белов С. В. Книгопродавец Н. П. Карбасников // Книжная торговля: Опыт, пробл., исслед. М., 1985. Вып. 16. С. 236.

[17] Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 189. Т. 2. С. 290—291.

[18] См. подробно: Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. С. Суворина // Книга: Исслед. и материалы. 1984. Сб. 48. С. 82—118.

[19] Динерштейн Е. А. Указ. соч. С. 86; Его же. «Контрагенство А. С. Суворина» // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. СПб., 1994. Вып. 7. С. 50—66.

[20] 30 января в книжном магазине «Нового времени» // Новое время. 1887. 31 янв.

[21] Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. С. Суворина. С. 98.

[22] Там же. С. 99.

[23] См. там же.

[24] См.: Книготорговые каталоги 80-х гг. XIX в.: Указ. / Ред. В. О. Осипов. М., 1981. С. 48—50; Книготорговые каталоги 90-х гг. XIX в.: Указ. / Ред. В. О. Осипов. М., 1984. С. 67—70.

[25] См. подробно: Люблинский С. Б. Подвижники книги: Е. Н. Водовозова, Л. Ф. Пантелеев, А. М. Калмыкова, О. Н. Попова, М. И. Водовозова. М., 1988.

[26] Сев. вестн. 1895. № 7. С. 70.

[27] Указатель торговых домов. Составлен по официальным данным учреждений Министерства внутренних дел / Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1907. С. 497.

[28] Там же. С. 576.

[29] Гинлейн Р. Э. Адресная книга книгопродавцев, издателей, торговцев нотами и редакций газет и журналов в России: Первый год изд., 1897—1898. СПб., [1897]. С. 71. О начальном периоде существования фирмы свидетельствует каталог 1838 г.: Каталог русским книгам, напечатанным с 1835 по 1837 гг., которые можно получить в книжном магазине Эггерса и К°. СПб., 1838.

[30] Весь Петербург на 1896 г. СПб., 1895. С. 758; Адреса книжных магазинов Российской империи, торгующих чужими изданиями на русском языке. Пг., 1917. С. 123; РГИА. Ф. 776, оп. 29. д. 23. Л. 87 об.; д. 30. Л. 64 об.; д. 31. Л. 62—62 об.; ЦГИА СПб. Ф. 1618, оп. 1, д. 3.

[31] ЦГИА СПб. Ф. 1618, оп. 1, д. 3.

[32] Каталог сочинениям по геологии, минералогии, кристаллографии и палеонтологии на русском и иностранных языках книжного магазина Эггерс и К°. СПб., 1895; Каталог сочинениям по фотографии книжного магазина Эггерс и К°. СПб., 1892; То же. СПб., 1894.

[33] См.: Гринченко Н. А. Деятельность книжной фирмы Г. Шмицдорфа в Петербурге (1860—1880 гг.) // Книга: Исслед. и материалы. 1994. Сб. 68. С. 314—319.

[34] Schenkenberg C. von. Die kaiserlich-russische Haupt- und Residenzstadt St.-Petersburg und deren Umgegenden: Toporg.-statist. Handb. u. Führer für Fremde. SPb.: Verl. von H. Schmitzdorff, 1840.

[35] Börsenblatt fur den deutschen Buchhandel. 1845. № 91. S. 1104.

[36] St.-Petersburger Zeitung. 1849. № 264. 25 Nov. P. 1068. На протяжении нескольких десятилетий XIX в. во многих домах в начале Невского проспекта и на прилегающих к нему улицах были открыты книжные магазины, владельцами которых были иностранцы.

[37] Цит. по: Гринченко Н. А. Указ. соч. С. 318.

[38] Börsenblatt ... 1857. № 345. S. 58—59.

[39] Кн. вестн. 1861. № 11/12. С. 187; № 13. С. 204; № 14/15. С. 230; № 16/17. С. 262; № 18/19. С. 296; № 20. С. 326; № 21. С. 363; № 22. С. 395; № 23. С. 427; № 24. С. 466; 1862. № 2. С. 56; № 3. С. 83; № 4. С. 106; № 5. С. 134; № 7. С. 183; № 8. С. 206; № 10. С. 246; № 12. С. 279; № 13. С. 295; № 14. С. 310; № 17. С. 358; № 18. С. 378; № 19. С. 402.

[40] Краткие сведения о нем см.: РО РГБ. Ф. 302, к. 15, д. 20а. Л. 1008—1009, 1022—1025.

[41] Börsenblatt ... 1877. № 294. S. 5045.

[42] Например: St.-Petersburger Herold. 1877. № 335. 1 Dec. S. 6.

[43] Verlags-Katalog der Kaiserlichen Hofbuchhandlung H. Schmitzdorff (Karl Röttger) in St.-Petersburg, 1827—1877. SPb.: Buchdr. von Röttger und Schneider, 1877.

[44] Les tableaux de la galerie de l'Ermitage impérial, photographiés d'après les originaux et publiées avec l'autorisation de S.M. l'empereur par Charles Roettger, libraire de la Cour impérial. SPb., 1868. Vol. 1—3.

[45] Galerie de la maison des Romanoffs: Portraits en photographies d'après les tableaux originaux de Palais d'Hiver impérial, publ. par Charles Roettger, libraire de la Cour. 2ème ed. SPb., 1874.

[46] Statistische Mitteilungen aus Russland. SPb., 1868—1883.

[47] Фирмой издавался «Каталог журналов на русском, немецком, французском языках, на которые принимается подписка в книжном магазине Шмицдорфа [К. Ретгера] в Санкт-Петербурге».

[48] Кн. вестн. 1884. № 8. Стб. 278. Некрологи были опубликованы: Russische Revue. 1884. Bd. 24. S. 388; St.-Petersburgisches-evangelisches Sonntagsblatt. 1884. № 13. S. 104; St.-Petersburger Herold. 1884. 1 Apr. S. 3; Börsenblatt ... 1884. № 84. S. 1692.

[49] Börsenblatt ... 1884. № 25. S. 479; St.-Petersburger Kalender für das Jahr 1886. SPb., 1885. S. 297; РГИА. Ф. 472, оп. 38, д. 8. Л. 157. К 1890 г. относится переписка фирмы (за подписью Гаммершмидта) с московским антикваром П. П. Шибановым (РО РГБ. Ф. 342, к. 43, д. 24), в которой содержатся просьбы о пересылке книг, биографические справки, обмен информацией о разыскиваемых изданиях, что подтверждает неразрывность иностранного и русского книгораспространения, а также тесные контакты между книгопродавцами Петербурга и Москвы.

[50] Börsenblatt ... 1897. № 178. S. 5528.

[51] Смена владельцев фирмы установлена по постоянным рекламным объявлением во французской петербургской газете «Journal de St.-Pétersbourg».

[52] Сохранились копии договоров, заключенных в 1860—1900 гг. между владельцами магазина (или их доверенными лицами) и советом Голландской реформатской церкви (ЦГИА СПб. Ф. 1928, оп. 1, д. 1).

[53] Так, в 1834 г. Ф. Беллизар обратился в Министерство двора с просьбой о получении звания придворного книгопродавца для своего парижского комиссионера, совладельца магазина, позднее преемника, С. Дюфура (РГИА. Ф. 472, оп. 30 (174) 1131, д. 12. Л. 9). Последний, в свою очередь, в 1864 г. подал подобное прошение в отношении Э. Мелье. Просьбы были удовлетворены (РГИА. Ф. 471, оп. 30 (174) 1131, д. 12. Л. 5).

[54] Беллизар издавал также «Journal des enfants», а с 1887 г., передав все книготорговые и издательские дела Дюфуру, оставил за собой только типографию, где печатались «Journal de St.-Pétersbourg», «Revue étrangère», «Lectures de famille» и другие издания.

[55] В 1864—1865 гг. журнал выходил под названием «Revue amusante».

[56] Journal de St.-Pétersbourg. 1893. № 246. 3 oct. P. 1008.

[57] Revue étrangère: Bulletin mensuel des sciences, de l'industrie et des beaux-arts. 1846—1853. В 1861—1862 гг. приложение выходило под названием «Bibliothèque dramatique de Revue étrangère».

[58] Дюфур поддерживал прямые контакты с крупнейшими французскими издателями — Дидье, Гийоменом, Дидо, фирмой Ашетт (Journal de St.-Pétersbourg. 1859. № 113. 16 mais. P. 444; 1859. № 28. 4 févr. P. 112; 1856. № 150. 4 juill. P. 638; 1856. № 120. 27 mais. P. 504).

[59] Пушкин А. С. Письма, 1815—1833. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 192—193.

[60] ОР РНБ. Ф. 539, оп. 2, д. 235.

[61] В фонде С. Д. Полторацкого сохранился список книг из 129 названий, отправленный библиофилу Дюфуром. Среди них — книги по истории, библиографические издания, беллетристика (РО РГБ. Ф. 233, к. 5, д. 56. Л. 1—3).

[62] Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 163; Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1980. Т. 1. С. 611.

[63] РО РГБ. Ф. 83, к. 4, д. 19. Л. 10.

[64] Кн. вестн. 1887. № 8/9. Стб. 360.

[65] ЦГИА СПб. Ф. 1928, оп. 1, д. 19. Л. 24, 29.

[66] РО РГБ. Ф. 83, к. 4, д. 19. Л. 24, 29.

[67] Кн. вестн. 1887. № 8/9. Стб. 360—361.

[68] РГАЛИ. Ф. 461, оп. 1, д. 29. Л. 18 об.; Кн. вестн. 1908. № 33. С. 300.

[69] Каталог книжного магазина А. Ф. Цинзерлинга. СПб., 1884; Общество французской книжной торговли в России: Бывший торговый дом Мелье и К°. Владелец А. Ф. Цинзерлинг: Кат. рус. и иностр. журн. на 1891 г. СПб., 1890.

[70] См.: Астапов А. А. Воспоминания старого букиниста // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 232—233; Гиляровский Вл. Москва и москвичи // Соч. М., 1967. Т. 4. С. 56—57; Заболотских Б. Книжная Москва: Ист. очерки. М., 1990.

[71] См. подробно: Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1960; Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М., 1983.

[72] Необходимо отметить, что именно в этот период, и особенно в 1890-е гг., интенсивно развивается деятельность земских книжных складов, открывавшихся не только в губернских, но и в уездных городах (См.: Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX вв. М.; Л., С. 155).

[73] Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. С. 62—63.

[74] Руководитель фирмы «Наследники братьев Салаевых».

[75] См.: Москвин В. А. Распространение произведений иностранной печати в России во второй половине XIX — начале XX в.: (по материалам фонда московского отдельного цензора по иностранной цензуре) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. науч. тр. М., 1990. С. 98—100.

[76] Тараканова О. Л. История русской антикварной книги: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. С. 28.

[77] Цит. по: Тараканова О. Л. Указ. соч. С. 27.

[78] Букинистическая торговля / Под ред. А. А. Говорова и А. В. Дорошевич. М., 1990. С. 157.

[79] Там же. С. 158.

[80] О рыночной торговле старой книгой в столицах см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 3. С. 62—63. См. также: Иванов Е. Московские букинисты // Альманах библиофила. М., 1981. Вып. 10. С. 201—217.

[81] Тараканова О. Л. Указ. соч. С. 26. Речь идет о работе Геннади «Русские книжные редкости: Библиогр. список редких книг» (СПб., 1872).

[82] Книготорговые каталоги 50—70-х гг. XIX в.: Указ. / Ред. В. О. Осипов. М., 1978. С. 63 (№ 304). О М. Н. Николаеве см.: Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля: Пособие для работников кн. дела. М.; Л., 1925. С. 222—223.

[83] Шибанов П. П. Указ. соч. С. 223.

[84] Букинистическая торговля. С. 159.

[85] Подробно о нем см. в 3-й серии настоящего исследования. См. также: Гринченко Н. А. Л. Ф. Мелин и Л. И. Жевержеев (из истории петербургской книжной торговли) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. СПб., 1996. Вып. 8. С. 51—64.

[86] Шибанов П. П. Указ. соч. С. 221, 230.

[87] Там же. С. 246; Говоров А. А. История книжной торговли в СССР: Учеб. пособие для вузов. М., 1976. С. 189.

[88] См.: Говоров А. А. Указ. соч. С. 189. М. В. Сокурова особо отметила изданный Шибановым в 1887 г. «Каталог русских и славянских книг напечатанных вне Москвы и Петер-

бурга с основания типографий до новейшего времени» (Сокурова М. В. Общие библиографии русских книг гражданской печати, 1708—1955: Аннот. указ. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1956. С. 75).

[89] РО ИРЛИ. 10, 031/2. Л. 2.

[90] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. С. 573.

[91] Книготорговые каталоги 80-х гг. XIX в.: Указ. С. 15 (№ 106—108).

[92] Подсчитано по учебным пособиям: Книготорговые каталоги 80-х гг. XIX в.: Указ.; Книготорговые каталоги 90-х гг. XIX в.: Указ.

[93] См. примечание 14.

[94] См. подробно: Динерштейн Е. А. Корпоративные объединения русских книжников // Книга: Исслед. и материалы. 1993. Сб. 66. С. 133—136.

Глава IX

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ АУДИТОРИЯ

Эпоха политических и экономических реформ в России (1860—1870-е гг.) была отмечена резкой ломкой сложившихся традиций отношения к книге, существенными переменами в круге чтения. В этот период значительно увеличилось число читателей, особенно за счет представителей низших социальных слоев, где книга из диковинки постепенно превращалась в привычный компонент образа жизни. Чтение образованной публики политизировалось, выросло значение в нем толстого журнала [1]. Последовавшие затем годы реакции, «мрачная полоса отчаяния и безнадежной тоски»[2], весьма противоречиво сказались на судьбах чтения в стране [3]. С одной стороны, несмотря на ухудшившиеся социально-политические условия, давали свои плоды преобразования предшествовавшего периода: продолжался рост числа грамотных, повышался общий уровень образованности населения, укреплялась привычка к чтению в ранее не приобщенных к книге и периодике слоях населения и т. д. С другой стороны, характер государственной политики и невозможность из-за противодействия цензуры обсуждать ее в печати многих отталкивали от чтения или приучали относиться к нему как к средству бездумного времяпровождения. Тем не менее и в эти годы продолжался рост читательской аудитории, что было в значительной степени связано с повышением уровня образования. По подсчетам В. Р. Лейкиной-Свирской, «к концу века было заново подготовлено высшими учебными заведениями гражданских ведомств около 85 тыс. людей, годных к выполнению функций интеллигентного труда»[4]. Резко выросла численность учащихся — основной читательской группы. В 1880 г. в университетах училось 8,2 тыс. студентов, в средней школе — 181,7 тыс. учащихся [5]. К концу века численность студентов выросла до 15,2 тыс. (во всех типах высших учебных заведений), учащихся средней школы — до 220 тыс.[6]

Особенно быстро росло число читателей из средних и низших слоев общества, то есть «полуобразованных» и малообразованных. Сильно увеличилась численность учащихся в сельских школах, что привело к значительному росту уровня грамотности крестьян. Если, по данным земских переписей (по 20 губерниям в 1880—1889 гг.), грамотность сельского населения составляла в этот период 8,7 % [7], то, согласно Всероссийской переписи, к 1897 г. она выросла до 17,4 % [8].

О быстром увеличении числа читателей свидетельствует рост объемов издательской продукции: с 1887 г. по 1895 г. общий тираж книг, изданных на русском языке, вырос почти вдвое (с 18,5 до 35,5 млн. экз.) [9].

Расширяется книготорговая сеть. По данным М. В. Муратова [10], в 1883 г. в России было 1377 книготорговых заведений, в 1893 г.— 1725 [11]. В начале 1880-х гг. в

стране было, по нашим подсчетам, около шестисот библиотек [12]. К 1894 г. их число выросло до 792, не считая пришкольных библиотек для народа, число которых превышало 3 тыс.[13]

Слой образованных, интеллигентных читателей, обращающихся к толстым журналам, вырос, по сравнению с 1860—1870-ми гг., примерно вдвое (по крайней мере, суммарный тираж увеличился с 1880 г. по 1900 г., по нашим подсчетам, с 40 до 90 тыс. экз.) [14]. Со спадом политической активности отношение большинства читателей к журналам стало более спокойным, чем в предшествующие десятилетия, однако радикальная молодежь (прежде всего — студенчество) продолжала с напряженным вниманием читать «свои» издания — «Дело» и, особенно, «Отечественные записки»[15]. По свидетельству С. Я. Елпатьевского, читатели «ждали новую книжку „Отечественных записок" как праздника..., как дорогого гостя, который все знает, все объяснит и расскажет...»[16].

Интерес к проблемам общественной жизни неизбежно приводил юных читателей к чтению «Отечественных записок». Вот характерные воспоминания одного мемуариста о приобщении к чтению журналов в начале 1880-х гг. Он писал, как, заинтересовавшись в студенческие годы социальными проблемами, «стал систематически читать... ежемесячные журналы, в которых... до того времени прочитывал лишь кое-какую беллетристику». «Теперь же,— продолжал он,— я поглощал внутренние и иностранные обозрения, критику и публицистику; пытался приниматься и за статьи по экономическим вопросам... Ежемесячно я прочитывал „Отечественные записки", просматривал еще „Дело", иногда брался за „Вестник Европы", но этот журнал казался мне всегда скучным»[17]. Выпускник Петербургского университета вспоминал, что в эти же годы студенты «пробавлялись... чтением газет и журналов прогрессивного направления и жили в создаваемой ими атмосфере недовольства и протеста против существовавших условий жизни, против ретроградного пути, по которому шло правительство...»[18].

В 1880-х — начале 1890-х гг. самым известным и авторитетным публицистом в среде интеллигенции был Н. К. Михайловский. «Он был почти таким же властителем ее дум, как Лев Толстой. Мало того,— тогдашней, например, студенческой молодежи Михайловский был даже ближе Толстого, более отвечал ее настроению и общественным идеалам»[19].

Вообще в этот период снижается интерес к книгам по естественным наукам и растет спрос на гуманитарную, прежде всего историческую литературу [20].

Все более широкие масштабы приобретает «кружковое» чтение. В революционной среде и близких к ней кругах молодежи активно читался и обсуждался довольно ограниченный набор легальных и нелегальных произведений — статьи Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. К. Михайловского, «Исторические письма» П. Л. Лаврова, книги В. В. Берви-Флеровского («Положение рабочего класса в России»), А. К. Шеллера-Михайлова («Ассоциации», «Пролетариат во Франции»), исторические труды Н. И. Костомарова, А. П. Щапова, Г. Бокля и Д. Дрэпера, романы Ф. Шпильгагена («Один в поле не воин») и Эркмана-Шатриана («История одного крестьянина») [21].

Росла популярность произведений К. Маркса и Ф. Энгельса [22].

Характерным явлением этого периода является появление нового читательского слоя — «развитых», много читающих заводских рабочих. В рабочих кружках, созданных с целью самообразования и распространения революционных идей, активно читались и обсуждались книги социально-политической тематики, создавались собственные библиотеки, включавшие легальные и нелегальные издания. По наблюдениям Г. В. Плеханова, «для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести»[23]. В этой среде широко читались многие книги, популярные и среди оппозиционно настроенной молодежи. Мемуаристы отмечали, что у рабочих были популярны работы Н. В. Шелгунова, Ф. Лассаля, Шеллера-Михайлова, «Манифест коммунистической партии», речь Петра Алексеева на судебном процессе 1877 г., брошюра Дикштейна «Кто чем живет?», публицистика М. Е. Салтыкова-Щедрина, из художественной литературы — «Что делать?» Чернышевского, стихотворения Н. А. Некрасова, роман «Хроника села Смурина» П. В. Засодимского, проза других писателей-народников, ряд зарубежных социально-критических романов («История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Эмма» Ж. Б. Швейцера, «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Углекопы» Э. Золя, «Через сто лет» Э. Беллами и др.) [24].

Охарактеризованные группы «идейных» читателей, стремившихся осмыслить социальные и политические проблемы, составляли, однако, незначительное меньшинство читающей публики. У большинства свертывание реформ и усиление реакции снижало интерес к публицистике и актуальной литературе. В 1884 г. по высочайшему повелению был изъят из публичных библиотек ряд ранее опубликованных и прошедших цензуру изданий, в том числе повести, рассказы и очерки Н. Ф. Бажина, Н. А. Благовещенского, А. И. Левитова, «Физиологические письма» Л. Бюхнера, «Пролетариат во Франции» Шеллера-Михайлова, «Рабочий вопрос» Э. Бехера, первый том «Капитала» К. Маркса, «Положение рабочего класса в России» Берви-Флеровского и др., комплекты журналов «Дело», «Отечественные записки», «Русское слово», «Современник» и т. д.[25] В то же время невозможность заниматься общественной деятельностью побуждала многих в свободное время обращаться к беллетристике. Вот признания одного из читателей о своем чтении в 1885 г.: «Все мы, офицеры, провинциальные чиновники, служащие, купцы, господа средней руки — все или почти все были чужды всякому литературному движению. Мы не знали ни либеральных, ни консервативных, ни клерикальных, ни всяких других органов печати.

Знали мы просто газеты и журналы и иногда заглядывали в них. Мы не читали, мы почитывали.

Почитывали романы вроде „Петербургских трущоб" (Вс. Крестовского.— Авт.), „Теплых ребят", „Карасей и щук" (оба — Н. А. Лейкина.— Авт.) и переводчину всех сортов, начиная от „ужасного" Золя и Шпигельгагена, Ауэрбаха и „увлекательного" Захер-Мазоха.

Произведения Уйда и Ульки Коллинза довершали наше образование по отношению к английской литературе»[26].

Через десять лет (в 1895 г.) А. И. Эртель пришел к аналогичным выводам: «У нас вообще читает с искренним стремлением обрести „правду" только молодежь; люди „взрослые" либо совсем не читают, кроме газет и отчасти журналов, либо пробавляются так называемым легким чтением. Исключением бывает только что-нибудь „самое новое", наделавшее шуму, попавшее в опалу»[27].

В публичные библиотеки была записана лишь незначительная часть населения. По подсчетам Н. А. Рубакина, даже в губернских городах среди «привилегированных классов» читатели библиотек составляли всего от 5 до 20 %[28]. Общее число абонентов не превышало, как правило, 500—1000 человек[29], причем даже среди этой, наиболее приобщенной к чтению части читательской публики, было немало (как свидетельствуют приводимые ниже данные) любителей «массовой» развлекательной литературы.

В середине 1890-х гг., как показал анализ девяти отчетов публичных библиотек за 1896—1897 гг. из различных регионов страны[30], самым читаемым автором был Лев Толстой, за ним шли И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, И. А. Гончаров и А. К. Шеллер-Михайлов. В десятку наиболее читаемых входили, кроме того, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, Вас. И. Немирович-Данченко, Вс. С. Соловьев, Е. А. Салиас. Интенсивно читались также книги П. Д. Боборыкина, Д. В. Григоровича, Г. П. Данилевского, В. Крестовского (Н. Д. Хвощинской), Всеволода Крестовского, Б. М. Маркевича, П. И. Мельникова-Печерского, В. П. Мещерского, Д. Л. Мордовцева, Н. А. Некрасова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. Н. Островского, И. И. Потапенко, М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. М. Станюковича и ряда других авторов. Из зарубежных авторов в книговыдаче лидировали Б. Ауэрбах и Ф. Шпильгаген, широко читались также Г. Борн, Ж. Верн, Э. Вернер, В. Гюго, А. Додэ, А. Дюма, Э. Золя, Ю. Крашевский, Ф. Купер, Е. Марлит, К. де Монтепен, Ги де Мопассан, Майн Рид, Г. Самаров, Ж. Санд, Г. Сенкевич, П. Понсон дю Террайль, Г. Эмар. В 1891—1892 гг., как показал Н. А. Рубакин, в публичных библиотеках к числу наиболее читаемых принадлежал примерно тот же круг авторов, что свидетельствует о высокой стабильности читательских предпочтений[31].

В 1880—1890-х гг. позиции толстого журнала в чтении были подорваны иллюстрированным еженедельником и газетой. Это было связано с быстрым ростом численности «промежуточного» слоя читательской публики, состоявшего из «полуобразованных» читателей, уже отошедших от лубочной книги, но не имеющих достаточной подготовки для понимания публикаций толстого журнала (по социальному положению, как правило, это были мелкие и средние чиновники, сельские священники, купцы, мещане и т. п.). Современники осознавали расширение читательской аудитории из «средних» слоев как «вторжение улицы в литературу»[32]. Потребностям подобных читателей в наибольшей степени отвечали газеты и иллюстрированные журналы, тиражи которых стремительно росли и у многих изданий исчислялись десятками, а иногда и сотнями тысяч экземпляров. Чтобы проиллюстрировать различия в распространенности периодики, приведем следующий пример. В 1887 г. жители Уфимской губернии выписывали 485 экз. «Нивы» и 406 экз. газеты «Свет». На третьем месте

(258 экз.) была газета «Сельский вестник», шедшая в деревню (по волостным правлениям рассылался бесплатный экземпляр). За ним шли «Живописное обозрение» (182 экз.), газета «Казанский биржевой листок» (141 экз.), «Воскресение» (132 экз.), газеты «Сын отечества» (118 экз.), «Неделя» (98 экз.), «Новое время» (93 экз.), «Иллюстрированный мир» (83 экз.) и т. д. У толстых журналов было гораздо меньше подписчиков: «Русская мысль» — 35, «Вестник Европы» — 31, «Северный вестник» — 23, «Наблюдатель» — 13 и т. д. По общей численности получаемых в губернии экземпляров иллюстрированные журналы более чем в 6 раз превосходили толстые ежемесячники [33].

Суммарная аудитория иллюстрированных журналов составляла в конце 1870-х гг. примерно 100 тыс. подписчиков, а в конце XIX в.— порядка полумиллиона, т. е. выросла в 5 раз. Именно иллюстрированные журналы сыграли для этого читательского слоя важную роль в привитии навыков читательской культуры, приобщении к художественной литературе и современным научным знаниям, ознакомлении с изобразительным искусством. В 1890-х гг. отмечалось, что «дешевые иллюстрированные повременные издания расходятся в среде небогатого населения, довольствовавшегося прежде изданиями лубочными...»[34]. Каждый иллюстрированный журнал стремился ориентироваться на «своего» читателя, что находило выражение в его содержании и цене. Из еженедельников 1880-х гг. «Всемирная иллюстрация» и «Живописное обозрение» были рассчитаны на более состоятельных и подготовленных читателей (среднее чиновничество, богатое купечество), «Нива» — на мелкую буржуазию, провинциальную интеллигенцию. Сохранившийся архив «Родины», самого дешевого иллюстрированного журнала, показывает, что среди его подписчиков преобладали мелкие провинциальные чиновники, священники, военные в невысоких чинах, встречались также учителя и крестьяне [35]. Крестьянин из Рязанской губернии писал в начале 1890-х гг.: «Я получаю журнал-газету „Родина" уже четвертый год и нахожу, что это самый крестьянский журнал как по цене, так и по содержанию, и обилию материала»[36]. Однако в целом иллюстрированные журналы читала лишь ничтожная часть крестьян. В Воронежской губернии, например, по данным статистического обследования, лишь по 0,1 % крестьянского населения назвали себя читателями «Родины» и «Нивы»[37].

Жесткой сословной прикрепленности журналов не было. Наблюдатель отмечал (в 1891 г.), что в большом торговом селе Рязанской губернии «журнал „Нива" более всех распространен,— его получают и господа (т. е. дворяне и чиновники.— Авт.), и купцы, и священники, и мещане (состоятельные)»[38]. Крестьянин из Вятской губернии в начале 1890-х гг. сообщал, что «духовенство выписывает журнал „Ниву", полагаю, что на паях, потому что полученный номер „Нивы" передается от священника к дьякону, а потом к дьячкам..., читают этот журнал преимущественно женщины духовного звания, потому что к „Ниве" есть приложение „парижских мод", которые служат руководством для дам вообще сельской интеллигенции»[39]. «Нива», гораздо более «солидная» и «культурная», чем «Родина», проникла также в рабочую и крестьянскую среду, хотя и в меньших масштабах [40].

Превращая зрителей в читателей, а читателей случайных в читателей регулярных, иллюстрированный еженедельник способствовал возникновению массовой читательской аудитории в стране. Чрезвычайно важную роль в этом сыграл выпуск книг в форме бесплатного приложения к журналу. Бесплатные приложения к иллюстрированным журналам (или, как их тогда обычно называли, «премии») появились в России в начале 70-х гг. XIX в. К середине 1880-х гг. они стали широко распространенным явлением. Вначале в качестве премий журналы предлагали читателям олеографии, представлявшие основной интерес для части подписчиков. С конца 1880-х гг. журналы в качестве приложения стали давать книги вместо олеографий. Вскоре у ряда изданий подобные приложения становятся ежемесячными и превращаются в эффективное средство распространения книг (как и самих журналов) массовыми тиражами. Например, после того, как А. А. Каспари сделался издателем «Родины» и стал с 1887 г. ежемесячно выпускать в качестве бесплатного приложений к ней романы, повести и рассказы, тираж журнала стал быстро расти и достиг в итоге 120 тыс. экз.

По сути дела, стоимость книги входила в подписную плату, но психологически для подписчика книга выступала как бесплатная, как приложение к оплаченному периодическому изданию. Тем самым подписчик дешево получал книгу, соответствующую его запросам. Журнал же, резко подняв свой тираж (из-за возросшей подписки), а также из-за отсутствия рекламных и торговых расходов, мог снизить себестоимость, и, в конечном счете, продажную цену книги. В результате подписчик журнала «Родина», например, получал за 4 р., помимо самого журнала и других многочисленных приложений, 12 книг (гарантированного для себя содержания), аналогичные которым в розничной продаже стоили не менее 50 к. каждая. Учитывая, что тираж беллетристической книги составлял тогда обычно 1200 или 2 400 экз., а тираж «Родины» (и, следовательно, выходящих в приложении к ней книг) доходил до 120 тыс., можно представить, насколько более широкой была читательская аудитория «бесплатных приложений» по сравнению с обычными изданиями.

Как свидетельствуют многочисленные воспоминания, собрания сочинений, выпускавшиеся в приложениях к «Ниве», составили основу многих провинциальных домашних библиотек. Однако велика была роль и других «приложений» в приобщении населения к регулярному чтению книг. В конце XIX в. в качестве приложений к иллюстрированным журналам рассылалось не менее 5—6 млн. экземпляров ежегодно, т. е. они являлись одним из основных каналов распространения книги в то время.

Наряду с иллюстрированным журналом, все более широкое распространение получает в 1880—1890-е гг. газета: по нашим подсчетам, суммарный разовый тираж общих и литературных газет вырос с 1880 г. по 1900 г. с 300 до 900 тыс. экз., т. е. в три раза. А. И. Сумбатов-Южин писал в 1892 г.: «Общество теперь живет за газетой. Газета теперь — это обед, чай, завтрак»[41].

В 1860—1870-х гг. к регулярному чтению газет приобщаются (по крайней мере в Москве и Петербурге) купечество и мелкое чиновничество, в 1880-х газета становится достоянием городских низов (приказчики, слуги, часть рабочих).

С 1880-х гг. газета начинает проникать и в деревню, хотя массовое чтение и слушание чтения газет в крестьянской среде получило распространение лишь на рубеже XIX и XX столетий. Современник отмечал, что «прежде обыватель не читал. Теперь много читает», что «объявился новый читатель в таких сферах, где его ранее не было. Он увлекся чтением, и газета стала для него необходимостью»[42].

Рассчитанная на полуобразованного городского читателя «малая пресса» стала возникать в первые пореформенные годы («Петербургский листок», «Петербургская газета»), но широкое ее развитие датируется началом 1880-х гг., когда появились такие издания, как «Московский листок», «Новости дня», «Свет».

Весь материал в «малой прессе» подавался завлекательно и доступно, чтобы читатель начал читать, прочел, не отрываясь, и понял текст. В ряде отношений она занимала промежуточное место между устной словесностью и печатью в собственном смысле слова. Низовая газета выписывалась и хранилась в трактирах — местах скопления народа, разговоров и обмена новостями, нередко запечатлевая уже циркулирующие слухи.

Читательскую аудиторию «малой прессы» составляли стоявшие на самых низких ступенях социальной лестницы слои городского населения: мелкие купцы и чиновники, приказчики, прислуга, ремесленники, грамотные рабочие. Мемуарист вспоминал, что газета «Московский листок» «сразу завоевала симпатии лакеев, горничных, кучеров, прачек, кухарок, лавочников, мелких ремесленников, купечества средней руки и т. п.»[43]. Не только по цене, но и по характеру изложения, и по содержанию «малая пресса» больше соответствовала потребностям низовых читателей. Уровень образования их был невысок: в лучшем случае начальная школа, в худшем — умение читать по складам. Ранее они либо вообще не читали, довольствуясь слухами и городским фольклором, либо обращались к лубочной литературе. Низовая газета, в своих жанровых формах давая функциональный эквивалент слухам и фольклору, приучала и приобщала свою аудиторию к регулярному чтению, втягивала в сферу воздействия печатного слова. К концу XIX в. газета получает широкое распространение во всех слоях городского населения, даже среди рабочих[44].

В 1880—1890-х гг. в ходе ломки патриархальных отношений в деревне, постепенного приобщения крестьян к городскому образу жизни, роста уровня грамотности печатное слово все шире проникает в сельскую среду. Отношение крестьян к грамотности и чтению меняется: если раньше они считали чтение делом бесполезным, ненужным для себя, то теперь начинают понимать его полезность. Однако, если приобщение к грамоте вызывается чаще всего утилитарными мотивами, соображениями практической пользы, то чтение книг в этой среде свойственно немногим и обусловлено, как правило, причинами мировоззренческого характера.

Те, кто ощущал кризис традиционного религиозного мировоззрения, стремились либо укрепить свое миропонимание путем чтения нравственно-религиозной литературы, либо найти ему замену в светском взгляде на мир (художественная литература, научно-познавательная и т. п.). Хотя в конце XIX в., соглас-

но многочисленным исследованиям земских статистиков, к чтению была приобщена небольшая в процентном отношении часть крестьян [45], тем не менее здесь уже сложилась значительная по абсолютной численности читательская аудитория. В 1894 г. суммарный тираж лубочных книг приближался к 10 млн.[46], а по подсчетам В. П. Вахтерова, в середине 1890-х гг. даже превышал 15 млн.[47] Число же читателей лубочной книги составляло тогда, по нашей оценке, 5—7 млн. человек.

Для характеристики круга крестьянского чтения приведем свидетельство крестьянина Калужской губернии. Он писал, что в его деревне «книги духовного содержания охотно читаются — жития святых, священная история Ветхого и Нового завета, а псалтири у нас читают только по усопшим, мужики говорят: „Жития святых нам понятней" и слушают их приятней... Сказки у нас читают всякие, какие попадут: издания Манухиной, Сытина, больше всего читают (следующие книги.— Авт.): „Еруслан Лазаревич", „Бова Королевич", „Громобой", „Портупей-прапорщик"...»[48].

В обследованиях земских статистиков было зафиксировано наличие у крестьян большого числа религиозных книг. Они считались в деревне предметом сакральным. Читала их, главным образом, «отсталая» часть деревни — пожилые крестьяне, женщины, причем чаще всего чтение приурочивалось к религиозным праздникам, постам и т. п. Упомянутый уже крестьянин из Калужской губернии отмечал, что «книги духовного содержания предпочитаются светским в великий пост, а стариками повсегда, потому что желают спасения»[49]. Как отмечал один из исследователей, «в божественной книжке народный читатель ищет морального поучения, примера, нравственной поддержки, ...решения мучающих его вопросов морального, а иногда и социального характера»[50].

Наибольшей популярностью из религиозных книг пользовались не Ветхий завет и не Евангелие, а жития святых. К числу самых популярных принадлежали жития Тихона Задонского, Сергия Радонежского, Кирилла и Мефодия, Алексия человека божия, Зосимы и Савватия Соловецких и др. Весьма широко были распространены также Псалтырь, Евангелие, религиозно-нравственные книги. Библия почти не встречалась в крестьянской среде, здесь бытовало представление, что, полностью прочитав Библию, можно сойти с ума.

Если попытаться сформулировать характер изменений, происходивших в чтении крестьян, его необходимо будет определить как переход от книги религиозной к книге светской, от житий святых — к романам и повестям. К лубочной книге обращалась главным образом молодежь, которая уже была, как правило, «выбита» из традиционного сельского образа жизни, через земскую школу либо проживание в городе соприкоснулась с иной культурой и почувствовала неабсолютность предписаний и запретов, внушаемых родителями и сельским окружением. Лубок позволял ей выйти за пределы привычной жизни. Л. М. Григорьев, который в начале 1890-х гг. был учеником в сапожной лавке, вспоминал, что «бывали свободные минуты... делать совсем нечего,— ну, тогда рука лезла за пазуху и доставала оттуда тоненькую скверно отпечатанную книжечку — сказку о каком-либо необъятном образе русской фантазии... душа моя, забыв о са-

ногах и туфлях, уходила в непроходимые лесные чащи и трепетала там от шума грозных деревьев-великанов; потом вместе с жар-птицей улетала за тридевять земель в тридевятое царство... Я увлекался и все на свете забывал... принимался за своих Ерусланов Лазаревичей, Бов-Королевичей и принцесс-Несмеян. Любил я их больше всего на свете, и всякую попавшую в руку копейку тратил на покупку новых сказок»[51].

В конце 1870-х гг. на село стали проникать и газеты, росту интереса к которым послужила русско-турецкая война 1878—1879 гг. По свидетельству современного наблюдателя, «газетное дело процветало в последнюю войну, и главными виновниками процветания были крестьяне, которые тогда во множестве становились чтецами и даже подписчиками газет»[52]. Однако выписывали газеты в деревне в этот период единицы — либо зажиточные крестьяне, занимавшиеся торговлей и ремесленничеством, либо трактирщики для привлечения клиентов.

В 1883 г. крестьяне Московской губернии выписывали всего 350 экз. различных периодических изданий, причем половина приходилась на трактиры (к числу наиболее популярных принадлежали «Московский листок», «Русские ведомости», «Современные известия», «Сельский вестник»)[53]. По наблюдениям исследователей начала 1880-х гг., «сельским читателям в газетах больше всего нравятся известия о различных происшествиях, убийствах и вообще о всем том, что происходит в России. Статьи и известия по иностранной политике или вообще не читаются, или читаются отрывочно и без достаточного понимания»[54].

О темпах приобщения крестьян к чтению газет дают представление следующие данные. В 1860-х гг. в слободе Мстера Владимирской губернии вообще не выписывались периодические издания, в 1872 г. проживающие там крестьяне получали 12 экз. газет и тонких журналов, а в 1888 — почти в 5 раз больше (57 экз.)[55].

С конца 1880-х гг. земство начинает интенсивную деятельность по созданию сельских «народных» библиотек и быстро добивается успеха. Именно земские библиотеки вошли в быт русского села и в дальнейшем стали постоянным компонентом сельского образа жизни. Деревенские читатели, усвоившие грамотность и исходные представления о мироустройстве в земской школе и желающие пополнить и расширить своим знания, довольно активно пользовались этими библиотеками.

Наблюдатели начала 1880-х гг. отмечали, что читателям сельских библиотек Московской губернии «нравятся книги преимущественно религиозного и исторического содержания, а также некоторые повести и рассказы наших писателей. Из книг религиозного содержания с наибольшим интересом читаются жития святых и описания монастырей; из книг исторического содержания отмечены как наиболее читающиеся: рассказы Петрушевского про старое время на Руси, рассказы о Петре Великом, о Владимире Святом, о Суворове и разные исторические повести и рассказы, в числе которых и рассказы военные. Из поэтических произведений наших классических писателей указываются: повести и рассказы Григоровича, „Тарас Бульба" и „Вечера на хуторе" Гоголя, „Капитанская дочка" и сказки Пушкина, „Князь Серебряный" А. Толстого, все рассказы

графа Л. Н. Толстого („Бог правду любит", „Чем люди живы", „Из Ясной Поляны" и пр.; „рассказы Л. Н. Толстого читаются крестьянами всех возрастов нарасхват",— сообщают некоторые преподаватели), стихотворения Кольцова и Некрасова»[56].

Аналогичный характер носили данные о читательских предпочтениях посетителей сельских библиотек других регионов [57]. В первой половине 1890-х гг. на первом месте, согласно исследованию В. П. Вахтерова, по числу требований шла художественная литература (46,5 %), на втором — религиозная (31 %), на третьем — история и биографии (15 %) и на четвертом — естествознание и народное хозяйство — 7 % [58]. Тот же порядок дало и обследование В. В. Девеля: художественная литература — 50 % требований, религиозная — 22 %, историческая — 15 %, научная — 13 % [59].

Постепенно на селе (как ранее в городе) из выпускников земских школ формируется слой читателей с познавательной установкой, ориентирующихся на научную и научно-популярную литературу. Один из них, характеризуя подобное мировоззрение, отмечал, что «жизнь бессознательная, инстинктивная, не есть жизнь человека — не знать, зачем живешь, не знать себя и других, не знать нормальных законных обязанностей по отношению к другим и себе, не выработать высокого нравственного устоя, значит не быть способным к жизни, не иметь права называться человеком. А так как я хочу жить, хочу быть полезным, честным — поэтому должен учиться, так как одно образование может дать все это»[60].

* * *

Даже та беглая, характеристика, которая дана выше, демонстрирует нарастающее усложнение общей картины чтения в стране. В период 1880-х — первой половины 1890-х гг. быстрыми темпами шло приобщение населения к чтению, усиливалась дифференциация читательской аудитории на большое число групп и слоев, различавшихся по мотивам обращения к книге и периодике, каналам получения книг и содержанию чтения. Все большее значение приобретал низовой, «уличный читатель». В то же время в эти годы зарождалась новая, сугубо элитарная по своим читательским установкам группа, ориентирующаяся на декадентство и символизм. Отношение к литературе ее представителей деполитизируется и эстетизируется, они ждут от книги не поучения, а наслаждения, не рассмотрения социальных проблем, а анализа чувств и переживаний личности [61]. Уже не только в городе, но и на селе чтение становится достаточно частым (хотя и не повседневным) элементом образа жизни. Создается основа для превращения его в социальную норму в первой трети XX в.

Примечания

1 Более подробно см.: Книга в России, 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 69—86; Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991.

2 Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд. СПб., 1907. С. 126.

[3] См. подробно: Рейтблат А. И. Указ. соч.

[4] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 70.

[5] См.: Университеты и средние учебные заведения 50 губерний Европейской России и 10 Привислянских, по переписи 29 марта 1880 г. СПб., 1883. С. 3, 19, 225.

[6] См.: Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 51, 55, 56.

[7] См.: Фальборк Г., Чарнолуский В. Народное образование в России // Левассер Э. Народное образование в цивилизованных странах. СПб., 1899. Т. 2. С. 221.

[8] См.: Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и XX в. / Ист. зап. 1951. Вып. 37. С. 36.

[9] Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX вв. М.; Л., 1931. С. 203.

[10] Там же. С. 153.

[11] Расширение книготорговой сети подтверждается и приведенными выше статистическими таблицами (см., с. 28): в 1890 г. в России (не считая Москвы) зафиксировано 1249 стационарных книготорговых заведений, в 1895 г.— 1845.

[12] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 3. С. 75.

[13] См.: Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. 3-е изд. М., 1980. С. 66.

[14] О методике подсчетов см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 3. С. 85, примеч. 15.

[15] О читателях «Отечественных записок» см.: Ware R. I. A Russian journal and its public: Otechestvennye Zapiski, 1868—1884 // Oxford slavonic papers: New series. 1981. Vol. 14. P. 121—146; Прозоров В. В. «Отечественные записки» и проблема демократического читателя // Освобод. движение. 1975. Вып. 5. С. 32—45.

[16] Елпатьевский С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1894. С. 98.

[17] Цит. по: Рейтблат А. Указ. соч. С. 45.

[18] Там же.

[19] Щетинин Б. А. Н. К. Михайловский и московское студенчество: (Из воспоминаний) // Ист. вестн. 1914. № 3. С. 948; ср.: Вересаев В. Воспоминания. М., 1982. С. 302.

[20] Муратов М. В. Указ. соч. С. 137.

[21] См.: От группы Благоева к «Союзу борьбы». Ростов н/Д, 1921. С. 66—67; Мазуренко С. П. От «Черного передела» до коммунистической партии // Пути революции. 1926. № 2/3. С. 7; Елпатьевский С. Я. Указ. соч. С. 97; Шаповалов А. В борьбе за социализм. М., 1934. С. 80.

[22] См.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России, 1883—1894 гг. М., 1959. С. 272—513; Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: Лит.-изд. деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983. С. 192—224; Фатеева П. С. Первые российские марксисты. М., 1983. С. 136—160 и др.

[23] Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Пг., 1924. Т. 3. С. 142. См. также: Смирнов Н. Рабочие народовольцы. М., 1930. С. 12—13.

[24] См.: Брейтфус А. Точисский и его кружок // Крас. летопись. 1923. № 7. С. 330; На заре рабочего движения в Москве. М., 1932. С. 17—18, 42, 55, 105—106; Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. Л., 1924. С. 30; Шестернин С. П. Пережитое. Иваново, 1940. С. 96 и другие воспоминания.

[25] Полный список опубликован в газете «Новое время» (1884, 13 авг.).

[26] Леман А. Рассказы. СПб., 1888. С. 25—26.

[27] Эртель А. И. Письма. М., 1909. С. 181. Ср. близкие по характеру наблюдения: Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике. Пг., 1895. С. 34.

[28] Рубакин Н. А. Указ. соч. С. 85.

[29] См.: Дерунов К. Н. Типичные черты в эволюции русской «общественной» библиотеки // Избр.: Тр. по библиотековедению и библиогр. М., 1972. С. 96—98.

[30] Анализировались данные о книговыдаче в публичных библиотеках Астрахани, Борисоглебска, Воронежа, Киева, Кишинева, Нижнего Новгорода, Орла, Пензы, Самары.

[31] Рубакин Н. А. Указ. соч. С. 127.

[32] См.: Типы современных газет // Слово. 1879. № 8. С. 225—226; К-ский [К. П. Медведский] Мелкая пресса и ее теории // Наблюдатель. 1892. № 7. С. 234—250; Коропчевский Д. А. Характер современной журналистики // Рус. обозрение. 1892. № 2. С. 665—667; [Меньшиков М. О.] Газетное наводнение // Неделя. 1891. 29 июня; Сементковский Р. И. Вырождение или невежество? // Ист. вестн. 1894. № 1. С. 194—195.

[33] См.: Памятная книжка Уфимской губернии 1889 г. Уфа, 1889. С. 76—78.

[34] Лубочные или народные картинки // Кн. вестн. 1891. № 6/7. С. 266.

[35] См.: Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 98.

[36] Там же. С. 99.

[37] Подсчитано по: Воронов И. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. С. 103.

[38] Цит. по: Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 99.

[39] Там же.

[40] См.: Сборник статистических сведений по начальному образованию в Орловской губернии за 1900—1901 учебный год. Орел, 1902. С. 109; Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1903 г. Полтава, 1903. С. 127; Динерштейн Е. А. «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 42—43.

[41] Южин-Сумбатов А. И. Воспоминания. Записки. Письма. М.; Л., 1941. С. 65.

[42] Круглов А. В. Новый читатель и его пресса // Труд. 1894. № 3. С. 686, 685. См. также: Сергеев М. В. Формирование массового читателя второй половины XIX в. (на примере петербургских городских газет): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.

[43] Щетинин Б. А. Хозяин Москвы // Ист. вестн. 1917. № 5/6. С. 455.

[44] См.: Буйко А. Путь рабочего. М., 1934. С. 16; Краснов М. Из жизни. М., 1930. С. 15; Тахтарев К. М. Указ. соч. С. 37; На заре рабочего движения в Москве. С. 15, 106, 108 и др.

[45] См.: Воронов И. Указ. соч.; Личков Л. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 1. С. 31—46; № 2. С. 28 и 42; Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1884. Т. 9 и др.

[46] Опыт обзора книг для народного чтения: Ежегодник, 1894. М., 1895. С. 3.

[47] Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896. С. 6.

[48] Цит. по: Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 156.

[49] Там же. С. 157.

[50] Ан-ский С. А. [Раппопорт С. А.] Народ и книга. М., 1913. С. 69.

[51] Цит. по: Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 161.

[52] Исаев А. А. В Ярославской губернии // Отеч. зап. 1880. № 8. С. 174 (паг. 2-я); см. также: Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1960. С. 243.

[53] См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 9. С. 150.

[54] Там же. С. 152.

[55] Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. СПб., 1895. С. 215—216.

[56] См.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 9. С. 155.

[57] См.: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1885. Т. 3. С. 190.

[58] Вахтеров В. П. Указ. соч. С. 39.

[59] Девель В. В. Городские и сельские библиотеки и читальни для народа. СПб., 1892. С. 56.

[60] Цит. по: Титов А. К истории самообразования в России // Рус. мысль. 1908. № 7. С. 85—86.

[61] См.: Brooks J. Readers and reading at the end of the Tsarist era // Literature and society in imperial Russia, 1866—1914. Stanford, 1978. P. 105—113.

Глава X

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕЛЕГАЛЬНЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ НАРОДНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

После поражения революционной ситуации 1879—1881 гг. народничество переживало глубокий кризис, охвативший идеологическую сторону движения и затронувший его организационные основы. Большинство членов Исполнительного Комитета главного и наиболее авторитетного объединения революционного народничества — «Народной воли» — было арестовано или эмигрировало. Сложившаяся ситуация привела к децентрализации издательской деятельности и широкому ее развитию за рубежом, что в известной степени противоречило идейным установкам народовольцев, требовавшим в первую очередь максимального приближения издательской базы к читателям революционной литературы.

Издательская деятельность народнических организаций в России

Оставшиеся в России активные народовольцы стремились восстановить издательскую базу организации. Эта задача занимала в их деятельности столь же важное место, что и подготовка новых террористических акций против высшей царской администрации.

Центром издательской деятельности народовольцев снова становится Петербург [1], где успешно действовала группа революционеров, которую не затронули аресты 1881 г.[2] Во главе борьбы за восстановление революционной организации стоял молодой литератор П. Ф. Якубович [3].

Связь с «Народной волей» он установил еще в конце 1870-х гг., в годы учебы в Петербургском университете. Теперь, оказавшись силою обстоятельств во главе петербургских народовольцев, Якубович проявил себя выдающимся организатором. Особенно велик его вклад в восстановление издательского дела «Народной воли» в пределах России. Уже в начале 1882 г. он разработал план создания системы революционных изданий. Прежде всего, по его мнению, следовало основать легальный студенческий журнал, который объединил бы передовые круги студентов — этого важного отряда революционного народничества. Одновременно Якубович планировал начать выпуск нелегальной газеты как органа центрального кружка студентов Петербургского университета [4].

К 1882 г. Якубович был уже известным поэтом. Его произведения печатались в таких крупных журналах, как «Отечественные записки», «Дело» и «Вестник Европы». Особенно прочные связи имелись у него с руководством народни-

ческого журнала «Русское богатство». Основываясь на этих связях, Якубович попытался превратить журнал в легальный орган демократической оппозиции. Ему удалось выпустить несколько номеров журнала, но из-за недостатка средств он не смог закрепить свое влияние окончательно, и журнал перешел в руки Л. Е. Оболенского [5]. Фактически неудачей завершилось и другое начинание Якубовича — издание сборника «Отклик». По требованию цензуры, из него были частично изъяты произведения самого Якубовича, Н. К. Михайловского и ряда других авторов [6].

Правительственная политика в области печати поставила Якубовича перед необходимостью отказаться от попыток создания легального оппозиционного органа и сосредоточить все силы на организации нелегального книгопечатания.

В 1882 г. он устанавливает постоянные связи с представителями Исполнительного Комитета «Народной воли», находившимися в России: В. Н. Фигнер, С. А. Ивановым, И. Н. Комарницким. Перед ним была поставлена задача не только объединить разрозненные революционные группы Петербурга, но и связать в единую систему все их издательские возможности. В тот период одной из наиболее деятельных была группа, возглавляемая Н. М. Флеровым. Входившие в нее студенты Учительского института С. И. Чекулаев и А. В. Пихтин «великолепно поставили гектографию и замечательно емкую фотографию». И. И. Попов, бывший связующим звеном между группой Флерова и Якубовичем, вспоминал: «Мы издали в довольно значительном количестве речи участников политических процессов, их портреты, брошюры, и когда в 1882 г. в Иркутске был казнен учитель Неустроев, ...его биографию и письмо, написанное перед казнью. Мастерская работала хорошо; наши издания славились, и мы исполняли различные партийные работы»[7]. Кроме того, на этом же гектографе отпечатаны восемь номеров нелегальной газеты «Студенчество»[8].

Осенью 1882 г. революционные группы Петербурга имели уже собственную типографию. Во главе ее стоял С. А. Андржейкович. «Человек идейный, говоривший на нескольких европейских языках, Андржейкович бросил с 7-го класса гимназию и пошел в революцию»,— писал о нем И. И. Попов [9]. Типография Андржейковича (вся она помещалась в небольшом чемодане) представляла собой «станок, раму, которую можно было приспособить к любому размеру, наборную кассу и другие части...»[10]. Часть шрифта была похищена А. А. Никвистом в типографии Шиперсона [11]. С. А. Иванов, помогавший Андржейковичу, позднее вспоминал о том, что в их распоряжении было очень мало шрифта, «так что приходилось набирать и печатать в 3 приема по 8 страниц зараз...»[12]. Печатание производилось в разных помещениях, в том числе и в специально снятой квартире в Ковенском переулке, 30.

Революционерам удалось отпечатать — под заглавием «По поводу коронации» и «Чего ожидать от коронации» — прокламацию, посвященную коронации Александра III.

Коронация, которая так долго откладывалась, была важнейшим государственным актом. Она должна была не только символизировать незыблемость самодержавия, но и обозначить окончание периода всяких либеральных мечта-

ний. «Не откликнуться на это событие значило бы для партии расписаться в полном бессилии»,— считал один из руководителей петербургской организации тех лет И. И. Попов [13]. Он написал небольшую листовку «Обращение к обществу», которую размножили на гектографе, принадлежавшем Чекулаеву и Пихтину. Но подобное событие требовало более развернутого анализа, необходимо было обратиться к народным массам непосредственно от имени «Народной воли». Это подтвердил и прибывший в Петербург один из крупных деятелей организации С. А. Иванов. «Поймите,— говорил он руководителям петербургских кружков,— коронация без прокламации не должна быть. Коронационная прокламация — дело чести партии „Народной воли"»[14]. К написанию этого документа был привлечен известный публицист, сотрудник «Отечественных записок» С. Н. Кривенко [15].

Первоначально была предпринята попытка нелегально отпечатать прокламацию в типографии Академии наук с помощью А. А. Никвиста. Однако эта попытка не удалась, Никвист был вынужден скрыться и в дальнейшем перейти на нелегальное положение. Печатание было поручено организовать Андржейковичу. Основной тираж отпечатали в мае 1883 г. на квартире известного литератора, сотрудничавшего в «Отечественных записках», М. А. Протопопова. В этой работе, кроме Андржейковича и Н. К. Паули, принял участие и С. А. Иванов. Уже в начале 1883 г. власти зафиксировали появление в городе новой типографии и начали ее поиски. В мае 1883 г., заметив за собой слежку, революционеры, захватив часть типографского имущества, успели лишь в последний момент покинуть квартиру в Ковенском переулке. Полиция обнаружила здесь часть типографского оборудования, около 20 фунтов шрифта и часть тиража «Листка Народной воли»[16]. Через месяц Андржейкович и его типография были арестованы в доме 19 на Рижском проспекте [17]. Однако, к этому времени в Петербурге уже появилась новая полиграфическая база революционного движения. Основной стала типография М. П. Шебалина, где работали также П. В. Богораз, М. П. Кулябко, Трусевич. Строго законспирированная, она начала действовать в мае 1883 г. О ее местонахождении знали только П. Ф. Якубович и С. П. Дегаев (о связях последнего с полицией еще не было известно). Первым изданием типографии Шебалина, получившей в истории название «Летучей», был первый номер «Листка Народной воли» за 1883 г., тираж которого составил 1 тыс. экз.[18]. Затем последовали второй номер «Листка», приложение к первому номеру, брошюра «От мертвых к живым. Письмо из Петропавловской крепости», произведение одного из членов Исполкома «Народной воли» А. П. Прибылевой-Корбы «Каторга и пытка в Петербурге в 1883 г.» и другие издания. Авторами ряда статей в «Листке Народной воли» выступили такие видные публицисты, как С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловский и М. А. Протопопов. Редактором «Листка» в 1883 г. был Кривенко [19]. При его аресте в январе 1884 г. полиция нашла несколько подготовленных к печати «рукописей революционного содержания и письма политических эмигрантов и ссыльных»[20]. Связь с демократической литературной общественностью типография поддерживала через Якубовича. Именно с его помощью была доставлена Шебалину для издания сатирическая

поэма А. П. Барыковой «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться»[21]. Одним из наиболее известных изданий типографии Шебалина стала прокламация, посвященная кончине И. С. Тургенева. История ее создания показывает уровень оперативности издательской деятельности народовольцев. Идея выпуска прокламации принадлежала Якубовичу. Он составил по этому поводу специальное обращение к русскому обществу от революционеров. Но не успели еще размножить это обращение, как общественное мнение страны было захвачено острой политической дискуссией, вызванной публикацией статьи П. Л. Лаврова, в которой он вспоминал о материальной помощи, оказанной Тургеневым нелегальным изданиям в 1870-х гг. Реакционная печать попыталась использовать эту статью для клеветнической кампании против демократической и либеральной оппозиции, а представители либеральных органов печати — опровергнуть статью Лаврова. И. И. Попов вспоминал: «Мы, революционеры, ни на минуту не сомневались в подлинности письма Тургенева к Лаврову и в честности последнего. Отношение либеральной печати глубоко нас возмутило»[22].

Народовольцы решили, что «нельзя обойти молчанием всю эту „свистопляску" у гроба Тургенева»[23]. Не добившись соответствующих публикаций в крупнейших органах либеральной печати — журнале «Вестник Европы» и газете «Новости», они воспользовались нелегальной типографией. Специальная прокламация «И. С. Тургенев» с приложением стихотворения в прозе «Порог» была отпечатана в типографии Шебалина «безукоризненно, на одном листе хорошей бумаги»[24] и распространялась 27 сентября 1883 г. в день похорон писателя.

Осенью 1883 г. типография Шебалина готовилась еще шире развернуть свою работу. Однако в октябре стало известно об измене Дегаева. Поэтому типографию, опасаясь провала, решили срочно ликвидировать[25]. Многочисленные обыски и аресты, проведенные полицией в Петербурге зимой и весной 1884 г., обнаружили в городе большое количество изданий, выпущенных типографией Шебалина[26].

Сразу же после закрытия этой типографии революционные кружки Петербурга приступили к организации новой. Инициативу взяла на себя Рабочая группа «Народной воли» во главе с Н. М. Флеровым и В. А. Бодаевым. Типография была создана на квартире С. А. Сладковой в начале 1884 г. В ней работали также П. Н. Мануйлов и А. А. Балыгин. В типографии менее, чем за три месяца, были отпечатаны две прокламации, написанные Якубовичем: извещение Исполкома Народной воли по делу С. П. Дегаева и воззвание «К русскому юношеству от центрального кружка Союза молодежи партии Народной воли». В ней планировалось также печатать «Рабочую газету»[27]. Значительную литературную помощь работникам типографии оказывал М. А. Протопопов[28]. Однако уже в марте 1884 г. эта типография была обнаружена полицией. В ее провале большую роль сыграли «правдивые» показания связанного с народовольцами секретаря редакции газеты «Новости» Ф. Грекова[29].

Полицейские репрессии привели народовольцев к попыткам рассредоточить издательскую деятельность в провинциальных городах. В конце 1883 г. они организовали типографию в Харькове. В историю она вошла как типография

«Народной партии» или группы народников. Здесь удалось отпечатать одну прокламацию — «Русскому народу», брошюру Ю. А. Бунина «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции», небольшую пропагандистскую работу «Чего хотят социалисты», а также хорошо известные сочинения В. Е. Варзара («Хитрая механика») и Л. А. Тихомирова («Сказка о четырех братьях»). 11 января 1884 г. типография была обнаружена и ее организаторы И. Л. Манучаров и Н. В. Иордан арестованы.

Наиболее продуктивно работала в Харькове в 1883—1884 гг. гектография братьев Гюльцгофов. Примерно за год в ней было размножено 20 названий. Среди них такие, ставшие хорошо известными в революционном подполье работы, как «Надгробное слово Александру II» В. С. Иллич-Свитыча, «Чего ожидать от коронации», «Задачи социализма» П. Л. Лаврова, «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса в переводе Г. В. Плеханова, «Программа рабочих членов партии Народной воли», воспоминания З. К. Ралли-Арборе «Материалы для биографии С. Г. Нечаева», перепечатанные из журнала «Вестник Народной воли». Были напечатаны также популярные среди народников 1870-х гг. «Государственность и анархия» М. А. Бакунина и «Гражданская война во Франции» К. Маркса. Значительную часть продукции этой гектографии составляли имевшие большое агитационное значение тексты речей на суде таких известных революционеров, как П. А. Теллалов, Я. В. Стефанович, А. П. Прибылева-Корба.

Скрывшись из Петербурга после того, как стало известно об измене Дегаева, Шебалин и Богораз, по указанию руководства «Народной воли», перебрались сначала в Москву, а затем в Киев, где вновь организовали типографию. Первым их изданием была прокламация об убийстве в Харькове предателя Федора Шкробы, выдавшего полиции группу местных революционеров. В январе 1884 г. в Киев приехал Якубович, который поручил Шебалину начать выпуск газеты «Социалист». Она должна была стать печатным органом местной организации. Один из руководителей киевских народовольцев, М. Н. Васильев, написал «Объявление» об этом издании с изложением программы «Народной воли»[30]. «Объявление» стало последним изданием типографии. В марте 1884 г. она была обнаружена и работавшие в ней революционеры арестованы. В руки властей попали и все материалы первого номера газеты «Социалист»[31]. По мнению полицейских экспертов, «типография Шебалина составлена опытною и знающею рукою», «представляется полною, хорошо и с видимым знанием организованной»[32].

Одной из самых настоятельных задач «Народной воли» была скорейшая организация издания своего центрального органа непосредственно на территории России. Возглавляемые Якубовичем петербургские народовольцы выдвинули перед представителями Исполкома Г. А. Лопатиным и Н. М. Саловой целый ряд требований. Якубович и его сторонники обвинили членов Исполкома в том, что они оторвались от непосредственной работы с массами и в своей деятельности не учитывали условия революционной работы в России. Одним из требований, предъявленных Якубовичем, было право на более самостоятельную лите-

ратурную и издательскую деятельность. В апреле 1884 г. в известном «Письме к товарищам» он указывал: «...№ 10 „Народной воли", которому мы придаем громадное значение, должен быть составлен не остатками Распорядительной комиссии и ее литературных агентов и тем более не за границей..., а здесь в России и с ведома представителей всех работающих в России групп. Особенно это имеет смысл по отношению к передовой статье. В данном случае не может быть и речи о какой-либо редакции, в дела которой мы не имели бы права вмешиваться»[33].

Новую типографию, специально предназначенную для печатания десятого номера «Народной воли», Якубович создал в мае 1884 г. в Дерпте на квартире студента В. Н. Переляева. Он провел в этом городе четыре месяца, сначала организуя работу типографии, а затем занимаясь непосредственно редактированием и печатанием этого номера. Связь с литературной демократической общественностью Якубович поддерживал с помощью И. И. Попова. Специально для десятого номера «Народной воли» Михайловский написал статью о закрытии правительством журнала «Отечественные записки»[34].

Печатание десятого номера «Народной воли» в Дерпте проходило в то время, когда в Петербурге шли массовые аресты не только среди членов народовольческих групп, но и среди широких слоев демократической общественности[35]. Понимая, что полицейское кольцо все больше и больше сживается вокруг него, Якубович стремился как можно скорее закончить свою работу.

Несмотря на многочисленные трудности, десятый номер «Народной воли» был отпечатан, и в октябре 1884 г. началось его распространение. Первые партии журнала отправлял сам Якубович. Он писал революционерам Тулы: «Отправляю Вам 100 экз. № 10. Нельзя ли прислать нам с этим же человеком хоть несколько экземпляров 1, 2 и особенно 3 номера „Вестника" („Народной воли".— Авт.), которого у Вас, слышно, много»[36]. В дерптской типографии были отпечатаны также 200 экз. «Заявления Молодой партии „Народной воли"»[37].

Одновременно с дерптской типографией десятый номер «Народной воли» печатался и в типографии, организованной А. Н. Бахом и С. А. Ивановым в Ростове-на-Дону. Работники типографии (и хозяева квартиры, где она находилась) Р. Р. Кранцфельд и З. В. Васильев были тесно связаны с местной революционной организацией, возглавляемой С. К. Пешекеровым. Эта группа имела свой гектограф, на котором размножался создаваемый местными силами журнал «Накануне». У нее имелись прочные связи среди демократической общественности. Финансовую поддержку революционерам оказывали начальник коммерческого отдела Владикавказской железной дороги Н. Назаревич и выходец из богатой купеческой семьи Л. В. Колегаев. Был даже «свой» человек в полиции. Кружок имел и свою библиотеку, в которой, кроме таких известных работ, как «О сущности конституции» и «Капитал и труд» Ф. Лассаля, «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского, имелось и специально подобранное собрание публицистических статей из демократических журналов 1870-х — начала 1880-х гг. («Отечественных записок», «Дела» и «Слова»). Опираясь на этот революционный кружок, А. Н. Бах и С. А. Иванов и начали работу по разверты-

ванию издательского дела [38]. Шрифт был доставлен из Саратова, часть типографского оборудования изготовлена в Ростове и Харькове.

В октябре стало известно о массовых арестах народовольцев, и угроза провала вынудила ускорить работу над десятым номером «Народной воли». Он вышел в свет без ряда разделов, в том числе и таких важных, как иностранное обозрение и хроника арестов. Затем работы были прекращены, а типография надежно укрыта. Значительную часть тиража передали в распоряжение Баха, который распространял десятый номер «Народной воли» в революционных кружках Саратова, Казани и Нижнего Новгорода [39].

Таким образом, в 1883—1884 гг. попытки «Народной воли» рассредоточить свои типографии по провинции и тем самым уменьшить опасность провала не увенчались успехом.

В октябре 1884 г. в Петербурге был арестован Г. А. Лопатин. Отобранные у него материалы позволили полиции начать массовые аресты народовольцев и тех представителей демократической общественности, которые оказывали помощь делу революции, укрывая у себя подпольщиков, снабжая их подчас важнейшей конфиденциальной информацией, предоставляя свои квартиры для проведения совещаний. В ноябре 1884 г. был схвачен Якубович, а в феврале 1885 г. раскрыта дерптская типография.

В середине 1880-х гг. крупным революционными издательским центром была Москва. Здесь (в основном, в студенческой среде) продолжали действовать народнические и народовольческие группы и организации. В сложных политических условиях того времени их работа во многом сводилась к организации издания и распространения нелегальной литературы.

Активно занималась издательской деятельностью московская центральная группа партии «Народная воля». Она сумела широко развернуть книжное дело. Во главе его стояли студенты университета и Петровской академии М. Р. Гоц, И. И. Тихомиров и М. Л. Соломонов. В их ведении была крупная библиотека нелегальной литературы, в состав которой входили произведения Чернышевского и Лаврова, подборки журналов «Вперед!», «Набат», «Община», «Вестник Народной воли», имевшиеся к тому времени на русском языке книги Маркса и Энгельса, работы Плеханова и другие издания. Кроме того, организация располагала библиотекой для рабочих, в которой имелась специально подобранная популярная литература: «Царь-голод» А. Н. Баха, «Кто чем живет?» Ш. Дикштейна, «В защиту правды» В. Либкнехта, «Хитрая механика» В. Е. Варзара и «Сказка о четырех братьях» Л. А. Тихомирова [40]. В распоряжении группы в сентябре — начале октября 1886 г. была хорошо законспирированная типография, находившаяся на квартире Н. Ф. Дмитриева и А. И. Сиповича, где работали также М. Р. Гоц и И. И. Тихомиров. В секретном докладе московского охранного отделения директору департамента полиции П. Н. Дурново говорилось: «Гоц избегал посвящать многих в это дело, и о существовании типографии знали лишь самые близкие с ним лица. Всем остальным говорилось, что издания эти печатаются на юге»[41].

Одно из известный изданий этой типографии — сборник «Стихи и песни», включивший 30 революционных стихотворений, в том числе и материалы из неопубликованного сборника «Отголоски революции»[42]. В ней напечатана также стихотворная прокламация «Современному поколению», автором которой был В. Г. Богораз-Тан[43].

Московская центральная группа планировала широко развернуть свою работу. Один из ее членов, Н. Ф. Дмитриев, служил корректором в типографии Волчанинова и сумел вынести из нее около 10 пудов шрифта[44]. Однако, выданная провокатором, эта группа была арестована осенью 1886 г.

Примерно в это же время в Москве работал кружок А. И. Александрова и И. В. Сотникова, имевший свою гектографию[45]. Здесь были размножены такие брошюры, как «Подготовительные работы партии», «Чего нам ждать от революции?» Л. А. Тихомирова и «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстого. Последняя была гектографирована с корректурного оттиска запрещенной цензурой статьи из либеральной московской газеты «Русская мысль», переданного революционерам ее сотрудником А. С. Пругавиным.

Как и в начале 1880-х гг., полицейские репрессии привели к значительному сокращению издательской деятельности народников в Петербурге и Москве. В то же время к середине десятилетия вновь сформировались провинциальные центры революционного книжного дела. Одним из таких центров стала студенческая и рабочая Казань. Как правило, кружки начинали свою деятельность с постановки гектографа. Не была исключением и группа А. Ф. Печоркина, ставшая впоследствии крупной народнической организацией Поволжья. Еще в 1882 г. Печоркин написал и размножил прокламацию «Слово к русскому народу», приуроченную к коронации Александра III[46].

Большое значение для расширения нелегальной работы имел приезд в Казань известного революционного деятеля А. Н. Баха. В 1883 г. он вел занятия в рабочих и студенческих кружках, и постепенно из этих бесед родилась одна из самых популярных книг революционного подполья — знаменитый «Царь-голод». «Я помню большую комнату,— писал Бах,— переполненную живыми молодыми лицами, внимательно следившими за моей речью... Беседы, как оказалось, имели успех, и члены кружка потребовали от меня, чтобы я записал их, говоря, что они могут быть полезны не только для рабочих, но и для тех, кто занимается с рабочими»[47]. По мере работы автора над книгой А. Ф. Печоркин, И. П. Чарушников, Н. А. Бухалов и другие члены кружка тут же размножали ее на гектографе по главам. На этом же гектографе отпечатана работа Я. В. Стефановича «Наши ближайшие задачи». Поскольку она была опубликована в виде статьи еще в 1878 г. в журнале «Община», ее сопроводили послесловием Печоркина, в котором положения, высказанные автором, комментировались с позиций революционеров, переживших 1 марта 1881 г.[48].

Кружок Печоркина выпустил также биографии А. Желябова и С. Перовской и ряд других брошюр, изданных ранее «Народной волей» за границей.

В ноябре 1885 г. казанская полиция была встревожена сообщениями о систематической пропаже из типографий Воскобойникова, штаба военного округа,

губернского правления и других шрифтов и различных типографских принадлежностей. Как выяснилось позднее, рабочие этих типографий передавали их местным революционерам. Более того, 6 января 1886 г. было совершено нападение на типографию Воскобойникова и похищено большое количество шрифта. Впоследствии властям стало известно, что рабочие типолитографии канцелярии уездного воинского начальника Г. Дидаев и С. Ярцев тайно отпечатали в ней «Царь-голод» Баха, программу «Народной воли», «Поучительные выводы для русских из истории коммуны 1871 г.» П. Л. Лаврова и «Исповедь» Л. Н. Толстого [49].

В начале 1886 г. казанские народники имели не только гектограф, но и собственную типографию. Шрифт для нее был доставлен из Нижнего Новгорода М. А. Ромасем. Вокруг типографии сложилась большая организация, в которую входили супруги Печоркины, И. П. Чарушников, Е. В. Филадельфова, Э. И. Гауэнштейн и другие казанские студенты и рабочие. В начале 1887 г. типографию перевели с квартиры студента В. Н. Левицкого в специально приобретенный дом. В нем постоянно жили работавшие в типографии В. Н. Перцов, А. Л. Леонов, Ю. О. Бородин и Э. И. Гауэнштейн. Связь с внешним миром поддерживалась через Чарушникова. Главным изданием этой типографии стал сборник «Социальный вопрос», к участию в котором были привлечены В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский, жившие в то время в Нижнем. Свой «Очерк развития социально-революционного движения в России» передал издателям ветеран революционного движения П. Ф. Николаев, судившийся еще в 1866 г. по делу Д. В. Каракозова. В сборник вошли также статьи П. Б. Аксельрода («Переходный момент нашей партии») и Н. Ф. Анненского («Социализм и народничество»). К началу 1888 г. сборник был отпечатан тиражом 200 экз. Члены кружка немедленно приступили к его распространению: 50 экз. отправили в Харьков, 50 — в Москву [50]. Особенно активно занимался распространением сборника Чарушников, ответственный за связь с другими группами и кружками. Объезжая Нижний Новгород, Москву и Петербург, он не только распространял это издание, но и энергично собирал материалы для его следующего выпуска. Однако вскоре организация распалась. Часть ее членов отошла от народнического движения и стала сближаться с социал-демократами. В связи с прекращением деятельности группы была ликвидирована и типография [51].

Представление о том, как в 1880-х гг. было поставлено книжное дело в революционных кружках Казани, дают жандармские документы тех лет. Так, обыски, проводившиеся весной 1886 г. на квартирах студентов Казанского университета, позволили полиции изъять следующие работы: «О праве и кривде» С. М. Степняка-Кравчинского (603 экз.), «Какова моя вера» и «Исповедь» Л. Н. Толстого (398 и 100 экз.), «Поучительные выводы для русских из истории Коммуны 1871 г.» Лаврова (38 экз.), «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце» Л. А. Тихомирова (70 экз.) и другие [52]. Год спустя, в апреле 1887 г., при аресте Н. Д. Баранова было обнаружено 60 экз. первого и второго номеров «Листка Народной воли», значительное количество брошюр «Царь-голод» Баха, «Варшавский процесс двадцати девяти» Т. Рехневского и «К противникам русского государственного строя» [53].

Другим центром нелегального книгоиздания была Одесса. В 1880-х гг. в городе действовал ряд народнических кружков, объединявших студентов Новороссийского университета и учащихся старших классов гимназий. Одним из наиболее крупных и деятельных был кружок Г. Ф. и И. Ф. Борзяковых. В 1883 г. эта группа установила связь с представителем Исполкома «Народной воли» В. И. Сухомлиным. Г. Ф. Борзяков вспоминал: «Первой нелегальной работой было переплетение нелегальной партийной литературы, прибывшей в Одессу. Толстые книжки Вестника „Народной воли", „Календаря" и др. быстро истрепывались и быстро требовали ремонта»[54]. Вскоре кружок имел уже свой гектограф и начал широко снабжать своими изданиями народнические группы Одессы. Борзяков писал: «Наши издания расходились в значительном количестве далеко за рамки учащейся молодежи. Стоит упомянуть, что тогда интересовало нас, вызывалось спросом и расходилось в повторных изданиях. Вот краткий перечень изданий: „Сытые и голодные", „Хитрая механика", „Четыре брата", „Сущность социализма" Шеффле, „Сила и материя" Бюхнера, „Сказки" Щедрина, „Письма" Белинского к Гоголю и Цебриковой к Александру III, судебные речи подсудимых, „Надгробное слово Александру II" и много других»[55]. Этот перечень показывает тематическую широту издательской деятельности группы Борзяковых. Здесь, кроме переизданий известных книг «для народа», выпускавшихся революционными типографиями в 1870-е гг., типа «Хитрой механики» Варзара и «Сказки о четырех братьях» Тихомирова, гектографировались и произведения В. Г. Белинского, Л. Бюхнера, А. Шеффле. В своих воспоминаниях Борзяков писал о спорах, возникших в кружке по поводу предложения издать известные религиозно-философские работы Л. Н. Толстого. В итоге их гектографирование было признано нецелесообразной тратой сил[56]. Работая непосредственно под руководством представителей Исполкома «Народной воли», эта группа имела связи и с революционными кружками других городов, например, с крупной кишиневской народовольческой организацией учащейся молодежи, возглавлявшейся К. Стери и А. Сагайдаковским и располагавшей не только библиотекой нелегальных книг и брошюр, но и собственным гектографом[57].

Связь с эмиграцией одесские народовольцы поддерживали с помощью бывшего студента Цюрихского политехнического института Рутенберга, одесского корреспондента «Вестника Народной воли»[58].

Группа Борзяковых занималась не только переизданием, но стремилась также выпускать собственную литературу. Так, узнав о приговоре, вынесенном В. Н. Фигнер, решили выпустить прокламацию. «Нам нужен был лишь факт публичного протеста, выпуск прокламации и возможно широкое распространение ее»,— писал Г. Ф. Борзяков. «В один вечер составили, переписали, ...оттектографировали, и поздно вечером вся наша компания... рассыпалась во все концы города. Где было удобно — расклеивали, а то опускали в почтовые ящики квартир, а часть отправили почтой»[59]. В 1884 г. в связи с расширением и укреплением организации было решено обзавестись своей типографией. Для этого была установлена связь с кружком типографских рабочих[60]. Однако арест в октябре того же года ряда членов организации сорвал все планы.

Провал группы Борзяковых не прекратил издательскую деятельность одесских революционеров. В 1885 г. на гектографе одной из народовольческих групп была отпечатана брошюра Л. Я. Штернберга «Политический террор в России». Написанная с позиций революционного народничества, эта книга не раз переиздавалась в последующие годы и широко использовалась в пропагандистской работе [61].

Руководителей народовольческих групп не могло удовлетворить то количество литературы, которое можно было воспроизвести на гектографе. Настоятельной необходимостью стало воссоздание нелегальных типографий. Инициативу в этом деле взяли на себя народовольцы юга России. К тому времени организации в южных городах пострадали от арестов меньше, чем столичные. По воспоминаниям современников, в 1885—1886 гг. в Москве «издательская… работа, в виде хотя бы гектографирования одной-двух брошюр и прокламаций, была уже прямо счастьем. Но она бывала всегда сопряжена с наибольшим риском и трудностями и чаще всего вела к скорому провалу кружка»[62]. В сентябре 1885 г. народовольцы провели съезд в Екатеринославе, на котором присутствовали такие видные революционеры, как Л. И. Ясевич, Б. Д. Оржих, В. Г. Богораз-Тан, Н. Н. Шехтер, В. П. Бражников, А. А. Макаревский. Среди главных вопросов, обсуждавшихся на съезде, были организация партийной типографии и издание очередного номера журнала «Народная воля». К этому моменту в распоряжении делегатов съезда оказалось так много материала, что решено было выпустить сдвоенный номер журнала [63]. На съезде было также принято решение об издании «Библиотеки Народной воли»[64]. В специальном извещении говорилось, что эта серия «имеет своей целью разработку и популяризацию социально-революционного учения». «Не ограничиваясь никакими заранее определенными рамками, она будет вмещать в себя работы всякого рода, стремящиеся к разъяснению социально-революционной доктрины с различных сторон. От сочинений, входящих в ее состав, она потребует только искренней любви к народу, живого стремления к отысканию научной истины и отсутствия всяких рутинных предубеждений»[65]. В этом извещении отразилась идейная аморфность народовольцев второй половины 1880-х гг., которым «искренняя любовь к народу» и «стремление к отысканию научной истины» заменили все другие идеологические критерии. Здесь же на съезде часть статей была отредактирована и передана Оржиху. Именно этот молодой революционер возглавил тогда все работы по организации нелегальной типографии. Позднее, в своих показаниях после ареста, Оржих писал: «В мое распоряжение было передано значительное количество шрифтов и других типографских материалов, поручили мне устроить типографию в размерах достаточных для более или менее быстрого печатания брошюр и других предполагавшихся изданий»[66]. Ближайшим помощником Оржиха был В. Г. Богораз-Тан. Он взял на себя функции редактора и составителя.

Типографию решили ставить в Новочеркасске. Шрифт для нее с помощью одного из рабочих был доставлен из Донской областной типографии [67]. Для ведения собственно типографских работ Оржих вызвал из Швейцарии З. В. Кога-

на, работавшего там в типографии «Народной воли», где печатался ее «Вестник»[68]. Первой работой новочеркасской типографии стало переиздание тихомировской «Сказки о четырех братьях»[69] и его же статьи «Чего нам ждать от революции?» из второго номера «Вестника Народной воли» за 1884 г. Затем началось печатание сдвоенного одиннадцатого-двенадцатого номера «Народной воли». Вспоминая о своей работе в этой типографии, Богораз писал: «Мы печатали немного. Обыкновенное издание было 500 экз.»[70].

Одновременно Оржих приступил к организации еще одной нелегальной типографии. Ее было решено ставить в соседнем с Новочеркасском Таганроге[71]. Для нее использовали оборудование ростовской народовольческой типографии, где в 1884 г. печатался десятый номер «Народной воли»[72]. Типографию поместили в специально приобретенном для этого доме. В целях конспирации был заключен фиктивный брак между А. С. Сигидой, возглавлявшим типографию, и Н. К. Малаксиановой, а под видом домашних работниц с ними поселились Е. М. Тринидатская и У. Н. Федорова. Связь между Новочеркасском и Таганрогом осуществляли З. В. Коган и И. Слезкин. В типографии часто работали Оржих и Богораз[73]. Годы спустя последний вспоминал: «Станки наши были самые первобытные, почти детские. Мы накладывали бумагу просто на глазомер и прокатывали вал вручную, без рельсов. Наверное, еще у Гутенберга первый печатный станок был все-таки лучше»[74].

Зимой 1885—1886 гг. работа развернулась в обеих типографиях. Однако сил у революционеров было немного. Оржих, фактически возглавивший всю работу «Народной воли» на юге России, постоянно курсировал из города в город, связывая в единое целое работу кружков Одессы, Ростова-на-Дону, Харькова и Екатеринослава, добывая материалы и бумагу для Новочеркасска и Таганрога. Уровень профессиональной подготовки работников нелегальных типографий был невысок, поэтому З. В. Когану, как наиболее подготовленному, приходилось часто выезжать из Новочеркасска в Таганрог, где печатали одиннадцатый-двенадцатый номер «Народной воли». Один из участников этой работы вспоминал: «Хотя Сигида и был сведущ в типографском деле, но к эстетике относился пренебрежительно и наклеил буквы заголовка, специально сделанного для этого номера, настолько неправильно, что заголовок вышел самый первобытный. Кроме того, корректуру он тоже ставил на вторую ступень; неважно, мол, если останется с ошибками. Они уже успели напечатать половину экземпляров первого листа в 4 страницы, когда Захар (Коган.— Авт.) привез им некоторые недостающие типографские материалы из Черкасска. Взглянув на заголовок и вообще на первый лист, он пришел в ужас и после горячих убеждений, что в тайной типографии тоже нужно всеми силами стремиться выпускать издание насколько возможно изящное, забрал рукописи и заголовок и отвез их в Новочеркасск»[75]. В дальнейшем этот номер «Народной воли» печатался в Новочеркасске, а в Таганроге приступили к набору сборника стихотворений «Отголоски революции». В него были включены произведения В. Г. Богораза, Оржиха, Ф. В. Волховского, Н. А. Морозова и других революционеров. Кроме того, в сборник вошли стихотворения таких известных авторов, как Тургенев и

Н. М. Минский. Сборник предполагалось издать тиражом в тысячу экземпляров. Однако в ночь на 23 января 1886 г., вследствие предательства, типография была захвачена полицией [76].

В это время в новочеркасской типографии близился к концу набор сдвоенного номера «Народной воли» и брошюры В. Г. Богораза «Борьба общественных сил в России». Одновременно Оржих, объехавший народовольческие кружки Петербурга, Москвы и Дерпта, готовил к печати собранные там материалы для тринадцатого номера «Народной воли» [77]. Понимая, что провал типографии в Таганроге неизбежно повлечет за собой и арест работающих в Новочеркасске, Богораз, Оржих и их товарищи лихорадочно допечатывали тиражи своих изданий и тут же передавали их в распоряжение революционных организаций Екатеринослава и Харькова. В феврале 1886 г. было все-таки решено законсервировать типографию, поэтому обложку к брошюре Богораза допечатывали на хуторе под Екатеринославом. Там же отпечатано извещение о провале таганрогской типографии [78].

23 февраля 1886 г. арестовали Оржиха, и оставшиеся на свободе работники новочеркасской типографии были вынуждены скрыться. При захвате таганрогской типографии, помимо части отпечатанного тиража, в руки властей попало значительное количество нелегальных изданий 1870-х — начала 1880-х гг.: биографии Желябова, Перовской и Кибальчича, «Листки» и «Программа» «Народной воли», «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханова, отдельно отпечатанные статьи Л. Тихомирова «Чего нам ждать от революции» и «В мире мерзости и запустения», русский перевод книги А. Туна «История революционных движений в России» [79], большое количество прокламаций и воззваний, а также такие известные «народные» издания 1870-х гг., как «Хитрая механика» и «Правда и кривда» [80]. Все они были представлены в двух—трех экземплярах. Вряд ли народовольцы собирались использовать эту литературу для широкой пропаганды. Хранение большого собрания в помещении нелегальной типографии противоречило элементарным требованиям конспирации, поэтому можно предположить, что это был своего рода издательский архив, а часть литературы планировалось вновь выпустить в свет в типографиях Таганрога и Новочеркасска.

После разгрома южных организаций инициатива перешла к народовольцам Москвы. Именно поэтому, связавшись с ними, уцелевшие от ареста Богораз и Коган выбрали местом постановки новой типографии Тулу. Организация типографии в Туле стала важнейшим фактором активизации деятельности народовольцев. Она получила наименование центральной, и у нее завязались самые тесные контакты с Петербургом и Москвой [81].

Кроме Богораза и Когана, в тульской типографии работала В. А. Обухова. Был снят дом из четырех комнат. Оборудование доставили, в основном, из Москвы и Харькова. Работу начали в июне 1886 г. с печатания брошюры Т. Рехневского «Варшавский процесс двадцати девяти» [82]. Литературные материалы поступали в типографию, главным образом, через Москву. Так, в мае 1886 г. были доставлены письма о голодном бунте заключенных в Иркутской тюрьме («Письмо с Кары») и о положении политических ссыльных в Якутском крае. Под об-

щим заглавием «Из Сибири» они увидели свет осенью 1886 г. В ноябре того же года Богораз завершил работу над составлением очередного «Листка Народной воли». Следующим изданием типографии стала известная речь В. Либкнехта «В защиту правды». Однако в декабре 1886 г. в Москве был арестован Богораз, а вскоре и Коган. Узнав об этом, В. А. Обухова ликвидировала типографию и скрылась из Тулы. Полиция обнаружила помещение типографии только в апреле 1887 г.[83] К тому времени оставшиеся на свободе революционеры вывезли уже весь отпечатанный тираж. Полиции досталось лишь некоторое количество обложек к брошюре В. Либкнехта [84].

В конце 1880-х — начале 1890-х гг. нелегальным книгоизданием активно занимались в Казани. В 1889 г. в городе была обнаружена подпольная организация «Молодая Россия». В нее входили гимназисты старших классов и студенты университета. Члены организации К. К. Ягодкин, Сычев, Воронин, Н. К. Шерстобитов, А. С. Выдрин и др. размножили на гектографе брошюру «Политическая Россия»[85]. В материалах полицейского дознания, произведенного по делу этой организации, говорится также, что с «Молодой Россией» «был связан нижегородский мещанин А. М. Пешков»[86]. Там же, в Казани, в 1891 г. был раскрыт нелегальный кружок, издававший «Журнал, посвященный вопросам общественной мысли и русской жизни и вопросам учащейся молодежи». Основными авторами вышедших в свет двух номеров этого издания были С. А. Суворов и К. И. Кобелев. На квартире последнего находился гектограф, на котором размножали не только «Журнал...», но и ряд брошюр. В организацию входили, в основном, студенты университета. Полиции удалось выяснить, что тираж распространялся среди демократической общественности города, а вырученные средства шли на расширение нелегальной работы и помощь заключенным [87].

В условиях полицейского террора и провокаций 1880-х гг. издание литературы было практически единственным способом ведения активной революционной борьбы. Распространение методов оперативной полиграфии давало возможность любому кружку издавать революционную литературу. С конца 1880-х гг. наличие гектографа стало обычным для всех революционных организаций.

Участники нелегальных групп постоянно работали над совершенствованием множительной техники, поскольку гектограф давал слишком малую экземплярность. Одна из попыток такого усовершенствования была предпринята «Обществом имени Герцена» — революционным кружком петербургских студентов. Член «Общества...», студент Технологического института Л. П. Клобуков создал так называемый «черный гектограф». Один из его товарищей вспоминал: «Порядок работы был такой: рукопись переводилась на массу, в которой происходила какая-то реакция; после этого черная краска накатывалась валиком на ту же массу; краска должна была впитываться массой только в местах, впитавших чернила. Эти места разбухали, выпуклость была заметна для глаз. Иногда краска, к сожалению, мазала и остальную поверхность, но не сильно, так что легко можно было читать... Оттисков получалось значительно больше, чем на гектографе, и притом черных, а не фиолетовых»[88].

Таким способом на квартире Л. П. Клобукова отпечатали в 1892 г. брошюру «Подготовительная работа партии Народной воли» — перепечатку из «Календаря Народной воли на 1883 г.»

Весной 1887 г. гектограф был обнаружен в Екатеринославе у Д. Батинова, вокруг которого объединялся революционный кружок (Н. Ожигов, Я. Нестеров, В. Павлов и другие), размножавший и распространявший народнические издания и особенно произведения П. Л. Лаврова. Такой же кружок, обладавший гектографом (в него входили студенты Новороссийского университета) был в это же время раскрыт в Одессе [89].

В том же 1887 г. в переплетной мастерской К. Кармалиной в Петербурге был неожиданно произведен обыск, в результате которого конфискованы литографированные издания «Сущности социализма» Шеффле (97 экз.), «Истории революционного движения в России» Туна (320 экз.) и некоторые другие материалы. Обнаружилось, что все эти издания, размноженные в небольшой легальной литографии Гробовой, принес в мастерскую для брошюровки студент университета В. Водовозов [90]. Он писал: «Я мечтал создать нелегальное книгоиздательство, не преследующее каких-нибудь партийных целей, но ставящее своей задачей самим фактом издания не пропущенных цензурою книг, независимо от их направления, бороться с цензурой. Руководствуясь этим стремлением, я издал несколько сочинений Л. Толстого..., книжку Шеффле „Сущность социализма", несколько других брошюр и приступил к изданию Туна» [91]. Литография Гробовой была хорошо известна среди петербургских студентов. В ней за скромную плату можно было размножить тексты лекций. Однако мало кто знал, что по ночам в той же мастерской печатались нелегальные материалы [92].

В начале 1890-х гг. деятельность народовольцев несколько оживилась. В это время в русском общественном движении происходило размежевание между народниками и социал-демократами, но еще нередки были случаи сосуществования в рамках одной подпольной организации представителей обоих направлений. Особенно часто эти контакты происходили на почве совместной издательской деятельности. В. Д. Бонч-Бруевич, вступивший в те годы на путь революционной борьбы, вспоминал: «Повсюду, как грибы после дождя, стали расти кружки, землячества, маленькие организации... Исключительно теоретические занятия не удовлетворяли нас, хотелось жизни, практики, общения с людьми, и мы всеми мерами искали сближения с рабочими, заводили среди них кружки для самообразования, группы и проч. Очень скоро обнаружилась полная необходимость в постоянном печатании воззваний, прокламаций, мелких книжонок и проч.» [93].

Перед всеми подпольными организациями стояли одинаковые проблемы. «Как печатать? Где, на чем печатать? Вот вопросы, всегда волновавшие и мучившие всех нас... Заграничного транспорта в то время почти не было, и мы варили массу для гектографов и тайно печатали на них 50 или 75 экз. того, что было необходимо...»,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич [94].

В 1891 г. В Петербурге была создана «Группа народовольцев». Она состояла из представителей интеллигенции и рабочих. «Среди ее членов не было ни ли-

тераторов, ни лиц, сколько-нибудь знающих типографское дело. Тем не менее, главное внимание с первых дней было обращено на постановку типографии. Это в то время казалось очень крупным делом,— публика совсем отвыкла от свободного печатного слова»[95].

Не дожидаясь постановки типографии, народовольцы начали выпускать свою литературу на гектографе. Так, после собрания рабочих, проведенного в Петербурге в 1891 г. по случаю празднования 1 мая, «Группа народовольцев» размножила на гектографе речи, произнесенные на этом собрании [96].

Организация типографии заняла практически весь 1891 г. Основные ее принадлежности были предоставлены в распоряжение революционеров типографским рабочим А. М. Колодоновым [97]. Однако для регулярной работы в ней постоянно не хватало профессионально подготовленных людей и оборудования. «Типография обходилась без верстаков... ощущался постоянный недостаток в буквах заглавных и редких (щ, ю, я, ф); в силу недостатка шрифта в задачу редакции входило подгонять статью под имеющийся в наличности шрифт: из-за недостатка, например , буквы э приходилось вытравливать слова: этот, поэтому,— и соответственно изменять все построение фраз»,— вспоминал М. С. Ольминский [98].

Приступая к издательской работе, члены «Группы народовольцев» рассчитывали на активное сотрудничество прогрессивных кругов интеллигенции, в том числе профессиональных литераторов. «По своей наивности,— писал Ольминский,— мы думали, что при невероятных цензурных условиях достаточно возможности печататься без цензуры, чтобы перья литераторов заскрипели во всю. Оказалось же, что даже среди видных сотрудников прогрессивнейших по тому времени изданий создалось „принципиальное" отрицание свободной печати, мотивируя тем, что такая печать ведет к «напрасным» жертвам!»[99].

Из легальных народнических публицистов с группой сотрудничали Н. К. Михайловский, Н. М. Астырев и В. А. Гольцев. Зимой 1892 г. в типографии были отпечатаны написанная Михайловским прокламация «Свободное слово» и «Первое письмо к голодающим крестьянам» Астырева. Гольцев, известный либеральный ублицист, возглавлявший в те годы «Русскую мысль», передал для нелегального издания и распространения статью В. Г. Короленко «По России», которая по цензурным условиям не могла быть опубликована в легальной печати [100]. Тогда же, в связи с голодом, охватившим страну, выпущено в свет и воззвание «От группы народовольцев», написанное членом группы А. А. Федуловым. Эти издания распространялись в стране различными революционными кружками [101]. Желая привлечь внимание общественности к деятельности своей организации, народовольцы отправили свои издания в редакции ведущих газет и журналов Петербурга и Москвы. Некоторые из них откликнулись на эти воззвания. Реакционные «Московские ведомости» назвали их «мерзкими листками», а либеральный журнал «Вестник Европы» опубликовал стихи поэта Жемчужникова, содержание которых было расценено современниками, как косвенное «приветствие издателям листков»[102].

Появление в стране типографски изданной нелегальной литературы было с энтузиазмом встречено эмигрантскими народовольческими организациями. Про-

кламации тотчас перепечатал в Женеве «Кружок старых народовольцев» с прибавлением статьи И. Сергеевского (Н. С. Русанова), который писал: «Снова как будто проносится дыхание революции, и Россия пробуждается от сна»[103].

В течение 1892 г. шла интенсивная работа по объединению народнических групп Москвы и Петербурга. С этой целью из Москвы приезжал Е. Д. Мягков, представлявший организации студентов Петровской академии и университета. Он привез с собой отпечатанные на гектографе листовки и брошюры «Русская развитая женщина» П. Л. Лаврова, «Программа Исполнительного комитета партии Народной воли», «Чудная» В. Г. Короленко и другие издания московских революционеров. Было достигнуто принципиальное соглашение о сотрудничестве[104].

В 1892 г. «Группа народовольцев» отпечатала «Письма к молодежи» А. А. Федулова (500 экз.) и «Программу Исполнительного комитета партии Народной воли» (1000 экз.). Летом того же года группа приступила к реализации давно вынашиваемого плана об издании периодического органа. Был отпечатан первый номер газеты, получивший название «Летучий листок Группы народовольцев». Этот номер состоял всего из трех статей. Группе в тот период остро не хватало не только материальных средств, но и своих литературных сил. Это привело к приостановке типографских работ на рубеже 1892—1893 гг. Издательская деятельность возобновилась лишь весной 1893 г., когда удалось собрать деньги и литературные материалы, необходимые для выпуска второго номера «Летучего листка». В это же время, в ожидании провала, типография была перенесена из Петербурга в имение Аничкова, находившееся около г. Боровичи в Новгородской губернии[105]. Тогда же «Группа народовольцев» обратилась к рабочим петербургских заводов с предложением присылать для периодических органов группы информацию о жизни и борьбе пролетариата. По воспоминаниям М. С. Ольминского, «...рабочие чувствовали потребность в органе и потому довольно охотно откликнулись на призыв доставлять хронику с фабрик и заводов»[106]. Так был подготовлен первый выпуск «Рабочего сборника»[107]. В 1893 г. группой выпущена в свет брошюра «Братцы-товарищи», написанная рабочим петербургского завода «Симменс и Гальске» И. И. Кейзером. Издательская история этой брошюры отразила процесс политического размежевания, происходивший среди членов «Группы народовольцев». Часть группы, возглавляемая Ольминским, все решительнее переходила на позиции марксизма. Тесно связанные с петербургским пролетариатом, сторонники Ольминского стремились расширить и углубить свои контакты с рабочими. Поэтому они не только поддерживали решение об издании брошюры И. И. Кейзера, посвященной борьбе рабочего класса за свои права, но и отстояли в ожесточенных спорах неприкосновенность переданного им текста. Совершенно сознательно в рукописи «не было сделано ни одной поправки; даже явная ошибка (приравнивание парламента к российскому сенату) была пропущена ради неприкосновенности литературы, исходящей от рабочих»[108].

Постепенно «Группа народовольцев» расширяла свою деятельность. Часть выпущенной ею литературы была передана для распространения революцион-

ным кружкам Москвы, Харькова, Киева и других городов [109]. Многие издания группы затем размножались на гектографах в революционных кружках. Так, в начале 1890-х гг. в Петербурге и Москве полиция раскрыла два связанные друг с другом кружка, активно занимавшиеся гектографированием. При аресте было обнаружено большое количество типографских и гектографированных изданий «Группы народовольцев»: «Программа Исполнительного комитета партии Народной воли», «Первое письмо к голодающим крестьянам», воззвание «От группы народовольцев», а также произведения П. Л. Лаврова, М. К. Цебриковой и Дж. Кеннана [110].

В апреле 1894 г. деятельность «Группы народовольцев» была прервана в связи с арестом части ее наиболее активных членов во главе с Ольминским. Полиции удалось также захватить и подготовленные к печати материалы второго выпуска «Рабочего сборника». Однако, на этот раз полиция не сумела обнаружить типографию, а стойкое поведение арестованных на допросах не позволило выявить остальных членов организации. Уже в конце 1894 г. оставшиеся на свободе народовольцы А. А. Ергин, В. И. Браудо и А. Ю. Фейт восстановили группу и продолжали ее издательскую деятельность, непосредственно связанную с историей так называемой Лахтинской типографии.

Возобновление печатных работ стало возможным после того, как А. А. Ергин и его товарищи установили контакты, а затем объединились с кружком рабочих, который возглавляла слушательница Высших женских курсов Е. А. Прейс-Иогансон. В этот кружок входили рабочие В. П. Приютов, М. Е. и Г. Е. Тулуповы, Н. Е. Смирнов и Н. И. Белов. Типографское оборудование было дополнено И. А. Долининым (он передал группе материалы, сохранившиеся от одной из прежних народнических организаций) и рабочим-печатником Н. И. Беловым [111]. В феврале 1895 г. типография была оборудована в доме на набережной Крюкова канала. Специально для работы в типографии здесь поселились братья Тулуповы, Н. И. Белов и Н. Е. Смирнов. В наборе и печатании принимали участие также Ергин и А. А. Федулов. Средства на содержание типографии и ее работников складывались из пожертвований сочувствующих, денег, предоставленных наиболее обеспеченными членами группы, и платы за «сторонние заказы», которые получала типография от других революционных организаций [112]. Для ее бесперебойной работы требовалось большое количество бумаги, которую из конспиративных соображений нельзя было покупать в магазинах. Поэтому с помощью Долинина, служившего в Петербургском торговом порту, организовали выписку бумаги, якобы, для нужд порта [113]. Склады печатной продукции были созданы в разных концах города на квартирах рабочих. Первым изданием типографии стала брошюра Федулова «Радикалы и поссибилисты» (вышла летом 1895 г.). Н. Е. Смирнов позднее вспоминал: «Набирая брошюру, я не был удовлетворен ее содержанием. Набираю и ворчу: зачем много иностранных слов, а мысли мало понятны? Стоит ли тратить время и средства для печатания такой книжки, которую мы, уже развитые рабочие, плохо понимаем? А что поймут заводские рабочие?.. Нам хотелось бы печатать нечто в роде „Хитрой механики“ и „Подпольной России...“»[114].

Видимо, такое мнение имел не только Смирнов, так как руководство «Группы народовольцев» скорректировало свои издательские планы. Было принято решение продолжить для интеллигенции выпуск «Летучих листков», а специально для рабочих печатать популярную агитационную литературу [115].

Так, для работы в заводских и фабричных кружках отпечатали брошюры А. Н. Баха («Царь-голод») и А. С. Белевского («Иван Гвоздь»), а в виде листовки — обращение к забастовавшим текстильщикам Петербурга — «Братья товарищи». Разрабатывались планы по изданию специальной газеты для рабочих [116]. В свою очередь, интеллигенции адресована отпечатанная листовкой «Речь П. Лаврова», третий и четвертый номера «Летучих листков», редактором которых был старый народник, участник революционного движения 1870-х гг. А. С. Белевский [117].

Постепенно эта типография получила известность среди революционеров и за пределами Петербурга. С заказами на печатные работы к «Группе народовольцев» стали обращаться различные организации — не только народнические, но и социал-демократические. С другой стороны, в самой «Группе народовольцев» и в новом составе продолжался процесс постепенного размежевания между народниками «старого закала» и молодыми членами группы, работавшими в рабочих кружках и имевшими постоянные контакты с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Поэтому часть литературы для рабочих, выпускавшейся типографией, использовалась и марксистскими кружками. Наиболее тесно «Группа народовольцев» сотрудничала с партией «Народное право» — народнической организацией, основанной старыми деятелями революционного движения М. А. Натансоном, Н. С. Тютчевым, А. И. Богдановичем и др.[118] По заказу народоправцев типография отпечатала около 800 экз. первого номера газеты «Борьба»[119], получив за это 700 р. Чаще всего услугами типографии пользовался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». По его заказу была отпечатана работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и готовилась к изданию его брошюра «О стачках»[120]. В мае 1896 г., опасаясь провала, народовольцы перевели типографию из дома на набережной Крюкова канала в поселок Лахта. Однако развернуть работу на новом месте им практически так и не удалось. В ночь на 24 июня 1896 г. типография была захвачена полицией [121]. Министр внутренних дел Н. В. Муравьев докладывал о результатах обыска: «Отобрано более 120 пудов шрифта, наборная касса, станки с валиками и свежеотпечатанные листы социалистической брошюры под заглавием „Иван Гвоздь", изготовленной в 3 500 экземплярах. Кроме того, ...в течение лета 1895 года в ...типографии было отпечатано свыше 4 500 революционных сочинений... Всего же из помянутой типографии выпущено около 16 000 изданий противоправительственного содержания»[122].

Издательская деятельность народнических организаций за рубежом

Одним из первых приступил к изданию листовок и брошюр Заграничный отдел общества Красного Креста «Народной воли», образованный в 1882 г. В из-

вестной степени революционный Красный Крест создавался как межпартийный издательский центр, целью которого было ознакомление общественности с борьбой против самодержавия и сбор средств от продажи литературы. Организация пользовалась услугами Вольной русской типографии в Женеве[123]. Значительная часть ее изданий расходилась среди политической эмиграции при содействии М. К. Элпидина и магазинов Георга и Миллера. В 1882—1883 гг. были выпущены в свет три сборника «На родине» и брошюры с биографиями Желябова, Перовской и Кибальчича. Эти брошюры в дальнейшем перепечатывались и гектографировались нелегальными организациями и получили массовое распространение в России. После образования группы «Освобождение труда» Красный Крест перестал быть межпартийной организацией, и его издательская деятельность стала частью зарубежной издательской деятельности «Народной воли».

В то же самое время оказавшиеся в эмиграции руководители «Народной воли» предпринимали энергичные усилия для основания своего заграничного периодического органа. Еще в конце 1881 г. Я. В. Стефанович писал С. М. Кравчинскому: «Мы намерены основать за границей толстый журнал. В нем крайне настоятельная потребность. Она сознается всей интеллигенцией, не говоря уже об учащейся молодежи»[124]. В качестве соредакторов нового журнала планировалось привлечь Лаврова и Степняка-Кравчинского. Однако выпуск в свет первого номера журнала, названного «Вестник Народной воли», затянулся не только в силу материальных затруднений, но и по причине идейных разногласий, охвативших народническое движение тех лет[125].

Непосредственная подготовка к выпуску первого номера «Вестника» началась осенью 1882 — весной 1883 гг. после приезда из России членов Исполнительного Комитета «Народной воли» Л. А. Тихомирова и М. Н. Ошаниной. По мнению И. С. Вахрушева, «львиную долю работы по организации издания, его проектированию и, так сказать, оформлению физиономии с самого начала взял на себя П. Л. Лавров»[126].

Постепенно были выработаны и основные принципы зарубежной издательской деятельности. В объявлении об издании своего периодического органа руководство «Народной воли» особо подчеркивало те отличия, которые должны иметь эмигрантские издания: нелегальные издания в России «суть органы борьбы словом, идущей нераздельно от борьбы делом и рядом с нею; они — непосредственное отражение событий, непосредственные возбудители к деятельности, и им приходится почти на каждой своей странице преимущественно преследовать ближайшие цели настоящей минуты, руководить членов партии или даже данной местной группы в их ежедневной борьбе». В свою очередь, эмигрантский орган печати «не может ни действовать непосредственно, ни даже достаточно скоро отзываться на совершающиеся события в их отдельности. Его дело — преимущественно группировать события и уяснять их, показывать их связь как между собою, так и с общим ходом событий нашей эпохи... Его дело освещать современность как целое с точки зрения русского социализма и давать членам партии руководство для общего понимания и контроля своей деятельности...»[127].

Опытный издатель, Лавров не собирался ограничиваться выпуском одного только периодического органа. Он планировал начать издание книг и брошюр в серии «Библиотека социальных знаний»[128]. Однако часто его планы наталкивались на противодействие Л. А. Тихомирова — одного из руководителей народовольческой эмиграции, в руках которого фактически находилась вся издательская деятельность организации. В конечном счете сектантство и нетерпимость Тихомирова привели к отходу Лаврова от редакционных дел.

Полиграфической базой для «Вестника» служила Вольная русская типография. В 1884—1885 гг. ею руководил В. И. Иохельсон (Голдовский). В качестве наборщиков и в экспедиции работали Г. Ф. Чернявская, И. В. Бохановский, С. П. Рабинович, Я. С. Френкель. Обязанности секретаря редакции выполняла Ошанина. Активными авторами были Тихомиров, Лавров, Э. А. Серебряков, Н. С. Русанов. Последний позднее вспоминал: «По экономической части писал Лев Бух... Стали приходить в редакцию статьи и с родины. Лесевич прислал интересную статью в защиту террора, подписанную псевдонимом „Украинец". Ошанина толково и добросовестно вела хронику борьбы и была неофициальным, но очень деятельным членом редакции...»[129].

Кроме «Вестника», был подготовлен и выпущен в свет первый выпуск «Календаря Народной воли на 1883 г.», составленный Иохельсоном. Он включил в него документы знаменитого судебного процесса 1878 г. над 193 революционерами, участниками «хождения в народ», программу Исполкома Народной воли, письмо Исполкома Александру III, статью Лаврова «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», некролог, посвященный Карлу Марксу, биографические очерки о Г. Гельфман, М. Ф. Грачевском, С. Перовской, библиографию революционной литературы. Среди авторов, кроме Лаврова, были Иохельсон, А. М. Эпштейн, Степняк-Кравчинский и Тихомиров.

Издание книг и брошюр в серии «Библиотека социальных знаний» из-за недостатка средств неоднократно откладывалось. Наконец, к 1887 г. подготовили и передали в типографию первый выпуск серии, озаглавленный «Колокол» и включавший избранные статьи А. И. Герцена. В той же Вольной русской типографии на средства Русского рабочего общества отпечатали лекцию Лаврова «Национальность и социализм», прочитанную им в Париже в 1886 г.

Руководившие изданием народовольцы постоянно стремились к укреплению связей с подпольными организациями на родине. В период сотрудничества с «Вестником» Лавров утверждал: «Содействие из России не может ограничиваться пересылкой денег. Нужны корреспонденты и корреспонденции *проверенные*»[130]. И такие связи были довольно постоянны. Члены редакции имели контакты с интеллигенцией Петербурга и Москвы. Народовольческое подполье снабжало «Вестник» информацией о репрессивной политике самодержавия, о преступлениях царской администрации, о борьбе революционеров, о народных волнениях. Одним из таких информаторов был, например, чиновник Министерства финансов П. А. Булгаревич [131]. Иохельсон регулярно высылал в Париж Лаврову корректурные листы «Вестника Народной воли». Тот настолько внимательно относился к вопросам издательской культуры, что делал замечания сво-

им молодым коллегам даже за незначительные опечатки. Финансовую поддержку «Вестнику» оказывали и жившие за рубежом противники самодержавия [132]. Но в основном все издание держалось на скромных средствах самих членов редакции. Порой их материальное положение было просто катастрофическим. С 1883 г. по 1886 г. в свет вышло пять номеров «Вестника», и каждый выпуск стоил неимоверных усилий.

Л. Г. Дейч писал, что «издание всякого русского произведения там (за границей.— Авт.) обходилось значительно дороже, чем таких же размеров рукописи на каком-либо западноевропейском языке, что обусловливалось в полтора раза большей платой, которую получали наборщики за набор славянского манускрипта»[133]. Так, в 1884 г. Тихомиров писал: «Наше положение — отчаянное. Денег нет, ни черта нет. Скоро есть будет нечего. Наборщикам не платим»[134]. Внимательно следившие за народовольцами заграничные агенты охранки не без злорадства сообщали в Петербург летом 1885 г.: «Кружок Тихомирова страдает безденежьем, что задерживает выпуск № 5 „Вестника Народной воли"»[135]. К этим, столь привычным для революционной эмиграции трудностям прибавились и террористические действия агентов охранки, прямо направленные против издательской деятельности «Народной воли».

В ноябре 1886 г. агенты русской полиции, возглавляемые П. И. Рачковским, совершили налет на женевскую типографию «Народной воли». Эта акция подготовлялась давно. Власти хорошо осознавали силу революционной печати. Рачковский доносил в Петербург: «Она (типография.— Авт.) составляла до сих пор главную основу революционной деятельности заграничного отдела „Народной воли". При помощи названной типографии заграничные народовольцы существенным образом влияли на ход революционного движения внутри России, приобретая новых единомышленников себе и раздувая свое значение среди русского общества, куда публикации их проникали в достаточном количестве, несмотря ни на какие противодействия правительства»[136]. В ходе ночного налета удалось уничтожить около 6 тыс. экз. книг, брошюр и периодики (в том числе отпечатанные листы пятого номера «Вестника Народной воли»), было вынесено из типографии и разбросано по улицам Женевы около 6 пудов шрифта [137]. Власти надеялись, что этот удар окажется для «Народной воли» смертельным. Однако ее руководители обратились за помощью ко всей революционной эмиграции. Действия агентов полиции вызвали всеобщее возмущение. Практически все эмигрантские группировки и кружки оказали поддержку типографии. В январе 1887 г. был подготовлен новый тираж пятого номера «Вестника». Но в начале февраля 1887 г. Рачковский организовал еще один налет на типографию. На этот раз было уничтожено более 10 пудов шрифта и сотни экземпляров различных изданий [138]. Этот удар и последовавшие вскоре разрыв Л. А. Тихомирова с революционным движением и отъезд его в Россию резко сократили издательские возможности зарубежных народовольцев.

Годы спустя М. Н. Ошанина, говоря о значении «Вестника Народной воли», писала, что «это издание поддерживало бодрость духа остатков русских „старых" народовольцев и очень помогало их деятельности»[139]. Конечно, количе-

ство проникавших в Россию номеров «Вестника Народной воли», «Календаря Народной воли» и других заграничных изданий народовольцев было крайне незначительным. Да и их идейное содержание часто не отвечало исканиям русского революционного движения. Однако сам факт выхода в свет изданий под маркой Исполкома «Народной воли» был важным показателем стойкости русского освободительного движения. Попадая в Россию, они часто распечатывались подпольными организациями. Статьи, биографии погибших героев-народовольцев и некоторые другие материалы, отдельно гектографированные в виде брошюр, начинали в России новую жизнь. Среди них наибольшее хождение имели работы Тихомирова («Запросы времени», «Памяти честно погибших», «В мире мерзости и запустения»), Л. П. Буланова («Некролог... Неустроева»), Э. А. Серебрякова («Воспоминания о Н. Е. Суханове») и ряд других материалов.

Следующий этап издательской деятельности русской народнической эмиграции связан с созданием Социалистического литературного фонда.

После того, как Исполком «Народной воли» прекратил свое существование, основная масса народнической эмиграции организационно распалась на ряд кружков и групп. В Цюрихе был создан Кружок народовольцев, в Париже — Группа народовольцев и ряд других объединений. Все они постоянно стремились наладить связи с Россией. Одной из основных задач они считали издание и распространение революционной литературы. Успешную издательскую деятельность эти группы могли вести только при объединении своих финансовых ресурсов, совместном использовании путей транспортировки литературы и связей с русским подпольем. Среди революционной эмиграции конца 1880-х — начала 1890-х гг. продолжался процесс идейного размежевания. Все четче прослеживались в ее работе три основных направления: социал-демократическое, народническое и либерально-конституционное. Однако наметившийся в России на рубеже 1880—1890-х гг. новый подъем освободительного и рабочего движения потребовал от представителей этих направлений совместных усилий для литературного его обеспечения. П. Л. Лавров в письме к П. Лафаргу сообщал: «Среди нас имеются группы, которые провозглашают необходимость отбросить временно все социалистические программы и ограничиться борьбой против самодержавия. В ответ на это движение убежденные русские социалисты, по-видимому, хотят объединиться более тесно»[140]. О необходимости создания нового революционного органа писал Лаврову обосновавшийся в США пионер русской нелегальной печати Л. Б. Гольденберг[141]. Одной из первых совместных издательских акций был выпуск в свет написанного Лавровым «Письма товарищам в России по поводу брошюры Л. А. Тихомирова», отпечатанного в 1888 г. в Вольной русской типографии. В этой работе самый авторитетный деятель русского народничества той эпохи не только разоблачал Тихомирова как изменника делу борьбы против самодержавия, но и пытался объяснить те глубинные идейные процессы, которые привели русское народничество к острейшему кризису. В связи с изменой Тихомирова Парижская группа народовольцев выпустила брошюры «По поводу одного предисловия к новому изданию книги Л. Тихомирова „La Russie politique et sociale"» и «Революция или эволюция?» Н. С. Ру-

санова с послесловием Лаврова. Они были отпечатаны также в Вольной русской типографии. Там же в 1888 г. выпущена работа Э. А. Серебрякова «Открытое письмо Льву Тихомирову. (Автору „Почему я перестал быть революционером“)».

Опираясь на Вольную русскую типографию в Женеве, энергичную издательскую деятельность развернул и созданный в 1887 г. Цюрихский кружок народовольцев, который ставил своей целью «продолжать террористическую борьбу и одновременно издавать и пересылать в Россию социалистическую литературу»[142]. В издательские планы кружка входили «выпуск книг и брошюр как переводных, так и оригинальных по вопросам научного социализма; ...книг и брошюр, рассматривающих с точки зрения научного социализма как явления нашей социальной жизни в ее прошлом и настоящем, так и наши программные вопросы; ...поддержка периодических изданий, обозрений и сборников; ...организация специальных лотерей и вечеров в пользу изданий русского социально-революционного календаря и рабочей литературы»[143]. Стоявшие во главе кружка С. М. Гинзбург, Б. И. Рейнштейн, И. В. Дембо и Ю. Г. Раппорорт стали инициаторами создания Социалистического литературного фонда. Цель этого объединения определялась необходимостью «издания произведений по вопросам научного социализма, независимо от теоретических программных разногласий между русскими социально-революционными группами»[144].

Фонд возглавил Лавров, секретарем стал М. А. Филиппов. Был выработан его устав, в основных пунктах которого говорилось: «1) Социалистический литературный фонд ставит себе целью доставлять денежные средства на издание как оригинальных, так и переводных социально-революционных произведений путем организации постоянно пополняющегося денежного фонда. 2) Не руководствуясь фракционными взглядами, Фонд ставит авторам, обращающимся к нему за средствами, необходимым условием, чтобы их произведения — будь это статьи по теоретическим вопросам современного социализма или по вопросам современной русской действительности и программ русских социально-революционных фракций,— отвечали требованиям своевременности появления и научности в постановке и обосновании разбираемых вопросов. 3) В видах обеспечения правильности выполнения Фондом своих задач... руководящая роль в его деятельности предоставлена П. Л. Лаврову, который хранит у себя кассу Фонда, дает отзывы о том, что предложенные произведения удовлетворяют вышеупомянутым требованиям Фонда, и определяет сумму, выдаваемую Фондом на их издание. 4) Только после благоприятного со стороны П. Л. Лаврова отзыва, данного на основании ознакомления с содержанием статьи, Фонд выдает средства на ее издание. В тех случаях, когда П. Л. Лавров лишен возможности дать такого рода отзыв или когда он отказывается дать предпочтение одному из нескольких одновременно предложенных ему на рассмотрение произведений, комитет Фонда оставляет за собой право решающего голоса в вопросе о выдаче средств на их издание»[145].

Специально для распространения в России было отпечатано «Обращение к русской молодежи». В нем, в частности, говорилось: «Вся живая молодежь в Рос-

сии сознает нужду в серьезной социалистической литературе, и, между тем, по той или иной причине, этой литературы все нет. Необходима инициатива для того, чтобы удовлетворить этому требованию... Необходим литературный орган русского социализма. Необходима научно-социалистическая литература на русском языке. Мы решили посвятить те силы, которые мы теперь имеем, на издание ряда брошюр по научному социализму»[146].

В январе 1888 г. секретарь Фонда сообщил Лаврову список предполагаемых к изданию брошюр: в основном это были произведения Г. Плеханова, К. Каутского, Ж. Геда и П. Лафарга [147].

Лавров, видимо, понимая, что полученные им от Фонда полномочия могут вызвать недовольство среди некоторых группировок (особенно со стороны группы «Освобождение труда»), писал: «При выборе для перевода книг и брошюр из известной мне иностранной социалистической литературы или при перепечатке подобных произведений русской литературы я буду указывать, какое издание я считаю более полезным. Оригинальные произведения русских авторов, предполагаемые к изданию Фонду, считаю возможным печатать без всякого просмотра моего или кого то ни было, при ручательстве автора, что в нем (произведении.— Авт.) нет личных нападок на какую-нибудь русскую социально-революционную группу»[148].

Однако уже скоро в руководстве Фондом начались разногласия. Плеханов, рассчитывавший выпустить ряд своих работ на деньги этой организации, отказался передать их на «суд» Лаврова [149].

Транспортировка литературы осуществлялась во взаимодействии с польской партией «Пролетариат», которая «держала» германо-русскую границу. По предложению одного из руководителей «Пролетариата», С. Мендельсона, для этой цели была создана общая касса [150]. Стремясь установить прочные связи с народническим подпольем в России, Фонд посылал туда своих эмиссаров [151].

Денежные средства Фонда были недостаточны для развертывания широкой издательской деятельности. Однако несмотря на все трудности, Фонд сумел обеспечить издание ряда книг. Одним из первых на его средства Цюрихским кружком народовольцев был выпущен в 1887 г. труд К. Маркса «Введение к критике философии права Гегеля». Вслед за ним в 1888 г. в переводе Рейнштейна вышла в свет работа «Экономическое учение Карла Маркса в популярном изложении К. Каутского». В том же году была выпущена брошюра «Процесс 21-го». В виде приложения в нее вошла написанная Лавровым биография Г. Лопатина, бывшего центральной фигурой на этом судебном процессе.

Кроме книг и брошюр, Цюрихский кружок народовольцев подготовил в 1889 г. первый выпуск политического социально-революционного обозрения «Социалист». В него вошли статьи как народников (Лаврова, И. Н. Кашинцева, Русанова и Серебрякова), так и деятелей группы «Освобождение труда». Редактировал выпуск Ю. Г. Раппопорт. «Социалист» был задуман как противовес «Свободной России», органу либеральных народников. Предполагалось, что это издание будет совместным делом нескольких политических группировок. Раппопорт вел об этом переговоры с Плехановым и Лавровым. Последний в марте

1889 г. писал С. М. Гинзбург об «основании нового органа социально-революционного с сильным подчеркиванием социалистического элемента в оппозицию отрекающимся от социализма „Свободной России", „Свободе", да, пожалуй, и „Самоуправлению"». «Мне и здешним,— продолжал он,— предлагают сотрудничество. Так как приходится теперь снова отстаивать социализм, как 16 лет тому назад, то я в содействии (впрочем, небольшом) не откажу»[152].

На сотрудничество в этом журнале первоначально согласились и члены группы «Освобождение труда»[153]. Однако попытки соединить в одном печатном органе представителей различных политических течений не удались и летом 1889 г. были прекращены.

К этому времени прекратилась деятельность Цюрихского кружка народовольцев и тесно связанного с ним Социалистического литературного фонда. После того, как в феврале 1889 г. при испытании бомб, предназначенных для террористических актов в России, погиб И. В. Дембо, один из руководителей этих организаций, швейцарская полиция выслала из страны наиболее активную часть русских революционеров. Центр народнической эмиграции переместился во Францию.

Последней значительной издающей народовольческой организацией того периода была созданная в Париже в 1891 г. Группа старых народовольцев во главе с Лавровым. В нее входили ветераны народовольческого движения Ошанина, Чернявская. Серебряков, И. А. Рубанович и Русанов. Можно утверждать, что издательская деятельность рассматривалась как основная задача Группы старых народовольцев. Была создана специальная издательская группа из семи человек[154]. Те, в свою очередь, должны были выбрать «*товарищей* и *содействующих*, которые, примыкая к общим принципам издания, принимают на себя обязанность поддерживать его материально или нравственно, исполнять поручения издателей по делу издания, распространять его, отыскивать для него корреспондентов и сотрудников...»[155]. В издательские планы группы входил выпуск специальной литературы «для народа». «Что касается до периодического издания для социально-революционной интеллигенции,— говорилось в документах группы,— то группа полагает, что лучше, может быть, выждать, не появятся ли подобные издания в скором времени в самой России и не целесообразнее ли заграничным деятелям ограничиться пока изданием брошюр по отдельным вопросам русской жизни...»[156].

Действительно, группа начала с выпуска небольших брошюр. Так, под одной обложкой издали доклад о жизни и деятельности Елисеева и Шелгунова, прочитанный Лавровым в июне 1891 г. в Париже и воспоминания Русанова о Шелгунове[157]. Одним из основных авторов группы стал Русанов. Группой было издано не менее пяти его работ, в их числе и претендующая на серьезные научные обобщения книга «Основы теоретического социализма и их приложение к России» (1893 г.). Стараясь сделать свои издания политически актуальными, группа стремилась откликаться на известия о важнейших событиях, которые приходили из России. В результате появились такие брошюры и прокламации,

как «Голод в России» и «По поводу недавних прокламаций» Русанова, «Отчего русский рабочий народ голодает?» и «Хроника революционной борьбы».

Организовав издание брошюр и прокламаций, группа вскоре приступила к выпуску непериодического сборника «Материалы для истории русского социально-революционного движения». Русанов вспоминал: «Издававшийся фактически под лавровской, а особенно моей редакцией, наш сборник был выразителем мнений той группы лиц, которая осталась существовать еще от второй половины 80-х гг. ...У нас установились связи с родиной, и ряд корреспонденций, присылавшихся нам с разных концов России, свидетельствовал об интересе, который наше издание стало возбуждать среди довольно широких слоев революционной молодежи и рабочих»[158].

Пытаясь дать политическое обоснование этому изданию, Русанов писал: «Мы стремились распространять идеи революционного социализма, одновременно борющегося и за торжество труда, и за политическую свободу»[159]. По существу же это была попытка противопоставить несколько модернизированные идеи народовольчества идеям марксизма, все более и более завоевывавшим умы широкого круга представителей рабочего класса и интеллигенции[160].

Было намечено издать 17 выпусков сборника. Однако из-за недостатка средств в свет вышли только 4 (в 1893—1896 гг.), каждый из которых представлял собой отдельную монографию: Лавров П. Л. История социализма и русское движение (Вып. 1); Его же. Народники-пропагандисты 1873—1878 г. (Вып. 10); Серебряков Э. А. Общество «Земля и воля» (Вып. 11) и Рубанович И. А. Иностранная пресса и русское движение (Вып. 16)[161].

В виде приложений к «Материалам для истории русского социально-революционного движения» было решено выпускать сборник под названием «С родины и на родину», посвященный злободневным вопросам, что должно было придавать «Материалам...» характер журнала[162]. Объявляя о начале этого издания, представители группы сообщали о том, что они «вовсе не намерены придать ему роль издания руководящего». Они, якобы, стремились лишь к тому, чтобы «собирать материал сведений, годных для борьбы с абсолютизмом, преимущественно на социалистической почве», подчеркивали, что «теперешнее издание есть не более как подготовление к тому органу, который должен... скоро появиться как представитель революционного движения в России...»[163]. Всего этот сборник с 1893 по 1896 г. был издан 7 раз.

Как уже отмечалось, издания Группы старых народовольцев были практически последним аккордом издательской деятельности зарубежных организаций народовольческого толка. Наступивший в России в середине 1890-х гг. подъем рабочего и освободительного движения выдвинул на арену политической жизни новое поколение народников, придерживавшихся и несколько иных принципов издательской деятельности.

* * *

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. в зарубежной издательской деятельности участвовали, кроме народовольцев, народнические организации различ-

ных направлений. Так, до 1890 г. продолжали время от времени появляться очередные номера выходившей с 1877 г. газеты «Общее дело». Ее основателем и одним из наиболее активных авторов был А. Х. Христофоров. По существу, издатели газеты стремились превратить ее в рупор либеральной оппозиции, заявляя, что желают быть «органом стремлений и чувств большинства общества...»[164]. Сам Христофоров писал: «Принимаясь за издание „Общего дела", мы возлагали надежды на деятельное сотрудничество из России и, благодаря ему, рассчитывали создать орган вольной прессы, который имел бы в ней обширное распространение. Эти надежды не осуществились... сношения „Общего дела" с Россией были очень ограниченные. Оно попадало туда случайно и в таком незначительном количестве экземпляров, что едва ли многие знали там о его существовании...»[165]. Б. П. Козьмин отмечал, что эта газета всегда «отличалась умеренностью направления и порой академичностью тона, с одной стороны, и очень богатой (по сравнению с другими нелегальными органами печати) информацией о русской политической жизни, с другой»[166].

Фактически газета издавалась на средства Н. А. Белоголового. Известный врач, друг М. Е. Салтыкова-Щедрина и П. Л. Лаврова, он с начала 1880-х гг. постоянно жил за границей. По словам Христофорова, «он не был революционером, потому что в тогдашних условиях не допускал возможности народной революции в России»[167]. В 1887 г. Белоголовый так сформулировал программу газеты: «Она заключается в борьбе с самодержавием посредством обнаружения во всей наготе его отживших форм и порядков»[168]. Чисто издательские функции взял на себя М. К. Элпидин. В обмен на финансовую помощь Белоголовому передавались на предварительный просмотр все статьи. Он добился этого, так как «хотел удержать ее (газету.— Авт.) в программе либерального органа с задачей пропагандировать идею о конституции, добиваясь последней мирными, не революционными путями...»[169]. Газета выходила в свет раз в месяц тиражом в 500 экз. и распространялась, в основном, среди русской эмиграции и приезжающих за границу русских граждан. Зачастую политическая индифферентность этого издания позволяла сотрудничать в нем представителям любых оппозиционных самодержавию сил. В. И. Засулич вспоминала: «Стояло „Общее дело" в стороне, так там и осталось. Никто на него не сердился, никто не считал зазорным поместить в нем то или другое заявление, раз это было нужно, а своего органа не было, но в общем ни сторонников, ни противников в революционной эмиграции у него не имелось»[170].

Несколько левее находился журнал «Самоуправление», выходивший в Швейцарии в 1887—1889 гг. Идея его издания возникла в подпольных организациях России, в частности, среди учащихся высших учебных заведений Петербурга и Москвы, входивших в группу так называемых «социалистов-федералистов». Из практических соображений они настаивали на издании не журнала, а газеты, которую было бы легче транспортировать через границу и рассылать по стране[171]. В России в подготовке номеров «Самоуправления» приняли участие такие видные деятели оппозиционного движения как В. А. Гольцев, Н. К. Михайловский и писатель Н. Н. Златовратский[172]. Однако между издателями сразу

же возникли разногласия не только по поводу типа издания (выпускать газету или журнал), но и по более принципиальным, программным вопросам. О. Н. Фигнер и А. Д. Копылова настаивали на том, чтобы этот орган основывался «на старой народовольческой программе». Определяющим моментом в этом споре было отношение к террору [173]. Осенью 1887 г. Фигнер и Копылова выехали в Швейцарию и вступили в переговоры по этим проблемам с В. К. Дебагорием-Мокриевичем, Плехановым и Лавровым. Плеханов отклонил предложение об участии в «Самоуправлении» ввиду идейных расхождений [174]. Напротив, Лавров, ознакомившись с доставленными ему из России материалами для первого номера журнала, признал его издателей «своими товарищами по борьбе»[175]. Всего вышло в свет 4 номера этого журнала.

В 1889 г. там же в Швейцарии его сменил другой журнал — «Свободная Россия». Его редакторы и издатели, В. Л. Бурцев и Дебагорий-Мокриевич, попытались заручиться поддержкой широкого круга авторов, от Плеханова до Степняка-Кравчинского. Однако антисоциалистические, антимарксистские, откровенно буржуазно-либеральные тенденции, господствовавшие в редакции журнала, сделали неприемлемым сотрудничество в нем как членов группы «Освобождение труда», так и ряда народников [176]. В свет вышли всего 3 номера.

В 1888—1889 гг. в Женеве выходила газета «Свобода», издававшаяся как «политический орган русской интеллигенции». Во главе ее стояли один из бывших приверженцев Ткачева К. М. Турский, работавший с ним еще в «Набате», и эмигрировавший из России в 1880-е гг. Е. Семенов-Княжнин. Плеханов считал, что эта газета не связана ни с какими группами и организациями. Позднее Б. Николаевский подчеркнул, что издание газеты было предпринято «как будто бы нарочно для того, чтобы демонстрировать бесславную смерть старого русского „якобинства“...В ...газете нет ни четких мыслей, ни ярких статей...». Но он все же отметил, что «газета „Свобода“ для того серого времени была относительно приличной газетой,— недаром Плеханов именно в нее дал свою статью о „Реакционных жрецах искусства“, единственную из его статей тех лет, помещенную за рубежом в не социал-демократическом органе»[177]. Всего удалось выпустить 16 номеров газеты.

Неудачные попытки создать регулярно выходящий периодический орган также были следствием кризиса, охватившего народническое движение в 1880-х — начале 1890-х гг.

Идейное размежевание, проходившее в русском освободительном движении тех лет, наложило заметный отпечаток на издательскую деятельность практически всех групп и кружков народнического толка. Отсутствие четких идейных критериев, так затруднявшее работу «Народной воли», Социалистического литературного фонда, Группы старых народовольцев, в той же степени отразилось и на издательской деятельности основанного Степняком-Кравчинским Фонда вольной русской прессы.

Фонд был создан группой ветеранов революционного народничества в Лондоне летом 1891 г. Он существовал более 10 лет и был наиболее авторитетной и деятельной организацией 1890-х гг.

Душой и наиболее мощной творческой силой Фонда был С. М. Степняк-Кравчинский. Он являлся не только идейным вдохновителем, но и основным организатором всего дела. На разных этапах в руководство Фонда входили Ф. В. Волховский, Л. Э. Шишко, Л. Б. Гольденберг, Е. Е. Лазарев и М. В. Войнич. В известной степени на деятельность Фонда наложил отпечаток кризис, охвативший русское народничество 80-х — 90-х гг. XIX в. Его создание было еще одной попыткой объединить с помощью издательского дела различные направления русского освободительного движения [178].

Желая вовлечь в свои ряды как можно больше активных сотрудников, Фонд стремился сглаживать все политические разногласия, что постоянно вызывало критику со стороны различных течений — от группы «Освобождение труда» до народовольцев. Тем не менее многие организации стремились завязать контакты с Фондом для того, чтобы воспользоваться его полиграфическими возможностями и каналами транспортировки изданий. Во многом это определялось и идейными позициями Фонда, заявившего, что он помогает «по мере сил всем революционным и оппозиционным фракциям в России»[179]. Фонд брался издавать и переправлять в Россию литературу всех оппозиционных направлений, объявив своей целью «удовлетворение ощущаемой в настоящую минуту в России потребности в свободном печатном слове»[180]. Принимаемая Фондом к изданию и распространению литература должна была отвечать лишь двум требованиям: быть запрещенной русской цензурой или изданной нелегально.

До своей трагической гибели Фондом руководил Степняк-Кравчинский. После этого во главе его находилась группа ветеранов революционного народничества 1870-х гг.: Ф. В. Волховский, Л. Э. Шишко, Е. Е. Лазарев и Л. Б. Гольденберг. На протяжении нескольких лет секретарем Фонда был М. В. Войнич, затем короткое время Лазарев, а с 1895 г.— Гольденберг, возглавлявший ранее американское отделение Фонда. Большую работу, главным образом, по связям с другими эмигрантскими организациями проводили Шишко (в Париже), Н. В. Чайковский (в Лондоне), И. Н. Кашинцев (в Болгарии).

В планы издателей входил выпуск серии книг и брошюр. Но были предложения начать издательскую деятельность с периодического органа. На скорейшем начале издания газеты настаивал и Степняк-Кравчинский. Шишко, споря с ним, подчеркивал, что прежде, чем разворачивать такое трудоемкое и ответственное дело, как выпуск периодического органа, необходимо организационное и идейное сплочение их группы. Он писал по этому поводу: «Газета может появиться только после образования более или менее значительной группы, а такая группа может образоваться около нас, только если мы будем иметь некоторую притягательную силу...»[181].

Свою деятельность Фонд начал с централизации книгораспределения. Был создан склад запрещенной и нелегальной литературы. Для этого у различных организаций приобрели большое количество книг, брошюр, газет и журналов. Так, Фонд полностью скупил у Трюбнера все оставшиеся нераспроданными издания А. И. Герцена [182]. Вторым по важности шагом было создание собственного каталога вольной печати. Это стало возможным, поскольку на складе Фонда

была сосредоточена практически вся оставшаяся еще нераспространенной революционная литература прежних лет. Выпуск в свет этого каталога ознаменовал начало издательской деятельности Фонда [183].

Как и для большинства других эмигрантских организаций, одним из важнейших был для Фонда финансовый вопрос. Ни один из членов-учредителей не имел сколько-нибудь крупных средств. Большинство с трудом сводили концы с концами, зарабатывая на жизнь публицистикой, переводами, уроками. Все свои средства отдавал Фонду Степняк-Кравчинский, уже хорошо известный своими многочисленными публикациями в прессе, повестями и романами, лекционной деятельностью. Передал Фонду свои средства и Гольденберг, успешно работавший к тому времени технологом в США [184]. Определенные суммы давали и революционные организации, желавшие печататься в типографии Фонда и пользоваться его каналами распространения. Но это не решало проблему финансирования. Руководители Фонда всячески подчеркивали, что все их издания предназначаются, в первую очередь, для России, а продажа в Америке и Европе рассматривается лишь как средство возместить часть расходов [185].

Свою типографию Фонду удалось основать к концу 1891 г. В декабре Войнич сообщал Гольденбергу: «Наша типография уже работает»[186]. В начале 1892 г. Фонд имел два книжных магазина — в Париже и Лондоне, в которых было «сконцентрировано почти все, что когда-либо печаталось за границей на русском и многое из того, что на польском, французском, немецком, английском и еврейском языках и что запрещено в России»[187].

Первая брошюра, изданная Фондом вольной русской прессы, вышла в свет в 1892 г. Это была работа Степняка-Кравчинского «Чего нам нужно и начало конца» — программное произведение, своего рода политический манифест. К моменту издания (работа была написана в 1891 г.) автор внес в текст ряд изменений, сделал послесловие, более точно характеризующее современный этап освободительной борьбы. Первое издание брошюры вышло тиражом 3 тыс. экз. и было быстро распродано. В те годы это расценили как «неслыханный успех»[188]. Вскоре брошюру переиздали тиражом в 5 тыс. экз. Войнич восторженно писал об этом Гольденбергу, как бы выражая мнение всех товарищей: «Степняка первые две брошюры шедевры и во всяком случае я мало во всей русской революционной литературе встречал такие работы, так серьезно, так спокойно, так тепло и так талантливо написанные»[189].

Успешное начало работы окрылило издателей, и Войнич сообщил Гольденбергу об их дальнейших планах: «...постепенно расширяя дело, дойти до возможности издавать солидный орган, который не прекратится на 5—6 номерах, как это у нас зачастую бывает... На очереди стоит первая брошюра Степняка „Англо-американское движение", она должна выйти в свет еще в этом году. Затем большой труд о чартизме..., затем брошюра по еврейскому вопросу, коечто перепечатывать будем из старого и переводить на русский язык... Затем, если кто-нибудь даст специально деньги на издание романа Степняка и его „Подпольной России", то он сам их переведет»[190].

В силу ряда причин, главным образом материального порядка, не всем этим планам суждено было сбыться. В 1892 г. Фонд выпустил в свет 3 брошюры, в 1893 г.— 4, в 1894 — 8, в 1895 — 4, в последующие годы выходило по два издания в год, а с начала XX в. по одному. Обычный тираж был равен примерно 5 тыс. экз. Большинство изданий Фонда печаталось на тонкой серой бумаге, имело небольшой формат и объем (как правило, в 2—3 п. л.).

Большинство изданий Фонда носили народнический характер. Так, работа А. И. Богдановича «Насущный вопрос» — это программа партии «Народное право»[191]. К моменту издания Фондом «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского уже успешно распространялась в Европе, так как первоначально выходила на иностранных языках [192]. Одним из самых известных изданий Фонда была книга «За сто лет» — составленный В. Л. Бурцевым сборник материалов по истории русского освободительного движения [193].

В начале деятельности Фонда типография не обладала еще достаточной мощностью. Шрифта не хватало, и поэтому, отпечатав один лист, набор рассыпали для того, чтобы набрать следующий. Ряд своих изданий Фонд вынужден был печатать в Швейцарии.

Одним из крупных изданий был труд В. В. Берви-Флеровского «Азбука социальных наук». В 1893 г. автор специально приехал в Женеву, чтобы найти издателей, которые помогли бы ему опубликовать эту книгу. Для таких деятелей Фонда, как Н. В. Чайковский, Ф. В. Волховский и др., имя Берви-Флеровского было хорошо знакомо: как известно, на рубеже 1860—1870-х гг. Большое общество пропаганды (так называемый «кружок чайковцев») уже издавало его труды, сыгравшие заметную роль в формировании революционного мировоззрения молодежи тех лет [194]. Поэтому встретившийся с ним в Женеве Войнич быстро заключил договор о публикации «Азбуки социальных наук». Оплату типографских работ автор гарантировал. Только четвертая часть книги (объемом в 14 п. л.) обошлась Берви-Флеровскому в 3 тыс. франков [195].

Из различных революционных групп наиболее деятельно сотрудничал с Фондом Союз русских социалистов-революционеров. Еще в 1892 г. один из руководителей Союза, Х. Житловский, отпечатал с помощью Фонда брошюру «Еврей к евреям» (под псевдонимом «Е. Хасин»). И в дальнейшем он не раз прибегал к услугам Фонда. В 1897 г. Житловский в письме к Гольденбергу, возглавлявшему тогда всю производственную часть деятельности Фонда, поставил ряд практических вопросов. Он писал: «Мы намерены издать программную брошюру, которая уже почти кончена и которая должна быть напечатана в наивозможно короткий срок. Обращаемся к Вам поэтому с просьбой сообщить нам: 1) Намерены ли Вы вообще печатать в Вашей типографии программные брошюры историко-критического и поневоле полемического характера; 2) В какой срок Вы в состоянии напечатать ее (объем 3—5 п. л.); 3) Во сколько обойдется лист (обыкновенного количества экземпляров); 4) Необходимо ли Вам уплатить все деньги зараз, или уплата может произойти по частям»[196]. Видимо, речь шла об известной в революционной среде брошюре «Наши задачи». Фонд отпечатал ее и содействовал ее распространению. Союз русских социалистов-революционе-

ров не только пользовался издательскими возможностями Фонда, но и постоянно прибегал к его помощи в деле составления и переброски транспортов литературы через границу. Так, в августе 1895 г. Фонд, совместно с Союзом, собрал для переброски в Россию крупную партию литературы. В нее вошли произведения В. Г. Короленко, С. М. Степняка-Кравчинского, М. К. Цебриковой и других авторов (в количестве от 5 до 50 экз.)[197].

Успешно складывались взаимоотношения Фонда и с либеральной оппозицией. Литература этого направления печаталась анонимно, и в ряде случаев издатели оговаривали в комментарии, предисловии или послесловии свое негативное отношение к тем или иным ее положениям. Так поступил, например, Ф. В. Волховский с брошюрой «Конституция графа Лорис-Меликова» (1893 г.). В июне 1893 г. Войнич сообщил Гольденбергу: «Мы выпустили брошюру, какой еще не бывало со времен Герцена. Мы добыли подлинный архив Лорис-Меликова и еще не одна брошюра составится из него»[198]. В сущности, это была публикация проекта, который передал Александру II некогда всесильный министр внутренних дел М. Л. Лорис-Меликов. В проекте предлагался ряд реформ, направленных на либерализацию государственного строя России. Одобренный в 1881 г. царем, проект вскоре был отвергнут его преемником Александром III. Кроме собственно проекта, в брошюру вошли предисловие Волховского и статья М. М. Ковалевского, в которой излагалась история составления этой «конституции» и давалась оценка всей деятельности Лорис-Меликова. Правда, в дальнейшем Волховский не ограничился только вступлением, а написал сам новую брошюру «Чему учит „Конституция гр. Лорис-Меликова"», где дал более развернутую критику этого либерального документа. В 1894 и 1895 гг. Фонд выпустил двумя изданиями «Проект русской конституции», составленный известным адвокатом Л. А. Куперником. Предисловие к 1-му изданию написал Волховский; во 2-м издании была помещена статья Степняка-Кравчинского «Органические и случайные моменты в политических программах русских демократов»[199]. Один экземпляр «Проекта...» был доставлен Николаю II и получил оценку: «истинная чепуха»[200]. В те же годы либералы сумели достать и переправить в Лондон копию журнала следственной комиссии по делу министра путей сообщения А. К. Кривошеина. Издание этого документа, разоблачавшего хищения одного из царских сановников, имело большое значение и вызвало беспокойство властей [201]. Не имевшие долгое время своей издательской базы, либералы стремились заключить с Фондом соглашение о совместных действиях. Если их сотрудничество в деле издания и распространения брошюр было успешным, то попытка начать с помощью Фонда выпуск периодического органа закончилась неудачей. Первоначально Степняк-Кравчинский был склонен принять предложение либералов и начать на их средства выпускать журнал «Земский собор». При этом он и Волховский подчеркивали, что главное для них в программе будущего журнала — это требование «Законодательного Земского собора, избранного всеобщей подачей голосов и имеющего полный и верховный контроль за всеми делами государства [202]. В этом же письме авторы подчеркивали, что остаются социалистами, „хотя не крайнего, доктринерского крена"»[203].

В октябре 1895 г., донося об этих переговорах в Петербург в охранное отделение, глава заграничной агентуры Рачковский отмечал, что, по его мнению, это соглашение не меняет характер Фонда, члены которого, «признавая себя... по-прежнему социалистами-революционерами, отнюдь не отступаются ради стремления к либеральной конституции от революционных задач, которые легли в основу программы „Народной воли"»[204].

Совместное издание журнала так и не состоялось, хотя брошюры либералов продолжали выходить в Фонде до конца века. Среди известных и популярных изданий Фонда можно назвать «Гонения на духоборцев» П. И. Бирюкова, «Ходатайство русских литераторов об облегчении цензуры» и два произведения Короленко — «Воспоминания о Чернышевском» и «Чудная».

Успешный выпуск книг и брошюр позволил с 1893 г. начать публикацию «Летучих листков, издаваемых Фондом вольной русской прессы». Выходили они нерегулярно и редактировались Волховским. В них помещались сообщения из России, перепечатывались статьи из иностранной прессы, предавались гласности тайные циркуляры правительства, а также содержалась подробная информация о работе Фонда.

Постепенно Фонд расширял свое дело. Его сотрудники накопили определенный опыт работы. Была создана сеть книжных складов в разных странах Европы и в США. Поступавшая на эти склады литература распространялась по магазинам, торговавшим русской книгой. К 1894 г. количество книжных агентов Фонда достигло ста пятидесяти человек[205]. Особенно активно издания Фонда продавались в Англии, Франции, Швейцарии, Болгарии и США. Тяжелое материальное положение постоянно держало в напряжении и заставляло вести дела на чисто коммерческой основе. Войнич, в бытность свою секретарем Фонда, посылая в 1892 г. партию литературы, требовал от представителя Фонда в США Гольденберга: «Даром не рассылайте и не отдавайте ни одного экземпляра, абсолютно никому, даже Лазареву. Это у нас правило, от которого мы ни за что не отступим. Мы сами платим»[206]. Волховский напоминал своим товарищам о необходимости ведения полной и четкой отчетности, которая только и может спасти дело от финансового краха. Он писал Лазареву в 1895 г.: «Если мы не будем вести счет тому, что мы отправляем в Россию, что раздаем даром, как же мы сможем говорить с публикой о нашей деятельности, какие цифры можем дать в свое оправдание? И как мы можем знать, чего еще не хватает в России из наших книг, если мы не будем знать сколько чего отправляем?»[207] Тот же Волховский предложил не брошюровать часть тиражей, так как «постоянно оказывается полезным иметь несфальцованные листы для заделки в разные потаенные места...»[208].

Руководители Фонда пытались учитывать и читательский спрос. Так, издав брошюру Житловского «Еврей к евреям», они отправили в США, где проживало большое количество евреев-эмигрантов из России, сразу 500 экз., назначив цену в 20 центов[209].

Постепенно Фонд приобрел устойчивое положение. Он сотрудничал со многими эмигрантскими группами и организациями, выполнял их заказы как

по печатанию, так и по транспортировке и продаже литературы. В самой России он был связан с рядом либеральных и демократических организаций. Но несмотря на успешную в целом работу, финансовое положение Фонда постоянно оставалось напряженным. «Фонд начал дело *без капитала*, агентами его являются тоже люди без капитала»,— писал Степняк-Кравчинский, объясняя отсутствие денег для расчета с кредиторами, что казалось парадоксальным на фоне успешного ведения дел [210].

Фонду постоянно требовались значительные суммы не только на издательскую и торговую деятельность, но и на организацию транспортировки литературы через границу. Для этого при нем была создана специальная группа [211], которая наладила переброску изданий как по суше, так и морским путем. Значительное количество литературы рассылалось по почте из разных городов Европы. При этом Фонд входил в контакт с различными революционными организациями. Так, через русско-германскую границу группа А. Пескина в чемоданах с двойным дном перевезла значительные партии литературы в Нижний Новгород и Екатеринослав [212]. В 1896 г. Фонд совместно с Союзом русских социалистов-революционеров перебросил через границу 500 экз. своих «Летучих листков» [213]. Некоторое представление о масштабе транспортировки можно получить, например, из письма Волховского Гольденбергу, посланного в августе 1895 г.: «Пошлите немедленно в Кенигсберг 400 экз. „Ходатайства литераторов" (тонкого издания) и, как только выйдет 23 Листок, пошлите также и его 700 экз. (тонкого), приложив к ним еще 50 экз. „Ходатайства"» [214].

Часть изданной литературы удавалось распространить за границей среди русских эмигрантов. Наиболее успешно это делалось во Франции и Швейцарии. Небольшая колония русских эмигрантов была и в Болгарии. Представителями Фонда в этой стране были И. Н. Кашинцев и Г. Беламез. Из Лондона в Болгарию постоянно шли посылки, в которых было по 10—15 экз. каждого издания Фонда [215]. После того, как вдова Степняка-Кравчинского стала сама издавать его произведения, Фонд взял на себя только их продажу в Европе, перевозку и распространение в России [216].

Основная часть изданий Фонда оседала в Петербурге, Москве, на Юге России. Отдельные его издания доходили и до Сибири. Так, в 1896 г. в г. Ишиме Тобольской губернии, в Красноярске и Иркутске полицией были обнаружены номера «Летучих листков» и брошюра «Подвиги А. К. Кривошеина» [217].

Оценивая деятельность Фонда вольной русской прессы в целом, следует сказать, что основной политической цели — объединения всех революционных сил через совместную издательскую деятельность — ему так и не удалось достичь. Этому не способствовали ни уровень общественно-политического, освободительного движения в стране, ни эклектичные, примиренческие установки создателей Фонда. В целом все деятельные работники этой организации оставались на народовольческих позициях. Поэтому в конечном итоге после создания Партии социалистов-революционеров Фонд сначала сотрудничал с нею, а затем и целиком вошел в состав этой партии, привнеся в нее свой богатый опыт по изданию и распространению революционной литературы.

* * *

Кроме изданий, исходивших от различных групп и кружков народнической ориентации, в истории русского книжного дела за рубежом было несколько случаев, когда книги выпускались авторами, формально не примыкавшими ни к одному из политических направлений. Ярким примером служит история выхода в свет брошюр М. К. Цебриковой «Ссылка и каторга» и «Письмо к Александру III»[218]. Обратиться к Александру III с открытым письмом Цебрикову побудило бедственное положение народа в пореформенный период. Текст письма был составлен в России, вывезен автором за границу и в 1889 г. отпечатан тиражом в 1 тыс. экз. в женевской типографии М. К. Элпидина. Первоначально брошюра печаталась без указания имени автора, но затем Цебрикова, видимо, для того, чтобы усилить значение этого письма, лично оттиснула свое имя в конце текста. Затем писательница разослала свою работу в редакции крупнейших газет Европы и переправила в Россию. Сразу же после возвращения на родину Цебрикова была арестована и сослана сначала в Вологодскую, а затем а Смоленскую губернию. На протяжении 1890-х гг. ее брошюра многократно перепечатывалась и гектографировалась подпольными кружками страны. Она вызвала значительный резонанс и за границей. В частности, ею интересовался Ф. Энгельс[219].

Другим ярким произведением той эпохи была знаменитая книга американского публициста Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка»[220]. Под различными заглавиями, полностью и в отрывках, она уже в 1890-е гг. выдержала не менее четырнадцати изданий — как в русских типографиях за рубежом, так и в самой России, где, казалось, не было ни одной подпольной организации, в которой не размножали бы эту книгу, не распространяли бы ее и не читали. Одним из первых ее нелегальных изданий, первоначально в виде статьи, была публикация в журнале «Самоуправление» (1889. № 3). В 1890 г. книга Кеннана была дважды издана в Женеве в переводе И. Н. Кашинцева. При этом на титульных листах обоих вариантов указаны вымышленные места издания: Париж и Лондон. «Лондонское» издание состоит из двух томов: первый издан в Женеве, второй в болгарском городе Руссе[221].

Прочитав книгу Кеннана, Энгельс писал, что он «разоблачил перед всем миром все те гнусные методы, при помощи которых царизм в собственной империи подавляет всякую попытку к сопротивлению»[222]. Разоблачительную силу этого произведения отмечали Плеханов и Л. Толстой[223].

* * *

На протяжении 80—90-х гг. XIX в. практически все направления русского освободительного движения за границей стремились организовать надежные пути транспортировки революционной литературы. В ноябре 1884 г. П. Ф. Якубович писал Л. А. Тихомирову: «Самое важное, конечно, устроить пути в Россию. „Вестник“ („Народной воли“.— Авт.) погибает не от равнодушия публики, а оттого, что она его не знает»[224]. В 1884 г. была осуществлена переброска в Рос-

сию трех крупных партий литературы. Центральную роль в этом деле сыграл корабельный плотник английского парохода «Кельсо» К. Менцель. Этот пароход обслуживал линию Лондон — Рига. Первый транспорт в марте 1884 г. был провезен успешно. Однако второй, в сентябре того же года, был обнаружен таможней [225]. Среди прочих изданий в нем нашли 15 экз. первого, 20 экз. второго, 15 экз. третьего номера «Вестника Народной воли» и 150 экз. воззваний от «группы распространения социальных знаний». Третий транспорт из Лондона был доставлен на пароходе «Ольга»[226]. В мае 1884 г. еще одна партия литературы провезена из Марселя в Одессу на французском пароходе «Мендоза»[227].

Значительное количество народовольческой литературы переправлялось через румыно-русскую границу. Так, в 1884 г. было провезено сразу 120 экз. «Вестника Народной воли»[228].

Особенно активно занимались транспортировкой своих изданий группы, входившие в Социалистический литературный фонд. Основной поток их изданий шел через русско-германскую и русско-австрийскую границы. Так, только в октябре 1888 г. на германской границе было задержано 5 тюков, содержавших около двух тысяч экземпляров книг и брошюр [229]. В августе 1889 г. на австрийско-русской границе арестовали Б. Гроссмана. Среди изъятых у него семидесяти экземпляров нелегальных изданий были «Очерки истории Международного Общества Рабочих» В. И. Засулич и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Полиция имела агентурные сведения о том, что Гроссман, член Цюрихского кружка народовольцев, уже не раз доставлял в Россию нелегальную литературу. В ноябре 1889 г. в транспорте, задержанном на германской границе, было обнаружено 85 номеров «Сводобной России», «Социалиста», «Самоуправления» и 110 экз. различных брошюр [230]. В том же году значительное количество литературы доставила в Москву для студенческого кружка О. Денисова. Среди привезенных ею изданий были работы П. Л. Лаврова и Э. А. Серебрякова, биографии видных революционных деятелей и «Вестник Народной воли»[231].

В марте 1892 г. в Харьков прибыл большой транспорт с нелегальными изданиями. В мае полиция при обыске на квартире Я. Трутовского, где прятали эту литературу, обнаружила книги и брошюры 80 наименований, в том числе «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» и «Русский рабочий в революционном движении» Плеханова, «Рабочее движение и социал-демократия» Аксельрода, «Варлен перед судом исправительной полиции» Засулич, отдельные выпуски «Материалов для истории русского социально-революционного движения», а также большое количество изданий Фонда вольной русской прессы [232].

Той же весной в Киеве полиция задержала партию только что прибывшей из-за рубежа литературы, в том числе работы Драгоманова («К биографии Желябова», «Либерализм и земство в России»), Дебагория-Мокриевича («По двум вопросам»), журнал «Самоуправление» и другие издания [233].

Несмотря на все репрессивные меры, применявшиеся правительством, провалы нелегальных типографий и транспортов с изданиями зарубежных организаций, революционная литература продолжала распространяться практически

во всех слоях русского общества. В 1880—1890-е гг. наиболее действенной оставалась практика распространения нелегальной литературы с помощью создания специальных библиотек и складов. Только по официальным данным в 1883—1885 гг. полицией было ликвидировано 8 подобных книгохранилищ в Киеве, Кременчуге, Сызрани, Чернигове, Ростове и других городах [234]. Практически каждый революционный кружок имел свою библиотеку. Так, в 1886 г. в Петербурге при аресте П. Завадовского, А. Магата и др. было обнаружено 17, а у их товарища Н. Шерра 22 книги из специально подобранной библиотеки. Среди них — такие известные произведения, как «Хитрая механика» В. Е. Варзара, «Чего ожидать от коронации» С. Н. Кривенко, «Листки Народной воли», «Политический террор в России» Л. Я. Штернберга и т. д.[235] В том же году подобная библиотека раскрыта в Уржуме у А. Заболотского. В ней имелись популярные в революционной среде брошюры «Царь-голод» А. Баха, «Кто чем живет?» Ш. Дикштейна и ряд других [236]. Год спустя в городе Короче Курской губернии при аресте кружка гимназистов была изъята библиотека из 62 подпольных изданий [237]. Наиболее крупные собрания полиция обнаружила в 1887 г. при повальных арестах и обысках среди студентов Москвы. Так, в помещении Технического училища нашли свыше 500 экз. «различных преступных изданий, из них 46 экземпляров программы „Народной воли"». При аресте членов одного из революционных кружков у руководителей его тайной библиотеки Г. Шура и Н. Григорьева изъяли около 900 книг и брошюр [238]. Библиотека в 700 названий была создана харьковскими народовольцами [239].

Один из участников революционного движения тех лет впоследствии писал о составе одной из таких библиотек: «Особенно блестяще было поставлено дело снабжения нелегальной литературой, а также и легальной, но к тому времени изъятой за революционность содержания. Имелись сочинения Н. Г. Чернышевского, легальные и заграничные („Пролог к прологу"), заграничные газеты и журналы „Вперед", „Набат", „Община", все заграничные народовольческие издания — „Вестник Народной воли", „Календарь Народной воли", отдельные произведения Лаврова — помимо „Исторических писем"... есть „Парижская Коммуна", „Государственный элемент в будущем обществе", „Квинтэссенция социализма" Шеффле, с комментариями Лаврова, сочинения Маркса, помимо 1-го тома „Капитала", изъятого тогда из обращения, его же „Нищета философии", „Гражданская война во Франции", „Коммунистический манифест", „Утопический и научный социализм" Энгельса, его же „Положение рабочего класса в Англии", произведения Г. В. Плеханова „Наши разногласия" и „Социализм и политическая борьба"... Конечно, выходившие в то время номера „Народной воли" имелись в изобилии, как и старые номера этого органа»[240].

Распространение революционной литературы в 1880—1890-е гг. было отмечено в многочисленных отчетах и докладах полиции. Тревожные сообщения о хождении листовок, периодических и других изданий народников поступали из Воронежского кадетского корпуса [241], артиллерийских казарм Таганрога [242], юнкерского училища в Ставрополе [243]. Они распространялись среди крестьян [244] и рабочих [245]. Член харьковского народовольческого кружка А. Макаревский

вспоминал: «Самой ходкой революционной литературой тогда были издания „Народной воли"... Довольно в большом ходу была гектографированная литература»[246].

Пропаганда печатным словом по-прежнему была наиболее распространенной формой революционной деятельности. Во многом именно с книг начиналось революционное воспитание целого поколения участников освободительного движения. Работавшая в народнических кружках в конце 1880-х гг. Л. И. Аксельрод (Ортодокс), вспоминала: «Читали мы много. Считалось обязательным прочесть определенный круг книг, которые обозначались в писанных программах, циркулировавших среди молодежи, или же рекомендовались устно руководителями кружков самообразования. Книги это были следующие. Из русской научной радикальной публицистики в первую голову шли Чернышевский, Добролюбов, Писарев и Белинский. Читали и Герцена... Властителем дум был в то время Михайловский. Каждую его статью революционная молодежь ждала с нетерпением... Пользовались большим влиянием Г. Успенский и Салтыков-Щедрин. Из русских экономистов оказывал влияние Иванюков, а стоял в центре спора В. В. (Воронцов), главным образом, своими „Судьбами капитализма в России"... Из подлинно революционной научной литературы читали Бакунина, но наиболее решительное влияние оказывали в то время произведения П. Л. Лаврова, „Исторические письма" которого тщательно изучались и усердно комментировались в кружках самообразования... „Капитал" Маркса пользовался большой известностью»[247].

Книжная культура была одним из непременных элементов, формировавших мировоззрение участников освободительного движения. В 1885 г., отправляясь в ссылку, видный деятель народнического движения Е. Е. Лазарев в письме к Л. Н. Толстому перечислял книги, которые он хотел бы взять с собой. Среди них — труды историков Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, Н. И. Кареева, Ф. Шлоссера, Г. Гервинуса, работа Н. И. Зибера «Карл Маркс и Рикардо», произведения Н. К. Михайловского и Г. И. Успенского, Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина [248].

Книги широко использовались для пропаганды среди рабочих. В революционных кружках существовала определенная система в использовании как прогрессивной легальной, так и подпольной литературы. В. С. Турковский, вспоминая о своем участии в народнических кружках Костромы, писал: «Для более подготовленных организовывались систематические чтения о русской действительности по специальной программе. Она давала последовательный обзор положения России, останавливаясь особенно на крестьянском вопросе и на рабочем; подводила к проблеме существующего государственного строя... Заключительную часть чтения составляло штудирование брошюры „Борьба общественных сил в России" с выводами в пользу террористического пути для борьбы с самодержавием...»[249].

Издательская деятельность народников в 1880-е — первой половине 1890-х гг. проходила в тяжелых условиях спада революционного движения и при повсеместном наступлении реакции. Но, «именно в эту эпоху,— констатировал Ле-

нин,— старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившее русскую общественную мысль исследование экономической действительности России. Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания»[250].

Издательская деятельность народников тех лет имела свои особенности, свои отличия от предыдущего этапа. Основная масса выпущенной ими литературы носила агитационно-пропагандистский характер. Теоретические работы, изданные нелегальными и зарубежными организациями, принадлежали практически только двум авторам — П. Л. Лаврову и Н. С. Русанову, тогда как в предыдущее десятилетие выходили, кроме работ Лаврова, труды таких лидеров, как П. Н. Ткачев и М. А. Бакунин. После разгрома «Народной воли» молодое поколение народников не смогло найти новые пути в борьбе с самодержавием, осмыслить новые явления экономического и социального развития России. Они не сумели организовать сколько-нибудь продолжительный регулярный выпуск авторитетного теоретического журнала. Основную массу изданий составили листовки, воззвания и брошюры. Время от времени появлявшиеся журналы и газеты носили, в основном, информационный характер.

Менее разнообразным стал и читательский адрес народнических изданий. Если революционеры 1870-х гг. выпускали специальную литературу «для народа», то основная масса изданий 1880-х — первой половины 1890-х гг. была адресована учащейся молодежи и интеллигенции.

Однако, следует отметить, что эти издания сыграли огромную роль в развитии революционного движения. Они продолжили традиции русской вольной печати, оставались важным фактором освободительной борьбы. В 1880-е гг., когда в большинстве подпольных организаций России еще не произошло размежевания между народниками и социал-демократами, народническая литература использовалась сплошь и рядом обоими направлениями. В периодических органах народников нередко выступали и члены группы «Освобождение труда». Организация совместных транспортов через границу была повседневной практикой того времени. При общем недостатке революционной литературы в стране народнические издания не раз использовались в первых рабочих и социал-демократических кружках. В спорах вокруг них и проходило становление русской социал-демократии. В. Д. Бонч-Бруевич отмечал, что В. И. Ленин всегда обращал внимание на изучение того, что «сделали предыдущие поколения за рубежом, в рамках свободной и вольной русской прессы в Западной Европе, а также в подполье — в тайных типографиях России»[251].

Примечания

[1] Об издательской деятельности народовольцев в 1879—1881 гг. см.: Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 209—213.

[2] В ноябре 1882 г. была сделана также попытка поставить типографию в Одессе, но уже в середине декабря она была захвачена полицией (Михайлов Б. Г. Предвестники бури: Очерки о рев. народниках-вологжанах. Архангельск, 1977. С. 92).

[3] См. о нем: Двинянинов Б. М. Меч и лира: Очерк жизни и творчества П. Ф. Якубовича. М., 1969. С. 47.

[4] Попов И. И. Петр Филиппович Якубович. М., 1930. С. 14—15.

[5] Попов И. И. Минувшее и пережитое: Из воспоминаний. М.; Л., 1938. С. 115.

[6] См. подробнее: Окунев Б. Уникальный экземпляр: Из истории одного редкого издания // Подъем. Воронеж. 1967. № 3. С. 160—163.

[7] Попов И. И. Минувшее и пережитое. С. 127.

[8] Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Книги и период. издания. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1982. Ч. 2. С. 229 (№ 1568). Далее в примеч.: Сводный каталог...

[9] Попов И. И. Минувшее и пережитое. С. 127.

[10] Народовольцы после 1 марта 1881 г.: Сб. ст. и материалов... М., 1928. С. 57.

[11] РГИА. Ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10791. Л. 12.

[12] Народовольцы 80-х и 90-х гг. Сб. ст. и материалов... М., 1929. С. 43.

[13] Попов И. И. Минувшее и пережитое. С. 147.

[14] См.: Каторга и ссылка. 1928. № 2. С. 168.

[15] Валк С. Н. С. Н. Кривенко в нелегальной литературе // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 257—259.

[16] РГИА. Ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10791. Л. 1.

[17] Там же. Л. 11.

[18] Шебалин М. П. Летучая типография «Народной воли» в 1883 г. М., 1926. С. 15; Его же. Клочки воспоминаний. М., 1935. С. 139.

[19] Валк С. Н. Указ. соч. С. 256—259; Народовольцы после 1 марта... С. 44.

[20] РГИА. Ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10944. Л. 33.

[21] Двинянинов Б. Н. Указ. соч. С. 47.

[22] Попов И. И. Минувшее и пережитое. С. 151.

[23] Там же. С. 152.

[24] Там же.

[25] Шебалин М. П. Летучая типография... С. 30.

[26] РГИА. Ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10944. Л. 34.

[27] См. подробно: Оберучев К. Год жизни П. Ф. Якубовича // Голос минувшего. 1914. № 7. С. 225—248.

[28] РГИА. Ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10891. Л. 18.

[29] Там же, оп. 86, д. 10850.

[30] Народовольцы 80-х и 90-х гг. С. 69.

[31] РГИА. Ф. 1405, оп. 85, д. 10811. Л. 3—6.

[32] ГАРФ. Ф. 102, ДП-7, оп. 181, 1884 г., д. 293. Л. 29.

[33] Крас. арх. 1929. № 5. С. 139.

[34] Народовольцы после 1 марта... С. 76—77; Народовольцы 80-х и 90-х гг. С. 103—104.

[35] См. подробнее: Рейфман П. С. Тартусская народовольческая типография: (Из истории рус. бесцензур. журналистики) // Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту, 1961. С. 228—252.

[36] Крас. арх. 1929. № 5. С. 159.

[37] ГАРФ. Ф. 102, ДП-7, оп. 182, 1885 г., д. 62. Л. 44.

[38] Народовольцы после 1 марта… С. 120—125; Бах А. Воспоминания народовольца // Былое. 1907. № 2. С. 206—207.
[39] Крас. арх. 1929. № 5. С. 174; Народовольцы. М., 1931. Сб. 3. С. 91.
[40] Народовольцы после 1 марта… С. 110—112.
[41] Там же. С. 111.
[42] Сводный каталог… Ч. 2. С. 103 (№ 1804); РГИА. Ф. 1405, оп. 85, 1884 г., д. 10858. Л. 47—50.
[43] Там же. Л. 56—60.
[44] Там же. Л. 53—56.
[45] Кружок был организован С. Пиком в марте 1885 г. (Сводный каталог… Ч. 3. С. 159).
[46] РГИА. Ф. 1405, оп. 521, д. 415. Л. 134.
[47] Бах А. Н. Записки народовольца. 2-е изд., доп. Л., 1931. С. 74.
[48] Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани (1875—1892 гг.) // Каторга и ссылка. 1930. № 10. С. 125; Сводный каталог… Ч. 2. С. 102 (№ 1798).
[49] ГАРФ. Ф. 102, ДП-3, 1885 г., оп. 81, д. 715. Л. 20, 36.
[50] Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани… С. 130; Статья каракозовца П. Ф. Николаева о революционном движении в России / Вступ. ст. и публ. Э. С. Виленской // Лит. наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890 гг. М., 1977. С. 398—428.
[51] Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани… С. 130—132.
[52] Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям. Т. 11. С. 98.
[53] Там же. Т. 12. С. 89—90.
[54] Борзяков Г. Революционная молодежь в Одессе в 1882—1884 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 8/9. С. 141.
[55] Там же. С. 135; См. также: Обзор важнейших дознаний… Т. 9. С. 15; Пищулин Ю. П. Из истории нелегальных изданий сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина // Лит. наследство. Т. 87. С. 624—625.
[56] Борзяков Г. Указ. соч. С. 141.
[57] РГИА. Ф. 1405, оп. 85, д. 10868. Л. 3, 13.
[58] Борзяков Г. Указ. соч. С. 153.
[59] Там же. С. 152.
[60] Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. М., 1933. Т. 3, вып. 1. Стб. 388.
[61] Как вспоминал один из друзей и соратников Штернберга, эта работа была написана им еще в 1883 г. в годы учебы в Новороссийском университете: «Чувствуя, что опустошение, произведенное жандармами и провокаторами в рядах партии, сильно понизило революционное настроение даже среди членов партии, он пишет свою боевую брошюру… В ней сказался весь его революционный темперамент, его умение ясно ставить и разрешать самые жгучие вопросы революционной тактики и революционного действия» (Кроль М. А. Воспоминания о Л. Я. Штернберге // Каторга и ссылка. 1929. № 8/9. С. 226).
[62] Народовольцы. Сб. 3. С. 140.
[63] Макаревский А. Из истории революционного движения 1885—87 годов: Воспоминания народовольца // Летопись революции. 1924. № 2. С. 65.
[64] Народовольцы. Сб. 3. С. 125.

[65] РГИА. Ф. 1410, оп. 1, д. 526. Л. 1.
[66] ГАРФ. Ф. 102, ДП-7, оп. 183, 1886 г., д. 42/1. Л. 249.
[67] Народовольцы. Сб. 3. С. 98.
[68] Там же. С. 105.
[69] Там же. С. 110.
[70] Тан. Повести прошлой жизни // Рус. богатство. 1907. № 9. С. 110.
[71] Там же.
[72] Народовольцы. Сб. 3. С. 112.
[73] РГИА. Ф. 1405, оп. 87, 1886 г., д. 10138 (20), ч. 1. Л. 20.
[74] Тан. Указ. соч. С. 118. Позднее полиция оценила оборудование этой типографии в 400 р. (РГИА. Ф. 1405, оп. 87, 1886 г., д. 10138 (20), ч. 1. Л. 90).
[75] Народовольцы. Сб. 3. С. 127.
[76] РГИА. Ф. 1405, оп. 87, 1886 г., д. 10138 (20), ч. 1. Л. 20.
[77] Народовольцы после 1 марта... С. 136—137.
[78] Там же. С. 137.
[79] Эта книга была одной из наиболее популярных в те годы. Об истории ее создания и распространения см.: Меламед Е. «История революционных движений в России» А. Туна // Памятные книжные даты, 1983. М., 1983. С. 28—30.
[80] РГИА. Ф. 1410, оп. 1, д. 465; оп. 2, д. 450.
[81] Терешкович К. Московская революционная молодежь 80-х гг. и С. В. Зубатов. М., 1928. С. 7.
[82] Народовольцы 80-х и 90-х гг. С. 108.
[83] Там же. С. 110—111; Обзор важнейших дознаний... Т. 12. С. 96.
[84] Ашурков В. Н. Первая подпольная типография в Туле: (К истории тул. рев. кружков 80-х гг.) // Тульский краеведческий сборник. Тула. 1930. С. 23.
[85] Обзор важнейших дознаний... Т. 13. С. 66—68.
[86] ГАРФ. Ф. 102, ДП-7, оп. 186, 1889 г., д. 129. Л. 268.
[87] Обзор важнейших дознаний... Т. 15. С. 9—10.
[88] Ольминский М. Черный гектограф // Пролет. революция. 1921. № 2. С. 181.
[89] Обзор важнейших дознаний... Т. 12. С. 86—87.
[90] Там же. С. 61—62.
[91] Былое. 1906. № 7. С. 307.
[92] Там же. С. 308.
[93] Бонч-Бруевич В. Первый русский мимеограф: (Памяти Леонида Петровича Радина) // Пролет. революция. 1921. № 2. С. 168.
[94] Там же.
[95] Ольминский М. С. Группа народовольцев (1891—1894 гг.) // Былое. 1906. № 11. С. 14.
[96] От группы Благоева к Союзу борьбы (1886—1894 гг.) [Ростов н/Д.], 1921. С. 71; Сводный каталог... Ч. 2. С. 26 (№ 1305).
[97] Там же.
[98] Ольминский М. С. Группа народовольцев. С. 15.
[99] Там же.
[100] ГАРФ. Ф. 102, ДП-3, 1892 г., оп. 90, д. 938. Л. 1.
[101] Обзор важнейших дознаний... Т. 17. С. 6—8.

[102] Ольминский М. С. Группа народовольцев. С. 18.
[103] Там же. С. 18—19. Видимо, власти долгое время считали, что эта литература печаталась вне России. В «Записках» Министерства юстиции, посвященных социал-революционному движению за 1890—1894 гг., специально подчеркивалось, что за этот период «тайных типографий на территории Империи — не обнаружено» (РГИА. Ф. 1405, оп. 530, д. 1024. Л. 3).
[104] ГАРФ. Ф. 102, ДП-7, оп. 189, 1892 г., д. 89/1. Л. 5—10.
[105] Куделли П. Народовольцы на перепутьи: Дело Лахтинской типографии. Л., 1925. С. 166.
[106] Ольминский М. С. Группа народовольцев. С. 13.
[107] См.: Сводный каталог… Ч. 2. С. 57 (№ 1518).
[108] От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.). С. 77.
[109] Лежава О., Нелидов Н. М. С. Ольминский: Жизнь и деятельность. 2-е изд. М., 1973. С. 39.
[110] Обзор важнейших дознаний… Т. 17. С. 6—11.
[111] Куделли П. Указ. соч. С. 9.
[112] Там же. С. 22.
[113] Народовольцы 80-х и 90-х гг. С. 190.
[114] Там же. С. 187—188.
[115] Там же. С. 188.
[116] Там же. С. 205.
[117] См.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. Т. 3, вып. 1. Стб. 238—241.
[118] Широкова В. В. Партия «Народного права»: Из истории освободит. движения 90-х гг. XIX в. Саратов, 1972. С. 147.
[119] Куделли П. Ф. Указ. соч. С. 22.
[120] Подробнее об этих изданиях см. в 3-й серии настоящего исследования.
[121] Народовольцы 80-х и 90-х гг. С. 205.
[122] 1894—1905 гг.: Рев. движение в России в докладах министра Муравьева. СПб., 1905. С. 106.
[123] Аркушенко Т. А. Заграничный отдел Красного Креста «Народной воли» (1881—1884 гг.) // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1980. Вып. 2. С. 43—44.
[124] Цит. по: Вахрушев И. С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873—1886 гг. Саратов, 1980. С. 185.
[125] Подробнее см. там же. С. 183—193.
[126] Там же. С. 186—187.
[127] Цит. по: Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902 гг.) / Сост. Г. А. Куклин. Женева, 1903. С. 54 (паг. 2-я).
[128] Обзор важнейших дознаний… Т. 9. С. 83.
[129] Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 163.
[130] Цит. по: Вахрушев И. С. Указ. соч. С. 199.
[131] Крас. арх. 1929. № 5. С. 176.
[132] Энциклопедический словарь бр. Гранат. 7-е изд. Т. 40. Стб. 601.

[133] Группа «Освобождение труда»: (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). М., 1923. Сб. 1. С. 38—39.
[134] Тихомиров Л. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 173.
[135] ГАРФ. Ф. 103, ДП-3, оп. 81, 1885 г., д. 181. Л. 160.
[136] Там же. Л. 183—184.
[137] Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 31.
[138] Вахрушев И. С. Указ. соч. С. 204.
[139] См.: Былое. 1907. № 6. С. 10.
[140] Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М., 1974. С. 101.
[141] ГАРФ. Ф. 1762, оп. 4, д. 119. Л. 18.
[142] Невский В. Н. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930. С. 521.
[143] Обзор важнейших дознаний… Т. 14. С. 42—43.
[144] ГАРФ. Ф. 102, ДП-7, оп. 186, 1889 г., д. 47, т. 9. Л. 13.
[145] Обзор важнейших дознаний… Т. 14. С. 38—39.
[146] ГАРФ. Ф. 6150, оп. 1, д. 2. Л. 1—4.
[147] Там же, д. 4. Л. 1.
[148] Там же, д. 5. Л. 1.
[149] Обзор важнейших дознаний… Т. 14. С. 40—41.
[150] ГАРФ. Ф. 6150, оп. 1, д. 6. Л. 1.
[151] Народовольцы 80—90-х гг. С. 147.
[152] Каторга и ссылка. 1928. № 2. С. 45.
[153] См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 210; Кириченко Т. М. Русская демократическая зарубежная печать как исторический источник. М., 1977. Ч. 1. С. 63.
[154] П. Л. Лавров: Годы эмиграции. Дордрехт; Бостон, 1974. Т. 2. С. 462.
[155] Там же.
[156] Там же. С. 464.
[157] Лавров П. Л. Последовательные поколения: В память Г. З. Елисеева и Н. В. Шелгунова; Русанов Н. С. Из воспоминаний о Н. В. Шелгунове. Париж, 1892 (на обл. 1893). 64 с.
[158] Русанов Н. С. В эмиграции. С. 201.
[159] Там же.
[160] См. подробнее: Кириченко Т. М. Указ. соч. С. 66—84.
[161] См.: Сводный каталог… Ч. 1. С. 186 (№ 1083).
[162] Русанов Н. С. В эмиграции. С. 192.
[163] П. Л. Лавров: Годы эмиграции. Т. 2. С. 466—467.
[164] Цит. по: Козьмин Б. П. Из истории русской нелегальной прессы: Газета «Общее дело» // Ист. сб. Л., 1934. № 3. С. 179.
[165] Христофоров А. Х. «Общее дело»: История и характеристика издания // Освобождение. Штутгарт, 1903. Кн. 1. С. 50.
[166] Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 163—164.
[167] Христофоров А. Х. Указ. соч. С. 30.
[168] Цит. по: «Общее дело» и его закулисный редактор / Предисл. и публ. С. А. Макашина // Лит. наследство. Т. 87. С. 430.
[169] Там же. С. 439.

[170] Засулич В. И. Воспоминания. М., 1931. С. 102.
[171] Копылова-Орочко А. Д. Воспоминания об Ольге Николаевне Фигнер-Флоровской // Каторга и ссылка. 1930. № 1. С. 174.
[172] Твардовская В. А. Михайловский и «Народная воля» // Ист. зап. 1968. № 82. С. 199.
[173] Копылова-Орочко А. Д. Указ. соч. С. 175.
[174] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Берлин, 1925. Т. 1. С. 224—225.
[175] Цит. по: Кириченко Т. М. Указ. соч. С. 25.
[176] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 59; Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 211; Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч. СПб., 1908. Ч. VI. С. 9—10.
[177] См.: Каторга и ссылка. 1926. № 2. С. 226-227.
[178] См.: Антоненко А. Н. Издательская деятельность Фонда вольной русской прессы // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. Л., 1988. Вып. 3. С. 32—41.
[179] Летучие листки Фонда вольной русской прессы. 1893. № 1. С. 4.
[180] Заявление Фонда вольной русской прессы // Степняк С. Чего нам нужно и начало конца. Лондон, 1892. С. 1.
[181] РГАЛИ. Ф. 1158, оп. 1, д. 505. Л. 7 об.
[182] Николай Васильевич Чайковский: Религиоз. и обществ. искания: Ст. и воспоминания. Париж, 1929. С. 191.
[183] Антоненко А. Н. Указ. соч. С. 34.
[184] Когда-то, в конце 1860-х гг., Л. Б. Гольденберг был одним из любимых студентов Д. И. Менделеева (Николай Васильевич Чайковский. С. 193).
[185] ГАРФ. Ф. 5799, оп. 1, д. 22. Л. 33.
[186] Там же. Л. 45.
[187] Там же. Л. 46.
[188] Там же. Л. 52.
[189] Там же. Л. 41.
[190] Там же. Л. 29—30.
[191] См. 3-ю серию настоящего исследования.
[192] Таратута Е. А. Подпольная Россия: Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1967. С. 158—165.
[193] Сводный каталог… Ч. 1. С. 51 (№ 249).
[194] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 168—169.
[195] РГАЛИ. Ф. 1158, оп. 1, д. 199. Л. 1 об.
[196] ГАРФ. Ф. 5788, оп. 1, д. 42. Л. 3.
[197] Там же, д. 4. Л. 87.
[198] Там же, д. 22. Л. 83.
[199] Сводный каталог… Ч. 1. С. 149 (№ 851—852).
[200] Кантор Р. Штрихи недавнего прошлого // Рус. прошлое: Ист. сб. Пг.; М., 1923. [Вып.] 1. С. 140.
[201] Сводный каталог… Ч. 2. С. 37 (№ 1378).
[202] РГАЛИ. Ф. 1158, оп. 1, д. 17. Л. 1.
[203] Там же.
[204] ГАРФ. Ф. 102, Особый отд., оп. 226, 1898 г., д. 14/6. Л. 41.
[205] РГАЛИ. Ф. 1158, оп. 1, д. 646. Л. 63.

[206] ГАРФ. Ф. 5799, оп. 1, д. 22. Л. 54.
[207] Там же, д. 4. Л. 97.
[208] Там же. Л. 76.
[209] Там же. Л. 60.
[210] Группа «Освобождение труда». Сб. 1. С. 239.
[211] Обзор важнейших дознаний... Т. 22. С. 89.
[212] Там же. С. 90.
[213] ГАРФ. Ф. 5799, оп. 1, д. 42. Л. 1.
[214] Там же, д. 4. Л. 13.
[215] Там же, д. 52. Л. 13.
[216] РГАЛИ. Ф. 1158, оп. 1, д. 596. Л. 1.
[217] ГАРФ. Ф. 102, Особый отд., оп. 226, 1898 г., д. 14/1. Л. 2—3, 8.
[218] См. подробно: Ефремов Н. Л. М. К. Цебрикова — деятель революционной демократии // Вопр. истории. 1986. № 2. С. 114—121.
[219] См.: Группа «Освобождение труда». Сб. 4. С. 289.
[220] Подробнее об истории издания этого произведения см.: Меламед Е. И. Джордж Кеннан против царизма. М., 1981; Его же. Русские университеты Джорджа Кеннана: Судьба писателя и его книг. Иркутск, 1988.
[221] Сводный каталог... Ч. 1. С. 131 и 133 (№ 740 и 754). См. также: Меламед Е. И. Русские университеты Джорджа Кеннана. С. 188—189.
[222] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 47.
[223] Плеханов Г. В. Соч. М., 1923. Т. 4. С. 295; Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 65. С. 138.
[224] Крас. арх. 1929. № 5. С. 155.
[225] Там же. С. 178.
[226] Обзор важнейших дознаний... Т. 9. С. 27—29.
[227] Крас. арх. 1929. № 5. С. 178.
[228] РГИА. Ф. 1093, оп. 1, д. 279. Л. 46.
[229] Обзор важнейших дознаний... Т. 15. С. 53—54.
[230] Там же. С. 55—56.
[231] Там же. С. 43.
[232] Там же. Т. 17. С. 70—72.
[233] РГИА. Ф. 777, оп. 4, 1892 г., д. 12. Л. 11—13.
[234] Там же. Ф. 1405, оп. 521, д. 415. Л. 145; д. 416. Л. 10, 40, 130; Обзор важнейших дознаний... Т. 6. С. 64; Т. 9. С. 3—5; Т. 10. С. 31.
[235] Обзор важнейших дознаний... Т. 11. С. 26—27.
[236] Там же. С. 6—7.
[237] Там же. Т. 12. С. 94.
[238] Там же. С. 29, 51—52.
[239] Народовольцы 80—90-х гг. С. 142.
[240] Якутская трагедия — 22 марта (3 апреля) 1889 г.: Сб. воспоминаний и материалов. М., 1925. С. 134—135.
[241] РГИА. Ф. 1405, оп. 521, д. 418. Л. 175—180.
[242] Там же, оп. 85, д. 10797. Л. 1.

[243] Там же, оп. 521, д. 414. Л. 126.
[244] Там же. Л. 3, 130.
[245] Там же, д. 418. Л. 277; д. 419. Л. 29.
[246] Макаревский А. Воспоминания народовольца восьмидесятых гг. // Летопись революции. 1923. № 5. С. 66.
[247] Аксельрод-Ортодокс Л. Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. 1930. № 2. С. 24—26.
[248] Большаков Л. Набатов-Лазарев: История одного образа и одной дружбы // Урал. 1963. № 5. С. 162. Лазарев был лично знаком с Л. Н. Толстым и послужил прототипом одного из героев романа «Воскресение».
[249] Народовольцы. Сб. 3. С. 257.
[250] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 331.
[251] Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч.: В 3-х т. М., 1961. Т. 2. С. 316.

Глава XI

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Издательская деятельность первых социал-демократических организаций, служившая делу распространения идей марксизма в России, ознаменовала новый этап в истории революционной печати и книгоиздательства. Первый период социал-демократического движения в стране — примерно 1883—1894 гг.— это «период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии», период «утробного развития» политической партии, когда она существовала в качестве идейного течения, первоначально не связанного с массовым рабочим движением [1].

В этот период издание, распространение и изучение марксистской литературы являлось основным видом революционной деятельности первых социал-демократических организаций [2].

Знакомство передовой русской интеллигенции 40—70-х гг. XIX в. с отдельными произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса, изданными за рубежом революционными народниками и опубликованными в самой России (в том числе в виде отрывков, изложений и рецензий на их работы), привело к тому, что их идеи в той или иной степени оказали влияние на многих деятелей освободительного движения этого периода [3]. Знакомство с экономической теорией научного социализма в революционных кружках студенческой молодежи и наиболее подготовленных рабочих в 1870-х — начале 1880-х гг. помогло в дальнейшем многим из них усвоить идеи марксизма, отказаться от утопического социализма народников и стать членами марксистских кружков, из которых образовалась впоследствии Российская социал-демократическая рабочая партия.

В 1880-х гг. распространять идеи марксизма начали те деятели революционного движения, которые целиком приняли это учение или, по крайней мере, в основных вопросах стояли на его позициях. Главная заслуга в этом принадлежит группе «Освобождение труда». В. И. Ленин писал в 1909 г.: «Русский марксизм родился в начале 80-х гг. прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа „Освобождение труда“)»[4].

В условиях 1880-х гг. серьезная теоретическая и издательская работа в самой стране была очень затруднена. Революционные организации действовали в глубоком подполье, но и это не спасало их от провалов типографий и арестов. Разработкой теоретических вопросов применения идей научного социализма к социально-экономическому положению России возможно было заниматься, главным образом, за рубежом.

Группа «Освобождение труда»

Все революционные организации России, вставшие в 1880-х — начале 1890-х гг. на позиции марксизма или приблизившиеся к этим позициям, проделали свой идейный путь главным образом под влиянием произведений, издававшихся в Женеве группой «Освобождение труда». Сначала группу составляли пять человек: Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, В. Н. Игнатов, Л. Г. Дейч [5]. Все они были известны как активные деятели «Земли и воли», а после ее раскола — «Черного передела». В 1879—1881 гг. они бежали за границу от полицейских преследований. Изучение мало доступной в России литературы, в первую очередь произведений Маркса и Энгельса, знакомство с западноевропейским рабочим и социалистическим движением, осмысление собственного опыта пропагандистской деятельности в России сделало «бывших чернопередельцев» убежденными марксистами.

Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» состоит из двух частей. Литературная деятельность — это подготовка к изданию на русском языке (перевод, написание предисловий и комментариев) произведений Маркса и Энгельса, руководителей рабочих партий Западной Европы, а также создание собственных произведений, пропагандирующих и развивающих идеи марксизма, подвергающих критике ошибочные и антимарксистские воззрения [6].

Собственно издательская деятельность плехановской группы, целиком протекавшая в Женеве, заключалась в печатании марксистских произведений и транспортировке их в Россию для распространения среди участников революционных кружков.

Литературно-издательская деятельность Плеханова и его единомышленников началась еще за полтора года до образования группы «Освобождение труда», когда готовился к изданию на русском языке «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса в переводе Плеханова.

Вся деятельность группы, в том числе и издательская, делится на два периода: первый — 1883—1894 гг. (литературно-издательская — с 1882 г.); второй — 1895 — первая половина 1903 гг. В данной главе речь идет только о первом периоде.

После бегства из России «бывшие чернопередельцы» поселились сначала в Швейцарии. Там, как и во Франции, в 1880-х гг. жили многие русские политические эмигранты, большинство которых разделяло взгляды «Народной воли». Здесь же находилась и заграничная часть Исполнительного Комитета «Народной воли» — Л. А. Тихомиров и М. Н. Ошанина. В Париже уже в течение многих лет жил П. Л. Лавров. С ним близко сошелся Плеханов, проживший в Париже почти год — с ноября 1880 г. по август 1881 г.

Итогом сближения народовольцев и чернопередельцев было решение издавать серию брошюр под названием «Русская социально-революционная библиотека».

В ней в 1880—1881 гг. были опубликованы работы Лаврова («18 марта 1871 г.») и А. Шеффле («Сущность социализма»). В следующих выпусках серии,

подготовленных и изданных чернопередельцам, вышли «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и «Наемный труд и капитал» Маркса. С этих работ и начинается издательская деятельность группы русских революционеров, создавших через некоторое время первую марксистскую организацию России — группу «Освобождение труда».

Плеханов приступил к переводу на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» в конце 1881 г.[7]

Переводя «Манифест», он продолжил работу по созданию марксистской терминологии на русском языке, которую начали еще переводчики «Капитала»[8]. Кроме «Манифеста», в брошюру, изданную в мае 1882 г.[9], вошли предисловие авторов, написанное специально к этому изданию, предисловие к немецкому изданию 1872 г., отрывок из «Гражданской войны во Франции» Маркса и «Общий устав Международного Товарищества Рабочих». Плеханов написал небольшое введение — «Несколько слов от переводчика», где выступил уже как последовательный сторонник теории научного социализма. Он писал: «Вместе с другими сочинениями его авторов „Манифест" начал новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма»[10]. В этом же введении Плеханов доказывает необходимость создания организации рабочего класса России, опирающейся на идеи Маркса и Энгельса.

Таким образом, «Манифест Коммунистической партии» — первое издание будущей группы «Освобождение труда», члены которой уже объединились и обособились от остальной русской революционной эмиграции. Для него характерны принципы, принятые группой для публикации произведений Маркса и Энгельса: отбор основного произведения, приложение отрывков из других работ, наличие предисловия, а в ряде случаев — и комментариев.

В мае 1883 г. в серии «Русская социально-революционная библиотека» вышла в переводе Л. Г. Дейча работа Маркса «Наемный труд и капитал» с приложением отрывка из 1-го тома «Капитала» и части статьи Энгельса «Карл Маркс».

Это была четвертая и последняя книга серии «Русская социально-революционная библиотека». Назревавший раскол между народовольцами и чернопередельцами произошел летом-осенью 1883 г. Убедившись в тщетности своих попыток склонить на сторону марксизма часть народовольцев, «бывшие чернопередельцы», ставшие марксистами, решили создать самостоятельную организацию.

Группа «Освобождение труда» заявила о своем возникновении в объявлении «Об издании Библиотеки современного социализма», которое было написано Плехановым и датировано 25 (13) сентября 1883 г. В этом объявлении небольшая группа российских революционеров поставила перед собой вполне определенные задачи, которые сводились к двум пунктам:

«1) Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России»[11].

В серии «Библиотека современного социализма» вышли в свет переводы произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и работы Г. В. Плеханова и В. И. Засулич, рассчитанные на более или менее подготовленного читателя из среды революционного студенчества и передовых рабочих. Первую серию «Библиотеки...» составили 10 выпусков, опубликованные в 1883—1892 гг. В июне 1892 г. начала издаваться вторая серия, в которой в 1892—1894 гг. были опубликованы еще 3 выпуска. В выпусках обеих серий изданы следующие работы основоположников научного социализма: «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса (2 издания, 1884 и 1892 гг.), «Речь о свободе торговли» (1885 г.) и «Нищета философии» К. Маркса (1886 г.), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельса (1892 г.), статья Энгельса «О социальном вопросе в России» и «Послесловие» к этой статье. Две последние работы были объединены в брошюру под названием «Фридрих Энгельс о России», которая вышла в свет в 1894 г.[12]

Кроме того, ряд произведений Маркса и Энгельса были изданы в виде отрывков в качестве приложения к перечисленным работам. Так, к 1-му выпуску «Развития социализма от утопии к науке» был приложен отрывок из «Анти-Дюринга» — «Теория насилия». В выпуск, посвященной «Нищете философии», были включены: работа Энгельса «Маркс и Родбертус», представляющая собой предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии», письмо Маркса к И. Б. Швейцеру, опубликованное под заглавием «Маркс о Прудоне», отрывки из известной работы Маркса «К критике политической экономии» и из его речи на процессе против Рейнского окружного комитета демократов в феврале 1849 г. в Кельне. К работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» был приложен отрывок из «Святого семейства» Маркса и Энгельса. В составе выпуска были опубликованы также «Тезисы о Фейербахе» Маркса.

Все эти произведения переведены Плехановым и Засулич под редакцией Плеханова. Выпуски «Библиотеки современного социализма», содержащие работы Маркса и Энгельса, снабжены предисловиями, вводными замечаниями, примечаниями фактического характера и комментариями, которые имели самостоятельное значение в деле пропаганды идей марксизма.

Среди изданий группы «Освобождение труда» важное место занимают сборник и обозрение «Социал-демократ». Это первый теоретический и политический марксистский журнал, выходивший более или менее регулярно [13]. Его первый номер появился в 1888 г. Название подчеркивало марксистский характер издания и солидарность с идеями германской социал-демократической партии, которая в эти годы издавала в Цюрихе свой центральный орган — газету «Der Sozialdemokrat».

Продолжить издание удалось только в 1890 г., когда вышло три номера — снова № 1, 2 и 3 (в феврале, августе, декабре). В 1892 г. вышел четвертый — пос-

ледний — номер «Социал-демократа». Теперь в издании появился подзаголовок: «Трехмесячное литературно-политическое обозрение». На обложке нарисовано красное знамя с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Пять книжек «Социал-демократа» сыграли значительную роль в идейном формировании российских марксистов. Здесь были напечатаны три письма К. Маркса Арнольду Руге (1892. № 4; впервые письма были опубликованы в 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике»), статьи Ф. Энгельса «Отставка буржуазии» (1890. № 1; под заглавием «Отречение буржуазии»; впервые опубликована в 1889 г. в газете «Der Sozialdemokrat») и «Внешняя политика русского царизма», написанная Энгельсом специально для «Социал-демократа» (статья появилась под названием «Иностранная политика русского царства»). Письма Маркса перевел Б. Н. Кричевский; им же было написано обширное предисловие, отредактированное Плехановым. Переводы работ Энгельса, выполненные Засулич, также отредактировал Плеханов[14].

Необходимо подчеркнуть роль Плеханова и Засулич как переводчиков и авторов предисловий и комментариев к русским изданиям произведений Маркса и Энгельса. Общая эрудиция, превосходное знание и понимание этих произведений определили успех их творчества. Тщательная работа над переводами Плеханова, Засулич, Дейча и редакторская работа Плеханова способствовали тому, что до революционеров России доходил точный смысл сочинений Маркса и Энгельса. Анализ рукописей переводов, сохранившихся в Доме Плеханова в Российской национальной библиотеке в Петербурге, сравнение их с современными публикациями этих произведений наглядно свидетельствуют об этом.

Часть изданных группой «Освобождение труда» произведений Маркса и Энгельса была перепечатана в России нелегально на множительных аппаратах. Расскажем об этой практике на примере «Манифеста Коммунистической партии».

Хотя в Россию удалось отправить значительное количество экземпляров «Манифеста», потребность в нем была гораздо больше. Поэтому в революционных кружках плехановский перевод «Манифеста» переиздавался на гектографе, в литографиях, перепечатывался на пишущих машинках, просто переписывался от руки. До 1974 г. было зарегистрировано 19 копий «Манифеста» в переводе Плеханова, сделанных до 1895 г., из них 12 изданий на гектографе, 2 литографированных, 5 рукописных копий. Они были напечатаны и переписаны в Москве, Петербурге, Харькове, Киеве; многие копии не имели указания, где и когда они сделаны, поэтому география их изготовления значительно шире. Часть копий «Манифеста», о существовании которых известно из воспоминаний, писем, полицейских документов, не дошла до нас[15].

Многие экземпляры печатного и размноженного разными способами «Манифеста» были захвачены полицией при арестах революционеров. По сведениям, извлеченным только из материалов полицейских дознаний, «Манифест» был обнаружен в Москве, Петербурге, Ярославле, Харькове, Николаеве, Елисаветграде, Баку, Киеве.

Ф. Энгельс, который до этого совместно с Марксом написал предисловие к плехановскому переводу «Манифеста», узнал о создании группы «Освобожде-

ние труда» из письма Засулич от ноября 1883 г. С тех пор его связь с группой первых русских марксистов не прерывалась. Энгельс с первых же шагов поддержал русских социал-демократов, несмотря на то, что и он, и Маркс высоко ценили деятельность революционных народников — идейных противников группы «Освобождение труда». Специально для журнала, издававшегося группой, он, как уже говорилось выше, написал статью «Внешняя политика русского царизма» и отзывался с величайшей похвалой о переводах своих произведений и трудов Маркса, осуществленных плехановской группой.

Наряду с изданиями произведений основоположников научного социализма, задаче распространения идей марксизма в России служили и собственные сочинений членов группы «Освобождение труда».

Начиная с конца 1883 г. в Женеве в серии «Библиотека современного социализма» издаются работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова» (1889), «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892). В 1883—1885 гг. Плеханов работал над программой группы. Первоначальный вариант был написан осенью 1883 г., но текст его не дошел до наших дней. Известны две программы: «Программа социал-демократической группы „Освобождение труда"» (издана в 1884 г.) и переработанный Плехановым после письменных переговоров с Группой Благоева текст (для использования социал-демократами в самой стране) — «Проект программы русских социал-демократов» (составлен в 1885 г.). По нашему мнению, этот проект был тогда же напечатан на множительном аппарате, предположительно в Петербурге, но пока что не найден ни один экземпляр этого издания. В 1888 г. этот документ перепечатан в Женеве в качестве приложения к брошюре «Чего хотят социал-демократы?» Ж. Геда и П. Лафарга [16].

Ряд работ Плеханова был напечатан в «Социал-демократе». Они составляли основную часть содержания пяти книжек журнала. Среди них особо должны быть отмечены четыре статьи «Н. Г. Чернышевский», две статьи из серии «Наши беллетристы-народники» (о Г. И. Успенском и С. Каронине) [17], воспоминания «Русский рабочий в революционном движении», некролог на смерть Л. И. Мечникова, статья «Первое мая 1890», несколько рецензий и обозрений революционных и общественных событий в России и за рубежом.

Отдельные положения марксистской теории, в том числе и выдвинутые Плехановым, дополнялись и развивались в работах его соратников по группе «Освобождение труда» В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода, которые печатались, главным образом, в составе различных серий и в журнале «Социал-демократ». Следует назвать прежде всего работу Засулич «Очерк истории Международного общества рабочих». Первые три главы этой работы были опубликованы в 1888 г. в «Социал-демократе», затем, в 1889 г., первая часть очерка вышла отдельным изданием, составившим 8-й выпуск «Библиотеки современного социализма»[18].

Наряду с «Библиотекой современного социализма» и журналом «Социал-демократ», группа «Освобождение труда» с самого начала стремилась издавать

также литературу и для более широкого круга рабочих, приобщавшихся к усвоению марксистских идей, стремившихся к образованию и политической деятельности. Для них издавалась серия «Рабочая библиотека». С 1884 по 1894 г. опубликованы 8 выпусков этой серии: Дикштейн Ш. Кто чем живет? (1885), Речь П. А. Алексеева (1889), Засулич В. И. Варлен перед судом исправительной полиции (1890), Плеханов Г. В. Ежегодный всемирный праздник рабочих (1891), Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге. С приложением адреса петербургских рабочих Н. В. Шелгунову (1892), две работы П. Б. Аксельрода — «Рабочее движение и социальная демократия» (1884) и «Задачи рабочей интеллигенции в России» (1893) [19] и переделка польской брошюры Э. Абрамовского «Рабочий день» (1894). Брошюра Дикштейна, «Речь Петра Алексеева» и «Первое мая 1891 г.» вышли в свет с предисловием Плеханова.

Всего с 1882 по 1894 г. группой «Освобождение труда» было издано 37 брошюр, листовок, сборников (в том числе 5 номеров журнала «Социал-демократ»).

Значительный интерес представляет вопрос об организации издательской деятельности группы «Освобождение труда».

В начале 1882 г. в Женеве Л. Г. Дейчем была организована Вольная русская типография, основу которой составили шрифты типографии газеты «Работник», издававшейся народниками [20]. Это была не типография в полном смысле слова, а «наборня», т. е. наборный станок и шрифты, которыми набирали текст. Потом набор и бумагу отвозили в одну из местных типографий, где происходил процесс печатания. Таким образом были изданы все четыре выпуска «Русской социально-революционной библиотеки», в том числе «Манифест Коммунистической партии» и «Наемный труд и капитал».

После разрыва с народовольцами группа «бывших чернопередельцев» не могла больше пользоваться Вольной русской типографией, поскольку она находилась в распоряжении народовольцев. Но для задач, которые поставила перед собой группа «Освобождение труда», жизненно необходимо было иметь собственную типографию. В сентябре 1883 г. она была приобретена группой у А. Д. Трусова [21].

Этой типографией группа «Освобождение труда» пользовалась до конца 1894 г., затем она была передана организованному по ее инициативе «Союзу русских социал-демократов за границей». С 1883 по 1889 г. она называлась типографией группы «Освобождение труда», с февраля 1890 г.— типографией «Социал-демократа».

Наборщиками в типографии работали единомышленники группы: Е. Л. Левков (Рольник), С. Л. Гринфест, О. М. Говорухин (Григорьев), С. Г. Райчин, И. С. Блюменфельд. В организации издательского дела в разные периоды принимал участие еще целый ряд лиц: В. А. Бухгольц, Н. Э. Бауман, В. Д. Бонч-Бруевич, В. К. Курнатовский, А. В. Луначарский и др. Это были агенты издательства, в задачу которых входили транспортировка изданий в Россию, распространение их в России и за границей, сбор средств, пропаганда книг, издаваемых группой «Освобождение труда» или под ее редакцией, сотрудничество в изданиях группы [22].

Работу по организации издательского дела в период 1882—1894 гг. вели как сами члены группы «Освобождение труда», так и некоторые наборщики, которые были отнюдь не наемными рабочими, а соучастниками общего дела. Наиболее подготовленным к организаторской работе оказался Л. Г. Дейч. Он вел переговоры о печатании набора в женевских типографиях, занимался рассылкой брошюр в Западной Европе и, главное, вел переговоры с немецкими, швейцарскими и другими социал-демократами по организации «границы» для пересылки транспортов нелегальной литературы в Россию, вел переписку. После ареста Дейча его обязанности взяли на себя другие члены группы и их немногочисленные тогда единомышленники. Например, при издании первой книжки «Социал-демократа» в 1888 г. Плеханов, которые еле оправился от тяжелой болезни, взял на себя все организационные дела, следил за процессом печатания и расплачивался со швейцарскими рабочими. От имени группы вели переписку и ездили в Россию для установления связей Гринфест и Райчин. С приходом в качестве заведующего и наборщика И. С. Блюменфельда в 1892 г. он взвалил на свои плечи основную часть «черновой» работы, и члены группы смогли больше времени тратить на творческую и редакционную работу.

Поскольку члены группы «Освобождение труда» были крайне ограничены в средствах [23], самым трудным в ее деятельности, в том числе и издательской, оставался финансовый вопрос. Нехватка, а порой и полное отсутствие «презренного металла» тормозили дело издания марксистской литературы и транспортировки ее в Россию. На протяжении всей деятельности группы в переписке ее членов все время встречаются фразы и целые абзацы, посвященные поискам денег для организации практической работы и просто для жизни.

Средства на издательскую деятельность группы поступали из разных источников: сборы среди русских эмигрантов и студентов специально на издание марксистской литературы; сборы на лекциях, которые читал Плеханов, пользовавшийся большой популярностью среди той же публики [24]; суммы от продажи книг, изданных ранее, и, наконец, пожертвования от социал-демократов и лиц, сочувствовавших пропаганде марксизма в России [25].

Значительную часть доходов составляли деньги, полученные от продажи нелегальных книг. Часть тиражей распространялась за границей среди русских революционеров и сочувствующих им лиц. Несмотря на небольшие цены (от 50 сантимов до 5 франков), деньги от продажи книг были отнюдь не лишними для кассы группы. Почти во всех книгах в начале или в конце помещался список литературы, которую можно было приобрести, с указанием цены (во франках и сантимах, а также в рублях и копейках) и адреса для заказа. Цены были разные: от 5 к. за издания серии «Рабочая библиотека» до 2 р. Иногда на обложке, особенно на сравнительно дорогих изданиях, указывалось: «Половина сбора от продажи этой брошюры предназначается в пользу ссыльных и заключенных». Так было написано на первом русском издании работы Энгельса «Людвиг Фейербах», которая стоила 1 франк 50 сантимов. Для заказов указывались адреса типографии и книжных магазинов, с которыми были заключены соглашения о продаже изданий русских социал-демократов. На протяжении многих лет же-

невские магазины М. К. Элпидина [26] и М. Георга оказывали услуги группе «Освобождение труда».

Брошюры, изданные группой, печатались, как правило, на тонкой бумаге, а часть тиража — на папиросной. Обложки были чуть толще, чем остальная бумага, различных цветов — розового, оранжевого, бежевого, зеленоватого, серого. Размер большинства изданий был небольшой: от 20 × 13 см. до 15 × 10,5 см. Небольшие размеры книжек облегчали нелегальный провоз их в Россию и распространение там среди революционеров и передовых рабочих.

На изданиях этих лет нет сведений о тиражах. Известно, что брошюра Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» вышла в 1892 г. тиражом не менее 2 тыс. экз. Во второй половине 1890-х гг. тиражи изданий группы «Освобождение труда» составляли 2—5 тыс. экз. Это дает основание предполагать, что в рассматриваемый нами период книги издавались меньшим тиражом, но все же, по-видимому, не менее 1—3 тыс. экз.

С первых же шагов своей деятельности члены группы прилагали массу усилий для распространения марксистской литературы в России. И, пожалуй, доставка туда социал-демократической литературы была не менее сложной задачей, чем ее создание. Отправка в Россию нескольких экземпляров брошюр с оказией — вместе с возвращавшимися на родину студентами и другими лицами (в чемоданах с двойным дном, в переплетах книг) — не могла решить этой задачи, хотя таким путем была отправлена не одна сотня изданий. Но основная масса литературы переправлялась при помощи контрабандистов и специальными посланцами плехановской группы, пробиравшимися в Россию нелегальным путем с транспортами литературы.

Первый небольшой пакет с изданиями группы отправили в Россию в декабре 1883 г. вместе с русской студенткой В. И. Бородаевской. Там были «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Социализм и политическая борьба» и извещение «Об издании Библиотеки современного социализма», которое явилось как бы манифестом группы «Освобождение труда». Тогда же уехал в Россию наборщик группы Гринфест, которому удалось переправить уже значительное количество экземпляров этих изданий, установить контакты в Москве с «Обществом переводчиков и издателей», а также распространить привезенные материалы в Петербурге и в Вильно. С тех пор связи между группой «Освобождение труда» и революционной Россией не прерывались. Непосредственные контакты существовали не только с московским «Обществом переводчиков и издателей», но и с «Партией русских социал-демократов» (Группа Благоева), с петербургским и московским «Рабочими союзами», другими кружками, а впоследствии со всеми «Союзами борьбы за освобождение рабочего класса», в первую очередь с петербургским, московским, киевским. Литература, поступавшая через эти социал-демократические группы, распространялись гораздо шире. Она проникала в кружки студенческой молодежи, в кружки народовольцев, которые вели пропаганду и среди рабочих.

Во время полицейских обысков издания группы «Освобождение труда» во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х гг. находили во многих горо-

дах Империи, особенно в крупных промышленных центрах. И с каждым годом география их распространения расширялась. Если прибавить к рассматриваемому нами периоду еще и вторую половину 1890-х гг., то список городов, где распространялись издания группы, будет выглядеть следующим образом: Петербург, Москва, Вильно, Варшава, Полтава, Житомир, Николаев, Ростов-на-Дону, Баку, Нижний Новгород, Тула, Киев, Харьков, Минск, Одесса, Тверь, Херсон, Ярославль, Саратов, Львов, Гомель, Витебск, Рига, Иваново-Вознесенск, Владимир, Шуя, Орехово-Зуево, Самара, Либава, Екатеринодар, Екатеринослав, Кременчуг, Юзово, Лубны, Аккерман, Иркутск, Кунгур, Красноярск, Якутск[27].

«Социал-демократическая библиотека»

Параллельно с группой «Освобождение труда» и в оппозиции к ней в Женеве было начато издание серии «Социал-демократическая библиотека». Ее организаторами являлись Б. Н. Кричевский, Ян Тышка, А. Л. Гельфанд (Парвус). Первые двое ранее принимали участие в деятельности группы «Освобождение труда», но порвали с ней по ряду принципиальных и личных соображений.

В дальнейшем Кричевский стал одним из лидеров «экономизма», на II съезде был на стороне меньшевиков, а Ян Тышка — один из руководителей польских и немецких социал-демократов и основателей Коммунистической партии Германии, погиб в 1919 г. от рук контрреволюционеров.

Свою издательскую деятельность «Социал-демократическая библиотека» начала брошюрой «Первое мая 1892 г. Четыре речи еврейских рабочих», которая вышла в свет в 1893 г. в Женеве. На обложке значилось, что брошюра напечатана в типографии «Социал-демократической библиотеки», но номера серии и выпуска не были указаны. Очевидно, уже после выхода этой брошюры решено было начать планомерное издание пропагандистской литературы для России. В 1894 и 1895 гг. в «Социал-демократической библиотеке» были напечатаны две работы Кричевского — «Борьба английских рабочих за свободу. (Чартистское движение)» (1894) и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу» (1895). Они имели надзаголовок: Социал-демократическая библиотека. Серия 1, вып. 1 и вып. 4. Выпуски 2 и 3 этой серии пока не обнаружены. Брошюры были небольшого размера (55 и 47 с.) и предназначались для изучения в рабочих кружках.

Но, вероятно, главной целью издателей было печатание на русском языке произведений основоположников марксизма и их последователей. Во второй серии «Социал-демократической библиотеки» в переводе Кричевского были изданы произведения К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (С предисл. Энгельса. 1894. Вып. 1), «Наемный труд и капитал» (С введ. Энгельса и предисл. Кричевского. 1894. Вып. 3). На всех этих изданиях указано, что половина сбора от их продажи предназначается в пользу ссыльных и заключенных.

В 1895 г. издание «Социал-демократической библиотеки» прекратилось. Кричевский вступил в «Союз русских социал-демократов за границей», где входил в группу «экономистов» и с этих позиций конфликтовал с Плехановым. А

Тышка и Гельфанд сосредоточили свои силы в социал-демократическом движении Германии, хотя продолжали участвовать и в российском.

Из изданий «Социал-демократической библиотеки» особо большое значение имеет «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», поскольку ранее это произведение не издавалось полностью на русском языке.

Значительный вклад в издание марксистской литературы внесли также революционные организации, действовавшие непосредственно в самой России.

«Московское общество переводчиков и издателей»

«Общество переводчиков и издателей» возникло в Москве в конце 1882 г.[28], т. е. тогда, когда плехановская группа уже начала свою издательскую деятельность, но еще не объявила себя социал-демократической организацией.

О целях Общества, а также о неопределенности взглядов его участников, говорит предисловие к первому произведению, напечатанному им в 1883 г.— к книге Луи Блана «О монархии и республике»[29]. В предисловии говорилось: «Каждому известно, в каких стеснительных условиях находится наша современная литература вообще, а социально-политическая в особенности. Между тем вполне естественная потребность в научных знаниях по вопросам социально-политическим в обществе постоянно растет. Ввиду этого, желая хоть сколько-нибудь способствовать распространению этих насущных знаний, мы нашли возможным образовать „общество" для переводов и издания сочинений лучших иностранных авторов, а также и русских произведений, появление которых при современных цензурных условиях в России невозможно. Общество при выборе материала не задается узкопартийными целями и останавливается на сочинениях научного характера»[30].

Под влиянием Общества в Москве образовалось несколько кружков: Военный кружок (милитаристов), Женский, Кружок самообразования, Московское общество помощи политическим ссыльным и заключенным. Всего в Обществе было свыше 40 человек — по тем временам значительная цифра. В основном это были студенты Московского университета, 3-го Александровского военного училища, Петровской сельскохозяйственной академии и других учебных заведений. Но среди членов Общества были и несколько рабочих, в основном наборщики и переплетчики. В идейном отношении члены Общества не были единомышленниками. Его руководители — В. Т. Распопин, П. В. Соколов, П. А. Аргунов, Л. Ф. Янович — шли по пути освоения марксизма и за два года деятельности Общества все ближе подходили к его пониманию. Среди них наиболее яркой фигурой был Василий Трифонович Распопин, человек широко образованный, способный к научной работе. В 1887 г., вернувшись из ссылки, он опубликовал в «Юридическом вестнике» статью «Частновладельческое хозяйство в России. (По земским статистическим данным)», которую использовал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»[31].

Но большинство членов Общества были сторонниками народнических идей, в основном, народовольчества.

Издательской деятельности Общества способствовала его тесная связь с литографией Н. А. Янковской, которая специализировалась на печатании лекций для студентов университета и других учебных заведений. Один из организаторов Общества, Н. В. Киселев, арендовал эту литографию, и до ее разгрома в апреле 1884 г. под этой легальной вывеской печаталась революционная литература. Текст переписывался от руки; тиражировалась обычно 1 тыс. экз. В настоящее время известно около 20 изданий, напечатанных в 1883—1884 гг. усилиями членов Общества [32]. Поскольку его члены не разделяли — по крайней мере в начале своей деятельности — теорию научного социализма, то среди этих изданий значительное место занимают произведения западноевропейских мелкобуржуазных социалистов — Луи Блана («Государство и коммуна», «О монархии и республике»), Ф. Лассаля («Г. Бастиа-Шульце из Делича. Экономический Юлиан или капитал и труд»), Ф. Ланге («Рабочий вопрос») и народников — П. Л. Лаврова («Исторические письма») и И. Н. Мышкина («Речь на процессе 193-х»). Но Общество издавало также произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей — В. Либкнехта, Ж. Геда, П. Лафарга, Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Члены Общества с самого начала проявляли интерес к произведениям основоположников марксизма, который усилился и приобрел более целенаправленный характер после установления связей Общества с группой «Освобождение труда».

Произошло это следующим образом. Летом 1883 г. студент Московского университета Светлицкий познакомился в Швейцарии с членами плехановской группы, которые в то время называли себя «бывшие чернопередельцы». Он отвез в Москву письма женевских эмигрантов, приглашавших прислать когонибудь к ним для переговоров, и уже изданные к этому времени в Женеве «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Наемный труд и капитал» Маркса, а также рукопись выполненного Засулич перевода работы Энгельса «Развитие научного социализма»[33].

Общество в том же году перепечатало в литографии Янковской «Манифест Коммунистической партии» в переводе Плеханова без указания авторов и заглавия и под названием 1-й главы «Манифеста» — «Буржуа и пролетарии». В эту книжку вошли, как и в женевское издание, отрывок из «Гражданской войны во Франции» Маркса [34] и «Общий устав Международного Товарищества Рабочих». В 1884 г. из литографии Янковской вышло переиздание работы Маркса «Наемный труд и капитал» в переводе Л. Г. Дейча. И в этом случае для конспирации не был указан автор, а вместо названия всей работы стояло название 1-й главы — «Что такое заработная плата и как она определяется?» В качестве приложения, как и в женевском издании, опубликованы отрывки из статьи Энгельса «Карл Маркс» и из первого тома «Капитала». Вслед за этим была отлитографирована брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба».

В январе 1884 г. в Женеву приехал один из руководителей Общества Людвиг Янович, впоследствии видный деятель близкой к марксизму польской революционной организации «Великий пролетариат». Он договорился с группой «Освобождение труда» о посылке в Россию транспорта литературы с ее изданиями

и типографского оборудования для организации типографии в Москве. Летом 1884 г. после ареста Яновича в общежитии Петровской академии нашли принадлежавший ему пакет, где, среди прочих документов, была и «Программа социал-демократической группы „Освобождение труда"»[35].

Визит Яновича еще больше укрепил связи московских революционеров с группой первых русских марксистов.

Общество было связано не только с зарубежными революционными центрами — с группой «Освобождение труда» в Женеве и редакцией «Вестника Народной воли» в Париже, но и со многими регионами России. Его издания распространялись в Москве, Варшаве, Харькове, Ростове-на-Дону, Петербурге, Полтаве, Нижнем Новгороде, Тамбове, Киеве, Саратове, Одессе, Оренбурге, Виленской губернии[36].

Одной из наиболее интересных и важных страниц деятельности московского «Общества переводчиков и издателей» является подготовка и издание трех номеров литографированного сборника «Социалистическое знание»[37], одним из организаторов которого был Янович. Первый номер вышел в апреле 1883 г., третий — в феврале 1884 г. В сборниках, среди прочих материалов, печатались переводы произведений Л. Блана («Всеобщая подача голосов», «Организация труда») и Ф. Ланге («Рабочий вопрос»). В этих сборниках опубликованы также произведения Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (введение и первые четыре главы) и «Развитие социализма от утопии к науке» (под названием «Социализм утопический и социализм научный») с предисловием Маркса к французскому изданию 1880 г. Оба произведения Энгельса снабжены обширными комментариями переводчика П. А. Аргунова, в которых русскому читателю разъяснялись их отдельные положения.

Вскоре после повторной публикации «Развития социализма от утопии к науке» в сборнике «Социалистическое знание» (февраль 1884 г.) членам «Общества переводчиков и издателей» удалось выпустить эту работу Энгельса отдельной брошюрой. Перевод Аргунова был напечатан сначала во 2-м выпуске сборника в апреле 1883 г. Поэтому Общество не воспользовалось переводом Засулич, рукопись которого они получили через Светлицкого позже — летом 1883 г. А в январе 1884 г. группой «Освобождение труда» в Женеве это произведение было издано в переводе и с предисловием Засулич. Этот перевод сделан со второго немецкого издания 1883 г., дополненного автором, а московский перевод — с французского издания 1880 г. Одновременное издание одной и той же работы свидетельствует о нерегулярности и недостаточной глубине связей «Общества переводчиков и издателей» и группы «Освобождение труда».

В ноябре 1883 г. был арестован один из руководителей Общества — В. Т. Распопин, а весной 1884 г.— большинство его участников.

Марксистская литература, напечатанная «Обществом переводчиков и издателей» в Москве, в дальнейшем сыграла большую роль в формировании социал-демократического мировоззрения среди первого поколения российских революционеров, вставших на путь освоения идей научного социализма.

«Партия русских социал-демократов» (Группа Благоева)

Вскоре после образования группы «Освобождение труда», в декабре 1883 г. в Петербурге была создана первая в самой России социал-демократическая организация, принявшая несколько позже название «Партия русских социал-демократов». Чаще ее называют «Группа Благоева» по имени одного из организаторов — будущего основателя Коммунистической партии Болгарии Димитра Благоева [38]. В организацию входили, в основном, студенты университета и Технологического института (свыше 20 членов и 30 сочувствующих). Они поставили своей целью пропаганду идей социализма среди студентов и рабочих. Большинство участников группы прежде были народниками, в основном чернопередельцами. Их мировоззрение еще в значительной мере, даже после их отхода от прежних идей, находилось под влиянием лассальянства и народничества. Но все же социал-демократические взгляды преобладали у благоевцев даже в первый период существования их организации.

Первоначально «Партия русских социал-демократов» ставила перед собой скромные цели — издание листовок и могла использовать только гектограф. В своих воспоминаниях Благоев писал, что члены группы для популяризации социал-демократических взглядов решили издавать небольшие летучие листки «для распространения среди студенчества на сходках». «Для издания таких листков, а также приглашений на собрания,— продолжал он,— мы располагали только одним средством, которое соответствовало материальному состоянию группы. Это очень распространенное в то время средство был гектограф»[39].

Но вскоре удалось организовать типографию, а после ее разгрома — вторую и третью. В начале 1886 г. благоевцы переиздали (тиражом 200 экз.) брошюру народовольца А. Н. Баха «Царь-голод», в которой автор излагал в популярной форме экономическую теорию марксизма.

Главной заслугой благоевцев было издание газеты «Рабочий», подзаголовок которой гласил: «Газета Партии русских социал-демократов». Газета печаталась в типографии на квартире В. Харитонова по Ропшинской улице, 21. Типография, созданная при помощи типографских рабочих, с которыми у благоевцев установились прочные связи, просуществовала почти год. Первый номер «Рабочего» вышел в январе, второй — в июле 1885 г. Тираж газеты составлял 200—300 экз. Главной ее целью было воспитание пропагандистов из рабочих для распространения социалистических идей.

В начале 1885 г., после выхода первого номера «Рабочего» между группой «Освобождение труда» и «Партией русских социал-демократов» установились регулярные связи. Именно в это время благоевцы отправили в Женеву письмо, в котором просили прислать революционную литературу и статьи для второго номера «Рабочего».

В соответствии с этой просьбой Плеханов написал для газеты статью «Современные задачи русских рабочих. (Письмо к петербургским рабочим кружкам)», где в популярной форме изложил вопросы теории и тактики будущей рабочей партии. Во втором номере «Рабочего» была напечатана также статья Аксельро-

да «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия». В номере разоблачалось самодержавие, рассматривались разложение крестьянской общины, рост промышленности, положение трудящихся, рассказывалось о рабочем движении в странах Западной Европы.

Благоевская группа готовилась издать третий номер газеты, для которого Плеханов написал «Письмо второе». Но в марте 1886 г. типография была захвачена полицией вместе со всеми материалами. Статья Плеханова по черновику, сохранившемуся в его архиве, была напечатана только в 1934 г.[40]

Выход двух номеров газеты «Рабочий» имел большое значение для распространения марксизма среди пролетариата России, для развития революционного движения. Эти номера распространялись не только среди рабочих столицы. Они имели хождение в Москве, Киеве, Казани, Самаре, Харькове и в других городах. Еще в течение нескольких лет полиция, при арестах и обысках у участников более поздних социал-демократических организаций, находила номера «Рабочего».

Деятельность «Партии русских социал-демократов» продолжалась до марта 1887 г., когда организация была окончательно разгромлена. За это время благоевцы организовали кружки среди рабочих сталелитейного завода, текстильных фабрик Васильевского острова, среди типографских рабочих. В этих кружках, а также в кружках студенческой молодежи распространялись революционные издания не только вышедшие за рубежом, но и изданные в Петербурге. Взгляды членов этой организации носили переходный характер, но во второй период своей деятельности, благодаря связям с группой «Освобождение труда», они значительно приблизились к усвоению «русского марксизма», т. е. идей научного социализма в применении к социально-экономическому развитию России.

Петербургская группа М. И. Бруснева «Рабочий союз»

В конце 1887 г. в Петербурге возник кружок интеллигентов, который стал основой новой социал-демократической организации, получившей название «Рабочий союз». Чаще ее называют по имени ее руководителя Михаила Ивановича Бруснева.

Группа Бруснева была теоретически более зрелой, чем группа Благоева. С самого начала своей деятельности она руководствовалась плехановским «Проектом программы русских социал-демократов», в ее кружках изучались произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, других членов группы «Освобождение труда», а также оба номера газеты «Рабочий». По своему идейному уровню, по размаху практической работы, по решению организационных вопросов она значительно превосходила существовавшие до нее революционные организации. «Рабочий союз» насчитывал свыше 200 человек, (из них 170 рабочих) и просуществовал до июня 1893 г., когда основной состав этой организации был разгромлен полицией[41].

Собственно издательская деятельность «Рабочего союза» была скромной. Своей типографии брусневцы не имели и прибегали к помощи сочувствующих

им народовольцев или использовали примитивные способы размножения литературы — гектограф, циклостиль и даже рукописный текст.

Члены Группы Бруснева не только вели пропаганду среди питерских пролетариев, но приобрели и опыт агитационной работы. В конце 1890 г. состоялась забастовка рабочих суконной фабрики Торнтона, а 21—22 января 1891 г.— портовых рабочих судостроительного завода «Новое адмиралтейство». На обе забастовки группа откликнулась выпуском воззваний. Особый успех имело воззвание, написанное Л. Б. Красиным в связи с забастовкой в порту. «Эта прокламация,— вспоминал Бруснев,— была не только составлена Л. Б. (Красиным.— Авт.), но и им же переписана (печатными буквами) и отпечатана при помощи циклостиля (экземпляров 50—60). Она была частью расклеена в разных местах завода, частью роздана рабочим и даже послана начальству»[42]. Кроме воззваний, брусневцы помогли забастовщикам материально, организовав сбор средств среди либерально настроенного общества. Большим достижением брусневцев было активное участие в политической жизни страны — поднесение адреса революционному демократу писателю Н. В. Шелгунову и участие в манифестации на его похоронах.

Вершиной деятельности социал-демократов в то время была организация первомайских праздников в Петербурге в 1891 и 1892 гг. После маевки 1891 г. народовольцами М. С. Ольминским и П. М. Земсом были, по просьбе брусневцев, размножены на гектографе речи рабочих социал-демократов Н. Д. Богданова (он выступал дважды), Ф. А. Афанасьева и В. И. Прошина. Брошюра пользовалась большим спросом и в 1892 г. была переиздана (также на гектографе) с приложением еще одного важного документа «Рабочего союза» — адреса петербургских рабочих Шелгунову. В том же году брошюра была доставлена членам группы «Освобождение труда», которые высоко оценили ее содержание, и вскоре она была переиздана в серии «Рабочая библиотека» с предисловием Плеханова [43]. Издания этой брошюры — петербургские и женевское — в течение по крайней мере десятилетия изучались в рабочих революционных кружках.

Заслугой «Рабочего союза» было и расширение интернациональных связей русских пролетариев. В 1889 г. из-за границы вернулась писательница Е. Г. Бартенева, бывшая ранее членом Русской секции I Интернационала, активно помогавшая брусневцам в их деятельности. Она присутствовала на учредительном конгрессе II Интернационала в Париже и даже вела там протокол. Бартенева привезла с собой материалы конгресса на немецком языке. Брусневцы перевели их и способствовали их изданию. Брошюра «Международный рабочий конгресс в Париже, состоявшийся в 1889 г.» печаталась в два приема — в конце 1890 г. и в мае 1891 г. литографским способом при содействии кружка «Общество имени Герцена», в который входили народовольцы М. Л. Мещяриков, А. А. Федулов, Е. М. Александрова и другие. Печатание брошюры не было закончено [44].

Проявлением пролетарского интернационализма было также издание «Рабочим союзом» воззвания «Открытое письмо петербургских рабочих польским рабочим», которое было размножено на гектографе в мае 1892 г. в связи с всеоб-

щей забастовкой в Лодзи в апреле того же года. Возможно, что автором этого документа был один из руководителей «Рабочего союза» В. Цивиньский.

Представляет интерес и попытка членов «Рабочего союза» выпустить газету для рабочих. Им удалось подготовить всего два номера, которые были переписаны от руки в нескольких экземплярах. М. И. Бруснев вспоминал: «После стачек особенно стала чувствоваться необходимость в постоянном печатном органе, где сообщались бы сведения о рабочем движении на разных заводах и фабриках. Прототипом такого органа была наша рукописная газета. Газета переписывалась в нескольких экземплярах при помощи копировальной бумаги. Составлял газету В. С. Голубев, иногда я, на основании материалов и корреспонденций, поступавших в центр из рабочих кружков. Надо было видеть, с какой жадностью набрасывались рабочие на свой печатный (вернее, рукописный) орган. Номера газеты зачитывались до того, что от них в конце концов оставались лишь клочья. Едва ли мог где-либо сохраниться хотя один номер этой первобытной рабочей газеты»[45].

Была сделана также попытка организовать издание настоящей социал-демократической газеты, предназначенной для рабочих России. В 1892 г. Бруснев и еще несколько участников революционных кружков встретились в Москве с посланцем группы «Освобождение труда» С. Г. Райчиным. Они договорились о системе связи, о присылке большого транспорта марксистской литературы и об издании за рубежом общими силами газеты «Пролетарий». Этим планам не дано было осуществиться, так как в апреле—сентябре 1892 г. полиция провела массовые аресты. Но деятельность «Рабочего союза» еще некоторое время продолжалась. В 1893 г. его участникам удалось приобрести гектограф. В апреле на нем отпечатали 90 экз. брошюры «Что должен знать и помнить каждый рабочий». Это был перевод с польского работы Э. Абрамовского «Рабочий вопрос. О том, что каждый рабочий должен знать и помнить», изданной в 1892 г. в Лондоне. Переводчиком был И. Непокойчицкий, редактором перевода — Н. О. Алюшкевич. Группа подготовила также к изданию на гектографе «Устав рабочей кассы взаимопомощи», но 3 июня 1893 г. почти все ее члены были арестованы на рабочей сходке.

* * *

В конце 1880-х — начале 1890-х гг. социал-демократическое движение зарождается и развивается и на периферии. Развитие промышленности, рост рабочего класса, влияние марксистской литературы, изданной за рубежом и в Петербурге, приезд ссыльных революционеров — все это способствовало возникновению кружков, вставших на путь освоения идей научного социализма, формирования социал-демократических взглядов. Пока что это движение распространялось только в европейской части России. За период 1882—1893 гг. социал-демократические кружки и группы действовали — часть кратковременно, один-два года, иногда возникая в том или другом месте через какое-то время снова — более чем в 30 городах: Петербурге, Москве, Минске, Витебске, Киеве, Харькове, Полтаве, Екатеринославе, Одессе, Варшаве, Владимире, Нижнем Нов-

городе, Казани, Самаре, Туле, Воронеже, Тифлисе, Риге и др.[46] В состав этих кружков входили, в основном, интеллигенты — студенты, молодые люди, недавно окончившие университеты и институты, гимназисты, но также и передовые пролетарии, теоретически подготовленные для ведения пропагандистской работы. Деятельность этих кружков заключалась сначала в самообразовании и воспитании революционного мировоззрения. Но, как правило, следующей ступенью становилось установление связей с рабочими местных промышленных предприятий, создание там кружков из рабочих и, по мере необходимости, участие в забастовочном движении, если оно возникало. Такая схема деятельности четко прослеживается на примере петербургских социал-демократических организаций. Но в той или другой степени подобным образом шло развитие социал-демократических организаций и в других городах России.

Необходимым элементом в пропагандистской деятельности этих организаций являлись библиотеки, предназначенные чаще всего для общего пользования. Они собирались силами всех членов организации, часть изданий жертвовалась авторами или покупалась, часть тайно привозилась из-за границы. В таких библиотеках значительное число изданий было легальным, в том числе журналы и газеты, в которых читатели находили сведения о рабочем движении в странах Западной Европы, о заседаниях парламентов, где обсуждались экономические проблемы, а также информацию о событиях в России. Наиболее ценная часть состояла из нелегальных изданий, частично из народнических, но в значительной мере из марксистских произведений, опубликованных группой «Освобождение труда», «Обществом переводчиков и издателей», имелась и газета «Рабочий» «Партии русских социалистов-демократов». Количество нелегальной марксистской литературы увеличивалось в таких библиотеках с идейным ростом социал-демократических организаций.

Почти каждая социал-демократическая группа мечтала о собственной издательской деятельности, но только немногие из них смогли что-то издать — типографским способом или на гектографе. И, к сожалению, большинство этих изданий не дошло до наших дней. О них известно только по воспоминаниям, письмам и материалам следствий, которые велись департаментом полиции после ареста участников революционных организаций.

Казанский кружок Н. Е. Федосеева (1888—1889 гг.) был одним из немногих социал-демократических кружков, которому удалось хоть в какой-то степени осуществить издательскую деятельность[47].

Н. Е. Федосеев был яркой фигурой среди первых русских марксистов. За свою недолгую жизнь (1871—1898) он сумел организовать кружки в Казани и во Владимире. В. И. Ленин писал: «Для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[48].

В конце 1887 — начале 1888 гг. Федосеев организовал группу студентов университета и учеников фельдшерской школы, которые под его руководством чи-

тали марксистскую литературу. Вокруг этой группы возникло еще несколько кружков; их участники находились еще как бы на перепутье между народничеством и марксизмом. В 1887 г. в Казанский университет поступил В. И. Ленин, принимавший участие в одном из кружков, руководимых Федосеевым, хотя лично с ним не встречался. В казанском федосеевском кружке была значительная библиотека из 300 книг, на ее пополнение собирались ежемесячные взносы.

Несмотря на то, что в распоряжении Федосеева и его товарищей находилось значительное число марксистской литературы, они попытались наладить ее издание. Они подготовили, но не успели издать две работы, которые были впервые переведены на русский язык — «К критике политической экономии» Маркса и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Не удалось им выпустить и «Нищету философии» Маркса (можно предполагать, что федосеевцы собирались переиздать женевскую брошюру). По архивным документам известно, что кружок успел издать на гектографе работу Энгельса «Развитие научного социализма» (она была изъята полицией при аресте Федосеева).

Наводит на размышления название этой брошюры, которое совпадает с названием перевода, выполненного Засулич в 1884 г. Ю. З. Полевой утверждает: «Как теперь установлено, именно это издание федосеевского кружка впоследствии неоднократно переиздавалось в России»[49]. Действительно, эта работа Энгельса под тем же названием, придуманным Засулич, была переиздана на гектографе в Казани (1891), Киеве (1892—1893), Чернигове (1893). Но все эти гектографированные издания (в том числе и федосеевское издание 1889 г.) не дошли до нас, и сравнить их с женевским изданием пока невозможно. Нам представляется более вероятным предположить, что и «Нищета философии», и «Развитие научного социализма», изданные группой «Освобождение труда», были в библиотеке кружка Федосеева в Казани, и его участники собирались переиздать оба эти произведения, но смогли это сделать только с работой Энгельса.

При обысках у Федосеева и членов его кружка были найдены еще три издания, отпечатанные на гектографе в 1888—1889 гг. и представлявшие собой, судя по заглавиям, брошюрки, написанные для изучения в революционных кружках: «Речь министра народного просвещения, произнесенная в Казанском университете в 1889 г.», «Что нужно для понимания народа» и незавершенная работа «Политическая Россия». Об их объеме и содержании ничего не известно. Федосеев сделал попытку выпускать книжные издания и типографским способом. Летом 1889 г. он начал собирать шрифт через знакомых типографских рабочих и на даче под Казанью вместе с товарищами стал готовить тайную типографию. Первым изданием должна была стать работа К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Перевод с немецкого сделали член кружка А. А. Санин и его сестра Е. А. Санина. Но 12 июля 1889 г. во время разбора типографского шрифта Федосеев и члены его кружка М. Григорьев и А. Соловьева были арестованы. Вскоре были захвачены полицией остальные деятели этой организации, а вместе с ними рукописи переводов, конспекты и книги. Самого Федосеева после пребывания в тюрьме выслали в г. Владимир, где он продолжал пропагандистскую работу[50].

В первой половине 1890-х гг. социал-демократическим кружкам удалось издать еще несколько брошюр, которые предназначались для участников этих кружков и единомышленников в других городах. Например, в 1891 г. в Риге вышел в литографии перевод «Анти-Дюринга» Энгельса под названием «Наука и господин Дюринг», подготовленный в социал-демократическом кружке В. В. Дьяконова и А. М. Михайловского. Это издание распространялось также в Петербурге и Москве.

* * *

Брошюры и немногочисленные листовки, изданные в России первыми социал-демократическими организациями и теми, которые только встали на путь усвоения марксизма, сыграли значительную роль в распространении идей научного социализма. Но все же первое поколение российских марксистов воспитывалось, главным образом, на литературе, изданной за границей группой «Освобождение труда». Нельзя не оценить и роль издательской деятельности народнических организаций [51], и значение перевода на русский язык первого тома «Капитала» К. Маркса, опубликованного в России еще в 1872 г. В результате в распоряжении революционеров России к середине 90-х гг. XIX в. оказались в русском переводе все основные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса.

В этот период — 80-е — первая половина 90-х гг. XIX в.— шло накопление литературы, главным образом, для пропагандистской деятельности. Анализируя двадцатилетнюю историю связи марксизма с массовым рабочим движением в России, Ленин писал: «До 1894—1895 гг. не было такой связи. Группа „Освобождение труда" лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Только агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 гг. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением»[52].

Примечания

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180; Т. 26. С. 343.

[2] Специально или преимущественно их издательской деятельности посвящено несколько книг, например: Калекина О. П. Очерки по истории издания марксистской литературы в России (1870—1917 гг.). М., 1962; Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России, 1883—1884 гг. М., 1959; Его же. Из истории рабочей печати: Очерки лит.-изд. деятельности первых марксист. орг. в России, 1883—1900 гг. М., 1962; Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975; Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: Лит.-изд. деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983. Рассматриваются эти вопросы и в других работах по истории первых марксистских организаций в России.

[3] См.: Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 225—253.

[4] Ленин В. И. Указ. соч. Т. 17. С. 405.

[5] В 1884 г. Л. Г. Дейч был арестован и сослан на каторгу в Сибирь, а В. Н. Игнатов в 1885 г. умер от туберкулеза.

[6] К литературной деятельности членов группы «Освобождение труда» относится также и написание работ по заказу издательств, журналов и газет, принадлежавших социалистическим и социал-демократическим партиям Западной Европы. В данной работе этот аспект рассматриваться не будет.

[7] О первом издании «Манифеста» на русском языке (1869 г.) см.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 232—236.

[8] Там же. С. 244—245. См. также: Грин Ц. И. Переводчик и издатель «Капитала»: Очерк жизни и деятельности Н. Ф. Даниельсона. М., 1985.

[9] См. подробнее: Курбатова И. Н. К истории издания и распространения «Манифеста Коммунистической партии» // Вопр. истории КПСС. 1983. № 9. С. 56—65.

[10] Плеханов Г. В. Сочинения. 3-е изд. М., 1925. Т. 1. С. 150.

[11] Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883—1903: Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984. С. 33.

[12] Здесь названия произведений Маркса и Энгельса даются в современных переводах, которые иногда звучали иначе в изданиях 1880—1890-х гг. Это было вызвано тем, что члены группы «Освобождение труда» хотели самим названием подчеркнуть какую-то мысль или привлечь особое внимание читателей. Например, принципиальное значение имело название работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», которая впервые вышла на русском языке в переводе Засулич в 1884 г. в качестве 2-го выпуска «Библиотеки современного социализма» под названием «Развитие научного социализма». Засулич намеренно так перевела заглавие, поскольку, вслед за Энгельсом, члены группы «Освобождение труда» считали только теорию марксизма — в отличие от утопических, народнических и других мелкобуржуазных социалистических теорий — научным социализмом. В борьбе с народниками утверждение этой идеи было очень важно.

[13] Курбатова И. Н. Участие Ф. Энгельса в журнале российских марксистов «Социал-демократ» // Книга и социальный прогресс: 5-я Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция истории кн. Тез. докл. (10—12 апр. 1984 г.). М., 1984. С. 52—53.

[14] См. подробно: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С. 55—61.

[15] См.: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса: Библиогр. указ. М., 1974. Ч. 1. С. 65—94.

[16] См.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. С. 206—220; Самедов В. Ю. К вопросу о первоначальном проекте программы группы «Освобождение труда» // Вопр. истории КПСС. 1965. № 2. С. 97—101; Курбатова И. Н. К вопросу о датировке двух проектов программы группы «Освобождение труда» // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 160—163; Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». С. 131; Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С. 108—112.

[17] Третья статья этой серии (о Н. И. Наумове) была напечатана в Петербурге в легальном журнале «Новое слово» (1897. № 8).

[18] Вторая часть опубликована лишь в наши дни (Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973. С. 419—556). Подробно об истории издания работы Засулич см.: Курбатова И. Н. В. И. Засулич и ее роль в распространении марксизма в России // Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983. С. 10—12, 471—472.

[19] Это было переработанное и дополненное издание его брошюры, вышедшей вне серии в 1889 г.

[20] См.: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 194—195.

[21] См. о нем там же. С. 57—58. Подробности приобретения типографии см.: Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России. С. 169.

[22] Там же. С. 171—178.

[23] Там же. С. 178—179.

[24] Там же. С. 182.

[25] Например, на средства некоего Гурьева были изданы четыре номера журнала «Социал-демократ». Деньги на печатание первого номера в 1888 г. дал Н. И. Кулябко-Корецкий. Работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» была издана на средства Яна Тышки. Значительные суммы составляли небольшие взносы, присылавшиеся из России и поступавшие от русских эмигрантов. По желанию жертвователей сообщения об этом (естественно, без указания фамилий) печатались в конце текста или на внутренней стороне обложки изданий.

[26] См. о нем: Книга в России, 1861—1881. Т. 1. С. 55—56.

[27] См.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России; Фенстер П. А. Распространение изданий группы «Освобождение труда» в 80-х — начале 90-х гг. XIX в. // Труды / Тул. мех. ин-т. 1959. Вып. 13. С. 100—123; Его же. В. И. Ленин и марксистский сборник «Работник» // История СССР. 1964. № 2. С. 104—112; Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда» и другие исследования. Значительный материал имеется в РГИА, ГАРФ и других архивах.

[28] См. о нем: Василенко К. С. Общество переводчиков и издателей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. обществ. наук. 1956. Вып. 2, № 4. С. 133—145; Самедов В. Ю. К истории распространения марксизма в России: (О сборниках «Социалистическое знание») // История СССР. 1968. № 3. С. 38—44; Его же. Е. Э. Паприц и московское общество переводчиков и издателей: (К истории распространения марксизма в России) // Там же. 1970. № 5. С. 103—113; Аргунов П. А. Еще об «Обществе переводчиков и издателей»: (Голос участника) // Каторга и ссылка. 1933. Кн. 9. С. 72—85.

[29] См.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Книги и период. издания. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1981. Вып. 1. С. 46 (№ 214). Далее в примеч.: Сводный каталог…

[30] Цит. по: Анатольев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России) // Каторга и ссылка. 1933. Кн. 3. С. 97.

[31] См.: Ленин В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 191, 214, 232, 263, 286. Ленин упоминал ее и в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (Там же. Т. 1. С. 515).

[32] См.: Сводный каталог… М., 1981—1982. Вып. 1—3.

[33] См.: Группа «Освобождение труда»: (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). М.; Л., 1925. Сб. 3. С. 356—357.

[34] В 1884 г. эта работа была полностью опубликована Обществом с издания 1871 г., вышедшего в Цюрихе в переводе С. Л. Клячко.

[35] Василенко К. С. Указ. соч. С. 142.

[36] Там же. С. 144.

[37] Разыскал отдельные части этого издания и исследовал его содержание В. Ю. Самедов (Самедов В. Ю. К истории распространения марксизма в России: (О сборниках «Социалистическое знание») // История СССР. 1968. № 3. С. 38—44).

[38] См.: Мицуров В. В. Социал-демократическая группа Д. Благоева и группа «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л., 1985. С. 166—176; Овсянникова С. А. Группа Благоева: Из истории распространения марксизма в России. М., 1959; Андрюшин Е. Н. Поиск верного пути: Димитр Благоев и первые социал-демократы в России. М., 1981.

[39] Благоев Д. Мои воспоминания. М.; Л., 1928. С. 37—38.

[40] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 161—163.

[41] См. подробно: Орехов А. М. Первые марксисты в России: Петербург. «Рабочий союз», 1887—1893 гг. М., 1979.

[42] Бруснев М. И. Первые революционные шаги Л. Красина // Леонид Борисович Красин («Никитич»): Годы подполья: М.; Л., 1928. С. 71. В других воспоминаниях Бруснев писал, что эти воззвания были напечатаны на гектографе (От народничества к марксизму: Воспоминания участников рев. движения в Петербурге (1883—1894). Л., 1987. С. 261).

[43] См. выше, с. 372.

[44] Самедов В. Ю. Новый источник для изучения идеологии и деятельности группы Бруснева: (О нелег. изд. протоколов Париж. Конгресса II Интернационала в России) // Вопр. истории КПСС. 1970. № 11. С. 127—131; Ефремова Н. П. Новое о Екатерине Бартеневой // Вопр. истории. 1984. № 9. С. 83—91.

[45] От народничества к марксизму. С. 262. См. также с. 322.

[46] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1964. Т. 1. Карта «Первые социал-демократические кружки и группы России (1883—1893 гг.)». С. 154—155.

[47] Федосеев Н. Е. Статьи и письма. М., 1958; Григорьев М. Г. Воспоминания о федосеевском кружке в Казани (1888—1889 гг.) // Пролет. революция. 1923. № 8. С. 55—66; Валеев А. М. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов в России. Казань, 1952; Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. С. 349—358, 434—449.

[48] Ленин В. И. Указ. соч. Т. 45. С. 325; Нафигов Р. И. Из истории федосеевских марксистских кружков (дело № 14) // Уч. зап. / Казан. пед. ин-т. 1970. Вып. 80. С. 118—127.

[49] Полевой Ю. З. Из истории рабочей печати. С. 63.

[50] Подробнее см.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. С. 349—358.

[51] См. главу X настоящего издания.

[52] Ленин В. И. Указ. соч. Т. 25. С. 132.

Заключение

Для 1880-х — первой половины 1890-х гг. характерно дальнейшее развитие тех процессов в полиграфической промышленности, книгоиздании, книжной торговле, которые наметились в предшествующие десятилетия, чрезвычайно важные в истории книжного дела России [1].

Увеличивается число полиграфических предприятий, растет их техническая оснащенность. Они все более активно участвуют в производстве книг и периодики.

Наблюдается рост издательской инициативы, вследствие чего появляются новые издательства — как ведомственные, так и частные. Но основную массу книг, как и в предшествующий период, по-прежнему выпускают крупные частные столичные издательства, универсальные и отраслевые. Среди них — «Товарищество М. О. Вольф», издательства А. Ф. Маркса, А. С. Суворина, М. М. Стасюлевича, А. А. Гатцука, Э. Д. Гоппе, Н. П. Карбасникова, П. И. Юргенсона, А. Ф. Девриена, К. Л. Риккера, «Картографическое заведение А. Ильина». Издательства Ф. Ф. Павленкова и Л. Ф. Пантелеева продолжают традиции демократического, «идейного» книжного дела 1860—1870-х гг.

Появляются новые крупные издательские предприятия, сумевшие быстро найти свое место на книжном рынке России. В этой связи можно назвать издательства П. П. Сойкина, В. А. Березовского, «Практическую медицину» В. С. Эттингера.

К середине 1890-х гг. в полную силу разворачивается деятельность И. Д. Сытина.

Академия наук, университеты и научные общества занимают, как и раньше, ведущее место в производстве научной книги. Но обстановка политической реакции, характерная для рассматриваемого периода, противоречиво отразилась на их издательской деятельности. Если в Академии она велась довольно активно, то многие университетские ученые вынуждены были обращаться к услугам частных издательств. К концу столетия начинает все сильнее сказываться отсутствие координационных связей в области книгоиздания между Академией наук, научными обществами, университетами и другими высшими учебными заведениями.

Общественно-политическая ситуация в стране, разочарование части интеллигенции в активной революционной деятельности и — как следствие этого — увлечение просветительством и благотворительностью привели в 1880-х гг. к резкой активизации издания книг для народа — как классических произведений русских и (отчасти) зарубежных авторов, так и особой литературы для низового читателя, приближенной к лубочным изданиям. Особое место среди просветительских издательств занимает в рассматриваемый период издательство «Посредник», нашедшее оптимальные приемы оформления и распространения своих книг.

В структуре российского книжного потока 1880-х — первой половины 1890-х гг. лидируют, как и в предыдущие десятилетия, следующие тематические группы: литература по естественным наукам и медицине (в наших таблицах зафиксированы 15 534 издательские единицы), религиозно-нравственные издания (12 328 ед.), беллетристика (11 200 ед.), литература по общественным наукам — философии, психологии, политической экономии, истории, археологии, этнографии, юриспруденции (10 050 ед.), книги и брошюры по злободневным общественно-политическим проблемам (9 455 ед.) и материалы по вопросам промышленности, торговли транспорта и связи (7 844 ед.). Несколько меняется, по сравнению с 1860—1870-ми гг. только последовательность трех первых групп [2].

В общем потоке печатной продукции все большее место занимают с течением времени нелегальные издания революционных организаций (преимущественно народнического толка). Хотя по сравнению с предыдущим периодом имело место снижение их теоретического уровня, агитационно-пропагандистской литературы (листовок, воззваний, брошюр) выпускалось довольно много. Но читательский адрес ее стал уже: если в 1870-х гг. народническими организациями было опубликовано довольно много специальной литературы «для народа», то в рассматриваемый период их издания предназначались главным образом учащейся молодежи и интеллигенции.

Следует отметить, что нелегальные народнические издания в эти годы широко использовались первыми социал-демократическими организациями. Но главную роль в распространении идей марксизма в России в это период сыграли издания группы «Освобождение труда».

Книжная торговля в столицах, как уже отмечалось выше, развивается в основном в русле тех тенденций, которые наметились в предшествующий период. Растет число книготорговых заведений, углубляется их специализация. Прочные позиции на книжном рынке занимает в эти годы антикварная торговля, которая постепенно формируется как особое направление книгораспространения, ставящее своей задачей не только получение прибыли, но и сохранение культурных ценностей прошлого. Новым является также осознание книготорговой деятельности как особой профессии, требующей специальных знаний. Отсюда — открытие первого в России книготоргового учебного заведения и участие книгопродавцев в профессиональных объединениях русских книжников.

Хотя общий объем провинциального книгоиздания возрастает в эти годы не так сильно, как в предыдущий период — всего в 2,4 раза (а не в 13 раз) [3], в книжном деле российских губерний происходят существенные изменения.

Прежде всего, увеличивается число городов, где печатаются книги. Расширяется их полиграфическая база. Провинциальное книгоиздание остается по преимуществу ведомственным, но частная инициатива заявляет о себе все более и более активно. К губернским статистическим комитетам и земским учреждениям, которые выпускали основную массу печатной продукции, присоединяются в середине 1880-х гг. ученые архивные комиссии.

Количество книготорговых заведений почти удваивается с 1881 г. по 1895 г., но основным типом их в провинции остаются мелкие лавки. По-прежнему ши-

рокое распространение имеет «сопутствующая» торговля книжным товаром. Крупные, хорошо оборудованные магазины имелись далеко не во всех губернских городах. Характерным для рассматриваемого периода является также интенсивное развитие в провинции деятельности земских книжных складов, которые очень много сделали для снабжения книгой сельского населения России.

В 1880-х — первой половине 1890-х гг. продолжается рост читательской аудитории. В стране растет число грамотных людей, и привычка к чтению постепенно распространяется на ранее не интересовавшиеся книгой слои населения. Вместе с тем невозможность обсуждать в печати актуальные вопросы государственной политики, вызванная ужесточением цензурных условий, способствовала формированию у многих взгляда на чтение всего лишь как на средство времяпровождения. Отсюда — предпочтительное внимание к беллетристике, иллюстрированному еженедельнику и газете. «Идейные читатели», стремившиеся найти в книге ответ на животрепещущие проблемы современности, составляли в эти годы меньшинство читательской аудитории.

Подводя итоги, заметим: развитие российского книжного дела в рассмотренное пятнадцатилетие продолжало общее направление, наметившееся в 1860—1870-х гг., которые по справедливости считаются этапными в его истории. Но вместе с тем эти 15 лет явились предвестником тех резких количественных и качественных перемен, которым подверглись все отрасли книжного дела на рубеже XIX и XX столетий. Об этом свидетельствуют постепенный рост количества выпускаемых книг (в названиях), увеличение их тиражей, все более активное участие в книгоиздании провинциальных городов, расширение книжной торговли и совершенствование ее форм, рост библиотечной сети, появление новых типов библиотек, приобщение к чтению новых слоев населения. Как отмечал в свое время Н. А. Рубакин, именно в середине 1890-х гг. в России устойчиво проявил себя новый читатель — фабричный рабочий. Характеризуя те значительные перемены, которые произошли в это время в промышленных центрах страны, Рубакин в статье «Книжный поток» констатировал, что именно в этих центрах и «выдвинулся тот читатель, который явился одним из самых активных потребителей книжного товара»[4]. Напомним также и о том, что новый этап, новое направление в искусстве книги начинает пробивать себе дорогу с середины 1890-х гг.[5] Поэтому 1880-е и первую половину 1890-х гг. можно считать, на наш взгляд, переходным периодом в развитии книжного дела России.

Примечания

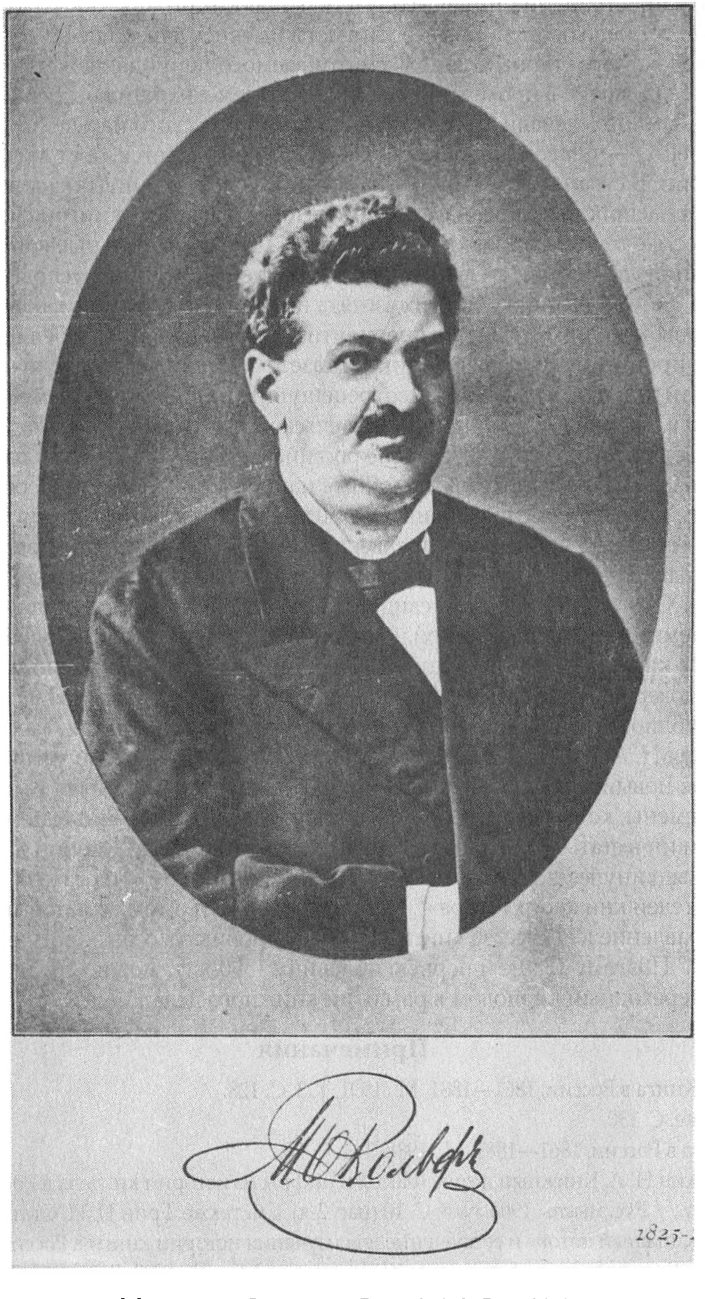
[1] См.: Книга в России, 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 128.

[2] Там же. С. 130.

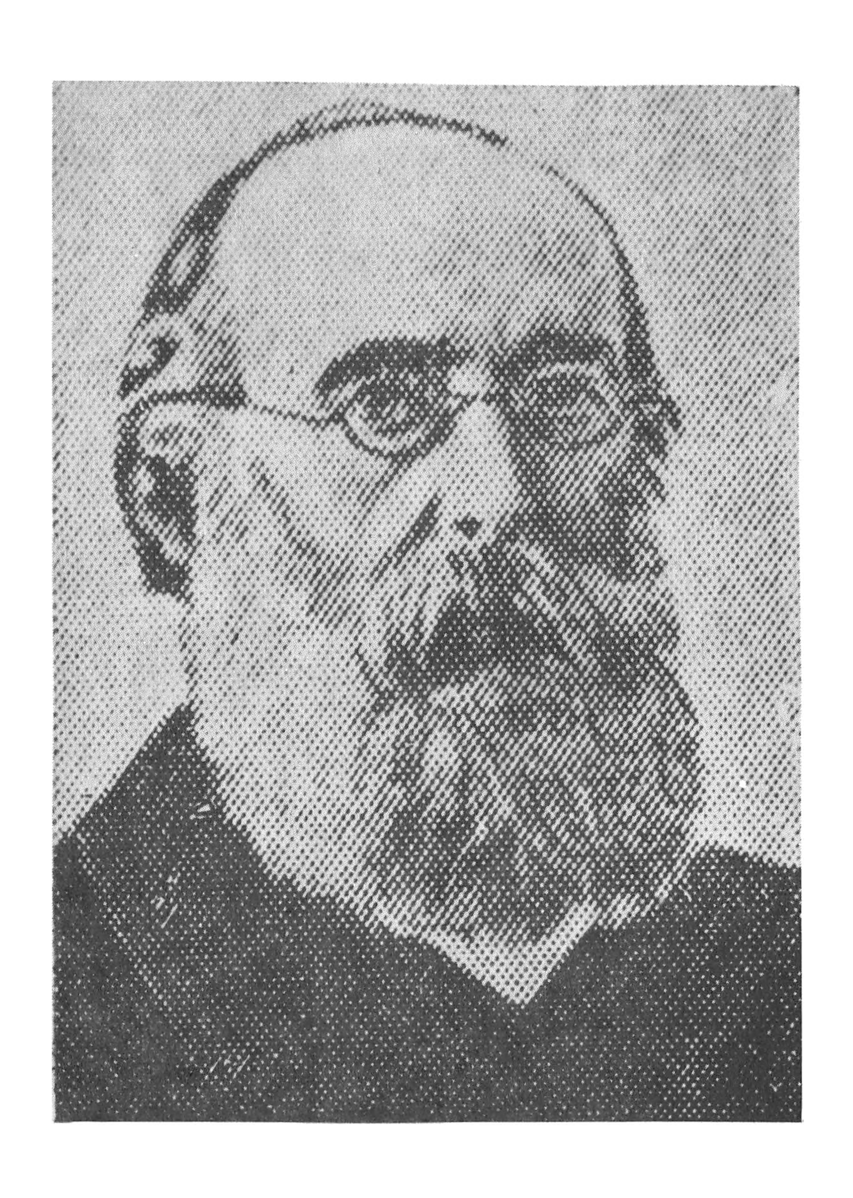
[3] Книга в России, 1861—1881. М., 1988. Т. 1. С. 20.

[4] Рубакин Н. А. Книжный поток: Факты и цифры из истории кн. дела в России за послед. 15 лет // Рус. мысль. 1903. № 3. С. 10 (паг. 2-я). См. также: Грин Ц. И. Статья Н. А. Рубакина «Книжный поток» и ее значение для изучения истории книги в России // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. Л., 1992. Вып. 6. С. 7—109.

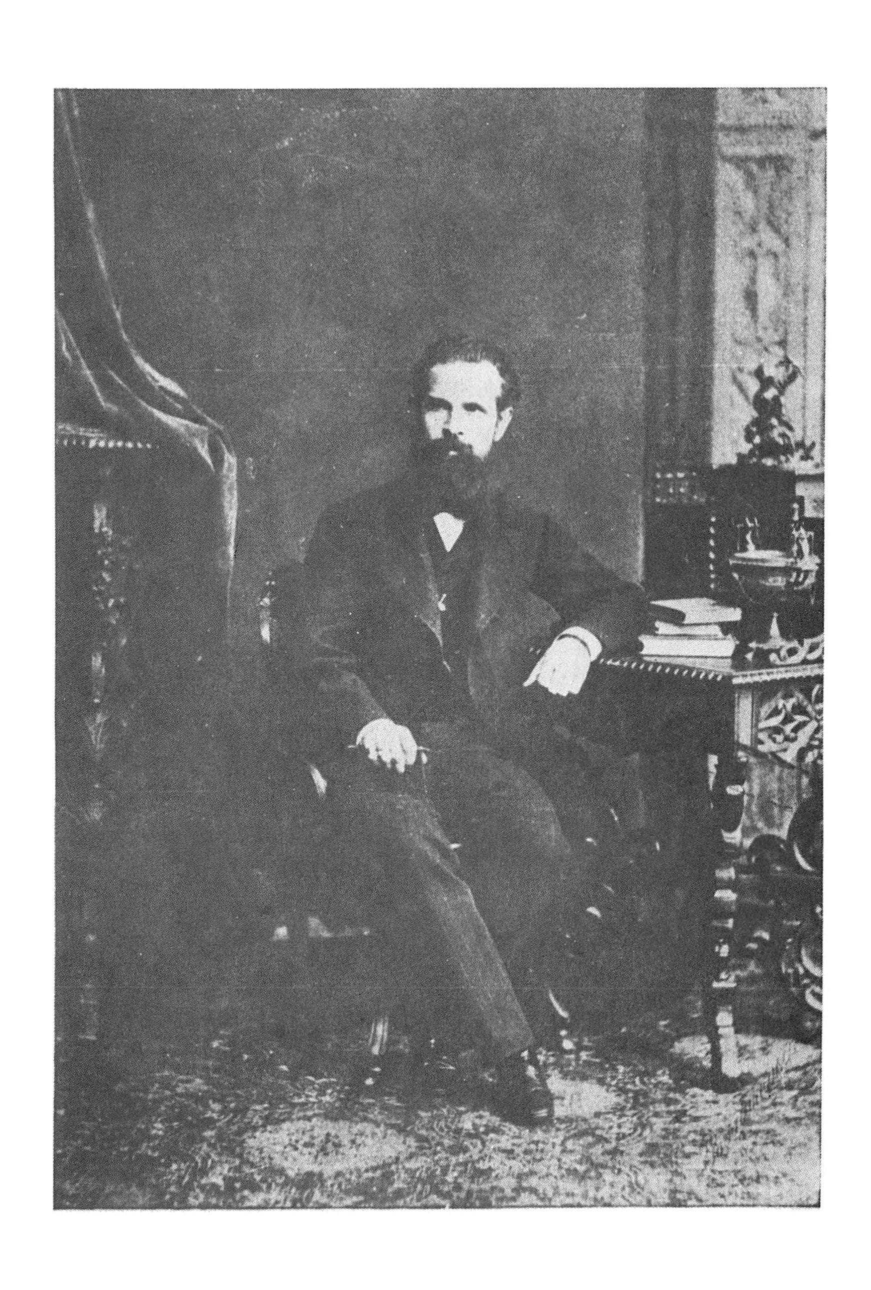
[5] См. с. 4 настоящего издания.

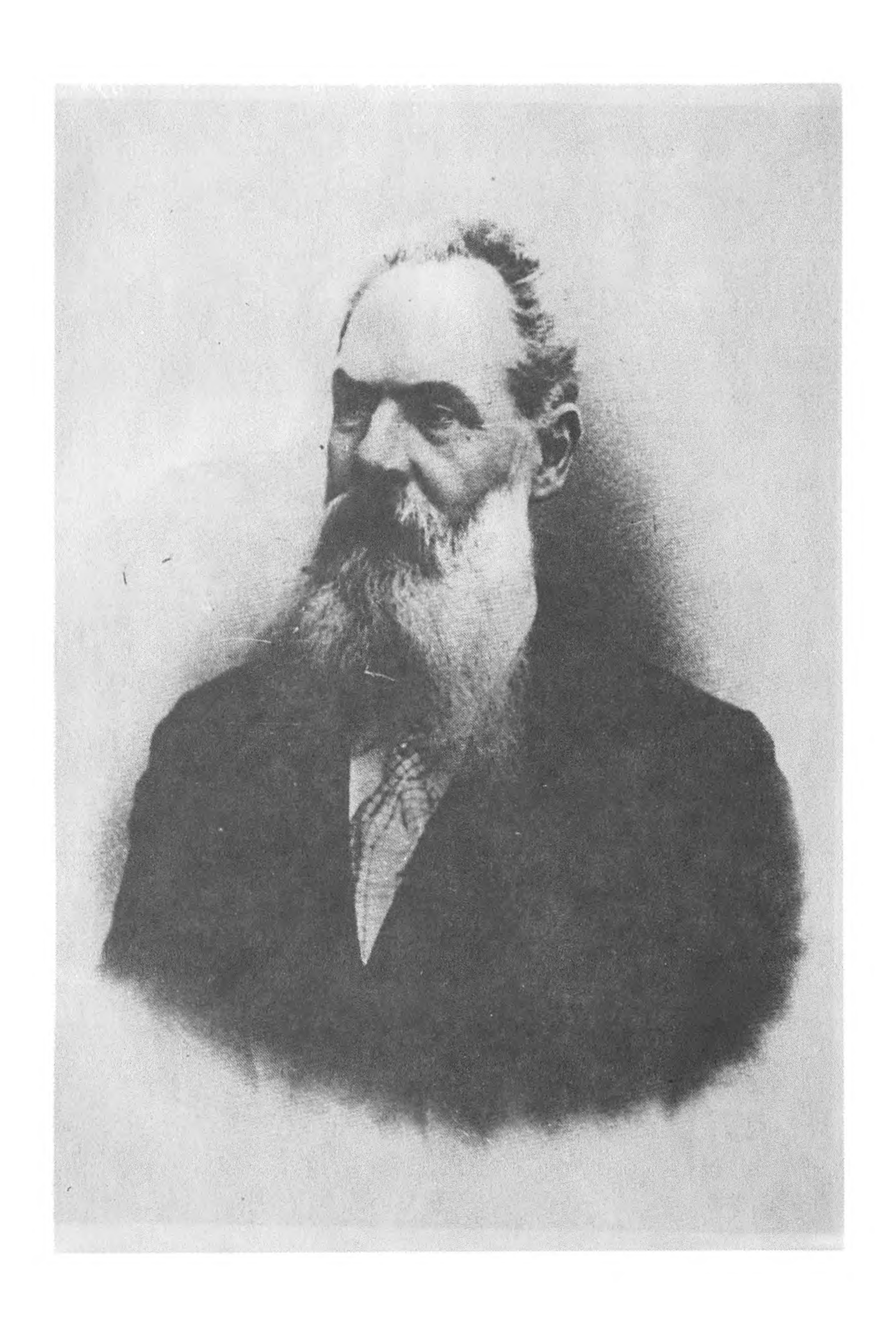
Маврикий Осипович Вольф (1825—1883)

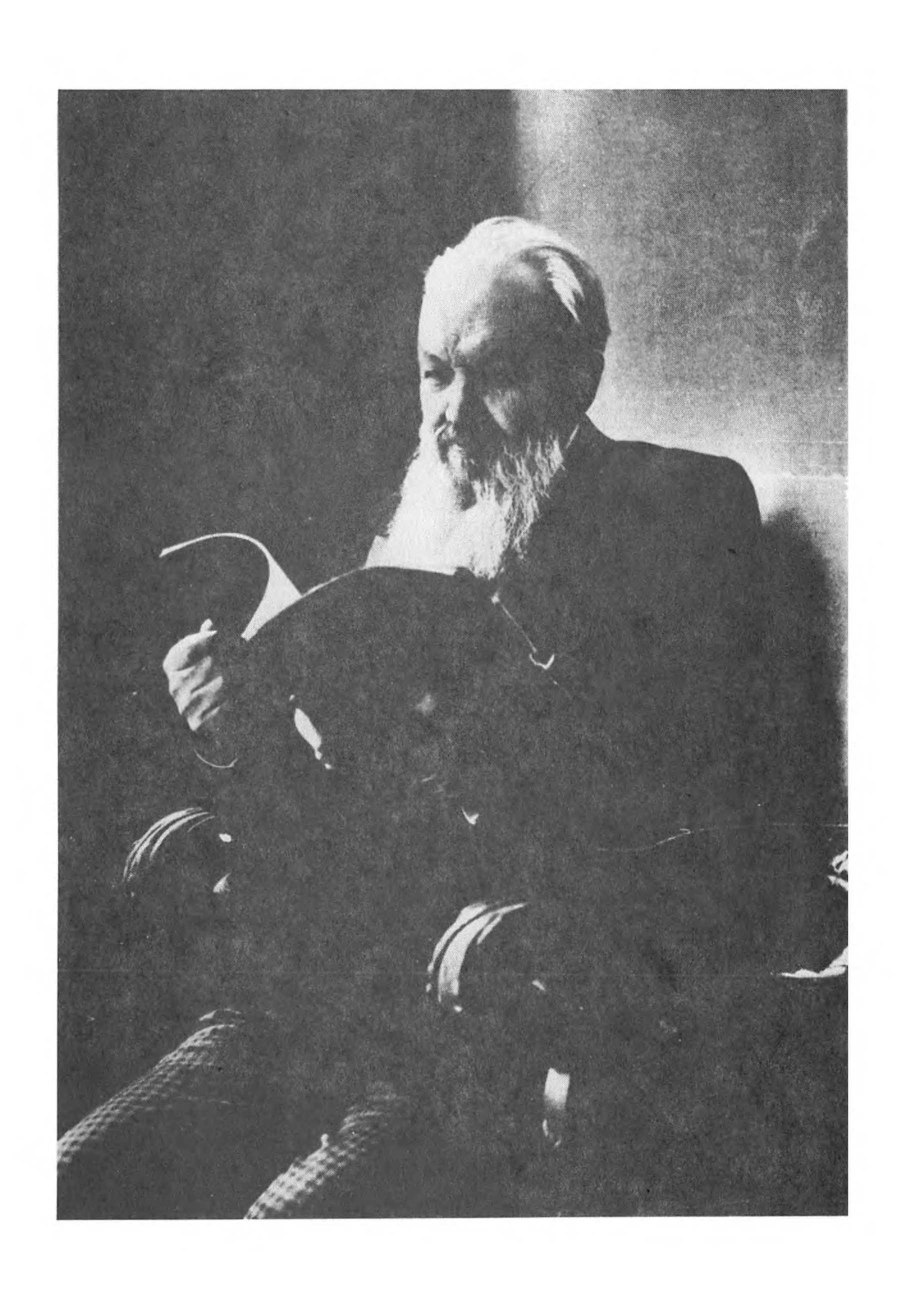
Алексей Алексеевич Гатцук (1832—1891)

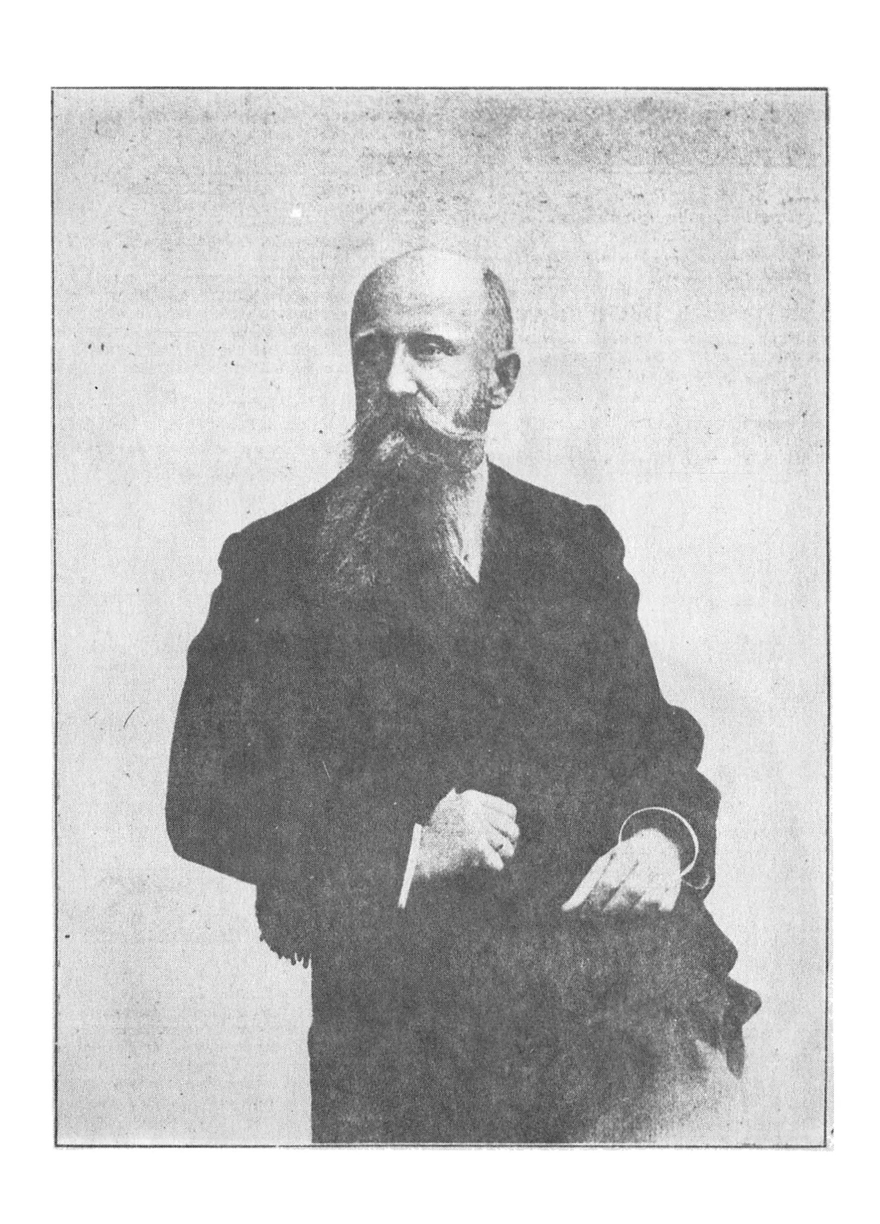
Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911)

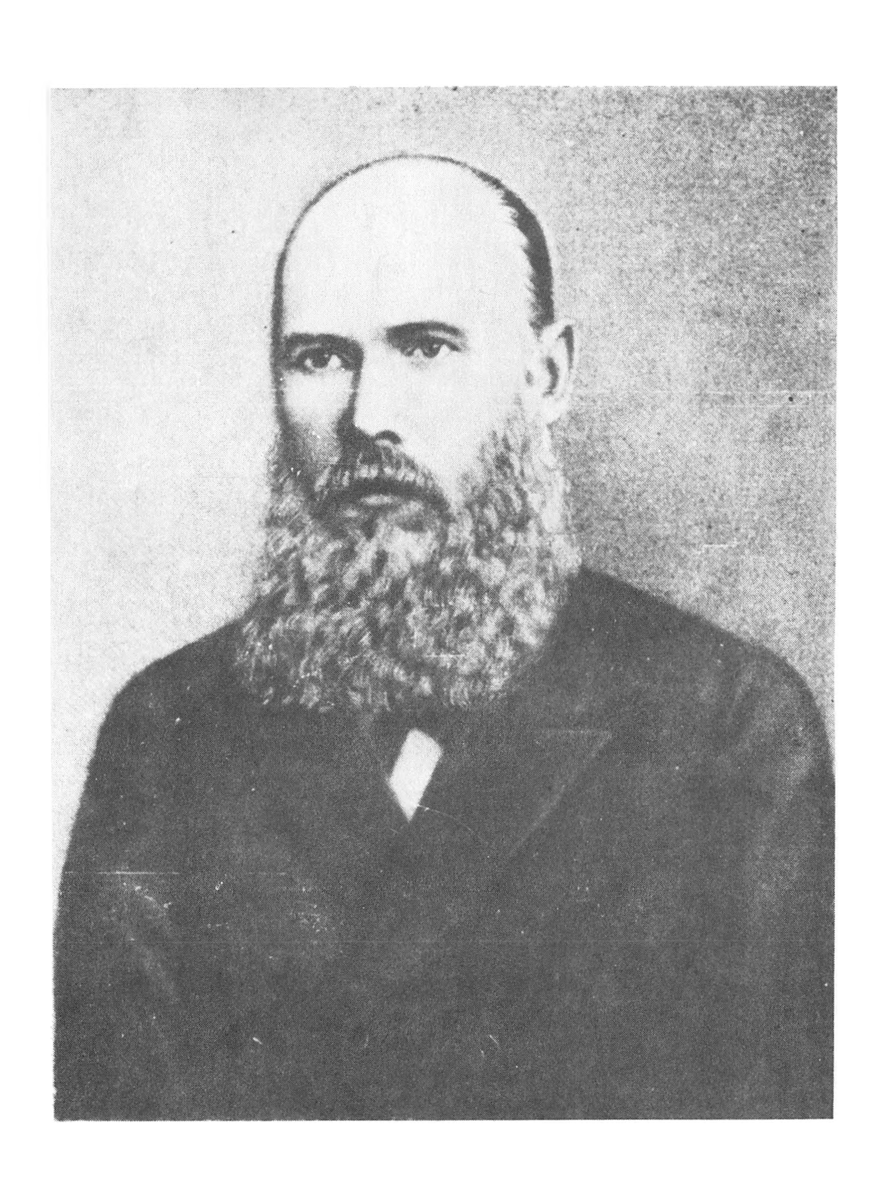
Адольф Федорович Маркс (1838—1904)

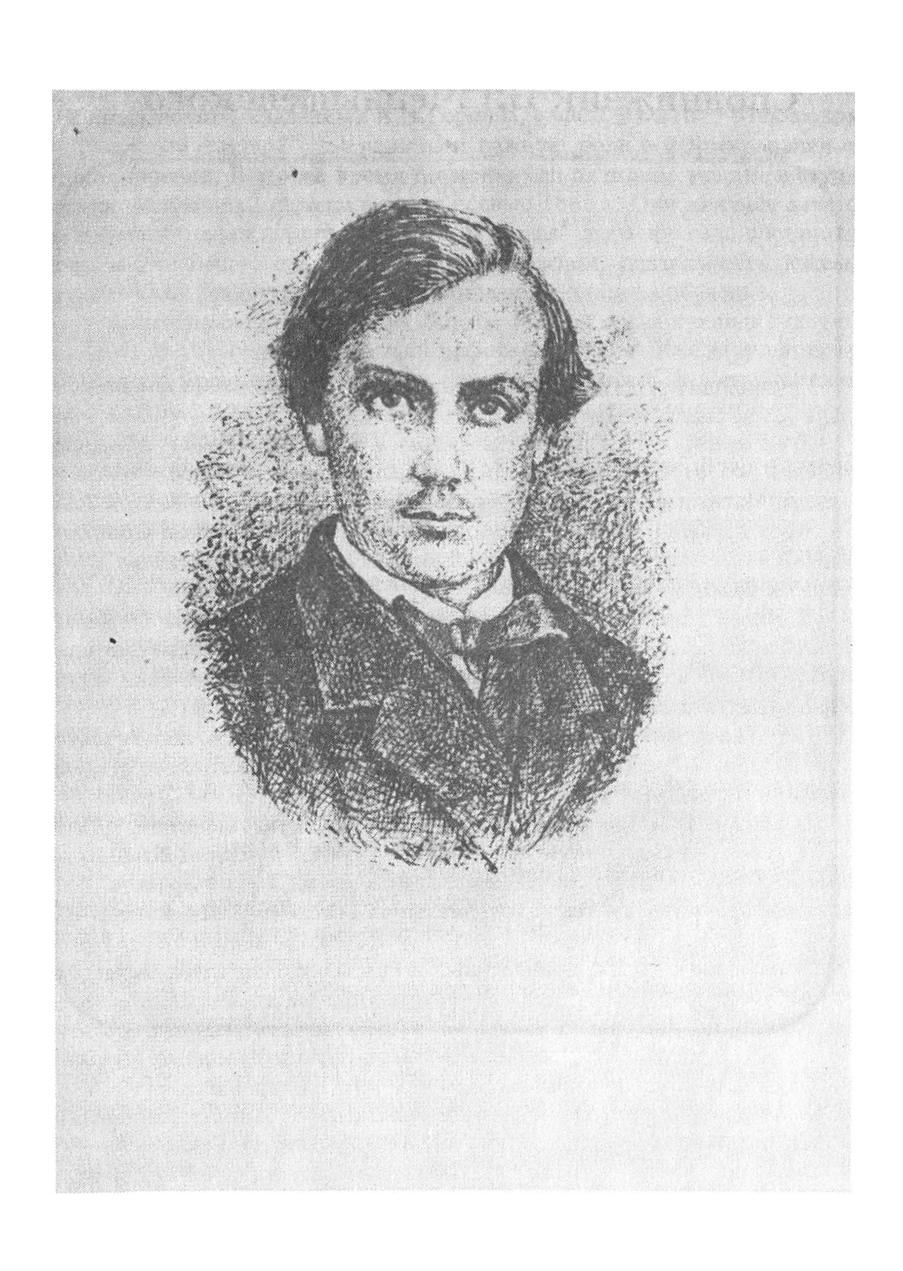
Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912)

Николай Павлович Карбасников (1852—1921)

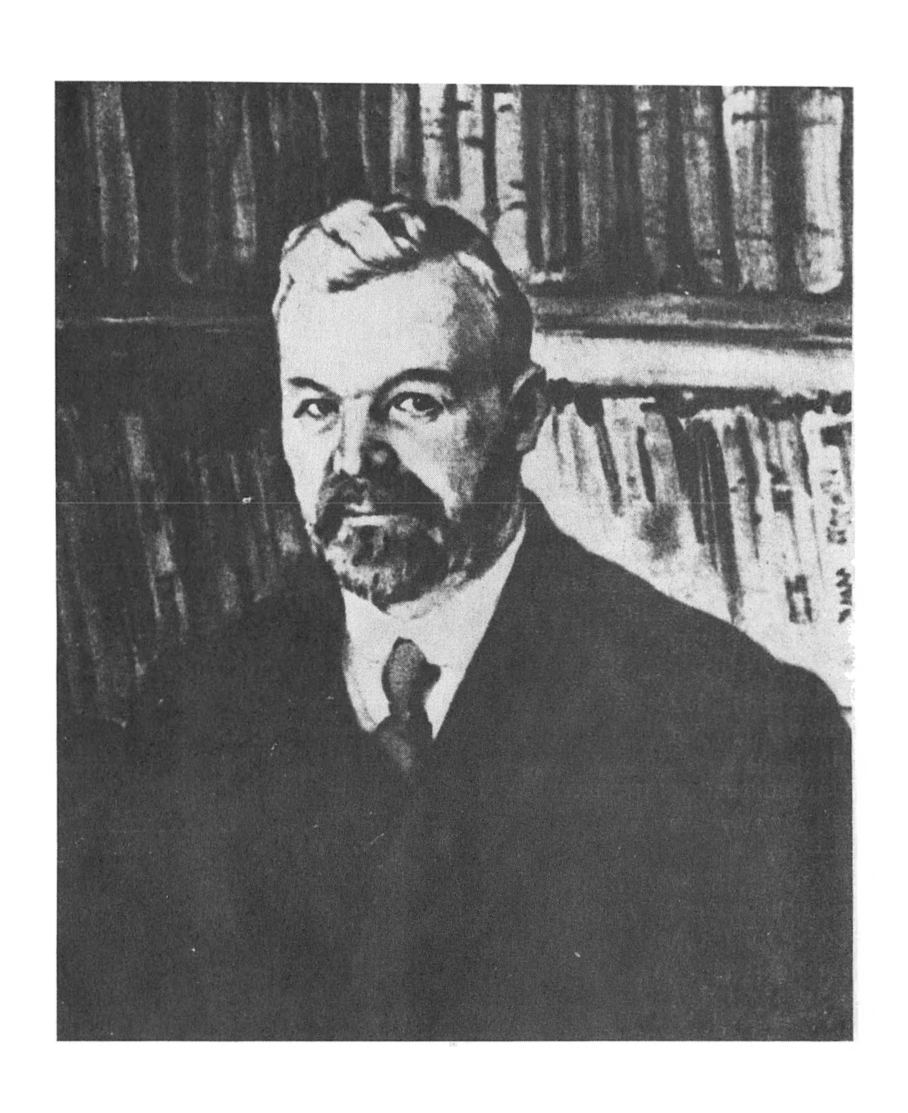
Флорентий Федорович Павленков (1839—1900)

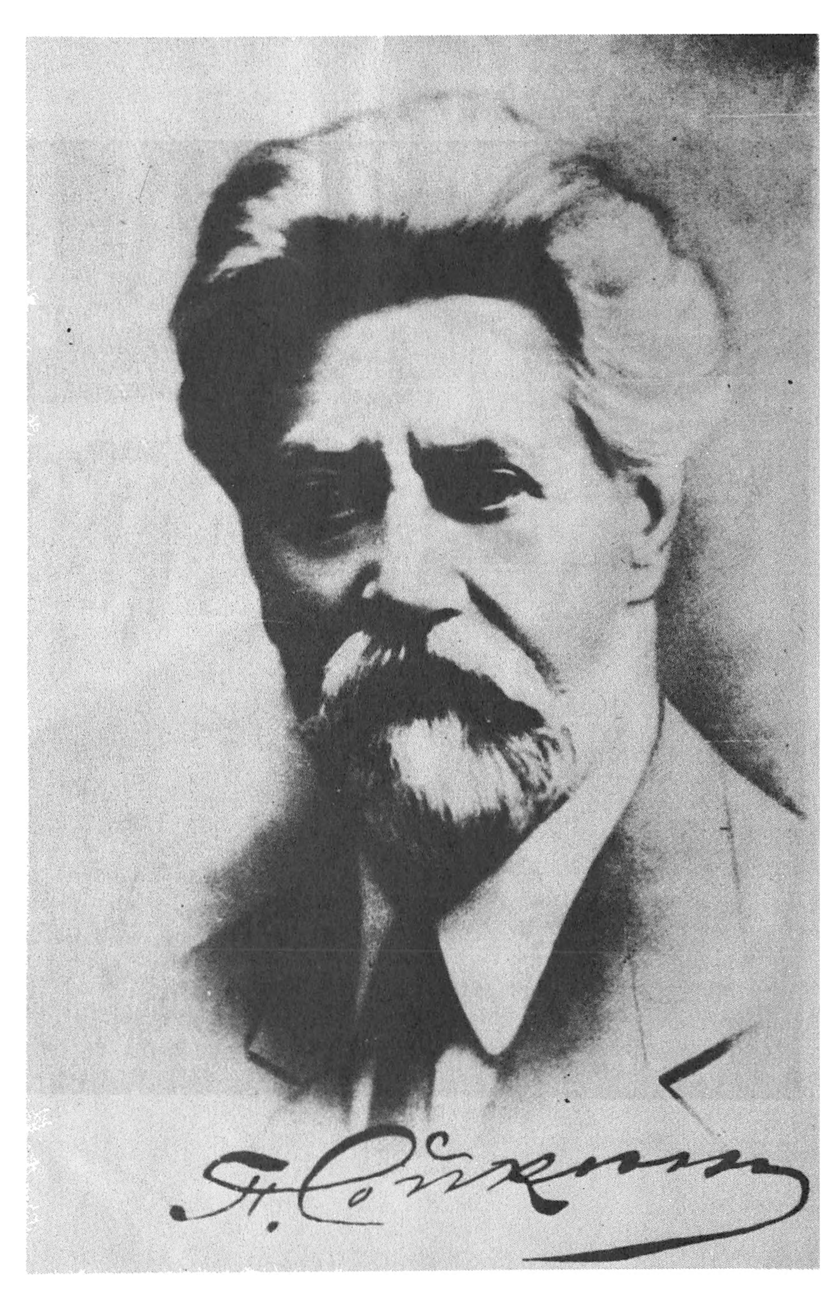
Лонгин Федорович Пантелеев (1840—1919)

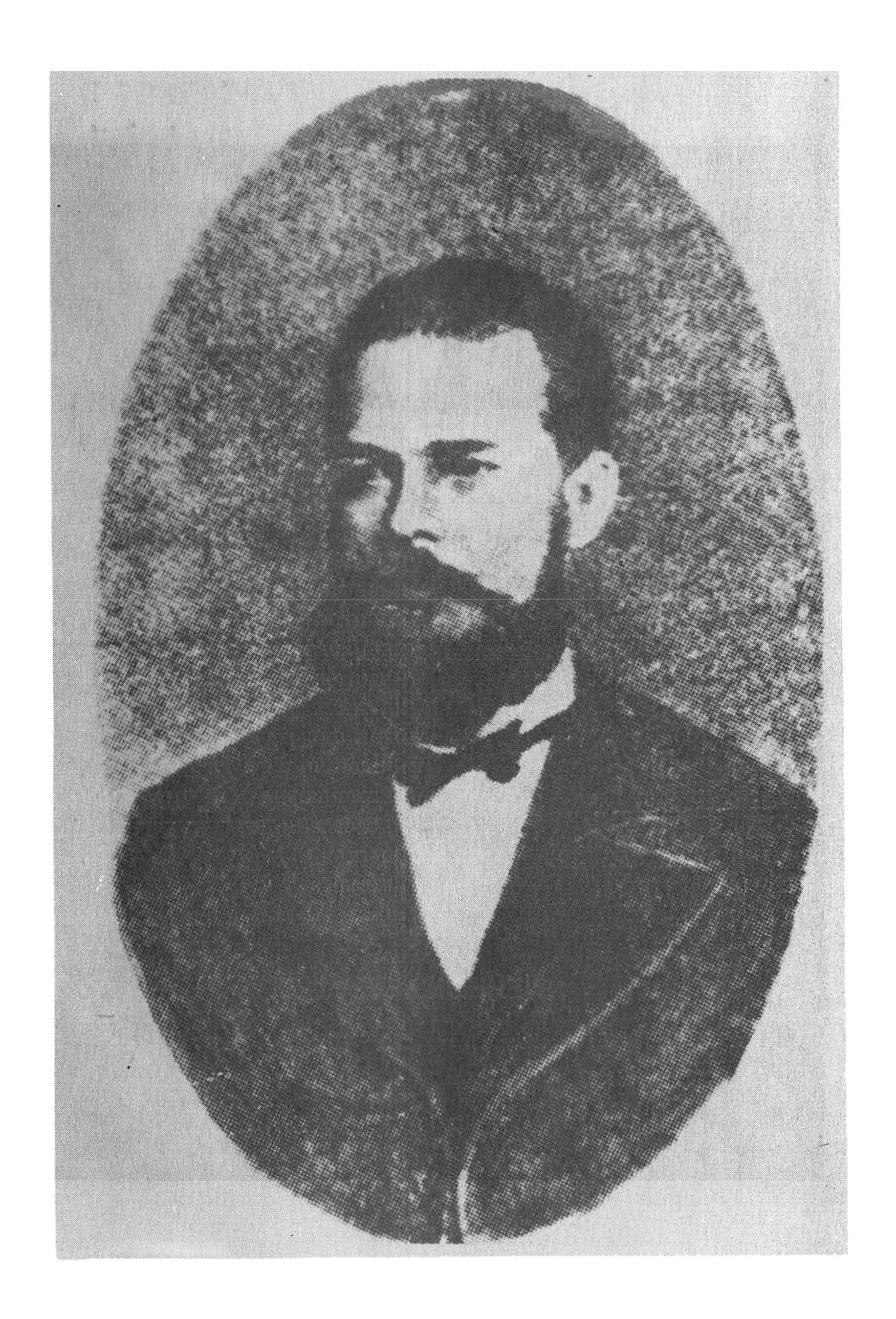
Эдуард Дмитриевич Гоппе
Руководил издательством Германа Гоппе с 1885 по 1914 г.

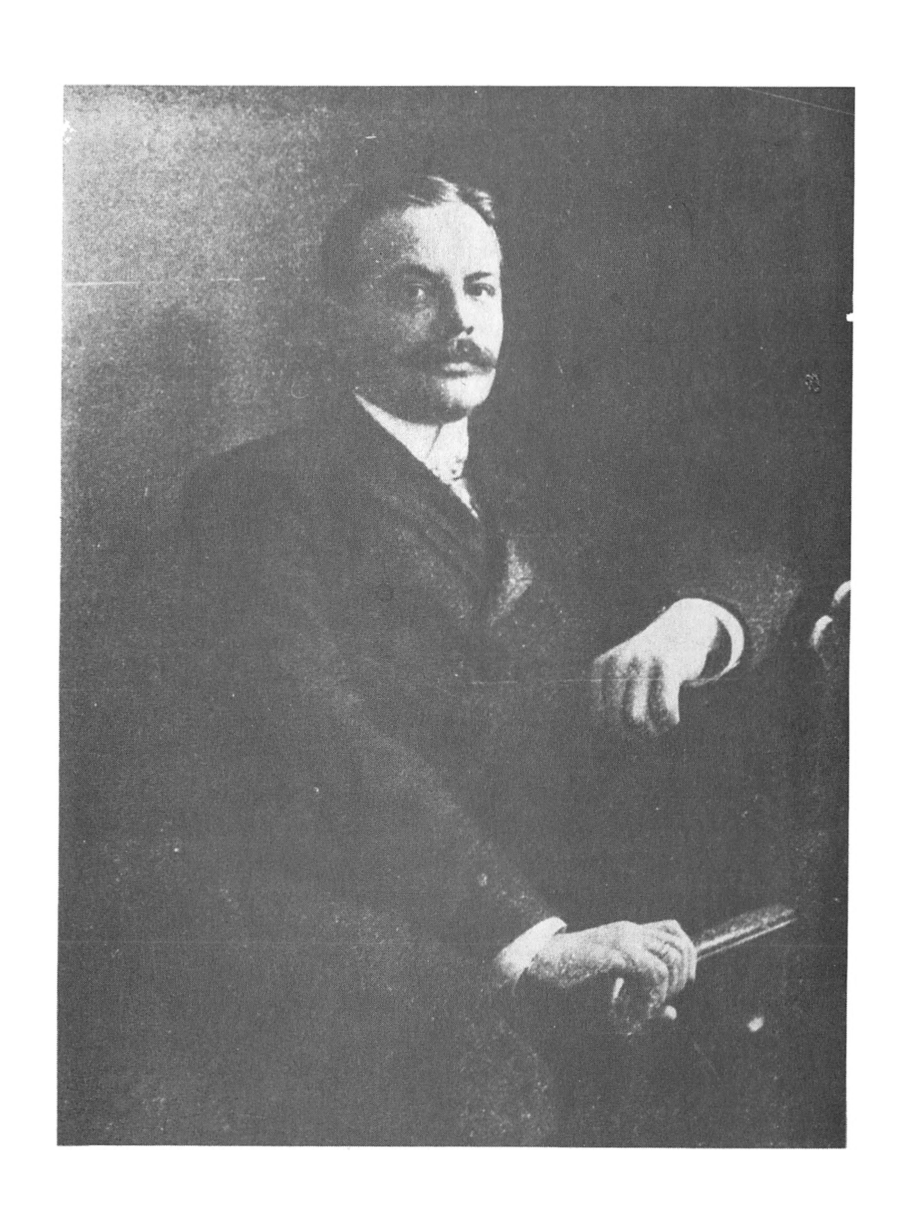
Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934)

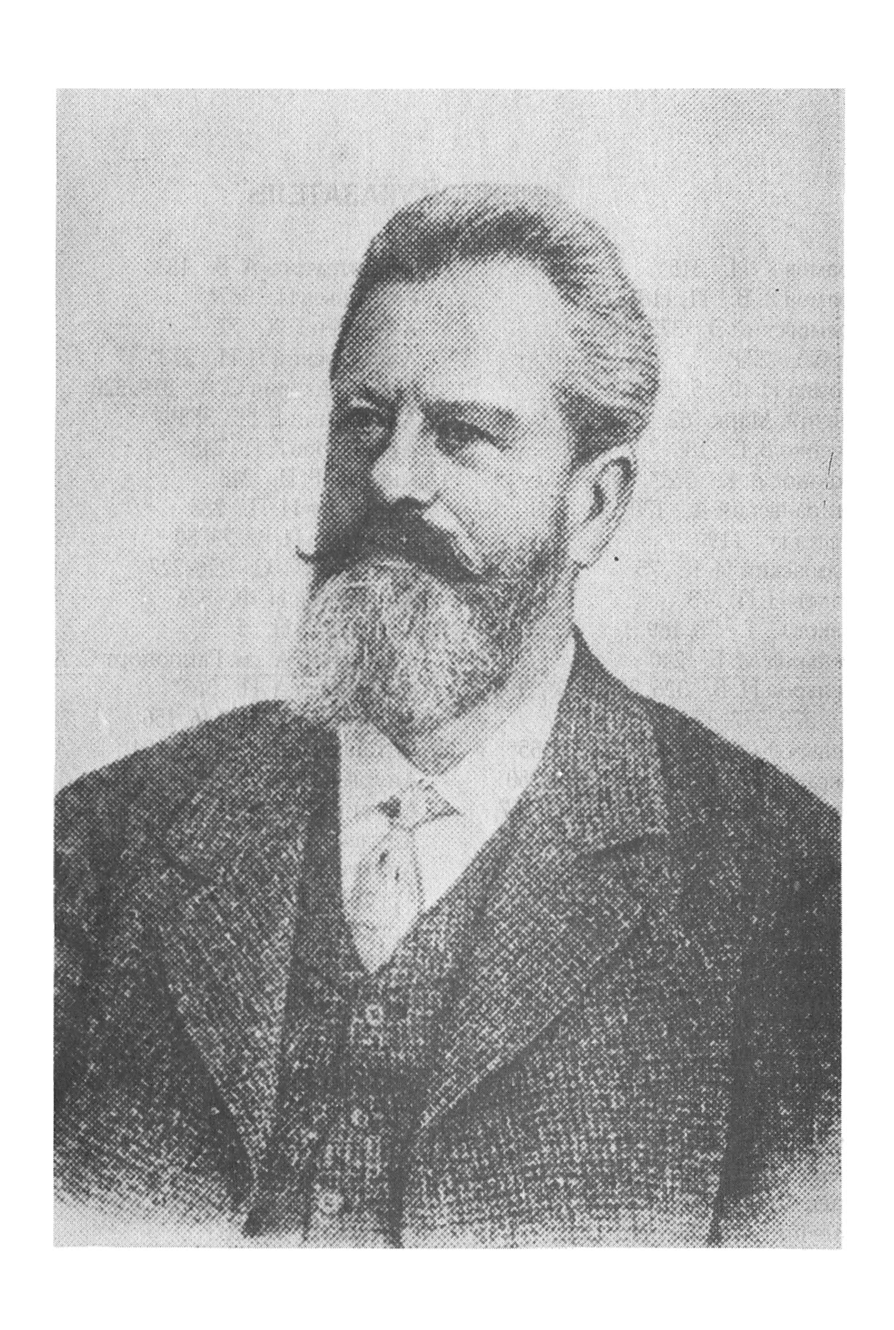
Петр Петрович Сойкин (1862—1938)

Петр Иванович Юргенсон (1836—1903)

Алексей Алексеевич Ильин (1857—1952)

Альфред Федорович Девриен (1842 — после 1918 г.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Цифры, помеченные звездочкой, означают, что сведения взяты из примечаний. Не включены вымышленные имена, имена литературных героев, а также (частично) имена, встречающиеся в названиях промышленных предприятий, учебных заведений и других учреждений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИО	—	Государственный архив Иркутской области
ГАПО	—	Государственный архив Пермской области
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	—	Государственный архив Саратовской области
ГАТО	—	Государственный архив Томской области
ГАЧО	—	Государственный архив Читинской области
ДВГУ	—	Дальневосточный государственный университет
ИРЛИ	—	Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом)
МВД	—	Министерство внутренних дел
ОР	—	Отдел рукописей
ПФА РАН	—	Петербургский филиал архива Российской академии наук
РГА ВМФ	—	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
РНБ	—	Российская национальная библиотека
РО	—	Рукописный отдел
РТО	—	Русское техническое общество
РЦММК	—	Российский центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки
ТФ ГАТюмО	—	Тобольский филиал государственного архива Тюменской области
ЦГА ДВ РФ	—	Центральный государственный архив Дальнего Востока Российской Федерации
ЦГИА СПб.	—	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ДЛЯ ЗАМЕТОК